ДЕНИКИН

Георгий Ипполитов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Антон Иванович Деникин — одна из важнейших и колоритных фигур отечественной истории. Отмеченный ярким полководческим талантом, он прожил нелегкую, полную драматизма жизнь, в которой отразилась сложная и противоречивая действительность России конца XIX и первой половины XX века. Его военная карьера повенчана с такими глобальными событиями, как Русско-японская, Первая мировая и Гражданская войны. Он изведал громкую славу побед и горечь поражений, тяготы эмиграции, скитаний за рубежом. В годы Второй мировой войны гитлеровцы склоняли генерала к сотрудничеству, но он ответил решительным отказом, ибо всю жизнь служил только России.

Издание второе, дополненное и переработанное.

Издательство и автор благодарят Государственный архив Российской Федерации за предоставленные к изданию фотоматериалы.

Составитель фотоиллюстративного ряда Лидия Ивановна Петрушева.

- Георгий Ипполитов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Часть I
    - РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ, НАЧАЛО НАЧАЛ…
    - ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ
    - ЮНКЕР ДЕНИКИН
    - ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
    - АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТРАСТИ
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ И ПУТЬ НАВЕРХ
    - ГРОЗА ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ…
    - НА ВОЙНУ!
    - В ПРЕДБОЕВЫХ ПОРЯДКАХ
    - КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ
    - МУКДЕНСКИЙ КОНФУЗ
    - ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ
    - ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕНИКИН
    - ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ РЕНЕССАНС
    - ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА
    - В КАЗАНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ
    - КОМАНДИР ПОЛКА

- ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ
- НА КРАЮ БЕЗДНЫ
- ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ
- «БЕГСТВО» В СТРОЙ И ПЕРВЫЕ БОИ
- В «ГОД ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ»
- БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ И ПОСЛЕ
- АНТОН И КСЕНИЯ: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

○ Часть II
- 1917 ГОД ГЛАЗАМИ ДЕНИКИНА
- В СТАВКЕ ГЛАВКОВЕРХА
- ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГЛАДИАТОР: ВЫХОД НА АРЕНУ
- ПОЛИТИКА НА КРОВИ
- СТРАСТИ НАКАЛЯЮТСЯ
- РУБИКОН
- УЗНИК СОВЕСТИ
- ВЗОРВАННЫЙ АД
- ДЕЛО НАШЕ БЕЛОЕ…
- РЫЦАРЬ БЕЛОЙ МЕЧТЫ
- БЕЛАЯ БОРЬБА: ИСТОКИ
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР: ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ
- «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ
- КОЛЛАПС И РЕАНИМАЦИЯ
- 2-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД
- КТО ВИНОВАТ? ЧТО ДЕЛАТЬ?
- МАГНЕТИЗМ ВЛАСТИ
- ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
- ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ПЕРВЫЕ ШАГИ
- «ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ!»
- ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВОДЦА
- ГОСУДАРСТВО «ЦАРЯ АНТОНА»: ДИКТАТУРА
- ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ, ВОЛЬНЫЙ ТРУД
- СЕПАРАТИЗМ И ИНТРИГАНСТВО
- ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛОГО ДЕЛА
- ГОРДИЕВ УЗЕЛ
- КОНЕЦ ВСЕМ НАЧАЛАМ

○ Часть III
- ИЗГНАННИКИ
- НА БЕРЕГАХ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА
- БЕЛЬГИЙСКО-ВЕНГЕРСКИЕ СКИТАНИЯ
- В МЕККЕ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ
- В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

- БИТВЫ ПОЛИТИКОВ
- ВОЙНА: КАК БЫТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ?
- ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА
- ИЗ ПАРИЖА — В НОВЫЙ СВЕТ
- ЛЕНТОЧКА МОЯ ФИНИШНАЯ…

○ ПОСЛЕСЛОВИЕ
○ POST SCRIPTUM. MARINA GREY
○ ПРИЛОЖЕНИЯ
- Приложение 1
- Приложение 2
- Приложение 3
- Приложение 4
- Приложение 5
- Приложение 6
- Приложение 7
- Приложение 8
- Приложение 9
- Приложение 10
- Приложение 11
- Приложение 12
- Приложение 13
- Приложение 14
- Приложение 15
- Приложение 16
- Приложение 17
- Приложение 18
- Приложение 19
- Приложение 20
- Приложение 21
- Приложение 22
- Приложение 23
- Приложение 24

○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТОНА ИВАНОВИЧА ДЕНИКИНА
○ БИБЛИОГРАФИЯ
○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190

Георгий Ипполитов
ДЕНИКИН

Марине Антоновне Деникиной, удивительному человеку и славной дочери своего отца, светлой памяти моих родителей, посвящаю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

В. О. Ключевский

Старик умирал…

— Перетерпите эти неприятные дни. Ваш пульс уже лучше, — сказал врач, невольно пряча глаза от пациента.

Больной улыбнулся:

— Не надо доктор, я старый солдат… Пригласите лучше супругу да оставьте нас, пожалуйста, вдвоем.

Вошла жена.

— Вот, Ася, не увижу, как Россия спасется!

— Что ты, все еще будет хорошо!

— Не стоит… Знай только одно: я оставляю тебе и дочери имя без пятен…

Старый солдат оказался прав. Он вдруг прерывисто задышал.

— Что с тобой, мой милый? Доктор!

— Жаль, что не доживу до спасения России…

Жена склонилась к его изголовью.

Старик, сдерживая стон, показывал на сердце:

— Мне больно… — а затем улыбнулся и — умер.

Так 7 августа 1947 года на семьдесят пятом году жизни вдали от любимого им Отечества, в США, завершил свой земной путь генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, бывший вождь Белого движения в Гражданской войне на юге России…

Тот самый Деникин, вокруг которого долгие годы витала не только полуправда, но и большая ложь.

Я рискнул второй раз вынести на суд читателей биографию Антона Ивановича Деникина. Со времени первого издания минуло без малого шесть лет. Накопился новый материал, позволяющий взглянуть несколько под другим углом на деяния Антона Ивановича. Переосмыслены и старые авторские наработки. Сказанное, однако, не означает, что произошел радикальный пересмотр концептуальных подходов к освещению личности и деятельности боевого русского генерала.

Хотя, как сказал в свое время академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, ученый не должен оставаться «пленником своих концепций»…

Исторической персоналией Антона Ивановича Деникина автор данных строк занимается с 1990 года. Итог — около 40 публикаций, различных по жанру, объему, научной значимости, плюс кандидатская и дикторская диссертации, посвященные военной и политической деятельности А. И. Деникина.

Особенно значимой представляется оценка первого издания монографии, данная *Мариной Антоновной Деникиной* (1919–2005), дочерью белого вождя, проживавшей во Франции, в Версале. (В 1920 году, в годовалом возрасте родители увезли ее из России.)

В письме от 6 октября 1998 года дочь генерала сообщила мне, что прочитала монографию «с огромным интересом и некоторой эмоцией». Она также отметила следующее:

«Конечно, не могу согласиться со всеми Вашими выводами, но нашла в этой монографии редкую объективность»[1].

Такие слова принадлежат не просто дочери бывшего вождя Белого движения в Гражданской войне, но еще и известной писательнице и историку, долгое время работавшей журналисткой на Французском радио и телевидении, автору двадцати книг по истории России…

…Мелькают годы, словно километровые столбы. Поезд жизни каждого поколения медленно приближается к своей вечной стоянке, на которой уравниваются шансы всех — и великих, и мелких, и благородных, и подлых.

Но потомкам остается историческая память…

И им далеко не безразлично, какими же именно человеческими качествами обладал тот или иной исторический деятель. Собственно говоря, без такого знания нет самой истории.

Антон Иванович Деникин являлся уникальной личностью с богатейшим внутренним миром. Сегодня трудно репродуцировать его полный психологический портрет. Именно психологические аспекты могут вызвать ожесточенные споры. Ведь в конечном итоге каждый видит то, что желает увидеть.

Пожалуй, самая многочисленная историография — советская. Но ей присуще уникальное своеобразие: советская историография… не писала о Деникине. Здесь нет логического противоречия. Дело в том, что жизнь и деятельность вождя Белого движения освещались главным образом в комплексе с изучением истории революции и Гражданской войны в России. Но историки не рассматривали Деникина в качестве субъекта исторических событий, а изучали «деникинщину» как историческое явление. Вот как, например, истолковывает «деникинщину» «Военно-энциклопедический словарь», изданный в Воениздате в 1984 году.

Справка

«Деникинщина — режим белогвардейской контрреволюционной диктатуры в 1918/20 на Сев. Кавказе и Украине. Установлен ставленником Антанты ген. А. И. Деникиным. Ему принадлежала вся полнота военно-политической, административной и судебной власти. Политической опорой Деникина стал блок кадетов и октябристов, который поддерживали эсеры и другие контрреволюционные партии, военной — „Вооруженные силы Юга России“. После провала наступления Деникина на Москву деникинщина пала (март 1920) под ударами Красной Армии».

Здесь много правды, но не вся. И вообще, категория «деникинщина» — не научна. Это — пропагандистское клише. По моим подсчетам, по проблемам «деникинщины» в 20—80-е годы минувшего века было издано свыше 100 работ, различных по объему, жанру, научной значимости. Естественно, что анализ «деникинщины» был политизированным, поэтому достоверного образа Антона Ивановича Деникина в этих сочинениях читатель не найдет.

Своей необъективностью, односторонностью страдала и белоэмигрантская историография. Она развивалась в сложных экономических, социально-политических и психологических условиях, связанных с поражением Белого движения в Гражданской войне и потерей Отечества огромным количеством его участников. Белоэмигрантская историография была в конфронтации с советской. Тенденциозность в трудах о Деникине просматривается в ней невооруженным глазом.

Пожалуй, наиболее полно освещается жизнь Деникина в зарубежной историографии. Безусловно, одной из самых неординарных публикаций является книга бывшего добровольца Дмитрия Леховича «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина», изданная в Нью-Йорке в 1974 году. Автор анализирует жизненный путь, взгляды, убеждения, причины крушения идей своего героя. Лехович представляет при этом свою версию исторических событий в России. Он не восторгается генералом, стремится быть объективным в оценке его деяний. Характерная деталь: в книге, написанной в период «холодной войны», в суждениях автора отсутствует зоологическая ненависть к большевикам.

Д. Лехович, сам видевший ужасы Гражданской войны, понимает, что все происшедшее в России в 1917–1920 годах — не

что иное, как безумие братоубийства. Эти мысли из глубин подсознания бывшего добровольца прорываются на страницы его книги. В конечном счете, наряду с вождем Белого движения генералом Деникиным, главным героем книги становится сама Россия[2].

Важное место занимает произведение дочери генерала Марины Грей[3] «Мой отец генерал Деникин», изданной в Париже в 1985 году и переведенной на русский язык в 2003 году. Наиболее ценные страницы освещают жизнь Деникина в эмиграции, особенно в период немецкой оккупации Франции. Правда, в работе Марины Антоновны сильны элементы субъективизма. Они вполне естественны для подобного рода трудов. Но в данном случае субъективизм усиливается дочерней любовью к отцу, которая чувствуется в каждой строчке книги. Непреходящую ценность имеет эпистолярное наследие Антона Ивановича, которое ввела в научный оборот его дочь в своих воспоминаниях[4].

Большой интерес представляют труды П. Кенеза, одного из ведущих американских историков Гражданской войны в России. Он автор двух монографий и нескольких статей о Белом движении на Юге России. Ученый пытается объяснить причины поражения белых, крах генерала Деникина как военачальника и политика[5].

Постсоветская историография о Деникине развивается в радикально изменившихся условиях. Главное заключается в том, что историки получили долгожданную творческую свободу. Правда, профессионально воспользоваться ее могут пока не все.

В 1993 году вышла книга В. В. Рыбникова и В. П. Слободина «Белое движение в годы гражданской войны: сущность, эволюция и некоторые итоги». Это первый в постсоветской историографии научный труд, выполненный с новых методологических подходов. Авторы классифицируют генерала Деникина как крупную военно-политическую фигуру в истории революции и Гражданской войны. Ученые подчеркнули некоторые значимые черты морально-психологического облика Антона Ивановича[6].

Много внимания уделено освещению политической деятельности Деникина в 1918 году в монографии В. П. Федюка «Белые. Антибольшевистское движение на Юге России», изданной в 1996 году. Книга написана на обширной источниковой базе, ядро которой составляют архивные документы. Автору особенно удалось показать начальный этап взаимоотношений Деникина с Антантой[7].

В другой монографии Федюка, написанной в соавторстве с А. И. Ушаковым, «Белый Юг, ноябрь 1919 — ноябрь 1920»,

скрупулезно освещены многие аспекты деникинской единоличной диктатуры на белом Юге России[8].

В написании биографии Антона Ивановича Деникина я опирался на огромное количество источников. Самое пристальное внимание уделялось архивным документам, ибо только они могут выступать своего рода «арбитрами достоверности». Они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Автор искренне признателен сотрудникам этих архивов за помощь в поиске необходимых документов.

Не осталось без внимания и литературное наследие генерала. Его самое крупное произведение — «Очерки русской смуты»[9]. Уже само название томов[10] показывает, что автор охватил масштабные проблемы. Не менее важными представляются мемуары Деникина «Путь русского офицера». К большому огорчению, незаконченные[11].

Уникальные материалы для книги почерпнуты из личного общения с М. А. Деникиной летом 2004 года.

Автор учел критические замечания и пожелания, высказанные по поводу первого издания книги. Особенно ценные рекомендации дали ученые, специализирующиеся на военной проблематике истории нашего Отечества: *Вячеслав Викторович Рыбников, Ренат Саетгалиевич Мулюков, Владимир Петрович Измайлов, Владимир Прокопьевич Семин, Сергей Николаевич Полторак, Валерий Яковлевич Ефремов, Геннадий Михайлович Ганчар, Андрей Федорович Медвецкий,* а также ветеран Вооруженных сил СССР полковник в отставке *Александр Аркадьевич Попейко.*

Нашел я «рациональное зерно» в советах моей жены *Надежды Валентиновны* и дочери *Анастасии.*

И все же автор в конечном итоге написал глубоко личностный эскиз портрета генерала Деникина. Не случайно в нем некоторые черты Антона Ивановича дорисованы по интуиции, по логике событий. Предвижу возражения, критику, дискуссии. Полемики не хотелось бы, но появится и она. Ведь разработка колоритной исторической персоналии — вечная *terra incognita*[12]. Наивно было бы претендовать на абсолютную истину, давая оценки деяниям своего героя: суд людской призрачен, суд истории вечен. Он все и расставляет по своим местам…

Естественно, что данной биографией не исчерпываются

возможности для исследования жизни и деятельности генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. Полагаю, что на данном интеллектуальном поле есть место и научным, и научно-популярным, и литературным, и публицистическим изысканиям. Будут сталкиваться различные точки зрения, вводиться в литературный и научный оборот новые документы и материалы.

Ну что ж, уважаемый читатель, путешествие по волнам исторической памяти начинается. Машина Времени подана. Занимаем места. Первая остановка — 30-е годы XIX века.

Часть I
ПОД КРЫЛЬЯМИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ.
Не дает ответа.

Н. В. Гоголь

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ, НАЧАЛО НАЧАЛ…

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Заповедь Божья

Иван Ефимович, поднявшись из-за праздничного стола, подошел к детской кроватке, где барахтался шустрый малыш. На суровом лице старика мелькнула улыбка:

— Лиза, иди сюда!

— Чего тебе, Ефимыч?

— Смотри, жена моя, какого ты мне на старости лет красавца богатыря подарила! Давай погадаем по старому поверью, что ждет сына моего?

Елисавета Федоровна согласилась. Разложили на подносе крест, детскую саблю, рюмку и книжку и поднесли к ребенку. К чему первому малыш притронется, то и предопределит его судьбу. Мальчик тотчас же потянулся к сабле, поиграл рюмкой, а прочего ни за что не захотел коснуться.

Иван Ефимович громко рассмеялся:

— Ну, думаю, дело плохо: будет мой сын рубакой и пьяницей.

Вспоминая рассказ своего отца о гадании, Антон Иванович Деникин на склоне лет писал:

«Гадание сбылось и не сбылось. „Сабля“ действительно предрешила мою жизненную дорогу, но и от книжной премудрости я не отрекся. А пьяницей не стал, хотя спиртного вовсе не чуждаюсь. Был пьян раз в жизни — в день производства в офицеры».

Воистину, пути Господни неисповедимы…

«Сим с приложением церковной печати свидетельствую, что в метрической книге Ловичской приходской Предтеченской церкви за 1872 год акт крещения младенца Антония, сына отставного майора Ивана Ефимовича Деникина, православного исповедания, и законной жены его, Елисаветы Федоровой, римско-католического исповедания, записан так: в счете родившегося мужеска пола № 33-й, время рождения: тысяча восемьсот семьдесят второго года, декабря четвертого дня. Время крещения: того же года и месяца декабря двадцать пятого дня.

На подлинном подписал: Настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Венъямин Скворцов».

Этим казенным языком было отмечено появление на свет и крещение в православную веру Антона Ивановича Деникина, человека, которому история отвела одну из ведущих ролей в судьбоносных для России событиях. Хотя его крестили в Ловиче, родился он 4 (16) декабря 1872 года[13] в городе Влоцлавске Варшавской губернии. Вернее, в пригороде его за Вислой — в деревне Шпеталь Дольный, в семье Ивана Ефимовича Деникина и Елисаветы Федоровны Вржесинской. Это была добропорядочная семья.

Как-то великий философ Ф. Ницше заметил, что мать — святое, а отец — почти всегда случайность. Трудно что-нибудь возразить мыслителю. И будет правильным начать рассказ о родителях Деникина с его матери. К сожалению, нам мало что известно о ней. Но все же.

Елисавета Федоровна Вржесинская — полька, происхождением из города Стрельно, который в описываемые времена в результате разделов Польши принадлежал Пруссии. Ее родители — обедневшие мелкие землевладельцы. Судьба занесла Елисавету Федоровну в пограничный город Петраково, где она добывала для себя и для старика, своего отца, средства к жизни шитьем. Там она и познакомилась с будущим мужем.

Антон Иванович очень любил свою мать. Он был с ней в долгой разлуке, длиною в два года, всего лишь два раза в жизни: в период обучения в военном училище и в годы Первой мировой войны. Мать жила с сыном со времени его производства в офицеры до конца своих дней. Смерть настигла Елисавету Федоровну в Киеве в 1916 году. В это время тот, кого она взрастила, воевал, заработал репутацию талантливого боевого генерала и командовал уже корпусом.

Намного больше сведений об отце Деникина — Иване Ефимовиче, судьба которого во многом типична для поколения XIX столетия.

Он родился за семь лет до нашествия Наполеона на Россию, в 1807 году, а умер в 1885 году. На семьдесят восемь лет жизни Ивана Ефимовича выпали и позор крепостного права, и триумф русского оружия (Отечественная война 1812 г.), и его трагедия (Крымская война), и реформы Александра II и контрреформы Александра III.

Золотой век России. Век расцвета и начала заката Российской империи.

Судьба распорядилась так, что отец будущего генерала родился в семье крепостного крестьянина. Тянул Ефим Деникин крепостную лямку в имении помещика в Саратовской губернии да воспитывал трех детей. Третьего, младшего сына звали Иваном.

Вероятно, прожил бы сын свою жизнь, как и отец. Но в судьбе Ивана, не по его воле, произошел крутой поворот: двадцати семи лет от роду он был сдан помещиком в рекруты. Это была трагедия!

Рекрутская повинность, как система комплектования армии царской России, введенная Петром I в 1705 году, была тяжким бременем. Рекруты, попавшие, как тогда говаривали «под красную шапку», навсегда рвали по живому родственные связи. Не избежал этой участи и Иван Ефимович. Его родители, правда, умерли раньше, чем забрили сына в рекруты. Но брат и сестра служивого разбрелись по свету. Где они, живы ли — Иван не знал. Только однажды, во время продвижения полка по России, судьба занесла его в тот город, где, как оказалось, жил его брат, удачно «вышедший в люди». Обрадовался служивый, пошел на квартиру брата, который в тот день собирал званый обед. Жена брата вынесла, однако, родственнику прибор на кухню, не пустив в покои. Встал солдат и ушел не простившись. С той поры братья никогда не встречались.

Что ж, знакомые картинки русского быта — «из грязи в князи».

Начал службу ратную Иван Деникин во времена Николая I, которого в народе прозвали Николаем Палкиным. Солдаты были тогда, как никто другой, унижены и оскорблены. За незначительные проступки их могли подвергнуть различным формам телесных наказаний: от самых изуверских — кнутом, плетьми, шпицрутенами до розог, считавшихся самой легкой формой истязания. Наиболее страшное мучение — «прогнать сквозь строй», когда жертву вели между двух шеренг солдат, стоявших лицом друг другу, и каждый бил осужденного по спине шпицрутеном. За недостаточно сильный удар солдат мог разделить участь того, к кому он проявил милосердие, опуская на его спину орудие пытки. Такая экзекуция нередко заканчивалась смертью несчастного служивого. Иван Ефимович, рассказывая сыну об ужасах «прогонов сквозь строй», производивших на мальчика жуткое впечатление, заканчивал свои печальные повествования, по словам Антона Ивановича, с эпическим спокойствием, без злобы и осуждения и с обычным рефреном: «Строго было в наше время, не то, что ныне!»

За тридцать пять лет в строю Иван Ефимович Деникин повидал немало городов и стран. Принимал участие в Венгерском походе 1849 года, когда по просьбе императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа в апреле на территорию Венгрии были введены русские войска для подавления национально-освободительного движения. Крымская война 1853–1856 годов застала его

фельдфебелем. К сожалению, кроме сухих записей в «Указе об отставке майора Деникина», никаких свидетельств его службы в то время мы не имеем. Скорее всего, он не был на передовой…

После 22 лет суровой солдатской службы Ивана Ефимовича вновь ждал крутой поворот судьбы. Он решил подать рапорт по команде на сдачу экзаменов на первый армейский обер-офицерский чин прапорщика[14]. Со времен Петра Великого выходцы из низших слоев имели возможность стать офицерами в трех случаях: за боевые отличия; после окончания какого-либо военно-учебного заведения; после сдачи экзаменов на офицерский чин. Не только закон, но и традиции офицерского корпуса, который никогда не отличался ярко выраженным сословным характером, этому не препятствовали. В 1856 году Иван Ефимович с честью выдержал экзамен на офицерский чин, сдав, по существовавшему тогда порядку, чтение и письмо, четыре правила арифметики, военные уставы, письмоводство и Закон Божий, и в 49 лет стал прапорщиком. Тогда же получил назначение на службу в Калишскую бригаду пограничной стражи, а затем, после ее разделения на две части, — в Александровскую. Так оказался в Польше, где эта бригада тогда базировалась.

В те времена стража исполняла не только пограничную, но отчасти и военно-полицейскую службу. Этим объясняется непосредственное участие Ивана Ефимовича в подавлении восстания в Польше в 1863–1864 годах.

Скорее всего, отрядный офицер поручик Деникин не знал политической подоплеки восстания. Но он был офицером, верно служившим царю и Отечеству. Ему пришлось принять первый удар вооруженных сил польских повстанцев на русско-прусской границе. И сражался с мятежниками он доблестно. Поручик Деникин получил чин штабс-капитана и орден Станислава III степени с мечами и бантом. И было за что.

В мае 1863 года отряд мятежников до 200 человек пеших И конных под предводительством Рачковского во втором часу ночи внезапно атаковал небольшой гарнизон пограничного поста Пловки, состоявший из 40 объездчиков и 45 стражников. Пограничники выставили 60 человек против Поляков, наступавших широкой цепью, а 25 оставили в резерве. Завязалась перестрелка, длившаяся около полутора часов. Заметив нерешительность повстанцев, командир пограничного отряда приказал Деникину, своему отрядному офицеру, разделить резерв на две части, перебросить их на фланги неприятеля и одновременно открыть огонь. Маневр поручик Деникин успешно осуществил. Повстанцы, думая, что попали в окружение, обратились в бегство. Со стороны пограничников убитых не

оказалось.

Но не только воинскую доблесть и мастерство продемонстрировал в это время отец будущего вождя Белого движения. Он показал в экстремальных ситуациях свои лучшие человеческие качества.

Иван Ефимович стал обладателем информации о том, что в одном из приграничных имений, с владельцем которого он был в дружеских отношениях, происходит секретное заседание съезда заговорщиков. Деникин взял взвод пограничников и расположил в укрытии возле господского дома с кратким приказом:

— Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Зная расположение комнат, прошел прямо в зал. Увидел много знакомых. Общее смятение… Кое-кто попытался Деникина обезоружить, но его удержали. Иван Ефимович обратился с речью к собравшимся:

— Зачем вы тут — я знаю. Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придет время драться с вами, тогда уж не взыщите. А только затеяли вы глупое дело. Никогда вам не справиться с русскою силой. Погубите только зря много народу. Одумайтесь, пока есть время.

Ушел.

Здесь уместно вспомнить примечательный случай, произошедший лет через пятнадцать лет после польского восстания. Иван Ефимович, находясь в поездке, остановился в придорожной корчме. Какой-то высокий плотный человек в медвежьей шубе долго и пристально вглядывался в него и вдруг бросился к нему и стал его обнимать.

Оказывается, во время самого восстания И. Е. Деникин не раз спасал молодых повстанцев — студентов, гимназистов, которые попадали в плен в большом количестве. Пойманным с оружием грозила ссылка, а то и похуже. Тем более что ближайшим начальником Деникина был некий майор Шварц — самовластный и жестокий немец. Потому Иван Ефимович, несмотря на то, что был исполнительным служакой, человеком крутым, горячим, на свой риск и страх, при молчаливом одобрении подчиненных приказывал, бывало, «всыпать мальчишкам по десятку розог» — больше для формы — и отпускал их на все четыре стороны.

Одного из таких «крестников» и встретил в придорожной корчме Иван Ефимович. Видимо, розги пошли тому на пользу…

После подавления польского восстания еще пять лет прослужил Иван Деникин в пограничной страже и в 1869 году вышел в отставку в чине майора. Не имея семьи, остался жить в приграничном городке Петрокове. Здесь он и познакомился с Елисаветой Федоровной Вржесинской, а в 1871 году сочетался с

ней вторым браком (первая жена Ивана Ефимовича умерла).

Жизнь старого воина перевалила за ту черту, когда о продолжении военной карьеры думать не приходилось. К началу русско-турецкой войны шел ему семидесятый год. Иван Ефимович, заметно для окружающих, заскучал. Становился все более молчаливым, угрюмым и не находил себе места. Труба звала в поход старого служаку. И он, наконец, втайне от жены, подал прошение о поступлении вновь на действительную службу… Опечаленная семья об этом узнала, когда начальник гарнизона прислал бумагу — майору Деникину отправиться в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым ему надлежало отправиться на театр военных действий.

— Как ты мог, Ефимыч, не сказал ни слова… Боже мой, ну куда тебе, старику… — Елисавета Федоровна была в шоке.

Плакал и мальчик Антон. Однако в глубине души он гордился тем, что «папа мой идет на войну»…

Но война вскоре закончилась, и формирования не понадобились.

Вот какой старый воин и воспитывал на пару с Елисаветой Федоровной того, кому будет суждено сыграть немаловажную роль на сцене российской истории…

Детство Антона было тяжелым и безрадостным, под знаком вечной нужды. Прослужив всю жизнь, Иван Ефимович, скопив духовный капитал, богатства, однако, не нажил. Он получал пенсию в размере 36 рублей в месяц. На эти средства должны были существовать первые семь лет пятеро, а после смерти отца Елисаветы Федоровны — четверо членов семьи отставного майора. Нужда загнала Деникиных в деревню, где жить было дешевле и разместиться посвободнее. Но так как Антону к шести годам нужно было начинать школьное образование, семья переехала во Влоцлавск.

Деникины ютились в убогой квартирке: две комнаты, темный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приема гостей. Она же — столовая, рабочая и прочее. В другой, темной, комнате — спальня для родителей и Антона. В чуланчике спал дед, а на кухне — нянька Полося. Пенсии, естественно, не хватало. Каждый месяц отставному майору приходилось занимать у знакомых 5—10 рублей. Зная добропорядочность Ивана Ефимовича, ему давали охотно.

Однажды Елисавета Федоровна бросила мужу упрек:

— В этом месяце до половины не дотянем, а твой табак сколько стоит…

В тот же день Иван Ефимович бросил курить. Посерел, как-то

осунулся, потерял аппетит и окончательно замолк. К концу недели вид его был настолько жалкий, что и жена, и сын стали просить старого майора со слезами начать снова курить. День упирался, на другой закурил. Все вошло в норму.

Был, правда, у главы семьи Деникиных маленький дополнительный источник дохода. Корпус пограничной стражи подчинялся не военному министру, а министру финансов. Министерство финансов изыскивало возможность платить офицерам, вышедшим в отставку, хоть и не каждый год, 100–150 рублей. В семью приходил настоящий праздник: возвращались старые долги, покупались кое-какие припасы, «перефасонивался» костюм матери, шились обновки сыну, покупалось дешевенькое пальто отцу.

Но покупка пальто доставляла ветерану-майору, скорее, душевные муки, чем радость. Ведь было оно, к величайшему огорчению старого воина, штатское… Военная форма обветшала, а денег на пошив не было. Осталась Ивану Ефимовичу одна радость — повидавшая виды старая военная фуражка, с которой никогда не расставался, да в сундуке лежали последний мундир и военные штаны. Одевались они лишь в дни великих праздников и особых торжеств и бережно хранились пересыпанные от моли нюхательным табаком.

— На предмет непостыдная кончины, чтобы хоть в землю лечь солдатом, — часто говаривал старый воин.

Слабое утешение: Иван Ефимович не был одинок в своем бедственном положении. Царское правительство никогда не проявляло должной заботы о материальном положении даже действующих офицеров, не говоря уж об отставниках. Думается, что князь Е. Трубецкой, находясь на военной службе в 1885 году, имел основания для оригинального вывода: русские армейские офицеры были по преимуществу люди, «обделенные десертом жизни». Он писал:

«Трудно себе представить жизнь во всех отношениях более бедную, чем ихняя».

Ясно, что такое бедственное положение семьи не могло не угнетать взрослеющего Антона. Но перед его глазами стоял нравственный пример отца, который никогда не жаловался на судьбу. Антон тоже не проклинал свое бедственное положение. Но обида в глубине юной души «сидела». Мундирчик выкроен из старого отцовского сюртука, не слишком наряден… Готовальня с чертежными инструментами куплена на толкучке, не укомплектована и неисправна. Аппетитные дымящиеся колбаски, стоящие в училищном коридоре на буфетной стойке, недоступны. Летом нельзя купаться каждый день в Висле, ибо вход в купальню

стоил целых три копейки, а на открытый берег родители не пускали…

Но в семье Деникиных, постоянно ведущей неравный бой с нуждой за выживание, была здоровая нравственная атмосфера. Жили Иван Ефимович и Елисавета Федоровна на редкость дружно. Жена заботилась о муже так же, как и о сыне, работала без устали, напрягая глаза за мелким вышиванием, что приносило какие-то ничтожные гроши. Это притом, что мать Антона периодически страдала тяжелой формой мигрени, которая прошла бесследно лишь к старости.

Ссорились супруги редко. А если и случались размолвки, то преимущественно по двум поводам. Иван Ефимович в день получки пенсии ухитрялся раздавать кое-какие гроши еще более нуждающимся — в долг, но, обыкновенно, без отдачи…

— Что же ты, Ефимыч, ведь нам самим есть нечего, — горько упрекала Елисавета Федоровна.

Вторым поводом для семейных баталий служила солдатская прямота отставного майора, с которой тот подходил к людям и делам. Возмутится Иван Ефимович человеческой неправдой и наговорит знакомым такого, что те перестают кланяться. Жена его в гневе:

— Ну, кому нужна твоя правда? Ведь с людьми приходится жить. Зачем нам наживать врагов?

В семейных распрях активной стороной всегда была жена. Муж защищался… молчанием. Молчал, пока супруга не успокоится и ссора сама собой не угаснет.

Иван Ефимович и Елисавета Федоровна смогли привить сыну религиозность, укрепить с малых лет веру в Бога. Отец Антона, человек глубоко верующий, не пропускал церковных служб и сына водил в церковь. С девяти лет мальчик с большой охотой прислуживал в алтаре, бил в колокол, пел на клиросе. Правда, Антон находился меж двух огней. Его мать была католичкой. Сын иногда ходил с матерью в костел, но только по собственному желанию.

«Если в убогой полковой церковке нашей я чувствовал все свое, родное, близкое, то торжественное богослужение в импозантном костеле воспринимал только как импозантное зрелище», — вспоминал Деникин.

Когда же польский ксендз на исповеди потребовал от матери, чтобы она тайно воспитывала сына в католичестве и «польскости», подросток сделал выбор: он больше не ходил в костел, укрепившись в православной вере.

Старый воин передал сыну и искреннюю любовь к Отечеству, свой единственный капитал, глубокое почитание государя. Для

отставного майора слова «Отечество» и «Государь» были синонимами. Будущий вождь Белого дела воспитывался в духе мистического отношения к личности царя. В детстве ему посчастливилось увидеть императора Александра II, незадолго, кстати, до его трагической гибели. Встреча произвела на мальчика сильное впечатление. Еще бы, помазанник Божий находился всего в нескольких шагах! Но здесь произошел случай, несущий отпечаток перста судьбы.

Антон, видимо, от волнения забыл по прибытии поезда государя на станцию снять шапку. Конфуз! Но, кто знает, может быть, в этом акте на уровне глубин подсознания была заложена будущая эволюция взглядов Деникина на монархию и личность государя, ее олицетворяющую?

В семье, на фоне сложностей в русско-польских отношениях, Деникин в годы детства, отрочества, юности научился от родителей терпимому отношению к лицам другой национальности. Конкретно, к полякам и евреям. Отец Антона, прослужив в Польше 43 года, относясь к полякам и к их языку без всякого предубеждения, все понимал, но вовсе не говорил по-польски. Мать Антона впоследствии старалась изучить русский язык, много читала русских авторов, но до конца жизни говорила по-русски плохо. В доме отец говорил по-русски, мать по-польски. Сын же, не по чьему-либо внушению, а по собственной интуиции, — с отцом — по-русски, с матерью — по-польски. Терпимость к языкам перешла в терпимость к их обладателям. Никаких намеков и полунамеков на шовинизм от своих родителей сын не получал. Это и стало первоосновой построения Антоном отношений со своими нерусскими сверстниками.

Родители смогли привить Антону Ивановичу честность и благородство, хотя будущий генерал с малых лет познал все прелести социальной несправедливости. Надолго запал в душу мальчика случай, когда инспектор местного реального училища упрекнул старшего гимназиста, игравшего с ним, за то, что тот «возится с уличными мальчишками». Пример родителей, особенно отца, был лучшим образцом миропонимания.

В минуты нравственного выбора всплывал из глубин памяти сына светлый образ отца, человека, который не поучал, не наставлял, а просто общался с ним. Все, что рассказывал отец про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ярость, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко западали в душу сына, который обдумывал свое будущее житье.

Но силы покидали старого воина… К весне 1885 года Иван

Ефимович был прикован к постели. Врачи вынесли приговор: рак желудка.

Навсегда осталось в памяти Антона Ивановича последнее отцовское напутствие:

— Скоро я умру. Оставляю тебя, милый, и мать твою в нужде. Но ты не печалься — Бог не оставит вас, будь только честным человеком и береги мать, а все остальное само придет. Пожил я довольно. За все благодарю Творца, только вот жалко, что не дождался твоих офицерских погон…

Умер майор пограничной стражи Деникин Иван Ефимович в страстную пятницу, а на третий день Пасхи его похоронили под звуки похоронного марша в исполнении музыкантов 1-го стрелкового батальона. Для могильной плиты приятель Ивана Ефимовича, ротмистр Ракицкий, составил надпись:

«В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

Лучше, пожалуй, не скажешь…

Лег Иван Ефимович в землю, как и мечтал до последнего вздоха, солдатом. Жизнь продолжалась. И шел по ней Антон Иванович Деникин, храня в сердце светлый облик своего отца-офицера, его заповеди.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В нещастной случай берегут…

М. В. Ломоносов

Родители сделали все необходимое, чтобы Антон получил приличное, по тому времени и возможностям родительского кошелька, образование. Они сами начали рано учить своего ребенка. К именинам Ивана Ефимовича, когда Антону исполнилось четыре года, Елисавета Федоровна подготовила мужу подарок: втихомолку выучила чадо русской грамоте.

После переезда семьи Деникиных из деревни в город сына отдали в городскую «немецкую» школу (ее называли так потому, что сверх обычной программы там преподавали немецкий язык). В памяти от этих лет осталось, пожалуй, одно — дома за провинности, допущенные в учебе, «не секли, а пилили». Но в 1882 году в жизни Антона произошло знаменательное событие: в возрасте 9 лет и 8 месяцев он выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища. Начался новый этап в жизни отрока Деникина.

«Дома — большая радость. Я чувствовал себя героем дня. Надел форменную фуражку с таким приблизительно чувством, как впоследствии первые офицерские погоны. Был поведен родителями в первый раз в своей жизни в кондитерскую и угощен шоколадом и пирожными», — вспоминал на излете жизни старый генерал.

Но судьба подготовила ему испытание. Первое время он учился отлично. Будучи во втором классе, заболел оспой, потом скарлатиной с осложнениями и чуть не умер. Как следствие — серьезное отставание от товарищей и оставление на второй год в 5-м классе. Это был удар по самолюбию отрока. Он не знал, куда деваться от стыда.

Лето после своего фиаско в учебном году он провел в деревне. Не на отдыхе, а в качестве… репетитора. Пополняя скудный семейный бюджет, Антон упорно занимался математикой. Труд не пропал даром. В новом учебном году Деникин освоил математику, ставшую главной причиной позора

второгодничества, на «пять». Он преодолел чувство «второсортности», обнаружил признаки волевых качеств.

Учеба в Ловичском реальном училище с «механико-техническим отделением», куда Антон поступил после окончания шести классов во Влоцлавске, — важная веха в его биографии. Антон постоянно совершенствовался. Характерная деталь: он добивался успехов не только в технических науках, но и гуманитарных. Подспудно стал проявляться писательский дар будущего талантливого военного писателя. Пока это только сочинения по литературе. В 13–14 лет состоялась проба пера в поэзии. На свет появились рожденные в муках стихи пессимистического содержания:

Зачем мне жить дано
Без крова, без привета.
Нет, лучше умереть —
Вот песня моя спета.

«Посылал стихи в журнал „Ниву“ и лихорадочно томился в ожидании ответа. Так, злодеи, и не ответили. Но в 15 лет одумался: не только писать, читать стихи бросил — „Ерунда!“. Прелесть Пушкина, Лермонтова, других поэтов оценил позже. А тогда после Густава Эмара, Жюля Верна преждевременно перешел на „Анну Каренину“ Льва Толстого — литература, бывшая строго запретная в нашем возрасте», — вспоминал Деникин.

Читает Антон много, но без последовательности и руководства: литературу по социальным проблемам; четвертому измерению и новейшими изобретениям техники. Однако политическим вопросами интересовался мало. В своих воспоминаниях он объясняет это тем, что «в умах и душах моих товарищей-поляков доминировала и все подавляла одна идея — „Еще Польска не сгинэла“… А со мной на подобные темы разговаривать было неудобно».

Основной мировоззренческий вопрос, который мучил юношу в 16–17 лет, — вопрос религиозный. В юной душе возникали сомнения. Речь идет не о вероисповедании. Его страстно волновал вопрос о бытии Бога. У учителей он не мог получить исчерпывающего ответа. Старый училищный священник отец Елисей был сам, наверное, не тверд в богопознании. По крайней мере, когда одноклассник Деникина обратился к нему с вопросом о бытии Бога, священник поставил ему двойку и пообещал срезать на экзамене. Тогда Антон, юный теософ, попытался самостоятельно найти ответ в Библии и… в атеистической литературе. Предоставим слово самому генералу:

«Много лет спустя, когда я учился в Академии Генерального штаба, на одной из своих лекций профессор психологии А. И. Введенский рассказывал нам:

— Бытие Божие воспринимается, но не доказывается. Когда-то на первом курсе университета слушал я лекцию по богословию. Однажды профессор богословия в течете целого часа доказывал нам бытие Божие: „во-первых… во-вторых… в-третьих“… когда вышли мы с товарищем одним из аудитории — человек был он верующий — говорит он мне с грустью:

— Нет, брат, видимо, божье дело — табак, если к таким доказательствам прибегать приходится…

Вспомнил я этот рассказ Введенского вот почему. Мой друг — поляк, шестиклассник, вопреки правилам, пошел на исповедь не к училищному, а к другому, молодому ксендзу. Повинился в своем маловерии. Ксендз послушал и сказал:

— Прошу тебя, сын мой, исполни одну мою просьбу, которая тебя ничем не стеснит и ни к чему не обяжет.

— Слушаю.

— В минуты сомнений твори молитву: „Боже, если Ты есть, помоги мне познать тебя“.

Товарищ мой ушел из исповедальни глубоко взволнованный.

Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7 классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению: человек — существо трех измерений — не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего».

Вряд ли стоит сомневаться в исповеди генерала. Написано на склоне лет. Притупилась боль утрат, горечь поражений. В таких ситуациях люди бывают достаточно искренними. Но Деникина нельзя относить к фанатичному типу верующих. Его убеждения во многом традиционны. В последующем в официальных документах, речах, уже будучи вождем Белого движения, он часто будет апеллировать к Богу, участвовать в религиозных ритуалах, посвященных военно-политическим и общественным событиям.

Однако реалии жизни, пытливый ум, ответственность лидера будут толкать его к стихийному материализму, диалектике. Например, он хорошо понимал диалектику материального и духовного в моральном факторе в войне, необходимость отделения от государства церкви, сочетания в обучении солдат гражданских и церковных начал. Еще в 1906 году, анализируя опыт русско-японской войны, Деникин высказал интересное

замечание. Описывая эпизод, когда уральские казаки не хотели идти в бой, предварительно не захоронив товарищей, он констатирует, что в таком жестоком деле, как война, не должно быть места сентиментальности, идущей во вред делу.

Но за реальными данными есть «целая область человеческого духа, не поддающегося учету и сравнению. Нужно помнить, что глубоко религиозные уральцы считали большим позором попасть \в руки неприятеля и большим несчастьем умереть без погребения».

О материалистических тенденциях в мировоззрении Антона Ивановича говорят его рассуждения о поведении людей в экстремальных ситуациях на примере сражения под Мукденом в 1905 году в русско-японской войне. Он приходит к обобщению, что в тот момент можно было выделить два поведенческих типа людей: одни — не умеющие владеть настроением и языком, другие — чувствующие потребность распространять сенсационные слухи, подчас обыденные и нелепые, иногда правдоподобные, рассчитанные только на эффект слушателей.

«При обычных условиях эти люди вредны, но при том исключительном положении, в котором находилась наша армия, они положительно опасны, и, нужно думать, сыграли не последнюю роль в неудачах под Мукденом».

Генерал видел, что религиозность русского народа в начале XX века пошатнулась. Это подтверждает анализ причин разложения русской армии в 1917 году, данный им в «Очерках русской смуты», где он обобщает, что крушение армии обусловилось крушением идеологического постулата: «За веру, царя и Отечество», лежавшего в основе военной идеологии. Он приходит к выводу, что в числе моральных элементов, поддерживавших русские войска, вера не стала началом, побуждавшим их на подвиг или удерживавшим от «развития впоследствии звериных инстинктов».

Интересные сведения имеются в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченко) «Россия между верой и безверием». Высший генералитет Белого движения в 1919 году обсуждал вопрос о целях войны, дошли и до веры. По старому обычаю говорилось: «За веру, царя и Отечество». Хотели включить первую фразу (имеется в виду в документы Белого движения. — *Г. И.*) и теперь.

«Но генерал Деникин, как честный солдат, запротестовал, заявив, что это было бы ложью, фальшивою пропагандой, на самом деле этого нет в движении. С ним согласились, и пункт о вере был выброшен из проекта…»

Однако материалистические тенденции в мировоззрении вождя Белого движения не были доминирующими. Они, как

правило, проявлялись в конкретных экстремальных ситуациях. Поэтому к «чистым материалистам» его отнести нельзя. Деникин был склонен, например, к философско-мистическим рассуждениям о проблемах жизни и смерти, случайности и фатуме и т. д.

Но все это будет потом. Вернемся в Польшу конца XIX века, где нас ждет юный Антон.

Жизнь его проходит не в простой обстановке — на фоне обостренных русско-польских отношений, связанных с обидной для поляков русификацией.

Особенно настойчиво она проводилась в сфере школьного образования. Так, Закон Божий католический ксендз обязан был преподавать полякам на русском языке; польский язык считался предметом необязательным, экзамена по нему не производилось, а преподавался он… на русском. В стенах образовательных учреждений и на ученических квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски — и виновные в этом подвергались наказаниям.

Антон Деникин интуитивно нашел золотую середину: с поляками стал говорить по-польски, с русскими товарищами — всегда по-русски. Учась в 7 классе Ловичского реального училища, Антон был старшим на ученической квартире. По должности от него требовалось заполнение месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: «уличенные в разговоре на польском языке». Рискуя быть смещенным с должности, он всякий раз записывал в отчет одно и то же: случаев разговоров на польском языке не было. Подобное не могло пройти незамеченным. Месяца через три Деникина вызвал директор училища:

— Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было…

— Да, господин директор.

— Я знаю, что это неправда.

Антон молчал.

— Вы не хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны обрусить и замирить этот край. Ну что же, подрастете и когда-нибудь поймете. Можете идти.

Сколько еще раз Антону Ивановичу придется на своем жизненном пути выбирать между совестью и целесообразностью, выдерживать испытание нуждой… Материальное положение семьи стало катастрофическим. После смерти отца пенсию семье срезали до 20 рублей. Антон нашел приработок: взял двух второклассников на репетиторство. За два урока получал 12

рублей в месяц. Никакого влечения он к педагогической деятельности не имел, и тяготили его эти занятия ужасно. Но этот приработок не мог обеспечить семье даже выживания. Года два как-то перебивались, но потом стало невмоготу. На «семейном совете» (мать, нянька, сын) решили испросить разрешения на держание ученической квартиры. Директор Ловичского реального училища Левшин такое согласие дал, определив 8 человек, каждый из которых платил 20 рублей в месяц. После стольких лет безденежья на Деникиных упала «манна небесная», появился достаток.

К этому времени относится и резкое изменение семейного статуса юноши. Антон стал равноправным членом семьи. Его больше никогда «не пилили». Мать делилась с сыном переживаниями, иногда советовалась по вопросам несложного домашнего быта семьи.

Завершалось школьное образование. Юный Антон свое будущее определил сызмальства. Путь предрешен окончательно и бесповоротно. Он избрал путь русского офицера. По примеру отца.

Для моего героя будущая офицерская жизнь представлялась тогда в ореоле сплошного веселья и лихости, нескончаемой смены подвигов и удовольствий. Он наблюдал как корнет 5-го Уланского полка[15], сидя на подоконнике с бокалом вина в руке, бурно приветствовал знакомых, проходивших по улице. Антон надеялся, что в один прекрасный день бравый офицер, которого звали Павел Карлович, снизойдет, наконец, до того, чтобы заметить своего соседа и перекинуться с ним несколькими словами.

Желание исполнилось, правда, 25 лет спустя… Начальник штаба Восточного отряда Маньчжурской армии полковник Деникин ежедневно докладывал командиру отряда генералу Павлу Карловичу Ренненкампфу боевую обстановку и получал от прославленного военачальника исходные указания для подготовки к принятию решения на очередной бой.

Павел Карлович Ренненкампф… Человек с трагической, противоречивой судьбой. Он прекрасно проявил себя в Русско-японской войне, где русское оружие, однако, не приобрело для себя очередной славы. Потерпел полководческое фиаско на полях сражений Первой мировой войны, в Восточной Пруссии в 1914 году. Погиб в 1918 году.

Конечно, в юности Антон еще не осознавал всей ответственности и сложности избранного дела. Не мог он тогда видеть изнанки жизни офицерства конца XIX — начала XX века. Изнанки, столь ярко описанной Александром Ивановичем

Куприным — отставным офицером, блестящим русским писателем, в повести «Поединок», увидевшей свет в 1905 года, когда Деникин уже воевал на сопках Маньчжурии. Офицерский корпус царской армии по-прежнему бедствовал, получал достаточно низкое денежное содержание, являвшееся для многих единственным средством существования (см. Приложение 1).

39 рублей 75 копеек в месяц — все, чем располагал армейский пехотный подпоручик образца 1886 года. Не густо! Даже с учетом того, что в конце XIX века порция супа в провинциальном трактире стоила 9 копеек, мясо, тушенное с картошкой, — 8 копеек, гречневая каша — 2 копейки, хороший костюм в столице — 8 рублей, пальто — 11 рублей, швейцарские часы — 10 рублей. Как тут опять не процитировать профессора-острослова Ключевского: «*Служебное жалованье превращается в государственную милостыню голодающим*»…

Но жребий уж брошен!

ЮНКЕР ДЕНИКИН

Путь в десять тысяч ли
начинается с первого шага.

Китайская мудрость

В читальном зале Российского государственного военноисторического архива хранится дело № 171957 «Послужной список старшего адъютанта штаба 2-й пехотной дивизии генерального штаба капитана Деникина 1903 г. № 140000».

На первой странице читаем:

«В службу вступил вольноопределяющимся в стрелковый полк в июле 1890 г. Командирован в Киевское пехотное юнкерское училище для прохождения военно-училищных курсов, куда и прибыл, где и переименован в юнкера в сентябре 1890 года».

В конце XIX века в России существовала система подготовки кадров для замещения первичных офицерских должностей в вооруженных силах через сеть *военных и юнкерских училищ.*

Военные училища имели однородный состав по воспитанию и образованию, так как комплектовались из состава выпускников кадетских корпусов — привилегированных средних общеобразовательных военно-учебных заведений закрытого типа. После трех лет обучения им присваивался первый офицерский чин (подпоручик, корнет). Они направлялись для прохождения дальнейшей службы во все рода войск. Обычно отзывы об офицерах, окончивших военные училища, были положительными. Командующий Варшавским округом генерал-фельдмаршал В. И. Гурко в отчете Военному министерству за 1892 год писал, что за последние годы уровень офицеров пехоты значительно повысился, так как юнкера из военных училищ направляются в армейские части.

Юнкерские училища, существовавшие в императорской России с середины XIX века до 1910 года, имели неоднородный социальный состав: с 1874 года в них стали принимать представителей всех сословий. Как следствие, огромное число юнкеров, зачисленных в училища, не имели среднего образования. После двухлетнего обучения выпускникам юнкерских училищ присваивался чин подпрапорщика (подхорунжего)[16]. Они направлялись на службу только в пехоту и кавалерию. По состоянию на 1874 год в России насчитывалось 16 юнкерских училищ. В 80-х годах XIX века соотношение

выпускаемых из военных и юнкерских училищ было 26 и 76 процентов.

Ясно, что юнкерские училища были «второсортными» и не могли обеспечить необходимый уровень профессиональной подготовки выпускников. В отчете военному министерству за 1892 год командующий Киевским военным округом генерал М. И. Драгомиров писал, что в юнкерские училища поступают юноши, в большинстве кое-как окончившие четыре класса гимназии и выдержавшие немудреный экзамен и приобретя права вольноопределяющегося 4-го разряда. Эти молодые люди слабохарактерны, неспособны к работе и недостаточно развиты: в военные идут потому, что всякая другая деятельность, обеспечивающая существование, для них закрыта.

«Таким взрослым недоучкам, на мой взгляд, не место в армии. Помочь делу можно было бы, увеличив для них образовательный ценз».

Военное министерство соглашалось с мнением Драгомирова, отмечая, что умственное развитие юнкеров «признается, в общем, лишь удовлетворительным».

Пытаясь как-то поправить положение дел, правительство решило организовать военно-образовательные заведения Третьего типа — юнкерские училища с военно-училищным курсом. В 1888 году такие курсы были открыты в Московском юнкерском училище. Права и программы были те же, что и в военных училищах. Туда принимались вольноопределяющиеся, то есть лица с законченным средним или высшим образованием, добровольно поступившие на военную службу солдатами. Сеть подобных заведений расширялась. Однако и военно-училищные курсы, которые, по замыслу их создателей, должны были улучшить подготовку юнкеров, до конца эту задачу не выполнили.

Теперь ясно, почему в 1890 году Деникин четыре месяца прослужил вольноопределяющимся в 1-м стрелковом полку, дислоцировавшемся в Плоцке.

Итак, год 1890-й. Киев, пехотное юнкерское училище. Антон Иванович пересекает ворота старинного крепостного здания со сводчатыми стенами-нишами, с окнами, обращенными на улицу, с пушечными амбразурами, глядевшими в поле, к Днепру. Здесь собралось 90 человек, зачисленных на военно-училищные курсы. Для классных занятий их распределили по трем отделениям с особым составом преподавателей, а во всех прочих отношениях — размещения, довольствия, обмундирования — новоиспеченных юнкеров слили с юнкерами «юнкерского курса». Конечно же, кто занимался по программе юнкерского курса, невольно вызывали

ревнивое чувство преимущества по правам выпуска, гарантированным 90 счастливцам.

Антон Деникин, приобщившийся к военному быту с детства, не слишком тяготился юнкерским режимом, чего нельзя было сказать о многих его однокашниках.

В основу юнкерского режима была положена жесткая воинская дисциплина. За проступки накладывались строгие взыскания: от лишения отпускного дня (раз в неделю) до отчисления из училища. Отчисляли главным образом за самовольные отлучки и за пьянство. Причем пьянства как сколько-нибудь широкого явления в училище не было. Юнкерская психология воспринимала наказания за пьянство как нечто суровое и неизбежное. Но преступности в этом общественное мнение не видело. Ведь юнкера — это молодые люди в возрасте 18–23 лет, а на юнкерском курсе кое-кому было и под 30. Вольноопределяющиеся, познавшие дух казармы, знали, что такое в армии выдача «казенной чарки водки».

Незыблемые основы воинской дисциплины — исполнение прямого приказа и чинопочитание. Между офицерами и юнкерами существовала большая дистанция. Начальники приказывали, следили за выполнением приказа и карали за его нарушение. Во внеслужебное время у Деникина и его товарищей не было общения с училищными офицерами.

Воинская дисциплина, при всей ее строгости, в стенах училища приобретала некоторый специфический оттенок благодаря традициям юнкерских коллективов. Традиции — это обоюдоострое оружие. Они могут нести в себе как заряд огромной нравственной силы, так и разрушительной энергии. Под их воздействием в юнкерской среде сложились неписаные правила поведения, выпадавшие из системы координат воинских уставов.

Обман вообще, и в частности наносящий кому-либо вред, считался нечестным. Но обманывать учителя на репетиции или экзамене разрешалось. Самовольная отлучка или рукопашный бой с «вольными», с употреблением в деле штыков, где-нибудь в подозрительных предместьях Киева, когда надо было выручать товарищей или «поддержать юнкерскую честь», вообще действия, где проявлены были удаль и отсутствие страха ответственности, встречали полное одобрение в юнкерской среде. И наряду с этим кара за них, вызывая сожаление, почиталась все же правильной… Особенно крепко держалась традиция товарищества в одном его проявлении — «не выдавать». Когда один из товарищей Деникина сильно побил доносчика и был за это пере веден в «третий разряд», не только товарищи, но некоторые начальники старались выручить его из беды, а побитого преследовали.

Необходимо особо подчеркнуть, что многие юнкера были выходцами из бедных слоев населения.

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«Ввиду того, что по содержанию нас приравняли к юнкерскому курсу, жили мы почти на солдатском положении. Ели чрезвычайно скромно, так как наш суточный паек (около 25 копеек) был только на 10 копеек выше солдатского; казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества. Большинство юнкеров получали из дому небольшую сумму денег (мне мать присылала 5 рублей в месяц). Но были юнкера бездомные или очень бедных семей, которые довольствовались одним казенным жалованьем, составлявшим тогда в месяц 221/2 (рядовой) или 331/2 копейки (ефрейтор). Не на что было купить табаку, зубную щетку или почтовые марки. Но переносили они свое положение стоически».

В такой обстановке юнкера могли хорошо подготовиться к одной характерной особенности обер-офицерской жизни, что ждала их в войсках, — вечное безденежье. И хотя до 1917 года жалованье офицеров повышалось дважды, можно вполне согласиться с Деникиным, что «стандарт офицерской жизни всегда стоял на низком уровне».

Поступление Антона Ивановича именно в Киевское училище можно расценивать как подарок судьбы. Дело в том, что Киевским военным округом командовал Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905)… Русско-турецкая война показала блестящую подготовку его 14-й дивизии и создала ему заслуженную боевую репутацию — генерал от инфантерии, бывший начальник Академии Генерального штаба, герой Балканской войны, почетный член университетов Москвы, Киева, военных академий Франции и Швеции, автор лучшего учебника русской полевой тактики, человек высочайшего гражданского мужества.

Это не кто иной, как он, Михаил Иванович, не побоялся вступить в наиострейший конфликт с самим императором! Когда в Киеве начались волнения революционной молодежи, царь велел направить против студентов войска. Драгомиров ответил:

«Войска не обучены штурмовать университеты».

Тогда царь приказал! Михаил Иванович приказ исполнил и, окружив университет пушками, продиктовал царю телеграмму:

«Ваше величество, артиллерия в готовности, войска на боевых позициях, противники Отечества не обнаружены».

Какие здесь могут быть комментарии, кроме восхищения?

Вклад генерала Драгомирова в историю военно-педагогической мысли России имеет непреходящее значение. Многие положения его военно-педагогического наследия не

потеряли актуальности и сегодня. Кто будет, например, оспаривать такое мнение прославленного генерала:

«Побольше сердца, господа! В бою на одной казенщине далеко не ускачете. А кто не бережет солдата, тот не достоин чести им командовать»?!

Не стоит, конечно, делать из Михаила Ивановича икону. Был он человек сложный, по образному выражению военного историка русского зарубежья А. А. Керсновского, «яркий, хоть и парадоксальный». Но тот факт, что Киевский военный округ времен Драгомирова был кузницей передовых военных идей, явно не из разряда случайностей, которые невозможно познать.

Будучи мастером военной дидактики, генерал Драгомиров один из главных своих постулатов сформулировал так:

«В мирное время солдата надобно учить тому, что предстоит ему делать во время войны».

Все остальное уже лишнее, доказывал он, и все лишнее будет мешать солдату на поле боя. А что бесполезно на войне, то вредно вводить в практику обучения.

И вот Драгомиров углядел в военном училище, расположенном в непосредственной близости от его штаба, замечательную возможность проверить свои военно-педагогические инновации. Участником одного такого грандиозного военно-педагогического эксперимента стал и Антон Деникин. Его юнкерская рота участвовала в проводившихся впервые в русской армии учениях с боевыми патронами и стрельбой артиллерии через голову пехоты. Артиллеристы, по-видимому, нервничали, и снаряды падали в опасной близости от цепей. Но в юнкерских рядах не произошло ни малейшего замешательства, и учение прошло блестяще.

Не обошлось, как часто бывает в военной педагогике, и без курьезов. Генерал Драгомиров, произведя однажды смотр училищу, нашел полный беспорядок и прогнал ошеломленных юнкеров с плаца. Было очень обидно. Гнев командующего, как выяснилось позже, был напрасным. Дело в том, что к моменту его появления в училище по учебной программе были пройдены только взводные учения, а Драгомиров, не зная этого, приказал провести батальонное. Недоразумение, впрочем, скоро разъяснилось. Зато какая радость охватила всех юнкеров, когда в другой раз на маневре генерал горячо поблагодарил их.

На всю жизнь запомнит Антон Иванович эту благодарность. А не пройдет и двадцати лет, как он сам, став полковником, командиром полка, будет проводить полковые учения по оригинальной методике, разработанной на основе педагогических инноваций генерала Драгомирова.

На тех полковых учениях полковник Деникин, конечно, не мог себе представить, что через каких-то десять лет он, признанный вождь белого юга России, предпримет попытки обуздать Отечество, вздыбленное революцией, а помогать ему станет его непосредственный подчиненный — генерал Абрам Михайлович Драгомиров, сын прославленного военного педагога. Воистину, мир тесен…

В училище неукоснительно соблюдалось еще одно из педагогических требований генерала Драгомирова — интенсивность учебного процесса. Заметим сразу: осваивал учебную программу Деникин хорошо. Свидетельство тому — его производство за отличные успехи в унтер-офицеры уже через семь месяцев после поступления (см. Приложение 2). Правда, здесь необходимо внести некоторую ясность. Генерал вспоминает, что его якобы на первом курсе из-за шероховатостей в личном поведении не произвели в училищные унтер-офицеры. Это случилось лишь по окончании второго курса, незадолго до производства в офицеры. Однако послужной список Деникина, сохранившийся в РГВИА[17], свидетельствует: Антон Иванович ошибся.

В то же время в системе обучения будущих офицеров наблюдался удивительный перекос: из 18 предметов обучения только 4 были гуманитарными (Закон Божий, русский язык, история, история русской армии). Подобная односторонность не лучшим образом сказывалась у обучающихся на понимании гуманитарных проблем.

Юнкерам не преподавалась наиважнейшая учебная дисциплина — военная психология и педагогика. Хотя генерал Драгомиров в своем знаменитом «Учебнике тактики» всемерно подчеркивал, что так нужно знать солдата, как знал его Суворов. Особенно прославленный военный педагог указывал именно на значение доверия солдат к офицерам. Та армия, в которой офицер пользуется доверием солдат, по словам генерала Драгомирова, представляет «высшую степень совершенства армейского организма». А как такого можно достичь, не опираясь на знания военной психологии и педагогики? Но в стенах военных училищ юнкера не получали элементарных навыков работы с людьми и, став офицерами, не знали, как обучать и воспитывать солдат.

Но тем не менее именно в стенах училища Антон Иванович приобрел возможность стать высококлассным профессионалом. Помогла личная целеустремленность будущего военачальника, широта его интересов. Деникин удачно сочетал усвоение учебной программы с систематическим и настойчивым самообразованием.

Это позволило ему, по личной оценке, окончить училище с «достаточными специальными знаниями для последующей службы».

В основу формирования нравственности юнкеров были положены: воспитание истинно русского патриотизма, любовь к Отечеству и государю, готовность защищать их не щадя жизни; привитие норм поведения, соответствующих Кодексу офицерской чести, начинавшемуся с таких слов:

«Офицер есть благородный защитник Отечества, имя честное, звание высочайшее. Честь — его внутреннее достоинство, верность, доблесть, благородство души, чистая совесть, почет и уважение».

При этом юнкеров всячески оберегали от политики. Такая стратегия царского правительства вполне объяснима. В любой армии мира место офицера в строю, а не на трибуне партийного собрания. Но русская общественно-политическая жизнь бурлила, а царское правительство, пытаясь заблокировать проникновение политики в юнкерскую казарму, сделало ставку исключительно на жесткую воинскую дисциплину и максимальную изоляцию будущих офицеров от внешнего мира.

Власть имущие твердо верили, что их меры по отгораживанию армии от политики достаточно эффективны. И тому имелись некоторые основания. Студент Петербургского университета Н. Лепешинский, брат известного социал-демократа, был исключен из университета за революционную деятельность без права поступления в какое-либо учебное заведение, словом — с «волчьим билетом». Лепешинский сжег свои документы и держал экзамены за среднее учебное заведение экстерном, в качестве имеющего домашнее образование. Получив свидетельство, поступил в Московское военное училище. После нескольких месяцев обучения он был вызван к инспектору классов капитану Лобачевскому:

— Это вы?

Лепешинский побледнел: на столе лежал список политически неблагонадежных лиц, периодически рассылаемый министерством народного просвещения, и в нем — подчеркнутая красным карандашом его фамилия…

— Так точно, господин капитан.

Лобачевский посмотрел ему пристально в глаза и сказал:

— Ступайте.

И больше ни слова.

Велика должна была быть уверенность Лобачевского в «иммунитете» военной школы, чтобы не применять санкций против Лепешинского. В данном случае он не ошибся: юнкер из

«черного списка», став офицером, служил усердно, в японскую войну дрался доблестно и был сражен неприятельским снарядом.

Однако можно привести и массу других примеров диаметрально противоположного характера. Ведь не на пустом месте, скажем, взросли несколько сотен офицеров, преданных суду по политическим составам преступления в 1904–1907 годах.

Когда власти всячески ограждали юнкеров от политики, то они в конечном итоге вносили свою печальную лепту в деформацию духовных основ личности будущих офицеров. Антон Иванович с грустью вспоминал, что ни училищная программа, ни преподаватели, ни начальство не задавались целью расширить кругозор воспитанников, ответить на их духовные запросы. Правда, военная школа, по мнению Деникина, уберегла своих питомцев от «духовной немочи и от незрелого политиканства».

Так пролетели два года учебы; приближался выпуск в офицеры. Перед выходом в последний лагерь происходил важный в юнкерской жизни акт — разбор вакансий. В списке по старшинству в голове помещались фельдфебели, потом училищные унтер-офицеры, наконец, юнкера по старшинству баллов.

Антон Иванович вышел на финишную прямую с выпускным балом 10,4 и был зачислен в число выпускников I разряда, что обеспечивало хорошую вакансию при назначении на службу в войска. На «юнкерской бирже» вакансии котировались в такой последовательности: гвардия — 1 вакансия; полевая артиллерия — 5–6 вакансий; инженерные войска — 5–6 вакансий; остальные — пехота. А. И. Деникин взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, дислоцированную в городе Беле Седлецкой губернии, которая впоследствии по Рижскому мирному договору (март 1921) перешла к Польше.

Судьба разбросала его однокашников по всему свету, по разным странам. Что характерно: лишь двое юнкеров 1892 года выпуска, кроме самого будущего вождя Белого движения, выдвинулись на военном поприще. Не случайно, однако, рассказывает Антон Иванович о них в своих воспоминаниях. Судьбы этих людей несут в себе символическую нагрузку.

«Военно-училищный курс окончил тогда, выйдя подпоручиком в артиллерию, Павел Сытин. Впоследствии тот прошел курс Академии Генерального штаба и был возвращен в строй. В конце Первой мировой в чине генерала командовал артиллерийской бригадой. С началом революции неудержимой демагогией и „революционностью“ ловил свою фортуну в кровавом безвременье. И преуспел: поступив одним из первых на службу к большевикам, занял вскоре, но ненадолго, пост главнокомандующего Южным

красным фронтом.

Это он вел красные полчища зимой 1918 года против Дона и моей Добровольческой армии…

Юнкерский курс окончил, выйдя подпрапорщиком в пехоту, Сильвестр Станкевич. Свой первый Георгиевский крест он получил в китайскую кампанию 1900 года, командуя ротой сибирских стрелков, за громкое дело — взятие ими форта Таку. В Первой мировой войне он был командиром полка, потом бригады в 4-й стрелковой „Железной дивизии“, которой я командовал, участвуя доблестно во всех ее славных боях; в конце 1916 года принял от меня „Железную дивизию“. После крушения армии, имея возможность занять высокий пост в нарождавшейся польской армии, как поляк по происхождению, он не пожелал оставить своей второй родины: дрался искусно и мужественно против большевиков во главе Добровольческой дивизии в Донецком бассейне против войск… Павла Сытина. Там же и умер. Трагическое раздвоение старой русской армии: два пути, две совести».

Сухие строки, выведенные каллиграфическим почерком в «Послужном списке старшего адъютанта штаба 2-й пехотной дивизии Генерального штаба капитана Деникина 1903 г. № 140000», гласят:

«По окончании курса наук высочайшим Приказом, составленным в 4 день августа 1892 года, произведен в подпоручики с направлением во 2-ю артиллерийскую бригаду».

А о том, что кроется за этими сухими строчками, Антон Иванович оставил потомкам интересный рассказ:

«Близится день выпуска. Мы чувствуем себя центром мироздания. Предстоящее событие так важно, так резко ломает всю жизнь, что ожидание его заслоняет собою все остальные интересы. Мы знаем, что в Петербурге производство обставлено весьма торжественно, происходит блестящий парад, государь поздравляет производимых. Как будет у нас — неизвестно.

4 августа воруг разносится по лагерю весть, что в Петербурге производство уже состоялось, несколько наших юнкеров получили от родных поздравления. Возникает горечь: про нас забыли… Действительно, вышло какое-то недоразумение, и только к вечеру другого дня мы услышали звонкий голос другого юнкера:

— Господам офицерам строиться на передней линии.

Мы летим стремглав, на ходу застегивая пояса. Подходит начальник училища, читает телеграмму, поздравляет нас с производством и нескольким задушевными словами напутствует нас в новую жизнь.

И все.

Мы несколько смущены и как будто растеряны: такое

необычайное событие, и так просто, буднично все произошло… Но досадный налет скоро расплывается под напором радостного чувства, прущего из всех пор нашего преображенного существа. Спешно одеваемся в офицерскую форму и летим в город. К родным, к знакомым, а то и просто в город — в шумную толпу, в гудящую улицу, чтобы окунуться с головой в полузапретную доселе жизнь, несущую — так крепко верилось — много света, радости, веселья.

Вечером во всех увеселительных заведениях Киева дым стоял коромыслом. Мы кочевали гурьбой из одного места в другое, принося с собой буйное веселье. С нами большинство училищных офицеров. Льется вино, затеваются песни, сыплются воспоминания… В голове — хмельной туман, а в сердце — такой переизбыток чувств, что взял бы вот в охапку весь мир и расцеловал!

Потом люди, столики, эстрада — все сливается в одно [1] *многогранное, многоцветное пятно и уплывает»…*

Учеба Антона Ивановича Деникина в Киевском юнкерском пехотном училище на военно-училищных курсах в 1890–1892 годах — важная веха в его биографии. В войска поступал молодой офицер с хорошей профессиональной подготовкой и морально-психологической закалкой, необходимой для дальнейшей военной службы. Деникин не только не растерял, но и приумножил положительные качества своего характера, сформированные главным образом посредством семейного воспитания: честность, благородство, демократичность. Это и есть *главный итог.*

Впереди — новая страница биографии.

ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Отсутствует страница 40.

…Отмена крепостного права в 1861 году дала мощный импульс развитию капитализма, ростки которого появились значительно раньше. Либерально-демократические реформы Александра II способствовали эволюционному обновлению общества. Резко усилилось и революционное движение, в котором террор народников уступал место быстро распространявшемуся марксизму. Это стало причиной того, что Александр III начал контрреформы, развернув наступление реакции по всему фронту. Особых успехов между тем он не добился. Страна вступила в полосу эпохальных экономических, социально-политических и духовных перемен, венцом которых стал 1917 год.

В русской армии, а это в начале XX века 1 миллион 100 тысяч человек, семья армейских офицеров, в которую влился молодой подпоручик Деникин, являлась очень большой. Если в 1881 году офицерский корпус насчитывал 30 800 человек, то к 1903 году численность его достигла уже 41 965 человек. В конечном итоге один офицер приходился на 24 солдата. В период Русско-японской войны офицерский состав несколько уменьшился, но вскоре численность его восстановили, и накануне Первой мировой войны в строю русской армии находилось 51 417 генералов и офицеров.

Царское правительство считало, что количественное увеличение офицеров позволит качественнее выполнять задачи мобилизационного развертывания. Увы, количество не всегда переходит именно в прогнозируемое качество. Русско-японская война показала: лик офицерства обезображен всевозможными гримасами кризиса.

Несовершенная система подготовки офицерских кадров привела к падению военного профессионализма. Он стал, без сгущения красок, очень низким. К 1904 году, то есть накануне Русско-японской войны, все чаще командующие военных округов сетовали на снижение образовательного уровня своих офицеров. Так, в Варшавском военном округе к концу 1905 года только в гвардии все офицеры имели среднее и высшее образование, а в пехоте и кавалерии всего от 5 до 40 процентов. Неудовлетворительным был уровень подготовки даже у офицеров высшего звена. В упоминавшемся ранее отчете генерала М. И. Драгомирова отмечалось, что в военных кругах, начиная с бригадных командиров, все еще много таких, которые в мирное

время бесполезны, а в военное будут вредны.

Неграмотность высших военачальников часто принимала гротескные формы. В воспоминаниях протопресвитера русской армии и флота Г. Щавельского отмечается, что, находясь на Маньчжурском театре военных действий в 1905 году, он наблюдал, как командующий Приамурским военным округом П. Н. Миневич, увидев гаубицу, спрашивал: что это за орудие? Он не умел как следует читать карту, не понимал движения поездов по графику. Среди командиров полков и бригад, пишет мемуарист, иногда «встречаются полные невежды в военном деле». Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерал Н. Пашкевич о своем командире Ф. Б. Мейендорфе говорил как о невежественном, незнакомом даже с Положением о полевом управлении войск, престарелом генерале, которому «скорее место в мавзолее, чем в строю»[18].

Отрицательно сказывалось на качестве офицерского корпуса и замедленное чинопроизводство, особенно в армейской пехоте. Об этом вспоминают бывшие российские военные министры А. Н. Куропаткин и А. Ф. Редигер. Первый в своем дневнике рассказал, что в связи с 20-летием начала русско-турецкой войны были произведены в полковники 1400 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну. Второй военный министр писал, что в 1896 году на коронации государя около 20 полковых командиров, прослуживших в чине полковника не менее 16 лет, были произведены в генералы с оставлением в должности.

«*Такой застой давал армии престарелых вождей, едва терпимых в мирное время и вовсе не годных в военное время*».

Статистика свидетельствует: 65 процентов капитанов уходили в запас, не дослужив до штаб-офицерских чинов.

Офицерский состав был великовозрастным. На 1 апреля 1892 года средний возраст офицеров высшего звена был следующим: командующие войсками военных округов — 64 года; командиры пехотных корпусов — 56; начальники пехотных дивизий — 54 года. Имелись прецеденты, когда бригадами командовали 65–72, а полками — 60—62-летние старцы.

Весьма болезненной проблемой являлось низкое денежное содержание офицеров, которое для многих оставалось основным источником дохода. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников вспоминал, что драгунские офицеры почти все жили на жалованье, уланы тоже, «только в гусарском полку два-три человека имели, кроме того, доход с имений, или были женаты на богатых». Из 36 командиров корпусов земельной собственностью владело 5 человек. Российский офицерский корпус всегда

получал более низкое денежное содержание в сравнении с офицерскими корпусами других стран Западной Европы (см. Приложение 3).

Офицеры русской армии были ущемлены по сравнению с государственными чиновниками. Накануне Первой мировой войны командир корпуса получал 9000 рублей в год, а министр 20000 рублей в год. Офицерам с 1884 по 1914 год оклады увеличивались на 10 процентов, а гражданским чиновникам — на 150 процентов.

История свидетельствует, что любой офицер России уже по своему положению был дворянин. Более того, первый офицерский чин давал обладателю потомственное дворянство. Правда, эта планка все время поднималась: с 1845 года потомственное дворянство давал чин майора, с 1856 года — полковника. Остальные офицеры обладали только правами личного дворянства. Согласно данным Военного министерства на 15 мая 1895 года, более половины (50,8 %) офицерского корпуса составляли потомственные дворяне, около четверти (22,1 %) — личные дворяне[19].

Но число потомственных дворян было неодинаковым в различных родах войск: наибольшим оно было в гвардейской кавалерии, служба и жизнь в которой была по карману лишь аристократам. Корпус армейских офицеров представлял собой в этом отношении прямую противоположность гвардии: доля потомственных дворян в нем была значительно меньше, а доля выходцев из крестьян и мещан возрастала. К 1895 году офицеры — выходцы из крестьян составляли 5,9 процента, а из мешан — 6,9 процента[20]. А если приплюсовать 30,3 процента разночинцев[21], пополнивших корпус армейских офицеров, то становится ясным: офицерский корпус с допуском в его ряды разночинцев и лиц других сословий потерял социальную монолитность, утратил сословный характер.

Эволюция сословного состава офицерского корпуса была закономерна. Небезынтересно здесь мнение английского ученого А. Дж. Тойнби, объясняющего ломку сословных перегородок в любом обществе в любую эпоху. Он считает, что каждый класс поддерживает свою численную силу не только естественным ростом, но и рекрутированием представителей из низших слоев; высший класс, которому некуда больше расти, «освобождает постоянно места для представителей низов и сходит с социальной лестницы в третьем и четвертом поколении». Рекрутированные из разных сословий в класс дворянства офицеры вносили в общественную психологию своей корпорации новые веяния, присущие только им, обогащаясь одновременно ценностями тех, к

кому пришли.

Поэтому в армии царской России в конце XIX — начале XX века имели место случаи, когда даже среди генералитета были выходцы из небогатых слоев общества, в том числе и будущие вожди Белого движения — М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин и другие.

Вместе с тем, отметим это особо, демократизация корпуса офицеров отнюдь не сняла проблему социального происхождения. Подтверждением может служить неравномерное положение гвардии и армии. Первая, как известно, комплектовалась, в подавляющем большинстве, из привилегированных слоев. Ко времени русско-японской войны чин полковника в гвардейской артиллерии получали в среднем на 27-м году службы, а в армейской — на 33-м. Подобные деформации вызывали недовольство армейских офицеров.

Приходится констатировать, что не все было благополучно и во взаимоотношениях офицеров Генерального штаба (армейская элита) с войсковым офицерством. Об этом вспоминает, в частности, последний дворцовый комендант Николая II В. И. Воейков. Он пишет, что строевые офицеры не чувствовали симпатии к «черному войску», как они называли офицеров Генерального штаба главным образом из-за их «надменной манеры держать себя».

В конце XIX — начале XX века армия стала все более демократизироваться и подвергаться революционным влияниям, несмотря на традиционную аполитичность офицерского корпуса и усиление репрессивных мер. Например, военнослужащим запрещалось участвовать в политических организациях. Военнослужащие, в том числе и офицеры, были лишены права участвовать в выборах в Государственную думу. За «политически неблагонадежными» устанавливалось негласное наблюдение. Однако полностью оградить армию от влияния революционно-демократических идей *не удалось.*

Катализатором роста революционизирования армии стало поражение царизма в Русско-японской войне. А. Н. Куропаткин, ознакомившись с настроением войск, находящихся в Маньчжурии, зафиксировал в своем дневнике удивительно меткий вывод: офицерский состав и нижние чины «возврата к прошлому не желают». Этот вывод Куропаткина подтверждается небезынтересной публикацией в большевистской газете «Вперед». В заметке «Харбин» приводятся слова боевого офицера:

«Со времени прибытия в Маньчжурию я во многом изменил свои политические взгляды и 90 процентов офицеров тоже…»

Способствовало росту революционных настроений и то, что

войска стали все чаще привлекаться для выполнения полицейских функций. Если в 1905–1906 годах гражданские власти 6486 раз вызывали войска для подавления волнений, то в 1907 году — уже 156 787 раз. Понятно, почему военный министр А. Ф. Редигер в марте 1908 года, признав низкий уровень боевой подготовки, заявил Председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину: «Армия не учится, а служит вам».

Необходимо особо подчеркнуть, что большую роль в распространении революционно-демократических настроений в армии сыграла работа в войсках и на флотах большевистской и эсеровской партий. Как следствие, офицеры стали принимать непосредственное участие в революционно-демократической борьбе.

Словом, кризис офицерского корпуса носил структурный характер. Отразился он и на внутренней жизни воинских коллективов, в один из которых и влился осенью 1892 года Деникин.

В офицерской среде установилось презрение к угодничеству и к тем, кто переходил на службу в корпус жандармов. К полицейской системе сыска у офицеров было самое негативное отношение. Дело доходило до стычек. Участником такого конфликта стал писатель Куприн. В 1893 году он в чине поручика был отстранен от сдачи экзаменов в Академию Генерального штаба, хотя первые испытания прошел успешно. В академию поступил протокол из полиции, согласно которому Куприн оскорбил полицейского пристава (выбросил его за борт в плавучем ресторане, повздорив из-за места за столиком).

В офицерских коллективах предавались обструкции те, кто нарушил слово, обещание. Офицерам строжайше запрещалось брать деньги взаймы у своих подчиненных и всех нижних чинов и вообще совершать поступки, которые хотя бы косвенно могли бросить тень на их порядочность.

Офицерство очень чутко реагировало на проявление пристрастности и несправедливости со стороны начальников. Одновременно здесь по достоинству ценились благородные поступки командования. И командиры, которые тонко прочувствовали сложившуюся ситуацию, пользовались большой популярностью среди офицерства воинских частей. Это реально ощутил, например, генерал Ганецкий, когда командовал войсками Виленского военного округа. Он любил посещать офицерские собрания. Однажды в офицерском собрании одного из полков перед командующем поставили на стол изысканные закуски и шампанское. Однако на столах остальных офицеров угощение стояло попроще. Ганецкий вызвал подпоручиков и…

посадил их на свое место, а сам пересел на другой конец стола. А после обеда генерал устроил такую головомойку командиру полка в присутствии высших начальников, что полковник не знал, куда ему провалиться со стыда…

Утверждение культа офицерской чести не обходилось без силовых мер. Если, к примеру, офицер подвергается оскорблению или избиению, то он обязан подать в отставку. В своем дневнике за 1897 год бывший адъютант великого князя Константина Николаевича генерал Киреев, человек довольно консервативных взглядов, привел такой факт: «Два офицера лейб-гвардии Гренадерского полка, будучи пьяными, устроили дебош в трактире, в результате чего были сами избиты. Офицеров, конечно, уволили в отставку».

Подобная жесткая практика держала офицеров в напряжении.

Порождением кодекса чести были дуэли. В крупных частях, где были суды чести, дуэли находились в их компетенции, а в мелких частях — разрешались командиром. Дуэли стали чуть ли не обыденным делом. С 1894 по 1904 год в армии состоялось 186 дуэлей. Не случайно дуэли страстно осуждал М. И. Драгомиров. Да и Антон Иванович тоже вспоминал, что дуэли производили на офицеров «тягостное впечатление». Они отнюдь не содействовали укреплению нравственной атмосферы в офицерских коллективах.

Личная жизнь офицеров регламентировалась и практически была под контролем. Согласно правилу, утвержденному в 1866 году, им запрещалось жениться до 23 лет. Более того, до 28 лет офицер мог жениться по разрешению своего начальства и только по представлению сведений о том, что у него и будущей жены есть источники дохода не менее чем на 250 рублей в год. Кроме того, требовался вердикт офицерского собрания и командира полка о благопристойности невесты. Существовала и порочная практика запретов офицерам жениться на еврейках, если избранница не хотела принять вероисповедание мужа.

На самочувствии офицеров дурно сказывалась корпоративность, те, кто не принадлежал к знатным родам, не имел богатых родственников, будучи формально равными с сослуживцами — выходцами из богатых семей, постоянно ощущали свою ущербность.

В общественной психологии офицеров прочно укрепилось мнение, что лучший способ порвать со своим разночинным прошлым — женитьба на титулованной особе. Это придавало вес и положение в обществе, а брак с простолюдинкой мог «испачкать» честь мундира.

Давила на психику и рутинная жизнь в гарнизонном захолустье. Реалии повседневного быта офицеров, столь ярко

описанные Куприным в «Поединке», объясняют в какой-то мере, почему многие современники Деникина — молодые офицеры были замечены в пьянстве, разврате, вели богемный образ жизни, а порою заканчивали свой жизненный путь на дуэли или самоубийством.

Давило еще самодурство старших начальников, полное невнимание к запросам и нуждам офицерской молодежи. Именно произвол и насилие сверху, порождавшие апатию и равнодушие снизу, стимулировали деградацию личности офицера.

В начале XX века в некоторых отдаленных гарнизонах приходилось в среднем в год на каждого офицера прочитанных книг: военных — 0,8, общеобразовательных — 5,9.

Кадровая политика, особенно система аттестования офицерского состава, страдала ярко выраженным субъективизмом. Здесь было обширное поле для злоупотребления. Продвигались бездари и подхалимы. Отсутствовала гласность. Составляя отчет о Русско-японской войне, генерал Куропаткин отмечал, что начальники, имевшие положительную аттестацию, на боевом поле не выдерживали испытания. Наоборот, проходившие путь незамеченными, в боевой обстановке неожиданно развивали свои духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества.

Взаимоотношения офицеров и солдат оставались по-прежнему застарелой российской болезнью.

Передовая военная мысль уже давно уделяла пристальное внимание человеческому измерению военных проблем.

«Солдат считает офицера себе чужим, не доверяет ему и сторонится его, даже в случаях несомненного уважения к нему. Главная вина за подобное возлагается на офицеров, у которых нет уважительного отношения к солдату, признания его человеческого достоинства, нет должного личного примера в отличном знании и добросовестном несении службы, а часто и поведении, а рядом слишком строгое, нередко пристальное отношение к тому же у своих подчиненных».

Замечательный образец уважительного отношения к солдату оставил легендарный генерал М. Д. Скобелев, герой Балканской войны, но это не стало примером для других.

Рукоприкладство, коим так страстно возмущался генерал Драгомиров, было явлением повсеместным. Весьма проблематично утверждение Деникина о том, что отношения между солдатами и офицерами не были слишком суровыми. Наверное, больше прав не Деникин, а американский историк Р. Пайпс, утверждавший, что плохое отношение офицеров к солдатам *было* одной из причин бунта в 1917 году.

Нельзя не сказать и еще об одной серьезной проблеме, что существенным образом обостряла кризисные явления, — взаимоотношения офицерства и гражданского населения. Негативные тенденции проявились здесь с особой силой после того, как резко ухудшилось материальное положение офицеров, что, по вполне понятным причинам, отрицательно сказалось на престиже военной службы. Плюс к этому — антиармейская кампания в прессе.

Итог — отчуждение между офицерством и гражданскими лицами, в первую очередь от радикальной интеллигенции. Постоянные наскоки на офицерский корпус либеральной прессы в конце XIX — начале XX века закономерно сопутствовали выработке у офицеров предубеждения к той среде, из которой слышались все более злобные на них нападки. «Шпаки» (то есть гражданские) стали для офицеров людьми второго сорта…

Как видно, жестокий кризис поразил офицерства лихой эскадрон. Конечно, в тот момент, когда подпоручик Деникин делал первые шаги по тернистому пути русского офицера, не все негативные моменты, о коих я выше поведал читателю, еще просматривались достаточно рельефно. Но подпоручик 46-го Днепровского пехотного полка Куприн уже собирает фактуру для своего «Поединка», оголенная правда которого через 13 лет потрясет всю интеллигентную Россию…

После этого вынужденного, но необходимого отступления вернемся в Белу, где протекала офицерская молодость Деникина.

Город Бела, с населением, не превышающим 8000 человек (из них 5000 евреев, остальные поляки, немного русских — главным образом служилый элемент), представлял типичную стоянку большинства войсковых частей, заброшенных в захолустье Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов. К польскому населению офицерство относилось тактично. В целом же гарнизон жил обособленно. Это была серая, рутинная жизнь. И занимала она по протяженности иногда добрую половину жизни служилых людей. Из года в год одно и то же.

«Одним словом, — считал Деникин, — серенькая жизнь, маленькие интересы».

Офицеры поочередно собирались друг у друга. По вечерам играли в винт, умеренно пили и много пели. И пылко рассуждали о глобальных проблемах мироздания. Но в отличие от своих сверстников — гражданских интеллигентов — решали их по-военному прямолинейно. Государственный строй был для офицеров фактом предопределенным, не вызывавшим ни сомнений, ни разнотолков. Идеологический постулат русского воинства — «За веру, царя и Отечество» — воспринимался

офицерской молодежью с искренним пылом.

Офицерская молодежь, впрочем, как и их старшие товарищи, не проявляла особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилась с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности.

А. И. Деникин очень метко констатировал: левая общественность отвечала враждебностью, либеральная — большим или меньшим отчуждением.

Вскоре патриарх российского марксизма Г. В. Плеханов многозначительно изречет, что ошибкой является «отчуждение офицерского класса, признание его бессознательным элементом общества, опричниной». А В. И. Ленин заметит: «Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным».

Но все-таки это будет потом. А пока создавшийся статус-кво вполне устраивал власти.

…Охота на кабана, крестины, рестораны, — все это офицерский досуг. Однако делу — время, потехе — час…

Молодые офицеры, служившие в Беле, были озабочены одним — необходимостью быстрого вхождения в строй. Давно известна истина: то, чему учили в стенах училища, часто разительно отличается от боевой жизни и деятельности войск.

Батареями в бригаде командовали две крупные личности — Гомолицкий и Амосов, по которым равнялась вся бригада. Их батареи были лучшими в артиллерийском сборе. Их любили как лихих командиров и как товарищей, вносивших смысл в работу и веселье в пиры.

Но с появлением нового командира генерала Л.[22], резко изменилась нравственная атмосфера в офицерском коллективе. Этот человек с первых шагов употребил все усилия, чтобы восстановить против себя всех, кого судьба привела в подчинение к нему. Грубый по природе, Л. после производства в генералы стал еще грубее со всеми — военными и гражданскими. А к обер-офицерам относился так презрительно, что никому из них не подавал руки. Он совершенно не интересовался их бытом и службою, в батареи просто не заходил, кроме дней бригадных церемоний. Парадокс, но факт: генерал, командир бригады на втором году командования заблудился среди казарменного расположения, заставив прождать около часа всю бригаду, собранную в конном строю.

Вскоре Л. окончательно превратился в канцелярского генерала. Из стен его кабинета сыпались предписания, запросы — резкие по форме и ругательные по содержанию, — обличавшие в этом командире не только отжившие взгляды, но и незнание им артиллерийского дела. Сыпались ни за что на офицеров

взыскания, даже аресты на гауптвахте, чего раньше в бригаде не бывало.

И все в соединении перевернулось.

Амосов ушел, получив бригаду, у Гомолицкого, которого Л. стал преследовать, опустились руки. Все, что было честного, дельного, на ком держалась бригада, замкнулось в себе. Началось явное разложение. Пьянство и азартный картеж, дрязги и ссоры стали явлением обычным. Многие офицеры забыли дорогу в казармы. Трагическим предостережением прозвучали три выстрела, унесшие жизни молодых офицеров бригады. Наконец, нависшие над бригадой тучи разразил гром, который разбудил заснувшее начальство.

В бригаде появился новый батарейный командир, подполковник З., темная личность. Похождения его были таковы, что многие бригадные офицеры — факт в военном быту небывалый — не отдавали чести и не подавали руки штаб-офицеру своей части. Летом в лагерном собрании З. нанес тяжкое оскорбление всей бригаде. Тогда обер-офицеры решили собраться вместе и обсудить создавшееся положение.

Небольшими группами и поодиночке стали стекаться на берег реки Буг, на котором стоял лагерь бригады, в глухое место. Офицеры испытывали смущение за действия, не вписывающиеся в менталитет военного человека: они выступали в роли своего рода заговорщиков. На собрании установили преступления З. Старший из присутствовавших капитан Нечаев взял на себя большую ответственность — подать рапорт по команде от лица обер-офицеров. Рапорт дошел до начальника артиллерии корпуса, который наложил резолюцию о немедленном увольнении в запас подполковника З.

Но вскоре отношение к нему начальства почему-то изменилось, и в официальной газете появилось объявление о переводе З. в другую бригаду. Тогда обер-офицеры, собравшись вновь, составили коллективный рапорт, снабженный 28 подписями, и направили его главе всей артиллерии великому князю Михаилу Николаевичу, прося «дать удовлетворение их воинским и нравственным чувствам, глубоко и тяжко поруганным».

Гроза разразилась. Из Петербурга было назначено расследование. Начальник артиллерии корпуса генерал Л. вскоре ушел в отставку; офицерам, подписавшим незаконный коллективный рапорт, объявили выговор, а З. — выгнали со службы.

В такой непростой обстановке проходило офицерское становление Антона Ивановича Деникина.

Он окунулся в службу со всем своим рвением. Чуждый карьерного тщеславия, он стремился совершенствовать военный профессионализм. Поэтому первый год службы в бригаде был целиком посвящен освоению всех премудростей артиллерийского дела. Молодой подпоручик добился поразительных успехов: через год и семь месяцев он был назначен делопроизводителем батареи, а через два с небольшим года — «учителем бригадной команды», то есть Антону Ивановичу доверили подготовку унтер-офицеров.

Налицо явное признание профессиональных успехов молодого подпоручика. И хотя позже в своих воспоминаниях он напишет, что первые два года офицерской жизни прошли «весело и беззаботно», позволю усомниться. Работал он не щадя себя и преуспел во многом.

Завоевал в коллективе личностный авторитет, часто выступая в роли неформального лидера среди офицеров. Об этом свидетельствует один интересный эпизод.

Однажды, когда 2-я артиллерийская бригада шла через Седлец, где квартировался Нарвский гусарский полк, между бригадным подпоручиком Катанским — человеком порядочным и хорошо образованным, но буйного нрава — и гусарским корнетом поляком Карницким, исключительно на почве корпоративной розни, возникло столкновение: Катанский оскорбил Карницкого. Секунданты заседали всю ночь. Деникин, как «старший подпоручик», приложил максимум усилий для того, чтобы предотвратить кровавую развязку. Только на рассвете, когда трубачи играли в сонном городе «Поход», миротворческая миссия Антона Ивановича увенчалась успехом. Дело закончилось примирением потенциальных дуэлянтов.

Закончилось, но не совсем… В Нарвском гусарском полку сочли, что примирение не соответствовало нанесенному Карницкому оскорблению. Возник вопрос о возможности для него оставаться в полку… По этому поводу в Белу приехала делегация суда чести Нарвского полка для выяснения дела. Деникин сумел убедить высокую комиссию в своей правоте. Карницкий был оправдан судом чести и оставлен на службе.

Мистические нити опутывают людей и события… Через четверть века судьба уготовила Антону Ивановичу встречу с корнетом Карницким в чрезвычайных обстоятельствах. Лучше, чем генерал, об этом не расскажешь.

«Я — главнокомандующий и правитель юга России. Он — генерал Карницкий — посланец нового польского государства, прибывший ко мне в Таганрог в 1919 году для разрешения вопроса о кооперации моих и польских армий на противобольшевистском

фронте…

Вспомнил? Или забыл? Не знаю: о прошлом мы не говорили. Но Карницкий в донесениях своему правительству употребил все усилия, чтобы предоставить в самом темном и ложном свете белые русские армии, нашу политику и наше отношение к возрождавшейся Польше. И тем внес свою лепту в предательство вооруженных сил юга России Пилсудским, заключившим тогда тайно от меня и союзных западных держав соглашение с большевиками.

Невольно приходит в голову мысль: как сложились бы обстоятельства, если бы я тогда в Беле не старался реабилитировать честь корнета Карницкого».

Но история — не то интеллектуальное поле, где можно упражняться в красивых прогнозах, составленных в сослагательном наклонении…

После первых двух лет службы Деникин приступил к штурму высоты поистине поднебесной — к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба. С этого момента мир Антона Ивановича сузился до родной батареи да кипы учебников. Чтобы подготовиться к вступительным испытаниям, ему предстояло повторить весь курс наук военного училища и, кроме того, изучить по расширенной программе ряд общеобразовательных предметов: языки, математику, историю, географию.

Заброшены карты и пирушки по вечерам в кругу сослуживцев. А было ему в то время всего-то 22 года от роду. Сколько же соблазнов вокруг! Но с сентября 1894 до августа 1895 года подпоручик Деникин медленно, но уверенно идет к своей цели. Вот когда проявилась первый раз в полную силу железная воля того, кто будет не в таком уж отдаленном будущем поднимать в атаку полки, а когда потребует обстановка, то и идти впереди в боевой цепи, не кланяясь пулям.

В июле 1894 года пришел приказ командующего войсками Варшавского военного округа № 148 об откомандировании в штаб округа подпоручика Деникина «для предварительного испытания на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба».

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

В науке нет широкой столбовой дороги. И только тот достигает ее сияющих вершин, кто, не боясь усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

К. Маркс

Академия Генерального штаба… Старейшее элитное высшее военно-учебное заведение Российской империи. Хрустальная мечта русских офицеров. Плацдарм для генеральских погон… Она была основана 26 ноября (8 декабря) 1832 года в Санкт-Петербурге как Императорская военная академия. Предназначением данного высшего военно-учебного заведения стало «образование офицеров к службе Генерального штаба» и «для вящего распространения знаний армии». С 1855-го стала именоваться «Николаевская академия генерального штаба». За время своего существования (до 1918 года) академия выпустила в общей сложности более 4,4 тысячи офицеров.

Выпускники академии предназначались для замещения трех категорий должностей офицеров Генерального штаба (начальники дивизий, командиры корпусов и др.); замещаемые офицерами Генерального штаба (начальник штаба крепости 3-го класса и др.); те, которые не должны замещаться офицерами Генштаба, но по сложности функциональных обязанностей замещались ими (начальник штаба округа, дежурный генерал и др.). Из 1329 офицеров, окончивших Академию Генерального штаба в 1852–1882 годах: служили в Генеральном штабе — 903; получили в командование полк — 197; бригаду — 66; дивизию — 49; корпус — 8; войска военного округа — 7.

Воистину, кузница генеральских кадров…

Конечно, кризисные явления не могли не коснуться и элитного высшего военно-учебного заведения царской России.

Выпускник Академии Генерального штаба генерал В. И. Доманчевский в 1929 году, находясь в белой эмиграции, писал:

«Николаевская академия Генерального штаба времен М. И. Драгомирова, Г. А. Леера, Н. И. Сухотина давала слушателям многое: метод, систему, стремление искать правду. Наряду с этим академия страдала крупными недостатками — оторванностью от жизни, казенным отпечатком научности академии».

В условиях кризиса, переживаемого академией, шел, однако,

поиск путей повышения эффективности ее деятельности. Трижды менялись взгляды на академию. На нее смотрели и как на специальную школу комплектования Генерального штаба, и как на военный университет. Из академии стали выпускать вдвое больше офицеров, чем требовалось для Генштаба, причем не причисленные к нему возвращались в свои части «для поднятия военного образования в армии».

Из «военного университета», однако, ничего не вышло. С 1894 года перед академией власти империи поставили основную задачу — распространение высшего военного образования в армии. Поэтому после 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс и, лишь окончив его, причислялись к Генеральному штабу. Выпускникам академии вменялось в обязанность прослужить в военном ведомстве 1,5 года за каждый год обучения.

Вроде бы появилась некая стабильность, что представляется важным. Ведь для непривилегированного офицерства иначе, как через узкие ворота «Генерального штаба», выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно. Достаточно сказать, что ко времени Первой мировой войны высшие командные должности занимало подавляющее число лиц, вышедших из Генерального штаба: 25 процентов полковых командиров, 68–77 процентов начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 процента корпусных командиров. А академисты второй категории, не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего.

Кроме того, недостаточность содержания в петербургских условиях (81 рубль в месяц) и конкурс придавали учебе характер подлинной борьбы за выживание.

Но все же академия при всех недостатках являлась хорошей, действительно высшей военной школой. Ее выпускникам история предоставила печальный шанс на апробацию полученных знаний, навыков, умений на сопках Маньчжурии и в окопах Первой мировой войны.

Деникин поступал в академию после того, как обилие кандидатов побудило с 1885 года принимать по конкурсу (трехлетний строевой ценз для кандидатов установили еще в 1878 году). Поступление в академию становилось для офицерства последним и решительным боем. В округе держали экзамен 1500 офицеров, на экзамен в академию допускали 400–500, а поступали — 140–150 человек. На третий курс переходили 100.

Из них причисляли к Генеральному штабу 50. То есть после отсеивания оставалось всего лишь 3,3 процента.

Вот через какое сито прошел Антон Иванович, прежде чем в октябре 1895 года прочитал сухие строки приказа о своем зачислении. Душа Антона Ивановича ликовала, он еще не знал, что скоро попадет «из огня в полымя»…

Академическое обучение продолжалось три года. Первые два года — слушание лекций.

На третьем году начиналась самостоятельная работа в различных областях военного дела и защита диссертаций, доставшихся по жребию. Причем, когда начальником академии являлся генерал Драгомиров, слушатели защищали только одну диссертацию. Но когда академию принял «бог стратегии» (так называли генерала Леера), то была введена защита трех тем диссертационных исследований. Она проходила перед академической профессурой, которая разбирала ее, судя по свидетельству генерала Алексеева, буквально по косточкам.

Непомерно большим был курс теоретических дисциплин, втиснутый, по соображениям государственной экономии, в двухгодичный срок. В нем доминировали общеобразовательные предметы: политическая история, русский язык, иностранный язык, славистика, государственное право, геология, высшая геодезия, астрономия, сферическая геометрия.

Кое-кому сложившиеся порядки в академии были явно не под силу. Не случайно многие слушатели уходили из академии раньше срока… И как бы в подтверждение тому, в послужном списке Антона Ивановича значится сухая, но столь многозначительная фраза: «С разрешения начальника Генерального штаба по невыдержанию экзамена отчислен из академии. Май 1896 года».

Оказывается, камнем преткновения для Деникина стал экзамен по истории военного искусства. Принимал его профессор Баскаков. Антону Ивановичу достался вопрос о Ваграмском сражении[23]. Баскаков прервал его, не выслушав до конца:

— Начните с положения сторон ровно в двенадцать часов.

Антон Иванович считал, что в данный час никакого перелома в сражении не было. Стал сбиваться. Как он ни подходил к освещению боевых действий, профессора это не удовлетворяло, и тот раздраженно повторял:

— Ровно в двенадцать часов.

Наконец, глядя презрительно, как-то поверх собеседника, Баскаков сказал:

— Быть может, вам еще с час подумать нужно?

— Совершенно излишне, господин полковник.

По окончании экзамена комиссия совещалась очень долго. Наконец, зачитываются отметки. А затем:

— Кроме того, комиссия имела суждения относительно поручиков Иванова и Деникина и решила обоим прибавить по полбалла. Таким образом, поручику Иванову поставлено семь, а поручику[24] Деникину шесть с половиной.

Оценка знания — дело профессорской совести, но такая прибавка была лишь злым издевательством: для перевода на второй курс требовалось не менее 7 баллов из 12 возможных. Антон Иванович покраснел и доложил:

— Покорнейше благодарю комиссию за щедрость.

Откуда в той ситуации у него взялись силы для сарказма?!

Провал. На второй год в академии не оставляли и, следовательно, предстояло пройти через позор отчисления из числа слушателей элитного военно-учебного заведения.

Что делать? В душе двадцатичетырехлетнего офицера полное смятение. Возвращаться в родную бригаду? Но это же такой позор! Отставка? Перевод в Заамурский округ пограничной стражи? Вроде бы нужны инструкторы в Персию?

Успокоившись, Антон Иванович принимает мужественное решение: начать все с начала! Он возвращается в свою бригаду, а через три месяца блестяще снова сдает экзамен в Академию Генерального штаба на первый курс. Из 150 претендентов поручик Деникин стал четырнадцатым. Причем по математике он набирает 11,5 и за русское сочинение — 12 баллов. И все душевное напряжение нашего поручика осталось потомкам в одной скупой строчке его послужного списка: *«Повторная сдача испытаний в Академию Генерального штаба, куда и зачислен по сдаче. Октябрь 1896 год».*

Доказал всем, что его отчисление — несправедливость.

Итак, снова Петербург, бессонные ночи за учебниками, вечное самоутверждение. Впрочем, не только…

Антон Иванович мог любоваться красотами Петербурга, но ходить по паркетам роскошных дворцов родовой знати офицеру-провинциалу не дано. И вдруг — фортуна!

В Зимнем дворце периодически давали балы в тесном кругу родовой и служебной знати. Но первый бал — открытие сезона — был более доступен. На нем собиралось тысячи полторы гостей. Получила 20 приглашений и академия. Одно из них досталось Деникину. Вся обстановка бала казалась феерией — по грандиозности и импозантности зала, по блеску военных форм и дамских костюмов, по всему своеобразию придворного ритуала. Он наблюдал придворную жизнь, танцевал, отдавал посильную дань царскому шампанскому, переходя от одного

прохладительного буфета к другому. Это была какая-то другая жизнь, далекая от реальности.

В академические годы в жизнь Антона Ивановича Деникина властно постучалась политика. Нет, он не записался в подпольный офицерский кружок. В стенах академии их просто не имелось. Да и не могло быть. Академия являлась учреждением, где у слушателей традиционно складывалось негативное отношение к увлечению политикой. Генерал Драгомиров, в бытность свою начальником академии, напутствовал подопечных так:

— Я с вами говорю, как с людьми, обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить царю и его врагам.

Знакомство Деникина с политической жизнью Петербурга оказалось намного прозаичнее… Однажды к нему пришли две знакомые курсистки в состоянии большого душевного волнения:

— Антон Иванович, ради бога, помогите!

— Что случилось?

— У нас ожидается обыск. Нельзя ли спрятать у вас на несколько дней литературу?..

— Извольте, но с одним условием, я лично все пересмотрю.

— Пожалуйста.

В тот же вечер они притащили на квартиру Деникину три объемных чемодана. Так молодой офицер приобщился к политической литературе, имея к ней в тот момент, однако, довольно стойкий иммунитет.

Деникин проштудировал политическую литературу, принесенную знакомыми курсистками. Он не попал под мистическую силу прочитанных произведений, «заряда на всю жизнь» не получил. Она показалась ему нежизненной, начетнической, наполненной злобой разрушения и ненависти. Такая оценка соответствовала внутренним деникинским убеждениям.

Антон Иванович, пытаясь быть объективным, признает, что тогдашняя власть давала достаточно поводов для обличения и осуждения. Но пропаганда, выполняя задачи обличения царского режима, в то же время оперировала и заведомой неправдой, игнорируя в рабочем и в крестьянских вопросах государственные интересы, обнаруживая в делах военных непонимание существа армии, государственно-охранительного начала, незнание ее быта и взаимоотношений.

Да что говорить про анонимные воззвания, когда бывший офицер, автор «Севастопольских рассказов», «Войны и мира»,

яснополянский философ Лев Толстой сам писал брошюры, призывавшие армию к бунту и поучавшие: «Офицеры — убийцы… Правительство со своими податями, с солдатами, с острогами, виселицами и обманщиками-жрецами — суть величайшие враги христианства». Было отчего недоумевать Деникину…

Антон Иванович имел возможность в академические годы познакомиться и с нелегальной политической литературой, издававшейся за границей и проникавшей в Россию: журналами «Освобождение» П. Б. Струве, «Красное знамя» А. В. Амфитеатрова. Данные издания, однако, его не заинтересовали.

Тут он не одинок. Нельзя, конечно, отрицать, что именно интеллигентские слои российского социума образца конца XIX — начала XX века являлись и поставщиками, и потребителями, и главными пропагандистами идей, заложенных в нелегальной литературе. Но не все интеллигентные люди того времени попадали под ее чары. Знаменитый дореволюционный адвокат Н. П. Карабчевский после знакомства с литературой социал-демократов, а также некоторыми фигурантами данной партии написал на них довольно едкую эпиграмму:

Жаждем мы мира
Для всего мира,
Счастья без меры
Ценой химеры.

Но нелегальная литература, с коей волею обстоятельств познакомился Деникин, не просто оставила его равнодушным. Некоторые провозглашаемые постулаты, что попали в поле зрения Антона Ивановича на страницах нелегальной литературы, вызвали у него не только неприятие, а натуральную аллергию. Они буквально взорвали его:

«Первое, что должна будет сделать победоносная революция, — это, опираясь на крестьянскую и рабочую массу, объявить и сделать военное сословие упраздненным» («Красное знамя»).

Упразднить армию, офицерство? Троцкий и Ленин, однако, после прихода к власти создали могучую Красную Армию…

По своим убеждениям Деникин все больше становился на позиции российского либерализма:

«В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение, — писал он в своих мемуарах, — я никогда не сочувствовал ни „народничеству“ (преемники его социал-революционеры) с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материалистических

ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие привело меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия. 2) Радикальные реформы. 3) Мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

Бывший вождь Белого дела на финишной прямой своего земного бытия не лукавил. Б. Энгельгардт, один из ближайших сотрудников Деникина в период его единоличной военной диктатуры на белом юге России, глубоко подметил, что генерал был самого демократического происхождения, а «по убеждениям типичный русский либерал в военном мундире».

И еще одна уникальная, если хотите, парадоксальная деталь. В своих оценках марксизма Деникин сходится… с Керенским, со своим ярым оппонентом, чуть не отдавшим Антона Ивановича под военно-полевой суд после корниловского выступления.

В личном архиве бывшего главы Временного правительства, хранящемся в США, в одной из записок есть мысль, что отличительная черта марксизма — отрицание Бога, всякого духовного в человеке. Керенский видел огромное трагическое значение Маркса в мировой истории, в частности в том, что Маркс освобождал своих приверженцев от «Законов общечеловеческой морали». И говорит это Александр Федорович Керенский, трагическая фигура истории государства Российского, точно так же, как и Антон Иванович Деникин в конце жизни в контексте анализа пройденного пути.

Невольно поверишь, что крайности иногда сходятся…

…А годы учебы Деникина в академии между тем летели очень быстро. Учился он трудно, неровно, но успешно (см. Приложение 4). И по выпуску… не был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба. Почему? Попробуем разобраться.

Хождения по мукам начались для него с того момента, как военный министр генерал Куропаткин решил произвести перемены в академии. Генерал Леер был уволен, а начальником академии назначен бывший профессор и личный друг Куропаткина генерал Сухотин.

Назначение оказалось весьма неудачным. По характеру своему человек властный и грубый, генерал Сухотин внес в жизнь академии сумбурное начало. Ломал, но не строил. Его краткое — около трех лет — командование академией было наиболее сумеречным ее периодом.

Весною 1899 года Деникин, поступивший в академию при Леере, заканчивал третий курс при Сухотине. На основании закона был составлен рейтинг выпускников. Около 50 офицеров, среди которых был и Антон Иванович, причислялись к корпусу Генерального штаба; остальным предстояло вернуться в свои части. Причисленных пригласили в академию, от имени Сухотина поздравили, и начались практические занятия по службе Генерального штаба, длившиеся две недели.

Счастливцы ликвидировали свои дела, связанные с Петербургом, и готовились отъезду.

Но однажды, придя в академию, они были поражены новостью. Список офицеров, предназначенных в Генеральный штаб, был снят и на его место вывешен другой. Вся академия волновалась. И хотя Деникин удержался в новом списке, на душе было неспокойно.

Предчувствия оправдались. Новый, третий, затем четвертый список, новая перетасовка и новые жертвы. В их числе и Антон Иванович.

Кулуары и буфет академии, где собирались выпускные, походили на разворошенный улей. Злая воля играла судьбами, смеясь и над законом, и над человеческим достоинством.

Выяснилось, что Сухотин через голову конференции и главного штаба запросто ездит к военному министру с докладами об «академических реформах» и привозит краткую резолюцию — «согласен».

Несколько раз сходились Деникин и три его товарища по несчастью, чтобы обсудить свое положение. Обращение к академическому начальству ни к чему не привело. Один из ущемленных в правах попытался попасть на прием к военному министру, но его без разрешения академического начальства до него не допустили. Другой, будучи лично знаком с начальником канцелярии Военного министерства, заслуженным профессором академии, генералом Редигером, явился к нему. Редигер знал все, но помочь не мог:

— Ни я, ни начальник главного штаба ничего сделать не можем. Это осиное гнездо совсем опутало военного министра. Я изнервничался, болен и уезжаю в отпуск.

Антон Иванович решил прибегнуть к средству законному и предусмотренному дисциплинарным уставом: к жалобе. Так как нарушение прав произошло по резолюции военного министра, то жалобу надлежало подать его прямому начальнику — государю. Деникин предложил сделать это товарищам по несчастью, но они уклонились. Тогда он в одиночку подал жалобу на высочайшее имя.

Это был дерзкий и неслыханный поступок — Антон Иванович не без волнения опускал конверт с жалобой в ящик, подвешенный к внушительному зданию, где помещалась Канцелярия прошений на высочайшее имя подаваемых.

Военный министр, узнав о жалобе, приказал собрать академическую конференцию. И та вынесла следующее решение:

«Оценка знаний выпускных, введенная начальником академии, в отношении уже окончивших курс незаконна и несправедлива, в отношении же будущих выпусков нежелательна».

В ближайший день Антон Иванович получил записку — прибыть в академию. Приглашены были и три товарища по несчастью. Полковник Мошнин заявил:

— Ну, господа, поздравляю вас: военный министр согласен дать вам вакансии в Генеральный штаб. Только вы, штабс-капитан Деникин, возьмете обратно свою жалобу, и все вы, господа, подадите ходатайство, этак, знаете, пожалостливее. В таком роде: прав, мол, мы не имеем никаких, но, принимая во внимание потраченные годы и понесенные труды, просим начальнической милости…

Видимо, Мошнин добивался признания у Деникина в «ложности жалобы». Кровь бросилась в голову:

— Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что принадлежит по праву.

— В таком случае нам с вами разговаривать не о чем. Предупреждаю, что окончите плохо. Пойдемте, господа.

Заведующий курсом повел друзей Деникина в пустую аудиторию, дал бумагу и усадил за стол. Покаянное заявление появилось на свет.

А по поводу строптивца Мошнин прямо заявил слушателям академии:

— Дело Деникина предрешено: он будет исключен со службы.

Чтобы умерить усердие академического начальства, Антон Иванович решил пойти на прием к директору Канцелярии прошений — попросить об ускорении запроса военному министру.

Внимательно выслушав рассказ Антона Ивановича, директор высказал следующее предположение: закон нарушен, чтобы «протащить в Генеральный штаб каких-либо маменькиных сынков».

— Чем могу помочь вам?

— Прошу об одном: как можно скорее сделать запрос военному министру.

— Обычно это довольно длительная процедура, но обещаю вам в течение двух-трех дней выполнить просьбу.

Так как Мошнин грозил увольнением со службы, Антон Иванович обратился в Главное артиллерийское управление, к генералу Альтфатеру, который заверил, что в рядах артиллерии он останется во всяком случае. Обещал доложить обо всем главе артиллерии, великому князю Михаилу Николаевичу.

Запрос Канцелярии прошений военному министру возымел действие. Академия оставила Деникина в покое, и дело перешло в главный штаб. Для производства следствия над «преступлением» Деникина назначен был пользовавшийся в Генеральном штабе большим уважением генерал Мальцев. В главном штабе будущий генерал, а пока жалобщик, встретил весьма внимательное отношение. Генерал Мальцев в своем докладе сказал, что выпуск из академии произведен незаконно, а в действиях Антона Ивановича нет состава преступления.

К составлению ответа Канцелярии прошений были привлечены юрисконсульты Главного штаба и Военного министерства, но Куропаткин порвал два проекта ответа, сказав раздраженно:

— И в этой редакции сквозит между строк, будто я не прав.

Так шли неделя за неделей… Давно прошел обычный срок для выпуска из военных академий, исчерпаны были кредиты и прекращена выдача академистам добавочного жалованья и квартирных денег по Петербургу. Многие офицеры бедствовали. Начальники других академий настойчиво добивались у Сухотина, когда же разрешится инцидент, задерживающий представление выпускных офицеров четырех академий.

Наконец, ответ военного министра в Канцелярию прошений был составлен и послан; испрошен был день высочайшего приема; состоялся высочайший приказ о производстве выпускных офицеров в следующие чины «за отличные успехи в науках». К большому своему удивлению, Деникин прочел в нем и о своем производстве в капитаны.

По установившемуся обычаю, за день до представления государю в одной из академических зал выпускные офицеры представлялись военному министру. Генерал Куропаткин обходил их, здороваясь, и с каждым имел краткий разговор. Подойдя к Антону Ивановичу, он вздохнул глубоко и прерывающимся голосом сказал:

— А с вами, капитан, мне говорить трудно. Скажу одно: вы сделали такой шаг, который не одобряют все ваши товарищи.

Деникин не ответил ничего.

Военный министр был плохо осведомлен. Он не знал, с каким трогательным вниманием и сочувствием отнеслись офицеры к опальному капитану. Не знал, что впервые за существование

академии состоялся общий обед выпускных, на котором звучал протест против академического режима и нового начальства.

…Настал долгожданный день. Был подан особый поезд для выпускных офицеров четырех академий и начальствующих лиц. На вокзале Антон Иванович несколько раз ловил на себе испытующие и враждебные взгляды академического начальства. На их лицах было видно явное беспокойство: не вышло бы какого-нибудь «скандала» на торжественном приеме.

Во дворце выпускников построили в одну линию в порядке последнего *незаконного* списка старшинства. По прибытии Куропаткина и после разговора его с Сухотиным полковник Мошнин подошел к строю, извлек из рядов трех сослуживцев Деникина по несчастью и переставил их выше — в число назначенных в Генеральный штаб. Отделил их интервалом в два шага… Антон Иванович оказался на правом фланге офицеров, не удостоенных причисления.

Генерал Альтфатер, как оказалось, исполнил свое обещание. Присутствовавший на приеме великий князь Михаил Николаевич подошел к Антону Ивановичу перед приемом и, выразив сочувствие, сказал, что доложил государю во всех подробностях его дело.

Ждали долго. Наконец по рядам раздалась тихая команда:

— Господа офицеры!

Вошел государь. По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение — нескольких сот офицеров, каждому из которых предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое.

Подошел император, наконец, к нашему герою. Тот почувствовал на себе со стороны чьи-то тяжелые, давящие взоры… Скользнул взглядом: Куропаткин, Сухотин, Мошнин — все смотрели на него сумрачно и тревожно.

Назвал свой чин и фамилию. Раздался голос государя:

— Ну, а вы как думаете устроиться?

— Не знаю. Жду решения Вашего Императорского Величества.

Николай II повернулся вполоборота и вопросительно взглянул на военного министра. Генерал Куропаткин низко наклонился и доложил:

— Этот офицер, ваше величество, не причислен к Генеральному штабу за характер.

Государь повернулся опять к Деникину, задал еще два незначительных вопроса: долго ли он на службе и где расположена его бригада. Приветливо кивнул и пошел дальше.

Антон Иванович видел, как просветлели лица начальства. У

него же от разговора, столь мучительно ожидаемого, остался тяжелый осадок на душе и разочарование… в «правде воли монаршей»…

Кто сегодня склонен идеализировать быт и нравы армии царской России, почитайте внимательно то, что написано выше…

Восемь месяцев, с сентября 1899 по апрель 1900 года Антон Иванович временно исполняет должность помощника адъютанта строевого отделения. Причем он так ревностно относится к службе, что заслуживает от генерала Пузыревского лестные аттестации, незамедлительно отправляемые в Петербург. Начальник штаба Варшавского военного округа трижды возбуждает ходатайство о переводе Антона Ивановича в Генеральный штаб. На два ходатайства ответа вовсе не было получено, на третье пришел ответ:

«Военный министр воспретил возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине».

Через некоторое время пришел ответ и от Канцелярии прошений:

«По докладу такого-то числа военным министром вашей жалобы Его Императорское Величество повелеть соизволил — оставить ее без последствий».

Тем не менее на судьбу обойденных офицеров обращено было внимание: вскоре всем офицерам, когда-либо успешно кончившим полный курс академии, независимо от балла, разрешили перейти в Генеральный штаб. Всем, кроме Антона Ивановича.

Больше ждать было нечего и неоткуда. Начальство Варшавского округа уговаривало Деникина оставаться в прикомандировании. Но его тяготило такое неопределенное положение: не хотелось больше жить иллюзиями. В апреле 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду.

Очередной удар судьбы! Сколько же их будет еще впереди?!

Деникин прошел суровую школу выживания с огромными материальными и душевными потерями. Но не сломался в нравственном отношении, а пошел до конца в неравной борьбе с всесильным военным министром. Именно в академии укрепилась такая черта характера А. И. Деникина, как нетерпимость к несправедливости. Он разочаровался в государе, что не было поводом усомниться в государственном устройстве. Правда, его умом овладела идея конституционной монархии. Мы увидели рождение либерала в погонах…

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ И ПУТЬ НАВЕРХ

Ты сошел с горы, но взошел еще
на более высокую гору.

Древневосточная мудрость

Старший офицер 1-й батареи 2-й артиллерийской бригады капитан Деникин не спеша прогуливался погожим майским вечерком по грязным улочкам вышедшего из зимней спячки провинциального городка Бела. Он не пошел в компанию офицеров, хотя и приглашали. Решил остаться наедине со своими мыслями…

Антон Иванович увидел множество изменений в своей бригаде. Генерал Завацкий, новый командир 2-й артиллерийской бригады, — отличный строевой командир и воспитатель личного состава. Он начал с того, что, запершись в кабинете с адъютантом поручиком Ивановым, проговорил с ним часа три, ознакомившись с печальным наследием генерала Л. Потом исподволь, без ломки стал налаживать выбитую из колеи бригадную жизнь.

Командир часто заходил в собрание, где первое время столовался, любил поговорить с офицерами — одинаково приветливо с полковником и с подпоручиком. Однажды в разговоре заметил:

— По-моему, как следует вести обучение может только офицер…

Как-то утром поручик 3-й батареи проспал занятия, а генерал Завацкий произвел за него обучение конной смены, ни слова не сказав командиру батареи… Зашел на другой день в 5-й батарею — позанимался там с наводчиками; в 1-й батарее произвел учение при орудиях, а командира батареи, который, получив известие о появлении бригадного, наскоро оделся и прибежал в парк, успокоил:

— Ничего, мне не трудно. Я по утрам свободен.

Недели через две даже самый беспутный штабс-капитан, игравший обыкновенно всю ночь в карты и забывший дорогу в батарею, стал аккуратно являться на занятия.

Впрочем, и штос вскоре прекратился. Завацкий просто предупредил господ офицеров:

— Я никогда не позволю себе аттестовать на батарею офицера, ведущего азартную игру.

И штос, открыто и нагло царивший в офицерском собрании,

сначала замер в холостяцких квартирах, а потом и вовсе исчез.

Зная и требуя службу, генерал близко вошел и в бригадный быт, начиная с благоустройства лагеря, бригадного собрания, солдатских лавочек, построенной им впервые в Беле гарнизонной бани и кончая воспитанием молодежи. Аресты офицеров, казавшиеся недавно необходимым устоем службы, больше не применялись.

А. И. Деникин вспоминал, что за первую четверть века своей службы он знал среди высшего командования армии только одного человека, который порвал с этой традицией. Это был командир 20-го корпуса генерал Мевес, умерший за три года перед японской войной.

Но Мевес не был новатором, ибо существовал давно забытый указ времен царя Петра Великого:

«Всех офицеров без воинского суда не арестовать, кроме изменных дел…»

И вот на жизненном пути Антона Ивановича попался командир, который отказался от такого надежного, но крайне унизительного средства воздействия на офицеров, как арест. Более того, генерал Завацкий дисциплинарных взысканий на офицеров не накладывал вовсе. Провинившихся приглашал в свой кабинет… Один из таких несчасливцев признавался:

— Легче бы сесть на гауптвахту. Это человек умеет душу твою вывернуть наизнанку и в безупречно корректной форме в течение часа доказывать тебе, что ты — тунеядец или тупица, не понимающий, что значит офицерское звание.

Залечивать душевную травму и самоутверждаться Деникин мог лишь под началом такого прекрасного командира.

Осенью 1900 года капитан Деникин был перемещен «по воле начальства заведующим хозяйством в 3-ю батарею». Ею командовал подполковник Покровский — выдающийся командир, отличный артиллерист и опытный хозяйственник. За 5 лет, проведенных вне бригады, Деникин несколько отстал от артиллерийской службы. Но в строевом отношении вскоре занял надлежащее место, а в области тактики и маневрирования считался в бригаде авторитетом.

Академическая история и «изгнание» из Генерального штаба нисколько не уронили в глазах товарищей престиж Антона Ивановича. Он состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем распорядительного комитета бригадного собрания.

Большое уважение в обществе господ офицеров капитан Деникин завоевывал тем, что активно вел себя в кругу сослуживцев, часто организовывавших культурные собрания.

Красноречие, низкий голос, обширные знания, неотразимая логика молодого капитана покоряли офицеров. На собрании, где выступал Деникин, всегда было достаточное количество внимательных слушателей. Особенно все это привлекало офицерскую молодежь. Она как-то очень тонко, что свойственно молодости вообще, воспринимала тот факт, что Антон Иванович не испугался выступить против произвола и унижения личного достоинства. Шутка ли, подать жалобу государю императору на самого военного министра, всесильного генерала Куропаткина, могущего в порошок стереть в мгновение ока любого строевого обер-офицера!

Атмосфера бельского захолустья не слишком его тяготила. Он активно участвует в общественной жизни, центр которой — бригадное офицерское собрание. У него есть тесный круг сослуживцев-приятелей, а также две-три интеллигентные городские семьи.

Антон Иванович возобновил визиты вежливости в семейство Василия Ивановича Чижа. Ася, у которой он был в свое время на крестинах, превратилась в очаровательного ребенка. В день восьмилетия Аси Деникин подарил ей куклу, купленную в столице. Когда ее клали, она закрывала глаза. Ася прыгала от восторга…

Молодой капитан стал увлекаться литературной работой. Так началось рождение будущего талантливого военного писателя.

Правда, первый свой рассказ Деникин написал, еще учась в академии. Он был опубликован военным журналом «Разведчик» в 1898 году. Сам автор оценил свой первый литературный опыт как неважный, но все-таки испытал большое волнение, увидев рассказ напечатанным. Сюжет его был взят из бригадной жизни. Характерная деталь: артиллерийский поручик обращается к денщику на «Вы» и ведет разговоры по душам. Позволю предположить: в герое рассказа Антона Ивановича просматриваются черты характера будущего генерала.

Антон Иванович начал регулярно печатать очерки из военного быта в «Разведчике», а рассказы и статьи военно-политического содержания — в «Варшавском дневнике», единственном русском органе, обслуживавшем русскую Польшу. Писал под псевдонимом «И. Ночин», который, впрочем, не составлял секрета. Один из рассказов всколыхнул тихую заводь бельской жизни. Вот вкратце содержание.

«Жил в Беле один „миллионер“ по фамилии Пижиц. Нажился он на арендах и подрядах военному ведомству: казармы, ремонты, отопление и проч. Там же жил некий Финкельштейн, занимавшийся тем же, и конкуренция с Пижицем его разорила.

Финкельштейн питал ненависть к Пижицу и чем мог старался ему повредить. Писал разоблачения и доносы во все учреждения, но безрезультатно. У Пижица была „рука“ в штабе округа и у губернатора, поэтому он правдами и неправдами стал монопольным поставщиком на всю губернию.

У Пижица был сын Лейзер, которому подошел срок поступить в солдаты. Пижиц раздал „денежные подарки“ членам Вельского воинского присутствия и был уверен, что сына его освободят.

Пришел день освидетельствования. Лейзер давал такие правильные ответы доктору, подносившему к его глазам сбивчивые комбинации стекол, что Присутствие единогласно признало его близоруким и к службе не годным. Вечером в местном клубе за рюмкой водки доктор выдал своему приятелю секрет:

— Очень просто: стекло в правой руке — „вижу“, в левой — „не вижу“…

В отношении больных глазами требовалось переосвидетельствование в особой комиссии в Варшаве. Пижиц знал, что председатель этой комиссии также не брезгует „денежными подарками“. Собрался в Варшаву.

Председателю комиссии доложили, что его желает видеть Пижиц. Посетитель долго и неприлично торговался и наговорил председателю таких дерзостей, что тот вытолкал его за двери. Финкельштейн… ибо это был он, а не Пижиц… слетел стремглав с лестницы и исчез.

Когда на другой день настоящий Пижиц явился на квартиру председателя, то доложивший о нем лакей вернулся и сказал изумленному Пижицу, что его не велено пускать на порог…

А через несколько дней в один из полков за Урал был отправлен молодой солдат Лейзер Пижиц».

Рассказ Антона Ивановича с некоторыми вымышленными, конечно, именами изобиловал фактическими и глубоко комичными деталями. Нужно знать жизнь уездного захолустья, чтобы представить себе, какой произошел там переполох. Очень гневался губернатор, воинский начальник поспешил перевестись в другой город, докторша перестала отвечать на приветствие, Пижиц недели две не выходил из дому, а Финкельштейн, гуляя по главной улице города, совал всем знакомым номер газеты, говоря:

— Читали? Так это же про нас с Пижицем написано!

Так жил, служил и развлекался в бельском захолустье капитан Деникин.

Вместе с тем воспоминания об академическом эпизоде, хотя мало-помалу теряли свою остроту, но периодически болезненно всплывали в памяти Деникина.

И вот однажды, в хмурый осенний вечер написал Антон Иванович частное письмо Алексею Николаевичу Куропаткину:

«*„А с Вами мне говорить трудно“. С такими словами обратились ко мне Вы, Ваше превосходительство, когда-то на приеме офицеров выпускного курса Академии. И мне было трудно говорить с Вами. Но с тех пор прошло два года, страсти улеглись, сердце поуспокоилось, и я могу теперь спокойно рассказать Вам всю правду о том, что было».*

Затем Деникин вкратце изложил уже известную читателю историю о выпуске из академии. Ответа не ждал. Просто захотелось отвести душу.

Прошло несколько месяцев. В канун Нового 1902 года Антон Иванович неожиданно получил от своих товарищей из Варшавы телеграмму, адресованную «причисленному к Генеральному штабу капитану Деникину» с сердечным поздравлением… Нужно ли говорить, что встреча Нового года была отпразднована в этот раз с исключительным подъемом?

Потом Деникину сообщили, как все произошло. Военный министр был в отъезде, в Туркестане, когда опальный выпускник Академии Генштаба писал ему. Вернувшись в столицу, А. Н. Куропаткин тотчас же отправил письмо Деникина на заключение в академию. Сухотин в то время получил другое назначение и уехал. Конференция академии признала содержание письма вполне отвечающим действительности. И генерал Куропаткин на первой же аудиенции у государя, «выразив сожаление, что поступил несправедливо», испросил повеления на причисление Антона Ивановича к Генеральному штабу…

Отдадим дань мужеству Куропаткина, признавшему свою неправоту и исправившему несправедливость.

Кажется, судьба начала улыбаться Антону Ивановичу…

Через несколько дней, распростившись с бригадой, он уехал в Варшаву, к новому месту службы в распоряжение начальника штаба 15-го армейского корпуса.

Возвращение «на круги своя» завершилось. Но теперь приходилось работать в жестком режиме, чтобы наверстать упущенное.

В июле 1902 года Генерального штаба капитан Деникин назначается старшим адъютантом штаба 2-й пехотной дивизии, квартировавшей в Брест-Литовске. Пробыл там недолго, в октябре 1902 года пришел ему, как офицеру Генерального штаба, срок годичного цензового командования 3-й ротой 183-го Пултусского пехотного полка, дислоцированного в Варшаве.

До сих пор, за время пятилетней службы в строю артиллерии, Антон Иванович ведал отдельными отраслями службы и обучения

солдата. Теперь вся жизнь солдата проходила перед глазами капитана Деникина.

Из кого же состояла рота Деникина? К сожалению, нет конкретных данных по его подразделению. Но мы можем составить коллективный портрет русского солдата начала XX века.

Сообразно распределению населения России, состав армии был такой: 80 процентов крестьян, 10 процентов рабочих и 10 — прочих классов. Следовательно, армия по существу была крестьянской.

Разнородные по национальностям элементы легко уживались в казарменном быту. Терпимость к иноплеменным и иноверным свойственна русскому человеку более, нежели другим. Грехи русской казармы в этом отношении и в сравнение не могут идти с режимом европейских армий — противников России в Первой мировой войне.

Русский солдат жил в обстановке суровой и бедной. В начале XX века в казарме вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. На них соломенные тюфяки и такие же подушки без наволочек. Покрывались солдаты шинелями, грязными после учения, мокрыми после дождя. Одеяла были мечтой ротных командиров, но казенного отпуска на них не было. Покупались они или за счет полковой экономии, или путем добровольных вычетов при получении солдатами денежных писем из дому (Антон Иванович этих вычетов не допускал). Только в 1905 году было введено снабжение войск постельным бельем и одеялами.

Обмундирование старой русской армии имело один крупный недостаток: было одинаковым для всех широт — для Архангельска и для Крыма. При этом до Русско-японской войны никаких ассигнований на теплые вещи не полагалось, и тонкая шинелишка покрывала солдата и летом, и в морозы. Воинские части старались, насколько позволяла экономия, заводить в пехоте суконные куртки из изношенных шинелей, а в кавалерии — полушубки.

Пища солдата отличалась необыкновенной скромностью. Типичное суточное меню: утром — чай с черным хлебом (в день 1200 граммов хлеба); в обед — борщ или суп с 200 граммами мяса или рыбы (после 1905 года — 300 граммов) и каша; на ужин — жидкая кашица, заправленная салом. По числу калорий и по вкусу пища была вполне удовлетворительна и, во всяком случае, питательнее, чем та, которую крестьянская масса имела дома. Злоупотреблений на этой почве почти не бывало. Солдатский желудок был предметом особой заботливости начальников всех

степеней. «Проба» солдатской пищи была традиционным обрядом, выполнявшимся самым высоким начальником, не исключая императора, при посещении казарм в часы обеда или ужина.

Серьезная проблема — рукоприкладство. Но было и другое: сердечное попечение, заботливость о нуждах солдата, близость и доступность. Русская военная история полна примеров самопожертвования: из-под вражеских проволочных заграждений, рискуя жизнью, ползком вытаскивали своих раненых — солдат офицера, офицер солдата…

В японском плену находился раненый капитан Каспийского полка Лебедев. Японские врачи нашли, что можно спасти ему ногу от ампутации, прирастив пласт живого человеческого мяса с кожей… Двадцать солдат из числа находившихся в лазарете предложили свои услуги… Выбор пал на стрелка Ивана Канатова, который дал вырезать без хлороформа кусок мяса… Этот эпизод проник в японскую печать и произвел большое впечатление в стране.

Деникин утверждает:

«*Вообще, то отчуждение, которое существовало между русской интеллигенцией и народом, в силу особых условий военного быта, отражалось в меньшей степени на взаимоотношениях офицера с солдатом. И нужны были исключительные обстоятельства, чтобы эти отношения впоследствии столь резко изменились*».

Конечно, снова присущая Антону Ивановичу излишняя категоричность суждений. Но не обратить внимания на такие оценки нельзя.

Военная наука трудно давалась русскому солдату-крестьянину из-за отсутствия допризывной подготовки и грамотности. Перед Первой мировой войной призывы давали до 40 процентов безграмотных. И армия, в которой с 1902 года введено было всеобщее обучение грамоте, сама должна была восполнять этот пробел, выпуская ежегодно до 200 тысяч запасных, научившихся грамоте на службе. Во всяком случае, выручали солдатская смекалка, свойственная русскому человеку, и способность приспосабливаться к самым сложным и трудным обстоятельствам походной и боевой жизни.

Русская общественность довольно равнодушно и пренебрежительно относилась к армии.

Еще в преддверии первой русской революции в 1902–1903 годах армия сталкивалась с тяжкими испытаниями: во время вспыхивавших местами беспорядков войска были призваны для усмирения и поэтому подвергались не раз заслуженным и

незаслуженным тяжким оскорблениям толпы. Солдаты безотказно исполняли свой долг. В Варшавском военном округе, в городе Радоме взбунтовавшаяся толпа напала на дежурную роту Могилевского полка. Рота изготовилась к стрельбе. Прибывший командир полка полковник Булатов остановил солдат:

— Не стрелять! Вы видите, что тут женщины и дети.

Вышел к толпе сам, безоружный, и… был убит наповал мальчишкой-мастеровым..

История многократно доказала одну истину: армия не может воевать со своим народом. Когда только поймут это ведущие актеры на сцене политических игрищ!

«Итак, солдат старой русской армии был храбр, сметлив, чрезвычайно выносли́в, крайне неприхотлив и вполне дисциплинирован.

…Покуда волны революции не смели и дисциплину, и самую армию», — резюмирует Деникин.

Он прав. Правда, Антон Иванович не пишет, что революция не только смела старую армию, но и создала новую — Красную Армию, в которой довольно скоро была восстановлена крепкая воинская дисциплина.

В период командования ротой Деникину повезло: полку не приходилось принимать участия в подавлении беспорядков. В Варшаве их тогда не было. Начались они позже. Следовательно, Антон Иванович не обагрил руки невинной кровью, что, безусловно, сказалось самым положительным образом на формировании морально-психологического облика.

Но от политики никуда не денешься… Рота Генерального штаба капитана Деникина несколько раз занимала караулы в Варшавской крепости. В числе охраняемых объектов состоял знаменитый «десятый павильон», где содержались важные и опасные политические преступники. Здесь произошла косвенная встреча Антона Ивановича с человеком, ставшим злым демоном в его судьбе. В одной из камер «павильона» содержался будущий маршал и диктатор Польши Иосиф Пилсудский.

Еще в 1887 году, будучи двадцатилетним студентом, Пилсудский за косвенное участие в покушении на императора Александра III (в том самом покушении, за которое в числе других террористов был казнен брат Ленина Александр Ульянов), был сослан в Сибирь на поселение сроком на 5 лет. В 1900 году, живя по подложному паспорту, был обнаружен полицией, захвачен вместе с женой в тайной типографии и посажен в «десятый павильон». Варшавские власти решили предать его военному суду по статье, угрожавшей каторжными работами, но Петербург отменил это решение, ограничив наказание ссылкой в

Сибирь на поселение — в административном порядке.

Соратники Пилсудского выработали план его освобождения. Бежать из Варшавской крепости не было никакой возможности. Посоветовали узнику симулировать душевную болезнь, что он успешно и сделал. Варшавские власти отправили Пилсудского в петербургский Николаевский госпиталь для душевнобольных, откуда он бежал за границу вместе с женой. Вернувшись нелегально в русскую Польшу, Пилсудский принял участие в создании Боевого отдела партии и приступил к террористической деятельности и ограблению казначейств.

Вспоминая об истории с Пилсудским, бывший вождь Белого движения делает в своих воспоминаниях оригинальное обобщение:

«Старая русская власть имела много грехов, в том числе подавление культурно-национальных стремлений российских народов. Но когда вспоминаешь этот эпизод, невольно приходит на мысль, насколько гуманнее был „кровавый царский режим“, как его называют большевики и их иностранные попутчики, в расправе со своими политическими противниками, нежели режим большевиков, да и самого Пилсудского, когда он стал диктатором Польши».

По большому счету Антон Иванович прав. Действительно, суды «кровавого царского режима» (включая и военно-полевые суды) по так называемым политическим преступлениям — «столыпинские галстуки» (виселицы с телами казненных по приговору военно-полевых судов) в период с 1825 по 1917 год, то есть за 92 года вынесли 6360 смертных приговоров, при максимуме 1310 приговоренных к смерти в 1906 году. Карл Либкнехт сообщал, что за период с 1906 по 1910 год было вынесено 5735 смертных приговоров, из которых 3471 приведен в исполнение. За период же с 1825 по 1905 год — 625 приговоренных и 191 казненный.

Но количество казненных по приговору военно-полевых судов, несмотря на их относительную массовость, намного отставало от количества жертв революционного террора. Если в 1906 году террористами было убито 768 и ранено 829 человек, то к смертной казни военно-полевыми судами было приговорено 450 человек, а казнили лишь 144 человека. Многих миловал император. Всего же военно-полевыми судами за время их существования, с августа 1906 по апрель 1907 года, было казнено 683 человека.

Сегодня, когда просвещенная Европа вообще отменила смертную казнь, становится ясным, что гуманистическая позиция неприятия смертной казни как меры наказания за преступления, назначаемого государством, оказалась жизнеспособной. Однако

не умолкают дискуссии в современной России о целесообразности применения смертной казни. Уж больно сложный вопрос…

Но вряд ли можно слишком сурово осуждать царский политический режим за 683 казненных по приговору военно-полевых судов. Хорошо, если бы этого не было. Но не стоит забывать, что не все 683 повешенных являлись теми, кому потом советские писатели посвятили целый сериал «Пламенные революционеры». Военно-полевые суды приговаривали к смертной казни и просто уголовное отребье — насильников, убийц, погромщиков.

Антон Иванович имел право на приведенный выше сарказм, сравнивая отношение к политическим противникам «кровавого царского режима» и «гуманной советской власти». Ведь строки, приведенные выше, генерал написал после 1944 года. И даже не полная информация, что имелась у белоэмигрантской общественности, например о мясорубке сталинского «большого террора», давала для этого Деникину веские основания. Нам же сегодня известно намного больше и о «кровавом царском режиме», и о «гуманизме советской власти». Поэтому можно сказать: уничтожая врагов революции, советская власть в количественном масштабе намного обогнала тех, кого низвергла.

Прошу придирчивого читателя не обвинять меня ни в апологетике царизма, ни в слепой ненависти к коммунизму. Ни того ни другого у меня нет. Но никто еще точно не подсчитал количество жертв «красного террора» и сталинских чисток. Да и вряд ли это представляется возможным…

Тем более, опять же обращаясь к статистике (коварная это все-таки вещь), могу сказать: не стоит пришивать ангельские крылья царизму. Только в 1906 году общее число заключенных в тюрьмы и высланных превысило 50 тысяч человек. Такого количества репрессированных при царской власти еще никогда не было…

Вернемся, однако, к командиру 3-й роты 183-го Пултусского пехотного полка, дислоцированного в Варшаве.

За годичное командование ротой Деникин сумел полностью искоренить рукоприкладство. Однако военно-педагогический опыт Деникина — командира роты в конечном итоге оказался неудачным. Капитан-экспериментатор угодил в силки утопии, полагаясь исключительно на методы убеждения. Он негласно отменил дисциплинарные взыскания: «Следите друг за другом, останавливайте малодушных — ведь вы же хорошие люди — докажите, что можете служить без палки».

Увы, призывы ротного командира — «глас вопиющего в

пустыне»…

Кончилось цензовое командование: рота за год вела себя средне, училась плохо и лениво.

После ухода Антона Ивановича старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и зычно произнес:

— Теперь вам — не капитан Деникин. Поняли?

— Так точно, господин фельдфебель.

Рота, рассказывали потом бывшему ее командиру, вскоре поправилась…

Педагогическое фиаско Деникина закономерно: он выбрал формы и методы, неадекватные реалиям нравственной атмосферы солдатской казармы того времени. Такая практика и сегодня была бы заведомо обречена на провал. Выводы Антон Иванович из неудачного пултусского опыта сделает, уроки извлечет. Но это будет чуть позже.

Впрочем, что это мы все о службе. В личную жизнь капитана вновь ворвалась… десятилетняя Ася.

Родители девочки, решившиеся к тому времени на развод, приехали тем не менее вместе проводить Асю, она поступала в Александро-Мариинский институт в Варшаве, где девочки из хороших семей получали среднее образование. Не согласится ли капитан Деникин, старый друг дома, присматривать за Асей и время от времени выводить на прогулки. Он охотно соглашается. По воскресеньям, когда ему позволяла служба, он приходил в институт.

Марина Антоновна приводит в книге «Мой отец генерал Деникин» воспоминания своей матери:

«Капитан начинал всегда с того, что производил „мне смотр“, замечал выбившуюся прядь, чернильное пятно на руках и полусерьезно начинал возмущаться: „Не можешь ли ты сказать, по какому поводу твои ногти носят траур?“ Когда он наконец делал вывод, что мой внешний вид безукоризнен, он вел меня есть пирожные…»

Пирожные в будущей совместной жизни им придется есть не столь уж часто. Да и их сладкий вкус станет перебивать запах горькой полыни изгнанья…

Закончив годичное цензовое командование ротой, Антон Иванович в ноябре 1903 года был назначен старшим адъютантом штаба 2-го кавалерийского корпуса, дислоцированного в Варшаве. Деникин, конечно, не мог знать, что скоро грянет Русско-японская война. Но его беспокойный и пытливый ум успел заметить, например, отдельные просчеты в боевой системе, о которых он, правда, рассуждал, исходя из кругозора ротного командира. Но

не простого, а с прочным багажом военных академических знаний.

Такие наблюдения представляют интерес. Вот одно из них. В вооружение армий вводилась скорострельная артиллерия и пулеметы, и в военной печати раздавались предостерегающие голоса об обязательной «пустынности» полей сражений, на которых ни одна компактная цель не сможет появиться, чтобы не быть уничтоженной огнем… А русская артиллерия все еще лихо выезжала на открытые позиции, русская пехота в передовом Варшавском округе, как говорилось на военном жаргоне, «ходила ящиками»; густые ротные колонны в районе стрелковых цепей в сфере действительного огня передвигались шагом и даже в ногу! Большой же кровью придется заплатить за это в первые месяцы русско-японской войны… Скромная и зависимая роль ротного командира, да и старшего адъютанта, не могла повлиять на изменение дел, но он настойчиво ставил эти вопросы в военной прессе.

Так и протекали военные будни Генерального штаба капитана Деникина. А в январе 1904 года в воздухе запахло грозой. В жизнь Антона Ивановича сначала постучала, а потом властно ворвалась русско-японская война.

ГРОЗА ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ…

Si vis pacem, para bellum…[25]

До чего же мудры были древние римляне!

Увы, как это ни печально, но следует признать: война — страшный, но неизбежный спутник истории человечества. Из 56 веков истории мировых цивилизаций менее трех можно считать мирными. За 265 лет, описанных в «Повести временных лет» летописец лишь в один год как о великом чуде записал: «Мирно быть!»

История России — это история военной державы. Россия была одним из первых государств, создавших регулярную армию стараниями Петра Великого. За XVIII–XIX века в войнах погибло 10 миллионов россиян, в то время как население России в первой четверти XVIII века составляло всего лишь 16 миллионов человек. В XVIII–XIX веках Россия вела 22 наступательные и 4 оборонительные войны, 7 войн и 2 военных похода в интересах европейской военной политики, выполняя, как правило, союзнические обязательства, пережила две крупные внутренние войны и шесть бунтов.

На рубеже XIX–XX веков практически весь мир оказался поделенным между мощными колониальными империями — Британской, Французской и опоздавшими к разделу мира их «молодыми» противниками — США, Германией, Японией и Италией.

Россия была подобно Австро-Венгрии не колониальной, а «исторической» империей, то есть централизованной монархией, объединявшей в силу определенных исторических условий народы, стоявшие на разных уровнях развития цивилизации, отличные по религии, культуре, национальному характеру. Объединение происходило путем военных захватов и за счет добровольного присоединения народов, искавших защиты от завоевателей, угрожавших самому существованию.

Вместе с тем в отличие от колониальных стран Россия не раз пыталась предотвратить превращение международных территориальных споров в войне. По инициативе императора Николая II в 1899 году была созвана первая в истории Международная конференция 26 государств в Гааге (Нидерланды) по сокращению вооружений. Но мирные предложения России не нашли поддержки других великих держав.

Притязания России на господство в ряде регионов мира встретили сильнейшее сопротивление соперничающих стран. На

Балканах Россия столкнулась с противодействием Германии и Австро-Венгрии. В Иране — с Великобританией. Единственно реальным направлением для расширения империи оставался *Дальний Восток.* Особую роль сыграло начатое в 1891 году и завершенное через 12 лет строительство Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока. Взоры русского правительства были обращены на Китай и зависимую от него Корею.

В это время шла борьба за раздел Китая. К китайскому пирогу рвалась Япония. В 1894 году японская армия и флот разгромили китайские вооруженные силы. По мирному договору Китай отказался от суверенитета над Кореей, уступил Японии Ляодунский полуостров с городами Порт-Артуром и Дальним и островом Тайвань.

Россия, поддержанная Францией и Германией, заставила Японию вернуть Ляодунский полуостров Китаю. В 1896 году в Москве был подписан русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а по договору 1898 года Россия получила в аренду Порт-Артур с правами превращения в военно-морскую базу.

В 1900 году русские войска вместе с армиями других великих держав участвовали в подавлении восстания в Китае, организованного тайным обществом «Ихэтуань».

Таким образом, Россия под лозунгом защиты территориальной целостности Китая вырвала у Японии плоды ее победы.

Потеря Порт-Артура повернула Японию к союзу с Англией и США, весьма активными на Дальнем Востоке. Англия в 1898 году захватила порт Вейхавей и сделала его своей опорной базой. США провозгласили доктрину «открытых дверей и равных возможностей» для торговли всех государств в Китае.

В 1902 году был подписан союзный договор Англии с Японией, направленный против России. США также заняли явно антирусскую позицию. Этому в немалой степени способствовали американские финансисты еврейского происхождения, стремившиеся оказать давление на русское правительство в целях отмены ограничений для еврейского населения России.

Россия и Япония не раз пытались решить свои противоречия дипломатическим путем. В 1896 году они договорились о содержании в Корее равных контингентов вооруженных сил и совместном контроле над ее финансами и телеграфом. В 1903 году Япония предложила признать Корею сферой японских интересов, за Россией в Маньчжурии признавались бы интересы в

области железнодорожного транспорта.

В январе 1904 года российское правительство телеграфом послало японскому правительству ноту, в которой соглашалось на существенные уступки. Но телеграмма была задержана японцами, и, ссылаясь на медлительность России, Япония 24 января разорвала дипломатические отношения, а 26 января без объявления войны японский флот напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Славной битвой геройского крейсера «Варяг» началась эта бесславная для России война.

В начале века Российская империя вползала в глубочайший экономический, социально-политический и духовный кризис, что незамедлительно сказалось на ее обороноспособности. Достаточно сказать, что патронные заводы России в канун войны могли дать в год не более 150 патронов на винтовку.

Японское же государство было на подъеме. Буржуазная революция 1868 года и последовавшие за ней реформы, закрепленные в конституции 1889 года, благотворно сказались на развитии японской промышленности, которая конкурировала с американской и европейской; в стране было введено всеобщее обязательное образование, широко внедрялись достижения европейской культуры.

Модернизация в Японии не вызвала потрясений. Используя европейскую технологию, достижения западной науки и культуры, японцы сумели сохранить духовную самобытность, не допустить раскола общества на элиту, воспринявшую западные ценности, и простых людей, сохранивших традиционную культуру.

Общее состояние российского и японских обществ не могло не отразиться на их вооруженных силах.

Кроме объективных причин в неудачах Русско-японской войны немаловажную роль сыграл субъективный фактор.

Главное командование на Дальнем Востоке в русско-японской войне царь отдал генералу Куропаткину, человеку сложному и противоречивому. Однако иногда в литературе можно встретить легковесные оценки данной исторической фигуры с акцентированием чрезмерного внимания на отрицательных качествах генерала. Это несправедливо. Куропаткин не был бездарностью.

А. Ф. Редигер, бывший в одно время военным министром, вспоминал, что генерал Куропаткин очень любил военное дело, прилежно его изучал, он очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск. Обладая прекрасной памятью, он владел и массой теоретических и практических знаний.

«Сподвижник Скобелева, украшенный двумя „Георгиями“, он имел за собой славное боевое прошлое и отлично знал войска, их жизнь, нужды, любил солдата; всегда спокойный, говоривший свободно и с большим апломбом, он производил на слушателей впечатление знающего свое дело и сильного человека. Добрый по природе, он, кроме того, желал быть любимым и прославляемым, а потому относился к подчиненным снисходительно и даже никуда не годных не увольнял от службы, а устраивал на разные синекуры; друзья и товарищи его молодости ему были дороги, и впоследствии он готов был смотреть сквозь пальцы даже на грязные их дела. Честный в денежных делах, он готов был сам пользоваться и давать другим пользоваться пособиями в виде двойных прогонов по устарелому закону, и не постеснялся трогать огромные деньги на покупку, роскошную обстановку и содержание дома для министра», — писал Редигер.

Для полководца Куропаткину не хватало решительности. Это в свое время заметил еще легендарный генерал Скобелев, у которого будущий военный министр России был начальником штаба в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Генерал говорил Куропаткину:

— Помни, ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твердости воли… Какой бы великолепный план ты не разработал, ты никогда не сумеешь его довести до конца.

Русско-японская война подтвердила правоту генерала М. Д. Скобелева.

Особенно резко отзывался о нем генерал М. И. Драгомиров:

«Я, подобно Кассандре, — писал он, — часто говорил неприятные истины, вроде того, что предприятие, с виду заманчивое, успеха не сулит; что скрытая ловко бездарность для меня была явной тогда, когда о ней большинство еще не подозревало».

Некоторые предсказывали дурной конец.

Перед самой войной Куропаткин подавал в отставку и был в немилости. В армии большим авторитетом пользовался генерал Драгомиров, но он был серьезно болен… За неимением лучшего выбор пал на Куропаткина. «Кризис верхов» коснулся и верхов русского высшего военного командования.

Видимо, трагедия Куропаткина как военачальника заключается в том, что он был военным министром в царском правительстве. Ему приходилось заниматься политическими вопросами, постоянно находиться в обстановке придворных интриг. Куропаткин — порождение системы, которая не признавала инициативных людей. Поразительное по силе

замечание сделал в данной связи германский военный агент барон Тетгау. Он писал, что русская армия была воспитана в отсутствии самостоятельности и личного почина: «Начальники привыкли к постоянной опеке, поэтому для самостоятельной мысли и инициативы нет места».

Не лучшим образом на морально-психологическом состоянии офицеров сказывалось широкое распространение либеральных и пацифистских идей. Непопулярность военной службы и войны на Дальнем Востоке серьезно подрывала моральный дух армии. Сказывалась также антивоенная пропаганда революционных партий.

Накануне войны Япония располагала сравнительно небольшой, но хорошо подготовленной и обученной армией. Японские соединения могли в трехдневный срок быть переброшены по морю на театр военных действий, корабли были в основном современные, однотипные, многие из них строились в США. Россия же держала непосредственно на Дальнем Востоке два корпуса, разбросанные на огромной территории Маньчжурии, Приморья, Забайкалья. Для того чтобы доставить подкрепления из Центральной России, требовалось не менее месяца. В составе Тихоокеанского флота насчитывалось много устаревших кораблей.

Соотношение сил и средств к началу войны сложилось не в пользу России. Японская армия имела свыше 375 тысяч человек, 1140 орудий, 147 пулеметов. Противник развернул к 1 января 1904 года на Маньчжурском театре военных действий армию в 150 тысяч человек Русская группировка войск насчитывала 98 тысяч человек. В конечном итоге японская группировка войск на Маньчжурском ТВД[26] превосходила российскую в живой силе — в 3 раза, в артиллерии — в 8 раз, в пулеметах — в 18 раз, в кораблях — в 1,3 раза.

Японская армия отличалась дисциплиной, патриархальной нравственностью, патриотизмом. Уровень грамотности был выше, чем в русской армии. Она строилась по германскому образцу, готовилась к решительным наступательным действиям. Офицеры японской армии отличались трудолюбием, постоянным стремлением к самосовершенствованию, инициативой.

Армию строили и готовили на основе единой военной доктрины. Офицерский корпус формировался из самураев (японских дворян), воспитанных на воинских традициях своего сословия: преданности родине и императору, беспрекословном повиновении старшим, готовности к самопожертвованию, безупречном выполнении требований кодекса чести и воинского долга. Между воспитанной в национальном духе армией и

обществом, где господствовали национальные ценности, существовало духовное единство. Японский народ был готов (в отличие от русского) терпеть лишения ради победы.

Заметим, что в Русско-японской войне потери убитыми и ранеными составили: офицеров — до 45 процентов, а нижних чинов — 25 процентов. Эти данные не вписываются в каноны классического военного искусства. Даже ссылки на особый менталитет русского офицера, которому присуща бравада на поле боя, граничащая с беспечностью, нарочитым презрением к смерти, эти цифры не оправдывают.

Конечно, Антон Иванович Деникин тогда еще многого знать не мог. И в этом виновата государственная машина России, державшая население и армию в полном неведении о международной политике. Результаты получились плачевные.

«В то время как в Японии весь народ, от члена Верховного тайного совета до последнего носильщика, отлично понимал и смысл и самую цель войны с Россией, — говорится в официальной истории войны, — когда чувство неприязни и мщения к русскому человеку накоплялось там годами, когда о грядущей войне с Россией говорили все и всюду, у нас предприятия на Дальнем Востоке явились для всех полной неожиданностью; смысл их понимался лишь очень немногими… Все, что могло выяснить смысл предстоящего столкновения, цели и намерения правительства, или замалчивалось, или появлялось в форме сообщений, что все обстоит благополучно. В результате в минуту, когда потребовалось общее единение между властью и народной массой, легла трудноустранимая пропасть».

Правда, интуиция капитана Деникина, помноженная на профессионализм, подсказывала ему: на Россию надвигается военная хмурь.

НА ВОЙНУ!

Желающего судьба ведет,
нежелающего тащит.

Из древних стоиков

…Лошадь вдруг неожиданно споткнулась, упала и поволокла вниз с горы по снегу подмятого под себя седока.

«Только это мне еще не хватало!» — подумал про себя Деникин, выбираясь из-под лошади, со стиснутыми зубами от резкой боли в помятых ногах.

Зимние маневры для него закончились плачевно: порванные связки, кровоподтеки, один палец вывихнут, один раздавлен. Постельный режим…

Но на манифест о войне с Японией отреагировал тотчас — подал рапорт в штаб округа о командировании его в действующую армию.

Благими намерениями, как часто бывает, вымощена дорога… в ад. Начались круги бюрократического ада для офицера, принявшего решение добровольно поменять уютный Варшавский гарнизон на жужжание пуль и грохот разрывов на сопках Маньчжурии.

Штаб, ссылаясь на неимение указаний свыше, в просьбе Антону Ивановичу отказал. На вторичное его обращение штаб запросил, знает ли он… английский язык?

Спрашивается, зачем? Воистину, нет страшнее русского чиновника!

Антон Иванович ответил с присущими ему чувством юмора и сарказмом: «Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих»…

Он нервничал, не находил себе покоя. Наконец, его ближайший начальник, генерал Безрадецкий, которому непоседливый подчиненный не давал спокойной жизни, настойчиво повторяя одно и то же желание, послал частную телеграмму с просьбой Антона Ивановича в Петербург, в Главный штаб. И через несколько дней, в феврале 1904 года, пришло распоряжение: командировать капитана Деникина в г. Харбин в Заамурский округ пограничной стражи, что за семь тысяч километров от Варшавы.

Капитан, видимо, опасаясь какого-нибудь бюрократического казуса, дожидаться выздоровления не стал. Хотя генерал Безрадецкий высказал вполне обоснованное сомнение в том, что с

больной ногой вряд ли возможно столь далекое и утомительное путешествие, Деникин решил, что до сибирского экспресса как-нибудь доберется. А там во время длительного пути (16 дней) нога придет в порядок. Назначил день отъезда на 17 февраля.

В варшавском собрании офицеров Генерального штаба состоялись проводы: «дорожный посошок» и револьвер в подарок. Старейший из присутствовавших помощник командующего округом генерал Пузыревский сказал несколько теплых слов, подчеркнув стремление Генерального штаба капитана Деникина ехать на войну не долечившись.

На случай смерти Антон Иванович оставил в своем штабе «завещание» необычного содержания. Не имея никакого имущества, привел в нем лишь перечень небольших долгов и проект их ликвидации путем использования кое-какого литературного материала, просил друзей позаботиться о его матери.

Мать будущего генерала приняла известие о предстоящем отъезде сына на войну как нечто вполне естественное, неизбежное. Ничем не проявляла волнения, старалась «делать веселое лицо» и при прощании на Варшавском вокзале не проронила ни одной слезинки. Только после отъезда сына, как сознавалась впоследствии, наплакалась вдоволь вместе со старушкой нянькой.

Прихрамывая, капитан добрался до вокзала и сел в поезд, который помчал его навстречу судьбе. А на душе неспокойно. Известно, что нет ничего страшнее, чем ждать да догонять… Осталось набраться терпения и молить Бога, чтобы 16 дней хватило для выздоровления больной ноги.

До Москвы доброволец добрался благополучно. Получил место в сибирском экспрессе. Встретил нескольких товарищей по Генеральному штабу, также ехавших на Дальний Восток. Еще на вокзале узнал от своих спутников, что в их поезде едут адмирал Макаров, командующий Тихоокеанским флотом, и генерал Ренненкампф, начальник Забайкальской казачьей дивизии.

После разгрома у Порт-Артура русской эскадры, больно отразившегося на настроении флота и всей России, назначение адмирала Макарова было принято страною с глубоким удовлетворением и внушало надежды. Заслуги адмирала были широко известны. Его боевой формуляр начался в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Россия тогда еще не успела восстановить свой флот на Черном море. Макаров на приспособленном коммерческом пароходе «Вел. кн. Константин» с четырьмя минными катерами наводил панику на регулярный турецкий военный флот, взорвал броненосец, потопил транспорт

с целым полком пехоты, делал налеты на турецкие порты… Впоследствии с отрядом моряков принял участие в Ахал-Текинском походе знаменитого генерала Скобелева.

Обязанный своей карьерой исключительно самому себе, адмирал Макаров исходил все моря, на всех должностях; исследовал большой научный океанографический материал по Черному морю, Ледовитому и Тихому океанам, удостоившись премии Академии наук; разработал новые идеи о морской тактике; наконец, построив ледокол «Ермак», положил в России начало арктическому плаванию во льдах. Все это сделало его особенно популярным, и не было человека в России, не знавшего имени Макарова и его «Ермака».

Храбрый, знающий, честный, энергичный, Степан Осипович Макаров, казалось, самой судьбой был предназначен восстановить престиж Андреевского флага в тихоокеанских водах.

Со своим штабом он ехал в отдельном вагоне. Деникин и его товарищи знали, что там кипит работа: каждый день по нескольку часов адмирал занимался планом реорганизации флота, составлением наставлений для маневрирования и боя. Иногда для собеседования приглашался генерал Ренненкампф. Несколько раз во время пути адмирал заходил в общий салон-вагон, где Ренненкампф представил ему Антона Ивановича. *«Я не помню тогдашних разговоров, да и вряд ли они имели принципиальный характер. Но помню хорошо его внешность — характерное русское лицо с окладистой бородой, добрые и умные глаза, и то обаяние, которое производила личность адмирала на его собеседников, и ту веру в него, которая невольно зарождалась у нас», — вспоминал будущий вождь Белого движения.*

Второй знаменитостью, с которой ехал на войну Антон Иванович, был Павел Карлович Ренненкампф. К началу Русско-японской войны он приобрел имя и широкую известность в военных кругах, чему способствовало его участие в подавлении восстания в Китае в 1900 году. Тогда Павел Карлович получил два Георгиевских креста. Кавалерийский рейд генерала Ренненкампфа по своей лихости и отваге заслужил всеобщее признание.

С Ренненкампфом во время пути Антон Иванович был в постоянном общении: в частных беседах генерал рассказывал о своем походе, весьма скромно касаясь личного участия. Устраивали совместные товарищеские пирушки, которые не выходили никогда из пределов воинской субординации.

Знаменитый боевой генерал присутствовал неизменно и на импровизированных «литературных вечерах», где ехавшие в поезде три военных корреспондента читали свои статьи,

посылаемые с дороги в газеты. Круг впечатлений пассажиров, едущих на игру в прятки со смертью, от поездных разговоров, от бесед с офицерами обгоняемых воинских эшелонов и от мелькавшей станционной жизни Великого Сибирского пути был ограничен. Писали корреспонденты, в сущности, одно и то же, и Деникину известное. Но любопытен был индивидуальный подход к их темам.

Сотрудник «Биржевых ведомостей», в форме подпоручика запаса, писал вообще скучно и неинтересно. От «Нового времени» ехал журналист и талантливый художник Кравченко. Он нарисовал прекрасный портрет генерала Ренненкампфа, наделил попутчиков своими дорожными набросками и, вообще, пользовался среди пассажиров поезда большими симпатиями. Писал он свои корреспонденции интересно, тепло и необыкновенно правдиво.

В поезде у будущего вождя Белого дела состоялась первая встреча с человеком, с которым судьба его сведет еще не раз. С ним в Маньчжурию в качестве военного корреспондента от «Русского инвалида» — официальной газеты Военного министерства — ехал подъесаул *Петр Николаевич Краснов.*

Мы еще будем говорить об атамане Краснове…

В поезде за двухнедельное путешествие все пассажиры перезнакомились. И потом по приказам и газетам Деникин следил за судьбой спутников.

…Прибыв в Порт-Артур, адмирал Макаров проявил кипучую деятельность, реорганизовал технически и тактически морскую оборону, а главное, поднял дух флота. Но жестокая судьба распорядилась иначе: 12 апреля броненосец «Петропавловск», на котором держал свой флаг командующий Тихоокеанским флотом, от взрыва мины в течение 2 минут пошел ко дну, похоронив надежду России.

Генерал Ренненкампф в позднейших боях был ранен, один из его штабных убит, двое ранено.

Писатель Кравченко погиб в Порт-Артуре. Большинство других попутчиков Антона Ивановича были также перебиты или ранены…

Создается впечатление, что поезд, на котором ехал на войну Генерального штаба капитан Деникин, был отмечен печатью рока…

А пока колеса поезда мерно постукивали. Поезд остановился 5 марта в Харбине. Антон Иванович уже почти не хромал. Прибыл в штаб Заамурского округа пограничной стражи, где получил назначение на вновь учрежденную должность начальника штаба 3-й заамурской бригады.

В ПРЕДБОЕВЫХ ПОРЯДКАХ

Это не служба, а службишка;
служба будет впереди…

Русская поговорка

Деникин, став начальником штаба бригады, будучи в чине капитана, неожиданно перескочил по иерархической лестнице две ступеньки. Он получил и солидный оклад содержания, позволивший в несколько месяцев «аннулировать» оставленное в Варшаве «завещание» и позаботиться о матери.

В круг его служебных обязанностей входили вопросы строевой, боевой и разведывательной службы. Командир бригады полковник Пальчевский, введя в курс бригадных дел своего начальника штаба, предоставил затем ему широкую инициативу. С ним Антон Иванович трижды проехал на дрезине почти 500-километровую линию, знакомясь со службою каждого поста. С конными отрядами отмахал сотни километров по краю, изучая район, быт населения, знакомясь с китайскими войсками, допущенными вне полосы отчуждения — для охраны внутреннего порядка. Половина пограничников — на станциях, в резерве, другая поочередно — на пути. В более важных и опасных пунктах стоят «путевые казармы», словно средневековые замки в миниатюре, окруженные высокой каменной стеной с круглыми бастионами и рядом косых бойниц, с наглухо закрытыми воротами. А между казармами — посты-землянки на 4–6 человек, окруженные окопчиком. Служба тяжелая и тревожная.

Со временем Деникин втянулся в службу, она стала для него интересной. К Пасхе его произвели в подполковники. С товарищами и командиром бригады сложились добрые отношения. Бытовые условия — вполне сносные.

Но Деникин рвется на передовую, он побывал в Харбине у генерала Чичагова, прося отпустить в действующую армию, но получил решительный отказ. Вернулся Антон Иванович в удрученном состоянии.

Было, правда, одно утешение, которое отвлекало от мрачных мыслей: бравый воин переживал идиллическую любовь к одной молодой привлекательной брюнетке. Кто была эта дама, в свое время попыталась узнать у своего отца Марина Антоновна:

«В возрасте пятнадцати лет, листая альбом, я обратила внимание на фотографии, внизу которых стояла дата — 1904 год. Я отметила несколько снимков, где на фоне скал, водопада, ограды

каких-то садов мой отец был снят вместе со слегка прижимающейся к нему молодой брюнеткой. Лицо его выражало довольство и счастье. Я спросила:

— Кто это, папа? Это какая-то твоя бывшая пассия?

Моя мать, ревнивая по природе, поддержала меня, искусственно небрежно бросив:

— Ну, Иваныч, расскажи же своей дочке приключения с прекрасной Марией!

Отец покраснел и захлопнул альбом. Больше я никогда не затрагивала эту тему…»[27]

Любовные страдания, однако, не отвлекли Деникина от прежнего желания попасть на передовую. Однажды такой случай представился: капитан Генерального штаба В. попросился из армии на более спокойную службу из-за болезненного состояния. Его предложили генералу Чичагову в обмен на Антона Ивановича. Произошла небольшая кадровая рокировка.

В сентябре 1904 года Деникин был назначен штаб-офицером при штабе 2-го армейского корпуса Маньчжурской армии. Но должность эту принять не успел. Офицер, ведавший назначениями, ему сказал:

— Получена телеграмма, что тяжело ранен и эвакуирован полковник Российский, начальник штаба Забайкальской дивизии генерала Ренненкампфа. Не хотите ли туда? Только должен вас предупредить, что штаб этот серьезный — голова там плохо держится на плечах…

— Ничего, Бог не без милости! Охотно принимаю назначение, — отчеканил Антон Иванович.

На темном фоне маньчжурских неудач и отступлений имя генерала Ренненкампфа было овеяно боевой славой. В полчаса Деникин собрался. При нем состояли конный ординарец Старков, пограничник, по происхождению донской казак — храбрый и расторопный, проделавший с Антоном Ивановичем все походы до конца войны, награжденный генералом Ренненкампфом солдатским Георгиевским крестом. Да еще конный вестовой с вьючной лошадью, нагруженной походной кроватью-чемоданом «гинтера», куда помещался весь несложный скарб подполковника Деникина.

Антон Иванович велел седлать коней и двинулся в путь к затерянному в горах восточному отряду генерала Ренненкампфа.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?
Пойдем сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — ив ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях.

Ф. Глинка

Русская армия терпела серьезные поражения. Чувствуя всеобщее осуждение своей «отступательной» стратегии, Куропаткин обронил фразу, которая облетела армию и подняла настроение: «От Ляояна не уйду».

30 августа началось наступление трех японских армий на передовые Ляоянские позиции. Два дня длился бой. Но в ночь на 1 сентября по приказу Куропаткина армия отводится на главные позиции. 3 сентября в разгар боя был получен приказ об общем и немедленном отступлении. Но, как оказалось, положение русских войск под Ляояном отнюдь не было безнадежным. Японские армии пришли в большое расстройство и потеряли способность к дальнейшим атакам. Японское командование считало свое положение весьма тяжелым. В Ляоянском сражении русские войска потеряли 18 тысяч, японцы 23,5 тысячи человек. Тем не менее русская армия отошла к реке Шахэ.

После Ляояна Петербург решил отправить на Маньчжурский театр военных действий 2,5 корпуса и кавалерию. Во всяком случае, к октябрю 1904 года у русской армии пока еще сохранялось превосходство в силах: 195 тысяч штыков и 758 орудий против 150 тысяч штыков и 648 орудий японцев.

В начале октября Куропаткин задумал так называемое Шахэйское сражение. Наступление началось удачно. Передовые части японцев были сбиты, а отряд генерала Реннен-кампфа обошел их с фланга. Но вместо безостановочного и быстрого движения всем фронтом Куропаткин вновь проявил нерешительность. Между тем японцы перешли в контрнаступление. Центр японцы не прорвали, но отвлекли на

себя почти все резервы генерала Куропаткина. Западный отряд принужден был отойти на несколько километров. Наступление восточного отряда захлебнулось. Постепенно замирая, Шахэйское сражение закончилось 17 октября 1904 года. Потери русских — 41 тысяча человек, японские — почти такие же.

Японское контрнаступление выдохлось еще раньше русского. И почти одновременно обе стороны отказались от продолжения операции.

В такой сложной стратегической и оперативно-тактической обстановке началась в конце октября 1904 года боевая деятельность Деникина в качестве начальника штаба в Восточном отряде генерала Ренненкампфа.

С непосредственным начальником Антону Ивановичу повезло: генерал Ренненкампф был личностью неординарной. Из воспоминаний Деникина:

«Генерал Ренненкампф бш природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбиравшийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненных во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший… В конце шюня, после тяжелых дней Тюренчена и Вафангоу, излагая в донесении государю причины наших неудач, генерал Куропаткин, между прочим, писал: „Резкое отношение генералов Засулича и Штакельберга, в особенности последнего, к подчиненным помешало установить правильные отношения между ними и войсками“. А генералы Мищенко и Ренненкампф „пользовались авторитетом и любовью“. Действительно, Засулича войска не любили, Штакельберга ненавидели. Что же касается Мищенки и Ренненкампфа, которых я знал близко, эта характеристика требует некоторого исправления. Мищенко, о котором я буду говорить впоследствии, и сам любил людей, и его любили. Ренненкампф же смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения. Близости же не было».

Отношение между китайским населением и войсками отряда не вызывали сложностей. Конечно, бывали эксцессы, как и во всех армиях, во всех войнах. Но так уж сложилось исторически, что русский человек в своей ментальности не был заносчив. Зато образовавшуюся лакуну заполнила общительность. К китайцам солдаты относились добродушно.

Населенные пункты часто переходили из рук в руки, так что можно было сравнить два «режима». Аккуратные японцы,

отступая, оставляли обыкновенно постройки в порядке, тогда как наши солдаты, и в особенности казаки, приводили их в нежилой вид. Чтобы заставить людей бережнее относиться к жилью, Ренненкампф приказывал при повторном занятии селений размещать роты и сотни в тех самых строениях, которые они занимали раньше.

Во всех прочих отношениях японский «режим» был тяжелее. Презрительное отношение японцев к китайцам, буквально как к неодушевленным предметам, и жестокость реквизиций угнетали население. В особенности возмутительны были реквизиции… женщин, которые производились не самочинно, а по установленному порядку… Даже на аванпостах японских застав, внезапно захваченных русскими, обнаруживалось несколько запуганных и замученных «реквизицией» женщин…

Однако отношения с китайским населением осложнялись, по наблюдениям Деникина, на театре военных действий еще более, нежели в Заамурском округе пограничной стражи рабской зависимостью от китайских переводчиков. Порушенный традиционный быт породил среди китайцев много «добровольцев», предлагавших услуги по части шпионажа и русским, и японцам. Пойманные с поличным, они гибли сотнями, но изменить что-либо было трудно, так как при допросах и расследовании никто не мог поручиться, что китаец-переводчик не оговаривает по злобе и не сводит личных счетов с допрашиваемым. Всякое бывало. В походном дневнике Антона Ивановича, опубликованном впоследствии в «Пути русского офицера», приводится такой эпизод.

«Был у нас тут прапорщик один — так, никуда не годный, — говорил мне Маноцков. — Большое дело у него в столице и жена молодая. Пуль боялся и все по дому тосковал. Только однажды привозят его два казака раненного в ногу и тут же двух китайцев, связанных вместе косами. Оказывается, ехал он с казаками в Шахедзу, в обоз. Остановился по дороге и говорит казакам: „Вы тут подождите, а я в рощу за надобностью зайду“. Прошло минут пять, слышат казаки выстрел. Побежали в рощу и видят — лежит прапорщик раненый, а в стороне два испуганных китайца бегут. „Вот, — говорит прапорщик, — мои убийцы…“

Посмотрел я его — рана пустая, но температура очень высокая. Одно только смутило меня — вокруг входного отверстия как будто ожог. Да… Китайцев допросили через переводчика. Что он наговорил — не знаю, но, на основании его допроса, китайцам срубили головы. А прапорщик… Слышу я из лазаретного отделения какие-то звуки. Бред не бред, стон какой-то. Захожу и вижу: сидит на кане прапорщик с широко открытыми глазами и сам с собою

разговаривает. Узнал меня. „Манзы, где, где манзы, что с ними сделали?“ — спрашивает. „Казнили“, — говорю. „Послушайте, какой ужас. Боже, да что же это такое. Поймите, это я сделал сам, слышите, я сам…“ — Маноцков замолк.

„Потом?“ — спрашиваю его. „Потом его эвакуировали“. — „Почему же вы не обличили прапорщика?“ — „Потому, что я врач, а не прокурор. К тому же отрубленные головы не поставишь обратно на место“».

…В октябре 1904 года наместник Дальнего Востока адмирал Алексеев, сознавая свое несоответствие роли главнокомандующего, третий раз попросил Николая II об отставке. И ввиду значительного усиления Маньчжурской армии корпусами из России предлагал создать Вторую армию, «возглавив обе армии авторитетным полководцем». Так он подсказывал почетный выход для Куропаткина, который мог оставаться командующим одной из армий, а смещение и замена коснулась бы только адмирала Алексеева как главнокомандующего. Наместник был освобожден от должности, и главнокомандующим стал… генерал Куропаткин. Чего только не случается в коридорах власти!

После этого Маньчжурская армия была преобразована в три армии, во главе которых стали: 1-я — генерал Линевич, 2-я — генерал Грипенберг и 3-я — генерал барон Каульбарс.

Отряд генерала Ренненкампфа вошел в состав 1-й армии.

Деникин как начальник штаба отряда организует усиленную разведку. В середине ноября генерал Ренненкампф, тяготившийся затишьем, лично пошел с небольшим отрядом (3 батальона, 4 сотни, 12 орудий) в направлении на деревню Уйцзыюй. Отряд шел по широкой лощине между двумя рядами сопок, с которых в любой момент могли посыпаться неприятельские пули. Для охранения вперед высылались конные заставы; казаки спешивались, карабкались на сопки вправо и влево и прикрывали колонну, после подхода присоединяясь к ней. А впереди шли новые заставы — перекатами. Остановились на привал. Деникин пишет первое донесение в штаб армии. Холодное утро. Воздух чист и прозрачен. Слышен непрестанный и назойливый свист— вззы… вззы, точно шмели. Ренненкампф обращается к начальнику штаба:

— Ну-с, Антон Иванович, поздравляю вас с боевым крещением!

Оказалось, жужжали японские пули, проносившиеся над их головами, но внимания на них никто не обратил.

Отряд сбил противника с перевала Шунхайлин и, выбив японцев из Уйцзыюй, занял деревню. В ней заночевали, выставив

аванпосты на прилегающих сопках. Офицеры проснулись на рассвете, разбуженные сильным огнем с сопок, где должны были стоять аванпосты… Оказалось, что японцы ночью, громко говоря по-русски, подошли вплотную к нашим двум заставам, сбили их, заняли гряду и открыли сверху по деревне огонь. Пули сыпались, как горох, по крыше и стенам штабной фанзы. Тотчас же выслан был батальон на подкрепление передовых частей.

Штаб же, по заведенному Ренненкампфом обычаю, собирался не спеша, как в мирной обстановке: под пулями во дворе фанзы проделывали утренний туалет, под пулями пили чай, даже как будто дольше обыкновенного; потом пошли к резерву, стоявшему открыто в лощине у перекрестка дорог. Начался огонь по резерву. Там зашевелились, санитары пронесли раненых. Деникин обратился к генералу Ренненкампфу:

— Ваше превосходительство, надо отвести резерв под ту сопку.

— Погодите, после ночной тревоги люди нервничают. Надо успокоить.

— Так мы останемся здесь для успокоения, а резерву все-таки разрешите укрыться?

Разрешил.

Да, традиция не слишком бережного отношения к собственной жизни создавала определенное отношение в войсках не только к начальнику, но и к его штабу.

23 ноября наши аванпосты у Цинхечена были потеснены японцами, а 24-го утром высланный вперед авангард обнаружил наступление по лощине густых колонн противника. Начался Цинхеченский бой.

Генерал Ренненкампф со штабом выехал на наблюдательный пункт на командной высоте, с которой видна была вся панорама боя. От начальника авангарда — командира казачьего полка получили тревожное и сбивчивое донесение. Ренненкампф послал ему полевую записку неприятного содержания и выругался:

— Боюсь, что этот… мне все напутает!..

— Ваше превосходительство, разрешите мне принять авангард, — воскликнул Деникин.

— С удовольствием, желаю успеха.

Опять же нетипичная ситуация: начальник штаба, в руках которого сосредоточены все нити управления, напрашивается у своего командира в авангард, в самое пекло, где ни по каким канонам военного искусства не должен находиться начальник штаба, ибо через него командир управляет боем. И командир с удовольствием соглашается!

Антон Иванович поехал к авангарду, обдумывая, как бы

позолотить пилюлю своему предшественнику. Напрасное беспокойство. Когда полковник узнал о смене, он снял шашку, перекрестился и сказал:

— Слава тебе, Господи! По крайней мере, теперь в ответе не буду.

«Сколько раз я встречал в армии на высоких и на малых постах людей, безусловно храбрых, но боявшихся ответственности!» — пишет Деникин.

У Антона Ивановича были свои недостатки, но в одном его нельзя упрекнуть — боязни личной ответственности…

Деникин получает возможность приобрести первый опыт самостоятельного командования крупной войсковой частью.

Холодная ночь… Стрелки лежат на гребне сопки в напряженном ожидании, держа ружья в закоченелых руках. Антон Иванович спустился вниз к резерву. У небольших костров, от неприятеля не видных, грелись кучки солдат; другие, невзирая на мороз, спали на соломе, разостланной на земле. Ни одной фанзы поблизости. Ординарец Старков, раздобыв где-то лом, выкопал в промерзлой земле яму, настлал соломы — постель для своего подполковника. Попробовал Деникин прилечь — не вышло, стынет тело, предпочел не спать. В ночь японцы атаковали и были отбиты.

Вскоре они повели бой по всему фронту авангарда Деникина, все более охватывая левый фланг, выходя на Синцзантинскую дорогу. Сотни Деникина, направленные туда, высылали на гребень высот мелкие спешенные части, которые огнем вводили в заблуждение японцев, удлинявших радиус охвата.

Наступали по всему фронту. Японцы подошли на 1200–2000 шагов к разным участкам позиций.

На авангард Деникина направлено острие главной атаки. Сильнейший огонь, нельзя поднять головы. Командир ближайшей роты, капитан Чембарского полка Богомолов ходит по цепи во весь рост, проверяя прицелы…

— Капитан, зачем вы это делаете? Нагнитесь!

— Нельзя, господин подполковник, люди нервничают, плохо целятся.

И зашагал дальше по цепи.

Ползут вниз раненые. Японские пули медные, старого образца, потому раны тяжелые. Уносят убитых. Один унтер-офицер сражен пулей в голову — очевидно, любимец капитана. Богомолов подошел, наклонился, поцеловал покойника в лоб. Потом присел возле, закрыв лицо руками… Но через 2–3 минуты встал и опять во весь рост зашагал по цепи.

Вот он, строевой русский офицер в своем презрении к смерти,

любви к солдату, на плечи которого падает самая грязная и страшная работа на поле боя! Разве можно его обвинить в поражении в той бесславной для России войне?

Наступление и атаки японцев против Цинхечена продолжались 5 дней. Последний раз японцы перешли в короткое наступление, легко отбитое. Это был лишь арьергард, прикрывавший отступление главных сил. Разъезды донесли Деникину, что колонна, обходившая войска слева, уходит на Цзянчан.

Боевая задача была выполнена Антоном Ивановичем, без преувеличения сказать, блестяще! Общие потери японцев — 280 человек. Он распустил свой отряд по полкам и вернулся в штаб.

Так кончился Цинхеченский бой, лично для Антона Ивановича особенно памятный как первый опыт боевого командования. Суровое крещение огнем во славу русского оружия состоялось! В историю войны вошли наименования — «Ренненкампфовская гора», «Бересневская сопка», «Деникинская сопка», закрепленные за позициями Цинхечена.

В декабре 1904 года произошла реорганизация. Ввиду значительного усиления отряда генерала Ренненкампфа последовал приказ о сформировании для него штаба корпуса. Начальником штаба был назначен полковник Василий Гурко. Деникин сохранил должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии. Во главе дивизии временно стоял генерал Любавин — простой, храбрый и честный уральский казак, предоставлявший своему начальнику штаба оперативную инициативу.

Из ставки постоянно шли тревожные сообщения об угрозе нашему левому флангу, Ренненкампф поручал штабу дивизии усиленные разведки в этом направлении. Дважды Деникин с генералом Любавиным, сбивая передовые части японцев, ходил к Цзянчану. Кроме того, он *с самостоятельным отрядом* отбросил японцев с перевала Ванцелин (Янопу).

В декабре в штабе дивизии стало известно, что готовится набег русских конников в тыл японских армий с запада. Ренненкампф, видимо, очень желал, чтобы дело это было поручено ему; нервничал и сносился по этому поводу частным образом со ставкой. Претендовал на эту роль и генерал Каульбарс, командующий армией, он упрашивал Куропаткина разрешить сдать армию и стать во главе Западной конницы, уверяя, что в этой роли будет более полезен. Действительно, в широких армейских кругах только двух этих природных кавалеристов считали способными выполнить столь важный рейд, впервые предпринимаемый за время Маньчжурской кампании.

Генерал Ренненкампф выехал на встречу с главнокомандующим, взяв с собой подполковника Деникина, которого представил ему. Генерал Куропаткин крепко и несколько раз пожал ему руку, сказав:

— Как же, давно знакомы, хорошо знакомы…

За завтраком главнокомандующий был весьма любезен, расспрашивал о службе, но академического прошлого не вспоминал. Сам к тому времени познал «прелесть» опалы.

В разговоре с Куропаткиным Ренненкампф, по-видимому, опять поднимал вопрос о рейде, но своего не добился, ибо признался начальнику штаба:

— Поведет конницу Мищенко.

1 января 1905 года пал Порт-Артур. Японцы его блокировали 239 дней, осада длилась 159 дней. Крепость девять месяцев задерживала 3-ю японскую армию и отвлекала на себя в общей сложности 170 ООО войск противника — около трети сухопутных сил Японии. Урон армии Ноги за всю осаду составил 110000 человек, из коих 85000 в боях и на штурмах. Ко дню капитуляции крепости в ее гарнизоне из 32400 человек было боеспособных лишь 14938 человек (вместе с моряками).

Таким образом, гарнизон героической крепости отвлек на себя силы, вчетверо большие, и причинил им потери, вдвое превышающие их численность. Иными словами, каждый портартурец сразился с четырьмя японцами и двух из них убил.

Кроме того, японцы заплатили за взятие Порт-Артура 20 потерянными кораблями различных классов — от броненосцев до миноносцев, а также 20 кораблями, надолго выбывшими из строя.

Однако комендант крепости генерал Стессель оказался не на своем месте. Душою обороны Порт-Артура являлся начальник штаба генерал Кондратенко и, если бы его не сразил неприятельский снаряд, крепость могла бы продержаться еще несколько недель.

Обидно другое: крепость не была взята противником. Ее сдали. Причем преждевременно. Несмотря на большие трудности, еще оставались возможности к сопротивлению. Еще имелись боеспособные части, исправные орудия, боеприпасы, продовольствие. Еще можно было сражаться, сковывая у стен крепости 100-тысячную армию генерала Ноги. Проведя четыре длительных штурма, японцы не добились победы над осажденными.

Падение Порт-Артура, хотя и не было неожиданным, тяжело отозвалось в армии и стране. После войны над Стесселем состоялся суд, где его признали виновным в сдаче крепости. Прокурор потребовал для него смертной казни. Верховный

военно-уголовный суд согласился с требованием обвинения, но вместе с тем ходатайствовал перед императором о замене осужденному расстрела 10 годами тюремного заключения. Стессель был заключен в Петропавловскую крепость. Там он находился полгода, после чего был выпущен на свободу по «высочайшему повелению».

В начале января 1905 года начал рейд конный отряд генерала Мищенко в составе 77 эскадронов и сотен и 22 орудий. Однако отряд генерала, связанный большим вьючным обозом — излишним, потому что край изобиловал продовольствием, — передвигался шагом, давая возможность японцам принимать контрмеры. Поэтому произвел лишь незначительные разрушения железной дороги, уничтожил несколько складов и, потерпев неудачу под Инкоу, обремененный транспортом с ранеными, вернулся в исходное положение.

Армия, однако, не падала духом и ждала с нетерпением нового настоящего наступления. И когда стало известно о его назначении, все приободрились — и офицеры, и солдаты.

Силы у русских и у японцев были почти равными (220–240 тысяч штыков). Главный удар планировалось нанести 2-й армией генерала Грипенберга по левому флангу японцев, в направлении железной дороги. Наступление сулило успех: местность равнинная, привычная нашему солдату, и значительное превосходство сил Грипенберга над противостоящей армией Оку. Пришло 25 января… Деникин в Цинхечене был наизготовке и с нетерпением ждал приказа. Ждал 26, 27, 28 и недоумевал…

Наступление провалилось. Генерал Грипенберг допустил много тактических ошибок и проиграл.

Антон Иванович, конечно, не знал тогда, что это лишь первый звонок, а вскоре предстояло выпить до дна горькую чашу мукденского конфуза.

МУКДЕНСКИЙ КОНФУЗ

А если спросит кто-нибудь…
Ну, кто бы не спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

М. Ю. Лермонтов

Начальнику штаба Забайкальской казачьей дивизии подполковнику Деникину поступила информация о подброшенной японцами записке:

«Мы слышали, что через пять дней вы переходите в наступление. Нам будет плохо, но и вам нехорошо».

— Вот тебе и секретность! — в сердцах воскликнул Антон Иванович.

Но на душе, как ни странно, полегчало. Три недели подполковник Деникин изнывал от затишья на фронте. А сейчас, кажется, начнется большое дело…

Генерал Куропаткин готовил новое наступление.

Начальник Западной конницы генерал Мищенко был ранен в боях в районе Сандепу в ногу и лежал в Мукдене в лазарете. Ввиду особой важности той роли, которая предстояла его отряду — набегу в тыл японцев, — главнокомандующий назначил начальником генерала Ренненкампфа. Уезжая с одного конца фронта на другой, генерал обратился к Деникину:

— Не желаете ли, Антон Иванович, ехать со мной?

— С удовольствием.

На другой день, получив предписание ставки, подполковник Деникин выехал вслед за генералом Ренненкампфом и вступил в должность начальника штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии.

Вскоре началась трагическая мукденская эпопея.

В Мукденском сражении соотношение сил и средств противоборствующих сторон было примерно равным по штыкам и саблям, но русские, имея незначительное преимущество в

артиллерии, уступали японцам по количеству пулеметов. Создалась ситуация, когда почти все решалось полководческим мастерством и моральным духом войск.

Отряд Ренненкампфа упорными, кровопролитными боями стяжал себе заслуженную славу. В летописи его записано много героических эпизодов, в том числе бой на Знаменной сопке. Когда все силы сопротивления были истощены, все резервы израсходованы, фронт дрогнул. Тогда храбрый артиллерийский генерал Алиев сам повел в контратаку последние четыре знаменные роты четырех полков, отбил сопку и водрузил на ней знамена. Этот подвиг поднял войска, которые приостановили японское наступление…

Переезжая на восток, генерал Ренненкампф предложил подполковнику Деникину вернуться в отряд. Тот согласился. Но вернуться не пришлось из-за недоразумения, которое выяснилось после войны. Ренненкампф по пути снесся со ставкой, и ставка по поводу Деникина послала в штаб армии телеграмму, которая в начавшейся мукденской заварухе где-то затерялась.

«Так и осталось чувство некоторой обиды у меня — против Ренненкампфа, у него — против меня, разъясненное и рассеянное вполне только после нашей встречи через несколько лет в Ялте», — вспоминал Антон Иванович.

На смену Ренненкампфа для командования Западной конницей был прислан генерал Греков. Урало-Забайкальской дивизией временно командовал генерал Павлов.

И вновь Антону Ивановичу напомнили о себе годы учебы в Академии Генштаба. Начальником штаба у генерала Грекова был… профессор полковник Баскаков! Тот самый Баскаков, который не поставил будущему вождю Белого движения на экзамене спасательные 7 баллов, вследствие чего Деникина отчислили с первого курса. Теперь роли переменились: Деникин — начальник штаба дивизии с определенным боевым опытом, Баскаков — новичок.

Из воспоминаний Антона Ивановича:

«…Приезжает на мой наблюдательный пункт и спрашивает (Баскаков):

— Как вы думаете, что означает это движение японцев?

— Ясно, что это начало общего наступления и охвата правого фланга наших армий.

— Я с вами вполне согласен.

Еще три-четыре раза приезжал Баскаков осведомиться, „как я думаю“, пока не попал у нас под хороший пулеметный огонь, после чего визиты его прекратились.

Должен сознаться в человеческой слабости: мне доставили

удовлетворение эти встречи, как отплата за „12-й час“ Ваграма и за прибавку полбалла…»

А между тем дивизия все сильнее ввязывалась в бои Мукденского сражения. Сцепившись с наступавшей с фронта японской дивизией, она медленно, с боем отходила к Сифантаю. Силы обходивших армию японцев определялись в этот день уже во 2-й дивизии, о чем и было донесено штабу армии.

На фоне большой мукденской трагедии началась маленькая трагедия Западной конницы. После отъезда Ренненкампфа, руководимая последовательно тремя бесталанными генералами, она была раздернута на части, благодаря разноречивым приказам сверху: к концу сражения полки ее оказались в девяти местах, Западная конница распалась, не сыграв решительной роли в роковой и ответственный момент. В ее судьбе, как в зеркале, отражается хаос, воцарившийся на фронте 2-й армии.

28 февраля генерал Греков с частью сил ушел на север, и больше до конца сражения Деникин его не видел. От Урало-Забайкальской дивизии осталось 10 сотен и 2 батареи. В ночь на 1 марта завязался бой под Сифантаем, с нашей стороны главным образом артиллерийский. Дивизия находилась в полуокружении.

Штаб расположился возле наблюдательного пункта командира артиллерийского дивизиона полковника Гаврилова. Антон Иванович с искренним восхищением наблюдал за его артистической стрельбой, буквально косившей японские цепи. Поразило и поведение в бою. Это была не просто храбрость, а полное равнодушие к витавшей над головами солдат и офицеров смерти. Под огнем японских шимоз Гаврилов, найдя несоответствие в баллистических данных своей стрельбы, делал вычисления в записной книжке, приговаривая:

— Очень, очень интересный случай.

К сожалению, только одной доблестью офицеров войны не выигрываются. Обстановка в Мукденском сражении для русских армий все больше ухудшалась. Войска отступали. В ночь на 2 марта по приказу штаба армии Сифантай был оставлен. Отряд генерала Павлова пошел на присоединение к генералу Грекову. Но вскоре он получил четыре разноречивых приказания от главнокомандующего, от командующего 2-й армией (два) и от генерала фон дер Ляуница, служебное положение которого Деникину не было известно. Стало очевидным, что в высших штабах управление нарушено.

Не имея резервов, командование русских войск прилагало чрезвычайные усилия, чтобы парировать удар. Из армии Линевича приказано было вернуть столь неосмотрительно посланный туда 1-й Сибирский корпус. Спешно снимались

дивизии из боевой линии 2-й армии и прямо из боя направлялись на запад против обходящей армии Ноги. Во главе этих войск стал генерал Каульбарс, оставив за себя на южном фронте армии генерала фон дер Ляуница. Каульбарс выехал лишь с несколькими офицерами штаба, без надлежащих средств связи, что крайне затрудняло возможность управления.

Деникину удалось выяснить, наконец, что отряд подчиняется генералу фон дер Ляуницу. Получена задача: идти на север, причем передать 8 сотен генералу Толмачеву, посылаемому штабом.

Это был тяжелый поход, ставший для многих солдат и офицеров последним… После очередной реорганизации отряд генерала Павлова прекратил существование. Славная мищенковская Урало-Забайкальская дивизия распалась. Генерал Павлов и Деникин со штабом остались без дела, но уходить в тыл не собирались. Решили остаться в боевой линии при последних двух сотнях. Во избежание недоразумения каждый день утром и вечером Антон Иванович посылал донесения в штаб армии о положении бывшей Западной конницы и о том, что «отряд ген. Павлова» не существует. Тем не менее в течение еще трех дней он получал распоряжения, возлагавшие на несуществующий отряд важные и ответственные задачи.

6 марта 1905 года Деникина вызвали, наконец, в штаб армии. В штабе — неосведомленность, усталость, уныние. Только что кончился военный совет, и генерал Каульбарс шел на телеграф. Решалась судьба завтрашнего дня… После доклада Деникина остаткам отряда разрешено было «стать где угодно».

— А когда же общее наступление? — спросил он штабного генерала.

— Все обозы спешно направлены в тыл, а армии приказано удерживать позиции.

Положение становилось грозным. Японцы появились к северу от Мукдена, в 6 километрах от Императорских могил, угрожая глубокому тылу русских армий.

К 3 марта 1905 года путем огромных усилий русскому командованию удалось сосредоточить на Западном фронте против японского генерала Ноги значительные силы. Деникин прошел по всему Западному фронту. Беседовал с офицерами и солдатами, замечал в них усталость и сомнение, но нигде не наблюдал упадочного настроения и чувства безнадежности.

С 3 марта войска, переменив фронт к западу, готовы были по первому приказу обрушиться всей тяжестью 120–140 батальонов на слабейшего врага, совершавшего обходный марш ввиду неподвижно стоявших русских линий.

Но общее наступление так и не началось…

Японцы прорвали наш фронт и хлынули к Мукдену, приближаясь к нему с юго-востока. Три восточных корпуса, в том числе и Ренненкампфа, были на время отрезаны от остальной армии. У Мукдена наши войска очутились «в бутылке», узкое горлышко которой все более и более суживалось к северу от Мукдена. Находясь с конницей у западного края этого «горлышка», Деникин имел печальную возможность наблюдать финальный акт мукденской драмы.

Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие — расстроенные, дезориентированные — сновали по полю взад и вперед, натыкаясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли. Конные разъезды служили для многих маяком… Все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными зарядными ящиками и грудами развороченного валявшегося багажа даже из обоза главнокомандующего…

В первый раз за время войны Антон Иванович видел панику. Но к 17 марта наступательный порыв японцев иссяк, кризис миновал. Мукденская операция принесла обеим армиям большие потери. Русская армия — 90 тысяч убитыми, ранеными и пленными, причем убитых и раненых — около 71 тысячи человек. Японская армия соответственно — 71 тысяча и 70 058 человек.

А. И. Деникин, анализируя бесславную Мукденскую операцию, писал:

«Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоящих на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может, гибельный для зарвавшегося противника».

Такая точка зрения весьма оригинальная, хотя и дискуссионная. Но в военной истории есть примеры, когда полководческий гений переламывал самые неблагоприятные ситуации.

ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ

На войне, как на войне.

Мукденское сражение, выявив острый дефицит полководческих талантов, предугадало бесславный конец в Русско-японской войне, но он еще был впереди.

Вопрос о замене Куропаткина был предрешен. Николай II хотел заменить его прославленным генералом Драгомировым, но понял: бесполезно. Михаил Иванович был давно болен. И к тому же крайне нигилистически относился к этой войне, видя всю неподготовленность к ней России. Он переживал, что русский воин будет напрасно проливать кровь за непонятную аферу сильных мира сего. Когда Драгомиров тяжелобольным приехал на родину в Конотоп, то в зале ожидания вокзала, невзирая на множество публики, начал ругать Петербург, царя и дураков-министров. Городовые и жандармы стояли тут же, взяв почтительно под козырек.

По дороге на хутор он сказал приятелю:

— Помру… эта война меня сразу подкосила!

Так и случилось…

Генерал Куропаткин послал государю телеграмму, прося оставить на любой должности в действующей армии. Царь предоставил ему командование 1-й армией.

Новым главнокомандующим стал генерал Н. П. Линевич — добрый и покладистый человек, пользовавшийся известной популярностью среди солдат (за глаза его звали «папашей»), но стратегическим мышлением не обладал. Одним словом, выбор Николаем II нового главнокомандующего — кадровая рокировка по принципу: «шило на мыло»…

Штаб Линевича с переходом в наступление медлил. Ожидали результат выхода в Тихий океан эскадры адмирала Рожественского.

Странная это была эпопея…

Из Балтийского моря адмирал вел свои корабли по непонятному маршруту: Северное море, Атлантический океан, берег Африки, затем Индийский океан и, наконец, Китайское море. Двенадцать тысяч миль за один месяц. Двенадцать броненосцев, восемь крейсеров и девять миноносцев с некоторым запозданием вошли в Северное море, где 22 октября 1904 года открыли огонь по мирным британским траулерам, приняв их за японские суда! Кругосветное путешествие могло бы на этом и кончиться, если бы инцидент не был урегулирован усилиями

дипломатов.

Много непонятного в одиссее адмирала Рожественского… Но авантюра это была несусветная: соотношение сил и средств не в нашу пользу, не имелось ни одной базы на всем пути в 18 тысяч миль у данных малых морских сил.

Эскадра погибла 27 мая 1905 года под Цусимой… Еще одна кровоточащая рана в военной истории Отечества.

Эскадра погибла, а японцы, понеся большие потери, не хотели рисковать новым наступлением утомленных войск. Поэтому в течение 6 месяцев на фронте царило затишье. Скучал в это время Антон Иванович в конном отряде генерала Мищенко.

Отряд состоял из Урало-Забайкальской казачьей дивизии, Кавказской туземной бригады и нескольких конноохотничьих команд стрелковых полков. В середине мая прибыла из России Кавказская дивизия в составе кубанских и терских казачьих полков.

Отряд генерала Мищенко входил в состав 2-й армии и имел задачей охрану правого фланга армии и глубокую разведку расположения противника. В то время как на фронте царило полное затишье, конный отряд с 10 марта и по 1 июля был в постоянных боях. Девять раз он ударял по флангу и тылу расположения армии японского генерала Ноги.

Но между генералами Мищенко и Каульбарсом дружелюбия не было. Самолюбивый и самостоятельный Мищенко, уже известный не только армии, но и России, не мог простить резкого, наставительного тона Каульбарса, авторитет которого после Мукдена поколебался…

Между генералами шла нервная переписка. Не раз взбешенный Мищенко накладывал такие резолюции, что начальнику штаба Деникину стоило большого труда облечь их в терпимые формы. Выведенный из себя Мищенко послал главнокомандующему частное письмо о невозможности дальнейшей службы с генералом Каульбарсом. Вскоре пришел приказ ставки, которым генералу Мищенко вменялось в обязанность производить набеги на японцев, «чтобы своевременно раскрыть обход противником нашего фланга». Вероятно, ставка дала некоторые указания и Каульбарсу, так как Мищенко вскоре получил вызов к нему «по важному делу». Вернувшись в отряд, командир неопределенно сказал своим штабистам:

— Никакого дела не было. Вызывали, знаете ли, мириться…

Больше ничего не произнес, но Деникин и все офицеры штаба почувствовали, что атмосфера разрядилась.

В начале мая отряду приказано было произвести набег в тыл японской армии. Генерал Мищенко говорил Каульбарсу:

— Если наша армия перейдет в наступление, тогда я понимаю смысл набега и употреблю все силы и уменье, чтобы нанести противнику наибольший вред. А идти одному, чтобы опять вернуться на позиции — этого я не пойму.

Каульбарс утверждал, что есть достоверные сведения о готовящемся наступлении японцев, которых необходимо задержать на несколько дней ввиду подходящих из России пополнений. Задача отряду — истребление неприятельских складов и транспортов и порча путей подвоза.

17 мая отряд выступил, имея 45 сотен и 6 орудий. Для облегчения было взято только по 2 орудия от батареи и по 5 зарядных ящиков. За четыре дня проникли в глубь японского расположения на 170 километров, дошли до реки Ляохе и окрестностей Синминтина.

Первый переход. Боковой авангард попал под огонь японцев. Прикрываясь двумя спешенными сотнями, отряд пошел дальше. Докладывают, что авангард потерял 8 казаков ранеными.

— Раненых вынесли, конечно? — спрашивает Мищенко.

— Невозможно, ваше превосходительство, в 150 шагах от японской стенки лежат.

— Чтоб я этого «невозможно» не слышал, господа!

Поскакали туда еще 2 сотни, спешились и вступили в бой, но безрезультатно. Тогда выскочил из цепи сотник Чуприна с несколькими казаками, бросился вперед, потерял одного убитым и 4 ранеными, но всех вынес! Этот доблестный офицер через два дня был убит…

Первые три дня рейда происходили лишь небольшие стычки и захват случайных обозов и складов. День 20 мая стал для Деникина особенно памятным.

Отряд подходил к реке Ляохе. Оказалось, что на главной этапной дороге Синминтин — Факумын никакого движения уже нет, японцы перенесли линию подвоза вглубь. Командир отряда бросил в этом направлении 1-й Читинский полк, который, прорвавшись сквозь завесу японских постов, вышел на новую транспортную дорогу и наткнулся на огромный обоз, тянувшийся на 7 километров. Изрубив прикрытие, казаки приступили к уничтожению обоза: собирали в кучи повозки и поджигали. Скоро по всей дороге пылало зарево костров.

Отряд между тем шел дальше, авангард наткнулся на укрепленную деревню Цинсяйпао, занятую японской пехотой с пулеметами. Две-три сотни спешились и под сильным огнем двинулись на нее. Хорунжий Арцишевский с двумя орудиями подскакал по открытому полю на 600 шагов и стал поливать японцев шрапнелью… Враг дрогнул. По полю неслись

забайкальцы есаула Зыкова, подъесаула Чеславского, уральцы хорунжего Мартынова. Они врезались в японские ряды. Подъем был так велик, что не выдержали и понеслись в атаку вестовые, ординарцы и чины штаба.

Бой длился 2 часа. Две японские роты были уничтожены. В плен попало только 60 человек. Один японский офицер застрелился на глазах русских, другой, покушаясь на самоубийство, сильно изрезал горло, двум раздробила головы шрапнель. Японские роты дрались храбро и погибли честно.

Казаки подобрали своих и японских раненых. Последних оставили в деревне вместе с персоналом отбитого раньше японского госпиталя, снабдили медикаментами и повозками. Хмурые, бесстрастные, толпились раненые японцы вокруг своих повозок, не понимая, что их отпускают к своим. А невдалеке уральцы хоронили своих убитых, которых отпевал казак — старообрядческий начетчик…

После короткого отдыха двинулись дальше. Боковой авангард, встреченный неожиданно сильным огнем, отошел прямо к штабу отряда. Мищенко остановил его громким окриком:

— Стой, слезай! Ну, молодцы, вперед, в цепь!

И опираясь на палку (рана в ногу), сам пошел вперед. За ним штаб… Эту давнишнюю привычку не в силах были побороть ни призыв к благоразумию, ни явная несообразность положения корпусного командира в стрелковых цепях.

— Я своих казаков знаю, им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится, — говаривал Мищенко.

Результаты набега таковы: разгромлены две транспортные дороги со складами, запасами и телеграфными линиями; уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей; взято в плен 234 японца (5 офицеров) и не менее 500 выведено из строя. Нашему отряду набег стоил 187 убитыми и ранеными. Главнокомандующий генерал Линевич прислал телеграмму:

«Радуюсь и поздравляю ген. Мищенко и всех его казаков с полным и блестящим успехом. Лихой и отважный набег. Сейчас донес о нем государю».

После позора Мукдена Антону Ивановичу повезло: на общем фоне неудач он познал радость боевых побед.

В июне 1905 А. И. Деникин «за отличие в делах против японцев» был произведен в полковники.

В середине июля поползли в армии слухи, что президент США Теодор Рузвельт предложил царскому правительству услуги для заключения мира…

Антон Иванович рассуждал впоследствии о том, как это было воспринято армией:

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в преобладающей массе офицерства перспектива возвращения к родным пенатам — для многих после двух лет войны — была сильно омрачена горечью от тяжелой, безрезультатной и в сознании всех незаконченной кампании».

Начались переговоры в Портсмуте, где 5 сентября 1905 года Витте заключил перемирие, а 14 октября состоялась ратификация мирного договора. Россия теряла свои права на Квантун и Южную Маньчжурию, отказывалась от южной ветви железной дороги до станции Куачендзы и отдавала японцам южную половину острова Сахалин.

Витте спас карьеру и получил титул графа. Впрочем, в русском обществе тогда можно было слышать насмешки: были Потемкин-Таврический, Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский, а теперь имеем Витте-Полусахалинского.

Россия никогда не забывала об уступке самураям южной части Сахалина, а Витте с раздражением оправдывался: «Я не хотел отдавать японцам Сахалин в Портсмуте — это была личная уступка японцам самого императора!»

Для Антона Ивановича начались мирные армейские будни.

Урало-Забайкальская дивизия подлежала расформированию; оставаться на службе в Маньчжурии или Сибири Антон Иванович не хотел — потянуло в Европу. Простившись со своими боевыми соратниками, поехал в ставку. Попросил, чтобы снеслись телеграфно с управлением Генерального штаба в Петербурге о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии в Европейской России. Так как ответ в связи с забастовками на телеграфе ожидался не скоро, Деникин был командирован на время в штаб 2-го кавалерийского корпуса.

Антон Иванович ехал в корпус в вагоне, битком набитом офицерами. Разговор между ними шел исключительно на злобу дня — о новом корпусном командире. Деникина поразило единодушное возмущение, с которым к тому относились. В вагоне сидела сестра милосердия средних лет. Она менялась в лице, потом, заплакав, выбежала на площадку. В вагоне водворилось конфузливое молчание… Оказалось, что она была женой нового командира корпуса генерала А. П. Скугаревского.

Генерал А. П. Скугаревский… Образованный, знающий, прямой, честный и по-своему справедливый тем не менее пользовался давнишней и широкой известностью как тяжелый начальник. Вот как его характеризует Редигер, столкнувшийся со Скугаревским в 1878 году, когда тот был штаб-офицером для

поручений штаба гвардейского корпуса:

«Скугаревский — человек грубой внешности, иногда бестактный, отличный работник, который заставлял весь штаб работать отлично. Отличительной чертой его была справедливость».

Генерал А. П. Скугаревский получил должность командира 2-го кавалерийского корпуса недавно, после окончания военных действий, но в корпусе успели его возненавидеть. Командир почитал закон, устав и… их исполнителей. Все остальное было для него безразлично: человеческая душа, индивидуальность, внутренние побуждения того иди иного поступка, авторитет и боевые заслуги подчиненного. Скугаревский хорошо знал, как к нему относятся войска.

После той «запорожской сечи», какую представлял собой конный отряд генерала Мищенко, в штабе 2-го корпуса А. И. Деникин попал в совершенно иную обстановку.

В штабе царило тягостное настроение, в особенности во время общего с командиром обеда, участие в котором было обязательно. По установившемуся этикету только тот, с кем беседовал командир корпуса, мог говорить полным голосом. Выговоры сыпались и за обедом. Однажды капитан Генерального штаба Толкушкин, доведенный до истерики разносом Скугаревского, выскочил из фанзы, и через тонкую стену было слышно, как кто-то его успокаивал, а он кричал:

— Пустите, я убью его!

В столовой водворилась мертвая тишина. Все невольно взглянули на Скугаревского. Он, не поведя бровью, продолжал начатый разговор.

Однажды Скугаревский обратился к Антону Ивановичу:

— Отчего вы, полковник, никогда не поделитесь с нами своими боевыми впечатлениями? Скажите, что собой представляет генерал Мищенко?

Деникин, немного подумав, ответил:

— Есть начальник и начальник. За одним войска пойдут куда угодно, за другим не пойдут. Один…

И далее полковник провел параллель между Скугаревским, не называя его, и Мищенко. Скугаревский выслушал совершенно спокойно и даже с видимым любопытством, а в заключение поблагодарил Антона Ивановича «за интересный доклад».

Антону Ивановичу повезло: генерал А. П. Скугаревский при всех его отрицательных качествах, надо полагать, не был злопамятным человеком. В 1908 году, когда он возглавил комитет по образованию войск, попросил военного министра привлечь в комитет полковника Деникина…

Служба в штабе сумасбродного командира стала тяготить Антона Ивановича. Поэтому, воспользовавшись начавшейся эвакуацией и последствиями травмы ноги, уехал наконец в Россию…

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕНИКИН

Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого.

Н. Бердяев

Увидев на рельсах людей в офицерской форме, грозно размахивающих револьверами, машинист паровоза отчаянно затормозил. Клубы пара обволокли моложавого полковника и еще нескольких офицеров.

— Что случилось, господин полковник? — прокричал испуганный машинист.

— Вы сейчас же перецепите паровоз к нашему составу, стоящему на втором пути, — сказал полковник тоном, не терпящим возражений.

— По какому праву? Мы идем строго по расписанию, у нас есть разрешение от смешанного забастовочного комитета.

— Какого комитета? — с возмущением воскликнул полковник. — Вы посмотрите на анархию и хаос, именуемый революцией! Пока наш почтовый поезд пытался идти по расписанию, мы делали не более 100–150 километров в сутки. А однажды солдаты проезжавшего эшелона, у которых испортился паровоз, отцепили и захватили наш.

— Но мы-то здесь при чем, господин полковник? У нас есть разрешение от смешанного забастовочного комитета, я вам уже говорил!

— Мне очень жаль, но я вынужден нарушить установленный порядок в силу чрезвычайных обстоятельств.

— Но есть революционные власти. Обратитесь к ним в конце концов, ваше высокоблагородие!

— Полноте, милостивый государь! О чем вы говорите. Какие это, с позволения сказать, революционные власти?

— Как какие, революционные власти — с какой-то внутренней неуверенностью в голосе произнес машинист. — Мы подчиняемся…

— Уже слышал, милостивый государь! — жестко ответил полковник. — Я с ноября 1905 года еду в поезде по Сибирской магистрали, пробираясь из Маньчжурии в Петербург. А сейчас декабрь. Бесконечно долго ехал по целому ряду новоявленных, с позволения сказать, «республик» — Иркутской, Красноярской,

Читинской. Несогласованность в распоряжениях ваших революционных «республик» и ряд частных забастовок иногда вовсе приостанавливали движение: в Иркутске, где нам пришлось поневоле прождать несколько дней, скопилось, к вашему сведению, до 30 воинских эшелонов и несколько пассажирских поездов. К этому времени по всей дороге чрезвычайно трудно было доставать продовольствие, и мы жили в дальнейшем только запасами, приобретенными в Иркутске.

— Но я-то здесь при чем, ваше высокоблагородие? — отчаянно проговорил машинист.

— Вы, конечно, нет. Да, наверное, хватит выяснять отношения. Стало очевидным, что законным путем никуда не доедешь. Извольте выполнять приказание!

— А если я не подчинюсь?

— Не советую, буду стрелять!

— Ладно, ваша взяла. На кого прикажете жаловаться?

— Извольте, полковник Деникин!

Паровоз был перецеплен.

Так уж сложилось, что самое бурное время революции (ноябрь 1905 — январь 1906) Деникин провел в поезде на Сибирской магистрали, пробираясь из Маньчжурии в Петербург.

Насмотревшись на анархию, царящую на железных дорогах, управление которыми пришло в расстройство, Антон Иванович и еще четверо оказавшихся в поезде полковников собрались вместе: командира одного из сибирских полков объявили комендантом поезда. Назначили караул на паровоз, дежурную часть из офицеров и солдат, вооруженных собранными у офицеров револьверами, и в каждом вагоне — старшего. Из доброхотных взносов пассажиров определили солдатам, находившимся в наряде, по 60 копеек суточных, и охотников нашлось больше чем нужно. Только со стороны двух «революционных» вагонов, в которых ехали эвакуированные железнодорожники, эти меры встретили протест, однако не очень энергичный.

Так полковник Деникин ехал более месяца. Перевалили через Урал. Близилось Рождество, всем хотелось попасть домой к празднику. Но под Самарой поезд остановили у семафора: забастовка машинистов, пути забиты, движение невозможно, и когда восстановится, неизвестно. К довершению всего, сбежал из-под караула машинист поезда.

Офицеры собрались, чтобы обсудить положение. Каково же было общее изумление, когда из «революционных» вагонов поезда к коменданту пришла делегация, предложившая, «чтобы не быть в ответе перед товарищами, надо, мол, разыграть фарс — взять их силою». Снарядили конвой и вытащили за шиворот

сопротивлявшихся для виду двух машинистов. Дежурному по Самарской станции Деникин передал по телефону категорическое приказание: «Через полчаса поезд пройдет полным ходом, не задерживаясь, через станцию. Чтоб путь был свободен!».

Проехали благополучно. В дальнейшем поезд шел нормально, и Антон Иванович добрался до Петербурга в самый сочельник.

«Этот „майн-ридовский“ рейд в модернизованном стиле, — вспоминал генерал, — свидетельствует, как в дни революции небольшая горсть смелых людей могла пробиваться тысячи километров среди хаоса, безвластия и враждебной им стихии попутных „республик“ и озверелых толп».

Антон Иванович Деникин, тридцатитрехлетний полковник, возвращающийся с Дальнего Востока в Европейскую Россию с неудачной войны, смог воочию увидеть, что такое революция.

Сегодня, в начале XXI века, отчетливо видно, что Русско-японская война явилась первой катастрофой в XX столетии. Но тогда еще, в начале века, будущее страны было покрыто зыбким туманом. Деникин, естественно, не мог увидеть и оценить весь клубок взаимосвязей войны и революции. Для него было ясно одно: революция — это зло.

Антон Иванович анализирует, как приходило в себя царское правительство, начавшее подавление революции.

По инициативе главы правительства графа Витте для восстановления порядка на Сибирской магистрали командировались воинские отряды генерала Меллер-Закомельского, шедшего от Москвы на восток, и генерала Ренненкампфа, двигавшегося от Харбина на запад.

Генерал Ренненкампф выступил из Харбина 22 января 1906 года. Его дивизия шла, не встречая сопротивления, восстанавливая железнодорожную администрацию и усмиряя буйные эшелоны запасных: высадит из поезда мятежный эшелон и заставит идти пешком километров 25 по сибирскому морозу до следующей станции, где к определенному сроку их ждал порожний состав поезда… Подойдя к Чите, считавшейся оплотом революционного движения, Ренненкампф остановился и потребовал сдачи города. После нескольких дней переговоров Чита сдалась без боя. Ренненкампф сменил высших администраторов Забайкальской области, отобрал у населения оружие и арестовал главных руководителей мятежа, предав военному суду.

Совершенно иначе действовал генерал Меллер-Закомельский. Деникин знал его по службе в Варшавском округе, где тот командовал 10-й пехотной дивизией, в штабе которой Антон Иванович отбывал лагерный сбор в 1899 году. Нрав у Меллера и

тогда был крутой, но в мирной обстановке ничем особенным он себя не проявлял, о чем, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях военный министр Редигер.

Однако у Меллера-Закомельского за плечами имелся опыт подавления мятежа в Севастополе. Сию акцию он смог расписать в донесении государю в цветах и красках — сражением с бунтовщиками на уровне Бородино. На беду Меллера, вскоре после его хвастливого рапорта было получено донесение с показанием потерь с обеих сторон, которое обрисовало «подвиг» Меллера совсем в ином виде. Но карательных санкций не последовало, так как у новоявленного барона Мюнхгаузена в генеральских кругах имелись обширные связи при дворе.

Меллер-Закомельский сеял страх со своим отрядом. Главная цель — пустить кровь, нужную или ненужную, особого значения не имеет. В его донесении царю о результатах экспедиции были такие строки:

«Ренненкампфовские генералы сделали крупную ошибку, вступив в переговоры с революционерами и уговорив их сдаться… Бескровное покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления…»

Исходя из этого, каратель в три недели добрался от Москвы до Читы — более 6 тысяч километров, — производя повсюду жестокую расправу… Причем такие деяния он возводил в ранг высшей воинской добродетели. Это не могло не возмущать Деникина, полагавшего, что принятие суровых мер бывает не только правом, но и долгом, «похваляться же этим не каждый станет».

Небезынтересно, что деникинская позиция совпала и с мнением генерала Куропаткина. Но не совпала с мнением Николая II. Император в ответ на жалобы Ренненкампфа на излишнюю жестокость Меллера-Закомельского при подавлении бунта сказал начальнику главного управления Генерального штаба Ф. Ф. Палицыну: «Ренненкампф излишне рассуждает. Меллер больше действует…»

Мнения Редигера, Куропаткина, Деникина совпадают также еще в одном вопросе: привлечение войск для борьбы с мирными демонстрантами — самый короткий путь к разложению армии. Их правота с дистанции времени не вызывает сомнений.

Антон Иванович отмечает — власть, придя в себя, первым делом озаботилась улучшением материального положения армии и на этом пути добилась успеха (было увеличено солдатское жалованье и приварочный оклад, введено снабжение одеялами, постельным бельем и т. д.). Военное ведомство определило солдатам, командируемым для предотвращения беспорядков,

суточные в размере 30 копеек в сутки. Деньги немалые. Деникин был свидетелем, с какой охотой ходили в уезды роты Саратовского гарнизона и как ревниво относились к соблюдению очереди.

Первая русская революция — важный этап в биографии Антона Ивановича. В тот период существенно корректируется сформированное у него в академические годы отношение к революции как историческому феномену, имеющему особые проявления в условиях Российской империи. Выводы он сделал оригинальные, но не бесспорные.

Интересен, например, взгляд Антона Ивановича на проблему солдатских бунтов. Их причинами он считает революционную пропаганду, излишнее стеснение казарменной жизни и не везде здоровые отношения между солдатами и офицерами, особенно на флоте. Причем в большинстве мятежных частей царила сумятица, сумбурны и неграмотны были предъявленные солдатские требования.

Самурский полк (Кавказ) потребовал от офицеров сдать оружие и… выдать знамя. Ввиду отказа командир полка, полковой священник и 3 офицера были убиты. А кронштадтские матросы начали с требования Учредительного собрания, а окончили разгромом 75 магазинов и 68 лавок.

Жестокость проявлялась с обеих сторон, в особенности в Прибалтике. Такие эпизоды, как сожжение заживо в Курляндии, в Газенпоте, бунтовщиками солдат драгунского разъезда, не могли смягчить взаимоотношений…

В своих воспоминаниях Деникин приводит данные советского историка М. Н. Покровского, что число жертв за год первой революции исчисляется 13 381 человеком и полагает, что такая цифра должна казаться им (большевикам. — *Г. И.*) совершенно ничтожной. С точки зрения масштабов «красного террора», безусловно, да.

Однако нельзя согласиться с Деникиным до конца. Его сравнение не совсем удачное. Жестокость всегда остается жестокостью.

Невольно вспомнишь Дидро, считавшего, что чем больше расстояние между повелевающими и повинующимися, тем меньше значения имеют для первого кровь и слезы второго…

И все равно, повторю, да простит меня читатель за тавтологию, еще раз: слишком это полемичная тема — целесообразность смертной казни.

Характерно, что Деникин, рассуждая о первой русской революции, проводит мысль не только о ее неприятии, но и об абсолютной ненужности революционных потрясений в стране.

«Первая революция кроме лозунга „Долой!“ не имела ни определенной программы, ни сильных руководителей, ни, как оказалось, достаточно благоприятной почвы в настроениях народных: в народных массах России не оказалось благоприятной почвы для революции политической».

Это упрощенно-категоричная оценка такого сложного явления, как первая русская революция. Антон Иванович, например, только мельком упоминает о волнениях в войсках, хотя брожения в армии были значительными.

Деникин не хочет признавать до конца, что офицерство тоже попало под влияние революции. Он уверен: революционной пропаганде поддалась очень незначительная часть офицерства, преимущественно тылового.

Подобное утверждение между тем не в полной мере соответствует исторической правде. Приведем в качестве аргумента лишь один факт: за 1904–1907 годы было предано суду по политическим составам преступления 127 тысяч военнослужащих, в том числе и несколько сотен офицеров.

Из поля зрения Деникина выпал и такой факт: ведь именно в годы первой русской революции среди офицеров всех категорий начало распространяться резкое недовольство состоянием армии. Стало возможным проявление открытого недовольства военной политикой царского правительства, крупными военно-политическими фигурами.

Командующий Туркестанским военным округом генерал-лейтенант Черницкий, участник русско-японской войны, проявив незаурядное мужество, констатировал *в официальном приказе по войскам*, что армия стала, по существу, толпой рабов, руководимой людьми из светских гостиных, в военном деле ничего не понимающих: «Наша армия рабская, а ведь нет беды, больше рабства».

Хотя театр военных действий Деникина был ограничен, многое увиделось и за его горизонтами. Война есть война, здесь каждая клетка отражает общий организм. Деникин был счастлив, что ему удалось окунуться в боевое военное пекло, но бесславный финиш эпопеи отравлял благоприобретенное. Военный кризис был налицо, время требовало перемен.

Между тем служба Деникина Отечеству продолжалась.

В 1905–1912 годах в России развернулись военные реформы, которые самым существенным образом повлияли на жизнь и деятельность будущего вождя Белого движения.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ РЕНЕССАНС

Государь делает большую ошибку, вводя удельный порядок управления отдельными отраслями военного управления через своих родственников, великих князей. Не такое теперь время, чтобы безответственные властелины действовали или бездействовали каждый на свой образец…

Из секретного письма А. Н. Куропаткина военному министру А. Ф. Редигеру (июль 1905 г.)

Русско-японская война выявила серьезные недостатки в центральном военном управлении, организации войск, системе комплектования, боевой подготовке и техническом оснащении армии. Это видели многие политические и военные деятели того времени.

«Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед», — писал в своем «Отчете» о русско-японской войне генерал Куропаткин.

Полоса безвременья вызвала в армейской среде опасное явление. Неудачи минувшей войны, критическое отношение общества и печати к офицерству поколебали во многих из них веру в свое призвание. И начался «исход», продолжавшийся примерно до 1910 года и приведший в 1907 году к некомплекту в офицерском составе армии до 20 процентов. Нужны были решительные меры.

В течение 1905–1912 годов в России была осуществлена военная реформа. В литературе ее иногда называют военным ренессансом.

Еще в годы первой русской революции царское правительство, несмотря на сложность обстановки, начало принимать некоторые меры по укреплению боеспособности

армии. В 1906 году император распорядился о проведении регулярных занятий с командными кадрами от командира полка до командира корпуса. Занятия проводились, как правило, в форме двусторонних военных игр на планах или в поле. Как это ни парадоксально, но в российской армии такая система была создана *впервые.*

Деникин, участвуя в подобных занятиях, вынес убеждение в большой их пользе. Кроме военно-профессиональной стороны дела, военные игры давали возможность ее участникам присмотреться друг другу и узнать, кто на что способен, выявляя и бездарей. Но приживалась данная система с трудом. Как сложно входила в сознание военных верхов идея необходимости учиться, свидетельствует эпизод, случившийся в 1911 году.

По инициативе военного министра генерала Сухомлинова в Зимнем дворце была организована военная игра с участием вызванных для этой цели командующих войсками округов. Игра планировалась в присутствии государя, который лично принимал участие в составлении первоначальных директив в качестве будущего верховного главнокомандующего[28]. За час до назначенного срока главнокомандующий войсками Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич добился у государя отмены военной игры… Сухомлинов, поставленный в неловкое положение, подал в отставку, которую не приняли…

В ходе военной реформы началась «чистка» офицеров, занимавших должности от командира полка и выше. Ввели новый пенсионный устав, новые аттестационные правила и проверку знаний старших начальников. Начался добровольный уход многих и принудительное отсеивание, которое армейский юмор окрестил как «избиение младенцев». В целом из армии было уволено по возрасту и служебному несоответствию до 7000 генералов и офицеров. Поднялся также и образовательный ценз: в списке генералов в 1912 году было 55,2 процента окончивших Военную академию.

Военный ренессанс можно разделить на два периода.

Первый (1905–1908 годы) — характеризовался децентрализацией высшего военного управления: учреждено независимое от Военного министерства Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), которому были переданы все вопросы военной подготовки страны; создан Совет государственной обороны; учрежден Морской генеральный штаб, подчиненный морскому министру; создана Высшая аттестационная комиссия; введены должности генерал-инспекторов; сокращены сроки действительной службы; улучшен

быт солдат и материальное положение офицеров и сверхсрочнослужащих.

Во второй период военных реформ (1909–1912 годы) — проводится централизация высшего военного управления: ГУГШ включается в Военное министерство; упраздняется Совет государственной обороны; военный министр назначается председателем Высшей аттестационной комиссии; реорганизуется управление по родам войск.

Важным мероприятием было совершенствование организационно-штатной структуры войск и их технического оснащения: приняты на вооружение пушки и гаубицы более мощного калибра, в полках созданы пулеметные команды, сформированы корпусные авиаотряды и т. д.

Введение в 1909–1912 годах новых уставов, в том числе полевого, значительно улучшило подготовку войск в звене рота — батальон — полк и индивидуальную подготовку солдат и унтер-офицеров. В 1911 году открывается Интендантская академия, предназначенная для подготовки офицеров высшей квалификации в тыловые учреждения армии и флота, а к 1910 году закончилось преобразование юнкерских училищ в военные.

В 1912 году введен новый закон о воинской повинности, устанавливающий некоторые сокращения в льготах по семейному положению и увеличению льгот по образованию. В этом же году принимается новый устав о пенсиях, улучшивший материальное положение офицеров. Например, пехотный поручик, получавший в совокупности 90 рублей, стал получать 141 рубль в месяц, а полковник, командир полка соответственно 230/325 рублей.

Офицерский состав насчитывал 1500 генералов и 44 000 офицеров, врачей и чиновников. На строевых должностях и в войсковых штабах состояло 1200 генералов и 36 000 офицеров. Их качество в процессе военной реформы улучшилось. Третья часть строевого офицерства имела свежий боевой опыт. Сильно повысился и уровень кандидатов в офицеры.

Еще совсем недавно — в куропаткинские времени, в 1905 году — отношение русского общества к армии было резко отрицательным и пренебрежительным.

Теперь в ходе военных реформ в общественном сознании произошел перелом. В военные училища поступали даже уже окончившие или оканчивающие университет, гимназисты с золотыми и серебряными медалями, пренебрегая традиционными «естественными науками».

Последний военный ренессанс царской России ознаменовался небывалым дотоле интересом к военной истории. 16 сентября 1906 года по предложению генерала Ф. Палицына при военно-

историческом отделении Генерального штаба была учреждена Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны. Итогом ее деятельности явилось создание в 1911 году труда «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны». Объем издания впечатляет — девять томов.

Характерно, что дискуссия по проблемам военной реформы была порою настолько бурной, что вызывала опасения руководства военного ведомства, явно порожденные синдромом первой русской революции.

В 1909 году военный министр секретным циркуляром сообщил старшим начальникам о возникновении тайных офицерских организаций, якобы поставивших себе целью ускорить насильственными мерами медленный и бессистемный ход реорганизации армии. Деникин в своих воспоминаниях утверждал, что о таких организациях он никогда не слышал, и уверен, что они и не существовали. И описывает явления другого порядка.

Осенью 1905 года, после заключения мира с Японией, в отряде генерала Мищенко по инициативе старшего адъютанта штаба капитана Хагандокова состоялось собрание десятка офицеров для обсуждения предложенного им проекта офицерского союза, основанного на выборном начале и имевшего целью оздоровление армии. Антон Иванович присутствовал на двух таких собраниях до отъезда в Европейскую Россию. Позднее из газет он узнал, что в мае 1906 года в Петербурге с разрешения военного министра Редигера состоялось заседание вновь возникшего общества, принявшего наименование «Обновление». Открытое собрание привлекло большую офицерскую аудиторию из-за слухов, что членом общества состоит популярный генерал Мищенко. Временный председатель «Обновления» капитан Хагандоков изложил программу общества самую благонамеренную. Устав общества был представлен военному министру, но он его не утвердил. Тем дело и кончилось.

Военные реформы 1905–1912 годов значительно подняли боеспособность русской армии, хотя и не устранили многих ее пороков. И все-таки военный ренессанс, он и есть военный ренессанс. Жаль, что только последний…

Итак, вся военная служба полковника Деникина проходила под знаком данного уникального явления. Проследим же его дальнейший путь — путь русского офицера.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА

На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся.

Народная мудрость

В Петербурге Антон Иванович узнал неутешительные для себя новости. Главное управление Генерального штаба, не дожидаясь возвращения с войны офицеров, поторопилось заместить все вакантные должности либо офицерами младшими по службе — без опыта войны, либо теми, кто давно покинул театр военных действий. На заявление Деникина, что Ставка главнокомандующего уже два месяца тому назад телеграфировала о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии, полковник, ведавший назначениями, возразил, что таких сведений не имеется. Оказалось, однако, что телеграмма есть, и смущенный полковник предложил Антону Ивановичу временно принять любую низшую должность штаб-офицера 2-го кавалерийского корпуса в Варшаве, в котором тот служил до войны.

Есть старая прописная истина: нет ничего более постоянного, чем временное. Временное назначение для Антона Ивановича длилось целый год.

Варшавский округ по-прежнему жил традициями, заложенными фельдмаршалом Гурко, оставившим округ в 1894 году. Прослужив в штабе округа почти весь 1900 год, А. И. Деникин хорошо знал весь верхний синклит. Тогда Варшавским округом правил состоявший в должности бессменно в течение 10 лет гуркинский начальник штаба генерал Пузыревский. Блестящий профессор Военной академии, автор премированного Академией наук труда, преподаватель истории военного искусства наследнику — будущему императору Николаю II, участник русско-турецкой войны, он был человеком острого слова, тонкой иронии и беспощадных характеристик. Принадлежал к категории «беспокойных» и имел много врагов. Поэтому не был привлечен на японскую войну и до конца жизни не получил в командование военного округа. Нашел умиротворение впоследствии в спокойном кресле члена Государственного совета.

Во 2-м Кавалерийском корпусе прямого дела у Деникина было мало. Фактически получилась своего рода вынужденная пауза в военной службе боевого полковника. Но он даром

времени не терял: печатал в военных журналах статьи, читал доклады о Русско-японской войне в собрании Варшавского генерального штаба и провинциальных гарнизонах. Не обошлось и без сенсации, когда в «Разведчике» появилась его статья в духе Салтыкова-Щедрина о быте и нравах в Варшавском главном интендантстве.

А на горизонте снова появилась… Ася Чиж. Ее родители состояли в разводе. Брат Дмитрий остался с отцом. И поскольку мать Аси, все еще столь же привлекательная, собиралась второй раз замуж, то Асей занялись ее дедушка и бабушка Тумские. Александр Тумской, дворянин с большой родословной, государственный советник, председатель мирового суда в управлении Седльца слыл важным человеком. Антон Иванович пришел к Томским с визитом в их квартиру в Седльце и был принят чрезвычайно тепло.

А между тем временное назначение Деникина в Варшаве затянулось. По приезде в столицу его ждал сюрприз — в качестве гонорара за свои корреспонденции с Дальнего Востока в газету «Новое время» он получил астрономическую сумму — 5000 рублей! Он побаловал свою старую мать, Асю, оставшуюся сумму положил в банк, где она не переставала округляться благодаря новым статьям.

Чувствуя себя богатым и в данный момент ненужным в армии, Антон Иванович — после долгих шести лет службы и войны — начал мечтать об отпуске. Ему дали четыре месяца с правом провести их за границей… Но устав от немецкой, французской и австрийской экзотики или просто почувствовав недостаток денег, Антон Иванович вернулся в Варшаву в начале сентября 1906 года, на тридцать семь дней раньше, как записано в его послужном списке.

1906 год подходил к концу, а назначение Деникина все задерживалось. Он напомнил о себе по команде Главному управлению Генерального штаба, но в форме недостаточно корректной. Ответ был сердито-категоричен: *«Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка…»*

Между прочим никогда у офицеров Генерального штаба не было принудительных назначений, тем более в Сибирь. Поэтому Антон Иванович «в запальчивости и раздражении» ответил еще менее корректным рапортом: *«Я не желаю».*

Ожидал новых неприятностей, но вместо них получил нормальный запрос с предложением принять штаб 57-й резервной бригады с прекрасной стоянкой в городе Саратове.

И вот он — начальник штаба 57-й резервной бригады. Не

дивизия, а простая бригада? Вроде бы мелко для боевого полковника? Нет.

Дело в том, что эта бригада, состоявшая из четырех полков, в каждом из которых было по два батальона, ничем не отличалась от дивизии. Место будущего назначения — Саратов — привело в восторг как самого Антона Ивановича, так и его мать, поехавшую вместе с ним: наконец они своими глазами увидят то место на берегу Волги, где около века тому назад появился на свет Иван Ефимович Деникин.

В КАЗАНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ

Но я все-таки был наверху,
И меня не столкнули вниз!

В. Высоцкий

В конце января 1907 года полковник Деникин приехал в Саратов, находившийся на территории Казанского военного округа, равного площадью всей Средней Европе. Военнополитическое руководство императорской России не уделяло ему должного внимания. Поэтому печать провинциальности ощущалась заметно. Три бригады округа вернулись с войны, где дрались доблестно. Вернулось немало офицеров с боевым опытом, появились новые командиры, новые веяния, и закипела работа. Округ проснулся.

И вот прибыл в Казань человек, топнул в запальчивости ногой и громко на весь округ крикнул: «Согну в бараний рог!»

Это был новый командующий войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий. Под эгидой такого «держиморды» прошла четырехлетняя полоса жизни Антона Ивановича.

Феномен Сандецкого Деникин объясняет так:

«Случайное совпадение обстоятельств, выбитая революцией из колеи армейская жизнь, наконец, большее чем где-либо значение в армии отдельной личности — и положительное, и отрицательное — привели к тому, что командование войсками Казанского округа ген. Сандецким наложило на них печать моральной подавленности на несколько лет».

Никогда не воевавший, в 1905 году он командовал 34-й пехотной дивизией, стоявшей в Екатеринославе, выдвинулся усмирением восстания и в следующем году занимал пост командира Гренадерского корпуса в Москве. В это время все Поволжье пылало. Край находился на военном положении, и не только все войска округа, но и мобилизованные второочередные казачьи части и регулярная конница, привлеченная с западной границы, несли военно-полицейскую службу для усмирения повсеместно вспыхивавших аграрных беспорядков. Командовавший округом в 1906 году генерал Карас — человек мягкий и добрый — избегал крутых мер и явно не справлялся с делом усмирения. Не раз он посылал в Петербург телеграммы о смягчении приговоров военных судов. Так как эти телеграммы не зашифровывались, то председатель Совета министров Столыпин

усмотрел в действиях Караса малодушие и желание перенести ответственность казней на него или государя. Караса уволили и на его место назначили, неожиданно для всех, Сандецкого, который наложил свои кулаки и на бунтовщиков Поволжья, и на законопослушное воинство.

Еще задолго до его приезда в Саратов распространились слухи об его необыкновенной суровости и резкости. Из Казани, Пензы, Уфы писали о грубых разносах, смещениях, взысканиях, накладываемых командующим во время смотров.

Вскоре выяснилось, что генерал Сандецкий проверяет приказы, отдаваемые не только по бригадам, но и по полкам. И требует подробных отчетов, разборов, наставлений по самым мелочным вопросам. Поток циркуляров хлынул сверху на головы чинов округа. Другой поток «бурлил» снизу — отчеты, сводки, статистические таблицы направлялись в штаб округа.

Оказалось также, что командующий недоволен «слабостью» начальников. Много приказов о дисциплинарных взысканиях возвращалось с его собственноручными, всегда одинаковыми пометками: *«В наложении взыскания проявлена слабость. Усилить. Учту при аттестации».*

А это уже серьезно. На всех военнослужащих составлялись аттестации прямыми начальниками и аттестационными совещаниями. Мнение старшего начальника было решающим. От аттестации зависело все служебное положение и продвижение офицера. И началось утеснение.

Назначен был наконец день смотра Саратовскому гарнизону. Приехал командующий, посмотрел, разнес и уехал. Особенно досталось двум штаб-офицерам, членам военного суда выездной сессии. Казанский округ был на военном положении. За политические преступления военных и гражданских лиц судил военный суд, в составе председателя — военного судьи и двух членов от войск местного гарнизона. Сандецкий собрал офицеров гарнизона и в их присутствии поносил штаб-офицеров: кричал, топал ногами и, наконец, заявил, что никогда не удостоит назначения полковыми командирами «за проявленную слабость».

А дело заключалось в следующем. В одном из полков при обыске в сундуке какого-то ефрейтора нашли прокламацию. Суд, приняв во внимание, что листок только хранился, а не распространялся, зачел ефрейтору 10 месяцев предварительного заключения в тюрьме и, лишив ефрейторского звания, выпустил на свободу… Это и вызвало гнев Сандецкого.

«К чести нашего рядового офицерства надо сказать, что такое давление на судейскую совесть не имело результатов, — вспоминал Деникин. — И в дальнейшем приговоры по многим

политическим делам в Саратове отличали твердость и справедливость членов военных судов. Наряду с приговорами суровыми, я помню, например, нашумевшее и явно раздутое дело о Камышинской республике, по которому все обвиняемые после блестящей защиты известного адвоката Зарудного были оправданы… в явный ущерб карьере членов суда. Или еще другое громкое дело видного социал-революционера Минора. Только совести судей (двух наших подполковников) последний обязан был сравнительно легким наказанием, которое ему было вынесено. Смутило судей то обстоятельство, что налицо были одни лишь косвенные улики. Конечно, в обоих случаях не могло быть никакого послабления, одно лишь чувство судейского долга. В первом процессе судьи верно отгадали сущность дела, во втором — ошиблись: Минор, как оказалось впоследствии, стоял во главе крупной боевой революционной организации юго-востока России…»

За четыре года службы в округе Антон Иванович воочию убедился, насколько несовершенной была система аттестации офицерского состава. В своих воспоминаниях Деникин приводит уникальные факты, почти анекдотичные. Только эти анекдоты порой ломали жизни людей…

Полковник Бобруйского полка Пляшкевич, отличнейший боевой офицер, был аттестован «вне очереди» на полк. В перечне его моральных качеств командир полка, между прочим, пометил: «Пьет мало». Каково же было удивление штабистов бригады, когда через некоторое время пришло грозное предписание командующего, в котором объявлено было Пляшкевичу «предостережение» — за то, что «пьет», а начальнику бригады и командиру полка — выговор «за неправильное удостоение». Тщетно было объяснение командира полка, что он хотел подчеркнуть именно большую воздержанность Пляшкевича… Сандецкий ответил, что его не проведут: уж если упомянуто о «питии», то значит Пляшкевич «пьет здорово». Так и пропали у человека два года службы.

Так как «бумага» играла судьбою людей, в официальной переписке приходилось мучительно взвешивать каждое слово. Из полковых канцелярий к Деникину постоянно приходили адъютанты за советом. Но ничто не спасало от печальных неожиданностей.

Капитану Балашовского полка Хвощинскому в отличной аттестации написано было: «Досуг свой посвящает самообразованию». Аттестация вернулась с резолюцией командующего: «Объявить предостережение за то, что свой досуг не посвящает роте».

Антон Иванович не поверил своим глазам. Сходил даже в

библиотеку справиться в академическом словаре: *«Досуг — свободное от нужных дел время».*

Хвощинский «бежал» в Варшавский округ.

Полковник Деникин был начальником штаба у начальника бригады генерала П., человека доброго, скромного и очень боявшегося начальства. Побудить его оспорить невыполнимое требование штаба округа или заступиться за пострадавшего стоило больших усилий. Однажды генерал Сандецкий, прочитав приказ Хвалынскому полку и спутав фамилии, посадил под арест одного штабс-капитана вместо другого. Начальник бригады вызвал к себе пострадавшего и стал уговаривать: «Потерпите, голубчик. Вы еще молоды, роту не скоро получать. А если подымать вопрос — так не вышло бы худа. Сами знаете, если рассердится командующий…»

Штабс-капитан терпел.

Армейские будни заволокло грубостью, произволом и самодурством…

Антон Иванович, который тяжело переносил малейшую несправедливость, однако не опустил рук, не поплыл по течению, а деятельно занимался боевой подготовкой частей и подразделений своей бригады.

Командир бригады генерал П., не имевший боевой практики, издавал огромные приказы, смотровые и хозяйственные, предоставив Деникину вопросы боевой подготовки войск.

За четыре года службы в Поволжье Деникин зарекомендовал себя и методистом-новатором, и воспитателем личного состава. Он не ограничивался рамками округа. В 1909 году в Петербурге выходит его пособие для ведения занятий в пехоте «Команда разведчиков». Это уникальный для своего времени военно-педагогический труд прикладного характера. Деникин, установив, что программы обучения войсковых разведчиков в частях были различными, разработал, опираясь на опыт русско-японской войны, основные положения, касающиеся вопросов подготовки команд полковых разведчиков, их численного состава, принципов комплектования. Он предложил конкретные программы теоретических и практических занятий, раскрыл их взаимосвязь.

В пособии выдвинуто довольно оригинальное положение, которое сегодня вряд ли уместно. Для повышения качества подготовки войсковых разведчиков он рекомендовал организацию бесплатной охоты в казенных лесах со строгими ограничениями по экологии.

Отличительная черта методики полковника Деникина — *нестандартность подходов к обучению солдат.* И если бы у него

сложились поощряющие условия, из-под его пера могло выйти еще немало неординарных военно-педагогических трудов прикладного характера. Но настоящее для Антона Ивановича день ото дня становилось невыносимей. Такая угнетенность усилилась, когда в один из полков Саратовского гарнизона был переведен из Казани полковник Вейс, оказавшийся «осведомителем» генерала Сандецкого. Свою роль он играл почти открыто. Его боялись и презирали. Осенью состоялось бригадное аттестационное совещание, на котором полковника Вейса единогласно признали недостойным выдвижения на должность командира полка. Начальник бригады, скрепя сердце, утвердил аттестацию, но с тех пор потерял покой. А Вейс, открыто потрясая портфелем, в котором лежал донос, говорил:

— Я им покажу! Они меня попомнят…

В конце года в Казани состоялось окружное совещание. Начальник бригады вернулся совершенно подавленным:

— Верите ли, командующий бил по столу кулаком и кричал, как на мальчишку. По бумажке, написанной рукой Вейса, перечислял мои «вины» по сорока пунктам.

Антон Иванович был настолько подавлен всей этой пошлостью, что не нашел слов утешения для своего начальника.

Через несколько дней командующий потребовал созвать совещание вновь и пересмотреть резолюцию по Вейсу. Такого насилия над совестью Деникин еще никогда не испытывал. Он вызвал на это совещание телеграммами командиров полков из Астрахани и Царицына. Собралось семь человек. Все единогласно постановили: остаться при прежнем решении. Начальник штаба бригады составил мотивированную резолюцию и стал вписывать ее в прежний аттестационный лист Вейса. Генерал П. выглядел очень скверно. Ушел домой, а через час с ним случился удар.

Замещать начальника бригады предстояло лицу совершенно анекдотическому — генералу Февралеву. Ему предоставили «дослуживать» в роли командира полка срок, недостающий для получения полной пенсии. Февралев страдал запоем, грозный Сандецкий знал об этом и, к удивлению, никак не реагировал. К Деникину Февралев чувствовал расположение и почему-то побаивался его. Это давало Антону Ивановичу возможность умерять иногда выходки генерала-пьяницы. Перед приемом бригады Февралевым Антон Иванович высказал сомнение, что его командование будет благополучно. Но тот успокоил начальника штаба:

— Ноги моей в штабе не будет. И докладами не беспокойте. Присылайте бумаги на подпись, и больше ничего.

Такая «конституция» соблюдалась в течение многих недель.

На другой день после памятного совещания Деникин послал аттестацию Вейса в Казань. Получил строжайший выговор за представление бумаги, «не имеющей никакого значения без подписи начальника бригады». Штаб округа даже выразил сомнение, действительно ли содержание аттестации Вейса было известно и одобрено генералом П… Деникин описал обстановку совещания и послал черновики с пометками и исправлениями начальника бригады.

В Казани всполошились. Вскоре в Саратов приехал помощник начальника штаба округа. Стороной узнавал об обстоятельствах болезни П. и о служебных отношениях Деникина с Февралевым. Он зашел и в кабинет начальника штаба бригады:

— Не знаете ли, как это случилось, какова причина болезни генерала П.?

— Знаю, ваше превосходительство. В результате нравственного потрясения на приеме у командующего его постиг удар.

— Как вы можете говорить подобные вещи?

— Это безусловная правда, — сказал Деникин.

Генерал П. понемногу поправлялся, стал выходить на прогулку, но память не возвращалась, он постоянно заговаривался. П. заявил о своем намерении посетить полки, Антон Иванович отговаривал и на всякий случай принял свои меры.

Однажды прибегает к начальнику штаба бригады дежурный писарь, незаметно сопровождавший больного генерала на прогулке, и докладывает, что тот сел на извозчика и поехал в сторону казарм… Деникин бросился за ним и увидел в Балашовском полку удивительную сцену. В помещении одной из рот выстроены молодые солдаты, собралось все начальство. Генерал П. уставился мутным стеклянным взглядом на строй и молчал. Долго, мучительно. Солдаты перепуганы. Антон Иванович обратился к генералу:

— Ваше превосходительство, не стоит вам так утруждать себя. Прикажите ротному командиру задавать вопросы, а вы послушаете.

Кивнул головой. Стало легче. Командир полка отвел Деникина в сторону и говорит:

— Спасибо, что выручили. Представьте себе, объясняет молодым солдатам, что наследник престола сейчас — Петр Великий…

Кое-как закончили, и Деникин увез генерала домой. Положение создавалось невозможное, и начальник штаба бригады телеграфировал в штаб округа, что генерал П. просит разрешения

приехать в Казань для освидетельствования «на предмет отправления на Кавказские Минеральные воды». Деникин в душе надеялся, что примут какие-либо меры. П. поехал. Произвел на комиссию тяжелое впечатление — не мог даже вспомнить своего отчества… Назначили на ближайший курс лечения и тем ограничились.

Вернувшись из Казани, очевидно, под впечатлением благополучного исхода поездки, генерал П. отдал приказ о вступлении в командование бригадой… Антон Иванович протелеграфировал об этом в Казань, но Сандецкий хранил упорное молчание. Очевидно, был настолько смущен саратовской историей и боялся огласки ее, что не хотел принимать в отношении П. принудительных мер.

Деникин по-прежнему сам продолжал отдавать распоряжения и приказы, хотя и скрепленные подписью П. Начальник бригады опять стремился навещать полки, и больших усилий стоило удержать его. Наконец, он уехал на воды.

Вот с какими должностными лицами судьба свела Антона Ивановича в годы последнего военного ренессанса царской России…

«Переживая памятью казанскую фантасмагорию, я до сих пор не могу понять, как можно было так долго мириться с самоуправством Сандецкого. Во всяком случае, подобный эпизод, так же как и назначения в преддверии второй революции на министерские посты лиц, вызывавших всеобщее осуждение, послужил одной из важных причин падения авторитета верховной власти», — делает заключение Антон Иванович.

Впереди его ждал новый ответственный момент — командование полком.

КОМАНДИР ПОЛКА

Полк — воинская часть, основная тактическая и административно-хозяйственная единица в различных видах вооруженных сил и родов войск (сил) многих государств. Предназначен для выполнения боевых задач, как правило, в составе соединений, а также самостоятельно.

Военно-энциклопедический словарь

12(28) декабря 1910 года, город Житомир. В рабочем кабинете командира 17-го Архангелогородского пехотного полка полковника Деникина лежит на столе проект приказа № 373. Он внимательно читает пункт 7:

«Разрешаю подполковнику Сальскому на основании постановления общества гг. офицеров вступить в первый законный брак с дочерью дворянина Шабловского девицей Софьей Шабловской, если не встретится к этому препятствий со стороны церкви».

Антон Иванович улыбается… В голове промелькнуло: «Тяжела ты, шапка Мономаха, чем только не приходится заниматься командиру полка!..»

Заходят офицеры. Последнее служебное совещание перед полковым тактическим учением. Антон Иванович держит речь:

— Господа офицеры! Любое учение — это то, что должно быть максимально похожим на современный бой. Некоторые из вас имеют за плечами опыт японской войны и знают, насколько картина реального боя отличается от боя учебного. Конечно, нам не дано точно скопировать настоящий бой. Великий Суворов говорил: «Тяжело в учении, легко в бою». Я думаю, все вы знаете и о принципе генерала Драгомирова: «Учить войска тому, что необходимо на войне». Никаких послаблений! Даже поправка на мороз не должна сказываться на реальной отработке учебно-боевых нормативов. Все зависит от добросовестности командиров рот и батальонов. Соблюдать, однако, все меры предосторожности. Бог не простит нам невинных жертв. Об этом прошу помнить особенно тщательно!

Совещание заканчивается быстро.

Вот они, армейские будни командира 17-го

Архангелогородского пехотного полка полковника Деникина. Ему уже 38… За плечами двадцать лет службы царю и Отечеству. А он *еще только* получил на основании высочайшего приказа в командование полк. Долго восходили армейские офицеры, не имевшие протекционистских связей, по служебной лестнице в армии царской России!

Полк, которым по монаршей воле суждено командовать Деникину, был одним из старейших в российской армии. Его создал Петр Великий. Незадолго до вступления Антона Ивановича в должность 17-й Архангелогородский пехотный полк отпраздновал свое 200-летие. Полк являлся строителем Петербурга, участвовал в войнах Петра I и его преемников. С Суворовым полк совершил славный переход через Альпы, имел боевые отличия за русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Только в японскую кампанию он не принимал участия в боевых действиях.

Полк имел усиленный состав, так как по плану мобилизации развертывался в два полка и запасной батальон. В полку было 100 офицеров, около 3 тысяч солдат. По современным меркам — громадина. Офицерский состав полка был преимущественно русским, служили несколько поляков и совершенно обрусевших немцев, грузин и армянин. Деникин утверждает, что «национальные перегородки» в полку между офицерами не ощущались и никак не отражались на полковой жизни.

Ему можно поверить. Когда однажды в 1908 году правая пресса выступила с нападками на засилье «иноплеменников» в командном составе, официоз военного министерства «Русский инвалид» дал отповедь:

«Русский — не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством».

Русский офицерский корпус был самым демократичным тогда во всем мире. «Полковая семья» — это была тогда не красивая литературная фраза. Офицер был привязан к своему полку. А чем глуше было место дислокации полка, тем выше дух сплоченности воинского коллектива. Правда, спайка заметно ослабевала в так называемых хороших стоянках, больших гарнизонах, где появлялись внеполковые интересы.

Но в полку Деникина не было ни одного офицера-еврея. И это тоже реалии царской России. Между тем в офицерском корпусе императорской России состояли евреи (даже генералы), которые *приняли христианство* до службы и прошли затем военные школы.

Не стоял особенно жестко национальный вопрос и в солдатской среде полка Деникина. Если солдаты, представители

нерусских национальностей, испытывали большую тягость службы, то главным образом из-за незнания русского языка. Антон Иванович признает, что в некоторых частях евреи испытывали притеснения, но в этом была повинна не военная система, а привычки народного быта, усугублявшиеся на почве военной службы и быта казармы. Однако в российской армии солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, чувствовали себя на равных в мирное время. А в военное все перегородки стирались сами собой, и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание.

Время командования Антона Ивановича Деникина полком — вершина его военно-профессионального мастерства в делах обучения и воспитания личного состава. Именно тогда он в полную мощь применил свои педагогические новации, нешаблонные методы. Их главная цель — максимальное приближение боевой подготовки личного состава к боевой обстановке с полным использованием опыта русско-японской войны.

Антону Ивановичу повезло: 5-й дивизией, в состав которой входил полк Деникина, командовал генерал Перекрестов, уважительно относившийся к командирам полков. Ни он, ни высшее начальство — корпусной командир генерал Щербачев и командующий Киевским военным округом генерал Иванов, — давая общие указания, не вмешивались в компетенцию полковых командиров, и те могли спокойно заниматься своим делом.

В «Пути русского офицера» Деникин подробно пишет об организации боевой подготовки в полку. Я проанализировал сохранившиеся в РГВИА приказы командира 17-го Архангелогородского полка полковника Деникина за 1910 год. Могу смело утверждать: 34 года спустя в своих мемуарах Антон Иванович *лакировки действительности не допустил.* В качестве иллюстрации приведу полностью всего одни приказ Деникина. В нем отразились концептуальные подходы будущего крупного военачальника к проблемам военной дидактики.

ПРИКАЗ

ПО 17 АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛКУ

г. Житомир.

№ 364 Пятница 3-го Декабря 1910 г.

3

В результате проведенного комиссией под моим председательством экзамена учебной команды оказалось.

Часть общеобразовательная поставлена хорошо, хотя в

команду поступили и малограмотные. Хуже прочих предметов поставлено было «сбережение здоровья», благодаря нерегулярному ведению занятий.

Уставы знают, но больше внимание уделено было формальной стороне их, чем прикладной: после обстоятельного ответа по данному параграфу устава часто теряются, как только дать для разрешения соответствующий случай из жизни и службы. В особенности это заметно по полевому уставу и сведениям о родах оружия и его боевом применении. Простейшая задача в этом отношении во время полевой службы и в классах (на планах и в ящиках с песком) должны составить постоянное и необходимое дополнение к теории: «Знать — мало, надо уметь».

Выправка, стойка, приемы, повороты очень хорошие. Изготовку с зарядкой обоймы и установку прицела с поднятой рамкой делают за 13 секунд вполне правильно. В особенности 3-й взвод (подпоручик Легановский). Удар штыком хорош и смел.

Инструкторская часть вообще по всем статьям не вполне налажена. Сведения по практическому обучению стрельбе, приемам сноровки обучения как «обязательным сведениям», так и в строю, навык подмечать ошибки обучаемого, умение их поправить последовательно и вообще система обучения — надо всем этим придется серьезно поработать ротным командирам.

Училась рота (команда) в поле хорошо. После бега дыхание совершенно ровное и спокойное. Но с простейшими задачами полевой службы в качестве командира взвода в боевом порядке, начальника фланговой (при обороне) походной и сторожевой застав ученики учебной команды справились не вполне. А это самое важное. Достаточного опыта у команды не было. Но на каждом полевом занятии, когда один из обучаемых командует взводом, отделением, заставой и т. д., двадцати другим следует задавать ряд вопросов, вытекающих из обстановки. Только таким прикладным путем будущие унтер-офицеры усвоят тактику в пределах доступного им кругозора.

Признавая тем не менее серьезность труда, понесенного начальниками и учителями команды, прошу на будущее время исходить из следующего положения: ротам гораздо важнее получить хорошего учителя и подготовленного, хоть до некоторой степени, взводного, чем отличного ученика. Сообразно этому надлежит обратить особое внимание на:

1) Прикладную часть уставов (не только знание, но и умение).

2) Инструкторскую часть по всем отраслям обучения.

3) Понимание тактической обстановки.

4) Умение управлять взводом, в особенности в поле.

5) Способность быть начальником (умение приказать,

распоряжаться) в пределах, доступных взводному командиру.

Со всеми окончившими учебную команду вести занятия в батальонах с унтер-офицерами. Представление затем к повышению в унтер-офицеры надлежит делать после проверки командирам батальона указанных качеств.

Вольноопределяющиеся, за малым исключением, подготовлены плохо. Стыдно людям, которым больше дано и которые должны быть впереди.

Переменный состав команды распустить.

Полковник Деникин.

Не надо быть военным, чтобы, прочитав этот приказ, уяснить главное: полковник Деникин издал его не для отчетности, не для проверяющих из вышестоящих штабов, а для повышения качества боевой подготовки полка.

Опыт Русско-японской войны и новые веяния в тактике помогали Антону Ивановичу вне учебных программ «натаскивать» людей на ускоренных маршах (накоротке), благодаря чему на маневрах его полк сваливался как снег на голову на не ожидавшего его «противника».

По части парадов и церемониальному маршу полк Деникина отставал от других. Но это не особенно его волновало. Зато стрелял полк хорошо, а маневрировал лучше других.

Подчеркнем принципиально важный момент: командир полка наистрожайше требовал неукоснительного соблюдения мер безопасности. Упрощенчество, халатность не прощались. Ефрейтор Марочкин, будучи помощником руководителя занятий, проявил недобросовестность и допустил, что молодой неопытный солдат выстрелил боевым патроном вместо холостого. Деникин, разбирая данный случай, в приказе по полку пишет:

«Счастливая случайность. Впредь быть более осторожным и внимательным при обращении с боевыми патронами, так как последствием такой невнимательности может быть убийство.

Ефрейтора Марочкина Александра арестовать за небрежное обращение с боевыми патронами на 10 суток строгим арестом».

Антон Иванович показал себя тонким знатоком военной психологии и педагогики, он ценил великую силу воинских и боевых традиций. Деникин добился возвращения в полк хранившихся в Петербурге, в складах, старых полковых знамен, которых нашлось тринадцать. Эти знамена — свидетели боевой славы полка на протяжении двух столетий — сохранялись потом *в созданном Деникиным полковом музее.* Удалось собрать немало других реликвий полка. В числе памятников старины был первый требник художественно-рукописной работы, по которому

совершались богослужения в походной полковой церкви в петровские времена.

Деникин проявлял себя недюжинным, оригинальным военным педагогом. Он умел укреплять воинскую дисциплину, создавая одновременно здоровую нравственную атмосферу в воинских коллективах.

Командир полка исходил из того, что воинская дисциплина должна существовать не только для подчиненных, но и для начальников, а бездумные наказания ее подрывают. Начальник должен уметь глубоко разбираться в проступках подчиненных. Кроме строгости, для укрепления воинской дисциплины необходимы справедливость, равномерность налагаемых взысканий, соответствие наказания поступку, знание мотивов каждого поступка.

Даже из педагогических неудач в Пултусском полку он извлек необходимые уроки. В «Очерках русской смуты» генерал пишет:

«*Теперь уже после пултусского опыта — требовательность по службе, но и сбережение человеческого достоинства солдата. Как будто не были чужими».*

Деникин уважительно относился к солдату старой русской армии, старался скрасить суровый солдатский быт. Например, он приказывал: «послать нижних чинов на спектакль». Но в связи с малым количеством посадочных мест в приказе был отдан приоритет строевым подразделениям полка — они должны были в течение двух дней посетить спектакль в полном составе, а для нестроевых подразделений и писарской роты было выделено посадочных мест только на 50 процентов личного состава. Командир полка приказал выдать сверх нормы «в день тезоименитства всем нижним чинам по 4-копеечной французской булке».

Он всегда старался замечать лучших и поощрять их. Рядовой Шмидт из-за организационной неразберихи бессменно простоял на посту по охране знамени полка 12 часов. Деникин произвел отличившегося солдата в ефрейторы, объявил от лица службы благодарность и приказал довести это до личного состава полка.

Особенно необходимо отметить, что командир полка не допускал огульных наказаний за дисциплинарные проступки, учитывал смягчающие вину обстоятельства. Небезынтересен такой его приказ:

«Рядовые 4-й роты Николай Михайленко и Никита Бондаренко — первый ушел в город самовольно, второй был послан за приказом. Оба напились пьяными, учинили буйство на улице и в лавочке.

За изложенное, принимая во внимание хорошее до сих пор поведение этих нижних чинов, ограничиваюсь арестованием их строгим арестом:

Михайленко — на 15 суток, а Бондаренко — на 10 суток.

Если рядовые Михайленко и Бондаренко постыдно опозорили полк перед чужими людьми, то хорошие солдаты 4-й роты должны бы их удержать и образумить».

Как видим, мы имеем дело с современными военно-педагогическими подходами. А ведь описываемые события относятся к 1910 году.

Однако в необходимых случаях Деникин проявлял непоколебимую волю и твердость характера. Полковой суд за побег приговорил к содержанию под арестом на хлебе и воде на три недели рядового Амирова, но ходатайствовал перед командиром полка о смягчении приговора (суд обратил внимание, что к побегу была приравнена несвоевременная явка подсудимого к пункту сбора). Командир полка принял следующее решение:

«В виду того, что неявка в срок и побег подлежат одинаковому наказанию, ходатайство полкового суда признаю не заслуживающим удовлетворения. Приговор утвердить».

Антон Иванович, будучи командиром полка, не превышал власть, всегда действовал корректно. Главное для него как опытного военного педагога — не строгость, а неотвратимость наказания за нарушения воинской дисциплины и порядка управления.

Полковник Деникин имел свою методику работы и с офицерами. Сохранившиеся в РГВИА приказы командира 17-го Архангелогородского полка за 1910 год показывают: Деникин ни разу не наказал ни одного из полковых офицеров! Главный акцент он сделал не на принуждение, а убеждение. Провинившиеся приглашались в кабинет для соответственного внушения, а иногда к председателю офицерского суда чести полковнику Дженееву — человеку высоких моральных и воинских качеств. Этого было достаточно, и только раза два дело доходило до суда, причем в одном случае офицер был удален из полка, в другом — суд ограничился внушением.

Во многих затруднительных и «конфиденциальных» случаях офицеры обращались за решением к Антону Ивановичу, «до определения алиментов включительно». Такой «третейский суд» был гораздо удобнее, чем официальный, так как дело не выносилось за стены кабинета командира полка и не вызывало никаких расходов.

В политическом отношении офицерство, как и везде в России,

было в основном лояльно к режиму и активной политикой не занималось. Два-три офицера полка были близки к местной черносотенной газете, но каким-либо влиянием в полку не пользовались. Офицеров левого направления не было.

После Русско-японской войны и первой революции офицерский корпус был взят под особый надзор сыскных органов, и командирам полков периодически присылались весьма секретные «черные списки» неблагонадежных офицеров, для которых закрывалась дорога к повышению. «Черные списки» составлялись по трем линиям: департамента полиции, жандармской и военной, созданной Сухомлиновым в бытность министром.

В каждом штабе военного округа учреждалась должность начальника контрразведки, во главе которой стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности официально определялся борьбой с иностранным шпионажем… На самом деле его роль была другой. Полковник Н. Н. Духонин, будучи начальником разведывательного отделения штаба округа, жаловался Деникину на непривычную и тяжелую атмосферу, внесенную новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру[29], фактически держал под подозрением весь штаб.

В годы командования полком состоялась еще одна встреча Деникина с Николаем II. В 1911 году полк участвовал в царских маневрах под Киевом. 1 сентября маневры закончились, государь объезжал войска, оставшиеся в том положении, где их застал «отбой». Антон Иванович был свидетелем почти мистического энтузиазма, вызванного появлением царя.

Это был «тот самый народ, который через несколько всего лет с непостижимой жестокостью обрушился на все, имеющее отношение к царской семье, и допустивший ее страшное убийство…» — запишет впоследствии Деникин.

Утром 2 сентября войска двинулись к сборному пункту для царского смотра. Полк Деникина должен был первым проходить перед государем церемониальным маршем. Он же выделял из своего состава почетную стражу — офицера, унтер-офицера и солдата. Как только полк прибыл на сборный пункт, офицеров ошеломила весть, распространившаяся как молния: вчера вечером в Киевском театре на торжественном представлении в присутствии государя эсер Богров выстрелом из револьвера тяжело ранил главу правительства П. А. Столыпина… В городе волнение. Ночью три казачьих полка из состава маневрировавших войск спешно посланы были в Киев для предотвращения ожидавшегося еврейского погрома.

Настроение офицерства, относившегося с сочувствием к личности и политике Столыпина, сильно упало. Солдаты отнеслись к событию довольно равнодушно. Их больше волновал вопрос, состоится ли смотр. Он состоялся.

В течение нескольких часов войска проходили перед императором, и величественная картина парада захватывала всех.

Еще накануне военные начальники, до командиров полков включительно, получили приглашения на 2 сентября к «высочайшему обеду» в Киевском дворце. Было известно, что Столыпин умирает в киевском госпитале, и начальники предполагали, что парадный обед будет отменен. Но, против ожидания, программа пребывания царской семьи в Киеве осталась без изменения.

Обед проходил в чинном и минорном настроении. Музыки не было, все говорили негромко. За столом, где сидел Деникин, разговор шел исключительно о преступлении Богрова. Вполголоса высказывалось опасение, что заговорщики, быть может, метили выше…

Обед окончился. Гостей пригласили в сад, где на маленьких столиках был сервирован черный кофе. Царь обходил столики, вступая в разговоры. Подошел к полковнику Деникину. Он заговорил с ним о последнем дне маневров, обратил внимание на укрепления, которые возвел полк на своей позиции. Около императора образовывались небольшие группы офицеров. Все чего-то ждали, всем хотелось что-то запомнить. Это была последняя встреча Деникина с государем. Никогда больше ему царя видеть не довелось.

А между тем годы 1912 и 1913-й проходили в тревожной обстановке. Балканские славяне в победоносной борьбе разрубали последние оковы, наложенные на них Турцией, а Австро-Венгрия явно готовила армию, чтобы умалить результаты побед славян. Летом 1912 года Австрия пододвинула 6 корпусов к границам Сербии и 3 корпуса мобилизовала в пограничной с Россией Галиции.

Напряжение росло, и был момент, когда 17-й Архангелогородский пехотный полк получил секретное распоряжение выслать отряды для занятия и охраны важнейших пунктов Юго-Западной железной дороги на львовском направлении. Они простояли в полной боевой готовности несколько недель. Словом, Австро-Венгрия бряцала оружием, а Россия, повторяя ошибку периода японской войны, выжидала.

Незадолго до войны был отдан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам обсуждать политические темы. Накануне уже неизбежной мировой войны царские власти

старательно избегали возбуждения в народе здорового патриотизма, разъяснения целей, причин и задач возможного конфликта, антиславянской политики Германии.

Антон Иванович по этому поводу опубликовал статью «Не угашайте духа», в которой писал:

«Русская дипломатия в секретных лабораториях, с наглухо закрытыми от взоров русского общества ставнями, варит политическое месиво, которое будет расхлебывать армия… Армия имеет основание с некоторым недоверием относиться к тому ведомству, которое систематически, на протяжении веков, ставило стратегию в невыносимые условия и обесценивало затем результаты побед… Не надо шовинизма, не надо бряцания оружием. Но необходимо твердое и ясное понимание обществом направления русской государственной политики, подъема духа в народе и армии. Духа не угашайте!»

Появлялись и маленькие просветы в личной жизни. В 1911 году командир полка вырвался в отпуск. Решил навестить старых друзей в Варшаве. Там он встречается с Василием Чижом, его сыном Дмитрием, узнает от них, что «маленькая Ася», блестяще закончив Александровско-Мариинский институт, думает поступить на исторический факультет Санкт-Петербургского университета, но в настоящее время пока не может покинуть своего деда, овдовевшего несколько месяцев назад. И Антон Иванович едет в Седльц.

Деникин был поражен: ребенок, свидетелем рождения которого ему довелось быть, превратился в очаровательную двадцатилетнюю девушку. Слегка кокетливую…

— А что вы думаете о женщинах? — неожиданно спрашивает бравого полковника Ася.

Деникин замешкался, а девушка открывает маленькую записную книжку, куда, как объясняет, записывает понравившиеся ей изречения, и читает:

— «Женщина — это дополнительные заботы, расходы, разлад и ссоры с друзьями». Что вы, такой большой любитель арифметики, скажете об этом моем определении?

Антон Иванович не успел сориентироваться, как Ася продолжала:

— А как вы понимаете, как представляете себе любовь? А я скажу вам, как я ее понимаю. Скажу по-французски и в стихах, которые сама сочинила:

Я люблю того, кто меня любит, —
Вот мой девиз.
Ведь безответная любовь —

Это глупость.

Деникину внезапно пришло в голову: не идет ли Ася ему навстречу, не делает ли попыток к сближению. Он встал с дивана, стал ходить по комнате и наконец спросил:

— А как… вы реально представляете человека, которого полюбите?

— Я узнаю его с первого же взгляда. Это будет сильный, большой, белокурый мужчина.

Большое зеркало на ножках отразило лицо полковника, лицо человека немолодого — ведь ему тридцать девять лет. Сильный ли он? Несомненно, сильный и коренастый, но можно ли рост 1 метр 69 сантиметров характеризовать прилагательным «большой». Редеющие на висках волосы, густые брови, усы и борода клином были определенно черными. Нет, молодая девушка, слова которой он счел слишком смелыми, не его, конечно, имела в виду…

Когда Антон уезжал из Седльца, он еще не знал, что его сразила любовь.

В Житомире настоятельные и неотложные дела отвлекли полковника от дум об Асе. Ходили тревожные слухи, что скоро начнется война.

21 июля 1914 года высочайшим приказом полковник Деникин за отличие в службе произведен в генерал-майоры с утверждением в должности генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. Антон Иванович в 42 года влился в контингент генералитета русской армии, который накануне войны имел свои особенности. Статистика свидетельствует, что в 1912 году 89,6 процента генералов представляли потомственных дворян с соответствующим миросозерцанием, образом мыслей и действий. Но их образовательный ценз был невелик: высшее гражданское образование имели лишь 4,8 процента. С военным образованием генералов дело обстояло несколько лучше. Удивляет, что выпускники военных академий составляли среди генералов лишь 46,5 процента. Генералитет отличался великовозрастностью.

Антон Иванович Деникин влился в генералитет с вполне подобающими характеристиками.

Скоро генерал-майор Деникин вступит в трагическую для России полосу, ставшую прелюдией очередной русской смуты…

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ

Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль…
Я разве только я? Я — только краткий миг
Чужих существований.
Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый, и кровавый
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

Н. Заболоцкий

Военный министр Сухомлинов усталым взглядом окинул докладывавшего ему чиновника:

— Что еще?

— Ваше высокопревосходительство, какой ответ прикажете подготовить издателю журнала «Разведчик» по поводу статьи Ночина?

Сухомлинов поднял бровь:

— Напомните, о чем идет речь.

— Ночин представил в редакцию журнала «Разведчик» статью, суть которой — протест против идеи вашего высокопревосходительства об упразднении крепостей. Господин Березовский, понимая деликатность проблемы, просит совета, а вернее указания, публиковать или не публиковать оную статью.

— А, вспомнил! Какая публикация? Ни в коем случае! Это вредная статья! Подготовьте именно такой ответ господину Березовскому. Кстати, поинтересуйтесь у него, кто таков Ночин? А потом доложите свои соображения…

Неизвестно, то ли текучка министерских дел, то ли еще какие-либо причины, но Сухомлинов репрессий по отношению к Антону Ивановичу не применил.

Проходя службу в Казанском военном округе, полковник

Деникин публикует свои статьи в военных журналах, преимущественно в «Разведчике», под общей рубрикой «Армейские заметки». Судьба этого журнала, первого частного военного издания в России, отражает эволюцию военной мысли и… опеки над нею.

В 1885 году у отставного капитана В. А. Березовского, владельца военно-книжного дела, возникла мысль об издании военного журнала. Его горячо поддержал генерал Драгомиров, в то время начальник Академии Генерального штаба. Несмотря на сочувствие делу и других видных представителей военной профессуры, начинание в военном министерстве встретило категорическое противодействие. Сама мысль о распространении в армии частного военного органа была объявлена опасной ересью. В 1886 году Березовскому без прямого разрешения удалось выпустить нечто вроде журнала, но без права «ставить название и номер». Он назвал его «Листок конторы и склада Березовского». Еще через два года министерство разрешило поставить заголовок. С сентября 1888 года журнал получил название «Разведчик». Он едва ли давал своему хозяину доход, отвечавший всем хлопотам и треволнениям.

И только после шести лет борьбы, когда император Александр III, которому случайно попался на глаза «Разведчик», приказал доставлять ему журнал, последний получил легальное право на существование. Вместе с тем каждый номер «Разведчика» подвергался тщательной цензуре в Военном министерстве. Это держало в постоянном напряжении Березовского. Он неоднократно высказывал опасения Редигеру за судьбу своего детища. Было из-за чего: над журналом не раз нависала угроза закрытия. Даже при монаршем внимании и сотрудничестве генералов Драгомирова, Леера, Газенкампфа, Редигера журнал преодолевал не только препятствия сверху, но и инертность военной среды, с трудом усваивавшей совместимость свободы слова и критики с требованиями военной дисциплины.

«Разведчик» являлся органом прогрессивным, пользовался широкой свободой критики в изображении темных сторон военного быта и в деликатной области порядка управления, командования, правительственных распоряжений и военных реформ. Это было внове. Во Франции, например, ни один офицер не имел права напечатать что-либо без предварительного рассмотрения в одном из отделов военного министерства. Немецкая военная печать так отзывалась о русской:

«Особенно поражает, что русские военные писатели имеют возможность высказываться с большою свободой… И к таким заявлениям прислушиваются, принимают их во внимание…»

Деникин, поднимая в своих статьях широкий круг вопросов военного дела, службы и быта, никогда не испытывал ни цензурного, ни начальственного гнета со стороны Петербурга. Со стороны местного начальства — в Варшавском округе было мало притеснений, в Киевском — никаких, но в Казанском, где жизнь давала острые и больные темы, он подвергался со стороны командующего систематическому преследованию. При этом официально ему ставилась в вину не журналистская работа, а какие-то несущественные или *вообще не существовавшие* служебные недочеты.

Командующий войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий был весьма чувствителен к тому, что писалось о жизни округа, опасаясь огласки и зная, что в Петербурге копилось неудовольствие против него.

Однажды, незадолго до ухода Деникина из округа, одна из «Армейских заметок» вызвала у некоторых чинов негодование. В ней Антон Иванович описывал полковую жизнь и горькую долю армейского капитана, в жизни которого сначала появился маленький просвет в виде удачно прошедшего смотра. А потом в смотровом приказе он прочел:

«В роте полный порядок и чистота, но в кухне пел сверчок. За такой „недосмотр“ последовало взыскание, а за взысканием капитан сам запел сверчком и был свезен в больницу для душевнобольных».

Генерал Сандецкий был в отъезде, и начальник штаба округа генерал Светлов после совещания со своим помощником и прокурором военно-окружного суда решил привлечь Деникина к судебной ответственности. Доклад по этому поводу Светлов сделал тотчас по возвращении Сандецкого и, к удивлению, услышал в ответ:

— Читал и не нахожу ничего особенного.

«Дело о сверчке» было положено под сукно. Но вслед за этим на Деникина посыпались подряд три дисциплинарных взыскания — выговоры, наложенные командующим за якобы какие-то упущения по службе.

Через некоторое время, приехав в Саратов, генерал Сандецкий после смотра отозвал Антона Ивановича в сторону и сказал:

— Вы совсем перестали стесняться последнее время — так и сыплете моими фразами… Ведь это вы пишете «Армейские заметки» — я знаю.

— Так точно, ваше превосходительство, я.

— Что же, у меня — одна система управлять, у другого — другая. Я ничего не имею против критики. Но главный штаб

очень недоволен вами, полагая, что вы подрываете мой авторитет. Охота вам меня трогать…

Деникин ничего не ответил.

Наиболее интенсивный период литературного творчества Антона Ивановича — 1906–1913 годы. За семь лет он опубликовал 2 большие статьи, освещающие опыт русско-японской войны, военно-политический очерк, учебное пособие для занятий с разведчиками в пехоте, 43 статьи в 42 номерах журнала «Разведчик» под общей рубрикой «Армейские заметки» под псевдонимом Иван Ночин.

Их публикация совпала по времени с последним военным ренессансом императорской России. Поэтому вполне логично, что боевой полковник освещает проблемы, решаемые в ходе военной реформы.

Его суждения отличаются полнотой владения предметом, глубиной анализа, стройной структурой, ядро которой — постановка проблемы, раскрытие причин, ее породивших, предложение конкретных путей разрешения. Рассуждая, к примеру, о педагогической безграмотности офицеров, Деникин четко определяет ее причины: отсутствие в военных училищах системного курса военной педагогики, нецелесообразность требований, предъявляемых к строевым командирам рот.

Будущий вождь Белого движения вскрывает в первую очередь те пороки армейской жизни, которые вступают в диссонанс с его мировоззрением. Это нашло отражение и в приоритетах литературного творчества Деникина. 38 процентов печатного материала освещают вопросы социальной защищенности офицеров, борьбы с протекционизмом, совершенствования системы аттестования офицеров, повышения уровня их тактических и военно-педагогических знаний, улучшения материального положения военнослужащих, нравственной атмосферы в воинских коллективах.

Деникин настойчиво проводит в жизнь мысль о необходимости уважительного отношения к солдату, постоянной заботы о нем, недопустимости унижения человеческого достоинства.

В пользу демократических взглядов Антона Ивановича свидетельствует и то, что он характеризовал боксерское восстание в Китае в 1900 году как национальное движение против «несправедливости, алчности и жестокости европейцев». Более того, Деникин считал, что Россия поступила неправильно, приняв участие в его подавлении, что Бог должен покарать правительство за то, что оно обмануло царя. Деникин не боится бросить обвинение правительству, но желает полностью снять

ответственность с государя.

Одна их ключевых идей публикаций Деникина — армия вне политики. Однако нельзя возводить в абсолют это утверждение Антона Ивановича. Армия вне политики — это уже политическая позиция. Историческая практика показывает, что армия вне политики — химера.

Литературные опыты не приводили в восторг начальство. Особенно не нравилась его критика результатов русско-японской войны. Из брошюры «Кто такой Деникин?», изданной в Харькове в 1919 году, можно узнать:

«Деникин с японцами дрался, научился, как у них надо воевать, а потом все это в военном журнале описал. Опять не понравилось это начальству — зачем, мол, пишет — одни наши ошибки выставляет».

В литературных произведениях Антона Ивановича 1905–1913 годов были и просчеты: излишняя резкость и категоричность отдельных суждений, односторонность и отсутствие связи с гражданской жизнью.

Но литературно-публицистическое творчество военного писателя Деникина было прервано на 7 лет. В них вместились Первая мировая война, революция и Гражданская война. Современник Деникина поэт Александр Блок написал об этом так:

Рожденные в года глухие,
Пути не помня своего,
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего…

Антон Иванович Деникин, сын России, вступил в страшные для своей Отчизны годы.

Последуем и мы за ним на нашей машине времени, продолжающей полет по судьбе генерала Деникина и его эпохе.

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

Народная мудрость

31 июля 1914 года. Штаб Киевского военного округа. В приемной генерала для поручений Деникина много офицеров…

— Ваше превосходительство! К вам просятся на прием восемнадцать человек, — усталым голосом рапортует дежурный офицер.

— Сколько? — удивленно переспрашивает Деникин.

— Восемнадцать…

— Передайте всем, что прием начну не раньше чем через час. Я должен сам разобраться во всем. Голова идет кругом…

Было от чего. Война дышала в затылок…

В эти дни Антон Иванович работал на пределе человеческих возможностей, не покидая своего кабинета ни днем ни ночью. Что поделаешь? Это великое военное «надо!»

Тем более надеяться можно только на самого себя. Начальник штаба Киевского военного округа генерал В. М. Драгомиров в отпуске на Кавказе, дежурный генерал[30] также. Деникин заменял последнего, и на его плечи легла мобилизация и формирование трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий.

Новое мобилизационное расписание № 20 предположено было ввести в действие в конце 1914 года. Пока же армия руководствовалась старым расписанием, и потому мобилизационные планы не соответствовали порядку развертывания. Плана формирования штаба и управления новой 8-й армии не существовало вовсе. Высший состав армии был назначен телеграммой из Петербурга 31 июля, в первый день мобилизации. Прочий личный состав Антону Ивановичу пришлось набирать экспромтом, в хаосе начавшегося мобилизационного развертывания.

Не меньше затруднений причинило новое «Положение о полевом управлении войск», утвержденное только 29 июля, то есть за два дня до начала мобилизации… Потому на местах, приступая к ней, начальники всех степеней не имели новых данных о правах и обязанностях, о штатах и окладах чинов войск.

30 июля Деникин получил телеграмму из Петербурга, что новое «Положение о полевом управлении войск», в общем, почти

не расходится с тем «Проектом», который был разослан штабам раньше.

В Киевском штабе «Проект» имелся в одном-единственном экземпляре… Началось паломничество в штаб, в кабинете Антона Ивановича круглые сутки за справками и за выписками из расшитого по листам «Проекта» толпился народ. Возникали сотни недоуменных вопросов, требовавших компетентного разъяснения главного штаба. Но перегруженные телеграф и штаб не могли дать срочного ответа, и решение многих важных вопросов генералу Деникину приходилось брать под свою ответственность.

Неповоротливость российской военной машины изумляла. Неужели было непонятно, что Россия медленно приближалась к большой войне?

В 1904–1907 годах в противовес Тройственному союзу был создан военно-политический блок Антанты в составе Англии, Франции, России. Поистине пороховым погребом Европы стали Балканы. Здесь в результате Балканских войн к 1913 году обстановка накалилась до предела.

Полномасштабно к войне, которая все более становилась реальностью, Россия не была готова, германское правительство было хорошо осведомлено об этом.

По признанию военных авторитетов, армия до 1910 года оставалась, в полном смысле слова, беспомощной. Закон о строительстве флота появился только в 1912 году. Так называемая Большая программа была утверждена лишь… в марте 1914 года и осталась, естественно, на бумаге. Корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей. Что же касается снабжения патронами, действовала старая норма в одну тысячу против трех у немцев.

По всем показателям оснащения вооруженных сил, за исключением артиллерии, Россия не дотягивала даже до среднемирового уровня. По оснащению пулеметами русская армия имела показатели в два раза меньшие, чем среднемировые, и в три раза худшие, чем германская армия. Даже винтовок (5 млн штук) не хватало для вооружения мобилизованных военнообязанных первой очереди (7 млн человек).

Русский солдат всегда отличался храбростью, стойкостью, выносливостью. Неплохо был подготовлен унтер-офицерский состав и офицеры младшего и среднего звена. Но подготовка генералитета по-прежнему оставалась слабой, и назначения на высшие должности в этом звене определялись главным образом связями и близостью к дворцу.

По оценке военного историка А. М. Зайончковского,

участника Первой мировой войны, Россия вступила в войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и плохими армиями и фронтами.

Не все благополучно обстояло у России и с мобилизационными планами стратегического развертывания войск и сил флота.

Тотчас после разрыва отношений между Австрией и Сербией, мобилизации австрийских корпусов правительство объявило не фактическую мобилизацию, а предмобилизационный период, предусматривающий возвращение войск из лагерей на постоянные квартиры, проверку планов и запасов. Решено было в случае надобности произвести частичную мобилизацию четырех военных округов — Киевского, Казанского, Московского и Одесского. Странно, но факт: Варшавский военный округ, граничащий с Австрией и Германией, поднимать не предполагалось. Мотивация — не дать повода Германии увидеть враждебный акт против нее. Решение это, мягко говоря, было некомпетентным. В нем проявился весь дилетантизм военного министра Сухомлинова. В канун войны даже не поднимался вопрос об увеличении военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности!

Что же происходило в Петербурге в те трагические дни?

28 июля поступило известие об объявлении Австрией войны Сербии. Министр иностранных дел Сазонов дает указание Генеральному штабу о производстве мобилизации. После совещания начальника Генерального штаба генерала Янушкевича с начальниками отделов и по настоянию последних изготовляются к подписи два проекта высочайшего указа — для общей и для частичной мобилизации, которые отправляются в Царское Село.

29 утром возвращается подписанный государем указ об общей мобилизации.

В этот день германский посол граф Пурталес вручил Сазонову ультимативное заявление о принятом его правительством решении: «Продолжение военных приготовлений России заставит нас мобилизоваться, и тогда едва ли удастся избежать европейской войны».

В 9 часов вечера, когда Центральный телеграф готовился передавать во все концы России высочайший указ, пришла отмена: государь повелел взамен общей мобилизации объявить частную… Она и началась в ночь на 30 июля. Что же произошло?

Император Николай II решил сделать еще одну попытку предотвращения войны и предложил императору Вильгельму

перенести конфликт на рассмотрение Гаагской конференции. Относительно Гааги Вильгельм вовсе не ответил, а указал в телеграмме на «тяжкие последствия» русской мобилизации: *«Теперь вся тяжесть решения легла на твои плечи, и ты несешь ответственность за войну или мир…»*

30 июля министр Сазонов делает отчаянную попытку предотвратить конфликт. Вручает послу Пурталесу следующее заявление:

«Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос принял характер вопроса европейского, заявит готовность удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обяжется прекратить свои военные приготовления».

Такую формулу и Сазонов, и Пурталес понимали так: за полный отказ от мобилизации Россия даже не потребует от Австрии немедленного прекращения ею военных действий в Сербии и демобилизации на русской границе.

Подобное предложение сделано было, по словам Сазонова, по его собственной инициативе, без полномочий от государя. Пурталесу он прямо заявил, что никакое русское правительство не могло бы пойти дальше, «не подвергая серьезной опасности династии». Через несколько часов из Берлина пришел ответ — категорический отказ. Жребий был брошен…

В русском Генеральном штабе ясно отдавали отчет, что через несколько дней все равно придется объявить общую мобилизацию, вызвав тем величайший хаос. По настоянию Генерального штаба, после совещания Сухомлинова, Янушкевича, Сазонова, последний доложил об этом государю. В воспоминаниях Сазонова подробно описаны те исторические минуты. После доклада министра и кратких реплик императора наступило тяжелое молчание…

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением!.. Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание об общей мобилизации.

Все эти колебания, отмены, проволочки Петербурга, продиктованные иллюзорной надеждой — до последнего момента избежать войны, — вызывали в стране чувство недоумения, беспокойства и большую сумятицу. Особенно в Киеве, который был центром организации противоавстрийского фронта.

В эти дни Антон Иванович с трудом разгребает лавину дел, нахлынувших на него! Руководствуясь проектом «Положения о полевом управлении войск», он организовал составление новых

списков личного состава. Однако когда через 3 дня фельдъегерь из Петербурга привез несколько экземпляров свежеотпечатанного «Положения…», то оказалось, что оно во многом с проектом… не сходится.

Напряженная работа предыдущих дней пропала даром. Все снова принялись лихорадочно пересоставлять списки… Такой сумбур свидетельствует не только о чрезмерной беспечности главных петербургских управлений, но и доказывает, что война явилась неожиданностью, хотя со времени сараевского выстрела Гаврилы Принципа в эрцгерцога прошло 33 дня.

И все-таки мобилизация прошла по всей огромной России вполне удовлетворительно, и сосредоточение войск закончено было в установленные сроки. Видимо, потому, что много добросовестных военных профессионалов, подобных Антону Ивановичу, делали в экстремальных условиях простое будничное дело…

Главнокомандующим Юго-Западным фронтом стал генерал Н. И. Иванов. Обязанный карьерой ряду случайных обстоятельств, в том числе подавлению Кронштадтского восстания, он — человек мирный и скромный — не обладал большими стратегическими познаниями и интересовался больше хозяйственной жизнью округа. Но начальником штаба назначили генерала М. В. Алексеева — большого авторитета в стратегии и главного участника предварительной разработки плана войны на австрийском фронте.

Командующим 8-й армией был назначен генерал Брусилов, начальником штаба генерал Ломновский. Антон Иванович назначается генерал-квартирмейстером 8-й армии.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа немцы вторглись на бельгийскую территорию, и английское правительство сообщило в Берлин, что оно «примет все меры, которые имеются в его власти, для защиты гарантированного им нейтралитета Бельгии».

Первые уверенные шаги к апокалипсическому безумию сделаны. Каждый в тайне надеялся, что в конце света выживет именно он…

Австрия медлила. Русский царь, все еще надеясь потушить пожар, повелел не открывать военных действий до объявления ею войны, которое состоялось наконец 6 августа. Вследствие этого наша конница, имевшая всего четырехчасовую мобилизационную готовность, смогла бросить за границу передовые эскадроны только на шестой день.

Но ангелы апокалипсиса уже слетели на грешную землю…

ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

Волк сказал стаду: «Давайте, овцы, договоримся на экономической основе. Я не буду жрать вашу траву, а вы будете отдавать мне свое мясо».

К. Чапек

Есть в истории события, воздействие которых продолжает десятилетиями сказываться на судьбах стран и народов, на всем мировом общественном развитии. К числу таких событий несомненно относится война 1914–1918 годов.

В 1906–1914 годах на международной арене происходило дальнейшее обострение противоречий между различными государствами, что в конечном счете привело к развязыванию в 1914 году мировой войны. Основное соперничество шло между ведущими европейскими государствами — Англией и Германией, которые возглавляли два противостоящих друг другу военно-политических блока — Антанту и Тройственный союз.

Первая мировая война — одна из трагических страниц, которая открыла эпоху небывалых дотоле потрясений и большой крови в сообществе мировых цивилизаций бурного XX века. Пламенем войны было охвачено две трети населения земного шара с численностью армий действующих коалиций около 37 миллионов человек. Тяжелее всех пришлось России. В среднем в течение войны российская армия теряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести каждый месяц 175 тысяч человек.

Война, порожденная всей системой империализма, по характеру была грабительской, несправедливой, захватнической. Под это обобщение не попадает лишь одна маленькая Сербия, оказавшаяся жертвой агрессии в начале августа 1914 года.

Ни русское общество, ни наследственная монархия не извлекли уроков из Русско-японской войны, хотя со дня ее начала прошло всего десять лет. Вновь внутреннюю стабильность страны ставили на дыбы, однако новая война по своему масштабу и грандиозности не шла ни в какое сравнение с войной 1904–1905 годов.

Национально-государственные интересы России вовсе не требовали втягивания ее в чужую войну за передел территорий. Но страна к этому времени уже испытывала внешнюю финансовую и экономическую зависимость от союзных держав,

что и явилось удобным средством для того, чтобы впрячь ее в общую военную колесницу. Такой оборот дела грозил превратить войну коалиций 1914–1918 годов в войну за раздел Российской империи.

Россия вновь встала на опасную дорогу, ведущую в бездну. И падение туда состоялось. Как бы то ни было, но 1 августа 1914 года стало погребальным звоном для трехсотлетней романовской монархии.

Все это станет ясным много позже, а пока страну охватил романтический экстаз.

В противоположность Русско-японской войне Первая мировая была принята населением как необходимая. Эйфория и вера в легкую и быструю победу захлестнула поначалу всю Россию. 2 августа 1914 года сотни тысяч демонстрантов пришли к Зимнему дворцу, чтобы получить благословение царской семьи. Волна ненависти к Германии охватила всю страну. Санкт-Петербург был немедленно переименован в Петроград.

Казалось, что слова императора из высочайшего Манифеста о том, что в грозный час испытания «да будут забыты внутренние распри, да укрепится единение царя с народом», материализуются, и Россия подобно былинным богатырям, объединившись вокруг государя сокрушит в кратчайший срок супостата.

Увы, только казалось…

В целом же обстановка благоприятствовала тому, чтобы «конвейер смерти» набирал обороты. Прав Стендаль, заметивший однажды, что кровавые глупости бывают непоправимы.

Соотношение вооруженных сил сторон — 10 к 6 в пользу Антанты. Но положение России усугублялось ее громаднейшими расстояниями и недостаточной сетью железных дорог, что затрудняло сосредоточение, подвоз и переброску войск, ее отсталой промышленностью, не справлявшейся со все возрастающими потребностями военного времени.

Русский план войны был наступательным и предусматривал активные действия против Австрии и Германии одновременно. Но подобный замысел не соответствовал военноэкономическим возможностям России.

Нанеся поражение англо-французским войскам в приграничном сражении (21–25 августа), ударная группировка немецких войск вторглась в Северную Францию и развернула наступление на Париж. Россия должна была спасать союзников. Но самопожертвование России в пользу Франции стало одной из важных причин последовавшей катастрофы, всю тяжесть которой испытала 2-я армия генерала Самсонова.

Двумя армиями Северо-Западного фронта командовали генералы Ренненкампф и Самсонов, вынесшие блестящую боевую репутацию из японской кампании. На них возлагали большие надежды.

Армии Северо-Западного фронта вторглись в Германию, имея целью отрезать немецкие корпуса от Вислы и овладеть Восточной Пруссией. Они наступали с большими интервалами по обе стороны Мазурских озер.

Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц один корпус развернул заслоном против Самсонова, двумя корпусами ударил Ренненкампфа. В бою у Гумбинена Ренненкампф нанес немцам тяжелое поражение. И они с большими потерями в беспорядке отступили на юг. Генерал Притвиц отдал армии приказ отойти к нижней Висле, бросив Восточную Пруссию, что вызвало большой гнев кайзера. Притвиц был сменен Гинденбургом. Новое командование немедленно отменило приказ об отходе, предприняв контрманевр, который имел большие шансы на успех уже потому, что… все карты русских оказались открыты. По непонятному и преступному недомыслию русских штабов директивы фронта и армии передавались войскам радиотелеграммами в незашифрованном виде.

На усиление 8-й армии немцы спешно двинули с французского фронта 2 корпуса, кавалерийскую дивизию и новые формирования, созданные внутри страны. Между тем вместо согласованных действий русских армий, надлежаще не управляемых свыше, начался разброд.

Ренненкампф, имевший всего 6,5 дивизии, обнаружив отступление немцев, стал продвигаться вперед медленно — из-за усталости войск и расстройства тыла. Самсонов вместо движения на север для совместных действий с 1-й армией уклонялся все более к западу, растянув свою армию в одну линию на 210 километров без резервов.

Гинденбург, оставив небольшой заслон против Ренненкампфа, ударил всеми силами Самсонова и разбил его. Два русских корпуса погибли полностью, остатки армии отступили к Нареву. В критический пик боев Самсонов со своим штабом отправился в боевую линию на наиболее опасный участок фронта, но, заблудившись в дремучем лесу, потерял связь и со штабом фронта, и с остальными своими корпусами. Не вынеся обрушившегося несчастья и считая для себя позором неминуемый плен, генерал Самсонов выстрелом из револьвера покончил с собой. Это было в ночь на 30 августа.

В своем докладе верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу главнокомандующий армиями

Северо-Западного фронта генерал Жилинский, обеляя свои промахи, вину за происшедшую катастрофу возложил на Ренненкампфа, заявив, что последний «совсем потерял голову». Великий князь послал начальника штаба генерала Янушкевича «проверить состояние Ренненкампфа». Ответ гласил: «Ренненкампф остался тем, кем был».

Жилинского сместили с поста и заменили генералом Рузским.

Но судьбе генерала Ренненкампфа тоже не позавидуешь. Она, может, в чем-то и трагичнее судьбы генерала Самсонова. После первой такой неудачи Павел Карлович пал духом. Угнетало его и то обстоятельство, что широко распространился слух, будто Ренненкампф предал Самсонова. Никакие оправдания или доказательства не были для него возможны, ибо военные операции были облечены строгой тайной.

Во всяком случае, как во времена отступления к Неману, так и в дальнейших операциях Ренненкампфа не видно уже той инициативы и решимости, которые он проявлял во времена Китайской и Японской кампаний. В начале 1915 года он был отстранен от командования армией и стал жить в Петрограде. Здесь начались для него поистине тяжелые дни… В связи с его немецкой фамилией и восточнопрусской трагедией прошел слух по всей России: «Ренненкампф предатель». Не был Павел Карлович предателем. Просто ветер удачи, увы, дул не в его сторону. Изжил он себя как военачальник. Смерть свою в 1918 году принял, как солдат, не склонив головы перед палачами.

Захватить Восточную Пруссию России не удалось. Цена военной неудачи — 250 ООО человеческих жизней и 500 орудий. Но российское командование выполнило обязательства перед союзниками и отвлекло силы, средства и внимание противника от англо-французского фронта в решающие дни сражения на Марне. Маршал Ф. Фош имел благородство сказать впоследствии: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим, прежде всего, мы обязаны России».

Цена самопожертвования слишком велика!

Россия, однако, добилась успеха на другом участке войны, разгромив австро-германскую армию на полях Галиции.

И именно в это время генерал-майор Деникин начал делать первые шаги к полководческим вершинам.

«БЕГСТВО» В СТРОЙ И ПЕРВЫЕ БОИ

Окопы, окопы, заблудишься тут.
От старой Европы остался лоскут.

А. Ахматова

Горькая пилюля Восточной Пруссии была немного подслащена. Фортуна военной удачи улыбнулась нашим войскам на Юго-Западной фронте. Армии генералов Брусилова и Рузского нанесли сокрушительное поражение австрийцам под Львовом, заняв этот старинный город, считавшийся сильно укрепленной крепостью. Заняли и другую крепость — город Галич.

В первых операциях 8-й армии на Юго-Западном фронте Деникин принял участие в качестве генерал-квартирмейстера. В круг его обязанностей входило производство оперативных расчетов, составление директив и приказов, сбор и обобщение данных, анализ обстановки. Он активно участвовал в планировании наступательной операции, в результате которой войска 3-й и 8-й армий совместными усилиями взяли столицу Галиции — Львов.

Но штабная работа Антона Ивановича не удовлетворяла.

Сам генерал Брусилов, непосредственный начальник Антона Ивановича, вспоминал:

«Деникин не любил штабной работы, он рвался в строй, тем более начальник штаба армии не давал ему свободы… Был назначен командиром бригады, и показал там отличные дарования боевого генерала».

Генерал М. Д. Бонч-Бруевич (кстати, один из первых генералов царской армии, перешедший на сторону советской власти) увидел в поступке Деникина страстное желание сделать карьеру, «получить чинишко, орденишко».

Я полагаю, что Антон Иванович «сбежал» из штаба в строй, ведомый исключительно патриотическими чувствами. Попытка же Бонч-Бруевича увидеть здесь исключительно карьеристские побуждения, недостаточно убедительна. Если гипотетически предположить, что суждения одного из будущих первых «красных военспецов» истинны, то логически вытекают некоторые вопросы, ответы на которые ставили бы под сомнение версию Бонч-Бруевича.

Если Деникин — карьерист, то неужели он не понимал, что в боевых порядках бригады значительно опаснее для собственной жизни, чем в штабе армии? Где можно быть ближе к решению вопросов награждения, в штабе армии или в боевых порядках бригады? Если Деникин думал только о «чинишках, орденишках», то почему он, будучи единоличным военным диктатором белого юга России, не награждал себя по поводу и без повода? Наоборот, не считал возможным награждать офицеров орденами за участие в братоубийственной Гражданской войне.

Нельзя, думается, расценивать уход Деникина в строй как проявление неспособности к штабной работе.

Будучи руководителем Белого движения, Антон Иванович в 1918 году вместе со своим начальником штаба генералом И. П. Романовским разрабатывал операции.

Деникин был «очень требовательным при изучении боевой обстановки на фронте». Оперативное отделение штаба должно было в любой момент «с представлением карты с расположением войск противника и наших войск со схемой организации тыла и его охраной» доложить обстановку. В то же время генерал был деликатным и «никогда не беспокоил начальника штаба по текучке», — вспоминал генерал П. С. Махров.

Для руководителя такого масштаба необходимо было быть компетентным во всех тонкостях штабной работы. Нужные для этого знания, навыки, умения он приобрел задолго до того, как стал военачальником Белого движения.

Тем не менее генерал Деникин в годы Первой мировой войны проявил себя положительно главным образом как строевой командир. И начало этому — командование 4-й стрелковой (Железной) бригадой.

4-я стрелковая бригада прославилась в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Начало ее известности относится к знаменитому переходу через Балканы отряда генерала Гурко и славным боям на Шипке.

Судьба крепко связала Антона Ивановича с Железной бригадой, развернутой 9 июля 1915 года в 4-й стрелковую дивизию в составе 13, 14, 15, 16-го стрелковых полков. Из полков дивизии были образованы две бригады. В течение двух лет вел генерал Деникин свое соединение по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись Первой мировой войны.

Положение бригады (а затем и дивизии) в 8-й армии было совершенно особым. Железным стрелкам почти не приходилось принимать участия в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно после кровопролитного боя

бригада выводилась Брусиловым в «резерв командующего армией» для того лишь, чтобы через два-три дня опять идти на выручку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей. Соединение часто несло большие потери и переменило таким порядком четырнадцать корпусов. Железная бригада заслужила почетное звание «пожарной команды» 8-й армии.

Приняв командование бригадой, Деникин сразу же попал в самое пекло — получил приказ идти форсированным маршем вдоль Днестра, чтобы выровнять левое крыло войсковых соединений, находящихся в соприкосновении с тремя армиями австрийского генерала Конрада. Едва прибыв, он узнает, что противник окружает 8-ю армию. «На помощь, пожарные!» Железная бригада сразу вступает в бой. С 8 по 12 сентября он сдерживает противника, ему удается его остановить.

За доблесть и отвагу командир бригады, отличившейся в тех тяжелых боях, Антон Иванович Деникин награжден был Георгиевским оружием. В Высочайшей грамоте говорилось:

«…За то, что вы в боях с 8 по 12 сентября 1914 года у Гродека с выдающимся искусством и мужеством отбивали отчаянные атаки превосходного в силах противника, особенно настойчивые И сентября, при стремлении австрийцев прорвать центр корпуса, а утром 12 сентября сами перешли с бригадой в решительное наступление».

Столь редкая награда, как Георгиевское оружие, в царской России вручалась офицерам за проявление главным образом качеств военачальника, за умелое управление войсками в боевой обстановке.

Главком армиями Юго-Западного фронта генерал Иванов нашел возможность дать войскам трехнедельный отдых.

Ввиду неудачи блицкрига против Франции и разгрома австрийской армии, немцы, перейдя на Западном фронте к активной обороне, начали переброску корпусов на Восток.

Испытывая силу немецких ударов во Фландрии, союзники вновь запросили Россию о помощи, настойчиво побуждая ее продолжать наступление в глубь Германии. Царь уступил союзническому нажиму.

Выполняя директиву, русские армии Юго-Западного фронта, оторвавшись от своих баз, еще не успели наладить транспорт, как немцы стремительным контрманевром перебросили главные силы севернее Калуша и охватили две армии. Обе стороны дрались с великим ожесточением, и бывали моменты, когда судьба битвы висела на волоске.

На фоне этих трудных сражений произошел эпизод, оставивший славное воспоминание железным стрелкам.

24 октября Деникин заметил некоторое ослабление в боевой линии противника, отстоявшей от окопов железных стрелков всего на 500–600 шагов. Антон Иванович поднял бригаду и без всякой артиллерийской подготовки бросил полки на вражеские окопы. Налет был так неожидан, что вызвал у австрийцев панику. Наскоро набросав краткую телеграмму в штаб корпуса («Бьем и гоним австрийцев»), Деникин пошел со стрелками полным ходом в глубокий тыл противника, преодолевая его беспорядочное сопротивление. Взяли село Горный Лужок, где, как оказалось, находился штаб группы эрцгерцога Франца-Иосифа. Когда Антон Иванович ворвался с передовыми частями в село и сообщил об этом в штаб корпуса, там не поверили, потребовали повторить — «не произошло ли ошибки в названии».

Не поверил сразу и эрцгерцог. Он был так уверен в своей безопасности, что спешно бежал со штабом только тогда, когда услышал на улицах села русские пулеметы. Заняв бывшее помещение эрцгерцога, Деникин нашел нетронутым накрытый стол с кофейным прибором и выпил еще горячий австрийский кофе…

С занятием Горного Лужка открылся важный для русских войск путь сообщения: шоссе Самбор — Турка. За смелый маневр Железной бригады Антон Иванович получил Георгиевский крест IV степени.

В конце 1914 года у главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта возник план большого наступления через Карпаты на Будапешт с целью разгромить австрийцев. Но ставка его не поддержала, по-прежнему считая главным направлением Берлин. Тогда генерал Иванов самостоятельно приступил к подготовке намеченной им операции. Поэтому в течение ноября и декабря на фронте 8-й армии, стоявшей в предгорьях Карпат, шли непрерывные и тяжелые бои. Железная бригада почти не выходила из боя.

Во второй половине ноября 8-я армия, отразив очередное наступление австрийцев, двинулась вперед к перевалам. Здесь ее постигла неудача. Но деникинские железные стрелки вновь были на высоте.

Наиболее упорное сопротивление австрийцы оказали на фронте Железной бригады. На левом фланге корпуса наступление совсем захлебнулось. Чтобы помочь ему и пробить себе путь, Деникин в течение трех дней вел бой, основная тяжесть которого легла на правое крыло бригады — 14-й и 15-й полки доблестного генерала Станкевича. К концу третьего дня город и станция Лупков с прилегающими высотами были взяты, противник разбит, некоторые его части уничтожены или попали в плен.

Начальник штаба Деникина заболел, его эвакуировали, ждали замену. Она появилась в виде худого тридцатипятилетнего полковника Сергея Леонидовича Маркова. Генерал слышал о Маркове, преподавателе русской военной истории в военных школах, специалисте по Петру Великому. Он разъярился, что ему подсунули преподавателя. Ему же нужен железный солдат!

— Мне рассказали, что этот желторотый полковник, — возмущался Деникин, — оказался не способным сесть на лошадь. Ему, видите ли, мешал какой-то вскочивший на неудобном месте фурункул. Зачем мне, командиру железных стрелков, такой начальник штаба? Срам, да и только! Так, адъютанта ко мне, немедленно телеграмму в штаб с протестом!

Но так как кипел бой, Антон Иванович отложил на вечер составление текста телеграммы с требованием об отзыве Маркова.

Два часа спустя из наблюдательного пункта Деникин увидел, как по направлению к нему трясется старая телега; едущий на ней, казалось, не обращал внимания на стрельбу, для которой представлял столь удобную цель. Он прибыл здоров и невредим. Это был Марков.

— Извините за транспорт, ваше превосходительство. Я другого не нашел ничего, а мне надо было очень поспешить! — отрапортовал полковник.

Генерал не стал посылать телеграмму…

После двух дней сражения город Лупков, наконец, заняли. Австрийцы все еще занимали Лупковский перевал, и положение 8-го корпуса оставалось тяжелым.

Расположенные высоко в горах деревушки и небольшие городки соединялись тропинками, которые, как только выпадал снег, становились непроходимыми для артиллерии и лошадей. Было 15 градусов ниже нуля. Подъем в колоннах на виду у противника, закрепившегося в деревнях, был бы настоящим самоубийством.

— К черту тропинки и деревни! — решает Деникин. — Мы полезем направо, минуем ущелье, затем спустимся, отрезав противнику дорогу к отступлению, и ему останется только сдаться. Но как быть с артиллерией и лошадьми? Пусть они остаются в Лупкове, их будет охранять один батальон, австрийцы подумают, что в городе вся бригада.

Распрягли лошадей, нагрузили их мешками с продовольствием и патронами, повели с собой под уздцы. 4000 стрелков перешли Карпаты и соединились со своими товарищами, которые, опередив их, вошли в Венгрию. Полки Деникина опрокидывали австрийцев, захватывая пленных,

занимая деревни и опорные пункты, ворвались в город и на станцию Мезоляборч.

За Карпатский переход Железная бригада пленила 3730 человек. Это при боевом численном составе 4-й стрелковой бригады в 4000 штыков. Наши потери составили 1332 человека.

Операция корпуса, столь блестяще начатая, окончилась неудачей. Железная бригада до 30 ноября с боями еще подвигалась вперед, пока ее не сменили сибирские стрелки. Деникин получил телеграммы: «с горячей благодарностью» — от Верховного главнокомандующего, «с полным восхищением несравненной доблестью» — от корпусного командира. Генерал Брусилов телеграфировал Деникину: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю вас, командиров и героев стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой Железной бригады живут в геройских полках и впредь поведут их к победе и славе».

Дорога на Будапешт, казалось, была открыта, но противник предпринял контратаку. Все приготовились к сражению, однако Брусилов отдал приказ об отступлении. Все неохотно отошли к перевалу.

8-я армия заняла позиции на перевалах. Ее фронт растянулся тонкой завесой на 250 километров. Австрийцы, имея 6 корпусов и усиленные германским корпусом и частями, опять перешли в наступление в направлении на Перемышль. На одном участке им удалось прорваться, и фронт подался глубоко назад. Австрийцы преследовали отступающие с боями русские войска по пятам.

Подавленный неудачей, генерал Брусилов отдал приказ армии отступать.

10 декабря 1914 года армия наконец остановились. Брусилов овладел собой и решил перейти в контрнаступление, поддержанное 3-й армией. Австро-германцы начали быстро отходить, и к концу года армии Юго-Западного фронта вновь заняли линию Карпат. Железная бригада расположилась вблизи Лутовиско.

Между тем наступал 1915 год — «год великого отступления» русских армий…

В «ГОД ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ»

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

А. Ахматова

Жуткое поле сражения… Весь путь, пройденный железными стрелками Деникина, обозначался выступающими из снега неподвижными человеческими фигурами с зажатыми в руках ружьями. Они застыли в позах, в каких их застала вражеская пуля во время перебежки. Между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти.

Бригада таяла…

Под жестоким огнем однорукий герой полковник Носков лично вел полк в атаку прямо на отвесные ледяные скалы… Военное счастье ему улыбнулось. И высота взята, и сам жив остался.

Впоследствии прекрасный историк, но неудачный политик П. Н. Милюков напишет:

«Первые известия о том, что на фронте неблагополучно, стали приходить к нам уже в конце января 1915 года. Но только в апреле мы почувствовали всю серьезность положения на фронте в Восточной Галиции. Снаряды и вооружение, заготовленное на шесть месяцев, были истрачены. Солдаты мучились, взбираясь на обледенелые кручи Карпат, а когда наступала очередь использовать успех, оказывались без снарядов и патронов».

Не случайно в литературе 1915 год называют иногда «годом великого отступления». Если русская армия теряла каждый месяц убитыми, ранеными и пропавшими без вести 175 тысяч человек, то с августа по ноябрь 1915 года армия теряет соответственно 585, 418, 366 и 347 тысяч человек.

В конце января 1915 года армия Брусилова перешла в наступление. Но довольно длительная подготовка армии не укрылась от австрийцев, и они, собрав все свободные силы,

встретили войска 8-й армии контрнаступлением. Весной в предгорьях Карпат происходили тяжелые кровопролитные битвы с переменным успехом. В конце концов австро-германцы были отброшены и цели своей — деблокады Перемышля — не достигли. Войска Брусилова вновь овладели главными Карпатскими перевалами, но усилия по форсированию Карпат не увенчались успехом. 22 марта Перемышль пал.

О крутые обледенелые скаты Карпатских гор буквально разбивались силы русских солдат и офицеров Юго-Западного фронта.

Еще в конце 1914 года обнаружился недостаток снарядов и патронов, а к весне 1915 года возник уже кризис вооружения и боевых припасов (в самый критический момент, в феврале 1915 года, в русской армии было всего 12–14 артиллерийских парков, к весне 1916 года — 30–40 парков, к осени же — 900).

Потребность в военной технике и вооружении опрокинула все теоретические расчеты российской и западноевропейской военных наук. Но если промышленность западных стран путем чрезвычайных усилий справилась с задачей, создав огромные арсеналы и запасы, то Россия не смогла… Только к весне 1916 года Россия обзавелась тяжелой артиллерией и пополнила арсеналы. Союзники между тем не спешили помочь России. В воспоминаниях видный британский политический деятель Ллойд Джордж писал:

«Когда летом 15-го года русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии… военные руководители обеих стран (Англия и Франция) так и не восприняли руководящей идеи, что они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для достижения общей цели. На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914—15 годах, и в 1916-м — что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет своих собственных насущных нужд. Мы предоставили Россию ее собственной судьбе и тем самым ускорили балканскую трагедию, которая сыграла такую роль в затяжке войны…»

В дни Карпатского сражения Железная бригада, как обычно, исполняла свою роль «пожарной команды». В начале февраля ее бросили на помощь сводному отряду генерала Каледина под Лутовиско, на ужгородском направлении. Это был один из самых тяжелых боев Деникина. Сильный мороз, снег по грудь.

Неожиданно подъехал генерал Каледин. Взобрался на утес и

сел рядом с Антоном Ивановичем на то место, которое было под жестоким обстрелом. Генерал спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь их действиями и потерями.

Операция Каледина увенчалась успехом. Железная бригада овладела рядом командных высот и центром вражеской позиции, захватив свыше 2 тысяч пленных и отбросив австрийцев за Сан. В коротких промежутках между боями Деникин пишет короткое письмо матери:

«Вообще счастье улыбается мне. За январские бои представлен к ордену св. Георгия 3-й степени (ожидается на днях Высочайший приказ). Это самая высокая награда, которую может получить генерал, не командуя армией. Мои скромные заслуги награждены чрезмерно, несомненно приложу все усилия, чтобы оправдать доверие, которое мне оказывают.

Одна только забота — одно горе, это ваше беспомощное положение, дорогая моя старушка…»

Положение действительно беспомощное: уже две или три недели Елисавета Федоровна Деникина из-за гнойного плеврита прикована к постели. За «дорогой старушкой», как ее нежно называл сын, ухаживала только прислуга, которой помогали сочувствующие соседки.

В начале марта 1915 года Железная бригада — «пожарные генерала Брусилова» — двинулась к горе Одринь, чтобы ликвидировать очередной прорыв, и оказалась в западне: позицию 4-й стрелковой бригады полукольцом окружали командные высоты противника. Положение было невыносимым, каждый день увеличивался список убитых и раненых офицеров и стрелков.

Деникин не видел выгоды в оставлении соединения на позициях, где бригаде грозило уничтожение. Но ее уход вызвал бы необходимость отвода и соседней 14-й пехотной дивизии, начальник которой сообщал в штаб: «Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потока крови».

Деникин остается. Бои ужесточаются. Антон Иванович переносит полевой штаб на передовую. Обстановка накалена до предела: за обедом пуля пробила окно и разбила чью-то тарелку, другая застряла в спинке стула, а если кому-то было нужно днем выйти из хаты, тот брал с собой пулеметный щит. Австрийцы несколько раз пытались отрезать бригаду от Сана, но с большим уроном отходили. Там действовал доблестный и бесстрашный подполковник 13-го полка Тимановский, прозванный солдатами «железный Степаныч».

Бригада тает, а в тылу — один плохонький мост через Сан,

понтонов нет. Весна уже чувствуется. Вздуется бурный Сан или нет? Если вздуется, снесет мостик, бригада в кольце…

Командира 13-го полка полковника Гамбурцева тяжело ранили. Заменить его некем. Положение отчаянное. Антон Иванович мрачно ходит из угла в угол. Поднимается начальник штаба полковник Марков:

— Ваше превосходительство, дайте мне 13-й полк.

— Голубчик, пожалуйста, но… вы видите, что делается?

— Вот именно, ваше превосходительство.

Так началась боевая карьера знаменитого впоследствии русского белого генерала Сергея Леонидовича Маркова. Того самого, что прибыл в штаб Железной бригады, помните, читатель, на… телеге.

Молодой, храбрый, талантливый, влюбленный в военную науку, Марков предпочитал строевую службу штабной. Он поведет славный полк от одной победы к другой, разделит с Антоном Ивановичем тяжкое бремя управления армией в революционном 1917 году и приобретет легендарную славу в Белом движении в Гражданской войне на юге России. Генерал-лейтенант Марков Сергей Леонидович станет впоследствии легендой среди «рыцарей белой мечты».

Но это еще впереди. А пока полковник Марков ведет в атаку доблестный 13-й полк доблестных деникинских железных стрелков…

Потратив полдня на дорогу по непролазной грязи, взобравшись по горным тропам, к Деникину приехал начальник отряда граф Келлер. Ужаснувшись безысходностью ситуации и неизбежностью ее кровавого исхода, он уехал с твердым намерением убрать соединение из западни. Действительно, через несколько дней стрелковую бригаду увели за Сан.

В начале апреля Антон Иванович получил предупреждение из штаба армии об ожидаемом повышении — назначении начальником Н-ской дивизии.

— Оставьте мне Железную бригаду. Я чувствую себя гораздо более способным побеждать с ней, чем проявлять героизм с любой дивизией.

Вопрос остался открытым. Вскоре началось переформирование стрелковых бригад в дивизии, и Антон Иванович стал начальником 4-й стрелковой Железной дивизии.

В конце апреля государь решил посетить Галицию. Он приехал в Львов 22 апреля 1915 года и на другой день прибыл в Самбор, где находился штаб 8-й армии. На долю Железной дивизии выпала честь встретить государя почетным караулом. Вызвали с Карпат 1-ю роту 16-го стрелкового полка. В

воспоминаниях генерал Брусилов пишет:

«Я доложил Государю, что 16 стр. полк, так же как и вся стрелковая дивизия, именуемая Железной, за все время кампании выделялась своей особенной доблестью и что, в частности, 1-я рота имела на этих днях блестящее дело, уничтожив две роты противника».

По докладу великого князя Николая Николаевича, император наградил всю роту солдатскими Георгиевскими крестами.

11 апреля, ввиду невозможности форсирования Карпат и кризиса в снабжении войск, главнокомандующий армиями фронта отдал приказ 3-й и 8-й армиям перейти к обороне. К началу мая соединение Деникина занимало фронт юго-восточнее Перемышля. Железные стрелки не выходили из трудных боев, отражая атаки противника, переходя в контратаки.

На крайнем левом фланге позиции находился второочередной полк, сформированный из кадров Архангелогородского полка, которым Антон Иванович командовал перед войной. Генерал Деникин был не в состоянии противостоять соблазну повидать родной полк и с трудом пробрался к нему на позицию. Все подступы к полку так сильно обстреливались, что кухни и снабжение подвозили только по ночам. Антон Иванович провел часа три со старыми боевыми товарищами. Он не подозревал, что это была их последняя встреча…

Деникин был в неведении об общем положении дел на фронте: начальников дивизий об этом не информировали. Тем временем 2-я армия Макензена прорвала фронт у Горлицы. Генерал Иванов, стягивавший доселе все свободные войска к Карпатам, послал корпус на подкрепление 3-й армии. Но было поздно… Произошел неравный бой. 3-я армия была разбита и отошла назад. В особенно тяжелое положение попала 48-я дивизия Корнилова. Она, прикрывая отход русских соединений, понесла огромные потери, а сам начальник дивизии попал в плен… Отступление 3-й армии обнажило фланг 8-й армии. 10 мая Юго-Западный фронт получил приказ отходить к Сану и Днестру.

«За годы войны в связи с положением фронта мне приходилось и наступать, и отступать. Но последнее имело характер маневра временного и переходящего. Теперь же вся обстановка и даже тон отдаваемых свыше распоряжений свидетельствовали о катастрофе. И впервые я почувствовал нечто похожее на отчаяние… Тяжесть моего положения усугублялась еще тем, что по каким-то соображениям отход частей, расположенных восточнее меня, был задержан, и фронт армии ломался почти под

прямым углом в пределах моего отряда, именно на позиции бывшего Архангелогородского полка. Другими словами, полк охватывался и простреливался с двух сторон наседавшими германцами.

Штаб армии снялся с такой поспешностью, что порвал телефонную связь, и оспорить распоряжение не было возможности. Я понял, что полк обречен…

Под покровом ночи я отводил свои войска, испытывая тяжелое чувство за участь полка. На другое утро он был разгромлен, и погибло большинство моих старых соратников…

Началось великое отступление русских армий», — писал А. И. Деникин.

Антон Иванович до дна испил горькую чашу военных трагедий русских войск. Цена политических ошибок и неподготовленности царизма к войне — почти 600 тысяч загубленных и искалеченных жизней русских солдат и офицеров.

Армии Юго-Западного фронта удержались некоторое время на линии Перемышль — Николаев и дальше по Днестру. Выдержали сильнейший натиск австро-германцев, имели даже крупный успех, разбив и отбросив австрийцев, пытавшихся через Днестр выйти к Львову. Но 24 мая генерал Макензен возобновил наступление и к 3 июня занял Перемышль и утвердился на среднем Сане.

Бои южнее Перемышля стали для русских войск наиболее кровопролитными. Сильно пострадала Железная дивизия. 13-й и 14-й полки были буквально сметены шквалом артиллерийского огня немцев. В первый и единственный раз Деникин видел храбрейшего из храбрых полковника Маркова в состоянии, близком к отчаянию, когда тот, весь залитый кровью, выводил из боя остатки рот. Рядом с ним шел командир 14-го полка. Внезапно осколком снаряда ему снесло голову. Еще мгновение туловище без головы стояло, как живое, и затем рухнуло на землю, залив своей кровью Маркова. Такое не забывается никогда…

Русские армии отходили от Сана, 22 июня оставили Львов. Наши контратаки и необходимость подтянуть свои тылы заставили Макензена в первой половине июля приостановить наступление; затем оно возобновилось, и к августу русские войска ушли за Буг.

В результате «великого отступления» огромные территории — часть Прибалтики, Польша, Литва, часть Белоруссии, почти вся Галиция — были потеряны Россией, дух армий подорван. Но отступление русских войск не было паническим. Немцам наносились тяжелые удары, а австрийцы из-за непрестанных

контратак русских потеряли при наступлении одних пленных сотни тысяч…

К осени 1915 года австро-германское наступление выдохлось. Стратегическая задача Тройственного союза — вывести Россию из войны — не выполнена, благодаря исключительному мужеству и стойкости русских воинов.

Фронтовые неудачи, однако, вместо принятия надлежащих мер лишь подхлестнули дворцовые интриги. 23 августа 1915 года император смещает с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и назначает на эту должность самого себя. Решение о самоназначении было принято не без колебаний. Государя предостерегали от опасного шага и выдвигали достаточно веские аргументы: трудность совмещения управления страной и командования вооруженными силами; риск ответственности за армию в столь тяжелое время. Бесполезно…

Реакция в военных кругах на сумасбродное решение царя, принятое, надо полагать, не без влияния Распутина и придворной камарильи, была негативной.

Из воспоминаний бывшего генерал-квартирмейстера ставки главковерха[31] Ю. Н. Данилова:

«Все знали неподготовленность государя, достигшего на военной службе лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков. Самоназначение было встречено недоверием и унынием, потому что весь его внутренний облик мало соответствовал масштабу этой войны».

Тем не менее смена Верховного состоялась. 20 августа 1915 года Николай II приказал ставке перебраться из Барановичей в Могилев. Императорский поезд подошел к Могилевскому перрону. Из вагона новый Верховный вышел в сопровождении вновь назначенного начальника штаба ставки генерала Алексеева (хоть какое-то утешение, что начальник штаба — военный профессионал высшего класса).

Но чуда не случилось: новый главковерх не изменил хода боевых действий. «Великое отступление» продолжалось.

Антон Иванович очень тонко, с дистанции времени и опыта таким образом описывает психологическую ситуацию, которая сложилась после того, как главковерхом стал император:

«В армии перемена Верховного не вызвала большого впечатления. Командный состав волновался за судьбы войны, но назначение начальником штаба Верховного генерала Алексеева всех успокоило. Что же касается солдат, то в деталях иерархии они не отдавали себе отчета, а государь в их глазах всегда был главой армии. Одно обстоятельство, впрочем, вызывало толки в народе,

оно широко отражалось в перлюстрированных военной цензурой письмах. Все считали, что „царь был несчастлив“, что „ему не везло“. Ходынка, Японская война, Первая революция, неизлечимая болезнь единственного сына…

Фактически распорядителем всех вооруженных сил Российского государства стал ген. Михаил Васильевич Алексеев.

В сущности такая комбинация, когда военные операции задумываются, разрабатываются и проводятся признанным стратегом, а „повеления“ исходят от верховной и притом самодержавной власти, могла быть удачной. Но… государь не имел достаточно властности, твердости и силы характера, и ген. Алексеев, по тем же причинам, не умел „повелевать именем царя“».

После вступления в должность главковерха царь все более терял нити управления страной. Наверное, можно согласиться с поэтом А. Блоком, который писал:

«Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть… окончательно распылилась в руках Александры Федоровны и тех, кто за ней стоял».

Единственное, что в «год великого отступления» спасало трещавшие по швам русские фронты, — мужество российского солдата и офицера-окопника да мудрость военных-профессионалов подобных Антону Ивановичу. Именно они в экстремальных условиях зачастую делали невозможное возможным.

В конце августа 1915 года Деникин получил приказ от генерала Брусилова: спешно идти в местечко Клевань, находившееся между Луцком и Ровно. Приведя дивизию форсированным маршем в исходный район к ночи, Деникин застал там полный хаос. Со стороны Луцка наступали австрийцы, тесня какие-то русские ополченские дружины и спешенную кавалерию. Никакого фронта не было, и путь на Ровно открыт.

Генерал развернул дивизию по обе стороны шоссе и после долгих поисков вошел в телефонную связь со штабом армии. Узнал, что положение серьезное: штаб армии планируется эвакуировать в Ровно; у Каледина спешно формируется новый 39-й корпус из ополченских дружин, которые, по словам Брусилова, «впервые попадают в бой и не представляют никакой боевой силы». Антон Иванович был отдан в подчинение начальнику корпуса генералу Стельницкому.

Брусилов добавил: фронт все же получится довольно устойчивым, «опираясь на Железную дивизию, дабы задержать врага на речке Стубель».

Положение дивизии — труднее не бывает. Она занимает

огромный фронт, до 15 километров. Противостоящая группировка противника превосходит соединение Деникина по силам почти втрое. Обороняться при таких условиях невозможно. Тогда генерал решил атаковать. С 21 августа он трижды переходит в наступление, и тремя атаками Железная дивизия приковывает к своему фронту около трех австрийских дивизий и задерживает обходное движение противника. Но 8—11 сентября после тяжких боев австрийцам все-таки удалось оттеснить соединение за реку Горынь. Однако упорный генерал Брусилов продолжал наступление.

Железная дивизия шла в центре фронта. Блестящими атаками колонн генерала Станкевича и полковника Маркова противника разбили. 18 сентября дивизия по собственной инициативе, преследуя быстро отступавших австрийцев, форсированным маршем пошла на Луцк. 19 сентября Деникин уже атаковал его передовые укрепления. Бой шел беспрерывно весь день и всю ночь. Против 4-й стрелковой дивизии сражались 2,5 австрийские дивизии, прочно засевшие в хорошо подготовленных окопах. Стрелки дрались на самой позиции, брали пленных, захватили два первых ряда окопов. Но дальнейшее продвижение оказалось непосильным. Войска устали, и дивизия стала нести большие потери.

Чтобы помочь захлебнувшейся фронтальной атаке Железной дивизии, генерал Брусилов приказал генералу Зайончковскому атаковать Луцк с севера. Получив распоряжение Брусилова, тот отдал по корпусу многоречивый приказ, в котором говорилось, что Железная дивизия не смогла взять Луцк, и эта почетная и трудная задача возлагается на Зайончковского… Припоминал праздник Рождества Богородицы, приходящийся на 21 сентября. Приглашал войска «порадовать матушку царицу» и в заключение восклицал: «Бутылка откупорена! Что придется нам пить из нее — вино или яд — покажет завтрашний день».

Но пить вино на завтрашний день Зайончковскому не пришлось. Наступление не подвинулось вперед, и он потребовал у штаба армии передать на усиление один из полков дивизии Деникина, что и было сделано. Антон Иванович же остался с тремя полками. Кроме того, в ночь на 23 сентября Деникин получил приказ из армии: ввиду того, что Зайончковскому доставляет большие затруднения сильный артиллерийский огонь противника, начальнику 4-й стрелковой дивизии, по просьбе командира корпуса, приказано вести стрельбу всеми батареями соединения в течение ночи, «чтобы отвлечь на себя неприятельский огонь».

Стрелять в течение всей ночи, когда в дивизии каждый

снаряд на учете. Но приказ Антон Иванович исполнил.

Эта нелепая стрельба обнаружила врагу расположение скрытых батарей Железной дивизии, и к утру положение соединения Деникина стало трагичным. Антон Иванович вызвал к телефону трех командиров полков и, обрисовав обстановку, сказал: «Наше положение пиковое. Ничего нам не остается, как атаковать».

Все командиры полков согласились с начальником. Брусилов потом писал об этом эпизоде так:

«*Деникин, не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк одним махом, взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк*».

Вслед за этим Зайончковский доложил о взятии Луцка. На его телеграмме Брусилов сделал шутливую пометку: «И взял там в плен генерала Деникина…»

За первое взятие Луцка (Антону Ивановичу пришлось его брать вторично в 1916 году) Деникин был произведен в генерал-лейтенанты. Требование Зайончковского наградить его Георгиевским крестом удовлетворено не было.

За всю Луцкую операцию Железная дивизия взяла в плен 158 офицеров и 9773 солдата, то есть количество, равное ее составу. Но дивизия была сильно потрепана. Через два дня ее сменили и вывели, как всегда, в резерв командующего армией.

Однако гримасы военной истории зачастую бывают ужасными. Линии Стырь и Луцк, доставшиеся ценою таких героических усилий, были оставлены без давления противника. Генерал Брусилов получил от главкома армиями фронта приказ:

«Бросить Луцк и отвести войска в первоначальное положение, а корпусу генерала Зайончковского, с приданной ему Железной дивизией, „спрятаться в лесах восточнее Колкий, когда немцы втянутся по дороге Колки — Клевань, неожиданно ударить им во фланг, а остальному фронту перейти тогда в наступление“…»

«Эта стратегия, больше похожая на детскую игру в прятки, свидетельствовала о весьма слабой военной квалификации как ген. Иванова, так и его нового начальника штаба ген. Савича», — вспоминал Деникин.

Корпуса скрыть в лесу, конечно, не удалось, и в результате оба противника развернулись друг против друга в дремучем, заболоченном Полесье, соорудили из поваленных деревьев, перевитых колючей проволокой, укрепления и перешли к обороне. А потом начались странные вещи.

Под предлогом лесистой местности штаб отнял у Деникина дивизионную артиллерию, передав ее другой дивизии. Когда

Антон Иванович явился к генералу Зайончковскому, тот сухо и наставительно прочел директиву, по которой три полка Деникина были распределены по дивизиям корпуса Зайончковского, а четвертый взят в корпусный резерв. Железную дивизию расформировали, Антон Иванович остался не у дел.

Такой оборот, однако, не огорчил Деникина, он знал: этот номер не пройдет. Действительно, получив директиву Зайончковского, Брусилов немедленно приказал «вернуть дивизию в распоряжение ее начальника и дать дивизии самостоятельную задачу».

Командир корпуса поставил 4-ю стрелковую дивизию вдоль лесной речки Кармин, и начались ее новые злоключения.

Зайончковский приказал атаковать противостоящих германцев. Деникин попробовал перейти в атаку раз, потом еще раз, понеся потери, был отбит и убедился в невозможности одержать успех в болотистой местности против уже укрепившихся немцев, не имея артиллерии. Командир корпуса несколько дней присылал резкие и категорические приказания перейти в атаку, угрожая отрешить Антона Ивановича от командования за неисполнение. Не находя возможным вести людей на верную гибель и считая операцию явно обреченной, Деникин отмалчивался.

Первый и единственный раз Антон Иванович встретил такое жестокое и оскорбительное отношение к дивизии и к себе. Его «пожарную команду» всегда ценили и встречали с чувством облегчения и признания.

Генерал Зайончковский пожаловался в штаб армии. Генерал Брусилов телеграфировал Антону Ивановичу: «Что у вас происходит, объясните?»

Генерал Деникин отвечал, что принял личное участие в последней атаке 14-го полка. Сообщил обстановку, подытожив: дивизию посылают на убой.

Через час генерал Зайончковский получил приказание Брусилова этой же ночью сменить своими частями Железную дивизию, которая возвращается в резерв командующего.

Здесь кончилась «скитальческая жизнь» Железной дивизии по разным корпусам. В составе 8-й армии сформировали новый 40-й корпус, в который вошла Железная дивизия.

Корпусу пришлось сразу вступить в бой в ходе Чарторыйской операции, которая составляет одну из славнейших страниц истории Железной дивизии.

«На 4-ю стр. дивизию, — писал Брусилов, — возложена была самая тяжелая задача — взять Чарторийск и разбить германскую дивизию».

В ночь на 16 октября дивизия развернулась против Чарторыйска и Новоселок, в следующую ночь переправилась через Стырь и за два дня разбила, потопила и пленила австро-германцев на 18 километрах фронта. Левая колонна, направленная Деникиным на запад и юго-запад, опрокидывая врага, неудержимо шла вперед. А правая колонна, брошенная на Чарторыйск, атаковала город с тыла, одним порывом взяла его, почти уничтожив 1-й гренадерский полк кронпринца, захватив орудия, пулеметы и обозы.

К утру 20 октября Железная дивизия завершила прорыв.

Успех прорыва 3-й и 4-й стрелковых дивизий вдохновлял людей, и генерал предлагал развить его, продолжить наступление, введя в действие новые крупные силы. Генерал-квартирмейстерская часть штаба горячо поддерживала начальника 4-й стрелковой дивизии, но обычно столь энергичный Брусилов почему-то колебался. И момент был упущен…

Противник стягивал подкрепления со всех сторон. Впоследствии в официальных отчетах австрийской стороны о Первой мировой войне Деникин обнаружил, что против Железной дивизии вели боевые действия, по крайней мере, 15 австрийских полков. Это значит, что австрийцы имели почти четырехкратное превосходство Полковник Марков докладывал генералу Деникину: «Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!»

Деникин в данной связи вспоминал:

«*Теперь, с некоторой уже „исторической перспективы“, взирая на эти далекие события, испытываю все тоже чувство глубокого умиления и гордости перед неугасимым воинским духом, доблестью и самоотверженным патриотизмом моих соратников по Железной дивизии».*

Не только 13-му стрелковому полку Маркова, но всей дивизии в течение двух суток пришлось драться фронтом на все четыре стороны. Ни паники, ни малейшего колебания не было в рядах славных железных стрелков Деникина. Чарторыйск был взят. Генерального штаба полковник Б. Н. Сергиевский свидетельствует:

«Неприятно было пробуждение австрийцев, заночевавших в злополучных хуторах, рассказывает очевидец боя за Чарторыйск. Только начинало светать, как леса кругом них ожили. И ожили каким-то невероятным для войны XX века образом.

С севера гремел, надвигаясь все ближе и ближе, русский военный оркестр. На западе и юге ему вторили полковые трубачи. И когда на опушку с трех сторон одновременно стали выходить русские колонны — австрийская бригада стояла в строю впереди

деревенских домишек, подняв руки вверх. Стрелковый оркестр прошел, продолжая играть, вдоль фронта врага, поворачивая на восток по дороге в Чарторыйск.

Галопом наскочил на австрийское начальство полковник С. Л. Марков.

— Церемоньял марш! — скомандовал он австрийцам. — Нах Чарторыйск!»

…Чарторыйская операция, несмотря на то, что противнику удалось ликвидировать прорыв, пользуясь своим численным превосходством, стала славной страницей в истории русского военного искусства, в биографии Железной дивизии и ее командира генерала Антона Ивановича Деникина.

9 ноября в последний раз Железная дивизия перешла всем фронтом в атаку, разбив австро-германские части. Только пленных взяли 8,5 тысячи человек.

А потом на Юго-Западном фронте с половины ноября наступило затишье, длившееся до весны 1916 года. Первый отдых Деникина и его железных стрелков с начала войны…

Прежде чем перевернуть новую страницу военной эпопеи генерала, отметим один принципиально важный момент. Антон Иванович, получив в командование Железную бригаду, развернутую в 1915 году в дивизию, вне зависимости от стратегической, оперативно-тактической обстановки на своих участках ответственности, всегда добивался успеха. И в оборонительных, и в наступательных боях.

В чем секрет его военных успехов?

Деникин зарекомендовал себя мастером нестандартных решений. В боях под Луцком командир немецкой дивизии отдал частям боевой приказ:

«На нас наступает одна из лучших русских дивизий. Ввиду исключительной активности ее начальника предписываю принять самые интенсивные меры охранения… Мы должны быть готовы ко всяческим неожиданностям…»

Генерал придавал особую значимость укреплению морального духа личного состава. Он тесно взаимодействовал с армейским духовенством[32] и решал совместно с ним задачу патриотического воспитания своих стрелков. В целях воспитания у солдат ненависти к врагу в частях соединения распространялись специальные альбомы с фотоснимками, показывающими зверства немцев и австрийцев над русскими военнопленными.

Личный пример офицеров дивизии имел первостатейное значение. Самого начальника дивизии можно было часто наблюдать в боевых порядках в непосредственной близости к

переднему краю. В боях за Луцк он вообще перенес свой командный пункт в боевые порядки 16-го стрелкового полка, который первым ворвался в Луцк.

В итоге в дивизии поддерживался дух высокого наступательного порыва. Рядовой 1-й роты 15-го стрелкового полка И. Давлядче был тяжело ранен в обе руки. На приказ командира роты отправиться на перевязочный пункт ответил: «Какой перевязочный пункт, когда впереди австрийцы» и с криком «Ура!» бросился вперед.

Боевая слава генерала Деникина — это не его величество случай, не жар-птица военного счастья (хотя без нее, конечно, тоже не обошлось), а закономерность.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ И ПОСЛЕ

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал —
душу…

Марина Цветаева

В штабе командующего 8-й армией генерала Каледина капитан из разведывательного отделения допрашивал пленного австрийского офицера. Вид его был жалок, он еще не пришел в себя от шока. Нервно покуривая, сообщал слегка дрожащим голосом ведущему допрос офицеру:

— Ничего не понимаю, господин капитан! Нашу оборону под Луцком ни теоретически, ни практически прорвать невозможно!

— Но ведь прорвали, — возразил капитан-разведчик.

— Вот именно! Ваши солдаты и офицеры— сущие дьяволы.

— Насчет дьяволов ничего сказать не могу. Но дивизию эту не зря называют Железной. Ее начальник генерал-лейтенант Деникин — большой мастер бить врага.

— Наслышан о вашем Деникине. Надо же, Луцк взял! Ведь наша оборона была неприступна!

— Вы это уже говорили. Продолжим допрос.

— Готов отвечать на ваши вопросы, господин капитан. Наверное, нашей армии после Луцка ничего не остается другого, как соорудить громадных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии огня теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими, завещаем— никогда и никому с ними не воевать».

— Может быть, вы правы. Мощную оборону прорвали Железные стрелки генерала Деникина! Впрочем, давайте все-таки ближе к делу…

Это лишь один эпизод Брусиловского прорыва, где роль первой скрипки сыграл Антон Иванович Деникин.

Брусиловский прорыв… Интереснейшая, героическая страница Первой мировой войны. Не так уж много было удач у русской армии. Но Брусиловский прорыв — бальзам на израненную душу русского человека, несущего все тяготы военного лихолетья.

Впрочем, обо всем по порядку…

В кампании 1916 года Россия — главное действующее лицо в театре мировой войны. Ей вновь было суждено оказать действенную помощь союзникам по Антанте, заплатив большой кровью. Вновь «мельница смерти» ставит свои страшные рекорды помола человеческих жизней. Россия теряет в 1916 году ежемесячно убитыми, ранеными, пропавшими без вести: в феврале — 293 тысячи, в августе — 274, в сентябре — 334, в октябре — 364, в декабре — 278 тысяч человек.

В командовании Юго-Западным фронтом произошли перемены. Генерала В. Драгомирова сделали козлом отпущения и сместили с должности начальника штаба. Главнокомандующий генерал Иванов, повинный во многих неудачах фронта, обрушился с целым обвинительным актом против Брусилова, но последнего поддержала ставка. Обиженный несправедливыми нападками, начальник штаба генерал Ломновский ушел в строй, получив 15-ю дивизию. Убедившись в неспособности Иванова поправить положение дел, сменили и его. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта 5 апреля назначили генерала Брусилова.

Прибыв из ставки, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Брусилов собрал на Военный совет командармов[33] генералов А. М. Каледина, В. В. Сахарова, Д. Г. Щербачева, А. М. Крымова и сообщил им стратегические замыслы верховного командования на летнее наступление. Один лишь Щербачев высказал сомнение и назвал наступление нежелательным. Все остальные поддержали главнокомандующего. Началась интенсивная подготовка операции, которая войдет в учебники военной истории под названием «Брусиловский прорыв». Именно Брусиловскому прорыву суждено сыграть значительную роль в срыве наступления немцев под Верденом.

К началу операции 4 июля соотношение сил и средств было таковым: Брусилов имел 513 тысяч штыков и сабель против 448 тысяч у противника (1,2:1), орудий 1770 против 1301 (1,3:1).

Значительным превосходством, чтобы вести наступление по классическим канонам военного искусства, он не обладал. Австро-венгерская группировка войск создала мощную позиционную оборону, прорвать которую при сложившемся соотношении сил и средств мощным лобовым ударом не представлялось возможным. И тогда Брусилов решил достичь поставленных целей путем тщательной подготовки операции, концентрации сил и средств на избранных участках прорыва и внезапности наступления.

Главный удар наносила 8-я армия генерала Каледина в

районе Луцка на участке прорыва в 21 километр. Остальные армии играли вспомогательную роль, прорывая вражескую оборону на участке 7—11 километров. Брусилов избрал оригинальную форму наступательной операции по прорыву позиционной обороны противника — одновременное нанесение нескольких дробящих ударов на широком фронте.

Наступление войск Юго-Западного фронта началось 4 июля. Сильная позиционная оборона противника была прорвана в первый же день. Наибольшего успеха достигла 8-я армия.

В ходе наступательной операции Юго-Западного фронта, продолжавшейся три месяца, русские войска продвинулись на глубину до 80—120 километров. Высокую цену пришлось заплатить за этот стратегический успех русскому воинству — около 500 тысяч человек убитыми и ранеными. Правда, и противник потерял 1,5 миллиона человек убитыми и ранеными. Молох кровавой бойни продолжал принимать жертвоприношения.

В эпицентре сражения вновь находился Антон Иванович Деникин со своими легендарными железными стрелками. Вначале он столкнулся со знаменитой Стальной дивизией немцев.

Впоследствии дивизия понесла большие потери и была отведена в резерв. Но и в полках 4-й стрелковой дивизии оставалось по 300–400 человек.

В луцкой эпопее Деникин снова, как и в 1915 году, ворвался в город первым. Только одних пленных Железная дивизия захватила 4,5 тысячи человек. Прорыв обороны под Луцком — действительно маленькое военное чудо на трагическом полотне всемирной бойни.

После Брусиловского прорыва осенью 1916 года Антон Иванович попрощался с железными стрелками, 8-й армией и Юго-Западным фронтом. Набирающий высоты военного мастерства генерал был замечен в верхах и получил назначение на Румынский фронт в 4-ю армию на должность командира 7-го армейского корпуса. Если дивизия — основное тактическое соединение, то корпус — высшее тактическое или оперативно-тактическое соединение. Командуя корпусом, Деникин вплотную приближается к той категории военачальников, которых в военной истории принято именовать полководцем.

То, что творилось в Румынии, куда военная судьба забросила генерала, он образно поведал в письме Ксении Васильевне Чиж от 22 декабря 1916 (4 января 1917). Понятно, что такой взгляд на события субъективен, но он во многом соответствует тому, что известно истории сегодня.

«…29 октября выехал в Румынию. Теперь это уже прошлое и большого секрета не представляющее.

Румынии угрожала большая опасность. Немцы сосредоточили против нее большие силы, и операция начала развиваться с необыкновенной быстротой. Мы этого не предусмотрели. Наши войска прибывали с опозданием. Маленькая страна при полном напряжении своих железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашьим шагом, по суткам простаивая на меленьких станциях. К тому же хаотические беспорядки, бездеятельность, иногда, вероятно, продажность румынской администрации.

Бухареста дни были уже сочтены. В числе войск, „брошенных“ на помощь, были и мои. Но мы опоздали. Я встретил уже разбитые румынские армии. И вкрапленные между ними, в постоянной опасности неустойки с их стороны, задерживали, сколько было возможности, немцев, отходя к северу. Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. За два с половиной года войны бывали трудные положения, но таких оригинальных, запутанных еще не было.

Первая часть румынской операции еще не закончена. Но успех немцев несомненный.

Теперь командующий соединенными армиями (в том числе нашей) — король Фердинанд, а ответственный помощник его — генерал Сахаров.

В оставшейся суверенной Румынии настроение двойственное. Прокламации „короля“ западной Румынии, ставленника Вильгельма, смущают умы. Уязвленное самолюбие разбитой армии и порабощенного народа слишком чутко, а мы не всегда достаточно тактичны. Отношения поэтому не вполне налаживаются. Тем более что казачки, сохранившие свои привычки с древних времен, грабят население изрядно. Еще горе: везде огромная масса вина. Поэтому напиваются; потом скандалы с обидами местных жителей.

Король, дрожа за судьбу династии, готов на всякие компромиссы. Правительство упорствует. А между тем единственный выход из положения: милитаризация страны (дороги и т. д.)».

На Румынском фронте противоборствующие стороны перешли в конечном итоге к позиционной обороне. 2 (15) января 1917 Антон Иванович пишет Ксении Васильевне:

«Наступление вражеское приостановилось. Затишье. Тепло. Непролазная грязь. Небольшая деревня. Бедные хаты. Страна купается в вине. Его теперь тысячами бочек выливают, составляя какие-то акты. Иначе воинство прославленное озверело бы».

В подобной обстановке талантам Деникина проявиться не удалось. Фронт поглотили частные интересы. Хотя фронтовое

командование и готовило зимнее наступление, оно вызывало неприятие не только у солдат, но и у офицеров, командования 4-й армии. Командиры всех степеней в пределах компетенции употребляли все усилия, чтобы преодолеть ужасную хозяйственную разруху, которую создали русским войскам румынские пути сообщения. На Украине, на базе Румынского фронта, всего было достаточно, но до соединений и частей ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами. Из нетопленых румынских вагонов, не приспособленных для больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, обрастая комом, волновала, искала виновных…

В жестокую стужу, в горах в холодных землянках по неделям жили на позициях люди — замерзшие, полуголодные; с огромным трудом доставляли им хлеб и консервы.

Деникин впоследствии вспоминал, что едва ли когда-нибудь в течение всей войны войскам приходилось жить в таких тяжких условиях, как на Румынском фронте. Это обстоятельство Антон Иванович подчеркнул в своих воспоминаниях не случайно. Войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились позже всех. Подобный исторический феномен дал Деникину основания для следующей констатации:

«Этот факт свидетельствует, что со времен Суворовского швейцарского похода и Севастополя не изменилась необыкновенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имела значения в вопросе о моральном ее состоянии и что растление шло в строгой последовательности от центра (Петрограда) к периферии…»

Конечно, в таких условиях Антон Иванович не мог проявить всех тех блестящих военных способностей, как во времена командования легендарной Железной. Ощущалось, как и во всей стране, предреволюционное напряжение. А солдаты и офицеры просто неимоверно устали от бессмысленной бойни. И быть может, в меньшей степени, но процесс разложения армии проникал и на Румынский фронт. Всего же в русской армии к началу 1917 года насчитывалось около 1,5 млн дезертиров.

Впереди Антона Ивановича ждали тяжкие испытания лихолетья очередной русской смуты.

АНТОН И КСЕНИЯ: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое провиденье!..

Ф. Тютчев

Ася тяжело переживала смерть своего жениха — Михаила Масловского, корнета 13-го Нарвского гусарского полка. Бросила исторический факультет, моталась от тетки к дедушке и от дедушки к матери. Но время — лучший лекарь. Тем более в молодости. Слезы по Мише постепенно иссохли. Жизнь шла своим чередом.

Ася иногда вдруг вспоминала о старом друге семьи, который водил ее на прогулки, когда она училась в Варшаве. Но сейчас он — герой войны. И вот, посещая мать героя войны, молодая девушка пожаловалась ей на то, что ее сын якобы не ответил на несколько Асиных писем. Никакого письма она, естественно, Антону Ивановичу не писала. Но небольшая ложь во спасение принесла свои плоды. Елисавета Федоровна объявила сыну в одном из писем выговор за невнимательность. И получилось так, что генерал первым взял перо и написал письмо, адресованное Ксении Васильевне Чиж:

«15 (28) октября 1915.

Милая Ася!

Быть может, так нельзя обращаться? Но я иначе не умею. Мать писала мне, что я не отвечаю на ваши письма… Если это было, я их не получал. И грущу. Потому что образ милой Аси жив в моей памяти, судьба ее меня живо интересует и я от всей души желаю ей счастья.

Жизнь моя так полна впечатлениями, что их хватит на всю жизнь. Горишь, как в огне, без отдыха, без минуты покоя, испытывая острые ощущения боли, скорби, радости и внутреннего удовлетворения.

Славная дивизия, которой — судьба улыбнулась — я командую 14 месяцев, создала себе исключительное положение: неся огромные потери, исколесив всю Галицию, побывав за Карпатами — везде желанная, — то растаявшая, то вновь возрожденная

пополнениями, исполняет свой долг с высоким самопожертвованием. Достаточно сказать, что в двух операциях, в сентябре и первой половине октября, взято ею до 12000 пленных, 4 орудия, до 50 пулеметов и проч.

Здоровье лучше, чем в мирное время. Самочувствие — отличное. Но нервы истрепаны. И не раз в редкие минуты затишья мечтаешь о тех благотворных днях, когда кончится война (победой, конечно, — не раньше) и получишь нравственное право на… отдых. Отдых полный, ничем не омраченный: покой — как хорошо. Счастье? Его почти не было. И будет ли. Но на покой я, кажется, имею право…

А до тех пор, до славного исхода кампании — полное напряжение сил, воли, мысли. Асенька, милая, ваше здоровье меня печалит, ваша жизнь, насколько могу судить, не вошла еще в колею. Почему?

Напишите несколько строк. Буду рад искренне. Жду…»

Это пишет боевой генерал, слава за которым неотступно следует по полям сражений. Но так уж сложилось, что он до сих пор семьей не обзавелся… Единственным близким человеком для него была мать…

Жила Елисавета Федоровна в Киеве в квартире сына, которую генерал Деникин снял весной 1914 года, перевез туда мать из Житомира после того, как сдал командование полком. Мать Антона Ивановича, в свое время натерпевшаяся вдоволь лиха, последние годы, благодаря заботам любящего сына, провела в покое и уюте.

Она писала сыну очень редко, рассказывала только о домашних делах, рождениях и смертях соседей и знакомых да беспокоилась о здоровье Антона. Ну, вот еще за Асю выговор дала. Эх, знала бы она, чем ее нотация кончится…

В самом начале 1916 года Елисавета Федоровна тяжело заболела воспалением легких, осложнившимся плевритом. От болезни своей она не оправилась и в октябре 1916 года скончалась в возрасте семидесяти трех лет.

С ухудшением здоровья матери Антон Иванович все чаще задумывался о том, что после смерти единственно любимого человека его ждет лишь полнейшее одиночество в стенах казенных квартир. Но боевой генерал, герой Брусиловского прорыва влюбился в Асю Чиж. История любви Антона и Ксении вступала в лирико-драматическую фазу. Начался почтовый роман[34]:

«10 (23) ноября 1915 года.

Вспомнил… — это неверно. Не забывал.

Но… сантименты не идут старому генералу, который по

рангу должен представлять нечто важное, бородатое и хриплое…

Вы шутите в письмах своих, Асенька, а я за шутками вижу хмурое личико и мятущуюся душу. И вместе с вами искренне желаю, чтобы неведомое мне на вас свалившееся горе прошло мимо, чтобы там действительно оказалось „что-нибудь не так“.

Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном месте. Вместо кровавых боев — нудная позиционная война с ее атрибутами: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки. Непосредственно чувствуя пульс жизни, мы видим, что в рядах противника нет той нравственной силы, с которой он начал кампанию. В отбираемых у пленных дневниках — апатия, усталость, желание конца. Он не близок, он далек еще, но ясно чувствуется фатальная неизбежность поражения австро-германцев. И настанет новая светлая эра, если только кормчие сумеют уберечь страну нашу от внутренних потрясений.

В чем счастье человека? На 42-м году жизни не отдаешь себе совершенно ясное и отчетливое об этом понятие. Не помню. Но вижу, что вам оно не слишком ярко улыбается… Грустно.

Пишите, Ася, милая: я прочел ваши строчки и опять, как тогда, в маньчжурской тайге, повеяло теплом».

В душе Антона Ивановича затеплилась надежда. Но он помнит разговор с Ксенией в 1910 году о «высоком, молодом, любящем идеале». Подспудная ревность сквозит в осторожном вопросе в конце письма, хотя нет на нее у него никакого права.

«16 (29) декабря 1915.

Вот уже месяца четыре не имею своего угла. В одной комнате три-четыре человека. Конечно, памятуя о привилегиях начальнических, меня бы устроили лучше, но зато в ущерб другим.

Пишу ужасно нескладно, потому что три пары глаз смотрят под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже 4-ю страницу?

Не могу пока послать своей карточки: фотографии нет, а кустарные снимки, отосланные в Киев, утеряны во время паники.

Над нашими болотами густой непроницаемый туман. Сыро и скучно. Согревает только лишь извне, издалека… Жду…

Сердечный привет.

Асенька, что тот — „сильный и любящий“ пришел? Еще нет?»

Нет, такие мысли надо гнать прочь. Лучше писать о знакомом — о войне.

«26 декабря 1915 (8 января 1916).

Спасибо, Асенька, милая моя, что, не считаясь с моим „молчанием“, написали письмо, не такое, правда, как раньше…

Но это неважно. Писал 4 декабря по старому адресу и 16-го по новому. Обидно, если не получили — телеграфировал даже. Упрек незаслуженный, маленькая и неинтересная женщина…

Кругом море воды, грязи, ноль градусов. Окопы плавают. Это затрудняет серьезные действия и наши, и противника. Поэтому на нашем фронте опять затишье.

В армии дерутся просто и с ясным сознанием необходимости и цели. Но в тылу армии, в особенности в Вашем Петрограде, — неблагополучно. То, что помимо воли приходится слышать со всех сторон, удручает.

Дай Бог разума нашим кормчим!

На столе — рождественская елка, настоящая елка, с украшениями, со свечами. В штабе атмосфера товарищеская. Шумно, уютно. И немножко грустно. Встают воспоминания… скользят. А мысль рвет преграды времени и пространства и несет навстречу…

Про карточку писал трижды, но мне хочется повторить еще раз: какая прелесть!

Будьте счастливы!

Жду письма».

А карточку свою Асе все-таки послал.

«16 (29) января 1916.

Я не знаю, но вижу, но чувствую, что вы больны серьезнее, чем вам это кажется. Самолюбие, только самолюбие? А нельзя немножко, хоть на некоторое время, поступиться им? Только на время? Чтобы быть здоровой. Чтобы потом было довольно сил радоваться жизни.

Глупо, конечно, посылать вам такую большую образину, но, право, другой нет. Эта из альбома штаба армии. Сходство полное, но фотограф прикрасил, прибавил волос на моей лысой голове, сгладил морщины. Суди его за это Бог, а я не буду!

Штабная молодежь ожила и шумит еще больше: разрешены отпуска. Пока нет боев, пусть… Пусть живут и радуются, пока молоды.

В феврале, вероятно, и мне можно будет уехать. Не знаю… Будьте счастливы.

Жду».

На все более разгорающиеся чувства к Асе накладывает горестный отпечаток прогрессирующая болезнь матери.

«6 (19) февраля 1916.

10 (января) заболела тяжело моя мама воспалением легких. 24-го удалось вырваться в отпуск. До 5-го просидел возле нее. Устал нравственно и физически. Исход — неопределенный. Иногда — надежда, иногда — нет. Впереди ждет пустота и подлинное

одиночество — у меня ведь никого нет кроме нее».

«12 (25) февраля 1916.

Был второй кризис, почти агония: пульс 36, температура ниже 36, длилось так дня четыре. И пошло на улучшение. Возраст почтенный, 73 года, но доктор все же обещается недели через четыре поставить старушку на ноги. Чувствую себя разбитым. Еду в великолепную санаторию — свою дивизию».

«27 февраля (11 марта) 1916.

Ждал долго. Сегодня получил письмо от 15-го. Не такое ласковое, как раньше. И потом не все понял. Иногда кажется, что понимаешь, иногда сомневаешься. Но всегда жду с нетерпением и ищу в нем ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные.

Плохо, Асенька, моей матери. Сердце поддерживают камфарой. Хотят сделать прокол в легкое, быть может, операцию. Я соглашаюсь на все. Но кажется мне, что врачи делают это лишь для очистки совести — напрасно только мучат бедную старушку. Положение все время тяжелое. Жизнь угасает. Нити рвутся.

Дивизия вновь заняла фронт. Прибавилось дела. Асенька, родная, опять больна? Отчего я ничем, ну вот ровно ничем не могу помочь? Научите меня.

Теперь ответьте мне: неужели счастье, которое „прошло мимо“ Вас, невозвратимо и незаменимо?»

«4 (17) марта 1916.

Состояние матери? Опять дают надежду. Так и живу между надеждой и унынием. И не в одном только этом вопросе…

2 марта ранен навылет легко в левую руку осколком шрапнели; кость не задета, сосуд пробит, но, молодчина, сам закрылся. Даже температура не поднимается выше 37,4. Ложиться не надо — продолжаю командовать».

«Киев, 27 марта (9 апреля) 1916.

Судьба отдаляет мою поездку в Петроград. Доктор вызвал меня телеграммой в Киев, считая положение моей матери совершенно безнадежным. По-видимому, он ошибся во времени. Идет медленное умирание, но определить конец нельзя. Мне не придется закрыть глаза бедной старушке, так как через 4–5 дней возвращаюсь в дивизию».

В письмах Ксении, которая «так близко вошла в его жизнь», Антон Иванович искал «ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные». «Я не хочу врываться непрошеным в ваш внутренний мир», — говорит он в одном из писем. Деникина терзают вполне обоснованные сомнения: он намного старше Ксении Васильевны! В письмах Антона Ивановича все чаще звучат полупризнания, которые не могут передать всей глубины его чувств. Антон Иванович хотел уловить в ответных письмах те

оттенки мыслей, которые дали бы ему мужества просить ее руки.

А письма Аси становятся все теплее. Это радует, несказанно радует, он живет с чувством постоянного тревожного ожидания.

Наконец, 4 апреля 1916 года генерал спрашивает: может быть, она придумала его, и это вовсе не любовь?

«4 (17) апреля 1916.

Тот невысказанный, но давно уже созревший вопрос я не задаю по двум причинам. Я не хочу красть счастье, не покаявшись в своем прошлом. Станет ли оно преградой? А доверить его бумаге трудно. Затем… Вы „большая фантазерка“. Я иногда думаю: а что, если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному вашим воображением, идеализированному лицу… А не ко мне, которого вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением».

«22 апреля (5 мая) 1916.

Итак, родная моя, „вопрос незаданный“ почти разрешен. Явилась надежда — яркая и радостная.

Пробивая себе дорогу в жизни, я испытывал и неудачи, и разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было — счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье — это нечто нереальное — призрак.

И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней.

Старушка моя в прежнем неопределенном положении. Бедная мучится уже три с половиной месяца. Несколько лучше, но и только. И мне тяжело, что ничем решительно не могу помочь ей.

На моем фронте по-прежнему затишье. Живу в несколько разоренной поповской усадьбе, занимаю отдельную комнату, чего давно уже не бывало. А в окна глядит огромный каштан, несколько деревьев в цвету.

Пасху встретил нежданно торжественно. Приехал архиерей с духовенством. И среди чистого поля в огромном, созданном из ничего, прекрасном и величественном зеленом (ель и сосна), среди полной тишины словно замершего боевого поля, среди многих тысяч стрелков, вооруженных, сосредоточенных и верующих, — началось торжественное пасхальное архиерейское служение.

Обстановка весьма необычная для него и для нас. Впечатление большое.

Асенька, так все это правда? И в хмурую осень может выглянуть яркое, летнее солнце? И не только осветить, но и согреть? Это правда? И ничто не помешает? Желанная моя…»

Смотрите, генерал обронил между строк: «Желанная моя…».

«18 (31) мая 1916.

Дома не вполне благополучно. У матери продолжается страшная слабость. На этой почве анемия мозга. На фронте без перемен. В служебном положении некоторая перемена. Необычно быстрое движение: за доблесть стрелков в сентябрьских боях меня произвели в генерал-лейтенанты».

«21 мая (3 июня) 1916.

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов. Хотя меня терзают во все стороны. Почему — узнаете скоро. Вся моя жизнь полна вами».

…«Вся моя жизнь полна вами» — это уже даже больше, чем косвенное признание в любви…

«26 мая (8 июня) 1916.

Дорогая моя, писал 21-го, накануне перед решительными боями. Соблюдая тайну, не писал об этом. 22-го начался страшный бой, 23-го разбили наголову австрийцев, 24-го преследовали, 25-го опять большой бой, овладели важной стратегической линией и сегодня отдых. Об огромном успехе всего Юго-Западного фронта знаете из газет. Но маленькая деталь: боевое счастье неизменно сопутствует моей дивизии. Благодаря доблести стрелков, мне удалось взять 9500 пленных, 26 орудий и т. д.

От бессонных ночей… очутился в городе (Луцк), взятом нами в бою, в весьма непривычной обстановке: в хорошей большой комнате гостиницы; вместо походной кровати — мягкий матрац и т. д. Мелочи жизни — упрощенной боевой обстановкой.

Словом, все идет прекрасно. Одного лишь недостает: мучительно хочется видеть вас, хочу вашей ласки, милая.

Выспался за все время. Дома по-прежнему. Мы идем так быстро вперед, что почтовое сношение несколько расстроилось. До свидания. Желанная».

«31 мая (13 июня) 1916.

Родная моя, все больше и больше развертывается картина колоссального разгрома австрийской армии. Больше нет места пессимизму. Подъем необычайный. Никогда не бывалое превосходство материальных сил, перевес числа, а про дух я и не говорю. С чувством глубокого удовлетворения слушаю, что говорят про моих стрелков. Их подвиги становятся уже легендой. Благословляю судьбу, давшую мне возможность вести в бой такие части.

Успех Юго-Западного фронта, несомненно, повлечет за собой и более широкое наступление, быть может, и союзники встрепенутся.

Письма получаю с большим опозданием, что вносит задержку в преемственность их.

Асенька, пожалуйста, бросьте Петроград — ведь это моя первая просьба, которую вы до сих пор не хотите выполнить. Первая! Мне кажется, что вам следовало бы поехать в Шостку, к своим родным. И все было бы несравненно проще, если бы вы признали мои права и обязанности и в качестве моей невесты (хотя бы неофициальной — для своих) стали в совершенно независимое материальное положение от своих».

Это уже в духе Деникина, по-солдатски прямолинейно: моя невеста…

Признания генерала с предложением руки и сердца явились для молодой особы неожиданностью. Генерал Деникин был другом семьи, из поколения ее родителей. Она гордилась расположением к себе боевого генерала, доблесть которого стала широко известна. Но уважать — не значит любить.

Разница между ними 20 лет. А тут еще война, которая, увы, не молодит…

«4 (17) июня 1916.

Наши последние дела попали в печать. Но корреспондентам чуждо понимание спокойной, эпической природы боя. Им нужен анекдот, нужно, чтобы „било в нос“. Обидно читать все это вранье. Печать уважаю, но корреспондентов выпроваживаю».

«5 (18) июня 1916.

Теперь упорный бой с выручающими австрийцев германцами. Мои полки расхвалены, обласканы вниманием всех — уже растет легенда… События — как в калейдоскопе. В течение дня несколько раз испытываешь и радость, и жуть: стрелки отходят… контратака, австро-германцы разбиты, ведут 900 пленных… На правом крыле вновь потеснили… нахлынули.

Вот и сегодня. Еще полдень, и уже трижды менялась обстановка. Но Бог благословляет наше орудие. В конечном результате неизменный и полный успех.

Но сердце… но нервы! Ложатся морщины лишние, седеет голова и светлеет череп. Вы увидите старика».

Генерал не уверен. В лихой штыковой атаке намного легче. А тут любимая увидит старика и что тогда? Разрыв? Подумать страшно! Очень это беспокоит Антона Ивановича.

«10 (23) июня 1916.

Уклад жизни несколько изменился, стал более беспорядочным; спишь не по плану, а когда можно; два раза обедали в 5 и в 6 часов утра. Но с превеликим аппетитом. В общем, по совокупности всех условий боевой обстановки, если не изувечат, вернусь домой совершенно здоровым, но постаревшим на 10 лет против своего возраста. По внешнему виду. Так и знайте…»

На фоне ухудшения здоровья матери все больше волнует и

нравственный аспект. Родители Аси не в курсе их отношений.

«…Дома — по-прежнему обстановка тяжелая. Главное — беспросветная. И ничем не поможешь. А в другом… изменить внешние условия жизни не хотят. В первом случае — беспомощен, но во втором — полная возможность. Ведь это какой-то нелепый тупик: я получаю огромное содержание, которое решительно девать некуда, а вы…

Голубка, что родители ваши, знают? И не нужно ли мне написать им несколько слов».

А вот и кульминация.

«….Чем дальше, тем глубже охватывает меня близость к вам, моя любимая, моя радость. Осень жизни… хмурую… осветлила. И согреешь? Да?»

И все же страшно. Любит, а если это кончится? Нет, о войне все же писать проще.

«23 июня (6 июля) 1916.

15-го Бог послал дивизии опять большой успех: прорвал на всем фронте, причем за 15-е и 16-е захватил 5000 пленных (в том числе бригадный и два полковых командира), 12 орудий и т. д. 17-го меня немного потрепали… Но не очень.

Продвинулись вперед. Жилья нет, деревушки сожжены. Штаб перешел в лиственный дремучий лес. Прелестная дача: землянки, построенные австрийцами уютно и даже изящно: скамейки, столы. Не чуждый вкуса мой вестовой поставил Мне на стол букет из… ежевики. Жаль только, что дождь по Несколько часов в сутки, на темечко с потолка капает вода, а австрийцы, чрезвычайно нервно настроенные (все ждут атаки), мешают спать, всю ночь ведя сильнейший и беспорядочный огонь».

У человека есть то, что никто не может отнять пока он жив, — воспоминания.

«…Помню ли я нашу поездку в Вильно? Очень. Потому что тогда началось то, что я, скрепя сердце, устранил из своей жизни как несбыточную мечту и к чему через 6 лет вернулся».

Шесть лет пытался преодолеть Антон Иванович любовь к юной женщине. Шесть лет старался не думать о Ксении… Но сердцу не прикажешь.

Ксения Васильевна все больше понимает: она любит. Она его любит! Она не отказывает генералу, но просит немного подождать…

Потребовалось несколько недель упорных письменных уговоров, чтобы Ксения Васильевна согласилась стать невестой и навсегда связать свою жизнь с судьбой генерала Деникина.

Летом 1916 года решили — по настоянию Антона Ивановича — венчаться не сразу, а лишь по окончании войны.

И все же он уже начинает строить робкие планы на будущую жизнь.

«8 (21) августа 1916.

Ты хотела бы каску? Сейчас нет, голубчик. Но в данное время против меня чисто германский фронт. В первом же бою снимем с противных варваров пару касок.

Конечно, Александр Михайлович должен жить с нами. И это будет хорошо не только в силу ваших сердечных отношений: его общество мне очень приятно».

Так и случилось: дед Аси прожил с Деникиными до конца жизни.

Итак, Антон Иванович и Ксения Васильевна перешли на «ты». Однако в большинстве случаев и тогда, и во все последующие годы семейной жизни Ксения Васильевна обращалась к Антону Иванович на «вы» и называла по имени-отчеству, только иногда, в зависимости от настроения просто «Иванович».

А между тем война грохочет, и Деникин все увереннее шагает к вершинам боевого мастерства и военной карьеры:

«31 августа (13 сентября) 1916.

Дело в том, что я временно командую 8-м корпусом… Разбужен телеграммой, через 2 часа собрался, пролетел на автомобиле и через несколько часов очутился в новом кругу людей, жизни и деятельности. Гораздо более широкой и ответственной.

Обстановка гораздо культурнее; чистые дома, удобства жизни до… ванны включительно. Но жаль простой, суровой и милой жизни прежней, с которой сроднился за 2 тяжелых года войны…»

6(19) октября Ася решила переехать из Петербурга к матери и своему отчиму в Шостку. 14 (27) октября телеграмма известила генерала о том, что его мать умирает. Поезд, которым он ехал в Киев, опоздал на три часа. Когда Антон Иванович прибыл домой, его «дорогая старушка» уже полчаса как умерла. Глубокая боль соединилась с пронзительной радостью: приехала Ася, предупрежденная своей матерью, которая ухаживала за больной. После похорон Деникин вернулся на фронт. Он писал своей невесте:

«27 октября (9 ноября) 1916.

Дорогая моя! Последние недели имели огромное значение в моей жизни, проложив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. Неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи.

Я перечитал твои письма. С грустью и волнением. Провел параллели. Тогда и теперь. Я был прав: писано — воображаемому, а слова сказанные — действительному.

Я слишком глубоко… чувствую. У меня так ясно и понятно —

„да“. У тебя — „может быть“. В этом — твоя сила. В этом — моя слабость. Путь опасный. Но я иду без тревоги и колебаний. Потому что не может быть такое большое чувство растоптано. Потому что тогда жизнь стала бы ненужной. А уйти из нее так просто! Но если судьба только несправедлива, но не жестока, если суждено чувству и жизни быть растоптанными, то лучше, чтобы это произошло теперь. Теперь, когда боевая обстановка дает людям неограниченную возможность уйти из жизни со славой и честью.

„Мне вас жалко“. Но это оскорбительно. Ты знаешь: когда 17лет назад ломалась жизнь, я сказал: „Требую того, что мне принадлежит по праву, а милости не надо“.

Мы отправляемся далеко на юг. Что-то судьба готовит.

На некоторое время круговорот писем и телеграмм будет затруднен. Для меня это большое огорчение.

Желанная моя! Так будет счастье?»

Все те же сомнения. Возрастной барьер… «Да» и «может быть»… Какая огромная разница в этих понятиях. Тем не менее Антон Иванович начинает настаивать на решительных шагах к созданию семьи. Ему хочется иметь родное гнездо. Хотя бы де-факто.

«5 (18) ноября 1916.

Послал сумбурное письмо 27… С 23-го, с небольшими перерывами, в пути. Много часов в купе, один, сам с собой, со своими мыслями. Переживаю памятью… каждое слово, сказанное и недоговоренное. Довольно!

Неприветливая страна (Румыния), неприветливые люди и порядочный хаос.

Как бы я хотел, чтобы твои бросили предрассудки и переехали в Киев. Мне казалось бы тогда, что у меня уже есть свое родное гнездо».

Суровый генерал начинает, в промежутках между боями, мечтать о светлом. О том, что у их с Асей будущих детей на Новый год будет елка.

«23 декабря 1916 (5 января 1917).

24-го, когда Ты будешь возиться с ребятишками возле елки, у меня — сильный бой. Вопрос не только пользы дела, личного самолюбия. Последнее не важно, но чувствительно. Тем более что недоброжелатели не дремлют. Задача большая, сил мало. Ничего, поборемся».

«24 декабря 1916 (6 января 1917).

Добруджу мы оставили. Одна из фатальных страниц наших неудач. Освобождается несколько дивизий противника, которые придут на наш фронт. С утра льет дождь, земля размокла, и

масса нашей конницы не в состоянии будет использовать прорыв, который сделали мои войска. Скверно.

Волосы, кажется, все до одного поседели. И что всего страннее — сохраняется хорошее настроение и вера в будущее.

Асенька! Когда у нас будет первая елка для наших ребят? Боже, как это хорошо».

Увы, эта мечта так и осталась мечтою… Вспоминает Марина Антоновна:

«В первый Новый год, который состоялся для единственного ребенка Деникина, не было никакой елки. 24 декабря 1919 г. (мне было десять месяцев) мой отец, командующий Белой армией юга России, не сумев взять Москву, был отброшен к берегам Дона и принял там участие в жесточайших сражениях. 22 декабря писал своей жене, находящейся в 400 км от Ростова, в Екатеринодаре: „Я останусь в Батайске, пока будет необходимо защищать Ростов и Новочеркасск“. Что до моей матери, которая скорбела по своему только что умершему брату Дмитрию, то она не могла думать ни о какой елке…»

Посмотрим и мы. Вспоминает Марина Антоновна:

«Голос крови действительно взял свое, и в сердце Деникина нашлось место для родительской любви. Увы! Моя мать всегда опасалась (впрочем, совершенно напрасно), что это „место“ существует за счет любви к ней…»

Какие далеко идущие планы! А кругом война, кровь…

И незримо для всех *шла* по фронтам за прославленным боевым генералом его невеста, та, которую он ласково назвал в письмах: «моя радость», «моя голубка», «моя дорогая». Та, что осветила его безрадостную осень…

Душа Антона Ивановича буквально кричит: *«Моя столь желанная, придет ли когда-нибудь счастье?»*

Счастье услышит и придет. Подарит двадцать девять лет совместной жизни и дочь Марину. Но будет навечно окрашено горем утраты Отчизны…

Часть II
ЛИХОЛЕТЬЕ РУССКОЙ СМУТЫ

И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть…

Откровения Иоанна Богослова

Отсутствует страница 188.

…И снова нравственные аспекты создания семьи в будущем терзают Антона Ивановича.

«26 декабря 1916 (8 января 1917).

Дворец румынского парламентария, крепостника, именующего себя „социал-демократом“. Шикарная отделка комнат, белоснежное постельное белье, отличная ванная и т. д. По-видимому, быть „социал-демократом“ выгодно. Рождественский подарок небывалой ценности: пачка твоих писем от ноября и октября.

Ты для меня дороже жизни, Асенька, милая, переезжайте с дедом в Киев. Ты должна же понять, что я слишком высоко ставлю репутацию своей невесты, чтобы побудить ее к шагу, недостаточно корректному, — и это надо внушить деду. Ему придется только раньше времени признать меня в своем сердце внуком».

Деникин переживает, что у Ксении Васильевны портятся отношения с ее матерью.

«3 (16) февраля 1917.

Праздник: приехал первого Николай и привез милые письма.

В таких случаях настроение подымается, мысли светлеют…

Мне кажется, я понимаю сущность тех странных отношений, которые устанавливаются между вами тремя и которые всем трем портят жизнь. Ты сама сознаешь, что несколько нервно относишься к матери. Аркадий это чувствует, не углубляется в причины и инстинктивно становится в отношении тебя предубежденным. Вы трое не вполне владеете своими нервами и не можете поэтому облечь в сносные формы свои внешние отношения. Голубка моя, радость, возьми себя в руки и подай первой пример, несмотря на „скверный издерганный характер“.

А если к этому прибавить в отношении матери немного ласки — не вымученной, не вынужденной, а от сердца, то картина взаимоотношений совершенно изменится…»

Вдруг в одном из писем Ксения высказывает опасение: а если Антон Иванович будет любить их будущих детей больше, чем ее? Вот это вопрос! Подсчитать соотношение сил и средств при принятии решения на наступление значительно легче. Но надо отвечать…

«5 (18) февраля 1917.

Милая моя, любить ребенка больше, чем Асю? Я незнаком с

родительской психологией, но думаю, что это можно. Я, скорее, боюсь другого: найдется ли в сердце, совершенно и прочно занятом, маленькое местечко для другого существа… Впрочем, кровь говорит сильнее, чем рассудок. Посмотрим».

тические события в центре, как кадры кино на экране, мелькали перед глазами с невероятной быстротой. 8 марта, когда командир корпуса изливал в письме душу своей любимой, настроения в столице настолько изменились, что с отречением Николая 11 от престола надежда на конституционную монархию рухнула навсегда.

И тем не менее в письме адекватно отражены политические взгляды Антона Ивановича, сформированные еще в годы его учебы в Академии Генерального штаба. Он ярый противник любых революций, о чем и пишет Ксении Васильевне:

«Моим всегдашним искренним желанием было, чтобы Россия дошла до своих целей путем эволюции, а не революции. Надежды не оправдались. Темные силы, старавшиеся в безумии своем повернуть к… ускорили развязку».

Свое неприятие революции, декларированное в письме к невесте, Деникин пронесет через все годы русской смуты и унесет на чужбину. Он всегда заявлял об этом прямо, откровенно, конкретно, последовательно. Даже в качестве главкома ВСЮР в период наибольших успехов Белого движения-похода на Москву. 21 июля 1919 года в Ростове генерал говорил, что революция провалилась, и теперь возможны только либо эволюция, либо контрреволюция: «Я иду путем эволюции…»

С моей точки зрения, такое заявление утопично. Невозможно идти эволюционным путем, когда Гражданская война достигла кульминационной точки и ведется тотальное уничтожение противника. Тем не менее Антон Иванович верен своему политическому кредо.

Он пишет Ксении о том, чего больше всего боится в начавшейся революции:

«Теперь только одного нужно бояться: чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала конституционному успокоению страны.

Какое счастье было бы для России, если бы „круг времен“ замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений!»

Однако в каждой строчке деникинского послания уже ощущается тревога, пока еще смутная, но все же тревога за то, что Россия вползает в эру великих социальных катаклизмов. А как бы не хотелось! Но Антон Иванович надеялся на лучшее (скорее всего, опять же из-за недостатка информации). Если не

состоялась эволюция, о которой он так страстно мечтал, то, может быть, революция станет «бархатной»?

Спустя четыре года Деникин, много переживший, много передумавший, однозначно утверждает: революция — не случайность:

«Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности».

Но не стоит заблуждаться: признавая закономерность революции, Деникин никогда не проникался к ней хотя бы маленькой долей симпатии. Отношение к революции — та составляющая его мировоззрения, где все проявления довольно рельефно отражены. Здесь он фактически не испытывал сомнений: был врагом революции и не отступил от этого принципа ни разу.

Размышляя о революции, Антон Иванович особо акцентирует внимание на том, что вековая машина русской государственности пала в одночасье. А вот это уже явилось неожиданностью для всех социальных слоев Российской империи.

«Но если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы — без всякой борьбы ушедшие в прошлое; интеллигенцию — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец, — сильную, с огромным историческим прошлым десятимиллионную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев».

И в этом быстротечном развале великой страны генерал Деникин увидел ту самую роковую связку «война — революция», которая благими намерениями вымащивала дорогу в ад его Отечеству.

Состояние армии в начале революции обрисовал Деникин с присущей ему образностью:

«Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы…»

Судить между тем Деникин может только о войсках

Румынского фронта, где он командовал корпусом. Следовательно, подобную оценку нельзя считать обобщающей. Однако она совпадает с оценкой исполняющего обязанности верховного главнокомандующего генерала Алексеева. В его записке Временному правительству от 14 марта 1917 года № 2237 отмечается:

…На Румынском фронте «происшедшие перемены войсками приняты спокойно». В то же время Алексеев приводит факты о неоднозначности реакции войск на отречение Николая II от престола:

«…Среди офицеров выясняется недовольство, возмущение и опасение, что какая-то кучка политиканов, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получивших никаких полномочий ни от народа, ни от армии, действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения Временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения…

…Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства…

Отречение императора Николая II произвело на офицеров 9-й армии тягостное впечатление…»

Ясно, что Деникин, будучи на Румынском фронте, не мог знать обо всем этом. Но то, что его оценка, изложенная в письме невесте, совпала с оценкой генерала Алексеева — дополнительный аргумент в пользу объективности Антона Ивановича.

Анализируя состояние русской армии накануне февраля 1917 года, Деникин делает очень четкое обобщение о том, что после катастрофы в русско-японской войне в результате проведенной военной реформы русская армия, не достигнув, конечно, идеалов, все же сделала огромные успехи.

«Можно сказать с уверенностью, что не будь такого Маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые месяцы Отечественной войны», — вспоминал генерал.

Он писал, что высший командный состав «не был вычищен до конца», бездарность по-прежнему занимала много руководящих постов, а технические и профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса «мобилизациями, не находились на должной высоте». Разложению армии в полной мере способствовало «неустройство тыла, вакханалия хищений, дороговизны и роскоши, создаваемые на крови и костях фронта».

В «Очерках русской смуты» Деникин пытается объяснить, почему армия, воспитанная в традициях верности императору, не предприняла после отречения Николая II серьезных попыток восстановить статус-кво.

«Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи.

Мне известны три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командиром 3-го конного и гвардейского конного корпусов графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления мятежа. Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной „демократической республики“, что в ней не было „верных частей“ и „верных начальников“, которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех них явилось два обстоятельства: первое — легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, „облеченному всей полнотой власти“, выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была верна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть».

Несомненно одно: это писал человек, прекрасно разбирающийся в особенностях менталитета российского офицерства того бурного времени.

Интересная деталь: генерал ни разу в контексте анализируемых революционных событий не упоминает о том, что его отец был крепостным крестьянином. У него и мысли не возникает предъявить претензии на принадлежность к угнетенному сословию, у которого появился исторический шанс прийти к власти. Антон Иванович слишком врос в армию, и мысль о классовой солидарности была, очевидно, чужда ему.

Последовавшее в ходе революции и Гражданской войны размежевание офицеров наглядно продемонстрировало, что офицеры знатного происхождения (хрестоматийный пример — граф Игнатьев) верно служили советской власти, в то время как офицеры — выходцы из разночинных слоев — заняли ключевые посты в Белом движении.

Причем подобное размежевание коснулось даже такой элиты, как корпус офицеров Генерального штаба. Отчасти здесь прав Н.

И. Астров. Он писал:

«…Офицеры Генерального штаба поделили Россию на белую и красную и вели в ней поединок».

Более того, отдельные офицеры, поступившие на службу в РККА, перешагнули через военный менталитет и часто вспоминали о своем незнатном происхождении, что всемерно поощрялось большевистской пропагандой.

Заслуживает внимания высказывание Антона Ивановича:

«Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов».

Он прав. Боле того, некоторые высшие иерархи Русской православной церкви запятнали себя «распутинщиной», что, безусловно, никоим образом не могло сопутствовать умиротворению звериных инстинктов толпы, почувствовавшей вкус первой невинной братской пролитой крови.

Оригинальны взгляды Деникина и на состояние офицерского корпуса в целом. По его мнению:

«…Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения, в массе своей было, во всяком случае, лояльно…»

Однако после революции 1905–1907 года офицерство было взято под жесткий колпак имперских спецслужб на предмет отслеживания его политической благонадежности. Подобная мера, конечно же, по мнению генерала, не способствовала созданию в офицерских коллективах здоровой нравственной атмосферы. Да и вся жизнь как будто толкала офицеров на протест против существующего строя.

«Среди служивых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько не обеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость».

Но особую ценность, по моему убеждению, представляют генеральские обобщения о качественных изменениях в офицерском корпусе, обусловленные предреволюционным кризисом в России: колебание традиционной аполитичности офицерства; брожение в офицерском корпусе, недовольство государем и его женой; усиливающаяся конфронтация между армейскими и гвардейскими офицерами; нездоровые отношения офицеров и солдат, отчуждение между ними, вызванное «недостаточно внимательным отношением офицерства к

духовным запросам солдатской жизни»; разлагающее влияние на армию революционной пропаганды.

Значимость таких оценок усиливается тем, что они даны человеком, хорошо знающим армию изнутри, ее строй и дух, военным профессионалом, который отнюдь не идеализирует армию, настойчиво приводя мысль: каков народ, такова и армия.

Разумеется, подобные обобщения носят весьма дискуссионный характер. Но, видимо, деникинская точка зрения во многом объясняет тот исторический феномен, что из 250-тысячного корпуса офицеров в октябре 1917 года выступило против большевиков не более 5,5 тысячи человек, то есть менее 3 процентов их общей численности. Да и многие генеральские выводы относительно разложения армии подтвердила общественно-историческая практика.

Отречение императора от престола заставило Антона Ивановича произвести переоценку ценностей по отношению к монархии. В его сознании монархистские тенденции утвердились прочно. В основном это обусловливалось армейской средой его бытия, в которой монархические устои, систематически закрепляемые церковью, были очень сильными. Деникин влился в армейский социум, имея уже твердую веру в незыблемость трона, святость монарха. Правда, обаяние личности государя было поколеблено известной историей с непричислением выпускника Академии Генерального штаба капитана Деникина к корпусу офицеров Генерального штаба.

Второе разочарование последовало после беседы с Николаем II при представлении по случаю назначения командиром полка в 1910 году. Беседа оставила в душе чувство пустоты и внутренней неудовлетворенности. Антон Иванович видел бездарность и ошибки царского режима. Считая необходимым создание во время войны сильной национальной власти, опирающейся на доверие широких кругов населения, он с беспокойством и растущим возмущением наблюдал, как правительство неразумными поступками и отсутствием творческой мысли настраивало против себя даже законопослушных граждан.

«Безудержная вакханалия, — писал он, — какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты».

Примечательно, что если до 1917 года Деникин был

убежденным конституционным монархистом, то в ходе революции понял: Романовы дискредитированы окончательно. Правда, по-человечески он жалел свергнутого царя. Генерал не стал политическую борьбу переносить на личности.

Узнав об убийстве Николая II и его семьи в 1918 году, он распорядился отслужить молебен во всех церквах на подконтрольных ему территориях. Но понимание того, что дело династии проиграно, у него было четким.

Отношение Деникина к Февральской революции прочно переплетается с его отношением к Временному правительству.

Нахождение в первые дни Февральской революции на Румынском фронте, вдали от центра событий, не позволило Деникину четко определить свое отношение к Временному правительству. После назначения на должность начальника штаба ставки верховного главнокомандующего он вплотную сталкивается с деятельностью Временного правительства и поражается ее непоследовательностью и бессилием.

Особенно его удивляет некомпетентность правительства в военном строительстве: оно не пресекло выход в свет и претворения на практике знаменитого Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 года, направленного на демократизацию армии (см. Приложение 5).

Нельзя, однако, считать, что Временное правительство абсолютно не отреагировало на Приказ № 1.

В войска ушла правительственная телеграмма о том, что в армии надо уметь подчиняться не «случайным временным главарям, а тем, кто учился и работал, чтобы быть офицером»[35].

Принимались меры и командованием армии. Так, главком армиями Юго-Западного фронта издал приказ, где подчеркивал недопущение в войсках выборности начальников.

Генерал Брусилов дважды, в течение 15 и 25 марта, издавал приказ относительно выборного начала в армии, каждый раз подчеркивая, что оно неприемлемо в армии и «совершенно недопустимо»[36].

Но было поздно. Приказ № 1 подорвал дисциплину в войсках. Особенно введением выборных начал. Они, так жестоко критикуемые генералом, имели печальный опыт отражения наступления войск Четвертного союза в феврале 1918 года. В критический момент с 18 по 25 февраля в распоряжении молодой Советской республики не оказалось никаких вооруженных сил.

И вполне объяснима тревога главковерха генерала Алексеева, докладывавшего военному министру:

«…Разложенная армия — не армия, а вооруженная толпа, страшная не для врага, а своего народа… необходимы меры против разложения»[37].

Между тем Временное правительство не хотело утвердить жесткие меры для наведения порядка.

11 июня 1917 года главковерх генерал Брусилов доложил военному министру Александру Федоровичу Керенскому, деятелю, познавшему все прелести любви и ненависти революции, о введении смертной казни на фронте[38]*. Тот отреагировал без энтузиазма.*

А разложение армии принимает все более необратимый характер.

Деникин как военачальник, хорошо знавший строй и дух армии, чувствовал опасность ситуации. Он понимает: корниловское выступление запоздало.

В 1917 году все конфликты Деникина с Временным правительством, в какой бы форме они ни проходили, какого бы вопроса ни касались, имели одну первопричину — стимулирование Временным правительством через преступное бездействие или дилетантские деяния развала армии, а следовательно, и гибели России. Со свойственной ему прямотой Деникин обвиняет в этом правительственные круги и лично Керенского.

Политические разногласия Деникина с Временным правительством переросли в конечном итоге в открытую конфронтацию. Генерал поддержал корниловское выступление, закончившееся неудачно, был арестован и заключен в тюрьму, откуда сбежал на Дон для продолжения борьбы.

Парадоксально, отношение Керенского к Деникину, при нагнетании напряженности со стороны последнего, не было ярко выраженным враждебным. Находясь с генералом в жесткой конфронтации, Керенский между тем давал ему положительную характеристику.

Он утверждал, что тот был одним из способных офицеров Генштаба. Ему импонировало и то, что Деникин написал несколько резких статей в военной печати о старой военной бюрократии и сразу же зарекомендовал себя в начале войны боевым первоклассным офицером, быстро продвинувшимся по службе до командира корпуса. Признает Керенский и то, что его отношения с генералом были несколько противоречивы.

Деникин относился к Керенскому, по оценке бывшего главы Временного правительства, как к личности и политическому деятелю неприязненно. В то же время, Керенский подчеркнул это в своих мемуарах особенно, он не испытывал к Деникину никаких враждебных чувств, как, впрочем, и к другим генералам. Экс-

премьер попутно упрекает генерала в том, что тот не хотел признать подобного характера отношений.

При всех недостатках мемуаристики, значимость оценок Керенского усиливается тем, что они даны в воспоминаниях, написанных им незадолго до смерти. Дистанция времени позволяла давать более взвешенные оценки. Но что характерно: и в 1918 году, и в конце жизни оценка Керенским качеств Деникина была примерно одинаковой[39].

Итак, Деникин и Временное правительство во главе с Керенским в революционном 1917-м — антагонисты. Антагонизм обусловлен внутренними убеждениями генерала.

Большевизму же, особенно после прихода к власти, Деникин дает очень резкие, часто необъективные оценки, за которыми незримо присутствует эмоциональный шлейф побежденного.

Он утверждает, что весь народ был против советской власти. Но даже его соратники понимали, что дело обстоит далеко не так. «Отец» Белого дела генерал Алексеев писал в январе 1918 года, что идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков.

По-своему Деникин пытается объяснить в обобщенном виде и причины победы партии Ленина: усталость народа от войны и смуты; всеобщая неудовлетворенность существующим положением; не изжитая до конца рабская психология масс; инертность большинства, безграничное дерзание «сильного волей беспринципного меньшинства в пленительных лозунгах: власть — пролетариату, земля — крестьянам, предприятия — рабочим и немедленный мир».

Несомненно, доля истины в таких суждениях есть, особенно о пленительности для масс лозунгов большевиков. Однако большевизм — наисложнейший, неизученный до конца исторический феномен. И попытки Деникина выступить здесь в роли безапелляционного судьи выглядят не всегда убедительными.

Нельзя согласиться с тезисом об «усталости от смуты». Возникают вопросы: откуда эта смута? От кого? Почему же в конечном итоге народ пошел за носителями смуты?

Однозначные ответы, как это сделал генерал, огульно обвинив во всем большевиков, здесь, надо полагать, неуместны и некорректны.

Не прав Антон Иванович, выдвигая тезис о «рабьей психологии масс». Против него свидетельствует то, что рабы подчиняются беспрекословно власти. Однако до 7 ноября 1917 года у большевиков власти не было. Весьма проблематично и безапелляционное суждение моего героя об «инертности масс».

Против него свидетельствует масштабный размах их политизации после февраля 1917 года, приведшей к жестокой конфронтации в обществе.

Но, невзирая на предвзятость, тенденциозность оценок генерала, сам факт его попыток исследовать причины победы своих противников, можно говорить о том, что он способный аналитик происходящего.

И вообще, вся его концепция большевизма насыщена противоречиями.

Сложно смотрел на 1917 год Антон Иванович! Но если мы, его потомки, до сих пор не разобрались до конца во всех хитросплетениях русской смуты, то каково же было ему?

В СТАВКЕ ГЛАВКОВЕРХА

Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота.

Из притчей Соломоновых

Медленно тащился поезд. Перед глазами Антона Ивановича, задумчиво глядевшего в окно, мелькали украинские деревушки. Генерала терзала мысль: зачем вызвал в столицу военный министр? В телеграмме, которую ему вручили 30 марта 1917 года, о цели командировки ничего не говорилось.

Вот и Киев. Антон Иванович вышел на перрон и вдруг услышал от пробегавшего мимо мальчишки — продавца газет слова, поразившие полной неожиданностью:

«Последние новости… Назначение генерала Деникина начальником штаба верховного главнокомандующего…»

Да, революция умеет бросать людей в бездну или возносить на Олимп…

В то время верховным главнокомандующим русской армией Временное правительство назначило (правда, не без трений) генерала Алексеева вместо великого князя Николая Николаевича, которому 9 марта было сообщено Временным правительством о нежелательности его оставления в должности главковерха: «В связи с общим отношением к династии Романовых», как вещали петроградские официозы, а на самом деле — из опасения Совета рабочих и солдатских депутатов попыток военного переворота..

Назначение Деникина начальником штаба верховного главнокомандующего открыло уникальные возможности для раскрытия его полководческого таланта. Антон Иванович понимал сложность, масштабность и ответственность новой должности, он искренне отказывался от назначения, приводя достаточно серьезные мотивы: командовал всю войну дивизией и корпусом и «к этой строевой деятельности чувствовал призвание и большое увлечение»; с вопросами политики, государственной обороны и администрации в таком огромном, государственном масштабе никогда не сталкивался. Смущало его и то, что главковерха Алексеева считали мягким человеком, и правительство решило усилить его боевым генералом в роли начальника штаба. Получалось, что Деникина навязывали верховному главнокомандующему, «да еще с не слишком приятной мотивировкой».

Аргументы Деникина не убедили Гучкова.

Главковерх генерал Алексеев принял нового начальника штаба сразу по прибытии того в Могилев. Михаил Васильевич не скрывал обиды по поводу назначения Антона Ивановича:

Ну что же, раз приказано…

— Ваше превосходительство! Позволю сказать, что я на эту должность не просился и даже долго отказывался.

— Понимаете, Антон Иванович, масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка… Ну что же, будем вместе работать…

— При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявляю, что это исключительно мое личное решение.

Услышав такой ответ Антона Ивановича, главковерх переменил тон.

— Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам. Наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, уйти на первую открывшуюся армию.

Тем не менее главковерх не допустил Деникина к исполнению обязанностей. Тот жил в вагоне-гостинице, не ходил ни в ставку, ни в собрание. Но 28 марта приехал в ставку военный министр и разрубил узел: Антон Иванович вступил в должность начальника штаба главковерха с 10 апреля.

Но холодок в отношениях между Деникиным и Алексеевым остался.

Первые дни проходили в сумасшедшей гонке за временем, которого явно не хватало.

Генерал все чаще вспоминает о своей единственной, с которой никак не может встретиться.

Он искренне радуется, когда невеста спрашивает его в одном из писем, может ли она приехать в Могилев, и 4 (17) мая 1917 года пишет ей:

«Почему нельзя приехать? Конечно, можно, раз есть знакомые, где можно остановиться. Я только задерживаю радостное событие на некоторое время, так как служебная обстановка может в любой день в корне измениться, да в такой степени, что можем разминуться…

Асенька, какая там частная квартира? Я живу в том доме (рядом со штабом), в котором жил раньше бывший государь, главковерх, я, секретарь и адъютанты».

А обстановка была очень сложной, так как ставка радикально изменила статус. В кругу революционной демократии ее просто считали гнездом контрреволюции.

Но за первые три недели после Февральской революции ставка потеряла свою силу и власть. Она превратилась в орган, подчиненный военному министру. Причем правительство относилось к ставке отрицательно. В частности, ставку обвиняли в том, что якобы все назначения делаются исключительно по протекции. Деникин был не согласен с такими обвинениями.

А Временное правительство, отличающееся глубочайшим дилетантизмом в военном деле, продолжало рыть «именем революции» братскую могилу русскому офицерству. Апокалипсис революции неумолимо приближался…

И все же генерал мечтал внести достойную лепту в разработку стратегии. Однако возникла трудность. Антона Ивановича беспокоила одна черта в характере Михаила Васильевича: верховный не умел или не желал распределять среди своих главных сотрудников оперативную работу. Стратегические и другие решения принимались генералом Алексеевым единолично. Он готовил материалы и сам писал своим бисерным почерком директивы; старался держать в своих руках все отрасли управления, что при грандиозных масштабах работы было невыполнимо. Поэтому Алексеев предоставил Деникину полноту обязанностей во всем, кроме… стратегии.

Опять шли собственноручные алексеевские телеграммы стратегического характера, распоряжения, директивы, обоснование которых иногда не было понятно Деникину и генерал-квартирмейстеру Юзефовичу. Много раз втроем (Деникин, Юзефович, Марков, второй генерал-квартирмейстер) обсуждали эту проблему. Экспансивный Юзефович жаловался товарищам:

— Не могу быть я писарем. Зачем ставке квартирмейстер, когда любой писарь может переписывать директивы…

Деникин и Юзефович стали поговаривать об уходе. Марков заявил, что без них не останется ни одного дня. Наконец, Антон Иванович решил объясниться с Михаилом Васильевичем.

Генерал Алексеев искренне удивился упреку:

— Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе, что вы, Антон Иванович!

Результат беседы генерал Деникин обобщил так: оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не решили.

Опять «конференция» втроем. После долгих дебатов сошлись на следующем. Хотя общий план кампании 1917 года разработан давно и подготовка находится в такой стадии, что существенные перемены невозможны, а детали сосредоточения и развертывания войск при современном состоянии их — вопрос спорный и трудно учитываемый некоторые изменения плана Деникину удастся

провести. Уход же трех профессионалов только повредит делу и пошатнет и без того непрочное положение верховного. Поэтому решили потерпеть.

Терпеть, правда, пришлось недолго, так как в конце мая по решению Временного правительства генерал Алексеев, а за ним вскоре Деникин, Юзефович, Марков оставили ставку…

А пока Антон Иванович смог все-таки сосредоточиться на подготовке летнего наступления армии. Соответствующую директиву верховный главнокомандующий подписал в марте 1917 года. Действия генерала в этот период противоречивы. Так, на совещании в ставке 21 мая 1917 года отмечалось, что Деникин небезуспешно занимался вопросами демобилизации 40-летних солдат, проводившейся по решению Временного правительства. Он выступил умелым координатором между тылом и фронтом, что нашло одобрение у всех главкомов армиями фронтов.

Однако при оценке разведывательных данных Деникин проявил нервозность и колебания. Ставка располагала разведывательной информацией о том, что если Россия выходит из войны, то на нее сразу нападает Япония. А если Россия сможет организовать наступление, то Япония выставит на Дальний Восток один миллион человек для участия в войне на стороне русских, но потребует за это Уссурийский край. Начальник штаба главковерха, видимо, сомневался в достоверности такой информации. Тем не менее он счел нужным срочно и в строго секретном порядке направить всем главнокомандующим армиями фронтов соответствующую ориентировку.

Ему еще не хватало военного-политического кругозора, опыта руководства агентурной разведкой, находившейся у него в подчинении. Подобного опыта он не мог приобрести в войсках в тактическом звене.

Деникин считает, что готовящимся наступлением можно победоносно завершить войну. Он твердо верит в его успех. Антон Иванович с энтузиазмом поддержал идею Брусилова о создании ударных батальонов. Генерал отправил военному министру телеграмму с просьбой допустить делегацию черноморских моряков в запасные полки Петроградского и Московского гарнизонов, чтобы «после горячего призыва вызвать желающих поступить в эти батальоны и приступить к действию незамедлительно, ибо каждый день дорог».

Подобный оптимизм основывался на логике военного профессионала, учитывающего только военные факторы. Генерал не представлял в полном объеме степень разложения армии. В отличие от него более опытный генерал Алексеев понимал это. Он телеграфировал союзникам о том, что подготовка летнего

наступления серьезно осложняется «неудовлетворительным духовным состоянием армии».

Постепенно отношения начальника штаба и главковерха налаживались, а буквально перед своей отставкой он сказал Деникину:

— Вся эта постройка, несомненно, скоро рухнет, придется нам снова взяться за работу. Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?

Деникин ответил согласием.

Справка

Алексеев Михаил Васильевич родился 3(15) ноября 1857 в Тверской губернии. Умер 8. 10. 1918 в Екатеринодаре, ныне Краснодар. Один их главных руководителей российской контрреволюции в 1917–1918 годах, генерал от инфантерии (1914).

В Вязьме Михаил Васильевич поступил по экзамену вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, из полка — в Московское юнкерское училище. Училище заканчивает в 1876 году по первому разряду и выходит прапорщиком в 64-й полк, с которым отбывает в Турецкий поход (1877–1878). За храбрость получает Станислава III степени и Анну III и IV степени. Из прапорщиков он уверенно поднимается до штабс-капитана.

В 1887 году Михаил Васильевич поступает в Академию Генерального штаба, за плечами Турецкий поход и четыре года командования ротой, а всего двенадцать лет строевой службы. В 1890 году Алексеев первым в выпуске заканчивает академию, ему присуждают Милютинскую премию (по имени знаменитого военного реформатора Д. Милютина) и назначают в штаб 1-го армейского корпуса.

С 1898 года — профессор истории в Военной академии. В Русско-японскую войну 1904–1905 годов — генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии…

В 1908 году Алексеев — начальник штаба Киевского военного округа. Он без представления своим начальником произведен Николаем II в генерал-лейтенанты. Честь для избранных! В 1912 году генерал-лейтенант Алексеев назначается командиром 13-го

армейского корпуса. В 1914 году, с получением известия о мобилизации в Австро-Венгрии, в Петербурге была проведена военная игра для срочно созванных командующих приграничными военными округами и их начальников штабов. Действия Михаила Васильевича оказались настолько выше, грамотнее, что тут же было принято решение назначить его начальником штаба Юго-Западного фронта, действующего против Австро-Венгрии.

Интересный портрет Михаила Васильевича нарисовал историк М. К. Лемке[40].

«Алексеев работает неутомимо, лишая себя всякого отдыха. Скоро он ест, еще скорее, если можно так выразиться, спит, а затем спешит в свой незатейливый кабинет…

Алексеев — человек рабочий, сурово воспитанный трудной жизнью бедняка, мягкий по выражению чувств своих, но твердый в основании своих корней… Человек, которого нельзя представить ни в какой другой обстановке, практик военного дела, которое знает от юнкерского ранца до руководства крупными строевыми частями; очень доступный каждому… товарищ всех подчиненных, неспособный к интригам…

Алексеев глубоко религиозен. Он всегда истово крестится перед едой и после… Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость. Он готов в каждом видеть хорошее…

…Корнет Н. М. Алексеев[41] *имел разговор с Пустовойтенко… Пустовойтенко убеждал молодого человека выйти из строя, чтобы успокоить отца, который нервничает и тем иногда, может быть, портит дело государственной важности. Он все выслушал, очень достойно заявил, что из строя не уйдет, и вчера же отправился в свой полк…»*

После взятия крепости Перемышль, с 17 марта 1915 года, Алексеев — главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Ему пришлось пережить все беды «года великого отступления». 4 августа того же года произошло разделение фронтов на Северный и Западный.

Несмотря на то что за плечами генерала Алексеева была и строевая служба, и преподавательская деятельность, и командные должности самых высоких рангов, настоящим его призванием стала все-таки

штабная работа. Именно в ней в полной мере смогли проявиться присущие ему трудолюбие, тщательность и склонность к аналитическому мышлению. Сослуживец В. Н. Егорьев, будущий советский военачальник, вспоминал:

«Это был офицер, способный работать, ни сходя с места весь день, человек с изумительной памятью, позволявшей ему находить любую бумагу, человек, умевший одновременно диктовать разные вещи двум машинисткам, неутомимо писавший красивым бисерным почерком, вечно ровный в характере и благожелательный ко всем, в том числе и к писарям».

Именно данные качества способствовали в значительной степени тому, чтобы Михаил Васильевич занял с 23 августа 1915 года должность начальника штаба верховного главнокомандующего, в которую скоро себя назначил Николай II. Таким образом, генерал Алексеев оказался де-факто руководителем российских вооруженных сил. За короткое время он получает ордена Белого Орла, Владимира и генерал-адъютантство.

В ноябре 1916 года генерал Алексеев вынужден уехать в Севастополь на лечение. В Морское собрание, где он разместился, подан прямой провод из ставки. Здесь случилось довольно интересное событие. На аудиенцию к нему прибыли представители некоторых думских и общественных кругов, которые совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Хотя в беседе с ними генерал указал на недопустимость каких бы то ни было потрясений основ государственности во время войны, тем не менее не донес о заговоре государю, как того, казалось бы, требовал долг присяги.

В судьбоносные часы февраля 1917 года при опросе командующих фронтов об участи Николая II генерал Алексеев высказался за незамедлительное отречение царя от престола и предпринял для этого все возможное. Император пережил это чрезвычайно болезненно, вполне справедливо приняв за измену.

После падения династии Романовых Алексеев — верховный главнокомандующий. Но 21 мая 1917 года его сместили, ушел в отставку и Гучков, вместо него военным министром теперь — Керенский. Обязанности главковерха принимает генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Михаил Васильевич простится с войсками трогательными словами в своем последнем приказе:

«Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути русской армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина.

И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родную землю.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего Главнокомандующего.

Не поминайте лихом.

Генерал Алексеев».

Алексеев уедет в Смоленск, хотя и будет числиться в должности военного советника Временного правительства. В Смоленске старый генерал (старый не по возрасту, а по усталости и болезням) проживал на Верхне-Пятницкой улице в доме Пастухова. Там же он приступил к созданию «Алексеевской организации». Это уже то, что называют контрреволюцией…

Вот с какой уникальной личностью служит бок о бок в ставке Антон Иванович.

Однако должность начальника штаба главковерха все больше начинала тяготить Деникина. Вслед за отставкой генерала Алексеева он принимает решение уйти из ставки. Такая возможность представилась в реальности.

Новый верховный главнокомандующий А. А. Брусилов оставил нам интересные воспоминания о первой встрече с Антоном Ивановичем.

Встретив нового главковерха на вокзале, Деникин здесь же попросил дать ему какую-либо армию, так как обширная стратегическая и особенно канцелярская работа для него не под силу. Брусилов согласился. Вскоре открылись вакансии главкома армиями Северного и главкома армиями Западного фронтов. Деникина больше устраивал Западный фронт. По его мнению, на Северном фронте обстановка хотя и была трудной, но дела мало, на Западном же фронте открывалось широкое поле деятельности, можно с успехом развивать боевые операции.

Генерал Брусилов, памятуя, что Деникин, «отличный боевой генерал и при отсутствии соперников на своем фронте не будет

иметь случая применять дурные черты своего характера на деле», дал добро. По утверждению Брусилова, Деникин в прежде занимаемой должности чувствовал себя неуютно:

«Более неподходящего человека к занятию этой должности, конечно, надо было найти, и кто рекомендовал его на эту должность — понять не могу».

Другую версию излагает в «Очерках русской смуты» Деникин.

Он вспоминает, что ставка встретила нового главковерха необычайно сухо и холодно, так как Брусилову не могли простить революционно-демократических взглядов. И Деникин не мог в силу внутренних убеждений работать с Брусиловым. Поэтому Антона Ивановича удивил тот диалог, который произошел между ним и новым главковерхом:

— Что же вы, Антон Иванович! Я думал, что встречу в вас своего боевого товарища, что будем вместе работать, а вы смотрите на меня волком…

— Это не совсем так: мое дальнейшее пребывание во главе ставки невозможно, да, кроме того, известно, что на мою должность предназначен уже Лукомский.

— Что? Как они посмели назначить его без моего ведома?

Больше ни Деникин, ни Брусилов к этому вопросу не возвращались. Антон Иванович в ожидании заместителя продолжал работать с Брусиловым дней десять. В нравственном отношении работа была для него крайне тяжелой.

С Алексеем Алексеевичем Антона Ивановича связывала служба с первых дней войны. С новым главковерхом он пережил много тяжелых и радостных дней боевого счастья — никогда не забываемых. Но Деникин тяжело воспринимал «другого» Брусилова, который так нерасчетливо не только для себя, но и для армии терял обаяние своего имени. Во время докладов каждый вопрос, в котором отстаивание здравых начал военного строя могло быть сочтено за недостаток «демократичности», получал заведомо отрицательное решение. Было бесполезно что-либо оспаривать и доказывать. Иногда главковерх прерывал текущий доклад и взволнованно говорил:

— Антон Иванович! Вы думаете мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю.

Вопрос о назначении Деникина занимал Брусилова более чем Антона Ивановича. Деникин отказался высказать свои пожелания, заявив, что пойдет туда, куда назначат. Шли какие-то переговоры с Керенским. И однажды главковерх сказал Антону Ивановичу:

— *Они* боятся, что, если вас назначат на фронт, вы начнете разгонять комитеты.

Антон Иванович улыбнулся:

— Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану.

Деникин не придал никакого значения этому полушутливому разговору, но в тот же день через секретаря прошла телеграмма Керенскому:

«Переговорил с Деникиным. Препятствия устранены. Прошу о назначении его главнокомандующим Западного фронта».

И генерал-лейтенант Деникин уехал в Минск, взяв с собой в качестве начальника штаба генерал-майора Маркова. Перед этим состоялась короткая встреча Антона Ивановича и Ксении Васильевны, которой он ранее писал:

«Низко кланяюсь и прошу исполнить Твое обещание — прибыть в Могилев… Жду с невероятным нетерпением».

Асе удалось прибыть в Могилев до отъезда своего жениха в Минск, где размещался штаб Западного фронта, которым он командовал.

Возвращаясь к версии Брусилова, заметим, что тот в своих воспоминаниях почему-то умолчал об одном важном моменте. В приказе № 433 от 10 июня 1917 года в связи с назначением Деникина главнокомандующим армиями Западного фронта новый главковерх писал:

«…Являясь ближайшим сотрудником верховного главнокомандующего „во всех вопросах высшего командования“, генерал с горячей любовью к Родине, с глубоким знанием военного дела и с редкой прямолинейностью и самоотвержением выполнял многочисленные обязанности по службе…

Немного пробыл генерал Деникин на должности начальника штаба верховного главнокомандующего, но и за короткое время успел полно и ярко проявить все свои знания и громадные силы духа и характера, заслужив уважение своих сослуживцев и подчиненных».

Думаю, что некоторую ясность в проблему вносит переписка Антона Ивановича со своей невестой:

«21 апреля (4 мая) 1917.

Горизонт не проясняется. Все еще политическая война бушует на грани здравого смысла. Остановится или перевалит?» «4 (17) мая 1917.

Перемена военного министра (Керенский заместил Гучкова) несомненно отразится на всей высшей военной иерархии».

«14 (27) мая 1917.

Медленно, но верно идет разложение. Борюсь всеми силами. Ясно и определенно стараюсь опорочить всякую меру, вредную для армии, и в докладах, и непосредственно в столице. Результаты

малые… Но создал себе определенную репутацию. В служебном отношении это плохо (мне, по существу, безразлично). А в отношении совести покойно. Декларация воина-гражданина (Керенского) вколотила один из последних гвоздей в гроб армии. А могильщиков не разберешь: что они, сознательно или не понимая, хоронят нашу армию?

Ежедневно передо мной проходит галерея типов: и фактически (лично), и в переписке. Редкие люди сохранили прямоту и достоинство. Во множестве хамелеоны и приспосабливающиеся. От них скверно. Много искреннего горя. От них жутко». «Май 1917.

Временное правительство, относясь отрицательно к направлению ставки, пожелало переменить состав ее (Брусилов заменяет Алексеева). Ухожу и я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно: я горжусь этим. Считают — это хорошо, — что „мало гибкости“. Гибкостью у них называется приспособляемость и ползание на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушивать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии.

Странно уже совсем: предложили должность командующего фронтом, отказался наотрез. Предложили должность главкосева, отказался наотрез. Предложили главкозапа[42]*— полусогласился, указав, однако, что мое отрицательное отношение к гибельным экспериментам с армией нисколько не изменится.*

Назначение мое на такой высокий пост было бы крайне непоследовательным… Пост более скромный — командарма — удовлетворило бы меня вполне. А тебя?»

Но приведенные здесь версии ухода Деникина из ставки все же противоречивы. Подлинную картину сегодня вряд ли можно восстановить.

Уходу Деникина из ставки способствовало и то, что он не видел позитивной реакции Временного правительства на *регулярную* информацию о тревожном положении армии.

Наш маршрут лежит далее — на Западный фронт, где Антону Ивановичу предстоит стать одной их ключевых фигур в последнем наступлении русской армии…

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

За одного битого двух небитых дают.

Русская поговорка

На Западном фронте Деникин сменил генерала Гурко, отправленного Керенским в отставку по политическим мотивам. Деникин попал в заколдованный круг, в который тогда попали честные, профессиональные военачальники армии старой России. Что им было делать? Идти с Керенским и ломать собственными руками здание, которое солдаты Отечества строили всю сознательную жизнь? Совесть не позволяет! Уйти, оголив фронт противнику? Да ведь это же дезертирство!

Оставалось одно: стиснув зубы, выполнять воинский долг, как бы это ни было трудно. Что и делал Антон Иванович.

Приняв под главное командование армии Западного фронта, генерал Деникин стал претворять в жизнь свои наработки по летнему наступлению русской армии, сделанные в ставке. Появилась реальная возможность проверить правильность расчетов.

Соотношение сил и средств было примерно равным (см. Приложение 6). Правда, у немцев было превосходство по тяжелым орудиям и гаубицам.

Однако моральный дух русской армии становился все слабее. Временное правительство, объявив о «войне до победного конца», похоронило надежду на скорое завершение опостылевшей всем войны. Тлетворное влияние приказа № 1, разложившее в одночасье тыловые гарнизоны, стало все больше ощущаться и на фронте. А тут еще Керенский подлил масла в огонь, издав знаменитую «Декларацию прав солдата»[43].

Причем во всех армиях воюющих сторон налицо элементы разложения личного состава. Это нашло проявление в таком действе, как братание. В борьбу за армию вступают политические партии, в первую очередь большевики и эсеры. Подобное не могло обойти стороной Западный фронт. Только с 19 по 31 мая из запасных частей дезертировал 2931 человек. Главком воочию, а не по сводкам штаба ставки столкнулся с таким явлением, как митинговая демократия. 169-я пехотная дивизия, например, на митинге приняла резолюцию против наступления, считая его изменой лозунгам «провозглашенным революционной демократией».

У Антона Ивановича имелись все основания написать 25 июня (8 июля) 1917 года Ксении Васильевне:

«Крайне медленно, с большим трудом и с большими трениями налаживается боевая работа. Едва ли не самая неблагодарная почва, вспаханная успешными руками противогосударственных и пораженческих элементов, оказалась на моем фронте».

Не помогли и уговоры приехавшего на передовую главковерха генерала Брусилова. Тогда верховный, видимо, с целью показать, что он предпринимает нечто эффективное для успеха наступления, сместил с должности командующего 10-й армией генерала Кислевского. Это в то время, когда до наступления оставалось 10 дней! Деникин с трудом отстоял своего кандидата командира 8-го корпуса генерала Ломновского, принявшего командование армией всего лишь за три дня до наступления.

С приездом Брусилова вышло досадное недоразумение: штаб армии ошибочно уведомил войска, что едет Керенский. Недоразумение вызвало сильное неудовольствие и брожение в войсках; многие части заявили, что их обманывают, и если сам товарищ Керенский лично не велит им наступать, то они наступать не будут. 2-я Кавказская дивизия послала даже делегацию в Петроград за справкой. С трудом удалось успокоить их обещанием, что товарищ Керенский приедет на днях. Пришлось пригласить военного министра.

Керенский приехал с неохотой, уже разочарованный неудачным опытом словесной кампании на Юго-Западном фронте. Несколько дней объезжал он войска. Умел красиво говорить Александр Федорович, настоящий трибун революции! Даже на боевого русского генерала произвел впечатление, о чем тот написал невесте 28 июня (11 июля) 1917 года:

«Сегодня вернулся с фронта, где был с Керенским. Он произнес поистине вдохновенную речь комитетам. В газетах она переврана и бледна. Впечатление, несомненно, произведено».

Были и неожиданности. Керенский прервал объезд, будучи приглашен в Петроград 4 июля; вернулся с новым подъемом и новой темой дня, использовав в полной мере «нож, воткнутый в спину революции». Но, окончив объезд фронта и вернувшись в ставку, решительно заявил Брусилову: «Ни в какой успех наступления я не верю».

Деникину и его штабу в отличие от Керенского некогда было оттачивать мастерство публичного выступления. Главкозап непрерывно анализировал поступающую информацию, осознав сложность обстановки, он не паниковал, а действовал последовательно и настойчиво, не терял оптимизма.

30 июня 1917 года за 20 дней до начала наступления главнокомандующий армиями Западного фронта отдал приказ войскам, который был напечатан в газетах:

«Русские армии Юго-Западного фронта нанесли сегодня поражение врагу, прорвав его линии. Началась решительная битва, от которой зависит участь русского народа и его свободы. Наши братья на Юго-Западном фронте победоносно двигаются вперед, не щадя своей жизни, и ждут от нас скорой помощи. Мы не будем предателями. Скоро услышит враг гром наших пушек. Призываю войска Западного фронта напрячь все силы и скорее подготовиться к наступлению, иначе проклянет нас народ русский, который вверил нам защиту своей свободы, чести и достояния».

Подобный приказ — жест отчаяния глазкозапа, который был бессилен двинуть войска в наступление, облегчить тем самым положение соседей. Генерал Деникин, знаток стратегии, пошел даже на элементарное нарушение условий скрытности операции. Он рассчитывал столь неординарным поступком удержать немецкие дивизии, снимаемые с фронта и отправляемые против Юго-Западного фронта и союзников. Антон Иванович в данной связи вспоминал:

«Не знаю, поняли ли всю внутреннюю драму русской армии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Вся стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел ценой обнаружения своих намерений удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта и отправляемые против Юго-Западного и против союзников».

Если с точки зрения законов ведения войны генерал совершил воинское преступление, то, учитывая положение дел в стране и на фронте, в войсках, он совершил отчаянно смелый акт гражданского мужества.

Немцы откликнулись на неординарную психологическую операцию главкозапа тотчас же, прислав на фронт прокламацию, в которой говорилось:

«Русские солдаты! Ваш главнокомандующий Западным фронтом снова призывает вас к сражениям. Мы знаем об его приказе, знаем также о той лживой вести, будто наши позиции к юго-востоку от Львова прорваны. Не верьте этому. На самом деле тысячи русских трупов лежат перед нашими окопами. Наступление никогда не приблизит мир. Если же вы все-таки последуете зову ваших начальников, подкупленных Англией, то тогда мы будем до тех пор продолжать борьбу, пока вы не будете

лежать в земле».

Тоже мощный ответный ход генерала Людендорфа в плане информационно-психологического противоборства с противником.

20 июля 1917 года Деникин отдал 10-й армии приказ атаковать противника, а прочим армиям — «поддерживать и развивать удар».

22 июля 1917 года в 7 часов войска ударной группы под прикрытием мощного огня артиллерии перешли в наступление. Начало было обнадеживающим: сломили сопротивление противника, прорвав линию его обороны.

Особенно успешно развивалось наступление на участках 1-го Сибирского и 38-го корпусов. Их части почти с ходу заняли прорванную линию окопов противника, а 175-я дивизия проникла во вторую линию. 1-й Сибирский корпус взял в плен 140 офицеров, 1250 солдат, захвачено 56 пулеметов, 28 бомбометов, 38-й корпус взял в плен 100 офицеров, 4 прапорщика, около 650 солдат.

Но успех был утрачен. Началось дезертирство. Солдаты многих частей поодиночке, группами, целыми ротами уходили с позиций, захваченных у противника, считая, что свои задачи они выполнили.

Начальник штаба Западного фронта генерал Марков доложил в ставку главковерха выводы из оценки обстановки после первых двух дней наступления. В донесении успех 1-го Сибирского и 38-го корпусов расценивался как результат обычной артподготовки, что подтверждалось показаниями пленных, свидетельствующих о больших материальных и людских потерях противника, о моральном потрясении[44].

Главная причина неудач — отсутствие боевого духа войск, общая усталость и разочарование в самом характере войны, ее все большая отстраненность от интересов России, ее народа.

Ряды бойцов, докладывал в ставку генерал Марков, «редеют быстро не только от огня, но и от разбегающихся»[45].

Судьба фронта была предрешена, и Деникин понял это через три дня после начала наступления.

Соотношение сил и средств было в пользу главнокомандующего армиями Западного фронта. На 13-километровом фронте он располагал 184 батальонами против 29 немецких батальонов. 138 батальонов Деникина были введены в бой против 17 перволинейных батальонов противника[46]. Но разложенные русские войска потерпели поражение даже при таком колоссальном превосходстве в силах и средствах. Небезынтересно отметить, что противостоящий тогда главкозапу

немецкий генерал Э. Людендорф, оценивая факт очищения русскими войсками занятых окопов первой линии, писал:

«Положение в течение нескольких дней представлялось очень тяжелым, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили фронт. Русские оставили наши траншеи. Это были уже не прежние русские солдаты…»

Потерпев тяжелое поражение, Деникин анализирует случившееся. Главную причину он видит, *и вполне обоснованно,* в том, что войска разложились, моральный дух офицеров и солдат упал. В этом генерал обвиняет Временное правительство, которое дилетантской политикой в военном строительстве создало условия для гибели армии. Подтверждение его правоты — поражение войск Западного фронта при превосходстве над противником в силах и средствах.

Правда, Керенский впоследствии в своих мемуарах попытался снять ответственность с себя и правительства за провал июльского наступления армии. В частности, он обвиняет Деникина в поражении войск вверенного ему фронта.

Если бы Деникин не поддался пессимизму, не бросил фронт, вернувшись в свой штаб в Минск, «быть может те несколько дней, когда положение казалось крайне серьезным, не пришло бы к такому неожиданному концу».

По-моему, Керенский здесь излишне категоричен. Он не хочет признать того, что армия к моменту июльского наступления была небоеспособна в силу обвального разложения. Управление ею все больше терялось.

Обдумывая свое поражение, Деникин выдвинул ряд дискуссионных положений. Он утверждает, что июльская трагедия несомненно произвела на солдат несколько отрезвляющее впечатление. Они почувствовали какую-то власть, какой-то авторитет и поэтому несколько присмирели, заняв выжидательное положение. Главкозап подметил также, что прекращение серьезных боевых операций и вечно нервного напряжения «вызвало временную реакцию, проявившуюся в некоторой апатии и несопротивлении».

И здесь же он говорит, что это был второй момент в жизни армии (первый — в начале марта), который, будучи немедленно и надлежаще использован, «мог стать поворотным пунктом в истории русской революции».

Я думаю, то, что солдаты стали чувствовать больший авторитет офицеров, — следствие субъективного отражения объективной реальности генералом как непосредственным участником событий. Оно не лишено оснований.

Но нельзя не учитывать, что армия в тот период была до

предела политизирована, находилась под влиянием пропаганды, особенно большевистской и эсеровской. Обе партии умело использовали позор июльской катастрофы для укрепления своих идеологических и организационных позиций в армии. А ведь одно из направлений их пропаганды — углубление раскола между офицерами, проводниками государственной линии, и солдатами, в основном крестьянской массы в шинелях.

Относительно тезиса об углублении апатии среди войск заметим, что психологически все обосновано. Спало напряжение, нет активных боевых действий.

Гипотеза же Деникина о возможности взять руководство армией в твердые руки после провала летнего наступления, весьма проблематична. По крайней мере, неудача корниловского выступления свидетельствует об излишнем оптимизме и субъективизме генерала.

Вскоре после своего фиаско Деникин был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Должность освободил генерал Корнилов, назначенный верховным главнокомандующим. Но как военачальник Антон Иванович не смог здесь себя проявить, так как в этой должности находился короткое время и занимался рутинной работой по восстановлению боеспособности изрядно потрепанных войск. Кроме того, вскоре началось корниловское выступление.

Итак, перед нами Деникин — военачальник-неудачник. Но здесь не вина его, а беда: русская армия в ходе революции 1917 года быстрыми темпами шла к своему концу. Однако нельзя утверждать, что генерал Деникин не приобрел никакого опыта. Отрицательный результат — это тоже результат.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГЛАДИАТОР: ВЫХОД НА АРЕНУ

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей…
— Свобода! — Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, —
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

Марина Цветаева

Аксиома: политика пронизывает всю жизнь социума. Однако как часто любят отдельные индивидуумы гордо заявлять: «Я — вне политики». К числу таких людей относился и Антон Иванович, наивно полагавший, к примеру, что ставка главковерха была аполитичной, в то же время он противоречил самому себе.

Генерал сокрушается по поводу того, что офицерская делегация ставки во главе с несколькими генералами шла на первомайской демонстрации «в колонне, среди которой реяли большевистские знамена, и из которой временами раздавались звуки Интернационала».

В подобных противоречиях, свойственных Антону Ивановичу, ничего удивительного нет. Менталитет офицера армии царской России определялся четкой идеологической формой. «За веру, царя и Отечество».

В ходе развития политических событий в 1917 году взгляды Деникина резко эволюционировали вправо. Но, как ни парадоксально, ядро либерально-демократических взглядов, сформировавшихся у Антона Ивановича до 1917 года, до конца не было уничтожено. Загадочная русская душа…

Выход Деникина на политическую арену состоялся в ставке верховного главнокомандующего, где он с первых дней понял, что придется заниматься вопросами не только стратегии, но и политики. Это вполне закономерно: военная стратегия — прямая

производная от политики. Но Антон Иванович не думал, что политика станет в его деятельности *доминирующей, превратит его в военно-политическую фигуру*. Это произошло в сложное для России и ее армии время.

Приняв должность в сложной обстановке, Деникин поставил перед собой цель: чтобы сохранить в русской армии способность удержать хотя бы Восточный фронт, необходимо препятствовать течениям в армии, а также поддерживать права, власть и авторитет верховного главнокомандующего.

А это не что иное, как жесткая политическая борьба в контексте революционных событий.

Генерал пытался внедрить государственный подход к решению важных гражданских дел. Об этом свидетельствует телеграммная переписка с министром земледелия (апрель 1917 года). Поводом для нее послужили перебои в снабжении Кавказской армии продовольствием и фуражом (положение создалось критическое, так как армия была снабжена всего лишь на 10 процентов от потребности).

Наштаверх[47] увидел здесь не только организационно-техническую сторону. Он понял: прогрессирует разложение не только армии, но и государства, и предупредил министра — если не будет принято эффективных мер, политические последствия будут катастрофическими. Но у министра земледелия не было ресурсов. Антон Иванович вынужден дать телеграмму на Кавказ, предписывающую опираться на внутренние резервы в снабжении армии.

В процессе политической деятельности в качестве начальника штаба ставки главковерха Антон Иванович все более попадает в своеобразные ножницы: политические реалии вошли в противоречие с нравственными ценностями генерала. Политически наивный, но честный воин «открывает Америку»: политика — вещь не всегда порядочная.

Увеличению политического веса Антона Ивановича способствовало его участие в Учредительном съезде Союза офицеров армии и флота, который, несмотря на заклинания ее руководителей об аполитичности, буквально сразу становится одной из крупных организаций российской контрреволюции.

Но первоначально и главковерх, и его начальник штаба отрицательно отнеслись к идее создания союза. Они опасались появления в офицерском корпусе коллективного самоуправления, считали, что создание самостоятельной офицерской организации еще более углубит рознь между солдатами и офицерами. Однако декларация, дававшая армии полную свободу съездов, собраний, уже была подписана, и главковерх одобрил созыв съезда

офицеров, подчеркнув, что не может быть никакого давления ни его именем, ни именем начальника штаба.

Невзирая на препятствия, в Могилеве собралось 298 делегатов, в том числе 241 офицер от фронта и 57 от тыловых гарнизонов. Они являлись представителями офицерского корпуса, качественный состав которого существенно изменился за годы Первой мировой войны в связи с колоссальными потерями.

7 (20) мая 1917 года съезд открылся речью верховного главнокомандующего. В тот день впервые не в секретных заседаниях, не в доверительной переписке, а открыто, на всю страну верховное командование армии сказало: «Россия погибает!»

Обрисовав положение в стране и на фронтах, генерал Алексеев буквально выкрикнул: «Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы работать».

Эта речь, в которой прозвучала тревога сердца пламенного русского патриота, послужила прологом к его уходу. Революционная демократия вынесла свой приговор генералу Алексееву. В левой прессе сразу началась жестокая кампания против главковерха, которую де-факто поддержал Керенский.

Антон Иванович в своем выступлении коснулся внутреннего положения страны:

«…В силу неизбежности исторических законов пало самодержавие, и страна наша перешла к народовластию. Мы стоим на грани новой жизни, страстной и долгожданной, за которую несли головы на плаху, томились в рудниках, чахли в тундрах многие тысячи идеалистов.

Но глядим в будущее с тревогой и недоумением. Ибо нет свободы в революционном застенке! Нет правды в подделке народного голоса! Нет равенства в травле классов! И нет силы в той безумной вакханалии, где кругом стремятся урвать все, что возможно, за счет истерзанной Родины, где тысячи жадных рук тянутся к власти, расшатывая ее устои».

Но поистине программную речь боевой русский генерал произнес при закрытии съезда. Генерал Алексеев уже был смещен с поста верховного главнокомандующего, и Деникин говорил за двоих. Пламенно и страстно:

«Верховный главнокомандующий, покидая свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью и живет той же надеждою на возрождение истерзанной, но великой русской армии.

Позвольте и мне от себя сказать несколько слов.

С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря.

Вы — бессчетное число раз стоявшие пред лицом смерти! Вы — бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенные снарядов! Вы — скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нет!

Слабые — поднимите головы. Сильные — передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что осталось на грани упраздняемого ныне здравого смысла.

С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад — к бесправию и нищете духовной, а вперед — к свободе, свету.

И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит с ним и с войной.

Прожив с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливший с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею права бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом… я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее чем вы условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:

Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Отпечатанный текст речи Антона Ивановича распространился по фронту. И он был счастлив, узнав из многих телеграмм и

писем, что слово, сказанное в защиту офицера, дошло до ума и сердца фронтового офицерства, проливающего кровь за Россию.

Делегаты съезда солидаризовались с позициями Деникина. В уставе Союза офицеров армии и флота было зафиксировано, что союз, исключая всякие политические цели, ставит своей задачей «поднятие боевой мощи армии во имя спасения Родины». Но идея Деникина, поддержанная делегатами, являлась нереальной. Союз превратился в сугубо политическую организацию. Он сыграл, в частности, крупную роль в подготовке корниловского выступления.

Подобная эволюция Союза офицеров является следствием жестокой конфронтации, порожденной непродуманными мерами демократизации армии, приведшими к вакханалии беззакония, убийств и издевательств над офицерами. Психологию разбушевавшейся толпы хорошо выразил писатель Артем Веселый: «Раз офицер — значит, контрик».

И полилась рекою кровь многострадального русского офицерства (см. Приложение 7).

Конфронтацию эту всемерно стимулировала организационно-политическая работа в армии левых партий, в первую очередь большевиков и эсеров.

После съезда популярность Деникина среди войсковых офицеров значительно выросла. Антон Иванович избирается почетным членом Союза офицеров. Но реальной работы в нем не ведет. Его бездействие демонстрирует нигилистическое отношение к новообразованиям, подрывающим незыблемый принцип единоначалия.

Вместе с тем, будучи вторым должностным лицом в ставке, он принимает самые энергичные меры, чтобы побудить Временное правительство защитить офицеров, оградить их от самосудов и звереющей толпы, дать им заниматься своим делом, искони веку к коему они предназначены — Родину защищать.

Увы, Временное правительство оставалось глухим. Оно стремительно теряло свой авторитет, нити контроля, демонстрируя полную неспособность навести в стране порядок. Генерал приходит к выводу, что необходимо установить диктатуру, которая, по его оценке, будет не реакционной и контрреволюционной, а созидательной силой и спасет гибнущую Россию.

Правомочность деникинской позиции о диктатуре как созидательной силе для спасения России вызывает у меня возражения.

В том, что революция порождает контрреволюцию, видимо, не будут сомневаться даже самые ярые противники марксизма,

если они, конечно, не стоят на позициях зоологического антикоммунизма. Но революция всегда разрушительна, так как она ломает старое. И данный процесс может усилить деструктивный аспект, и возникнет угроза существования не только государству, но и народу вообще. В такой момент контрреволюция становится особенно активной.

Причем все противоборствующие стороны, независимо от того, отождествляли ли они себя с революцией или с контрреволюцией, желая построить новую Россию, которая, судя по их программам, радикальным образом отличалась бы от императорской России, предпочитали жестокую конфронтацию поиску разумных компромиссов.

История нашей революции — история жесточайшего антагонизма противоборствующих сторон. И идея Деникина об установлении в тех условиях диктатуры как созидательной альтернативы революции *утопична.* Данный процесс не мог бы пройти без насильственных актов, больших жертв. И созидательное начало диктатуры, на которое надеялся генерал, превратилось бы в свою противоположность — мощный стимулятор разрушительных процессов.

Деникин с первых дней пребывания в ставке, негативно воспринял мероприятия Временного правительства, проводимые в рамках демократизации армии. Военный профессионал, он не принял позицию военного министра Гучкова. Тот объяснял введение данных мер так:

…Надо прекратить процесс упадка воинской дисциплины, предупредить солдатские бунты, которые могут «смести последние остатки нашего командного состава и вообще все здоровые элементы общества».

Критически отнесся Антон Иванович к увольнению огромного числа генералов. После свержения самодержавия было снято с должности 140 генералов, среди которых 33 — сняты «по обстоятельствам настоящего времени», то есть не желали продолжать службу в условиях проведения демократизации армии, что приводило к ее разложению.

Возмущаясь подобным, Деникин признает, что многие из уволенных генералов вряд ли представляли ценность для армии. Ведь среди них были фигуры одиозные, державшиеся только «благодаря попустительству власти».

Деникину и Алексееву было очень трудно подобрать генералов на руководящие должности из числа резерва.

Но грандиозная чистка в армии цели так и не достигла. Она, по мнению Антона Ивановича, окончательно подорвала веру в генералитет и дала внешнее оправдание комитетскому и

солдатскому произволу над отдельными представителями командования.

«Быть может, выдвинулось несколько единичных „талантов“, но наряду с ними двинулись вверх десятки, сотни людей случая, а не знания и энергии».

Деникин в «Очерках русской смуты» безапелляционно разделил высший генералитет русской армии на три категории: боровшиеся против демократизации, поощрявшие демократию, не боровшиеся против демократии. По его подсчетам, получается, что «оппортунистов» было почти в 2 раза больше.

Антон Иванович посчитал, что главное зло — армейские комитеты. Он не мог безропотно принять то, что русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов, чуждых ей, случайно попавших в ее ряды, представлявших скорее межпартийные, нежели военные органы.

Первая стычка генерала с солдатским комитетом ставки произошла вскоре после назначения на должность. Комитет постановил: удалить с должности коменданта главной квартиры. Антон Иванович категорически отказал. Тогда комитет за неповиновение решил применить к нему вооруженную силу. Генерал Алексеев, узнав об этом, пришел в негодование, в каком Деникину редко приходилось его видеть.

— Пусть попробуют. Я сам пойду туда. Возьму взвод полевых жандармов и перестреляю этих.

Произвести испытание верности полевой жандармерии не пришлось. Генерал С. сам умолял не оставлять его в должности и отпустить:

— Бог знает, чем это кончится…

Антон Иванович начинает с комитетами гладиаторский поединок.

В апреле 1917 года начальник штаба ставки верховного главнокомандующего в предписании № 685 начальнику штаба Юго-Западного фронта предупреждает о недопустимости насильственного удаления комитетами начальствующих лиц, считая, что это «является демократизацией армии».

Деникин от имени главковерха приказал: во всех подобных случаях принимать самые настойчивые меры нравственного и служебного воздействия для возвращения удаленных начальников к своим частям, «даже если бы пришлось поступиться их тяжелым нравственным состоянием: выборное начало гибельно для армии». В случае полной невозможности возвращения офицеров, следует прикомандировывать их к другим частям, выводить в резерв; строевые и штаб-офицеры могут направляться через запасные полки в новые строевые части; офицеры гвардейских частей,

которые не могут оставаться в своих частях, следует отправлять на другие фронты.

В директиве генерала Деникина налицо продуманные меры, однако в жизнь проводить было трудно из-за прогрессирующего разложения армии: комитеты плодились как грибы после дождя. Планировалось их комплектовать из всех категорий военнослужащих. В приказе по войскам Петроградского военного округа от 26 марта 1917 года утверждалось, например, создание ротных, батальонных комитетов в составе 1 офицера и 4 солдат.

Но на практике, как правильно подметил Деникин, верховодили солдаты. Комитеты являлись большими и дорогостоящими организациями. Содержание их обходилось казне в 250 тысяч рублей в месяц. Впечатляет и то, что в целом по армии число членов в комитетах различных уровней достигло почти 300 тысяч человек, оторванных от выполнения своих непосредственных обязанностей.

Причем в их числе преобладал, по меткому выражению Антона Ивановича, «не настоящий боевой элемент», а те, кто могли покорить солдатское сердце «хорошо связанной речью, внешней политической полировкой, вынесенной из откровенной партийной литературы».

Характерно, что еще находясь в ставке, Деникин включился в кампанию по обвинению Ленина в шпионаже в пользу Германии. В то далекое время его явно устраивали бездоказательные компрометирующие материалы, введенные в оборот А. Г. Амалинским.

Небезынтересны в данной связи свидетельства М. Д. Бонч-Бруевича, утверждавшего, что Деникин принудил вернувшегося из немецкого плена прапорщика Ермоленко дать показания в контрразведке ставки, что Ленин — агент германского штаба.

«Контрррразведка штаба верховного главнокомандующего находилась в это время в ведении генерала Деникина, человека морально нечистоплотного, — писал М. Д. Бонч-Бруевич… — Не было сомнений, что все остальные показания возвратившегося из плена прапорщика были написаны им, если не под диктовку Деникина, то с его благословения…»

Не вступая в полемику, отметим, однако, два момента, не вызывающие возражений: генерал Деникин пользуется для доказательства своих взглядов материалами сомнительного характера; Бонч-Бруевич заведомо бездоказательно обвиняет Деникина в моральной нечистоплотности.

Это при том, что современная историческая наука до сих пор не внесла полную ясность в вопрос, а был ли Ленин немецким шпионом?[48]…

Однако для генерала участие в антиленинской кампании — это всего лишь возможность притормозить разложение армии.

Степень приобщения Антона Ивановича к политической деятельности стала таковой, что он уже не мог не заниматься ею даже после ухода из ставки главковерха.

Но он еще не ведал, какие жесткие политические баталии ждут его впереди…

ПОЛИТИКА НА КРОВИ

Начиная с определенной точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь.

Франц Кафка

Главковерх Брусилов читал рапорт генерала Деникина:

«На окраине селения меня ждал не построенный полк, а толпа стоящих и сидящих солдат. Без оружия, без поясов, многие босы или без фуражек, с папиросами в зубах. Эта одичалая толпа почти не ответила на мое приветствие. Заставить выслушать всех мешал общий гул и дикие отдельные выкрики. Пришлось говорить лишь с ближайшими, стараясь уяснить себе настроения солдат. Нет возможности передавать вопросы и ответы этих сбитых в банду людей.

Всяческие напоминания о долге перед Родиной, повиновении начальству, Временному правительству, министру Керенскому вызывали или бурю негодования, или бессмысленную полуругань, полуиздевательство. Перестали верить всем, не верили сами себе. О наступлении говорили почти с яростью, уверяя, что все это выдумало начальство, которое хочет всех погубить.

Во время моих уговоров о необходимости наступать раздавались крики, кто хочет, пусть наступает, а мы не пойдем. Эти крики подхватились дружно возбужденной толпой. Картина полного разложения полка была очевидной с первых же минут разговора с ними…

…В этой банде большевиков было делать нечего.

Никакие причины, конечно, не снимают нравственной ответственности перед Родиной с нас, с начальников…

Но сто крат будет ужаснее и беспощаднее приговор истории над теми, кто, взяв в руки власть, не обрушил всей силы ее, всей беспощадности на сеющих анархию за немецкий счет».

Тяжело вздохнув, главковерх хорошо отточенным карандашом наложил на рапорте резолюцию: «Все это печально, но я это знаю…»[49]

Не лукавил Брусилов: действительно, все он знал. Сам еще раньше посылал тревожные сигналы власть имущим (см. Приложение 8). Только реакции почти никакой…

Да, попал Антон Иванович с первого дня своего главнокомандования армиями Западного фронта в вулкан политических страстей… Политика здесь строилась на крови,

обильно пролитой в позорное летнее наступление русской армии.

На фронте в солдатской массе все больше правили бал партии большевиков и эсеров. Они завоевывали солдатские сердца, проклинавшие всем опостылевшую войну, столь изголодавшиеся по миру и земле, не только умением, но и, что немаловажно, числом. С мая по октябрь 1917 года в 103 фронтовых частях функционировали организации РСДРП (б), объединявшие 3787 членов. А в 12-й армии даже осенью 1917 года насчитывалось более 150 партийных организаций эсеров с 60 тысячами членов.

К своеобразию обстановки, в которой Антон Иванович начал политическую деятельность на Западном фронте, следует отнести то, что традиционное боевое предназначение военачальников оперативно-тактического звена, в силу развития революции, было резко деформировано.

Командующий 8-й армией генерал Селивачев вспоминал, что в 1917 году роль командующих свелась «к роли политического деятеля-бюрократа». Командующие армиями, командиры корпусов, будучи, как правило, хорошими военными профессионалами, попав под пресс солдатских комитетов и комиссаров, вступали с ними вынужденно в политические отношения. Но они были слабо подготовлены к такой деятельности.

Прибыв на фронт, новый главкозап изложил свое политическое кредо перед высшими начальниками: революция принимается им всецело и безоговорочно. Но революционизирование армии и внесение в нее демагогии он считает гибельным для страны и будет бороться с этим.

Я полагаю, что Деникин, вспоминая об этом в «Очерках русской смуты», был искренним. Ему было с кем вести политическую борьбу. На Западном фронте функционировала разветвленная сеть комитетов: всего — 7289. Другими словами, число воинских чинов, в большинстве случаев оторванных от своего прямого дела, представляло число личного состава… целого корпуса!

Антон Иванович понимал, что потребуются мощнейшие усилия, чтобы хотя бы локализовать деструктивную деятельность противостоящей ему махины. Голова хоть у кого пойдет кругом, когда против тебя корпус демагогов, не желающих идти под пули, а предпочитающих разглагольствовать о великих идеалах. Немного спокойнее стало на душе, когда Деникин получил письмо от генерала Алексеева. Михаил Васильевич сердечно поздравил бывшего подчиненного с назначением. Кроме того, он напутствовал:

«Будьте спокойны и настойчиво требуйте и — верится —

оздоровление настанет без заигрываний, без красных бантиков, без красивых, но бездушных фраз… Долее армию так держать невозможно: Россия постепенно превращается в стан лодырей, которые движение своего пальца готовы оценить на вес золота… Мыслью моею и сердцем с Вами, с Вашими работами, желаниями. Помоги Бог…»

Деникин четко определил позицию по отношению к фронтовому комитету: он не вступал с ним в непосредственные контакты. Почему? Да потому, что накануне прибытия нового главкозапа фронтовой комитет («большевиствующий», как его окрестил Деникин) вынес резолюцию против наступления и за борьбу объединившихся демократий против своих правительств.

На заседании фронтового комитета он присутствовал только один раз, сопровождая верховного главнокомандующего генерала Брусилова. Деникин вспоминал:

«После вступительной речи верховный главнокомандующий предложил комитету высказаться, если имеются какие-либо пожелания или вопросы. Председатель ответил, что в сущности никаких особенных вопросов нет, разве вот относительно отпусков и суточных денег… Всем стало несколько неловко. Тогда попросил слова кто-то из членов комитета, извинился за мелочность председателя и начал говорить на общую больную тему о демократизации армии и взаимоотношениях комитета и командования. Я указал, что между нами не может быть ничего общего, так как комитет в постановлении своем от 8 июня пошел против правительства и против наступления. Тогда председатель предъявил новое постановление, составленное накануне, которым комитет допускал наступление. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но тут встает какой-то поручик и заявляет, что доверия к главнокомандующему не может быть. Поручик командирован в Минск из Тифлиса комитетом Кавказского фронта и „кооптирован“ минским комитетом. Прибыл для расследования моей „контрреволюционности“. Прочел уличающий документ: перехваченную мою майскую телеграмму генералу Юденичу, отправленную еще по должности начальника штаба верховного главнокомандующего. В ней, между прочим, говорилось: „Верховный главнокомандующий обратился уже с подробным письмом к военному министру с просьбой устранить вредную работу комитетов, парализующих распоряжения военного начальства и оказания содействия в борьбе с течениями, безусловно, вредными в государственном отношении“. Я разъяснил, что вопрос касался местных гарнизонных комитетов рабочих и солдатских депутатов Кавказа, которые не выпускали 104 тысячи пополнений на совершенно обезлюдевший фронт. Брусилов вспылил и наговорил в

адрес поручика и комитета резкостей. Потом извинился и в конечном результате допустил в секретный архив ставки комиссию комитета, которая, вернувшись в Минск, явилась ко мне не то с объяснением, не то с полуизвинением.

Скучно, не правда ли? Но нам было не скучно, а мучительно тяжело в этой пошлой обстановке, не дававшей ни душевного равновесия, ни возможности отдаться всецело назревшей операции».

Написано это Деникиным в 1921 году, шесть лет спустя.

В то же время есть свидетельства очевидцев, что Антон Иванович вел себя на заседании комитета грубо, сидел «с налитым кровью лицом и злобно светящимися глазами». Главковерх был даже вынужден извиниться перед членами исполкома за поведение главкозапа.

Не исключено. В той ситуации, учитывая характер моего героя, он вполне мог сорваться на грубость.

Грубость грубостью, но генерал Деникин внимательно изучал состояние политических противников, интересуясь, прежде всего, степенью их организационного и моральнопсихологического влияния на войска фронта. Итоги такой работы отражены в докладе Антона Ивановича главковерху генералу Брусилову.

Комитеты 3-й и 10-й армий удовлетворительны по составу и «идут в ногу с командующим». В то же время во 2-й армии комитет малочисленный, несостоятельный, «слепо идет за фронтовым комитетом даже в крайних его проявлениях», поэтому требуется постоянная бдительность и влияние командующего. Лучше настроение в артиллерии, в пехоте «настроение пестрое». Настроение во 2-й армии хуже, чем в 3-й и 10-й армиях. В 10-й армии «весьма вредно отражается крайнее ослабление числа штыков в ротах».

Главковерх, изучив доклад главкозапа, наложил резолюцию: «При таком настроении стоит ли тут подготавливать удар?»

Деникин четко определил:

Именно фронтовой комитет «тормозит полезную работу армейских комитетов». При этом он главную опасность видит в том, что «почти 50 процентов членов фронтового комитета примыкают к большевизму».

В урегулировании отношений с комитетами главкозапу оказал помощь его верный соратник — начальник штаба генерал Марков. Он взял тяжесть дипломатических контактов с революционной демократией на свои плечи.

Марков положительно изнемогал от той бесконечной сутолоки, которая наполняла его рабочий день. Демократизация разрушила все служебные перегородки и вызвала беспощадное

отношение ко времени и труду старших начальников. Всякий, как бы ничтожно ни было его дело, не удовлетворялся посредствующими инстанциями и требовал непременно доклада у главнокомандующего или, по крайней мере, у начальника штаба. И Марков принимал всех, со всеми говорил, делал все, что мог; но иногда, доведенный до отчаяния людской пошлостью и эгоизмом, не сдерживался, терял терпение, наживая врагов.

Но Сергей Леонидович оставался ярым противником новообразований революции — революционно-демократических учреждений. В письме Керенскому он писал:

«Никакая армия по своей сути не может управляться многоголовыми учреждениями, именуемыми комитетами, комиссариатами, съездами и т. п. Ответственный перед своей совестью и Вами, как военным министром, начальник почти не может честно выполнять свой долг, отписываясь, уговаривая, ублажая полуграмотных в военном деле членов комитета, имея, как путы на ногах, быть может, и очень хороших душой, но тоже несведущих, фантазирующих и претендующих на особую роль комиссаров. Все это люди чуждые военному делу, люди минуты, и, главное, не несущие никакой ответственности юридически. Им все подай, все расскажи, все доложи, сделай так, как они хотят, а за результаты отвечай начальник. Больно за дело и оскорбительно для каждого из нас иметь около себя лицо, как бы следящее за каждым твоим шагом. Проще нас всех, кому до сих пор не могут поверить, уволить и на наше место посадить тех же комиссаров, а те же комитеты — вместо штабов и управлений».

Увы, снова «глас вопиющего в пустыне»… А тут еще одна напасть. На пути Антона Ивановича всплыл… Пуришкевич. Да, тот самый лидер печально известной «черной сотни». Послушаем Деникина:

«*„Контрреволюция“ явилась лишь однажды в лице В. М. Пуришкевича и его помощника с нерусскими лицом и фамилией. Пуришкевич убеждал меня в необходимости тайной организации, формально — на основаниях устава утвержденного еще до революции „Общества русской государственной карты“. На первой же странице устава красовалась разрешительная подпись кого-то из самых одиозных министров внутренних дел. Общество ставило себе действительной целью активную борьбу с анархией, свержение советов и установление не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевич просил содействия для привлечения в состав общества офицеров. Я ответил, что нисколько не сомневаюсь в глубоко патриотических его побуждениях, но что мне с ним не по пути. Он ушел без всякой обиды, пожелав мне успеха, и больше нам не пришлось*

встретиться никогда. Пуришкевич в 1919 году приехал на Юг, держал вначале „нейтралитет“, но к концу года повел сильную кампанию отчасти лично против меня, но более против левой половины „Особого совещания“, прекратившуюся только с его смертью от сыпного тифа в Новороссийске»…

Вызвала переполох итак в нестройных рядах фронтовой революционной демократии и поздравительная телеграмма, посланная Антоном Ивановичем по поводу избрания генерала Каледина Донским атаманом. На телеграмму пришел ответ (шедший, кстати, подозрительно долго) новоиспеченного атамана: «Сердечно благодарю за память. Пошли Вам Бог успеха. Дон всегда поддержит. Каледин».

Не знаю, что здесь узрели местные революционно-демократические вожди, какой заговор, но они ощетинились…

Он счел возможным доложить главковерху, что батальон 247-го пехотного Мариупольского полка 38-го корпуса, представленный для смотра, произвел «самое отрадное впечатление». Полк решил наступать, а о большевиках отозвался «как о предателях»[50].

Однако потенциал мирных средств локализации негативного влияния комитетов на морально-психологическое состояние войск фронта со стороны Антона Ивановича был вскоре исчерпан. Время разговоров, увещеваний прошло. Поводом к применению силы послужил инцидент в 703-м Сурамском полку. Посетив его, генерал пришел к выводу: степень разложения личного состава достигла критической точки. Полк стал неуправляем из-за подрывной работы большевиков, о чем он и доложил генералу Брусилову. Осталось уповать на силовые приемы по наведению порядка.

Наивно было бы всю вину сваливать на большевиков. Однако этому факту Деникин уделяет повышенное внимание. Более того, Антон Иванович вскрыл интересную с точки зрения психологии причину успеха большевистской пропаганды.

На его взгляд, лозунги большевиков нашли благодатную почву у тех, у кого было «чувство животного страха перед наступлением, у людей, слабых волей». Это аргументируется тем, что «главная часть большевистских агитаторов направлена именно в те части, которые предназначались для наступления и до настоящего времени сравнительно находили силы для борьбы с агитацией».

Но кроме деятельности большевиков генерал выделяет еще некоторые причины, приведшие к разложению русской армии в 1917 году.

Пополнение, поступившее в части из тыловых гарнизонов,

серьезно снизило их боевой и особенно морально-психологический потенциал.

«Наплыв большого числа людей, скрывавшихся в течение всей войны, жаждущие только личного блага, эти солдаты не признают распоряжений Временного правительства»[51], — *докладывал по инстанции генерал.*

Бесправное положение боевых офицеров, не могущих управлять солдатами:

«Небольшая часть оставшихся боевых офицеров, лишенных всякого былого значения и авторитета, не имеют сил и средств противодействия широкой, планомерной и безнаказанной агитации большевиков и агентов противника»[52].

Частые полярные смены настроения частей. Сегодня полк, вынесший постановление о необходимости наступать, завтра под влиянием речей неизвестных агитаторов обращается в дикую и недисциплинированную толпу, грозящую даже жизни офицеров, не примкнувшим к их настроениям.

Анализируя процесс разложения подчиненных ему войск, Деникин заметил:

«…Главная часть большевистских агитаторов направлена именно в те части, которые предназначались для наступления и до настоящего времени сравнительно находили силы для борьбы с агитацией»[53].

Генерал Деникин, совершенно владея обстановкой, четко подытожил свои аналитические наблюдения:

«Пока со стороны правительства не будут приниматься самые решительные меры борьбы с влияниями, разрушающими всяческие представления о государстве, патриотизме, чувстве долга, до тех пор резолюции и убеждения не помогут делу оздоровления армии»[54].

В отличие от бессильного Временного правительства Деникин выработал конкретные меры, которые при их настойчивом проведении в жизнь могли бы, по крайней мере, затормозить процесс разложения армии:

«Поставить офицеров в такое положение, чтобы они не являлись объектом издевательств толпы, потерявшей всякое представление об ответственности.

Оградить армию от проникновения в ее среду лиц, „играющих на руку немцам и разлагающие последние, оставшиеся верными присяге части“. При этом главкозап особенно подчеркивает, что никакие причины не могут снять ответственность начальников перед Родиной»[55].

И такой уникальный, глубоко аналитический материал не был востребован Временным правительством! Почему?

Однозначно ответить сложно. Но все ж одна из главных причин — дилетантизм Временного правительства в военном строительстве.

А для Антона Ивановича большевики все больше ассоциируются с комитетами вообще. В его официальных донесениях появляются нетипичные для военачальника полицейские оценки — «банда большевиков…».

Конечно, эмоции переполняли профессионального военного, понимавшего, что армии грозит опасность полнейшего разложения. Более того, он осознает свое бессилие и отсутствие поддержки вышестоящего командования в борьбе с так называемой «бандой большевиков».

Сегодня понятно, что партия большевиков летом 1917 года представляла собой отнюдь не банду, а хорошо организованную политическую силу, прекрасно понимающую свою стратегическую цель — захват власти, которая медленно, но уверенно выпадала из рук Временного правительства. ЦК РСДРП (б) умело организовал пропаганду в войсках под лозунгом: «Немедленный выход из войны, мир без аннексий и контрибуций», который, конечно же, поддержали утомленные кровавой бойней солдаты да и офицеры.

Но самый уникальный парадокс заключался в том, что большевистская партия работала в армии легально, де-юре! Временное правительство рядом актов разрешило, например, митинги в войсках.

В какой армии мира могло быть такое, тем более в военное время? Да ни в какой!

Но воистину «умом Россию не понять…».

О какой партийной пропаганде может идти речь на театре военных действий? Тем более о призывах не воевать в период… подготовки фронтовой наступательной операции? Химера! Генерал Деникин, офицер, присягавший на верность Отечеству, участвует в войне. Пусть войне несправедливой, но все же войне, которая бушует на русской земле!

Парадокс: Антон Иванович присягал на верность Временному правительству, разрешившему… революционную пропаганду в армии. Следовательно, попытки Деникина прекратить антивоенную пропаганду не совсем легитимны. По крайней мере, по формальным признакам.

Гипотетически можно предположить: генерал Деникин в какой-то степени понимал, что бессмысленная война, чуждая российским интересам и русскому народу, полное разорение в стране, никчемное Временное правительство, настаивающее на продолжении «войны до победного конца», — все это только на

руку союзникам, но никак не России. Не бессмысленно ли в таких условиях наступление? Антон Иванович Деникин — военачальник, обладавший гибким стратегическим и оперативно-тактическим мышлением, — не мог не задаться этим вопросом.

Да, он чувствовал, что Временное правительство, положительно не решив ни одной проблемы военного строительства в контексте революционных преобразований, создало благодатные условия для разложения армии и превращения ее в арену политической борьбы различных политических партий. Но Антон Иванович присягал на верность Отечеству, и долг офицера, взявшего на себя ответственность военачальника в воюющей России, брал верх!

И опять парадоксы русской истории. Большевики, столь успешно организовавшие пропаганду своих идей в русской армии летом 1917 года, создав в ходе Гражданской войны могучую Красную Армию, беспощадно пресекали любую подрывную пропаганду в красных частях и соединениях! Расстрел — вот то средство, которое стало доминирующим в борьбе с подрывной пропагандой против Красной Армии. Действительно, прав Л. Фейербах: «В хижинах и мыслят иначе, чем во дворцах…»

Такая непростая диалектика. Вообще, во всей истории российской революции пока что вопросов больше, чем ответов…

Был еще ряд обстоятельств, стимулировавших решение генерала на силовую борьбу с разложением армии.

Во-первых, позиция командующих армиями Западного фронта: все командармы глубоко осознали опасность разложения подчиненных им войск. Их общее мнение выразил командующий 11-й армией генерал-лейтенант Кисилевский: «Армия серьезно больна, дело может поправить только серьезный успех».

Во-вторых, наблюдаемое Деникиным бессилие главковерха Брусилова, который, прибыв на Западный фронт, не смог ничего сделать для оздоровления морально-психологического состояния личного состава.

В-третьих, разочарование в действиях Керенского. Хотя вначале Деникин и попал под обаяние фронтовых речей военного министра, но скоро понял: пламенные выступления Керенского, на которые он был, как известно, мастер, не произвели на разлагающиеся войска мобилизующего эффекта.

Итак, силовая борьба с разложением войск началась. Рассчитывать на чью-то помощь Антон Иванович не мог и выработал гибкую тактику. Меры, принятые им, отличались решительностью и оперативностью.

Он ходатайствовал о расформировании 2-й Кавказской гренадерской дивизии как «явно неспособной, пришедшей в

состояние разложения». Генерал подавил волнения в 693-м пехотном полку 174-й дивизии, применив артиллерию (батарея сделала по бунтовщикам 40 выстрелов). Для «расчистки дезертиров» в тыл пустил конницу[56].

Но военачальник надеялся не только на пушки и конницу, применение которых влекло большие жертвы. Ему были свойственны и гибкость, и военная хитрость.

После неудачной попытки командующего 10-й армией разоружить взбунтовавшийся 703-й Сурамский полк Деникин, подтвердил командарму 10-го о неукоснительности выполнения приказа.

Кроме того, Деникин в борьбе с разложением войск организовал перманентное отслеживание настроений и морально-психологического состояния личного состава. Он поручает генералу Маркову разобраться в брожениях в 1-м Сибирском корпусе (отказ идти в бой, угрозы в адрес офицеров и т. д.). По итогам работы Марков доложил мнение глакозапа в ставку: порядок можно навести только силой.

Однако в своей борьбе Антон Иванович оказался без поддержки ближайших подчиненных. По его характеристике, один командир корпуса твердо вел войска, но испытывал сильнейший напор войсковых организаций. Другой корпусной командир боялся посещать свои части. Третьему главкозап удовлетворил прошение об отставке, так как тот не выдержал резолюцию недоверия со стороны комитета.

Не лучше обстояло дело и с командующими армиями. Осознав опасность разложения войск, они, однако, активной борьбы с ним не вели. Генералы И. А. Данилов и М. Ф. Квецинский всецело находились в руках комитетов. Лишь генерал Н. М. Кисилевский вел относительно независимую линию.

И все же Антон Иванович с большим трудом, но организовал частичную локализацию солдатских беспорядков. Увы, это был временный тактический успех: чем ближе приближалось бесславное летнее наступление, тем сильнее разлагались войска Западного фронта.

«Шла сизифова работа. Командный офицерский состав вложил в нее душу, ибо в успехе ее видел последний луч надежды на спасение армии и страны. Все технические трудности были, в конце концов, преодолимы. Только бы поднять дух…» — писал А. И. Деникин.

Естественно, что на комплекс мер, проводимых генералом Деникиным, последовала адекватная реакция комитетов. Представляет интерес сводка военного комиссара Западного фронта о настроениях войск. Из нее видно, какие практические

шаги предпринимал Антон Иванович.

В документе отмечается, что в бытность главкозапом генерала Гурко комитеты пользовались его доверием. Им оказывалось содействие. После ухода Гурко и вступления в должность Деникина отношение к комитетам резко изменилось. Постепенно их отстранили от практической работы, к их требованиям и желаниям относились подозрительно, при всякой возможности комитеты заменялись создаваемой канцелярской организацией. Введение военно-революционных судов было принято командованием как первый шаг к возвращению старых порядков в армии.

Начались повальные аресты, и отношение к организациям еще больше ухудшилось: все это внесло озлобление в ряды армии, усиливало дезорганизацию этих частей, подстегивало враждебное отношение, «которое встречали в последнее время офицеры, работающие в армейских организациях, со стороны некоторой части высшего командования и остальной массы офицерства».

Вряд ли генерал мог смягчить свою позицию, если бы комитеты стали более лояльны к командованию. В сложной обстановке вражды «верхов» и «низов» конфронтация только ожесточалась. Каждая сторона отстаивала свою правду. Никто не хотел уступать…

СТРАСТИ НАКАЛЯЮТСЯ

И вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли.

Из притч Соломоновых

Ася Чиж уже который раз перечитывала письмо Антона Ивановича.

«23 июля (5 августа) 1917.

Когда поезд нес нас на историческое заседание 16 июля, я беседовал со своими, я сказал своему начальнику штаба Маркову:

— Страшно интересное время, профессор, захватывающее… Но все-таки хорошо бы хоть маленький уголок личной жизни…

— Помилуйте! Какая уж личная жизнь, когда делаешь историю.

Вот так открытие. Я и не заметил, как подошли к „истории“. Профессор преувеличивает».

«Не преувеличивает, — подумала про себя Ксения Васильевна. — Нет у нас личной жизни! Когда же мы будем вместе?»

Будете, Ксения Васильевна, уже немного осталось…

А пока мы вернемся к заседанию 16 июля. Речь пойдет о совещании высших военачальников и членов правительства, созванном Керенским.

После возвращения с фронта Деникин получил приказание 16 июля прибыть в ставку, в Могилев. Керенский предложил Брусилову пригласить авторитетных военачальников для того, чтобы выяснить действительное состояние фронта, последствия июльского разгрома и направление военной политики в будущем. Как оказалось, прибывший по приглашению Брусилова генерал Гурко не был допущен на совещание Керенским; генералу Корнилову послана была ставкой телеграмма, что ввиду тяжелого положения Юго-Западного фронта приезд его не признается возможным и что ему предлагается представить письменные соображения по возбуждаемым на совещании вопросам.

Положение страны и армии было настолько катастрофическим, что Антон Иванович решил представить на совещании истинную картину состояния армии.

Он явился к верховному главнокомандующему. Брусилов удивил его, сказав:

— Антон Иванович, я осознал ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопрос ребром. Все эти комиссары, комитеты и

демократизации губят армию и Россию. Я решил категорически потребовать от них прекращения дезорганизации армии. Надеюсь, вы меня поддержите?

После небольшой паузы Деникин ответил:

— Ваше превосходительство! То, что я услышал от вас сейчас, вполне совпадает с моими намерениями. Я приехал именно с целью поставить вопрос о дальнейшей судьбе армии самым решительным образом.

Выйдя из кабинета верховного, Деникин недоумевал: что за метаморфоза произошла с Брусиловым, так любившим размахивать красной тряпкой? И он принял решение исключить из будущей речи все горькое, что накопилось исподволь против верховного командования.

Участники совещания ждали общего сбора долго, часа полтора. Потом выяснилось, что произошел маленький инцидент. Керенского не встретили на вокзале ни главковерх, ни начальник штаба генерал Лукомский. Премьер долго Ждал и нервничал. Наконец, послал своего адъютанта к генералу Брусилову с резким приказанием немедленно прибыть к нему с докладом. Революционная театральность не обходится без своих лицедеев. Надо полагать, Керенский, при его любви к позе, получил сильнейшую пощечину. Он вскоре припомнит ее Брусилову, когда будет отправлять в отставку.

В начале совещания генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткой речью. Она поразила Деникина своей пустотой и незначительностью. В сущности, главковерх ни сказал ничего. Наконец, слово было предоставлено Деникину.

Автор этих строк читал три опубликованных и два архивных варианта речи генерала Деникина на совещании. В текстах речи имеются незначительные расхождения. Есть смысл довести основные положения данной уникальной речи до внимания читателей[57]:

«…Вступив в командование фронтом, я застал войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство казалось странным, тем более ни в донесениях, поступавших в ставку, ни при приеме должности положение не рисовалось в таком безобразном виде. Дело объясняется просто: пока корпуса имели пассивные задачи, они не проявляли особенно крупных эксцессов. Но когда пришла пора исполнить свой долг, когда был дан приказ о занятии исходного положения для наступления, тогда заговорил шкурный инстинкт, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизий не становились на исходное положение. Потребовалась огромная работа начальников всех степеней, просьбы, уговоры, убеждения… Для того чтобы принять какие-

либо решительные меры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующих войск. Так прошел почти месяц. Часть дивизий, правда, исполнили боевой приказ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169-я пех. дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8—10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство. Грабежи, иногда убийства…

Я решился на крайнюю меру: увести в тыл 2-й Кавказский корпус (без 51 пех. дивизии) и его 169 пех. дивизию расформировать, лишившись таким образом в самом начале операции без единого выстрела около 30 тысяч штыков…

На корпусной участок кавказцев были двинуты 28-я и 29-я пех. дивизии, считавшиеся лучшими во всем (фронте… И что же: 29-я дивизия, сделав большой переход к исходному пункту, на другой день почти вся (два с половиной полка) ушла обратно; 28-я дивизия развернула на позиции один полк, да и тот вынес безапелляционное постановление — „не наступать“.

Все, что было возможно в отношении нравственного воздействия, было сделано.

Приезжал и верховный главнокомандующий; и после своих бесед с комитетами и выборными 2 корпусов вынес впечатление, что „солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись“… Это неправда. Начальники в невероятно тяжелой обстановке сделали все, что смогли. Но г. Верховный главнокомандующий не знает, что митинг 1-го Сибирского корпуса, где его речь принималась наиболее восторженно, после его отъезда продолжался… Выступали новые ораторы, призывавшие не слушать „старого буржуя“ (я извиняюсь. По это правда… Реплика Брусилова — „Пожалуйста“…) и осыпавшие его площадной бранью. Их призывы встречались также громом аплодисментов.

Военного министра, объезжавшего части и вдохновенным словом подымавшего их на подвиг, восторженно приветствовали в 28-й дивизии. А по возвращении в поезд его встретила делегация одного из полков, заявившая, что этот и другой полк через полчаса после отъезда министра вынесли постановление — „не наступать“.

Особенно трогательна была картина в 29-й дивизии, вызывавшая энтузиазм — вручение коленопреклоненному командиру Потийского пех. полка красного знамени. Устами трех ораторов и страстными криками потийцы клялись „умереть за Родину“… Этот полк в первый же день наступления, не дойдя до наших окопов, в полном составе позорно повернул назад и ушел за 10 верст от поля боя…

В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты.

Быть может, среди комиссаров и есть черные лебеди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрошеное преступное вмешательство, не может не разлагать армии».

Далее Деникин дал нелицеприятную характеристику комиссарам своего фронта.

«Другое разрушающее начало — комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многих комитетов, всеми силами исполняющих свой долг. В особенности отдельных членов их, которые принесли несомненную пользу, даже геройской смертью своей запечатлели свое служение Родине. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни в малейшей степени не окупит того огромного вреда, который внесло в управление армией многовластие, многоголовие, столкновения, вмешательство, дискредитирование власти».

Генерал приводит множество конкретных примеров в подтверждение своих мыслей. Он доказывает, что комитеты провели очень удачное «покушение на власть».

Постепенно в речи все больше проявляется обвинений в адрес Временного правительства. Брусилов предлагает Деникину сократить доклад, но Антон Иванович настаивает на продолжении выступления в полном объеме и анализирует «Декларацию прав солдата», утвержденную А. Ф. Керенским 9 мая 1917 года. Декларация, по мнению главкозапа, — «последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии».

Он показывает всю пагубность декларации, уничтожающей последние остатки воинской дисциплины. С этого момента его речь все больше и больше напоминает обвинительный вердикт Временному правительству.

Закончил свое выступление Антон Иванович на высоком эмоциональном подъеме:

«Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она не была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь, и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добили бы нас.

Но на этом новом крестном пути русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его — светлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Он дал бы временное

облегчение истерзанной стране нашей… Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

Ведите русскую жизнь к правде и свету, — под знаменем свободы! Но дайте нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

…Если в вас есть совесть!»

Проанализировав все пять вариантов речи Деникина, я выделил основополагающие требования, предъявленные Временному правительству: передача законодательных функций главковерху; изъятие из армии политики; отмена «Декларации прав солдата»; упразднение в армии комиссаров и комитетов; восстановление в армии власти начальников; создание отборных частей; введение смертной казни в тылу.

Жесткость и бескомпромиссность генеральских требований обусловливаются сложностью конкретно-исторической обстановки летом 1917 года и личными чертами характера генерала.

Анализ стенограммы совещания привел меня к выводу, что из всех его участников Деникин выступил наиболее последовательно и резко против военной политики Временного правительства, ведшей к гибели армии, а следовательно, и России. Характерно, что и после выступления генерал продолжал подавать реплики, зафиксированные в стенограмме, суть которых — вскрытие пороков, ведших армию к катастрофе, и пути выхода из нее. Например:

«…Институт комиссаров — это двоевластие, их вмешательство в деятельность командиров не может не разлагать армию; „первые разлагатели армии — это комиссары, а вторые — комитеты“; „назначать на освобождающиеся должности офицеров только с опытом, служебным и боевым“; „необходимо формировать инженерные рабочие дружины из негодных к окопной службе и бездействующих в тылу из состава Петроградского гарнизона“.»

Особо необходимо отметить реакцию Керенского на

выступление и реплики Деникина на совещании.

Из стенограммы совещания вытекает, что премьер-министр вначале разрешил генералу покинуть зал заседаний по его просьбе, так как тот пришел в состояние сильного душевного волнения после своей речи. После же того как Антон Иванович вернулся, Керенский набрался мужества и пожал руку генералу, поблагодарив «за откровенное и правильно выраженное мнение».

Яркая эмоциональность, правдивость, прямолинейность деникинской речи буквально шокировали премьера. Впоследствии генерал Алексеев записал в своем дневнике: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня».

Но вскоре Керенский уже по-другому станет относиться к речи моего героя. Антон Иванович потом напишет в «Очерках русской смуты»:

«Впоследствии в своих показаниях верховной следственной комиссии (по делу Корнилова. — Г. И.) Керенский объяснял это свое движение тем, что одобрение относилось не к содержанию речи, а к проявленной мной решимости, и что он хотел лишь подчеркнуть свое уважение ко всякому независимому взгляду, хотя бы и совершенно не совпадающему с правительственным. По существу же, по словам Керенского, „генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущего военной реакции“. В этих словах глубокое заблуждение. Мы вовсе не забыли галицийского отступления 1915 года и причин, его вызвавших, но вместе с тем мы не могли простить Калуша и Тарнополя 1917 года. И наш долг, право и нравственная обязанность были не желать ни того ни другого…»

Действительно, с трибуны говорил, как справедливо пишет американский историк А. Рабинович, энергичный, молодой, отмеченный многими наградами герой начального этапа войны.

«Речь Деникина была настолько резкой, — вспоминал генерал А. С. Лукомский, что генерал Брусилов перебил выступающего, сказав: „Нельзя ли короче и затрагивать вопросы, касающиеся только поднятия боеспособности армии“. Тогда тот заявил, что он просит или дать ему высказаться полностью, или „больше говорить ничего не будет“. Генерал Брусилов попросил его продолжать…»

Поразительным можно считать и тот факт, что генерал Корнилов, приславший на совещание доклад, не допустил в нем таких резких выражений, как Деникин. Тем не менее корниловские требования перекликались с требованиями Антона Ивановича. Не случайно Корнилов, вскоре после своего назначения главковерхом вместо опального Брусилова, написал письмо Деникину, где, в частности, отмечал следующее:

«С искренним и глубоким удовольствием я прочел ваш доклад, сделанный на Совещании в ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести до конца воссоздание родной армии и восстановить ее боеспособность…»

Ах, Лавр Георгиевич! Ваши бы слова да Богу в уши… Судьба жестоко посмеялась над верой двух боевых русских генералов.

Горячий призыв Деникина к спасению армии не нашел должного отклика у Керенского.

Стенограмма совещания свидетельствует: премьер, отдавая должное мужеству генерала, однако твердо заявил, что если принять максималистскую программу Деникина, то «надо ожидать громадных беспорядков». Керенский выразил уверенность, что Деникин «не будет настаивать на немедленном проведении в жизнь».

Отмечу, что в советской историографии требования Деникина к Временному правительству оценивались только как контрреволюционные и исключительно реакционные. Белоэмигрантская историография видела в них иное. Генерал Головин считал, что в основе требований Деникина к Временному правительству не лежало «никакой реставраторской идеи»; они явились «продуктом патриотизма, болезненно обостренного только что пережитым позором и ужасом поражения».

Через два дня после Могилевского совещания генерал Брусилов был отправлен в отставку. Не спасла Алексея Алексеевича лояльность к Керенскому и его команде. А ведь, вступая на пост верховного, Брусилов говорил так:

«Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом и Временным правительством по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделюсь от него никогда».

Керенский в показаниях, данных следственной комиссии по делу Корнилова, объяснил увольнение Брусилова катастрофичностью положения фронта, возможностью развития германского наступления, отсутствием на фронте твердой руки и определенного плана, неспособностью Брусилова разбираться в сложных военных событиях и предупреждать их, наконец, отсутствием его влияния как на солдат, так и на офицеров.

19 июля постановлением Временного правительства на пост верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов.

Справка

Лавр Георгиевич Корнилов, будущий «первооткрыватель» белых походов, родился в городе Усть-Каменогорске Семипалатинской области 18 августа 1870 года. Отец — Георгий Корнилов — хорунжий[58], выслужил чин из простых казаков и не имел собственности, кроме той, которую возит с собой гарнизонный офицер. Он так и не поднялся выше хорунжего — жалованье для многодетной семьи — бедняцкое. Выйдя в отставку, Георгий Корнилов за неимением средств поступает на должность волостного писаря в родной станице Караклинской. Мать — казачка станицы Кокпетинской.

В десять лет Лавр Корнилов поступает в церковноприходскую школу и через два года бросает: семья перебирается в город Зайсан. Лавр самостоятельно готовится к экзаменам в кадетский корпус. В 1883 году мальчик зачислен в Сибирский кадетский корпус. В 1889 году по распределению получает почетное направление в Михайловское артиллерийское училище.

По выпуску из училища, в 1892 году, по собственному желанию определен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. В 1895 году поручик Корнилов поступает в Академию Генерального штаба и заканчивает через три года с серебряной медалью. Он отказывается от места в Генеральном штабе и возвращается в Туркестан на должность офицера разведки — как раз по характеру.

Разведка афганской крепости Дейдади потребовала от Корнилова и мужества, и физической выносливости. За несколько дней он преодолевает около четырехсот верст и привозит пять лично исполненных фотографий наиболее важных объектов. Надо заметить, внешность весьма способствует его службе разведчика. Он невысок, жилист, темен, лицо не то калмыцкое, не то… в общем, лицо восточное. Сибирские казаки в первопроходческие времена и переселения брали в жены местных женщин… за неимением своих, русачек…

Летом 1899 года военный разведчик Корнилов изучает район Кушки. Следующие полтора года он больше в кочевье, нежели в кабинете. Главный объект — Китайский Туркестан. Результаты исследования обобщены в книге «Кашгария и Восточный Туркестан».

В 1901 году 31-летний капитан Корнилов командируется для изучения восточных провинций Персии. Из всех путешествий и вылазок это — самое изнурительное: восемь месяцев скитаний с двумя туркменами. Он овладевает персидским языком. По возвращении печатает свод статей. До 1903 года Корнилов отбывает строевой ценз, командуя ротой. Затем его посылают в Индию для изучения местных языков и сбора разведывательных данных. Русско-японская война застает его в Белуджистане. В конце 1904 года Корнилова переводят в действующую армию на должность начальника штаба 1-й стрелковой бригады. Он участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Теленом. За вывод из окружения своей бригады (ночную штыковую атаку), спасение знамени, раненых и всего имущества отмечен офицерским Георгием IV степени.

После войны одиннадцать месяцев прослужил в Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

С конца 1907 по 1911 год Корнилов — военный агент России в Китае: верхом объезжает многие провинции Поднебесной, а также Монголию, Тарбагатай, Кашгар, Синьзян. В феврале 1911 года полковник Корнилов получает в командование 8-й Эстляндский пехотный полк, а затем — 2-й Заамурский отряд — два пехотных и три конных полка, его производят в генерал-майоры. В 1913 году он во Владивостоке командует 9-й Сибирской стрелковой дивизией.

С начала Первой мировой войны генерал Корнилов — во главе 48-й пехотной дивизии, бывшей Суворовской. Он прост, доступен солдатам, храбр.

В конце августа 1914 года в боях на реке Верещица дивизия теряет почти всю артиллерию и много солдат пленными, несмотря на личную доблесть начальника дивизии. Это отличительная черта Лавра Георгиевича Корнилова: решать ряд боевых задач с присущей ему личной храбростью, хотя он сведущ и в военном искусстве. В нем берет верх азарт, и еще он свято верит в свою звезду — это подчеркивали все, кто знал его.

В апреле 1915 года при прорыве Маккензеном фронта по линии Тарно — Горлица дивизия Корнилова, прикрывающая отход русских соединений, попадает в окружение. Генерал Корнилов отправляет три полка на прорыв, а сам с Рымникским полком остается в

прикрытии. В ожесточенных боях генерал получает тяжелое ранение в ногу. Четверо суток солдаты и штабные офицеры несут своего начальника на носилках, пытаясь вырваться из кольца вражеских войск.

Штабная группа непрерывно тает, а к австрийцам попадают всего семь человек. Генерал — в тяжелом состоянии все время плена (год и три месяца), он кочует по госпиталям. Лечение сложное. Наконец, весной 1916 года он оказывается в резервном госпитале города Коссета. Лавр Георгиевич не сомневается, ему удастся бежать, он старательно занимается немецким.

Пленному, но не сломленному генералу удалось войти в соглашение с аптекарским фельдшером Францем Мрняком, который помогает ему бежать. Генералу Корнилову удается перейти румынскую границу: он в безопасности. Румыния вот-вот выступит на стороне Антанты. В сентябре 1916 года по окончательному излечению получает 2-й армейский корпус. Парь производит его в генерал-лейтенанты. Популярность Л. Г. Корнилова необыкновенна!

Революция 1917 года решительно изменяет и его судьбу. 2 марта 1917 года по телеграмме Родзянко следует назначение командующим Петроградским военным округом. Однако в мае он возвращается на фронт командующим 8-й армией, бывшей калединской. В июле главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Приказ № 1 вбил, как уже выше отмечалось, последний гвоздь в фоб, в который постепенно укладывалась воинская дисциплина в армии, неимоверно уставшей от опостылевшей всем войны. Разложение русской армии приняло обвальный характер.

В наступлении 18 июля 1917 года солдаты отказываются идти в бой, даже покидают позиции. Офицеры не щадят себя — в результате потеряно до восьмидесяти процентов офицерского состава. Противник переходит в контрнаступление. Отступление армии из Галиции, Буковины и Молдавии привело врага к рубежам коренной России…

По настоянию главным образом Корнилова Керенский вводит смертную казнь на фронте. Других путей борьбы с дезертирством, мародерством, саботажем и самодурами Корнилов не видит. Родина в опасности! В это время его награждают Георгием III степени.

Временное правительство предпринимает отчаянную

попытку найти выход из тупика — собирает в августе 1917 года государственное совещание. На нем будущая жертва сталинских репрессий комбриг А. И. Верховский (а пока он командующий Московским военным округом) увидел Корнилова, он «меня принял, и в долгой беседе с ним я снова увидел человека, глубоко, бесконечно страдающего за Россию, за армию, которая разрушается перед лицом торжествующего врага».

И вот этого человека логика революции привела к авантюре — неудачному мятежу. Но об этом позже. А пока Юго-Западный фронт у Корнилова принял Деникин.

Характерно, что Антон Иванович дал согласие занять должность главкоюза[59] лишь только после того, как новый главковерх генерал Корнилов заверил его, что в данном назначении нет никаких политических мотивов — чистая военная целесообразность.

С собой на новое место службы Деникин взял Сергея Леонидовича Маркова.

И все опять повторилось сначала. Изматывающая душу и тело битва за спасение гибнущей армии.

Главкоюзу противостояла мощная в организационном отношении противоборствующая сторона в лице комитетов фронта, в состав которой входило около 130 тысяч человек. Посланец Временного правительства комиссар фронта Иорданский, его помощники Костицын и Григорьев заведомо были настроены к генералу предвзято. Они, будучи дилетантами в военном деле (литератор, зоолог и врач), чуждыми военной среде, непосредственного общения с солдатами не имели, армейской жизни не знали. А так как начальникам не верили, то весь осведомительный материал черпали лишь во фронтовом комитете. Особый дискомфорт Деникину создавало то, что комитеты на его фронте были не военными, а сугубо партийными учреждениями. Однако он давал комитетам фронта довольно сдержанную оценку: «…не хуже и не лучше других, но, несомненно, лучше западного».

Деникин напряженно обдумывал сложившуюся обстановку. Не без колебаний приходит к выводу, что противостоять разложению армии можно только силовыми методами.

Жена историка С. П. Мельгунова в дневнике за 1917 год (хранится в ГАРФ) пишет о том, как генерал Деникин усмирял беспорядки на фронте: «…картечью и нагайками, казнил зачинщиков и расстреливал на месте без повязок каждого десятого. При одном имени Деникина солдаты бледнеют и

содрогаются»[60].

Источник субъективный. Мемуаристка, скорее всего, попала под влияние слухов, которые тогда обрастали фантастическими подробностями. Главкоюзу было бы трудно провести такую экзекуцию на практике из-за накаленной до предела обстановки, отсутствия надежного репрессивного аппарата. Но зерно правды здесь есть, Антон Иванович проявлял решительность в борьбе с разложением армии на вверенном фронте. Он пресек попытки фронтового комитета отдавать приказы войскам, оберег казну фронта от финансовых претензий комитета. Газета «Новое время» утверждает, что предыдущий командующий «выдал 100 ООО рублей комитету, а Деникин прекратил расходование этих сумм».

Это показал и Керенский на допросе Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Корнилова: «Деникин поставил предел запусканию лапы комитета в казенный денежный мешок».

Антон Иванович дал команду начальнику штаба фронта передать телеграмму в войска о запрещении представителям исполкома принимать участие в съезде фронтовых комитетов, который должен был состояться в Киеве. Он намеревался прекратить деятельность комитета Юго-Западного фронта, но встретил сильное противодействие комиссара Иорданского.

26 августа 1917 года товарищ председателя исполкома комитета Юго-Западного фронта Колчинский доложил военному министру Керенскому, что с момента вступления генерала Деникина на пост главкоюза сразу явно выразилось «отрицательное отношение его и штаба к выборным войсковым организациям».

Оно проявилось в целом ряде ограничительных и запретительных толкований прав комитетов. Обнаружилось неодинаковое отношение главкоюза и к представителям командного состава: лица, нарушающие завоеванные революцией права, пользуются одобрением, а лица, считающие необходимостью согласовывать работу с выборными организациями, «подвергаются опале». Колчинский подытоживает, что подобное враждебное отношение главкоюза Деникина, его штаба… к войсковым организациям будет неминуемо продолжаться, «если правительство дальше будет в хвосте»[61].

По-прежнему никто не хочет уступать. Но никакие энергичные усилия главкоюза не могли в корне изменить положение с разложением войск. Деникин весь в напряжении, он ждет неминуемой развязки.

Его настроение несколько улучшилось после того, как к нему в Бердичев прибыл с поручением от верховного офицер,

вручивший собственноручное письмо Корнилова. В нем предлагалось выслушать устный доклад офицера: «В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание, заодно покончит с Советами. Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение. Вас верховный главнокомандующий просит только командировать в ставку несколько десятков надежных офицер официально — „для изучения бомбометного и минометного дела“, фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд».

Вырисовываются контуры корниловского наступления. Такая программа Антону Ивановичу по душе. Только не знает он пока, что гладко на бумаге, да забыли об овраге…

А между тем на фронте вот-вот начнется извержение вулкана политических страстей, могущее погубить все. Душевное состояние Деникина в тот момент лучше всего передает его письмо Ксении Васильевне Чиж от 29 августа (11 сентября) 1917 года:

«Родная моя, начинается новый катастрофический период русской истории. Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием. О настроении своем не стоит говорить. Главнокомандование мое фиктивно, так как находится под контролем комиссаров и комитетов. Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца. Физически здоров, но сердце болит и душа страдает. Конечно, такое неопределенное положение долго длиться не может. Спаси Бог Россию от новых смертельных потрясений.

Обо мне не беспокойся, родная, мой путь совершенно прям.

Храни тебя Бог.

А. Деникин».

Беспокоиться, однако, Асе придется…

Итак, отступать дальше некуда. Антону Ивановичу предстоит перейти Рубикон. С каким багажом?

В нем главное место занимает опыт энергичной, но, увы, безуспешной борьбы с разложением армии. Рельефно начинает проявляться ограниченность генерала как политика. Он не владеет разнообразными формами политической борьбы. Но становится очевидным: Антон Иванович осознает, что политика часто бывает нечестной, и, не воспринимая это, в силу личных убеждений, он выходит из политической игры незапятнанным.

Но игра-то продолжается…

РУБИКОН

— Совещание закончено, все свободны.

По лицу недавно назначенного нового верховного главнокомандующего генерала Корнилова было видно, что он устал. Более трех часов совещание обсуждало положение, сложившееся в армии.

— Генерал Деникин, задержитесь, — сказал главковерх, провожая выходящих из кабинета военачальников.

Жестом пригласив Деникина присесть, Корнилов после многозначительной паузы сказал:

— Антон Иванович, разговор доверительный. Мы много времени знаем друг друга и, мне кажется, сходимся во взглядах на то, что произошло с Россией. Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал N. Он все носится с идеей переворота и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича, что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве понимают, что совершенно бессильны что-то сделать. Они предлагают войти в его состав… Нет! Эти господа слишком связаны с Советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают что хотят: устраняюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере.

В порыве нахлынувших чувств два боевых генерала обнялись и сердечно расстались, чтобы встретиться вновь… в Быховской тюрьме…

…27 августа (10 сентября) 1917 года. Бердичев. Штаб главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Дежурный офицер приносит в кабинет генерала Деникина срочную телеграмму. Прочитав ее, тот резко изменился в лице.

Телеграммой без номера и за подписью «Керенский» генералу Корнилову предлагалось временно сдать должность верховного главнокомандующего начальнику штаба Ставки генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового верховного, выехать в Петроград. 1

Такое распоряжение явно незаконное и необязательное к исполнению, так как верховный главнокомандующий нй военному министру, ни министру-председателю, ни тем более товарищу Керенскому ни в какой мере подчинен не был. Деникин

поражен, и было от чего.

…Генерал Марков зашел в кабинет главкома:

— Антон Иванович! Срочная от главковерха, — и протянул Деникину телеграмму:

«Я приказал мое решение (должность не сдавать и выяснить предварительно обстановку) и решение генерала Лукомского довести до сведения главнокомандующих всеми фронтами. № 6412. Корнилов».

— Свершилось! Но так скоро. Какое решение принял генерал Лукомский?

— Читайте.

«Все, близко стоявшие к военному делу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановке и при фактическом руководстве и направлении внутренней политики безответственными общественными организациями, а из-за громадного разлагающего влияния этих организаций на массу армии, последнюю воссоздать не удастся, а наоборот, армия, как таковая, должна развалиться через два-три месяца. И тогда Россия должна будет заключить позорный сепаратный мир, последствия которого были бы для России ужасны. Правительство принимало полумеры, которые, ничего не поправляя, лишь затягивали агонию и, спасая революцию, не спасли Россию. Между тем завоевания революции можно было спасти лишь путем спасения России, а для этого прежде всего необходимо создать действительно сильную власть и оздоровить тыл. Генерал Корнилов предъявил ряд требований, проведение коих в жизнь затягивалось. При таких условиях генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов и опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части общества и армии, требовавшее скорейшего создания крепкой власти для спасения Родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимыми более решительные меры, кои обеспечили бы водворение порядка в стране.

Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение Корнилову в том же смысле от вашего имени, лишь заставил гласно отдать окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно.

Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде вами и сообщенное от вашего имени Савинковым и Львдвым, теперь изменилось. Считаю долгом совести, имея в виду лцшь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и эта поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции.

Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию хотя бы на короткое время и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Лукомский».

Приказав никого не впускать в кабинет, Антон Иванович мучительно оценивал сложившуюся ситуацию. В его мозгу лихорадочно мелькали мысли, одна тревожнее другой.

Ну, что ж, настало время нравственного выбора.

Он не считал возможным идейно отождествлять себя с Временным правительством, оно для Деникина преступно. Взяв бланк, он начал лихорадочно писать телеграмму Керенскому:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши знамена, и оставление свое на главнокомандующего я понял тогда, как осознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известное требование, могущее еще спасти страну и армию, смещается с поста верховного главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. № 145. Деникин».

— Передайте начальнику штаба, чтобы копию моей телеграммы послали главнокомандующим армиями фронтов, командующим армиями Юго-Западного фронта и главному начальнику снабжения, — приказал Деникин дежурному офицеру.

Одна за другой поступали копии телеграмм Временному правительству от главкомов армиями фронтов. Они присоединялись к мнению Деникина, высказанному в телеграмме Керенскому № 145. Правда, главкомы направили Временному правительству вполне лояльные телеграммы.

Деникин запросил ставку о том, чем может помочь генералу Корнилову. Главковерх, поблагодарив за поддержку, счел необходимым телеграфно уведомить Донского атамана Каледина, что Деникин поддержал его выступление.

Главкоюз принял решения, немедленные для исполнения: караулами занять телеграфные станции, радиотелеграф, типографии; усилить дежурную часть 1-го Оренбургского

казачьего полка; ввести временную цензуру газет. Начальник штаба фронта отдал приказание о вызове подразделений из 1-го Чехословацкого корпуса для обеспечения личной безопасности главкома. Однако Деникин отменил его, посчитав, что зазорно русскому главнокомандующему защищаться от своих солдат чужими штыками.

Вместо этого он приказал генералу Маркову, чтобы тот поручил лично генерал-квартирмейстеру Орлову руководить перевозкой по железной дороге 3-го конного корпуса. На себя Сергей Леонидович должен был взять переброску Кавказской туземной дивизии. А ведь именно эти соединения, по замыслу Корнилова, должны были стать ударным кулаком выступления…

В это время на стол Деникину легла срочная телеграмма из ставки от главковерха.

«Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей первой своей части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбы Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну изнутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молите Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать русский народ рабами немцев — не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Этот приказ был послан для сведения командующим армиями, а также передан по всем железнодорожным телеграфам. На другой день была получена одна телеграмма Керенского, переданная в комиссариат, и с этого времени всякая связь с внешним миром была прервана.

Вот и начался корниловский мятеж. Авантюрный акт! Жребий брошен. Между правительством и ставкой выросла пропасть, которую уже перейти невозможно.

Антон Иванович перешел свой Рубикон: с Корниловым до конца! Обратной дороги нет. Разве, что только на щите. Со щитом вернуться, правда, шансы тоже есть…

Конечно, генерал Деникин не был на направлении главного удара корниловского выступления. Он не вел войска на Петроград. Но сразу занял активную позицию. Свидетельство тому — меры, о которых я выше рассказал. Фактически главкоюз создал базу для решительной поддержки корниловского выступления на Юго-Западном фронте.

Но эта база была создана исключительно силовыми методами. У Деникина не было широкой общественной поддержки. Лишь только Союз офицеров Юго-Западного фронта послал обращение к Корнилову после того, как он выступил с воззванием к русским людям, в котором полностью поддержал действия мятежного главковерха (см. Приложение 9).

Мятежный генерал Деникин не предпринимал никаких попыток к личному задержанию кого бы то ни было, это совершенно не имело смысла и не входило в его намерения. Несмотря на отсутствие репрессий со стороны главкоюза, в рядах революционной демократии фронта началась паника. Но 10 сентября, видя, что ей решительно ничего не угрожает, начала активно действовать.

Члены комитета ночевали в частных домах на окраине города. Помощники комиссара были в командировке, а сам Иорданский — в Житомире, и обращенное к нему начальником штаба генералом Марковым приглашение прибыть в Бердичев не имело успеха.

Фронтовой комитет занял антикорниловскую позицию, что было зафиксировано в специальной резолюции, направленной в адрес Временного правительства. В отдельном документе выражалось также полное недоверие генералу Деникину и его штабу.

Стали распространяться прокламации, в которых утверждалось, что генерал Деникин замыслил «возвратить старый режим и лишить русский народ земли и воли». В других прокламациях с подачи фронтового комитета Антону Ивановичу

было предъявлено такое обвинение: «…контрреволюционная попытка главнокомандующего генерала Деникина свергнуть Временное правительство и восстановить на престоле Николая II».

Доктор Геббельс, этот монстр пропаганды нацистской Германии, мог бы позавидовать авторам прокламаций. Давно известно, что даже самая маленькая ложь рождает большое недоверие… Нам-то с дистанции времени ясно, что прокламация написана языком полуправды. Но каково было ее читать агитаторам в разбушевавшемся солдатском море? Эффект потрясающий!

Вот и солдаты 3-го ординарского эскадрона подали заявление в исполком Юго-Западного фронта, где объявили генерала главным руководителем заговора и потребовали его ареста.

В исполком Юго-Западного фронта пришла телеграмма премьер-министра Временного правительства: «Вследствие присоединения к мятежникам главкоюз Деникин, наштаюз Марков, снабюз Эйснер преданы военно-революционному суду, подлежат содержанию арестом».

Открывалась новая страница биографии моего героя. Он вспоминал:

«Подъехали автомобили в сопровождении броневиков. Мы с Марковым сели. Пришлось долго ждать сдававшего дела Орлова возле штаба. Мучительное любопытство прохожих. Потом поехали на Лысую гору. Автомобиль долго блуждал, останавливаясь у разных зданий. Подъехали наконец к гауптвахте; прошли сквозь толпу человек в сто, ожидавшую там нашего приезда и встретившую нас взглядами, полными ненависти, и грубой бранью. Нас развели по отдельным карцерам. Костицын весьма любезно предложил мне прислать необходимые вещи; я резко отказался от всяких его услуг. Дверь захлопнулась, с шумом повернулся ключ, и я остался один.

Через несколько дней ликвидировали ставку. Корнилов, Лукомский, Романовский и другие были отвезены в Быховскую тюрьму.

Революционная демократия праздновала победу.

А в те же дни государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем и выпускала на волю многих влиятельных большевиков, дабы дать им возможность гласно и открыто вести дальнейшую работу по уничтожению Российского государства.

1 сентября Временным правительством был арестован генерал Корнилов, а 4 сентября Временным правительством отпущен на свободу Бронштейн-Троцкий. Эти две даты Россия

должна запомнить…»

Ошибся Антон Иванович. Эти две даты помнят только специалисты. Зато многие помнят дату 25 октября (7 ноября)…

Назначается новый главковерх… сам Керенский. Премьер объяснил свое решение стать главковерхом, будучи полнейшим дилетантом в военном деле, так:

«Я хочу обеспечить переход к новому управлению преемственно и безболезненно, чтобы в корень растленный организм армии не испытывал еще одного толчка, последствия которого могут быть роковыми».

Любил Александр Федорович пышную революционную фразу…

Начальником штаба верховного становится… генерал Алексеев. Он же и арестовал Корнилова!

— Вы делаете большую ошибку, генерал! Вы идете по туго натянутому канату между честью и бесчестием, — бросил в лицо старому воину мятежный, теперь уже бывший главковерх.

Алексеев промолчал. Полоса отчуждения пролегла между двумя генералами на всю оставшуюся жизнь.

Парадокс, загадка истории! Есть, однако, некоторые объяснения.

Алексеев в душе симпатизировал идеям мятежников и, предприняв арест опального главковерха, искренне хотел спасти мятежного генерала и его соратников от скорой расправы, о чем говорил в приватных беседах. 1 сентября Михаил Васильевич не допустил стягивания к ставке войск Временного правительства, убедив Керенского отменить посылку отряда из Москвы. Он также не допустил вывода из Могилева Корниловского батальона и Текинского конного полка. Генерал обратился к Милюкову с письмом, в котором просил развернуть кампанию за реабилитацию Корнилова и его освобождение, просил собрать для семей заключенных 300000 рублей. Кроме того, Алексеев просил Милюкова развернуть кампанию по преданию мятежников не военно-полевому суду, а гражданскому.

Но все это станет известно позже…

Михаил Васильевич довольно быстро уйдет в отставку, не будучи в силах работать в тягостной атмосфере нового командования. Его сменит генерал Духонин, которому судьба уготовила страшную участь — стать последним главковерхом в истории русской армии и погибнуть на боевом посту от рук бойцов отряда Крыленко — первого главковерха в истории новой российской государственности.

Что же заставило генерала Деникина безоговорочно поддержать выступление Лавра Георгиевича Корнилова, этого, по

меткой характеристике американского историка П. Кенеза, «человека с прямолинейным солдатским мышлением»?

Поддержка Деникиным корниловского выступления — важнейшая акция его политической деятельности в 1917 году.

Это был не случайный порыв, не игра амбиций и честолюбия. Антон Иванович считал, что кандидат в военные диктаторы при соответствующей поддержке может спасти армию и Россию от гибели, что их дело правое. Выгод для себя он не искал, выступил открыто, изложив Временному правительству причины, побудившие его к поддержке генерала Корнилова. Даже понимая авантюрный характер корниловского выступления.

УЗНИК СОВЕСТИ

Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастия размышляй.

Екклезиаст

Бердичев. Тюрьма. Камера № 1…

Семь квадратных метров. Окно с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело — рядом зловонное место. Вот оно, временное жилище лихого начдива, одного из героев Брусиловского прорыва. По другую сторону коридора — камера № 2. Там находится опальный начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Марков. Тюрьма полна неясных звуков. Напряженный слух разбирается в них и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения…

Раннее утро. Гудит чей-то голос. Откуда? За окном, уцепившись за решетку, висят два солдата. Они жестко глядят на Антона Ивановича и зло ругаются. Бросили в открытое окно какую-то гадость. От этих взглядов некуда уйти. Деникин отворачивается к двери — там в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, и тоже слышится отборная брань.

Генерал ложится на нары и закрывает голову шинелью. Лежит так часами. Весь день сменяются «общественные обвинители» у окна и дверей — стража свободно допускает всех.

Деникин прислушивается к репликам обезумевших людей, бывших некогда солдатами доблестной русской армии. Какой же бред они несут: «Хотел открыть фронт… продался немцам». Один «умник» даже уточняет: «За двадцать тысяч рублей…» А этот что орет? «Хотел лишить земли и воли».

Обидно, ох как обидно. За что? Разве мало смотрел смерти в лицо генерал-лейтенант Деникин? Разве прятался за спины солдат? Нет!

И вот, лежа на нарах, Антон Иванович выслушивает немыслимые обвинения. Правда, те, кто кричали эти глупости, были солдатами тыловых гарнизонов и мало знали его боевой путь. Но все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, неравенства классов, личных обид и своей изломанной жизни, — все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью.

…Очередной солдат повис на оконной решетке с проклятиями. Антон Иванович сбросил с себя шинель, подошел к

окну:

— Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь! Если не трус, укрывшийся в тылу, если был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они…

Руки разжались, и фигура исчезла.

В окне и дверном проеме появились новые лица…

Некое успокоение генералу давало лишь то, что кто-то из охраны передал на волю записку для офицеров из ближайшего окружения главкома, коих еще не успели арестовать. Да заодно передал Антон Иванович и короткое письмо своей возлюбленной. В конце сентября некий Д… принес Асе это короткое послание с неволи:

«Дорогая моя, вокруг дела идет исключительно политическая борьба, но состава преступления положительно нет. „Они“ сами знают, что губят Россию, да сознаться неохота. Обстановка, в которой я нахожусь, уверяю тебя, сносная. Скучно очень. Но не вечна же решетка. Д. расскажет тебе все. Здоров вполне. Будь спокойна, моя родная. А. Д.».

Лукавил генерал, когда говорил о сносной обстановке.

Деникин понимал, что самосуд и уничтожение не заставят себя ждать. В любую минуту стоило ожидать штурм гауптвахты и линчевания заключенных. Он не знал, что созданная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) по делу генерала Корнилова во главе с главным военным прокурором Шабловским требовала перевода бердичевских узников в Быхов, где содержался сам Корнилов и другие участники мятежа.

К сожалению, в документах ЧСК, хранящихся в ГАРФ, нет протоколов допроса Деникина и его соратников в бердичевской тюрьме. Но в нашем распоряжении есть утверждения Д. Леховича, биографа генерала, из которых явствует, что членам ЧСК подследственный главкоюз показался человеком спокойным, знающим, за что борется и за что может погибнуть бессудно от возбужденной солдатской толпы.

Судьба мятежного генерала и его соратников вызывала ожесточенные споры. Солдаты требовали скорой расправы на месте. Показательна здесь телеграмма комиссара 11-й армии Чекатило. Ссылаясь на требования целого ряда частей 11-й армии, выдвигает требование немедленного предания суду Деникина и его соратников… «И только применение к ним строжайшей кары создаст в армии уверенность, что революционный закон карает всех изменников Родины, кто бы они не были, солдаты или генералы».

Комиссар фронта Иорданский доказывал: перед членами

следствия «раскинулась картина явного и широкого заговора», и не скрывал того, что «военно-революционный суд предполагается осуществить с законной быстротой и, вероятно, в течение 3 дней дело первой группы обвиняемых генералов Деникина, Маркова, Орлова и других членов штаба будет ликвидировано».

Керенский лавировал. Как юрист, он понимал, что дела Бердичевской и Могилевской групп обвиняемых надо объединить в одно, но как главковерх боялся беспорядков на Юго-Западном фронте. Советы однозначно настаивали на быстром суде.

Но не допустить самосуда над арестованными мятежниками обязался, по иронии истории, исполком комитета Юго-Западного фронта, против которого Деникин вел жесткую, бескомпромиссную борьбу.

Тяжко на душе у Антона Ивановича. Но, что удивительно, нет озлобления, слепой ненависти к своим мучителям, потенциальным палачам:

«Чувства как-то раздваиваются: я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный на гнусное преступление и на высокий подвиг…» — пишет генерал.

Как же этапировать Деникина в Быхов, как оградить от озверелой солдатской толпы? Сложнейшую задачу возложил на себя исполком комитета Юго-Западного фронта! Но не спешит ее выполнить. Создается впечатление, что проволочки допускаются специально, чтобы провести военно-полевой суд на месте.

Керенский дважды посылает телеграммы комиссару Иорданскому с напоминанием о необходимости перевода Деникина и других арестованных мятежников в Быховскую тюрьму: «…Уверен в благоразумии гарнизона, который может из среды своей выбрать двух представителей для сопровождения».

Митинг всего гарнизона был назначен на 2 часа дня. Он затянулся надолго. Тысячная возбужденная толпа окружила тюрьму, и глухой ропот ее ворвался внутрь здания. Среди офицеров юнкерского батальона 2-й Житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан Бетлинг, служивший до войны в 17-м Архангелогородском пехотном полку, которым командовал Антон Иванович. Бетлинг просил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Все арестанты оделись и вышли в коридор. Ждали. Час, два…

Митинг продолжался. Многочисленные ораторы призывали к немедленному самосуду… Истерически кричал солдат, раненный

поручиком Клецандо, и требовал его головы… С крыльца тюрьмы уговаривали толпу помощники комиссара. Говорил и Бетлинг — несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, Деникин не слышал.

Наконец, бледный, взволнованный Бетлинг пришел к Антону Ивановичу.

— Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого, только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя.

— Пойдем, — ответил Антон Иванович.

Снял шапку, перекрестился: Господи, благослови!

Толпа неистовствовала. Деникин и с ним шесть человек, окруженные кучкой юнкеров во главе с Бетлингом, шедшим рядом с Антоном Ивановичем с обнаженной шашкой в руке, вошли в тесный людской коридор.

Надвигалась ночь. В темноте, прорезываемой лишь иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа. Воздух наполнялся оглушительным ревом, истерическими криками и ругательствами. Временами их перекрывал громкий тревожный голос Бетлинга:

— Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!..

Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали Деникина. Полетели булыжники. Генерал-квартирмейстеру Орлову сильно разбили лицо; получили удары генералы Эр-дели и Деникин, в спину и голову. Оскорбления не прекращались. Толпа все больше распалялась:

— Предатели, кровопийцы.

Какая-то женщина с искаженным от злобы лицом визжала:

— Почему на вокзал? Их нужно повесить в тюрьме.

Как эхо подхватили другие голоса:

— Да, да, в тюрьме, повесить как бешеных псов!

Антон Иванович прошептал Маркову:

— Ну, что, милый профессор, конец?

— Похоже…

Уже десять часов вечера. Толпа загудела. Два выстрела. Поезд тронулся.

Шум все глуше. Тусклые огни. Прощай, Бердичев!

Да, генералу Деникину повезло. Керенский пролил слезы умиления над самоотверженностью спасителей Деникина и его товарищей. Это снова было игрой великого позера, познавшего на себе, что такое любовь и ненависть революции. Антон Иванович очень образно комментировал такой тактический политический шаг премьера: «Римский гражданин Понтий Пилат сквозь тьму

времен лукаво улыбался».

Впереди у мятежного генерала Быхов и полная неизвестность…

Штаб польской дивизии, расквартированный в Быхове, взял на себя инициативу встречи. Деникина, Маркова и Орлова посадили в автомобиль. Двух делегатов комитета возмутила такая заботливость. В конце концов им разрешили ехать на подножках. Машины стремительно неслись по дороге и к полудню достигли новой тюрьмы.

В Быхове решеток на окнах не было, и комнаты оказались простые, но комфортабельные. Общая столовая. Разрешалось свободно ходить по длинному коридору. В саду могли постоянно прогуливаться заключенные, не более двадцати одного человека. Имелись два зала со скамьями и кафедрой, где можно было собираться в любое время для дискуссий или конференций. Это здание когда-то принадлежало католической школе, а теперь превратилось в политическую тюрьму.

Была ли охрана? Конечно, и даже две. Снаружи тюрьмы вдоль садовой ограды стояли солдаты Георгиевского полка, в определенной мере поддавшегося большевистской пропаганде. Внутри тюрьма охранялась текинцами. Последние были преданы Корнилову и постоянно угрожали расправиться с георгиевцами, если те осмелятся хотя бы на один враждебный жест по отношению к заключенным. Множество прислуги занималось кухней и хозяйством. Регулярно приходил совершать богослужения священник. Визиты родных считались естественными, терпимо относились и к просто знакомым. Существовал лишь одни запрет: выходить за решетку сада.

Явно не тюремный режим…

Это было обусловлено человеческими симпатиями руководителей ставки (М. В. Алексеев, Н. Н. Духонин) к мятежникам. В ставке оперативно отреагировали на замечание председателя ЧСК Шабловского о том, что лишение денежного довольствия арестованных «представляется неправильным». Хотя и нерегулярно, но денежное содержание подследственным выплачивали. О мягкости режима говорит и такой факт. Корнилову после ареста выделили в тюрьме две комнаты, но он занял одну. На вопрос, почему он не занимает вторую, генерал ответил:

— Берегу для товарища Керенского…

Корнилов встретил Деникина вопросом:

— Не держите ли вы на меня обиду, Антон Иванович, что я втянул вас в дело, столь вас компрометирующее?

— Обиды, Лавр Георгиевич? Но наше дело общенациональное

и оно исключает какие-либо личные обиды.

Началось быховское сидение узников совести…

Особо радостным стал для Антона Ивановича приезд Ксении Васильевны. Невеста генерала очаровала всех арестантов. Деникину все желали счастья в будущей семейной жизни. Но как далеко еще до него…

Ася во время своих визитов приносила рубашки, галстуки, куртки, спрятав их в свою широкую муфту. Солдаты внешней охраны проявили галантность и не обыскивали ее, как им предписывал регламент. Она признавалась потом, что волновалась лишь тогда, когда ей пришлось проносить пистолеты…

Сложившуюся благоприятную ситуацию мой герой использует плодотворно. Продолжая давать показания следствию, производя на юристов впечатление «весьма прямодушного солдата, который не играет в прятки, предпочитает говорить правду в глаза», он много размышляет о свершившемся. Не раскаивается, а вынашивает планы грядущей борьбы. О позиции опального генерала можно судить по записи, сделанной им на память в альбоме одного из быховских узников: «Бывают исторические моменты, когда оппортунизм — не только слабость, но и преступление».

Характерно, что мужественное поведение Деникина подчеркивал даже премьер Временного правительства Керенский — мастер громкой революционной фразы.

Но поражение оставило в душе горечь и озлобление.

Деникин пытается проанализировать причины неудач корниловского выступления.

К его началу в Петрограде «…царил полный развал». И к чести Деникина, он нашел первопричину провала авантюры — «… глубину народа корниловское выступление не всколыхнуло».

Это уникальный вывод.

Американский историк Аллан К. Уайдлмен, анализируя причины поражения мятежа генерала Корнилова, утверждает, что захват власти возможен солдатами, а те приняли только революционную власть в лице Временного правительства, поддерживаемого Советами. Поэтому, мол, Корнилов и проиграл.

Что делать дальше? Продолжать начатое дело или нет? Все единогласно признали необходимым продолжать. Спорили лишь о формах. Родилась идея — уходить на Дон. Там еще было сильно казачество. Но Деникин видит уже начинающееся расслоение, которое удерживалось пока авторитетом атамана Каледина. Учитывая всю сложность военнополитической обстановки на Дону, атаман не смог дать Корнилову утвердительный ответ о

возможности предоставления быховцам убежища на Дону.

Между тем идея ухода на Дон все более завладевала мыслями генерала. Она укрепилась под воздействием ряда серьезных обстоятельств. Несмотря на то что реальность скорой расправы была несколько отодвинута, ее опасность не миновала. В левой прессе нагнеталась антикорниловская истерия, появлялись ложные сведения о побеге. Это вызвало волнения солдат. ЧСК работала планомерно. Правительство под давлением левых проявляло серьезные колебания по вопросу судьбы корниловцев.

В общественных кругах открыто симпатизировали быховцам.

1 октября 1917 года многолюдное собрание граждан Смоленска, опасаясь, что Корнилов будет предан военно-революционному суду, настаивало на передаче дела мятежников в суд гласный, «гарантирующий право и справедливость, которые никогда и нигде не будут попраны».

Журналист А. Дубовский опубликовал очерк об Антоне Ивановиче, символически озаглавив его «Непонятый». Автор писал, что судьба мятежного генерала поистине трагична: при царском режиме его считали «красным», «ныне его видят черным». Объективно показав лучшие качества героя своего очерка, журналист положительно высказался о корниловском выступлении.

Среди генералитета и офицерства находились люди, открыто и публично выражавшие симпатии Деникину и другим мятежникам. Генерал Рузский в октябре 1917 года публично заявил, что Деникин — честный воин. Он возмутился, что после ареста среди солдат Юго-Западного фронта распространились провокационные листовки, в которых утверждалось, что Деникин хочет отобрать землю и волю.

В ГАРФ хранится уникальный документ — «Письмо неизвестного лица генералу Корнилову (дубликат Керенскому)»[62]. В нем нашло отражение на уровне обыденного сознания отношение к двум центральным фигурам происшедших событий — Корнилову и Керенскому в форме едкого сатирического стихотворения. Даже самое беглое его прочтение (см. Приложение 10) не оставит ни грамма сомнений: симпатии автора, скрывшегося под псевдонимом «русский», на стороне генерала Корнилова.

Однако голос в защиту Корнилова буквально тонул в истерических воплях левых кругов. Так что жизнь «быховских узников совести» находилась под серьезной, вполне реальной угрозой. Но ни Лавр Георгиевич, ни Антон Иванович и их соратники не падают духом.

Антон Иванович, находясь под следствием, анализирует

материалы печати, информацию из ставки, внимательно изучает реакцию государственных и общественно-политических кругов на свершившиеся события. Решимость уйти на Дон укреплялась. Но главный катализатор — приход к власти большевиков 7 ноября 1917 года. Он поставил быховских узников с юридической точки зрения в положение неопределенности.

И можно согласиться с Деникиным: «…обвинение в покушении на ниспровержение уже ниспровергнутого строя принимало нелепый характер».

Однако вместе с генералами Марковым, Романовским, Лукомским он был против мгновенных действий по следующим причинам: ничего не было известно определенно о формировании нового правительства; нельзя было уклониться от ответственности за содеянное; сохранялась законная, признанная Деникиным и другими мятежниками военная власть верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина.

Невзирая на негативное отношение к победе большевиков, генерал Деникин, как приверженец сильной государственности, видимо, ждет, каковым будет новое правительство, что сделает для армии. Свою роль играют военные качества: вера в силу приказа, воинская субординация; признание незыблемости авторитета высшей военной власти. У Деникина по-прежнему жива вера в победу над Германией и боязнь падения фронта, ибо за ним — гибель России.

Видимо, перед Антоном Ивановичем встала дилемма. Продолжение войны в том состоянии, в котором находилась страна и ее армия, — гибель России. Падение фронта — тоже гибель России. В разрешении дилеммы определяющую роль играет военный менталитет военного профессионала. Война до победного конца.

Поэтому, узнав, что Корнилов отдал Текинскому полку приказ готовиться к походу, Деникин, заручившись поддержкой других генералов, убедил мятежного главковерха повременить с выступлением. Военно-техническая подготовка к походу между тем продолжалась.

Но вдруг обстоятельства круто изменились. Вначале Петроградский военно-революционный комитет распорядился доставить Корнилова в Петропавловскую крепость для заключения и предания суду. Затем правительство Ленина отстранило генерала Духонина от должности главковерха после отказа того вступить с немцами в переговоры о мире.

Дата отъезда определилась сама собой, когда стало известно, что Крыленко направляется в Могилев во главе большевистских частей. Духонин признался одному из своих адъютантов:

— Для меня остается лишь два решения: выдать пленников большевикам. Они будут расстреляны, а я спасу свою жизнь. Или подписать свой смертный приговор.

— Но почему не третье решение, почему бы вам не уйти вместе с ними?

— Невозможно. Верховный главнокомандующий не имеет права покидать свой пост, что бы ни случилось! И, если честно, я не хочу Гражданской войны…

Есть сведения, что Духонин надеялся на большевистский суд. Правда, в расстрельном приговоре он не сомневался…

Бедный, наивный генерал! При захвате ставки отрядом прапорщика Крыленко, этим «главковерхом революции», генерал Духонин был зверски убит без суда и следствия…

— В таком случае, какое вы примете решение? — спросил еще пока живого главковерха адъютант.

— Подготовьте мне телеграмму. Я отдаю приказ переправить генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и Романовского на Дон!

19 ноября (2 декабря) к полудню из Могилева прибыл полковник Куссонский. Стоя навытяжку перед генералом Корниловым, он отрапортовал:

— Крыленко в четырех часах от ставки главнокомандующего, которая сдастся без боя. Генерал Духонин отдал мне приказ информировать вас о том, что следует как можно быстрее покинуть Быхов.

Уже больше не стоял вопрос об отъезде всем вместе в специальном поезде. Корнилов отдал своим текинцам приказ к полуночи быть готовыми к отъезду. Он обещал сам довести их до земли обетованной. Четыре его спутника должны ехать поездом отдельно друг от друга, с поддельными паспортами, которые были готовы уже две недели. Корнилов благословил всех:

— Да пребудет Господь со всеми нами. До скорой встречи на Дону!

Собственно говоря, в ставке вопрос об освобождении быховцев был фактически предрешен. За сутки до побега мятежников в штаб Юго-Западного фронта телеграфировали о том, что генералы Деникин и Марков освобождаются из-под ареста, и поэтому их денежные аттестаты возвращаются.

Деникин, принявший решение в целях конспирации добираться на Дон самостоятельно, покинул Быховскую тюрьму, когда Текинский полк выдвинулся в поход. Внешней охране объяснили, что генерал освобождается по постановлению ЧСК. На самом деле такого постановления не было.

Для Антона Ивановича борьба с революционной демократией

в 1917 году завершилась.

И вот он, помощник начальника перевязочного отряда — Александр Домбровский, едет в поезде в Ростов. Конец ноября 1917 года…

ВЗОРВАННЫЙ АД

Что ж, Деникин, успешно добравшись до вольного Дона, ступил на тропу Гражданской войны…

Гражданская война… Какое страшное сочетание слов. Ведь русский стреляет в русского!

Есть в истории события, воздействие которых продолжает десятилетиями сказываться на судьбах стран и народов, на всем мировом общественном развитии. К числу таких событий, несомненно, относится война 1914–1918 гг. В мире она именуется Великой. У нас в стране о ней говорилось и писалось неоправданно мало, памятников в честь ее героев, как правило, не устанавливалось.

Представляется важным подчеркнуть следующее. Последние исследования о планах России в Первой мировой войне вывели ее из когорты инициаторов конфликта по ряду факторов.

После поражения в Русско-японской войне и революции 1905–1907 годов самодержавие было больше всего заинтересовано в сохранении существующего положения, чем в коренной перекройке карты мира. Об этом свидетельствуют высказывания тех лет председателя Совета министров В. И. Коковцова (1911–1914), министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, других членов высшего руководства страны. В историографии конца XX века доказывается, что захват Константинополя и проливов не был конкретной целью российской политики. Предусматривалось достижение благоприятного и выгодного для России режима проливов, обеспечивавшего ее стратегические интересы по защите протяженного Черноморского побережья и способствовавшего развитию торговли.

Россию втянули в Первую мировую войну. Втянули, благодаря недальновидности Николая II и его окружения. Россияне понесли огромные потери ради… благополучия союзников по Антанте. И это признают за рубежом. Английский военный историк Л. Гарт писал:

«Россия пожертвовала собой ради союзников, и несправедливо забыть, что союзники являются за это неоплатными должниками России».

Первая мировая война явилась мощнейшим стимулом социального взрыва в нашей Отчизне. Взрыва, который вверг Отечество в эру великих потрясений. И не будет преувеличением сказать: Первая мировая война стала фактически необъявленной войной за передел России.

Поразительно, но как зримо повторяется история. В 90-х годах XX века шел вялотекущий процесс, в котором участвовали все те же силы, как и в 1914–1920 годах. Эти силы жаждали изменить геополитическую обстановку, разделить Россию, сбросить ее с подмостков исторической сцены, перевести во второй, а то и в третий эшелон государств мира.

Слава богу, не получилось.

В 1914 году Россия вела войну за чужие и чуждые ей интересы, шедшие вразрез с ее национальными интересами. Это же отработанный историей прием: мир стоял на пороге очередного передела мира, и Европа жаждала поживиться и решить свои проблемы за счет России, ее природных ресурсов и достаточно слабо населенной территории. Поэтому вполне логично, что существенной особенностью нашей Гражданской войны стала иностранная военная интервенция, в которой приняли участие и Антанта, и Четвертной союз.

Именно интервенция стала стимулирующим фактором эскалации Гражданской войны в России. Стимулятором, но все же не причиной. Многовековые противоречия, которые пытались разрешить российская революция и контрреволюция в 1917–1920 годах, — продукт именно отечественной истории.

Стимулировать же братоубийство в безумии Гражданской войны Западу был прямой резон — своекорыстные геополитические интересы. И на полях России развертывался в то время геополитический процесс. К концу 1918 года интервенты оккупировали все наши порты на Севере, Юге, Дальнем Востоке. Была оказана мощнейшая помощь возникшим на окраинах развалившейся Российской империи государственным образованиям, где у власти стояли белые политические режимы.

Без помощи Антанты эти белые правительства не просуществовали бы относительно длительный срок. За их спинами стояли интервенты, их финансы, вооружение. Это были мощные силы Европы, США, Японии. Все сепаратистские, а вернее *этносепаратистские* движения, начавшиеся в те годы на территории России, были инспирированы. Украинский, в частности, сепаратизм был воссоздан австрийскими и германскими спецслужбами, о чем, кстати, убедительно писал впоследствии и Деникин в своих «Очерках русской смуты».

Поэтому речь-то шла тогда не о том, кто будет стоять у руля России, а быть ли России вообще. Ясно, что исторические параллели — вещь не всегда объективная. Но как от них удержаться, когда видно невооруженным глазом: история современной России до удивительности обнаруживает ту же кальку, только все страшнее…

Наша монархия в начале века уж одряхлела, а ее милый монарх никаким геополитическим мышлением не обладал, это не Петр I, что стало трагедией для России. С принципиальных позиций период 1914–1922 годов надо рассматривать как единый период. В этом смысле (подчеркнем, именно только в этом смысле) война «красных» и «белых», созданная как советской, так и антисоветской пропагандой, — это явление, лежащее на поверхности. Оно камуфлирует истинную суть геополитических процессов в мире.

И тем не менее безумие братоубийств было! Страшной ценой заплатили россияне за грехи прошлого своей многострадальной истории и чуждые геополитические интересы. Обратимся к цифрам: в Первой мировой войне потери русской армии составили 4 млн человек. Боевые потери от Гражданской войны обеих противоборствующих сторон не превысили 900 тыс. человек, а смертность населения, связанная с распадом экономики, государственных институтов, эпидемиями, белым и красным террором за 1918–1921 годы составила не менее 8—10 млн человек. Как же прав был У. Черчилль, который в своей книге «Мировой кризис» констатировал, что русская Гражданская война — это война с минимальными потерями на фронтах и «бесчисленным количеством казней…». Это тот самый красный и белый террор.

А как же Антон Иванович Деникин, понимал ли он, в какой клубок сложных противоречий ввязывается? Но как человек, не привыкший менять своих убеждений, пошел до конца по избранному пути. Не может быть никаких сомнений: боевой русский генерал Антон Иванович Деникин сознательно стал участником Гражданской войны. Но нам небезынтересно установить, как же он относился к ней.

История мировых цивилизаций свидетельствует: в отличие от обычных войн гражданская война не имеют четких границ — ни временных, ни пространственных. Трудно установить определенную дату ее начала, четко провести линию фронта[63]. Если применить терминологию Т. Гоббса, то гражданская война — это «война всех против всех».

Но Деникин нисколько не сомневался в справедливости своего участия в Гражданской войне. Между тем он глубоко переживал ее братоубийственный характер. Именно поэтому 7 сентября 1919 года своим приказом № 2070 он отменил награждение орденами в бывшем отряде Бичихерова, а 9 сентября 1919 года Деникин приказывает «считать несостоявшимися» награждения русскими орденами, в том числе и 6 орденами Святого Георгия, произведенные бывшим командованием

Кавказского фронта, а также национальными правительствами Азербайджана и Грузии[64].

Однако в столь принципиальной позиции Антона Ивановича случались и исключения. В ГАРФ хранится оригинальный документ — приказ главкома ВСЮР от 4 (17 января) 1919 года о награждении знаменитого британского разведчика Сиднея Рейли орденом Святой Анны «за заслуги, оказанные в бытность при английской миссии в Москве по контрразведке»[65].

Вместо наград царской России генерал ввел в Добровольческой армии знак «В память первого Кубанского похода», которым, в частности, 25 ноября 1918 года приказом главнокомандующего Добровольческой армией был награжден генерал Л. Г. Корнилов (посмертно). Добровольцев отмечали памятной медалью «Участнику похода отряда полковника Дроздовского». Правда, Донская армия сохранила орден Святого Георгия, а Кубанская рада установила свой знак отличия — «За спасение Кубани»[66].

Деникин, глубоко осознавая братоубийственный характер Гражданской войны, строг и бескомпромиссен не только по отношению к политическим противникам, но и к тем, кто колебался, выжидая, не мог определиться в своих симпатиях.

Когда бывший председатель военной комиссии Государственной думы генерал-майор А. Потапов 17 сентября 1919 года обратился к Антону Ивановичу из Японии с частным письмом, где заявил, что не хочет участвовать в Гражданской войне, главнокомандующий вооруженными силами юга России сделал на полях пометку: «Мерзавец»[67].

Без восклицательных знаков, как само собой разумеющееся…

Вот такое многоаспектное отношение Деникина к Гражданской войне, которая на юге России день ото дня принимала все более масштабный, трагический характер. В начале 1918 года местные правительства, не признавшие советскую власть, объявили в Донской, Кубанской и Терской областях чрезвычайное положение в связи с наступлением красных отрядов. Наступление большевиков преследовало конкретную цель: подавить независимость юга.

В событиях на Дону и Северном Кавказе некоторые зарубежные историки видят своеобразную модель Гражданской войны в России.

Дж. Бринкли пишет, что именно на Юге возникли наиболее значительные силы, оппозиционные большевистскому режиму. Здесь, по его мнению, развивались наиболее противоречивые процессы между социализмом и капитализмом, либерализмом и консерватизмом, русским шовинизмом и нерусским национализмом.

Историк утверждает: Юг, «как в микрокосмосе собрал все проблемы, порожденные гражданской войной». Сторонники подобной точки зрения, по выражению американского историка П. Кенеза, «экстраполируя от данного района, составили представление о сущности и характере вооруженной борьбы во всей стране».

Гражданская война на юге России отличалась неимоверной жестокостью с обеих сторон. Признавали это и Ленин, и Сталин.

Троцкий был близок к истине, когда писал, что это была чисто крестьянская война, «глубокими корнями уходившая в местную почву и мужицкой свирепостью своей превосходящая революционную борьбу в других частях страны».

На юге России царствовал белый и красный террор, наложивший свою прямую деморализующую печать на всех участников войны. И нельзя оправдать ни белых, ни красных.

Гражданская война на юге России имела свою особенность — смещение эпицентра противоречий в отношениях собственности в плоскость взаимоотношений казаков и крестьян, не имеющих казацкого статуса (так называемые иногородние). Донскому правительству и казакам принадлежало 82 процента всей земельной площади, в то время как удельный вес казачества среди сельского населения составлял 43,7 процента. Крестьянство Дона составляло 56,3 процента сельского населения, а владело лишь 10 процентами земли. Однако и в среде крестьянства Юга России имелось имущественное расслоение, которое в значительной степени способствовало тому, что крестьяне были и в лагере белых, и в лагере красных.

На решимость генерала Деникина активно включиться в антисоветскую борьбу повлияло путешествие на Дон. Его поразил размах анархии, в которой погрязла страна, ненависть к людям, идеям, культуре.

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Так писала Марина Цветаева в марте 1918 года.

Деникин сделал примечательное наблюдение: ненависть толпы была направлена на все слои населения, во всем слышалось накопленное веками озлобление, ожесточение

затянувшейся войной и «воспринятая через революционных вождей истерия».

Это понятно. Революция всколыхнула не только лучшие силы народа, а разбудила звериные инстинкты толпы. В отдельных регионах России жизнь определяла та самая охлократия — «власти толпы». Разгул анархии, бегущие с фронта войска, крушащие все на пути, усталость от потрясений — это просто не могло не вызвать тотального озлобления. Сыграл роль и низкий уровень культуры народа, особенность российского менталитета — долготерпение, резко переходящее в «пугачевщину». Можно согласиться с обобщением Деникина:

«Большевизм далеко еще не победил, а вся страна во власти черни». Стихия захлестывает, в ней «бессильно барахтаются человеческие особи, не слившиеся с ней».

Созвучны Деникину и мысли писателя русского зарубежья, участника Белого движения Р. Гуля[68]:

«…Я увидел, что у прекрасной женщины революции под красной шляпой вместо лица рыло свиньи».

ДЕЛО НАШЕ БЕЛОЕ…

Мы дети России, мы слуги народа,
Мы верные рыцари белой мечты, Наш лозунг:
Отчизна, Земля и Свобода,
Державная воля любимой страны.

Гимн белых офицеров

Белая гвардия, Белое движение, Белое дело… Сколько копий было сломано в спорах по обеим сторонам «баррикад», сколько мифов и неправды выплеснуто на голову Белого дела! И все далеко от истины. Корнеты Оболенские и «комиссары в пыльных шлемах» явно не соответствуют своим историческим прототипам… Да и сами-то понятия, указанные выше, имеют оригинальную этимологию (см. Приложение 11). За какую же «белую идею» проливали русскую кровь ее апологеты?

Идеология Белого движения — одна из самых сложных научных проблем. Вот что пишет С. Л. Франк, крупный исследователь русского зарубежья, анализируя противостояние в Гражданской войне:

«На одной стороне — рационализм, безграничный государственный деспотизм, господство низших классов над культурными; на другой — правда традиционализма и религиозной веры, принцип права и свободы личности, защита интересов культуры и образования… Короче говоря — борьба между нигилистически-демагогичесим деспотизмом и идеей, опирающейся на духовные ценности правового порядка; еще короче — борьба между красными и белыми».

Другие исследователи русского зарубежья, исходя из того, что костяком Белого движения являлось русское офицерство, считали: в основе белой идеологии лежал незыблемый офицерский постулат: «За веру, царя и Отечество!» Его небезынтересную расшифровку дает, в частности, Л. Былинский, считающий, что на практике упомянутый выше офицерский постулат проявлялся в следующем:

«1). В пределах государственного бытия:

а) сознательное служение монархическому строю, как

наиболее нравственному построению власти и наиболее справедливой форме правления;

б) постановка интересов государственности на первый план;

в) стремление к национальному могуществу и процветанию Родины.

2). В общежитии вообще: утверждение широко понимаемого чинопочитания, дисциплины.

3). В области эмоции: способность к чувству благоговения.

4). В сфере личного поведения:

а) живое ощущение рыцарских традиций верности, чести, великодушия;

б) следование христианским добродетелям: справедливости, самосовершенствованию».

Перед нами набор лучших качеств русского офицера, формализованный в стройный логический ряд. Но вряд ли правомочно переносить личностные качества членов корпорации офицерского корпуса армии царской России на личности всех участников Белого движения и тем более экстраполировать их на идеологические основы Белого дела.

По мнению *П. Н. Новгородцева, И. А. Ильина, А. В. Карташова, С. П. Булгакова*, белые — безусловно, патриоты России, так как в их политических программах присутствовали: забота об интересах и исторических судьбах страны; готовность ради них к самопожертвованию; верность Родине, ведущей борьбу с врагами; любовь к народу и отрицательное отношение к социальным порокам общества; гордость культурными достижениями страны; уважение к историческому прошлому Родины и унаследованность от него традиций; привязанность к месту жительства.

Рассуждая о будущем государственном устройстве России, белые четко противопоставили экспроприации экспроприаторов и обобществлению — частную собственность, рынок, конкуренцию; классовой борьбе — гражданский мир; диктатуре пролетариата — сильную национальную власть, правовое государство и гражданское общество; идеологической диктатуре большевиков — идеологию плюрализма, возрождение духовности; этике, оправдывающей любое деяние на благо революции, — христианские нравственные ценности; руководящей роли партии большевиков — свободное соревнование любых этико-эстетических концепций.

С такой постановкой вопроса можно спорить, но трудно не согласиться. Правда, упомянутые выше авторы не дали ответа на вопрос: а были ли красные патриотами России?

Идеологические установки белых могли быть интересны простым обывателям.

Царицынская газета «Русь» 1 сентября 1919 года опубликовала статью «Шептунам». В ней сообщалось о трех вопросах, что интересуют обывателей и которые наиболее часто задавали перебежчики от красных к белым: есть ли у большевиков свободная торговля? Возвращаются ли дома владельцам? Производится ли реквизиция? Чтобы вести борьбу с красным политическим режимом, нужно было учитывать и эту «народную программу».

Однако столь заманчивая идеология Белого дела имела одну страшную слабость — она была недоступна для ее понимания простыми людьми. В отличие, кстати, от идеологии большевизма, которая внедрялась на уровне обыденного сознания, в том числе, и через четкие лозунги.

И получались удивительные парадоксы. Приверженность к святому праву частной собственности воспринималась многими как стремление Деникина, других лидеров Белого движения к реставрации через возвращение владельцам отобранной у них в годы смуты земли и имущества. Свобода торговли, приветствовавшаяся крестьянством, осуждалась городским населением, видевшим здесь ухудшение и без того тяжелых условий жизни. Желание сохранить целостность России рассматривалось национальными меньшинствами как великодержавный русский шовинизм.

Создается впечатление, что белые появились рано. А ведь их идеи во многом легли в основу Конституции Российской Федерации, принятую всенародным голосованием в 1993 году…

Но нам же особенно важно понять, как относился Антон Иванович к Белому движению.

Находясь в эмиграции, он пытался разобраться в сущности и содержании Белого дела. Можно согласиться, отчасти, с оценкой, что оно возникло стихийно, как естественное стремление народного организма к самосохранению, «к государственному бытию». Не лишено оснований и его замечание, что Белое движение — реакция против небывалого угнетения «духа свободы, самодеятельности народа, против физического истребления целых классов».

Однако весьма спорна позиция Антона Ивановича, что Белое движение — «протест против Брест-Литовского мира и распродажи России». Для него этот мир — «мир поражения, мир распада, ибо большевики, заключив его, подвергли Россию невиданному уничтожению». Он с искренней горечью писал:

«Никогда еще в русской истории представителям страны, какими в дни величайшего ее падения явились последовательно господа Бронштейн-Троцкий и Брильянт-Сокольников, не были столь безразличны ее интересы».

Спорно и утверждение вождя Белого движения о том, что большевики заключили Брестский мир, так как не хотели повременить с Гражданской войной. Ведь вопрос о Брестском мире намного сложнее, чем его трактует генерал. Он, например, не пишет о том, что большевики никогда не скрывали унизительного характера Брестского мира. Его заключение — неординарный стратегический ход, благодаря которому правящая партия большевиков спасла молодую Советскую республику от гибели.

Между тем невольно возникают проблемные вопросы: если «левые коммунисты» захлебнулись в революционном угаре, то почему бы многим бывшим царским офицерам, имевшим психологию государственников, не оскорбиться после Брест-Литовска и не попытаться поправить дело силой оружия? Но почему же тогда так мало офицеров влилось в ряды Добровольческой армии в первые дни ее формирования? Вряд ли кто даст здесь исчерпывающие ответы…

Ценность генеральских оценок Белого движения, при всей их неоднозначности и противоречивости, заключается в том, что Антон Иванович досконально знал его изнутри, являясь вождем Белого дела. Он переосмыслил сущность Белого движения и сделал категорический вывод: «Без народа борьба обречена на неудачу».

Это сущая правда: именно из-за отсутствия народной поддержки проиграло Белое движение, не решив сложного комплекса проблем. Зато с данной задачей справились их противники — большевики.

Примечательно, что генерал не идеализирует Белое движение, противоболыиевистские силы:

«В них мы видим, во-первых, вождей без народа. Они решали важнейшие задачи бытия русской государственности на основаниях своих верований и умозаключений, учитывая в качестве элементов борьбы политику врагов, союзников, материальную помощь извне, иностранные штыки».

Но далее он делает оригинальный вывод:

Сопротивляемость или содействие народной массы в расчет руководителей антисоветских организаций входили мало. А русский народ все еще пребывал «в состоянии неустойчивого равновесия, разбивая в прах все социально-исторические теории».

В то же время критичность и самокритичность Деникина в оценках Белого движения нельзя рассматривать как его отрицание.

В «Очерках русской смуты», других трудах генерала нет мыслей, хотя бы близко напоминающих нигилистические, как это

есть у Н. Бердяева, писавшего, что он не верил в Белое движение и не имел к нему симпатий, а уповал лишь на внутреннее перерождение большевизма, надеясь, что «русский народ сам освободит себя». Когда речь идет о Белом движении, оно для Антона Ивановича — святое дело.

Деникинские оценки Белого движения не могут считаться исчерпывающими. Но если их дополнить, к примеру, оценками Шульгина, писавшего, что «Белое дело», начатое «почти святыми», попало в руки «почти бандитов», то концепция Белого движения во многом станет более стройной, но не завершенной.

Итак, с взглядами Антона Ивановича разобрались. Можно вроде бы объявить посадку в машину времени и невидимо полететь вслед за героем моего повествования по фронтам, на которые поделилась Россия? Стоп! Не будем спешить. А что за человек поведет в бой белых воинов?

Я уже многое рассказал о жизненном пути Антона Ивановича. Читатель, надо полагать, уже составил для себя его портрет. Но прежде чем начать рассказ о Деникине образца лихолетья русской смуты, я посвящу несколько страниц наброску эскиза его психологического портрета к моменту, когда он сделал сознательный выбор — белая борьба.

РЫЦАРЬ БЕЛОЙ МЕЧТЫ

Всякое действие создает свои вибрации в духовном поле. Молитва — поле молитвы. Любовь — поле любви. Ненависть — поле ненависти. Ярость — поле ярости.

Г. Померанц

Итак, кто вы, генерал Деникин?

Бывший профессор Петроградского университета К. Н. Соколов:

«Говорят, что по первому впечатлению можно судить о призвании человека. В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя. Но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех „добрых“ русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени…»

Генерал И. Т. Беляев, выходец из аристократических кругов:

«Деникин, сын простого человека, ненавидел все, что пахло наследственной культурой»[69].

Два полярных мнения современников, воочию наблюдавших за личностью и деяниями героя моего повествования. Давайте искать истину. Посередине она точно не будет.

Антон Иванович Деникин влился в ряды Белого дела сорокатрехлетним военным профессионалом, ставшим по велению судьбы политическим деятелем. Фигура незаурядная и масштабная. Какие же психологические особенности, нравственные черты составляли существо его характера, определяли его как личность?

В основу мировоззрения генерала было положено религиозное, идеалистическое начало. Но, несмотря на свою религиозность, Деникин оставался в то же время и реалистом. Скорее всего, он идеалист с элементами дуализма, стихийного материализма и диалектики. Свидетельство тому — его военная и особенно политическая деятельность и ряд литературных суждений, сделанных в разное время.

Дуализм, в частности, сказался опосредованно во всех деникинских политических программах, подготовленных им в качестве вождя Белого движения в Гражданской войне на Юге России в 1917–1920 годах. Они отличались непоследовательностью, отсутствием достаточно четких политических установок.

Подобная двойственная мировоззренческая база не сказывалась, однако, отрицательно на цельности деникинской натуры. Ему не было присуще идеалистическое представление о народе как о некой абстрактной массе, угнетаемой и положительной во всех отношениях.

Именно такие представления бытовали в преддверии 1917 года в некоторых кругах российской интеллигенции, где, по меткому выражению писателя Ивана Бунина, «не видели отдельного мужика, а видели лишь народ, человечество».

Мировоззрение Антона Ивановича отличалось твердым нравственным стержнем, что помогало ему принимать решения в самых сложных ситуациях и никогда не уходить от ответственности. Конечно, он не ангел, его деяния не всегда укладывались в шкалу общечеловеческих ценностей. Да и сам факт, что Деникин участвовал в братоубийственной Гражданской войне, причем на первых ролях, говорит не в его пользу.

Влияла на генезис и эволюцию его мировоззрения и служба мирного времени в армии царской России, Русско-японская и Первая мировая войны, активным участником которых он был. Данные явления не затрагивали ядра взглядов либерально-демократической направленности, которые сформировались у Антона Ивановича в довольно стройную систему, но создавали предпосылки к будущей корректировке.

Например, являясь апологетом идеи аполитичности армии, о чем он открыто заявлял в военной печати, Деникин в 1916 году писал своей невесте с фронта, что «думские речи, боевые, читаю в литографических оттисках».

Чувствуется здесь симпатия генерала к Думе, которая, как известно, была в то время в жесткой оппозиции к царскому правительству. Следовательно, предреволюционное брожение умов не обошло стороной и того, чей эскиз психологического портрета я набрасываю. Это закономерно. Человек пытливого ума, коим являлся генерал, не мог не размышлять о положении в стране. Даже война, отнимавшая огромные физические и духовные силы, не позволяет ему мыслить узко прагматически, чисто с военной точки зрения. Накануне революции он пишет невесте с фронта, что на Родине «стало из рук вон плохо».

И все же сформулированная еще в раннем детстве духовность оказала существенное влияние на всю деятельность Антона Ивановича. Примечательно в данной связи свидетельство профессора Московского университета князя Трубецкого.

Он утверждал, что знал Деникина поверхностно и из нескольких бесед с ним вынес впечатление о неясности его мыслей и недальновидности его планов. Но наряду с этим князь видел в

Антоне Ивановиче «кристальную чистоту и ясность нравственного облика».

Однако я выше приводил мнение генерала Беляева о Деникине. Трудно сказать, чем он руководствовался в своей оценке. Скорее всего, мы имеем здесь дело с аристократической корпоративностью. Аристократ считает, что простой человек всегда презирает наследственную культуру. Клан!

Факты, однако, — вещь упрямая. Обратимся к ним. «Культуроненавистник» всемерно поддержал идею Кубанской рады, едва только восстановив ее власть, об открытии на Кубани университета. Причем Антон Иванович сказал, что будет правильным, если учиться смогут все, вне зависимости от того, является абитуриент казаком или «иногородним».

В июле 1919 года в Одессе была создана военно-историческая комиссия для сбора документов Первой мировой войны по Юго-Западному и Румынскому фронтам. Главком ВСЮР, несмотря на колоссальную загруженность, находил время вникать в работу данной комиссии. Во исполнение его указаний командир 3-го конного корпуса 29 сентября отдал циркулярное распоряжение о создании музея Кубанского казачьего войска и сбора материалов для него.

В разгар кровопролитных сражений и боев генерал Деникин проявлял заботу о сохранении исторической памяти народа.

Спрашивается, мог ли он, будучи «культуроненавистником», с искренней болью писать в военной печати о культурной отсталости русского народа и призывать к его образованию, которое станет «источником силы и света»? Мог ли он, имея негативную психологическую установку по отношению к культурному наследию прошлого, подписать 21 сентября (4 октября) 1919 года, то есть во время, когда ему начал изменять военный успех, приказ о демобилизации учащихся?[70] Видимо, все-таки нет.

Если рисовать психологический портрет моего героя, то придется нанести на полотно несколько импрессионистских штрихов в том месте, где располагается фрагмент: «Деникин и антисемитизм».

В американском «Словаре русской революции» в статье, посвященной генералу, безапелляционно утверждается, что тот был антисемитом. Это аргументируется его пассивностью в борьбе с еврейскими погромами в годы Гражданской войны[71].

С таким аргументом трудно не считаться. Однако я полагаю, что по подобным основаниям нельзя Деникина относить безоговорочно к антисемитам.

Доподлинно установлено, что в царской России

антисемитизм был развит довольно сильно. Видимо, не будет преувеличением сказать: антисемитизм в царской России стал одной из причин того, что в российских революционных партиях евреи составляли от 1/4 До 1/3 руководящего состава[72]. Деникин не мог не испытывать этого влияния на себе. Но семейное воспитание, либерально-демократические взгляды не позволили Антону Ивановичу стать убежденным юдофобом. Он сочувственно относился к офицерам, подвергавшимся гонениям за любовь к еврейским женщинам.

В 1917 году генерал стал отмечать, что в большевистском руководстве есть много евреев. В его лексиконе появились оскорбительные выпады типа «жид Бронштейн-Троцкий» и т. д. Мне кажется, что налицо проявление деникинского бытового антисемитизма. Его оживлению способствовало то обстоятельство, что на юге России антисемитизм в царское время был особенно сильным.

Не ослабил он свои позиции и в годы революции и Гражданской войны. Одно из свидетельств тому — большое количество антисемитских материалов в прессе белого юга России. Небезызвестный Пуришкевич издавал в 1919 году черносотенную газету «В Москву», выходившую с эпиграфом «Бери хворостину, гони жида в Палестину». В трактовке данной газеты, яркой представительницы так называемой желтой прессы, даже Керенский стал крещеным евреем Ароном Курбасом. Показательно, что за время власти белых на юге России было распространено свыше 100 тысяч экземпляров печально известных «Протоколов сионских мудрецов»[73]. Но антисемитизм вышел в годы Гражданской войны далеко за рамки идеологического обоснования в прессе.

Юдобофия вылилась, например, на Украине в 1919 году в волну еврейских погромов, унесшую 35 тысяч человеческих жизней. Имели место случаи открытой дискриминации евреев в государственных структурах в период единоличной военной диктатуры на белом юге России. Так, начальник отдела пропаганды профессор К. Н. Соколов своим распоряжением от 8 (12) августа 1919 года уволил всех евреев, работавших в ОСВАГ[74]. Фактически евреи не имели возможности занять руководящие посты в деникинском правительстве.

Осенью 1919 года в качестве председателя политического совещания из Парижа прибыл В. А. Маклаков. Он хотел уговорить Деникина включить в состав его правительства, хотя бы одного еврея. Тем самым, по замыслу Маклакова, во многих политических кругах ведущих европейских держав развеялось бы предубеждение в реакционном характере деникинской

диктатуры. Но, ознакомившись с местными антисемитскими настроениям, он не рискнул поднимать эту проблему перед главкомом ВСЮР[75].

Антисемитизм как крупномасштабное явление на белом юге России всемерно проник и в белые армии. Офицеры называли евреев в письмах друг другу «микробами и разрушителями здорового организма нации». Они искренне верили, что «евреи портят молодежь». Причем антисемитизм был присущ не только рядовому офицерству, но и деникинскому генералитету.

Генерал Н. Н. Шиллинг цинично заявлял, что он всегда будет опаздывать с войсками «для усмирения еврейских погромов»[76].

Но в то же время я не располагаю документами, свидетельствовавшими о том, что офицеры ВСЮР дискриминировались по службе.

Ясно, что Деникин, будучи членом социума, в котором антисемитизм имел мощные позиции, не мог не испытывать на себе его влияния. Но он не возводил бытовой антисемитизм в ранг государственной политики. Хотя и пассивно, но вел борьбу с еврейскими погромами в комплексе мероприятий по борьбе с разложением в своих войсках и в тылу: генерал, не колеблясь, как явствует из архивных документов, посылал войска для подавления еврейских погромов[77]. Принимались отдельные меры по обузданию зоологических проявлений антисемитизма в политической и общественной жизни белого юга России. По распоряжению ростовского градоначальника была закрыта упомянутая выше газета Пуришкевича «В Москву». Принципиально важно, что евреи, хотя бы формально, были равны перед законом. Они имели свои периодические издания.

Но проводимые Деникиным меры по обузданию антисемитизма отличались непоследовательностью, эпизодичностью, формализмом. Антисемитизму на белом юге России не было нанесено в период правления Деникина достаточно серьезных организационных, юридических, а уж тем более идеологических поражений. Интересную, хотя, естественно, небесспорную, точку зрения высказал в данной связи военный корреспондент Джон Эрнст Ходсон, который воочию наблюдал антисемитизм на белом юге России:

«Добровольцы питали глубокое предубеждение против евреев. И здесь Деникин попал в неожиданный драматический тупик, поскольку если бы он принял жесткие меры для того, чтобы заклеймить и предотвратить еврейские репрессии, то его обвинили бы в слабости или в том, что он платный агент евреев. Всем было известно, что украинец Петлюра завербовал в свою армию тысячи бойцов, a priori более благосклонно настроенных к Деникину,

проповедуя антисемитский крестовый поход и утверждая, что русский генерал находится в руках евреев».

Петлюра, эмигрировавший во Францию, как известно, плохо закончил: он был убит в 1926 году неким Шварцбартом, который хотел отомстить за своих многочисленных соплеменников, уничтоженных во время петлюровских погромов. На последовавшем потом процессе Эрни Торрес, адвокат Шварцбарта, представил суду массу свидетелей. Один из них в своей речи ассоциировал имя Деникина с именем Петлюры. Раздались, однако, протесты со стороны присутствовавших в зале судебных заседаний евреев. Послышались утверждения, что если Петлюра устраивал погромы, то Деникин их в высшей степени осуждал.

И все-таки генерал в борьбе с антисемитизмом проявлял политическую недальновидность, легковесность при принятии решений. В августе 1918 года власти Черноморской губернии доложили в штаб Добровольческой армии о скупке евреями-спекулянтами земельных участков на побережье. Деникин наложил на донесении резолюцию: «Воспретить»[78].

Чиновники же, в развитие данной резолюции, составили одиозный документ, запрещающий евреям покупать или арендовать землю.

Будучи опубликованным в печати, он вызвал большой общественный резонанс. Потребовалось специальное разъяснение, что подразумевалось узаконить реально вышеозначенным документом: борьбу со спекуляцией командующий Добровольческой армией будет вести «независимо от того, лицами какой национальности данная спекуляция производится».

Подобная политика генерала в «еврейском вопросе» привела к тому, что Англия даже стала угрожать генералу прекращением помощи в связи с разгулом антисемитизма на территориях, подконтрольных ВСЮР.

А в белой эмиграции ошибки бывшего вождя Белого движения в «еврейском вопросе» были гипертрофированны. Стараниями главным образом еврейских средств массовой информации генерал был возведен в ранг главного идеолога и организатора еврейских погромов на белом юге России. Таким образом, в общественном сознании белоэмигрантов Деникина хотели поставить на один уровень с Петлюрой, Махно и другими черносотенцами.

Подобные оценки Антона Ивановича несправедливы. Они не имеют под собой достаточных оснований. История сохранила следы активного сотрудничества генерала с видными еврейскими учеными, политическими и общественными деятелями. В

белоэмигрантской прессе в многочисленных публикациях деникинских речей, выступлений трудно обнаружить намеки на презрение к евреям. Но самый убедительный аргумент здесь — неприятие Антоном Ивановичем идеологии фашизма, составной частью которой явился зоологический антисемитизм.

В шкале нравственных личностных ценностей первое место, безусловно, занимает патриотизм. Антон Иванович беззаветно любил Отечество. Но Россию, не «вздыбленную революцией», а Россию образца до 1917 года. Ей он отдал 27 лет службы, пройдя путь от вольноопределяющегося стрелкового полка до командира армейского корпуса.

За службу в армии царской России Деникин был награжден восемью орденами и четырьмя медалями, в том числе орденами Святого Георгия IV и III степени и Георгиевским оружием с бриллиантами (см. Приложение 2).

Оставался ли патриотом России Антон Иванович после 1917 года? Советская историография отвечала на выше поставленный вопрос однозначно: белогвардейский генерал не мог быть патриотом России, так как был ярым врагом Советской власти, которую поддерживал весь народ. Даже в конце 1980-х годов, когда в советской историографии намечались новые подходы, в проблеме патриотизма Деникина после 1917 года они не отразились.

С. *Семанов, автор документального повествования о генерале Брусилове, сравнивая исторические персоналии А. А. Брусилова, А. Ф. Керенского, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина на фоне исторических событий 1917 года на предмет их патриотизма, безапелляционно и бездоказательно ранжировал данных исторических деятелей следующим образом:*

«Брусилов хотел служить русскому народу, Керенский, Корнилов, Деникин и им подобные — управлять народом».

В зарубежной историографии, наоборот, особое внимание акцентировалось на патриотизме Деникина.

И здесь ученые зачастую допускали тенденциозность. Ни Сильверлайт, ни Лаккет, ни Бринкли не дифференцируют содержание патриотизма генерала до и после 1917 года, не хотят видеть качественных изменений, происшедших в данном духовном образовании.

Противоположность суждений в литературе в значительной степени обусловливается тем, что в годы революции и Гражданской войны патриотизм Деникина, в его понимании, столкнулся с патриотизмом пришедших к власти большевиков, в их понимании.

Большевики не могли считать Антона Ивановича патриотом

не только потому, что воевали с ним. Если бы они признали его патриотизм, то под сомнение был бы поставлен один из самых мощных аргументов легитимности большевистского режима — его якобы всенародная поддержка с первых дней революции. Ясно, что сегодня в такое прямолинейное суждение вряд ли кто поверит. После прихода к власти, особенно в первые два года, большевизм и советская власть отнюдь не выражали чаяния всех россиян. Иначе Гражданская война не была бы столь жестокой и кровопролитной, самоистребляющей. И закончилась бы, надо полагать, значительно быстрее. Однако страна разделилась на два непримиримых лагеря, в составе которых были и патриоты, и антипатриоты.

Деникин был, безапелляционно, в числе первых.

«Счастье Родины я ставлю на первый план», — заявил он в январе 1920 года в Екатеринодаре, выступая перед представителями Донского и Кубанского казачества.

А ведь это период начала разгрома ВСЮР Красной Армией. За плечами оставались два с лишним года кровавой борьбы за счастье России с… русскими людьми. И в этой страшной борьбе Деникин-патриот помог, в значительной степени, своими ошибками победить большевикам.

Хотя Деникин был натурой цельной, ему не чужды были противоречия. Честность, храбрость, мужество, доблесть, твердость, гражданское упорство, уравновешенность, спокойствие, обаяние, ораторское искусство, оптимизм уживались с излишней солдатской прямолинейностью, отсутствием дипломатического дара, грубостью с солдатами, нетерпимостью к чужому мнению, излишним честолюбием, пессимизмом, периодической склонностью к суициду в минуты отчаяния.

Наличие диаметрально-противоположных качеств не должно смущать. Человек — существо неодномерное. Однако в шкале нравственных ценностей личности всегда есть доминанты. Они не статичны, а проявляются в зависимости от конкретно-исторической обстановки, от повседневной ситуации, в которую попадает человек. Такие доминанты становятся ведущими либо ведомыми, либо, входя в состояние неустойчивого равновесия, в значительной степени, обусловливают функционирование комплекса внутренних качеств личности.

Одна из подобных доминант в шкале личностных нравственных ценностей Деникина — честность.

А. А. фон Лампе, ярко выраженный политический оппонент генерала в белой эмиграции, в своем дневнике, комментируя факт признания генералом Деникиным юрисдикции верховного правителя России адмирала Колчака (кстати, перед этим назначением

Александр Васильевич Колчак служил в военно-морском флоте Великобритании, еще один парадокс истории России в судьбоносный для нее период), пишет, что Деникин — «слабовольный, но, безусловно, прямой и честный человек».

Насчет слабоволия Антона Ивановича Лампе явно перегибает палку. Чувствуется, что дневник пишет явный недоброжелатель вождя Белого движения. Вся военная и политическая деятельность генерала Деникина говорит как раз об обратном.

Но далее в своем дневнике А. А. фон Лампе дает удивительно точный афоризм о честности Антона Ивановича:

«Сегодня мне пришло в голову меткое сравнение для характеристики Деникина — лучшее его достоинство и составляет его недостаток — честность».

Уникальное проявление честности генерала фиксирует в воспоминаниях Н. Савич, член Особого совещания. Он утверждает, что Антон Иванович заставил жену сдать чек на 10000 фунтов стерлингов, выданный ей по постановлению Особого совещания тайно от Антона Ивановича (члены ОС понимали, что экс-диктатор, в силу личных убеждений, чек не примет) в качестве единовременной материальной помощи, в посольство России в Константинополе.

Свидетельства Савича подтверждает и письмо Антона Ивановича Ксении Васильевне накануне эмиграции от 4 марта 1920 года.

«Опасаюсь, чтоб тебя не спровоцировали. Боже сохрани! Ни от каких учреждений, министров не принимай. Продавай вещи, победствуй немножко, может быть, удастся как-нибудь помочь. Бедная моя голубка, сохрани тебя Бог, ненаглядная».

По прибытии в эмиграцию Деникин отказался от протекции Милюкова на получение русских денег, находящихся в заграничных банках. Антон Иванович объяснил свои действия так: он — частное лицо, а эти деньги принадлежат России. Тем самым заведомо обрекал себя на нищенское существование.

Задумайтесь, любезный читатель, и ответьте себе, не лукавя, на такой вопрос: в современной обойме российской политической элиты много найдется тех, кто мог бы повторить поступки Антона Ивановича?!

Даже в самые тяжелые моменты Гражданской войны, а также находясь в эмиграции, он неукоснительно соблюдал свои принципы. Обобщенно их можно свести к трем постулатам: *«Единая, Великая, Неделимая Россия; борьба с большевизмом до конца; святое право частной собственности в условиях народоправства».*

Загадочная русская душа… О святом праве частной

собственности говорит военно-политический деятель, который однажды в приватной беседе иронично заметил: «Я убежденный собственник, хотя моя собственность ограничивается шинелью и жалованьем…»

Однако честность Деникина, возведенная им в высшую добродетель, сказывалась пагубно на его политической деятельности.

Судьба была к нему не благосклонна. Деникин свою борьбу проиграл. Но даже в самых критических ситуациях он никогда не пытался лавировать, беречь себя. В конце ноября 1919 года, когда стратегический перелом в пользу Южного фронта красных обозначился довольно четко, генерал на совещании с ближайшими сотрудниками в Таганроге заявил:

— Я знаю, что я исполняю черную работу. Знаю, что сломаю себе шею и заслужу себе только проклятия. Но эту черную работу должен кто-то исполнить.

Или еще. Когда в 1919 году Махно с ходу взял Екатеринослав и создал непосредственную опасность ставке главкома вооруженными силами юга России в Таганроге, генерал Деникин, выслушав доклад штабиста о том, что его бронепоезд подготовлен к эвакуации, ответил:

— Главнокомандующий покинет ставку последним, если не погибнет раньше.

Что еще здесь можно добавить?

Свой оптимизм и уверенность генерал умел передать другим. На том же совещании главком ВСЮР заявил:

— Общее положение тяжелое, почти безнадежное. Но в Мечетинской (в период 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии. — *Г. И.*) было хуже. Тогда против кучки Добровольческой армии была армия в 150 ООО человек. Мы, может быть, потеряем Харьков, может, будет сдан Киев. Но мы не в безнадежном положении.

Здесь не показная бравада генерала.

П. С. Махров, последний начальник штаба ВСЮР при Деникине, непосредственно наблюдавший деятельность главкома в январе 1920 года, впоследствии сделал следующие обобщения: Антон Иванович был испытанный воин, не принадлежал к числу малодушных. Будучи «уравновешенным и спокойным», генерал отлично знал цену изречению: «Нам тяжело, противнику — не легче». Даже при отходе в Новороссийск генерал «пытался сохранить внешнее спокойствие». П. С. Махров подытоживает: «Генерал Деникин отлично знал психологию армии в дни поражений».

Н. Савич вспоминал, что после новороссийской катастрофы,

явившейся кульминацией поражения ВСЮР, перед отходом в Крым Деникин был сломлен — «неврастеник, живущий иллюзиями». Он говорил о возможности самоубийства «в случае попытки его арестовать», что показывает его настроение.

Упадок душевных сил у Антона Ивановича подчеркивает и ближайший сотрудник профессор К. Н. Соколов, описывая внешний вид генерала в марте 1920 года: «Глаза его потухли, лицо выражало усталость, и каемка седых волос вокруг голого черепа как будто еще больше побелела».

В таких оценках нет противоречий. Мемуаристы подметили тонкие штришки психологического состояния Деникина в последние дни его правления на белом юге России. Тем более их оценки взаимно подтверждаются. Позиция Савича о суицидальных настроениях Деникина находит подтверждение в документах Астрова. Из них вытекает, что после одного из докладов Астрова диктатору о катастрофическом положении в тылу ВСЮР, тот сказал: «После этого остается пустить пулю в лоб».

Но подобное нельзя объяснить только слабоволием генерала. Это было бы слишком вульгаризированной трактовкой событий.

Николай Бердяев, большой знаток психологии человека, подметил: когда человек находится в состоянии душевного кризиса, какой-либо эффект легко отдает его «во власть бессознательного инстинкта смерти и самоистребления». Антон Иванович, конечно же, испытывал тяжелое бремя стрессов и аффектов. Но преодолел их без самоубийства! Выручил природный оптимизм. После печального доклада Астрова Деникин сказал: «Но мы еще померимся. Бороться с всеобщей разрухой придется еще лет пять».

Что это? Юмор висельника? Наверное, нет. Данный эпизод я трактую как тонкий ход Деникина-оптимиста, хорошо разбирающегося в морально-психологическом состоянии подчиненных в дни поражений. Фраза произнесена полушутливым, полураздраженным тоном несколько раз.

К шкале нравственных личностных ценностей Деникина можно отнести и его уважительное отношение к людям. Правда, П. Б. Струве вообще считал, что генерал был нелюдимым человеком, почти что мизантропом:

«Деникин был улиткой в скорлупе. Я скажу — физиологически не видел людей и особо ими не интересовался».

Это спорное утверждение. Действительно, Антон Иванович тяжело сходился с людьми. Был тому ряд причин.

Жизнь приучила его к осторожности, он много раз был унижен и оскорблен в своих лучших чувствах и намерениях из-за

людской несправедливости, своекорыстия. Воинская служба, участие в тяжелых сражениях нежные чувства не формируют, душа черствеет на этих кровавых побоищах.

Особенно он переживал, что его соратники, люди, с которыми он смог сблизиться душевно, погибали в братоубийственной войне. Ушли одни за другим Корнилов, Марков, Алексеев, Дроздовский и особенно дорогой ему Романовский. Судьба обрекла Антона Ивановича на горестное одиночество, оставив один на один с суровой реальностью. Но где же здесь равнодушие?

Вероятно, в психологической структуре его личности преобладали, выражаясь терминологией К. Г. Юнга, интравертные («человек в себе»), а не экстравертные («человек от себя») черты.

Никак не вписывается в версию Струве романтичная история любви Антона Ивановича и Ксении Васильевны, его заботливость о подчиненных, вне зависимости от чинов. Свое кредо он сформулировал четко:

«Любить своих подчиненных и пользоваться их любовью — это высший идеал, доступный избранникам нашей корпорации».

Даже в условиях хронического безденежья, которое преследовало главкома в период единоличной диктатуры, он старался создать армии режим наибольшего благоприятствования. Если летом 1919 года младший офицер в Добровольческой армии получал 1487 рублей в месяц, то государственный чиновник VI класса (надворный советник, приравненный к подполковнику) — 600 рублей. И в тех условиях это было правильным, так как офицер ежечасно рисковал жизнью. Антон Иванович прекрасно сознавал это. А мог ли это осознать человек черствый, который, по мнению Струве, «людьми особенно не интересовался»?

Правдивость версии Струве колеблется тем обстоятельством, что Антон Иванович умел производить на людей позитивное впечатление при первых же встречах. Протоиерей Б. Старк, находясь в эмиграции, вспоминал о том, как в 1939 году встретился впервые с Деникиным на отпевании генерала Невандовского. Антон Иванович произвел на священнослужителя «простое и скромное впечатление».

Вряд ли можно истолковать в пользу утверждений Струве и тот факт, что бывший вождь Белого движения, находясь в эмиграции в крайне тяжелом материальном положении, никогда не сетовал на свою бедность, а переживал о бедственном положении своих соотечественников в изгнании. Об этом, в частности, пишет реэмигрант и советский разведчик Ю. Феличкин.

Он случайно встретился с Антоном Ивановичем в Париже, когда подвозил его в машине. Деникин разговаривал о жизни, «сетовал на судьбу русской молодежи на чужбине». Это при том, что самого бывшего вождя Белого движения мемуарист запомнил «в мешковатом костюме и грубых ботинках».

Антон Иванович Деникин, как известно, в совершенстве владел приемами ораторского искусства, что говорит не в пользу утверждения Струве о нелюдимости вождя Белого движения. В годы Гражданской войны все речи, документы Деникина были подготовлены на эмоциональном уровне, в ярко выраженной публицистической манере.

В марте 1919 года после освобождения Грозного от красных генерал заявил:

«В страшный стихийный шторм русский государственный корабль, разбивая волны, должен идти по верному румбу, не уклоняясь ни вправо, ни влево, туда, где светится маяк, на котором написано: „Великая Россия“».

Имел Антон Иванович и целый букет и отрицательных качеств, которые крайне негативно влияли на его политическую, военную, общественную деятельность. Но в моральной нечистоплотности и нездоровом карьеризме его упрекать нельзя.

Не будем, однако, идеализировать Деникина. Надо помнить, что руки его обагрены кровью десятков тысяч ни в чем не повинных россиян точно так же, как и руки других вождей Белого движения. Впрочем, как и у их противников — большевиков.

Ненависть к большевикам порою принимала у генерала крайние формы, которые приводили к антигуманным решениям. Весной 1919 года французская миссия сообщила командованию ВСЮР о готовящейся по инициативе знаменитого путешественника Ф. Нансена гуманитарной акции по снабжению хлебом голодающих Москвы и Петрограда. Главком ответил резкой телеграммой:

«Насколько я понял, французы желают оказать единственное содействие противоболъшевистскому востоку и югу России путем поддержания угасающих сил Совдепии. Полагал бы, что продовольствие надо подготовить, но ввозить его совместно с войсками моими и адмирала Колчака».

Ненависть к большевикам затмила для генерала очевидное: в голодающей «Совдепии» гибнут женщины, дети, старики, то есть простые люди, за счастье которых Деникин вроде бы боролся.

Ясно одно: в братоубийственной Гражданской войне ни одна из противоборствующих сторон не может не попрать общечеловеческие ценности. Некорректно устанавливать, кто здесь виноват больше: красные или белые. Злоба хлестала через

край с обеих сторон.

И. Бунин в «Окаянных днях» писал:

«Революция не делается в белых перчатках. Что же возмущаться, что контрреволюция делается в ежовых рукавицах».

Несколько штрихов внешнего облика Деникина.

Сохранилось множество фотографий, рисунков, портретов Антона Ивановича. Простое лицо простого русского человека, с глазами, излучающими тревогу и усталость.

С. В. Светков в письме В. Л. Бурцеву отмечал: в 1-м Кубанском («Ледяном») походе генерал «был в потрепанном тулупчике и с обвернутым лицом и бородой лопатой. Глядя на него, подумалось, как у Тургенева: экий чуйка».

Но даже в описаниях внешнего облика Антона Ивановича его современники допускали противоречия. В 1921 году в журнале «Современные записки» (Париж) была помещена рецензия на книгу профессора К. Н. Соколова «Правление генерала Деникина».

Рецензент критиковал автора за то, что тот нарисовал противоречивый портрет вождя Белого движения. Вначале главком предстает перед читателями как «благородный рыцарь прекрасной дамы — Великой, Единой России, с пленительной застенчивостью и суровостью манер». Но через некоторое время Деникин вдруг становится «простым армейским генералом с наклонностью к полноте, с большой головой, ничего демонического».

Подобные противоречия можно в какой-то степени объяснить тем, что человеку свойственно субъективное отражение объективной реальности, сопровождаемое полетом фантазии, не понятной порой окружающим. Каждый видит то, что он хочет увидеть…

На имидж Антона Ивановича наложила специфический отпечаток его служба, проходившая в военно-полевых условиях. Конечно, Деникин аскетом не был, искусственных трудностей себе не создавал, от минимальных удобств не отказывался. Судя по дневнику генерала Маркова, он, например, воспользовался, находясь под арестом в Быхове, отдельной квартирой, которую ему выделили тюремщики после того, как его стала навещать невеста.

Антон Иванович не набрался гвардейского лоска, который был присущ, например, Врангелю, и не обладал особо красивыми чертами лица, подобно Романовскому. Поэтому ему явно не подходит эпитет «надменный», которым его снабдил американский историк А. Рабинович. Весь его облик подчеркивал: это был человек из толщи народной, без притязаний на мужскую

красоту, исключительность и неповторимость внешности.

Вот только несколько свидетельств современников.

Атаман Всевеликого Войска Донского генерал Краснов, ярый оппонент Антона Ивановича, хотя и не питал приязни к нему, признавал, что «считался с обаятельной внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими прямыми солдатскими, честными речами».

Член Совета государственного объединения А. М. Масленников после знакомства с главкомом ВСЮР сообщил Трубецкому, что Деникин произвел на него чарующее впечатление: «Чудесный, должно быть, человек. Вот такому бы быть главою государства, ну, конечно, с тем, чтобы при нем состоял премьер-министр, хоть сукин сын, да умный».

…Увы, такой неординарной личности было уготовано проливать братскую кровь в угаре Гражданской войны.

БЕЛАЯ БОРЬБА: ИСТОКИ

Я по совести указу
Записался в камикадзе.

А. Розенбаум

2(15) ноября 1917 года московский поезд доставил в Новочеркасск небольшую группу людей, одетых в штатское, но с выправкой, выдававшей профессиональных военных. Среди прибывших выделялся пожилой человек в видавшем виды пальто с вышитыми по нему оранжевыми горошинами, в синей шляпе с обвисшими полями. Небритое лицо старика было повязано тряпкой так, что виднелись лишь поблескивающие стекла пенсне. Вряд ли кто-либо мог опознать в этой нелепой фигуре генерала Алексеева, еще недавно вершившего судьбы многомиллионного русского фронта.

Судьба уготовила ему роль отца Белого дела (так старого воина назовут потом в литературе русского зарубежья). Деникину придется работать с ним плечом к плечу до смерти генерала Алексеева в конце 1918 года. Как раз на следующий день после приезда в Новочеркасск Михаил Васильевич встретил свой 60-летний юбилей. Банкета не было. Зато отец Белого дела, прибыв на Дон, без промедления развернул работу по организации антибольшевистской борьбы. Его усилиями 2(15) ноября на свет появилась Алексеевская организация, прообраз Добровольческой армии.

Изначально белая армия стала строиться на основах добровольчества (понятно, почему она и название получила соответствующее своему духу и организации — добровольческая). Каждый записавшийся в ее ряды давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию. В офицерских батальонах, отчасти в батареях, офицеры несли службу рядовых в условиях крайней необеспеченности.

Тем, кто хотел бы подобно современным «диким гусям» — наемникам разных мастей обогатиться в рядах Добровольческой армии, среди белых волонтеров делать было нечего. В распоряжении основателя Добровольческой армии имелось всего 17 млн рублей. Русская буржуазия заняла выжидательную позицию, не торопясь с финансированием формирующейся Добровольческой армии. Вместо обещанного кредита в 8,5 млн

рублей было выделено только 2 млн рублей. Правда, Оловяшников, крупный промышленник, в начале 1918 года заявил: «Передайте генералу Алексееву, что денег мы ему не дадим».

Не оказали действенной помощи и союзники по Антанте, хотя 23 декабря 1917 года США, Англия, Франция подписали секретное соглашение об оказании содействия. Генерал Алексеев направил к союзникам адъютанта, напутствуя его: «Прошу вас хорошенько усвоить мой взгляд и твердо передать нашим союзникам, что вы являетесь к ним не как захудалый родственник за подачкой, а как посол России и что вы являетесь не просить, а требовать немедленной помощи. Скажите им, что если они теперь не помогут нам в борьбе с большевиками, то сами погибнут от них. Еще раз повторяю вам, что это вы должны сказать твердо. Если вы это сделать не можете, то лучше ничего не говорите, а только передайте эти письма…»

Увы, старый воин выступил в роли того, кто вопиет в пустыне… Оставалось уповать только на патриотизм добровольцев…

А в это время Лавр Георгиевич Корнилов, бывший, по оценке Ленина, «первым по смелости контрреволюционером», пробивался из Быховской тюрьмы на Дон во главе всадников-текинцев, ведущих тяжелые бои с советскими отрядами. Текинцы были обескровлены. И тогда было решено, что бывший мятежный главковерх продолжит путь в одиночку в обличии старого крестьянина с паспортом на имя румынского эмигранта Марьяна Иванова. 6 (19) декабря Корнилов прибыл в Новочеркасск.

Генерал Лукомский также присоединился к своим товарищам по Быховской тюрьме.

Это стало исключительно важным моментом в истории формирующейся ударной силы зарождающегося Белого движения. 26 декабря Алексеевская организация была официально переименована в Добровольческую армию. На Рождество объявили секретный приказ о вступлении генерала Корнилова в командование ею. Пост начальника штаба занял генерал-лейтенант А. С. Лукомский, а после его отъезда на Кубань в январе 1918 года — генерал-лейтенант И. П. Романовский. Дежурным генералом был назначен генерал-майор С. М. Трухачев, начальником отдела снабжения — генерал-лейтенант Е. Ф. Эльснер[79]. Артиллерийскую часть возглавил полковник Мальцев, инженерную — бывший член Государственной думы Л. В. Половцев (потом полковник Селиванов). Должность начальника санитарной части получил полковник медицинской службы В. П. Всеволожский,

интендантской — земский деятель из Таврической губернии Н. Н. Богданов.

Хотя вся армия немногим превышала численность полка военного времени, было начато формирование ядра 1-й Добровольческой дивизии.

Итак, во главе армии встал генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Для добровольцев это стало мощным психологическим стимулом.

27 декабря 1917 года в Ростове штаб Добровольческой армии выпускает воззвание, которое провозглашает рождение новой армии, цели и причины движения:

«Пусть каждый знает, во имя чего создается Добровольческая армия.

…Германия, пользуясь нашим настроением и прикрываясь обманным лозунгом мира, овладевает нашей Родиной. В Петрограде государственная власть уничтожена, и германский штаб диктует свою волю. Германии нужно продление в России разрухи и беспорядка, дабы не было со стороны законной власти отпора ее хищническим вожделениям. Преступный мятеж большевиков сознательно нарушил выборы в Учредительное собрание. Ныне же надежда многострадального русского народа, Учредительное собрание, срывается наемниками немцев. Но завладеть всецело Россией можно лишь после полного уничтожения ее вооруженной силы. И вот наша армия, выдержавшая стойко три года войны, разрушается не открытой силой извне, но изнутри, силой предательства и измены… Цель эта (Германии. — *Г. И.*) *— полное экономическое порабощение России. Хранитель русских богатств, благодатный юг, обречен в будущем, по немецким расчетам, на окончательное рабство. Сейчас немцы стремятся немедленно завладеть южными нашими областями, дабы их средствами спасти Германию от грозящего ей истощения…*

Создавшееся положение требует героических мер. В сознании смертельной опасности, угрожающей нашему Отечеству, русские люди должны забыть все разъединяющие их различия взглядов, партий, состояний и положений, должны слиться в едином могучем порыве. Разрастаясь и ширясь, он свяжет единой действенной волей к спасению России все государственномыслящие силы страны, все слои широкой народной массы. Объединенными усилиями они должны ковать оружие защиты и освобождения. Нужна организованная военная сила, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Для всех русских людей — немедленно приступить к созданию этой силы, к образованию

мощной духом и воинской дисциплиной Добровольческой армии. В ней найдут место все, кто исполнен мужественной решимости поднять меч на защиту Отечества. И нужны средства, нужны люди. Пусть каждый внесет в это великое дело посильный дар. Сильные, да войдут в ряды ее, слабые, да помогут в деле организации и патриотической проповеди. Добровольческое движение должно быть всеобщим…

Армия эта должна быть той действительной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России…

Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство свободно избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии, отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия…

Да будет это последним походом русских людей в эту тяжелую годину и да завершится честно и грозно святое дело за освобождение России…

За свободную волю Русского народа — за Учредительное собрание — за возрождение Великой России!»

Судьба в то трудное время улыбнулась Антону Ивановичу Деникину, сведя его в начале белой борьбы с такими уникальными вождями ее, как Михаил Васильевич Алексеев и Лавр Георгиевич Корнилов. Но судьба одновременно зло посмеялась над генерал-лейтенантом Деникиным, заставив его в течение 1918 года украдкой смахнуть рукавом скупую мужскую слезу у гроба обоих русских генералов, завершивших земной путь и оставивших Антона Ивановича один на один со всеми проблемами Белого движения…

Будучи назначенным начальником 1 — й стрелковой дивизии (начальник штаба, естественно, генерал Марков), Деникин приступил к ее формированию почти с нуля. В его распоряжении находилось около 1500 человек, боекомплекта — 200 патронов на винтовку. К январю 1918 года генерал смог сформировать около 4000 человек. Появилось 5 пушек. Практически — это все силы и средства армии. Хозяйственных функций у генерала не было. Фактически установилось своеобразное двоевластие: Корнилов — Деникин. Его устранили в начале февраля 1918 года.

Как добывалось оружие? Всяко. Иногда так, что в это трудно поверить. Регулярная казачья армия разлагалась. Тогда добровольцы стали прибегать к «системе Д». С благословения Деникина они обменивали у казаков, предварительно споив их, пушки и пулеметы на бочки водки. Ночью со складов казаков

исчезали ружья и патроны. Все эти «предметы первой необходимости» могли бы быть добыты более достойным образом, если бы не столь значительный недостаток денег.

«Казачьи комиссары, — вспоминал Деникин, — продавали все, что угодно, все, что находилось под рукой, включая и свою совесть».

Лучшие военно-организаторские качества Антона Ивановича проявились в тот момент (январь 1918 года), когда Добровольческая армия, не закончив до конца формирования, вступила в сражения с красными частями, посланными Совнаркомом для подавления мятежа атамана Каледина. Казацкие же части обвально разлагались.

В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший красными отрядами, доложил в Совнарком, что казаки горят энтузиазмом, они «стремятся покончить с атаманом Калединым своими руками».

На Черкасском фронте Деникин, проявив волю военачальника в управлении войсками, добился временных тактических успехов, правда, ценою больших потерь.

Война — вещь суровая. В ней нет места сантиментам. Здесь диктует образ мыслей и действий простое на первый взгляд словосочетание — «военная целесообразность». Боевой генерал Деникин, как никто другой, понимал, что кроется за этой фразой. Он вынужден посылать на смерть белых волонтеров (а их всего-то 400 человек), ибо превосходящие силы противника, рвущиеся на Дон, нужно задержать. Кто знает, сколько нравственных мук испытывал Антон Иванович, когда вынужден был вести себя так, как описал Гуль, сам побывавший в мясорубке первых боев с красными на Черкасском фронте?

«…Спрыгиваю с лошади — вхожу в вагон. „Вам кого?“— спрашивает офицер в красивой бекеше и выходных сапогах. „Генерала Деникина, с донесением“. — „Сейчас“.

Выходит Деникин. В зеленой бекеше, папахе, черные брови сжаты, лицо озабочено, подает руку… „Здравствуйте, с донесением?“ — „Так точно, ваше превосходительство“.

Повторяю донесение… „Полковник С. приказал спросить, не будет ли подкрепления и не будет ли новых приказаний?“

Лицо Деникина еще суровее. „Подкреплений не будет“, — отрезает он. „Что прикажете передать полковнику С.?“ — „Что же передать? Принять бой!“ — с раздражением и резко говорит он…»

Антон Иванович в первых боях с красными делает первый горький вывод, что Гражданская война «калечит не только тело, но и душу», что жестокость порождает ответную жестокость.

Он, безусловно, прав. Обратимся вновь к свидетельствам

Гуля.

«…Черноусого солдата вели к полю. Перешли последний путь… Я влез в вагон. Выстрел — одни, другой, третий…

Когда я вышел, толпа расходилась, а на месте осталось что-то бело-красное. От толпы отделился, подошел ко мне молоденький прапорщик: „Расстреляли. Ох, неприятная штука… Все твердит: „За что же, братцы, за что же?“ А ему: ну, ну, раздевайся, снимай сапоги… Сел он сапоги снимать. Снял один сапог. „Братцы, — у меня мать-старуха, пожалейте!“ А тот курносый солдат-то наш: „Эх, да у него сапоги-то дырявые…“ — и раз его, прямо в шею, кровь так и брызнула…“

Падал снег, стал засыпать пути, вагоны и расстрелянное тело…

Мы сидели в вагоне и пили чай…»

Так просто, обыденно…

Таганрогским фронтом командовал полковник Кутепов, человек настолько же мужественный, насколько и упрямый. Под его началом находился капитан Скоблин, также храбрый, но… чрезвычайно подверженный влияниям.

В тот день стояла задача захватить находящуюся в руках красных железнодорожную станцию. Операция прошла успешно, Кутепов и Скоблин вышли на перрон станции, увидели лежащий невдалеке труп. Железнодорожник лежал, скрючившись, с распоротым саблей животом. В рот ему были засунуты жалкие и кровоточащие атрибуты мужественности. На обнаженной груди фотография, на которой изображены два молодых человека в форме юнкеров и стояла надпись: «Нашему дорогому папе».

Полковник перекрестился, капитан взвыл от бешенства:

— Монстры! Мерзавцы!

Он склонился над фотографией.

— Я узнаю блондина, он служит в моей части. Эти презренные негодяи убили его отца! Они дорого мне за это заплатят.

Вокруг собрались солдаты. Один из юнкеров вышел вперед, это был сын казненного. Тем временем на вокзал прибыл вагон, он привез около двадцати большевиков, взятых в плен на соседней станции. Прежде чем кто-либо успел его остановить, юнкер разрядил свой карабин в толпу пленных. Его разоружили слишком поздно, он зарыдал.

Скоблин попытался его успокоить:

— Мы отомстим за твоего отца, можешь на меня положиться! Даю тебе слово чести!

В 1930 году этот же самый Скоблин, только уже генерал-майор русской армии без Русского государства, ставший

советским агентом, вероятнее всего, участвовал в похищении, организованном в Париже агентами ОГПУ своего бывшего шефа Кутепова. А еще через семь лет он лично будет руководить двумя другими похищениями — генералов Деникина и Миллера, из которых удачным будет лишь второе, а затем исчезнет, не оставив никаких следов…

Итак, армия была сформирована и обстреляна в первых боях. И заслуга в этом генерала Деникина — большая.

Антон Иванович с первых дней формирования Добровольческой армии утверждался в качестве одного из ее вождей. Генерал Алексеев, выступая перед казачьим правительством Дона в январе 1918 года, прямо заявил, что командуют армией Корнилов и Деникин. Здесь — естественный ход вещей. К такому статус-кво герой моего повествования подошел всей своей жизнью до ноября 1917 года.

В его жизнь вновь вторгается политика и… любовь.

Новочеркасск. Конец ноября 1918 года.

Антон Иванович покидал кабинет донского атамана Алексея Максимовича Каледина с невеселыми мыслями. «Что же это получается? — размышлял про себя Деникин. — Атаман теряет управление войсками. Не мудрено, конечно: казачество серьезно заболело большевизмом. Алексей Максимович твердо пообещал нам убежище на Дону. В то же время он считает, что с учетом обстановки мне и Лавру Георгиевичу лучше переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах. Да, правительство Дона повторяет ошибки Временного правительства… К делу Алексеева отношение тоже прохладное. Ясно, правительство Дона не желает вступать в конфликт с советской властью. Казачья молодежь развращена фронтом. Она больше всего боится тех, кто может снова послать их на войну. Правда, интеллигенция более-менее сочувственно относится к нашему делу. Но она бессильна, не имеет должного политического веса…»

Парадоксально, но факт: Деникин первое время работал в полуконспиративных условиях, носил штатское платье. Гуль в своем знаменитом «Ледяном походе» писал о том, как увидел Антона Ивановича в штабе Добровольческой армии:

«Стильный, с колоннами зал полон офицеров в блестящих формах. Среди них плотная, медленная фигура Деникина. В штатском, хорошо сшитом костюме он больше похож на лидера буржуазной партии, чем на боевого генерала».

Генерал Корнилов также вынужден был жить конспиративно, его фамилия официально в донских учреждениях не упоминалась. Алексеев в газетах фигурировал под прозрачным псевдонимом «генерал Алексин».

Справка

Донской атаман Алексей Максимович Каледин (1861–1918) — прирожденный военный. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Академию Генерального штаба. Генерал от кавалерии, до мая 1917 года командующий 8-й армией. После смещения Временным правительством с должности избран 17 июня войсковым атаманом Донского казачьего войска. Он был талантливым военачальником. Наглядная иллюстрация тому — участие в знаменитом Брусиловском прорыве, когда возглавляемая Калединым 8-я армия сыграла решающую роль на направлении главного удара.

Но сейчас атаману приходилось действовать в непривычной для него политической сфере. Обвинения в контрреволюционности в ту пору еще значили много, и для того, чтобы избежать их, Каледин был вынужден поначалу скрывать факт формирования в Новочеркасске офицерских отрядов.

Однако уже скоро ему пришлось обратиться в Алексеевскую организацию за помощью. По просьбе атамана 22 ноября 1917 года юнкерский батальон и взвод Михайловско-Константиновской батареи разоружили солдат 272-го и 273-го пехотных запасных полков, расквартированных на окраине Новочеркасска. Спустя несколько дней добровольческие отряды под командованием полковника Хованского были брошены на подавление рабочего восстания в Ростове. Боевое крещение добровольцев оказалось крайне тяжелым. Потери за это время составили свыше 120 человек убитыми и ранеными. Лишь 1 декабря Ростов был взят. После этого сюда переместился штаб формирующейся армии.

Серьезно осложняло положение то, что в отношении двух антибольшевистских сил юга России (Донское казачество и Добровольческая армия) нагнеталась напряженность. Казацкое правительство не видело в лице Добровольческой армии надежной опоры в суверенных устремлениях казачества.

Тяжко на душе у Антона Ивановича оттого, что так много непонимания вокруг. Лишь только любовь к Ксении Васильевне греет генеральскую душу…

Ася приехала в Новочеркасск. Ее путешествие прошло без приключений благодаря миловидному личику и подлинным документам. Осторожность требовала, чтобы она сохранила

прежнюю фамилию и считалась незамужней. Но Деникин полагал, что он и так уже долго ждал, и хотел, чтобы его любимая сменила затянувшийся статус невесты на статус законной жены. Он больше не желал откладывать свадьбу.

День был холодный и сумрачный. В Новочеркасске неспокойно, в городе стрельба. Венчались не в соборе, а в одной из городских церквей. Чтобы избежать огласки и не привлекать внимания, священник решил не зажигать паникадила. Внутри церкви тускло мерцали огоньки восковых свечей. Ни приглашенных, ни хора…

Кроме священника на бракосочетании присутствовали лишь четверо свидетелей-шаферов: генерал Марков, полковник Тимановский, адъютант генерала Деникина и адъютант генерала Маркова.

Атаман Каледин хотел отметить событие маленьким приемом у себя, но Антон Иванович с благодарностью отклонил это предложение ввиду тревожного настроения в городе.

Так началась семейная жизнь генерала Деникина. Как и убогая свадьба его, она прошла в бедности… Рассказывает дочь Марина Антоновна:

«Мои родители не любили упоминать об их свадебном путешествии. Однако в 1939 году — мы жили тогда в трех очень маленьких и очень сумрачных, выходящих окнами во двор комнатах, в доме на улице Лакордер XV округа Парижа — моя больная мать упомянула об этом:

— Иваныч! Когда-то ты обещал, что мы проведем наш медовый месяц под лазурным небом Рима и Венеции, но мы восемь дней продрожали от холода в этой станице Славянской, погребенные под снегом! И теперь я умираю здесь, в этой ужасной темноте, и так никогда и не увижу Италии! Зря я верила твоим обещаниям!

Мой отец, желая ее утешить, шутил:

— Прежде всего, от простого гриппа ты не умрешь. И потом, вспомни, ты мне говорила, что сначала ты хочешь повидать Париж. Вот мы и в Париже.

Во взгляде моей матери он уловил упрек и с виноватым видом опустил голову. Впервые мой отец, с таким мужеством и достоинством противостоящий превратностям судьбы, вызвал во мне жалость…»

Прошло восемь дней медового месяца, и Александр Домбровский — Деникин все еще жил под чужим именем — счел своим долгом покинуть станицу Славянскую и прибыть к Маркову и Алексееву в Екатеринодар. Но Алексеев вернулся на Дон к Корнилову. Пришлось возвращаться в Новочеркасск.

Антона Ивановича угнетало и то, что в недрах формирующейся Добровольческой армии тоже не все было в порядке. Вроде бы она сформирована, но в литавры бить рано.

Писать победные реляции — тем более. Ведь тысячи храбрецов — это капля в безбрежном океане Гражданской войны.

Где же вы, господа офицеры? Где вы, доблестные российские солдаты?

По замыслу отца Белого дела на Дону должны были собраться не менее 30 тысяч офицеров, призванных стать ядром антибольшевистской армии. Действительность оказалась иной. Формирование армии шло медленно. В среднем в день в нее записывалось 70–80 человек. Генерал Корнилов, просматривая списки белых волонтеров, с горечью восклицал: «Это все офицеры, ну, а где же солдаты!»

К началу 1918 года в Добровольческой армии насчитывалось всего 235 рядовых, в том числе 169 солдат.

Взрослое население Ростова отвернулось от армии. Но по-иному отнеслась ростовская молодежь к призыву генерала Корнилова. Чистая идея нашла благодатную почву в чистых сердцах юношей, и, охваченные горячим порывом, пошли они пополнять ряды армии добровольцев…

Увы, приток юнкеров, гимназистов не смог значительно усилить армию. Антон Иванович случайно оказался свидетелем того, как в Ростове некоторые из них пытались записаться добровольцами.

«В батальоне генерала Боровского, — рассказывал Деникин, — можно было наблюдать комические и вместе с тем глубоко трогательные сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет (минимальный возраст для приема), или как другой прятался под кровать от явившихся на розыск родителей, от имени которых было им предъявлено подложное разрешение на поступление в батальон…»

И эти дети шли воевать, и в батальоне того же Боровского они стойко дрались, жертвенно и бессмысленно погибали, как взрослые. Здесь какой-то зловещий символ. Белое дело с первых дней было вынуждено опираться на детей с винтовкой! Не от хорошей, надо полагать, жизни.

Где же были взрослые? Не случайно генерал Алексеев на похоронах кадетов, погибших в первых боях с красными, сказал: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям. На горной скале — разоренное гнездо и убитые орлята. А где же были орлы?»

У современников не было готового ответа на вопрос отца Белого дела. Попробуем мы, не столь далекие потомки «рыцарей

белой мечты», ответить на вопрос их вождя.

Антон Иванович мотивирует пассивность офицеров тем, что они испытывали трудности с прибытием в Новочеркасск. Это неубедительно. До середины декабря 1917 года железнодорожный путь до Новочеркасска был свободен. 4 ноября 1917 года из Москвы прибыли поездом сразу 142 человека, через 10 дней — 297, а через неделю — 211. Против утверждения Деникина свидетельствует и журналист А. Суворин, пишущий, что в Ростове находилось 18 тысяч офицеров, но на призыв Алексеева откликнулось всего лишь 300 человек.

Критиковали современники генерала и его утверждение о том, что пассивность офицеров в поступлении в Добровольческую армию вызвана отсутствием приказа об их явке на Дон. Как контраргумент выдвигалось соображение о том, что наличие такого приказа не дало бы высокой явки.

На одном из митингов, возникшем стихийно, звучала мысль о том, что русский офицер «призван защищать граждан своего государства, а не честь отдельных генералов».

«Русское офицерство, — писал американский исследователь П. Кенез, — ждало, когда буря Гражданской войны пронесется над их головами».

Генерал Гришин-Алмазов[80], выступая на Ясском совещании в конце 1918 года, рассказал о полковнике Бичихерове, который командовал партизанским отрядом в 7000 человек, воевавшим против турок в Закавказье и Дагестане. Бичихеров заявил:

«Я офицер, в политике ничего не понимаю, преклоняюсь перед генералом Алексеевым, но в Добровольческую армию не вступлю, так как не хочу участвовать в Гражданской войне».

Эта пассивность была наказана. Как только Добровольческая армия ушла в 1-й Кубанский («Ледяной») поход (свидетельствуют архивные документы, сохранившиеся в РГАСПИ), в Ростов ворвались красные и многих офицеров «пришлось расстрелять».

Как следствие, сложилась невероятная ситуация, о которой с болью вспоминал постфактум генерал Деникин:

«Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступившими в армию. После взятия Ростова большевистский советский комендант Калюжный жаловался на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, „что они не были в Добровольческой армии“… Так было и в Новочеркасске».

Но большевики на такие заявления офицеров о непричастности к Добровольческой армии реагировали, мягко выражаясь, неадекватно: после занятия ими Ростова, по данным Деникина, расстреляно около 500 человек. В Новочеркасске с 13 февраля по 14 апреля 1918 года расстреляно более 500 человек, в том числе 14 генералов, 23 полковника и 292 кадровых офицера.

Те, кто остался глухим к призыву белых вождей встать под белые знамена — Бог им судья! А что представляли собой те, кто добровольно доверили Алексееву, Корнилову, Деникину вести их на смертный бой?

Большая часть добровольцев была привержена монархизму. Видимо, Милюков имел веские основания утверждать: среди собравшихся на юге офицеров не менее 80 процентов были монархистами. Те, кто решил пойти на смерть ради белой идеи, симпатизировали идеи «непредрешения государственного строя». Это дань традиционным представлениям об аполитичности офицерства.

Но вот в чем преуспели белые волонтеры, так это в ярой ненависти к большевизму и мощной степени неприязни к любым социалистическим течениям вообще, даже социалистам самого умеренного толка. Среди рядового офицерства утвердился твердый стереотип: присутствие в руководстве антибольшевистской борьбой социалистов-революционеров неминуемо приводит или к провокации, или к предательству.

Немаловажным стимулом для ненависти к большевикам служили воспоминания о сорванных погонах (хотя не всегда их срывали только по указке большевистских агитаторов). Глумления над всем, что офицерство привыкло считать святым, личные унижения, — все это резко повышало планку степени непримиримости и жестокости белых волонтеров по отношению к своим идейным врагам.

«Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично приговорил офицера к смерти „за буржуйство и контрреволюционность“?» — спрашивает в своем дневнике Дроздовский. Надо понять этих людей, утверждает автор дневника. Многие из добровольцев «потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты и среди которых нет ни одного, не подвергшегося издевательствам и оскорблениям… Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшова, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?»

Слов нет, позиция Дроздовского многое проясняет. Однако она не может быть моральным оправданием, например, тех

бессудных расстрелов, которые будут практиковать Дроздовцы, особенно в первой половине 1918 года. Жестокость порождала ответную жестокость.

Впрочем, Гражданская война — не то историческое пространство и время, где можно успешно заниматься нравственным воспитанием народа.

Кроме идейно-политического облика белых волонтеров, не меньший интерес представляет и вопрос о социальном характере Добровольческой армии. Тем более что он имеет достаточно дискуссионный характер.

Генерал Деникин считал, что с первых дней комплектования на армию легла «печать классового отбора». Несмотря на внешне вроде бы демократические цели, всенародного ополчения не получилось. Антон Иванович считал, что армия «в своем зародыше несла глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый». И это позволило возбудить против нее народ, противопоставить их.

Белоэмигрантский историк Н. Головин соглашается с этой точкой зрения. Но с генералом А. И. Деникиным спорит другой видный историк русского зарубежья С. П. Мельгунов. Он пишет, что, к сожалению, «сам Антон Иванович неосторожным словом, назвав свою армию классовой, сузил ее значение и дал оружие в руки противников».

На взгляд ученого, добровольчество, особенно в первый период, не было классовым движением. Оно — национальное, «неизменно интеллигентское…». Интеллигенция никогда не защищала «эгоистических интересов отдельных групп, а служила общественной нравственности и справедливости».

Мельгунов идеализирует русскую интеллигенцию. История показывает, что цвет нации — русская интеллигенция, к сожалению, порою бывала эгоистична, вплоть до предательства.

Но вообще-то проблема социально-классового состава Добровольческой армии неоднозначна…

Отечественный историк А. Г. Кавтарадзе, один из наиболее объективных исследователей Гражданской войны, проанализировав послужные списки генералов и офицеров — участников 1 — го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии, выявил: из 71 офицера и генералов — участников похода только у *троих* было недвижимое имущество. Так где же здесь доминирующее помещичье-буржуазное происхождение белых волонтеров, о котором писал, например, советский историк Л. Спирин?

Пестрота социального состава Добровольческой армии, идейно-политический облик ее добровольцев, печальный опыт

гонений на офицерство, полученный в революционном 1917 году, — все это самым непосредственным образом сказалось на морально-психологическом состоянии белых волонтеров.

Было много тех, кто делал свой выбор по идейным мотивам.

Их кредо четко сформулировал генерал С. Л. Марков, заявивший, что легко быть честным и храбрым, когда осознал, что «лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной Родине»[81].

Были и те, кто попал под влияние воинской романтики (преимущественно гимназисты, юнкера). Впоследствии они с упоением вспоминали об этом в эмиграции. Вообще Добровольческая армия была необыкновенно молода. Офицерская молодежь называла Деникина «дедом Антоном», — а какой же дед — в 1918 году ему всего-то исполнилось сорок шесть. И горячо был влюблен в свою Ксению, вот ведь как!

В числе добровольцев имелись офицеры, которые искренне приняли революцию и поначалу приветствовали ее. Но затем, столкнувшись с теневыми сторонами, впали в отчаяние. Подпоручик А. И. Лютер писал в своем дневнике:

«Сидишь как пень и думаешь о грубости и варварстве. Не будь его, ей-богу, я бы был большевиком, только поменьше социализма… Будь все сделано по-людски, я бы отдал им землю и дворянство, и образование, и чины, и ордена… Так нет же: бей его, помещика, дворянина, бей интеллигента, буржуя, пей его последние соки. И конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен».

Можно только посочувствовать таким офицерам, попавшим под жернова всеобщей злобы и насилия, этой мутной пены, которая выплеснулась на поверхность в 1917 году. Именно в ту пору среди офицеров ходили в списках стихи:

…Народ с нас погоны сорвал,
Названье святое «бойца-офицера»
В поганую грязь затоптал.
И край наш родимый от немцев спасая,
За Родину нашу умрем…

Стоит ли удивляться, что офицеры, читавшие такие стихи, пополнили ряды белых волонтеров?!

Изначально дискредитировали белую идею добровольцы из числа всевозможных авантюристов, люди без совести и чести, подобные некоему поручику К-ою, ярко описанному участником 1-го Кубанского похода Романом Гулем:

«*К-ой в мирное время был артистом плохого шантана; глядя на него, я часто думал: что привело его в белую армию? Погоны?*

Случайное офицерство? И мне казалось, что ему совершенно все равно, где служить: у „белых“ ли, „красных“ ли, — грабить и убивать везде было можно».

Уже в начале формирования Добровольческой армии имели место случаи откровенного бандитизма со стороны офицеров. В Ростове в предновогоднюю ночь некий поручик Михайлов вместе с двумя юнкерами совершил налет на кафе Филиппова. Видимо, подобные случаи были не редкостью, ибо через несколько дней в газетах появилось официальное сообщение о самочинных обысках именем Добровольческой армии[82].

Вокруг белой армии было немало прилипал, всевозможных «околоштабных авантюристов». Они предлагали формировать партизанские отряды, а после получения денег и оружия от слишком доверчивого генерала Корнилова часто исчезали.

Создавалась напряженность и постоянными трениями генералов Алексеева и Корнилова.

Генералы Алексеев, Корнилов и Деникин понимали, что в армию попадает много «политического хлама». Борьба с ним, безусловно, велась. Но она отвлекала командование Добровольческой армии от решения первоочередных военно-организаторских задач.

Можно согласиться с выводом Деникина, знавшего Добровольческую армию с первых дней ее существования: правы были и те, кто видел в армии «осененный мужеством и страданием подвиг», и те, кто видел в армии «грязь, пятнавшую чистое знамя».

Между тем логика биографии Деникина подвела к рассмотрению политических аспектов его деятельности в то время, когда Добровольческая армия готовилась заявить себя мощной силой антисоветской борьбы в рамках набирающей обороты Гражданской войны в России.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР: ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Если дрессировать свою совесть,
то и кусая, она будет целовать нас.

Ф. Ницше

Русские генералы и офицеры мало что понимали в играх политиков, развернувшихся на Дону. Они знали одно: предстоят тяжелые кровопролитные бои с противником, который их ненавидел лютой ненавистью и очень значительно превосходил в живой силе и технике. Той же монетой ненависти платили красным белые волонтеры…

Рассуждай не рассуждай, а политика властно ворвалась в жизнь зарождавшейся Добровольческой армии.

И пришлось Антону Ивановичу снова с головой кинуться в этот политический омут.

18(31) декабря 1917 года состоялось первое совещание представителей партии кадетов, Совета общественных организаций, торгово-промышленных кругов, других либерально-буржуазных деятелей и генералитета. Предстояло решить вопросы существования и укрепления единства Алексеевской организации. По существу, все свелось к определению роли двух генералов: Алексеева и Корнилова.

Как ни странно, столь долго ожидаемое появление генерала Корнилова на Дону едва не привело к кризису нарождавшегося Белого дела. Это случилось потому, что между генералами Алексеевым и Корниловым сразу обострилась острейшая личная неприязнь. Стороны обвиняли друг друга в самых фантастических грехах, включая стремление впрямую устранить конкурента. Живя на одном этаже гостиницы «Европейская», они, в тех редких случаях, когда этого требовали дела, общались между собой исключительно в письменном виде. В момент одной из ссор Корнилов и Алексеев одновременно заявили о выходе из организации: Алексеев мотивировал это состоянием здоровья, Корнилов выразил намерение уехать в Сибирь.

Однако хрупкий организм зарождающейся Добровольческой армии, справедливо полагал генерал Деникин, не выдержал бы удаления любого из бывших главковерхов. В первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором (уход Корнилова) она бы развалилась. Но им обоим в узких рамках только что начинающегося дела было слишком тесно. Деникин приложил

много усилий для примирения двух генералов, но особых успехов не добился, хотя в конце декабря 1917 года Корнилов и был официально назначен командующим Добровольческой армией.

Не менее острая проблема, которую призвано было решить совещание, — создание органа, возглавившего бы все Белое движение.

В декабре 1917 года Деникин в присутствии генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Лукомского, Романовского, Маркова прочитал разработанную им лично записку, в которой изложил Конституцию верховной власти на Дону. Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и интересы Дона, Деникин предложил создать триумвират Алексеев — Корнилов — Каледин. Автор Конституции предложил отдать в компетенцию первого гражданское управление, внешние сношения и финансы, в компетенцию второго — всю военную власть, а атаману Каледину — управление Донской областью.

Верховной властью, по деникинскому замыслу, должен был стать триумвират. Он разрешал бы все вопросы государственного значения. Предполагалось, что в заседаниях должен председательствовать тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

Генералитет одобрил проект Антона Ивановича. После редактирования триумвиры подписали его Конституцию. Один экземпляр был послан Московскому центру. Так, при непосредственном участии генерала Деникина было создано первое общерусское противобольшевистское правительство, которое просуществовало в течение месяца, до самоубийства Каледина.

Однако при сложившихся личных отношениях двух из триумвиров вновь созданный орган, если бы он действительно играл какую-либо роль, был бы нежизнеспособен. По оценке Деникина, найденная конструкция была «исключительно психологическим средством», позволившим генералу Алексееву сдаться, сохранив при этом лицо. В случае раскола основная масса добровольцев несомненно пошла бы за генералом Корниловым. Но и без организаторских талантов генерала Алексеева обойтись было трудно, особенно при сборе денежных средств. Представители Московского центра в начале декабря привезли 600 тысяч рублей, а позднее еще около 200 тысяч. С этой же целью в Москву и Петроград регулярно направлялись специальные курьеры, такие, как медсестра Нестерович-Берг, доставившая за несколько поездок более 30 тысяч рублей.

Что же получается? Деникин, столь не любивший политическую деятельность, проявил себя в самом начале Белого

движения как способный политик. Он сумел найти гибкие формы взаимодействия с представителями различных политических сил в сложной обстановке. Но данная положительная тенденция в его дальнейшей политической деятельности не получит надлежащего развития и просто затухнет…

Следовательно, к началу 1918 года у белых волонтеров вырисовались фигуры вождей. Это не прошло незамеченным для очевидцев.

Б. Ростов в воспоминаниях о зарождении Белого движения классифицировал его лидеров следующим образом: Алексеев — основатель Добровольческой армии, а Корнилов и Деникин — ее вожди. Вряд ли можно согласиться с мнением генерала С. В. Денисова, писавшим в эмиграции, что Деникина нельзя на первом этапе (до 1-го Кубанского («Ледяного») похода) относить к вождям белой борьбы. Видимо, такие мысли навеяны автору воспоминаний его личной конфронтацией с Деникиным в 1918 году.

Но заметим, что Антон Иванович в то время не играл первых ролей. Он был третьим лицом после Алексеева и Корнилова.

Прибывшие из столицы представители Московского центра тоже включились в политическую игру по поводу власти. На одном из совместных заседаний добровольческого командования и московских делегатов было принято решение об образовании Гражданского совета. В него вошли генералы Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. М. Каледин, А. С. Лукомский и И. П. Романовский. Московский центр представляли М. М. Федоров, Г. Н. Трубецкой и А. С. Белецкий (после его отъезда в Москву он был заменен П. Б. Струве). Персонально был приглашен П. Н. Милюков. От донских властей в совет включены помощник атамана М. П. Богаевский, Н. Е. Парамонов, депутат Войскового круга П. М. Агеев и председатель крестьянского съезда С. П. Мазуренко. Два последних считались социалистами и представляли в совете так называемую революционную демократию.

Политические взгляды основателей Белого движения не отличались левизной, но массовое сознание в ту пору еще не изжило привнесенные революцией ярлыки. Это сыграло решающую роль, когда встал вопрос о включении в состав совета Б. В. Савинкова. Первоначально Корнилов этому противился, не без основания подозревая знаменитого эсера-бомбиста в двойной игре во время августовских событий. Но в то же время Алексеев и Каледин надеялись таким образом расширить социальную базу антибольшевистской борьбы. В результате Савинков и его соратник — бывший комиссар 8-й армии В. К. Вендзягольский тоже вошли в Гражданский совет. Аналогичное предложение, по словам генерала М. В. Алексеева, предполагалось сделать Г. В.

Плеханову, А. А. Аргунову и Е. Д. Кусковой.

Создается впечатление, что вожди Добровольческой армии особо и не разбирались в оттенках левых политических течений. Чего только стоит такое заявление Алексеева: «Конечно, с Черновым и его партией никаких переговоров быть не может — нам с ними не по пути».

Между тем Чернов и Аргунов состояли в одной политической партии — партии эсеров.

Деникин от сделанного ему предложения войти в состав Гражданского совета отказался. Думается, что его отказ от допуска к столу, где хотели резать пирог власти, можно расценивать как принципиальность. Антон Иванович не стал скрывать мотива — нежелание работать с Савинковым, вошедшим в совет от революционной демократии. Интересные данные по этому вопросу приводит в своих воспоминаниях генерал Лукомский. Он утверждает, что неприязнь генерала Деникина к Савинкову доходила до того, что Антон Иванович, чтобы не встречаться с Савинковым в январе 1918 года в Новочеркасске у Алексеева, «даже уходил в другую комнату».

По всему видно, что Антон Иванович — крупный политический игрок. Но он играет на политическом поле, где уже просматривалась та тенденция, что расцветет пышным цветом в обозримом будущем и станет одной из существенных причин гибели Белого дела. Это — отсутствие единства в антисоветском лагере.

Итак, наперекор всем трудностям, при активном участии Антона Ивановича Добровольческая армия родилась. Но день рождения она отметила не за праздничным столом, не торжественным маршем белых волонтеров, а первой пролитой братской кровью. Добровольческую армию ждало трудное детство…

В начале января советские войска развернули наступление на Ростов и Новочеркасск. Общее руководство операцией осуществлял Антонов-Овсеенко. Красные наступали двумя колоннами, которыми командовали Саблин и Сиверс. А моральное разложение донского казачества достигло таких размеров, что атаман Каледин почувствовал полную беспомощность и одиночество. Надежда, теплившаяся в его душе, что каким-то чудом удастся оградить Дон от общей участи, окончательно исчезла. Анархия охватила всю область Войска Донского. Призывы и увещевания потеряли силу…

На горизонте промелькнула героическая фигура есаула Чернецова. Его партизанский отряд, состоявший из учащейся молодежи, с успехом дрался на всех направлениях. Красные

высоко оценивали его голову. В одном из боев Чернецов был захвачен в плен и зверски замучен. С его смертью последняя искра сопротивления угасла.

Повсюду вспыхивали казацкие мятежи. Офицеров убивали и, по словам Каледина, «в некоторых полках Донского округа удостоверены (были) факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение». Трагедия Каледина заключалась в том, что Дон за ним не пошел. Он оказался безвластным и бессильным.

Добровольцы, захлебываясь кровью, несли огромные потери. Не имея достаточно сил и средств, только благодаря высокому моральному духу и военному профессионализму сдерживали продвижение красных частей. Пощады побежденным нет. Ни с той ни с другой стороны. Генерал Марков, отправляя в бой последние резервы, напутствовал идущих на смерть: «Имейте в виду, враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!»

Вечером 15 января в доме Парамонова на Пушкинской улице в Ростове, где расположился штаб командующего Добровольческой армией генерала Корнилова, состоялось последнее совместное заседание триумвирата и Гражданского совета. В кратком выступлении атаман Каледин крайне пессимистично оценил происходящее:

— Таким образом, нас постепенно, но верно окружают со всех сторон, и выхода нет никакого, надеяться не на кого, абсолютно не на кого, кроме как на самих себя.

Взявший после этого слово генерал Алексеев попытался снять мрачное настроение. Он говорил, что даже если дальнейшее сопротивление окажется бесполезным, это еще не будет означать конца.

— Мы тогда уйдем к Саратову или куда-нибудь за Волгу и там соберемся с силами для новой борьбы, Добровольческая армия готова к этому.

Но эти слова отнюдь не успокоили атамана.

— Для меня это большая новость, — заявил он, — что Добровольческая армия собирается куда-то уходить из Донской области и что она даже уже готова к этому.

Алексеев пытался что-то объяснить, но Каледин, поклонившись всем, вышел из комнаты.

28 января Корнилов принял судьбоносное решение. Он телеграфировал атаману о том, что добровольцы прекращают оборону Ростовского района. На следующий день Каледин доложил об этом донскому правительству и объявил, что слагает с себя власть. Поднявшись в жилые комнаты на второй этаж

атаманского дворца, он, один из героев Брусиловского прорыва, свел счеты с жизнью выстрелом в сердце.

Новым атаманом был избран генерал-майор А. М. Назаров. Съехавшиеся к 6 (19) февраля в Новочеркасск представители полков и станиц объявили себя Малым войсковым кругом. Круг делегировал атаману исключительные полномочия и объявил всеобщую мобилизацию казачества.

В надежде на то, что это сможет изменить положение, добровольческое командование задержало выполнение ранее принятого решения. Но скоро стало ясно, что катастрофа неминуема. 9 (22) февраля 1918 года Корнилов отдал приказ об уходе из Ростова. В жизни Антона Ивановича началось время 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

«ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД: ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

…В сердце, явственном
после вскрытия,
Ледяного похода знак…

Марина Цветаева

«…Грузноватый, лысый. Усы и борода седоватые. Стального цвета глаза под густыми черными бровями. Он верит во Всевышнего, Родину и справедливость. Ему сорок шесть, и всего как пять недель женат».

Такой портрет генерала Деникина, ушедшего в 1-й Кубанский («Ледяной») поход, нарисовала его дочь.

Тяжело прощался Деникин с молодой женой. Она поселилась под своей девичьей фамилией у некоей госпожи Яблоковой на улице Дмитриевской. Ксения Васильевна сохранила в секрете свое бракосочетание. Хоть какая-то, но страховка от большевистских репрессий. Но… у ее квартирной хозяйки жил племянник. Деникин его мельком видел, это был красивый молодой человек… Старясь изгнать из своего сердца ревность, генерал повторял, разделяя мнение Алексеева:

— Если в этот трагический час нашей истории не найдется хотя бы несколько человек, готовых противостоять большевистскому безумию и преступлениям, готовых пролить кровь за погибающую Россию, то наш народ не народ, а… дерьмо!

Попрощался перед походом со своей женой, дочерью, сыном и Лавр Георгиевич. Он оставлял семью без денег, под защитой едва знакомых ему людей.

— Что-то мне говорит, — произнес он пророчески едва слышно, — что это до свидания на самом деле прощай!

«Мы уходим в степи. Можем вернуться, если будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы…» — такую записку написал генерал Алексеев знакомым.

«…Мы уходили.

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте — в казармах Ростовского полка (генерала Боровского) в ожидании подхода войск…

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз

— таких обыденных, таких далеких от пережитых минут…» — пишет постфактум генерал Деникин.

Данные фрагменты прочно поселились в историографии русского зарубежья.

Что характерно, Михаил Васильевич Алексеев писал накануне выступления Добровольческой армии в «Ледяной» поход, а Антон Иванович Деникин — в 1922 году. Однако у обоих чувствуется внутренняя напряженность, тревожное ожидание неизвестности. Но если Деникин знал печальные итоги белой борьбы, то Алексеев мог их только прогнозировать…

Нам не дано знать, делал ли генерал Алексеев какие-либо прогнозы о предприятии Добровольческой армии, но нам известен его интеллект, аналитический ум. И кто знает, что он вкладывал в свою фразу: «…можем вернуться, если будет милость Божия…»

По крайней мере, не чувство страха. Это не для старого воина… А может быть, чувство обреченности?

Вечером, когда уже стемнело, в вестибюле особняка Парамонова собралось все командование Добровольческой армии. Пешком по неосвещенным улицам генералы и чины штаба добирались до казарм в Лазаретном городке, где бьи установлен пункт сбора. Отсюда путь лежал в ночную степь.

Корнилов стал еще больше походить на монгола — длинная шинель с каракулевым воротником, папаха, натянутая до самых глаз. Никогда он не предполагал, что в зените славы, в 48 лет станет командующим армией, меньшей по численности, чем… развернутый полк армии царской России…

Выведя отряд из города, Корнилов гнал его без остановок вперед. Уже ранним утром достигли Аксайской станицы в 20 верстах от Ростова и здесь по подтаявшему льду переправились через Дон. Около полудня 10 (23) февраля добровольцы вступили в станицу Ольгинскую и только здесь остановились на отдых.

Так начался «Ледяной» поход, о котором позднее, в 1932 году, один английский писатель, бывший военный корреспондент Джон Эрнст Хогсон, скажет:

«Будущие поколения, вне всякого сомнения, оценят начало Добровольческой армии как один из наиболее высоких военных подвигов»…

Настроение у всех было подавленное, ибо происходящее слишком напоминало поспешное бегство. То, что это было именно бегство, подтверждается многими деталями: несмотря на явную опасность переправы через Дон в темноте, Корнилов увел армию ночью, тайно; приказ об оставлении Ростова был неожиданным не только для рядовых добровольцев, но и для

многих генералов. Деникин начал поход в штатском платье и легких ботинках, не успев достать сапоги; в городе остались большие запасы одежды и продовольствия, уже по дороге на Аксай пришлось бросить бронеавтомобили, так как выяснилось, что забыли захватить бензин.

Но самое важное заключается в том, что с Добровольческой армией уходили те, у кого не было другого выхода, кто не мог оставаться, не опасаясь мести победителей. Утром последнего дня пребывания в Ростове командир студенческого батальона, состоявшего в основном из местных уроженцев, генерал Боровский объявил, что желающие могут вернуться домой. Ушли многие, но к вечеру большинство вернулось, объясняя это следующим: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут».

После реорганизации в станице Ольгинская армия стала иметь: около 4000 тысяч личного состава, 4 батареи по 2 трехдюймовых орудия в каждом, 6 снарядов и 200 патронов на винтовку. В составе армии было 3 полных генерала, 8 генерал-лейтенантов, 25 генерал-майоров, 190 полковников, 52 подполковника, 15 капитанов, 251 штабс-капитан, 392 поручика, 535 подпоручиков, 668 прапорщиков. Нижних чинов — 1067, из них: кадетов и юнкеров — 437, 630 штатских добровольцев, 1548 медсестер и врачей, 118 гражданских беженцев (более подробно см. Приложение 12).

Не будет преувеличением сказать, что военная история не знает армий, подобных Добровольческой, ушедшей в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. 2139 начальников на 1067 подчиненных! По классическим канонам военного искусства, такая армия не могла быть боеспособной. Земля считается завоеванной, когда на нее вступила нога солдата. Офицер управляет боем, но ведут его солдаты. Кто же должен был управлять боем, а кто его вести в Добровольческой армии времен легендарного «Ледяного» похода?

Все было поставлено с ног на голову: в боевых цепях белых волонтеров в штыковую атаку шли седоусый полковник и юный прапорщик. Командовал — генерал, да и то не каждый из 36, внесенных в штатное расписание армии. И такая армия стала отличной боевой единицей. Здесь налицо военно-исторический феномен. Нужны взвешенные оценки, серьезное осмысление. Но, к сожалению, в отечественной военно-исторической литературе пока что нет обобщающих трудов о 1-м Кубанском («Ледяном») походе.

Правда, одну вескую причину, почему Добровольческая армия стала отличной боевой единицей, несмотря на уникальную

специфику ее личного состава, хорошо подметил Антон Иванович:

«Молодость, порыв, вера в будущее и вот эта крепкая здоровая связь с вождем (генерал Корнилов. — *Г. И.*) *проведут через все испытания».*

Полковник Кутепов Александр Павлович. В походе командовал сборным отрядом: юнкера, солдаты, чиновники, кадеты, горстка интеллигентов. По воспоминаниям Марины Деникиной-Грей, А. П. Кутепов:

«Бывший командир Преображенского полка[83]*, история которого восходит к Петру Великому. Смуглый, с квадратной бородой. Коренастый. Изящно-щеголеватый. Холостой…»*

Современники подчеркивали исключительную храбрость Кутепова. С Антоном Ивановичем он пойдет весь путь до конца… Станет крупной фигурой антисоветских сил в белой эмиграции. Трагически погибнет, будучи похищенный агентом советских спецслужб…

Генерал Марков Сергей Леонидович. Командовал сводным офицерским полком.

«Герой Великой войны (Первой мировой. — *Г. И.*). *Весь из мускулов. Волосы и борода черные как смоль. Сентиментальный и суеверный, грубый и храбрый. Под его обаяние одинаково попадают и женщины, и мужчины. В походе ему было 39 лет. Он женат, у него двое детей».*

…Под Медвецкой решалась судьба корниловцев: вырвутся из кольца железных дорог — будут живые и среди них. Впереди ждали рельсы, товарняк красных с патронами и снарядами. Марков каждым выстрелом распоряжался — пушку поставил на прямую наводку. Многие офицеры шли в атаку без винтовок — несли снаряд для пушек.

Марков первый вскочил на паровоз. Машиниста — штыком в живот. Тот: «Товарищи, товарищи…»

Да только нет уже «товарищей». Били в вагонах всех без разбора: солдат, матросов, баб, раненых. Один жуткий мат, хрип, рев…

Белые добыли патроны и снаряды, перерубили кольцо железных дорог, ушли в вольную степь.

Маркова называли «храбрейшим среди храбрейших». Равных по бесстрашию ему не было. Сам водил господ офицеров в штыковые атаки, и не раз, и не два… В злой пулеметной метели бежал всегда впереди и всегда — с солдатской винтовкой наперевес.

Был роста невеликого, усы и борода последнего императора… Спереди, как и положено, под шеей у воротничка

солдатской гимнастерки крупный крест — Станислав с мечами. Глаза имел живые, как говорили, «со светом». Пал Сергей Леонидович незадолго до своего сорокалетия — 25 июня 1918 года, в самом начале 2-го Кубанского похода…

Генерал Корнилов в ходе реорганизации армии, когда она приняла более мобильный вид, укрепил и ее командование, назначив помощником командующего Добровольческой армией генерала Деникина. Кто знает, думал ли в момент этого назначения Лавр Георгиевич, что он выбрал себе преемника? Сам Антон Иванович позднее писал о своем назначении так:

«Меня Корнилов назначил помощником командующего армией. Функции довольно неопределенные, идея жуткая — преемственность».

Отдохнув в Ольгинской, Добровольческая армия, выполняя решение своего командующего, 14 (27) февраля выступила снова в поход. Видимо, будет правильным с этого момента классифицировать его именно как 1-й Кубанский («Ледяной») поход.

Исполняя обязанности помощника командующего армией, а затем командующего, Деникин взвешивал все сложности до сих пор формирующейся, но уже воюющей армии, ее сильные и слабые стороны. Безусловным плюсом было то, что в армии царил здоровый морально-психологический климат. В РГВА хранится очерк неизвестного автора: «Добровольческая армия. Ее прошлое, настоящее, будущее».

Говоря о Добровольческой армии периода 1-го Кубанского похода, очеркист с гордостью заявляет, что всех связывала единая воля к победе, «все были близкими, родными друг другу, на единодушии строилось взаимное доверие, и воспитывалась непоколебимая стойкость»[84].

И действительно, поход давал примеры мужества и благородства добровольцев во взаимоотношениях между собой. Генералы «Ледяного» похода пулям не кланялись, в штабах не отсиживались, первой линии в бою не гнушались.

Антон Иванович вспоминал:

«…Мы идем с корниловцами, которые выслали колонну влево, в обход станции, и наступают тихо, выжидая результатов обхода. С цепями идет с винтовкой в руках генерал Каза нович — корпусной командир.

— Совестно так, без дела, — отвечает он, улыбнувшись исподлобья на чей-то шутливый вопрос.

Несколько поодаль стоит генерал Алексеев со своим адъютантом ротмистром Шапроном и с сыном. Ему тяжко в его годы с его болезнью, но никогда еще никто не слышал из уст его

малодушного вздоха. Тщательно избегая всего, что могло бы показаться Корнилову вмешательством в управление армии, он бывал, однако, всюду — и в лазарете, и в обозе, и в бою; всем интересовался, все принимал близко к сердцу и помогал добровольцам чем мог — советом, словом одобрения, тощей казною…»

Или еще один пример благородства. Полковника Улагая оперировали без обезболивания — изъяли пулю из ноги. Он, посчитав, что рана легкая, уступил место в повозке тяжелораненым, а сам шел пешком.

Но была и обратная сторона Белого дела.

Зверство утверждалось с первых дней похода. Р. Гуль пишет, что после занятия станицы Лежанка в легком бою (добровольцы потеряли убитыми — 3, ранеными — 17) сразу же было расстреляно 50–60 человек. Всего уничтожили 507 человек, причем большинство в результате бессудных расстрелов.

Это вытекало из логики распоряжения командующего Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова: пленных не брать. «Чем больше террор, тем больше победы».

Архивные данные подтверждают: расстрелы за сопротивление добровольцам стали обычным явлением[85].

Характерно, что и сам Деникин признает: в 1-м Кубанском («Ледяном») походе «диапазон понимания, кто большевик, значит, расстрелять, имел у офицеров весьма широкие размеры».

Увы, «первопоходники» (так называли участников 1-го Кубанского похода), те, кому спето множество од в литературе русского зарубежья, внесли печальную лепту в эскалацию зверства в Гражданской войне…

Добровольческая армия не имела опорной базы. Приходилось маневрировать — сокращать обоз, раненых оставлять в станицах… Недостаток сил и средств обусловил гибкую тактику, напоминавшую партизанскую войну.

Газета «Клич трудовых казаков» отмечала, что Добровольческая армия не ввязывается в бой с крупными советскими отрядами, распускает ложные слухи о маршруте очередного перехода, двигается зигзагообразно, преимущественно ночью, пользуясь проселочными дорогами. При переходе железных дорог взрывает после себя мосты и рельсовую колею в обе стороны от пути движения армии, чтобы нарушить снабжение красных и оградить свои войска от внезапных нападений крупных советских частей, продвигавшихся, как правило, по линиям железных дорог.

Подобная тактика часто приносила успех.

«Огненным крестом — жар схождения двух правд. Одна часть народа сживает со света другую, и нет между ними примирения. И

не будет», — образно писал спортивная гордость Советского Союза штангист Юрий Власов о Гражданской войне в своей нашумевшей в начале 90-х годов XX века книге «Огненный крест».

Нелегкая это задача — оценивать мастерство военачальника в условиях Гражданской войны. Здесь есть элемент двусмысленности: обе стороны, включенные в водоворот мировых событий, упражнялись на собственном народе, одержимые своим «правым делом». Но иного не дано!

Антон Иванович, будучи помощником командующего армией, поддерживал, как правило, все его начинания. *Но генерал не был слепым исполнителем воли командующего.* Свидетельство тому — военный совет Добровольческой армии, собранный в станице Ольгинской 12 (25) февраля 1918 года.

Предстояло решить стратегически важный вопрос: маршрут дальнейшего движения армии. Первоначально командование Добровольческой армии планировало перенести военные действия в низовья Волги. Эти настроения поддерживала прибывшая в Ростов делегация астраханского казачества во главе с И. А. Добрынским, полагавшим себя давним сподвижником Корнилова, но сейчас он претендовал на особые права.

В середине января 1918 года в Астрахани началось антисоветское восстание, воспринятое добровольческим командованием как удобный повод осуществить задуманное. Руководителем операции был назначен полковник А. В. Корвин-Круковский, выехавший в станицу Нижне-Чирская под видом «японского полковника Ака» (не понятно, для чего только понадобилась такая экзотическая конспирация). Но астраханское восстание было подавлено, и от первоначального замысла отказались.

В двадцатых числах января, когда Корнилов впервые известил донского атамана о намерении покинуть Ростов, разрабатывался новый план, предполагавший сосредоточение армии в районе узловой станции Тихорецкая. Уже были сделаны некоторые приготовления — на станцию Батайск отправлены эшелоны с боеприпасами и снаряжением. Но недельное промедление привело к тому, что железная дорога на Ставрополь и Екатеринодар оказалась в руках красных. Оставалась возможность походным порядком пробиваться на Кубань или на север Донской области, в район «зимовников», то есть степных хуторов на зимних пастбищах.

Командарм Корнилов склонялся к этому варианту. Побывавший в Ольгинской донской журналист Н. Литвин передает его слова:

«Куда я направлюсь? Лишь только соберу все части армии и

приведу их в порядок — сейчас же перейду сюда», — и генерал обвел на карте кружок вокруг станицы Великокняжеской.

На север направили конный отряд полковника В. С. Гершельмана в 180 человек. С его уходом вся конница свелась к отряду полковника П. В. Глазенапа в 13 человек разного возраста, чина и даже пола. Позднее кавалеристы Гершельмана нагнали армию уже на Кубани.

Алексеев, узнав, что Корнилов собирается уходить в «зимовники», резко протестует. И именно по его настоянию собрался военный совет армии. Мнения присутствовавших на нем разделились: генералы Марков и Лукомский поддержали командующего; Алексеев, Деникин и Романовский высказывались за то, чтобы увести армию на Кубань на соединение с войсками кубанского правительства и формировавшимися в Екатеринодаре добровольческими частями.

На следующий день в Ольгинскую прибыл донской походный атаман П. Х Попов с начальником штаба полковником В. И. Сидориным. Накануне, буквально за час до вступления в город красных, Попов ушел из Новочеркасска во главе небольшого отряда в полторы тысячи человек при 5 орудиях и 49 пулеметах. От прибывших стали известны подробности последних дней белого Дона.

После ухода Добровольческой армии Малый круг решил послать парламентеров к большевикам с просьбой прекратить военные действия, так как Добровольческая армия, борьба с которой объявлялась раньше главным поводом для наступления на Дон, покинула пределы области. Но полученный ответ не вызывал сомнений в намерениях победителей. Последующие дни депутаты провели в бесполезных прениях. Вечером 12 (25) февраля в разгар очередного заседания в зал ворвались красные. Атаман и члены правительства с сорванными погонами были препровождены на гауптвахту. Позднее атаман А. М. Назаров и председатель Малого круга войсковой старшина Е. А. Волошинов были расстреляны вместе с другими генералами и старшими офицерами.

Приезд походного атамана П. Х. Попова заставил Корнилова изменить намерения. Он неожиданно объявил, что Добровольческая армия уходит на Кубань. Мотивы такого решения генерал Корнилов, видимо, не сообщил ни генералу А. И. Деникину, ни другим ближайшим помощникам. Позднее, когда Антон Иванович собирал материалы для «Очерков русской смуты», он запросил по этому поводу мнение участников похода. В полученных ответах говорилось, что «зимовники» признавались неудобными для размещения армии, поскольку находились на

большом удалении друг от друга, к тому же там не было необходимых запасов топлива и продовольствия. Силы Кубани из-за отсутствия регулярной связи с Екатеринодаром чрезмерно преувеличивались.

Отдохнув в Ольгинской, армия 14 (27) февраля выступила в поход. Пройдя через северо-восточную окраину Ставропольской губернии, добровольцы вошли в пределы Кубанской области. Уже первые дни показали, что надеждам найти здесь «землю обетованную» не суждено сбыться. У населения господствовали просоветские настроения, добровольцам сочувствовали лишь немногие. Антон Иванович это предвидел и сказал Корнилову на военном совете, что Екатеринодар в руках большевиков. Против добровольцев красные могли выставить 35 тысяч активных бойцов.

Армия ввязалась в кровопролитные бои. Против добровольцев развернулась, как вспоминал один из участников похода, партизанская война. За первые десять дней марта белые волонтеры потеряли тысячу человек убитыми и ранеными. Фактически армия была обескровлена. Начала падать вера в благополучный исход дела.

В этот трудный момент генерал Деникин оказал значительную помощь генералу Корнилову, предотвратив возможный раскол и анархию в верхах Белого движения. 17 марта 1918 года приехали представители Кубани на совещание по поводу соединения Добровольческой армии и отряда Кубанской рады. Деникин, которого терзал жестокий бронхит, прибыл на совещание. Предварительно он побеседовал с Корниловым и Романовским. Выяснил, что часть кубанского отряда с «оказией» прислала доложить: они подчиняются только генералу Корнилову, и если их командование и кубанское правительство почему-либо не пойдут, то все они перейдут в Добровольческую армию самовольно.

Антон Иванович в тот момент и предположить не мог, сколько крови ему попортят в недалеком будущем кубанские самостийники! А пока он настаивал на подчинении кубанского отряда Корнилову, мысля как военный профессионал высокого класса. Начались тяжелые переговоры с делегацией Кубанской рады (атаман полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель и товарищ председателя законодательной рады Рябовол и Султан-Шахим-Гирей, председатель правительства Быч — люди, которые впоследствии сыграли большую роль в трагических судьбах Кубани).

Деникин смог вместе с командармом и Алексеевым сломать амбиции генерала В. Л. Покровского и руководителей Кубанской

рады, настаивавших только на оперативном подчинении кубанцев командующему Добровольческой армией. На свет появился протокол:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставлено право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края (генерал Покровский. *— Г. И.*) *и его начальник штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.*

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей».

«Последние строки 3-го пункта, — вспоминал Деникин, — введенные по настоянию кубанских представителей главным образом для удовлетворения смещенного командующего войсками, создали впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью».

Положение Добровольческой армии несколько поправилось, так как отряд кубанского правительства насчитывал в своем составе 2185 человек, из них офицеров — 1835, казаков — 350.

В итоге под командованием Корнилова сосредоточилось около 5 тысяч человек, 14 орудий. Командующий провел реорганизацию армии (см. Приложение 13). Полки были сведены в бригады. Усилилась конница под командованием генерала Эрдели. Антон Иванович сохранил место помощника командарма.

Деникин остро осознавал: система вынужденных реквизиций создавала почву для преступлений, что осложняло положение армии. Генерал классифицировал это как «теневые стороны армейского быта». Он решительно поддерживал жесткие меры командарма по пресечению бесчинств по отношению к местному населению. Непоследовательно, неэффективно, но все-таки такая работа проводилась. Корнилов утверждал без сомнения смертные приговоры военно-полевых судов мародерам, насильникам, грабителям. Деникин сделал вывод, с которым трудно не согласиться: революция и Гражданская война «были слишком дурной школой для морального воспитания народа и армии».

Вряд ли объяснение моего героя причины будущей

вакханалии грабежей можно принять беспрекословно. Здесь все гораздо сложнее. Психология участников войны, перманентное ожидание смерти и вполне естественное желание избежать ее, успеть пожить вволю («один день, но мой»), осознание своей временности на этой земле («после нас хоть потоп») оставляют большое место для эксцессов с местным населением, особенно для грабежей и насилий. Любая самая дисциплинированная армия, учит военная история, не может избежать до конца бесчинств по отношению к местному населению. А специфика Гражданской войны все это обостряет во множество раз.

Тут важно другое — реакция командования и меры по обузданию лютого негатива. История русской Гражданской войны показала7ни белые, ни красные вожди не смогли выработать адекватные меры на имевшие место случаи бесчинств по отношению к местному населению. А в приведенной выше аргументации генерала Деникина чувствуется скрытая робкая попытка его самооправданий перед потомками. Хотя отбрасывать напрочь изложенную выше позицию Антона Ивановича было бы неправильным.

На повестке дня — штурм Екатеринодара. При обсуждении плана операции казачья «демократия» получила пощечину: чтобы «не повторять ростовской ошибки», было решено после занятия города не восстанавливать раду, а назначить временного генерал-губернатора. На эту должность намечался Антон Иванович.

Во исполненение своего замысла Корнилов переправил армию на правый берег Кубани. К вечеру 27 марта (9 апреля) добровольцы с боем подошли к Екатеринодару. Город защищало примерно 20 тысяч человек. Оборонявшиеся имели преимущество в артиллерии, а подступы со стороны Новороссийска охранял бронепоезд. Добровольцы превосходили красных выучкой и организованностью. Кроме того, в Екатеринодаре действовала нелегальная офицерская организация «Круг спасения Кубани» под началом генерала Н. А. Букретова, которая в решающий момент должна была ударить в спину красным. Но численный перевес осажденных придавал решению задачи определенный риск.

Имелся шанс: бросить в бой все силы, используя фактор внезапности и соперничество командиров отдельных отрядов красных. Генерал Корнилов, чрезмерно давя своим авторитетом, по мнению Деникина, принял менее целесообразное решение — атаковать город ограниченными силами (2-я бригада генерала Богаевского и конная бригада генерала Эрдели) с оставлением в резерве 1-й бригады генерала Маркова, вводимую в бой затем по полкам. В этом решении Корнилова позднее видели ошибку и участники похода, и военные историки.

В ходе боев 28 марта (10 апреля) 1918 года добровольцы вплотную приблизились к предместьям Екатеринодара. Но предпринятый на следующее утро штурм захлебнулся. Не принесла успеха и вторая попытка, имевшая место вечером того же дня. Добровольческая армия стала испытывать большой недостаток боеприпасов. Оставшиеся в наличии 50 снарядов к вечеру были полностью израсходованы, не хватало винтовочных патронов. Вводившиеся в бой резервные части не могли компенсировать огромных потерь. В результате в последнем штурме принимало участие не более 400 человек пехоты. Мобилизованные же в окрестных станицах казаки уходили прямо с позиций. Тревожным признаком было дезертирство из офицерских частей, что мемуаристы позднее деликатно называют «утечкой добровольцев».

Антон Иванович находился буквально в десяти шагах от боевой линии защитников города. Армия измотана. Генерал понимает, что нужны срочные меры по спасению добровольцев от бессмысленного уничтожения. Но ведь он только помощник командующего. Решения принимает командарм! Надо же как-то убедить его сменить тактику! Как?

…30 марта (12 апреля) 1918 года. Командующий Добровольческой армией впервые после Ольгинской собирает военный совет.

Корнилов за ночь осунулся, на лбу легла глубокая складка, придавшая лицу суровое, страдальческое выражение. Надо открывать военный совет, а в голове стучит печальная мысль: «Боже мой, командир Корниловского полка Митрофан Неженцев[86], и тебя уже нет! Любимый мой Митрофан!»

Лавр Георгиевич окинул взглядом членов военного совета. Суровые, озабоченные лица: генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский, кубанский атаман Филимонов[87]. Что он им скажет?

Глухим голосом, но резко и отчетливо генерал Корнилов произнес:

— Положение действительно тяжелое, но не вижу другого выхода, кроме как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все присутствующие, за исключением генерала Алексеева, высказались против продолжения штурма. Алексеев же предложил дать войскам передышку. Корнилов, видимо, чувствуя себя не совсем уверенно, сразу же согласился на это. Расходились участники совещания в подавленном настроении. Генерал Марков, вернувшись в штаб, сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если возьмем, то погибнем…

Пессимистическую оценку положения разделяли и другие генералы. Алексеев позднее говорил:

«Если бы Екатеринодар был взят, удержать его с 300 пехотинцами и 1000 истомленной конницы не удалось бы. Правда, благодаря успеху к нам подходили казаки, но это не было войско, это было бы ополчение ниже критики».

Генерал Деникин, оставшись вдвоем с Корниловым, спросил:

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне остается пустить пулю в лоб.

— Кто же выведет армию?

— Вы выведете…

Антон Иванович встал и взволнованно проговорил:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет…

Кто-то вошел, и они уже никогда не докончили этого разговора…

Но назначение преемника состоялось. Радости Деникин не испытывал. Он еще не знал, что не пройдет и суток, как ему придется спасать армию, закрыв глаза своему соратнику генералу Корнилову…

Положение казалось безнадежным. Не случайно генерала Корнилова уже посещала мысль о самоубийстве, не случайно он заговорил о преемнике, о том, кто выведет армию, если погибнет ее командующий. Чувствовал смерть свою Лавр Георгиевич…

В дни штурма штаб армии располагался в здании молочной фермы Екатеринодарского экономического общества в трех верстах от города. Это был одноэтажный деревянный дом, состоявший из шести небольших комнат. В трех из них помешался лазарет, в двух — собственно штаб. Угловая комната с окнами на северо-восток служила кабинетом и одновременно квартирой Корнилова. В 7 часов 20 минут утра 31 марта (13 апреля) 1918 года снаряд, выпущенный с позиций красных, влетел в окно комнаты генерала Корнилова, прошил насквозь стену и разорвался снаружи, не причинив никому вреда. Единственной жертвой был сам командующий. Взрывной волной Лавр Георгиевич был смертельно контужен и через 10 минут умер, не приходя в сознание.

Удивительное стечение обстоятельств гибели Корнилова навело Деникина на философские раздумья о непостижимости

путей, по которым движется история:

«Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути свершения неведомого».

В последние дни штурма Екатеринодара Добровольческая армия держалась только благодаря Корнилову, гибель которого грозила подорвать боевой дух белых волонтеров и привести армию к краху. Первоначально добровольческое командование попыталось скрыть происшедшее, но слух быстро распространился, вызвав настоящую панику. Настроение тех часов может проиллюстрировать выдержка из дневника офицера-корниловца:

«Разнеслась ужасная весть, что Корнилов убит. Сначала никто не хотел этому верить. Но потом, когда пришло подтверждение, все впали в отчаяние. Если нет с нами Корнилова, то это значит конец, конец всем нам, конец всех наших надежд».

Примерно то же сообщает и Антон Иванович в «Очерках русской смуты»:

«Конец всему! В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных — животный страх за свою собственную жизнь.

Корабль как будто шел ко дну, и в моральных низах армии уже зловещим шепотом говорили о том, как ее покинуть.

Было или казалось только, но многие верили, что враг знал уже о роковом событии; чудилось им за боевой линией какое-то небывалое оживление, а в атаках и передвижениях большевиков видели подтверждение своих догадок. Словно таинственные флюиды перенесли дыхание нашей скорби в окопы врагов, вызвав в них злорадство и смелость…»

…Когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, его начальник штаба обратился к Деникину:

— Вы примете командование?

— Да.

«Не было ни минуты колебания, — вспоминал Антон Иванович. — Официально по должности помощника командующего армией мне надлежало заменить убитого».

Он черканул небольшую записку генералу Алексееву:

«Генералу Алексееву.

Доношу, что попавшим в 7 ч. 20 м. в помещение штаба снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками

Добровольческой армии. 31 марта. 7 ч. 40 м. № 75/т. Генерал-лейтенант Деникин».

В осиротевший штаб армии приехал Алексеев и обратился к Деникину:

— Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!

Помощь Бога действительно была бы Деникину нелишней…

Генералы обменялись крепким рукопожатием. Судили, рядили, как, от чьего имени отдавать приказ. Генерал Романовский предложил, чтобы приказ издал генерал Алексеев как старший по званию — генерал от инфантерии. Михаил Васильевич немедленно написал его:

«§ 1.

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 мин. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрый человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабеет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

§ 2.

В командование армией вступить генералу Деникину.

Генерал от инфантерии Алексеев».

Так Антон Иванович оказался во главе Добровольческой армии, вскоре став военно-политическим лидером в лагере белых.

Пути истории неисповедимы. Но если вспомнить вехи его биографии только с марта 1917 года, последовательность служения одной идее, то выдвижение на опасный, перспективный, требовавший твердой воли и преданности идее пост было вполне закономерным. Антон Иванович Деникин знал чего хотел и не знал колебаний.

Он принял командование армией в неблагоприятных условиях.

Во-первых, в армии сложилось тяжелое положение с силами и средствами. Офицерский и Корниловский полки были почти уничтожены. В них осталось по 90—100 человек. Остаток Корниловского полка свели в роту под командованием А. П. Кутепова. Правда, потери красных под Екатеринодаром составили до 2500 человек, но на их стороне — морально-психологическое превосходство победителей. Добровольцы же были деморализованы.

Во-вторых, Деникин стал преемником Корнилова, обладавшего, по словам журналиста Б. Суворина, «огромной популярностью в войсках». В то время, как Антона Ивановича плохо знали рядовые добровольцы, среди которых пользовался популярностью командир полка генерал С. Л. Марков. Его молва пророчила в преемники погибшего командарма.

Но Деникин не имел тогда морального права уклониться от командования, ибо армии грозила гибель. Когда Кубанский атаман А. П. Филимонов спросил у нового командарма об обстановке, тот ответил откровенно и прямо:

— Если доберемся до станицы Дядьковской, то дня три еще проживем.

Незамедлительно после вступления в командование Добровольческой армией генерал Деникин собрал военный совет. Присутствовавшие на нем Алексеев, Романовский и кубанский атаман Филимонов единодушно высказались за отступление.

Около полуночи, не зажигая огней, армия покинула позиции и двинулась на север. Вновь повторились события полуторамесячной давности, но на этот раз отряд потерял даже внешние признаки дисциплины. Добровольцы шли не колонной, а дезорганизованной массой, бросая по пути отстающих. Если это была еще не толпа беглецов, то уже и не армия.

Отряд был в пути почти сутки и только к вечеру следующего дня остановился на отдых в немецкой колонии Гначбау. Все время перехода добровольцы везли тела Корнилова и Неженцева. В Гначбау они были похоронены поспешно и тайно. Даже Деникин узнал об этом, когда все уже было кончено. Рассказывали, что могилу рыли пленные красноармейцы, немедленно после этого расстрелянные. Место захоронения сровняли с землей и тщательно замаскировали. Делалось это для того, чтобы не допустить надругательства над телами убитых, но избежать этого не удалось.

Видимо, кто-то из жителей села все же видел похороны. Во всяком случае, когда через два дня в Гначбау пришли красные,

они сразу начали искать «зарытые кассы и драгоценности». Оба трупа были выкопаны и в одном из них по генеральским погонам опознали Корнилова. Останки Неженцева были брошены обратно в могилу, а тело генерала отвезли на телеге в Екатеринодар. Там оно было выставлено на всеобщее обозрение возле гостиницы Губкина на Соборной площади, где жило все большевистское руководство. Мгновенно собралась толпа, настроенная весьма агрессивно.

Официальная справка, составленная позднее на основе показаний очевидцев, так продолжает этот страшный рассказ:

«С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части и обрывки разбрасывались кругом. „Тащи на балкон, покажи с балкона“, — кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: „Не надо балкона, зачем пачкать балкон. Повесьте на дереве“. Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую».

Все это продолжалось около двух часов. Наконец было приказано вывезти труп за город и сжечь.

«Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и прочим. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось — к трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями, землей, плевали в лицо»[88].

На городской бойне тело боевого русского генерала было сожжено, а прах зарыт в землю.

Когда полгода спустя Добровольческая армия вернулась на Кубань, на месте могилы генерала Корнилова в Гначбау нашли лишь пустую яму и небольшой кусок соснового гроба. Тогда же на берегу Кубани около здания фермы, где был убит этот боевой русский генерал, был поставлен памятник — высокий деревянный крест.

Семья Лавра Георгиевича, находившаяся с ним на Дону, накануне похода была переправлена во Владикавказ. Его жена Таисия Владимировна умерла в Новочеркасске от воспаления легких 20 сентября (2 октября) 1918 года и там же была похоронена. Старшая дочь Наталья, ранее бывшая замужем за морским офицером Маркиным, после развода в эмиграции вышла замуж за бывшего адъютанта Алексеева генерала А. Г. Шапрона де Ларе. Их сын, названный в честь деда, в последние годы жил в Бельгии (умер в 2000 г.)[89]*. Сын генерала Корнилова Георгий, которому ко времени смерти отца было двенадцать лет, позднее стал инженером-механиком и большую часть жизни прожил в США.*

Младший брат первого командующего Добровольческой армией полковник П. Г. Корнилов был расстрелян в июле 1918 года в Ташкенте после неудачной попытки антибольшевистского восстания.

Постепенно Деникин восстанавливал потерянное управление войсками. Новый командарм белых решил возвращаться на север, применяя гибкую тактику. Суть ее — внезапные удары, уклонение от боев с превосходящими силами противника. При этом была применена тактическая новинка — движение вопреки природе военного дела не вдоль, а поперек железных дорог, находящихся в руках большевиков.

Генерал достиг высокой мобильности войск за счет сокращения обозов и оставления 200 раненых на местах. Три санитара вызвались добровольно ухаживать за ними. Один из немногих пленных, взятых в заложники, комиссар Лиманский, купил себе свободу, дав слово чести охранять и защищать остающихся раненых.

Эту «бесчеловечную» акцию будут потом долго вменять в вину Деникину, который так объясняет ее:

«Речь шла о том, чтобы пожертвовать двумястами бойцами в надежде спасти несколько тысяч — или же мы будем двигаться медленно, и наше будущее окажется сомнительным. У меня возникло искушение вести всех, но, посоветовавшись с моими генералами, выслушав мнение Алексеева, Маркова, Романовского, я счел, что мой долг главнокомандующего поступить так, как я поступил».

Однако он признавался потом, что если бы сам оказался на месте одного из этих двухсот нетранспортабельных раненых, то пустил бы себе пулю в лоб.

Правда, осталось лишь 119 человек: восемьдесят одного из двухсот спрятали друзья на ломовых дрогах различных частей. Через несколько недель во время нового похода на Екатеринодар добровольцы проходили той же дорогой. Они узнали, что лишь двое были убиты красными, 16 умерли от ран и 101 выжил.

В те времена еще случалось, что даже некоторые красные комиссары держали свое слово чести…

Так Деникин стал практиковать институт заложников, получивший широкое распространение в Гражданской войне и у белых, и у красных. И это явно идет вразрез с его либерально-демократическими взглядами и подтверждает еще раз: в условиях Гражданской войны никто не может действовать в рамках общечеловеческих ценностей. Какие бы ни провозглашались благородные цели, пролитая братская кровь, гибель ни в чем не повинных людей не может не отразиться негативно на истории

страны.

Но самое главное, что достиг в той критической ситуации новый командующий Добровольческой армией, — выработал и претворил в жизнь гибкую линию в отношении местного населения. Пресекая имевшие место эксцессы, Антон Иванович обеспечил в основном дружественное отношение кубанцев. Вследствие этого армия пополнилась более чем 2000 казаками. Генерал прекратил массовые расстрелы пленных рядовых красноармейцев. Ими пополнялся обоз, но иногда и строй. Деникин считал это симптомом определенного выздоровления добровольцев.

Вообще-то переходы из белых в красные, из красных в белые, в зеленые имели место всю Гражданскую войну. О чем это говорит? Войска были неустойчивы в политическом отношении. А с точки зрения психологии войска с обеих сторон комплектовались из одного человеческого материала. Подобное характерно именно для Гражданской войны. Но Деникин такую ситуацию в условиях 1-го Кубанского («Ледяного») похода использовал довольно эффективно.

В итоге армия восстановила боеспособность. Доказательство тому — успешное совершение марша на север со встречными боями на глубину 220 км. Все это способствовало всемерному подъему авторитета Антона Ивановича. Среди волонтеров утверждалась мысль: «Новый командующий — достойный преемник Корнилова».

Между тем, не умаляя военно-организаторских талантов нового командарма белых волонтеров, скажу, что противостоящая группировка красных, имевшая задачу уничтожить Добровольческую армию, не отличалась высоким уровнем организованности и боевого мастерства.

Непонятно, кто у красных вообще являлся ответственным руководителем по уничтожению Добровольческой армии. С одной стороны, там действовало командование Юго-Восточной революционной армии в лице А. И. Автономова, стремившегося к отделению Ростова от Екатеринодара и вместе с тем выполнявшего директивы Антонова-Овсеенко по замыканию кольца вокруг революционного Дона в направлении на Чир и Батайск. С другой стороны, Добровольческую армию преследовала колонна Сиверса, следуя в эшелонах в направлении на Тихорецкую. Но когда эта колонна была отозвана для борьбы с наступающими немцами, очевидно, один Автономов остался единственным руководителем всех операций на Северном Кавказе.

Красный главковерх Автономов сам определял общее

количество своих сил на всем Северном Кавказе в 200 тыс. человек. В эту цифру вошло все местное население, эпизодически бравшееся за оружие. Но такая армия, по словам того же Автономова, «после отражения врага в большинстве случаев растекается по местам». Правильнее считать его активные силы в том составе, как они определялись одним из членов военно-революционного комитета 39-й пехотной дивизии, около 15–20 тысяч человек. Причем, Автономов докладывал председателю ревкома Ростова, что эти силы «ослаблены спекуляцией». Кроме того, главковерху удалось собрать до 10 тысяч человек в Терской области. Эти силы успешно проводили советизацию Терской области, а Автономов предполагал их в дальнейшем двинуть на турецкий фронт «в виде авангарда».

Получается, что Добровольческой армии во время похода пришлось иметь дело главным образом с местными станичными образованиями. А они не могли быть многочисленны. И лишь в районе Екатеринодара белым волонтерам противостояли более крупные и более организованные отряды из состава главных сил Автономова, что сразу же отразилось на упорстве боев и их результатах. Однако и эти силы значительно уступали Добровольческой армии в боевом мастерстве.

Дальнейшие действия генерала обусловливались резкими изменениями военно-политической обстановки.

Как военный стратег, генерал Деникин четко рассчитал момент своих активных действий. Май 1918 года — начало вооруженного выступления внешних и внутренних антисоветских сил. Еще в феврале 1918 года германо-турецкие войска вторглись в Закавказье. В конце апреля на подступах к Таганрогу разгорелись ожесточенные бои, но оккупантам удалось захватить Таганрог. 8 мая пал Ростов.

Началась вакханалия беззакония и насилия, чинимого под благородными лозунгами большевизма. Не удивительно, что в настроениях казачества произошел поворот, и в конце марта в низовьях Дона вспыхнуло восстание.

Деникин после всесторонней оценки обстановки решил: армии продвигаться на Дон, так как там есть возможность связаться с внешним миром и основать прочную тыловую базу. К началу мая 1918 года добровольцы освободили Задонье. В распоряжение командующего Добровольческой армией поступил отряд полковника М. Г. Дроздовского, прошедший с боями от Румынского фронта до Новочеркасска, в составе 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников, чиновников, 12 сестер милосердия.

Справка

Биография полковника Михаила Георгиевича Дроздовского внешне выглядела вполне ординарно: Павловское училище, участие в русско-японской войне, Академия Генерального штаба. В Первую мировую войну он занимал различные штабные должности, командовал полком, был награжден орденом Святого Георгия IV степени за личный героизм. Дроздовский был, безусловно, храбрым человеком, но в этой храбрости, доходившей до безрассудства, было что-то болезненное. В опубликованных фрагментах его дневника обращают внимание чрезмерная аффектированность и постоянно повторяющиеся рассуждения о смерти. Однако именно окружавший его ореол мрачной романтики делал Дроздовского кумиром офицерской молодежи.

Встречные бои, которые вели возвращающиеся на Дон белые волонтеры, были чрезвычайно тяжелы. В станице Медведовская добровольцы, пользуясь внезапностью, сумели пересечь железнодорожную линию. В станице Ильинской от приехавшего из Ростова торговца стало известно о том, что на Дону началось антибольшевистское восстание. Деникин поручил полковнику В. П. Барцевичу[90] выбрать по своему усмотрению 20 офицеров на самых лучших конях, прорваться на Дон, все узнать и вернуться. Спустя чуть более недели отряд Барцевича соединился с армией в станице Успенской, подтвердив полученные ранее сведения.

30 апреля (13 мая) 1918 года армия вновь вступила на территорию Донской области. «Ледяной» поход завершился. 80 дней похода, из них 44 с ведением боев, более 1050 км пути. Армия вышла в составе около 4000 человек, а вернулась в составе 5000 человек, пополненная кубанцами. В начале похода — 600–700 снарядов, 150–200 патронов на винтовку, в конце — почти то же (все снабжение добывалось в боях). Потери: убитыми — около 500, ранеными — 1500 человек.

Общий итог похода — сплошная цепь неудач. Белым так и не удалось создать на Кубани оплот против советской власти. Крупнейшее сражение за этот период — штурм Екатеринодара — едва не кончился гибелью всего дела. В походе погиб генерал Корнилов, являвшийся лидером и знаменем нарождавшегося Белого движения.

Прав советский историк Н. Какурин, считавший, что 1-й Кубанский («Ледяной») поход не привел к осуществлению целей командования Добровольческой армии, так как расслоение между

иногородними и казаками, объединенными в общем революционном порыве, не успело еще сказаться. Оно появилось в конце похода, но армия не смогла это использовать, «дойдя до крайней степени истощения в бесполезном штурме Екатеринодара».

Позднее ученый классифицировал поход как партизанский набег, военное значение которого было ничтожным.

Белоэмигрантский военный историк А. Зайцов вслед за Какуриным пишет, что поход не принес Добровольческой армии актива. Однако армия, без надежды на помощь, открыто «пошла на вооруженную борьбу с большевизмом до конца».

…Иван Павлович Романовский размышлял о «Ледяном» походе сам с собой:

«Мы прошагали в обратном направлении тот самый путь, который прошли два месяца тому назад. Жизнь нас жестоко толкла в своей дьявольской ступке, и вот вместо того, чтобы превратиться в прах, мы вышли из испытаний закаленные, наделенные стальной волей и безграничным терпением…»

Один из добровольцев, Иван Шульц, живший в 1960 году в Буэнос-Айресе, нашел среди своих бумаг старую тетрадь-дневник, где он делал записи в течение этих памятных восьмидесяти дней, и дописал к ним в конце несколько строк:

«Если оставить в стороне неизбежную в тех условиях жестокость, то нужно подчеркнуть следующие, теперь обесцененные качества и ценности, доминирующие в душевном настрое бойцов „Ледяного“ похода: любовь к Родине, порядочность, чувство чести, благородство души, жертвенность. Этот поход предстал передо мной сегодня как лебединая песня русского человека, лебединая песнь… человечного человека».

Легенды «Ледяного» ох как красивы! Действительность — намного прозаичнее, даже страшнее. Тем не менее позднее история 1-го Кубанского стала своего рода эпосом Белого движения. Почему?

Удачное объяснение данному феномену дает современный российский историк В. П. Федюк:

«Легенды появляются тогда, когда в них возникает потребность. Кубанская же эпопея, окрашенная позднейшим пересказом в героические тона, сыграла огромную роль в самоутверждении добровольцев. Белое движение не могло опираться на преемственность идей и традиций. Императорская Россия, равно как и Россия Временного правительства, навсегда ушла в прошлое. Воспоминание о былой славе и победах, долгое время питавшие старую армию, умерли вместе с нею. „Ледяной поход“ создал новые традиции, новую семантику. В этом смысле он стал реальной точкой отсчета короткой истории „белой России“,

столь трагично завершившейся два года спустя».

Ну, а для Антона Ивановича поход стал временем утверждения в качестве авторитетного командующего Добровольческой армией, достойного преемника генерала Корнилова.

КОЛЛАПС И РЕАНИМАЦИЯ

Нам надежда растилает
Легковесный ряд завес,
Облаков порыв вещает
Нам о близости чудес.

И. В. Гете

Никогда еще станица Егорлыцкая не видела столько офицеров. Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев и командующий генерал Деникин организовали большое собрание, от командира взвода и выше. Верховный руководитель Добровольческой армии спокойным голосом обратился к собранию:

— Господа офицеры! Мы с командующим приняли решение собрать столь большое совещание, чтобы обсудить важный вопрос — о нашей политической ориентации. Нам предстоят тяжелые бои с коварным сильным врагом. И прежде чем пролить свою кровь за Отечество, я, старый солдат, призываю вас: разберитесь в своих чувствах. Уясните, кто наш друг, а кто враг. Многие сирены поют вам о том, что немцы могут стать нашими друзьями в борьбе с кликой так называемых народных комиссаров. Это лжепророки! И если вы пойдете за ними, то Россия станет политической рабыней и экономической нищенкой. Подумайте об этом, господа офицеры!

Далее Михаил Васильевич четко обозначил свои позиции: союз с немцами морально недопустим; пока ни мира ни войны.

Затем слово взял командующий Добровольческой армией генерал Деникин. Говорит жестко, отрывисто, кратко. Каждое слово будто пуля, попадающая в десятку:

— Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии войны или мира, монархии или республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас разделиться и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если не помогают армии, так ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с

которым идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную Армию в предстоящем нашем походе? Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует естественно требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными…

Воцарилась гробовая тишина, а затем офицерство разразилось аплодисментами. Умел Антон Иванович дойти до умов и сердец офицеров…

Большое егорлыцкое собрание офицеров Добровольческой армии — не случайность. Надо срочно принимать меры по спасению армии, попавшей в полосу жесточайшего кризиса.

Впрочем, обо всем по порядку.

Белые волонтеры, измотанные в боях «Ледяного» похода, дислоцировались в станицах Мачетинской и Егорлыцкой. Они находились как бы на чужой территории, сохраняя между тем полный государственный иммунитет. Это стало возможным потому, что на тихом Доне появилось новое государственное образование — Всевеликое войско Донское.

Оно образовалось после победоносного антибольшевистского восстания. Казакам оказал помощь отряд полковника Дроздовского, сформированный в Румынии и прорвавшийся с боями на Дон. В Новочеркасске в отряд дроздовцев вступало так много добровольцев, что его численность возросла до 3 тысяч человек. 27 (10 мая) мая 1918 года отряд торжественно соединился с Добровольческой армией.

А где же Ксения Васильевна? Она уехала из Ростова при приближении немецких войск. Все еще не изменив в паспорте свою девичью фамилию, перебралась в Новочеркасск не столько от немцев, сколько от надоедливых ухаживаний племянника

своей хозяйки. Жертва любви с первого взгляда, Яблоков умолял ее выйти за него замуж и угрожал «непоправимыми действиями», если она будет продолжать ему отказывать. Ася ничего не знала о судьбе добровольцев, ходили самые разные противоречивые слухи как об их победоносном наступлении, так и о гибели армии. До нее дошла лишь одна достоверная информация через людей, достойных доверия: Корнилов убит, его заменил Деникин.

И вот, наконец, в пасхальное воскресенье пришли хорошие известия: добровольцы возвращаются, говорят, они уже совсем близко! И вовремя. Красные, изгнанные из Ростова, подступили к Новочеркасску. Но не люди Деникина отстояли город, а посланные провидением бойцы из далекой Румынии. В день их победы они с триумфом вошли в столицу Дона. Многие стали искать квартиру для постоя. Пять офицеров ворвались в дом, где жила Ася. Пожилая пара (без племянника), сдававшая ей комнату, гостеприимно приняла победителей, но смогла предложить им лишь одну комнату. Поручик Борисов, слишком уставший, чтобы быть галантным, обратился к Ксении Васильевне:

— Переночуйте у своей подруги или где хотите, но нам нужны хороший отдых и ваша постель.

— Об этом не может идти и речи!

Поручик начал злиться:

— Никто не может лишить нас заслуженного сна! Мы шли без отдыха целую неделю и сражались, чтобы присоединиться к Деникину…

— И вы выгоняете его жену из комнаты!

Сначала поручик пришел в изумление, но затем расхохотался.

— Его жену! Чрезвычайно рад с вами познакомиться, мадам! Позвольте мне представиться: я персидский шах. А теперь пошевеливайтесь.

Ксения Васильевна вынуждена была прибегнуть к свидетельству венчавшего ее священника, и пришедшие в чрезвычайное замешательство люди после долгих извинений оставили ее в покое. Инкогнито было раскрыто.

Однако понадобилось еще восемь дней, чтобы генерал Кисляков после визита к госпоже Яблоковой обнаружил место пребывания жены своего командующего и передал ей короткое письмо:

«Думаю, тебе уже известны подробности нашего похода или о них расскажет Кисляков.

Моя душа полна Тобой. Я сейчас не могу и не хочу связно описывать события.

Жив. Здоров. Бодр. Сознаю крайнюю сложность обстановки, но

вижу просветы. Борьба — до конца.

Все мои мысли, желания, мечты — к тебе, любимая, к тебе, моя желанная…»

Ксения Васильевна с упоением читала записку любимого мужа и мечтала о скорой встрече. Она, как нормальный обыватель, радовалась жизни и абсолютно ничего не знала о тех политических страстях, что развернулись в новом государственном образовании на вольном Доне — Всевеликом войске Донском. А там победители большевиков с остервенением грызлись за власть. Всех загрыз генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов, избранный в конечном итоге атаманом.

Помните, читатель, поезд, что мчал Антона Ивановича к маньчжурским сопкам? А в нем один военный корреспондент, что любил привирать для красного словца? Это он, Краснов!

Справка

Его имя было достаточно популярно на Дону. Отец Петра Николаевича, тоже закончивший службу в генеральских чинах, был известен Как знаток казачьей старины, печатался в солидных журналах. Сам Краснов, еще юным хорунжим, едва закончив Павловское училище, начал публиковать в различных изданиях свои рассказы и очерки. Первые из них вышли под псевдонимом Гр. Ад — по имени любимого коня автора. Он был не только военным корреспондентом во время японской кампании, но выпустил более десятка отдельных книг. Судьба забрасывала его не только в Китай и Туркестан, но даже в Абиссинию, куда он был послан начальником военного конвоя при русской миссии.

В Первую мировую войну Краснов последовательно командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией. В августе 1917 года приказом Генерала Корнилова он был назначен командиром 3-го конного корпуса, которому в планах мятежного главковерха отводилась роль основной Ударной силы при походе на столицу. Но Краснов фактически вступил 4 Командование уже после провала корниловского выступления и потому сумел избежать обвинений в мятеже.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Краснов неудачно попытался прийти на

помощь Временному правительству, был арестован, двое суток отсидел под стражей в Смольном, но был отпущен на свободу, обещав сохранить лояльность новой власти. Несмотря на это, при первой же возможности он выехал на юг, куда прибыл уже в самый канун падения калединского Дона. При большевиках Краснов скрывался в станице Константиновской, активного участия в начавшемся восстании не принимал. Однако в силу сложившейся политической конъюнктуры на выборах атамана победил.

Территория Все великого войска Донского ограничивалась в ту пору ближайшими окрестностями Новочеркасска. На севере области еще находились красные, на юге — в Ростове и Таганроге стояли немцы. Передовые посты баварской кавалерии располагались в 12 верстах от донской столицы. Вот в ВВД и дислоцировалась Добровольческая армия, вступившая в полосу сложных отношений со старо-новым казачьим государственным образованием.

Говоря же о коллапсе Добровольческой армии, замечу, что она попала в него в том числе благодаря некоторым характерным особенностям, порожденным русской Гражданской войной.

Своеобразным катализатором внутреннего кризиса Добровольческой армии послужил 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Он, по оценке Деникина, оставил глубокий след в психике добровольцев, наполнив ее значительным содержанием, — «отзвуками смертельной опасности, жертвами и подвигами».

Но вместе с тем поход вызвал невероятную моральную и физическую усталость белых волонтеров. Издерганные нервы, утомленное воображение молодых добровольцев, коих Бог оставил пока в живых, требовали отдыха и покоя. Хотелось всем пожить немного человеческой жизнью, побыть в обстановке семейного уюта, не слышать ежедневно артиллерийского гула.

Искушение было велико. Его стимулировала обстановка повседневного быта, что воцарилась в ВВД и преследовала белых волонтеров буквально на каждом шагу. Кроме того, они, души которых были заморожены льдом «Ледяного» похода, ощущали себя чужими на празднике жизни, развернувшимся вокруг.

Вот как описывает свои ощущения Гуль:

«Обвязанные грязными бинтами, хромые, рваные, с тряпками, мешочками, с палочками, они уже сошли с парохода и ковыляют, идут в город.

На улице прохожие останавливаются, удивленно смотрят на оборванцев и осторожно спрашивают: „Вы кто такие?

Откуда?“ — „Корниловцы из похода вернулись“. — „А-а-а!“ — тянут прохожие, спокойно ускоряя шаг.

Мы дошли до той же самой грязной гостиницы „Лондон“, где останавливались, приехав в Новочеркасск. Сняли тот же скверный номер…

В Новочеркасске как будто ничего не менялось. Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казачьи части. Только раненые корниловцы явились диссонансом. Хромые, безоружные, обвязанные, с бледными лицами, идут они по шумящим, блестящим улицам…»

А от Ростова до Киева и Пскова были открыты пути в области, где не было ни войны, ни большевиков, где у многих белых волонтеров оставались семьи, родные, близкие. Формальное право на уход из армии было неоспоримо: как раз на эти дни (май) для большинства добровольцев кончался обязательный четырехмесячный срок пребывания в армии. Разве можно осуждать тех, кто воспользовался законным правом, честно выполнив свой долг? Такая ситуация дала основания генералу Деникину заявить: «Кризис в армии принял глубокие и опасные формы».

Да и Антон Иванович — человек из плоти и крови. Долгая разлука с любимой женой становилась для него невыносимой. Наконец, 28 мая состоялась долгожданная встреча.

О близкой встрече Ксения Васильевна узнала из письма мужа, датированного 18 мая:

«Моя ненаглядная женушка! Просил тебя приехать, но теперь боюсь, что дорога будет и слишком трудна, и несколько опасна.

Мне тяжело, что душа твоя мятется, что кругом вместо того, чтобы успокоить, — пугают тебя всякими несообразными страхами.

Стратегическое положение вполне благоприятное. Политическая обстановка небывало запутана. Но твердая решимость не идти ни с немцами, ни с большевиками значительно упрощает положение.

Неисчерпаемая тема для письма и разговора, но мне сейчас не хочется говорить ни о чем „постороннем“. Такая бездна ласки в сердце моем. Не надо самобичевания.

Жду тебя с огромным нетерпением. А ведь знаешь — начал-то я писать с целью предупредить, чтобы не приезжала. Положительно боюсь, как бы не случилось чего-нибудь в дороге.

Словом, приезжать можно лишь при верной оказии, собрав тщательные справки о дороге. На Ольгинскую не советую.

Голубка моя ненаглядная, любимая».

По получении письма Ася отправилась в путь. Она пробыла в станице Мечетинской три недели, скрасив генералу суровую рутинную работу по выводу из кризиса Добровольческой армии…

Парадоксально, но факт: Добровольческая армия, пытавшаяся свято поддерживать традиции армии царской России, в том числе такую цементирующую, как единоначалие, попала в полосу своего развития, которую командующий белых волонтеров классифицировал как своеобразный дуализм власти: Алексеев — Деникин.

С первых же дней вступления генерала Деникина в командование белыми волонтерами без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписаная Конституция Добровольческой армии, которой разграничивался ранее круг его полномочий и полномочий генерала Алексеева. Михаил Васильевич сохранял за собой общее политическое руководство, внешние политику и финансы. Антону Ивановичу в наследство от погибшего Лавра Георгиевича оставались верховное управление армией и командование.

Деникин подчеркивал постфактум, что за время его командования указанный выше порядок управления не нарушался ни разу. Между двумя вождями не было ни одного разговора о пределах их властных полномочий. Именно это обстоятельство и побудило Деникина классифицировать его взаимоотношения с Алексеевым как дуализм власти.

Между тем не только постфактум, но и в то время герой моего повествования проводил линию на полное взаимопонимание с генералом Алексеевым.

В середине июня он писал верховному руководителю Добровольческой армии о том, что от Родзянко поступили некоторые предложения «относительно конструкции власти». Деникин ответил, что «конкретизация „платформы“ Добровольческой армии несколько преждевременна и что во главе армии стоят два лица, действующие в полном единении и единомыслии».

Равновесие власти достигалось благодаря такту Михаила Васильевича, с одной стороны, и признанием его авторитета Антоном Ивановичем, с другой стороны. Щепетильность Алексеева была удивительная — даже во внешних проявлениях. В мае 1918 года в Егорлыцкой, куда оба генерала приехали беседовать с белыми волонтерами, состоялся смотр гарнизона. Несмотря на все просьбы Антона Ивановича, Михаил Васильевич так и не согласился принять парад войск. Он предоставил это право генералу Деникину, мотивируя тем, что «власть и авторитет командующего не должны умаляться». В то же время на

всех заседаниях, конференциях, совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу. Здесь уже командующий Добровольческой армией проявил свою тактичность и выдержку.

В начале июня Алексеев переехал из Мачетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни белого юга России. Его присутствие там требовалось в интересах армии. Работая с утра до ночи, он выстраивал отношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с ВВД и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии.

Однако политическая деятельность никогда еще не влияла благодатно на взаимоотношения между людьми, достаточно часто ссоря и разводя по разные стороны баррикад не только друзей и сослуживцев, но порою и родственников.

В Новочеркасске образовался военно-политический отдел, начальником которого стал полковник Я. А. Лисовой[91]. Отдел создавался генералом Алексеевым в качестве сугубо рабочего аппарата верховного руководителя Добровольческой армии. Военно-политический отдел имел стройную организационную структуру (см. Приложение 14). Его укомплектовали молодыми людьми, обладавшими, по-видимому, повышенным честолюбием. Вскоре началась нервирующая переписка по мелким недоразумениям между отделом и штабом армии. Дуализм власти стал приобретать конкретные черты, грозя разрушить остов — единоначалие.

Командующий Добровольческой армией совершенно неожиданно для себя прочел в прессе уведомление военно-политического отдела, что полномочными представителями армии по формированию пополнением являются только лица, снабженные собственноручным мандатом генерала Алексеева.

Позже в архивах ВСЮР генерал Деникин обнаружил документы, подтверждающие, что данная акция была предпринята без ведома Михаила Васильевича. Но в тот момент документ, опубликованный в прессе, ставил под сомнение компетенцию вербовочных бюро, назначенных генералом Деникиным, что незамедлительно вызвало жестокое противодействие с его стороны.

По инициативе военно-политического отдела и за подписью полковника Лисового также неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезные изменения в Конституцию Добровольческой армии. В нем «в виду неправильного

осведомления общества» разъяснялась сущность добровольческой иерархии, причем генерал Алексеев был назван впервые «верховным руководителем Добровольческой армии».

«Так как в моих глазах моральное главенство генерала Алексеева было и без того неоспоримым, то официальное сообщение не могло внести в жизнь армии каких-либо перемен, — вспоминал Деникин. — Мне казалось лишь несколько странным, что я узнал о новом положении из газет, а не непосредственно».

Несмотря на всю казуистику ситуации, Антон Иванович, чтобы не раздувать политическую склоку, никогда не поднимал разговора с Михаилом Васильевичем по данному предмету. Командующего Добровольческой армией устраивало, что верховный руководитель снабжал его подробной письменной информацией по политическим вопросам. Правда, не все они доходили вовремя до адресата. С большинством личных посланий отца Белого дела генерал Деникин ознакомился только впоследствии.

«Но то взаимное доверие, которое существовало между нами, — вспоминал Антон Иванович, — вполне гарантировало, что ни одного важного шага, изменяющего позицию Добровольческой армии, не переговорив со мною, генерал Алексеев не предпримет. И я со спокойным сердцем мог вести армию в бой».

Однако такую позицию генерала Деникина критикует генерал Головин. Военный историк утверждал, что никакого дуализма власти не существовало, а вся ее полнота была у командующего, который пользовался авторитетом имени Алексеева для упрочения своего положения.

Думается, что Головин, несмотря на категоричность своего утверждения, имел для него определенные основания. У Алексеева прогрессировала тяжелая болезнь, из-за чего он часто и подолгу был вынужден отходить от дел. Тогда вся полнота ответственности переходила к Антону Ивановичу.

Позиция Деникина уязвима и потому, что двоевластие, как учит военная история, для нормального функционирования армейского механизма неприемлемо. Тот уникальный прецедент двоевластия в истории Вооруженных Сил СССР (командир — комиссар), порожденный конкретно-исторической обстановкой, является исключением из правил.

Но с позицией Антона Ивановича, думается мне, нельзя не считаться. Перед нами специфическая ситуация, порожденная именно русской Гражданской войной.

Существенным аспектом внутреннего кризиса Добровольческой армии стала ее жесткая политизация. Помня печальный опыт 1917 года, генерал Деникин пытался оградить

армию от политических страстей. Но это оказалось, по его личному признанию, необычайно трудным, ибо политика стихийно врывалась в жизнь армии, серьезно подрывая попытки командарма строить ее идеологию на «простых, бесспорно национальных символах».

Не прошло бесследно для консолидации офицеров и то, что они мучительно выбирали политическую ориентацию — Германия или Антанта. Для многих волонтеров это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых — действительно мучительный вопрос совести. Судя по воспоминаниям Деникина, германофильство не столь глубоко поразило добровольцев. Но оно все-таки имело место. Сложнее обстояло дело с политическими лозунгами.

Командующий Добровольческой армией столкнулся с непредвиденным влиянием на армию лозунгов. По его замыслу, лозунг «Великая, Единая и Неделимая Россия» должен был всех мобилизовать. И он принимался подавляющим большинством. Но возникли сложности с лозунгом об Учредительном собрании. Он вызвал недоумение в первую очередь в верхах. Генерал Лукомский в письме Деникину от 14 (27) мая 1918 года резко высказался против упоминания об Учредительном собрании, не понравился его тезис о «народоправстве»[92].

Командующий понимал, что большинство добровольцев настроены монархически. Атмосфера в армии сгущалась. Монархизм проявился не только внешне в ношении офицерами романовских медалей, пении гимна, но и в некотором брожении в частях и… убыли в рядах армии. В частности, появились офицеры-агитаторы, склонявшие добровольцев к участию в тайных организациях; в своей работе они злоупотребляли и именем великого князя Николая Николаевича. Деникина однажды неприятно удивила сцена во время военного совета накануне 2-го Кубанского похода. Генерал Марков резко отозвался о деятельности в Добровольческой армии монархических организаций. Тогда вспылил полковник Дроздовский:

— Я сам состою в тайной монархической организации… Вы недооцениваете нашей силы и значения…

Кроме того, в армии сложились своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов. Многие офицеры состояли в должностях рядовых, а это меняло характер взаимоотношений начальников и подчиненных. Получалось так, что после притока добровольцев капитан был рядовым, а поручик — командиром роты. Но было совершенно недопустимым, считал Деникин, менять начальников по прибытии. Добровольцы были

прикреплены к армии морально, а не юридически. Это вносило определенную специфику во внутренний уклад ее жизни.

Стимулировался внутренний кризис и попытками Кубанской рады (правительства в изгнании) создать свою армию за счет кубанских казацких частей, входящих в состав Добровольческой армии и представляющих, по оценке Антона Ивановича, «прочный, надежный элемент».

Особую же озабоченность вождей белых волонтеров вызывало бедственное финансовое положение армии. 10 мая 1918 года генерал Алексеев написал Милюкову, что если армия не добудет срочно 10 млн рублей, то есть почти двухмесячное содержание, то «ее придется распустить».

Верховный руководитель Добровольческой армии прикладывал максимум усилий, чтобы обеспечить армию, которая все время балансировала на грани двухнедельной и месячной потребности в финансах. Благодаря ему, после долгих мытарств было получено от Франции 10 млн рублей. Деньги были переданы через подпольный Национальный центр.

В такой обстановке глубокого внутреннего кризиса, введшего Добровольческую армию де-факто в состояние коллапса, многое зависело от того, как вожди будут реанимировать свое дитя. И надо сказать, что генералы Алексеев и Деникин сделали все от них зависящее, чтобы вывести Добровольческую армию из коматозного состояния.

Командующий в целях деполитизации и департизации армии запретил офицерам выступать в печати со статьями на политические темы, напомнив, что это уже «сгубило русскую армию в 1917 году». Он смог уберечь армию (насколько это было возможно) от тлетворного влияния партийнополитических факторов.

Большое значение для преодоления глубокого внутреннего кризиса Добровольческой армии имело то, что ее командующий приспособился к четкому управлению армией в условиях своеобразного двоевластия, не дав навязать свою волю алексеевскому окружению.

Особо позитивное влияние на выздоровление белых волонтеров оказало то, что генерал Деникин активизировал работу вербовочных пунктов, которые в то время составляли разветвленную сеть, функционируя в 20 крупных городах европейской и азиатской части России. Главная цель, поставленная командармом перед вербовочными пунктами, — повышение качества отбора контингента. Были скорректированы их задачи, изложенные в специальной инструкции: вербовка надежных элементов в армию; разведка и контрразведка;

осведомление о настроениях различных слоев общества; широкая пропаганда идей Добровольческой армии и правильное освещение ее деятельности; добывание на местах необходимых для армии финансовых и материальных средств.

Даже среди русских военнопленных в Германии была развернута вербовка в армию. Генерал Потоцкий планировал поставить в ее ряды до 1000 офицеров и 12–15 тысяч солдат. Но этим планам в полном объеме осуществиться не удалось из-за мощного противодействия германских властей.

Командующий окончательно внедрил в армию воинские уставы армии царской России с изменениями, продиктованными конкретной исторической обстановкой: *офицеры обращаются к подчиненным на «вы», а те титулуют их по чинам; отменяется постановка «во фронт»; разрешается нижним чинам посещение, без всяких ограничений, общественных зрелищ, а также ездить в трамваях, курить на улице, но при условии строжайшего соблюдения правил отдания воинской чести.*

Генерал Деникин отверг притязания Кубанской рады на создание собственных частей, так как это могло бы внести дезорганизацию в ряды армии.

Все это способствовало в конечном итоге тому, что похороны Добровольческой армии были отложены на неопределенный срок. Она подготовилась ко 2-му Кубанскому походу, преодолев глубокий внутренний кризис в среде белых волонтеров.

Антон Иванович считал, что в тот период создались самые благоприятные условия для распространения программы Добровольческой армии. А сам он к началу 2-го Кубанского похода стал признанным военным вождем добровольцев. У него наряду с должностным авторитетом все более укрепляется авторитет личностный.

2-Й КУБАНСКИЙ ПОХОД

Так прощайте полковник, до свиданья, корнет,
Я же в звании поручика встречу этот рассвет;
Шашки вынем мы наголо на последний наш бой,
Эх, земля моя русская, я прощаюсь с тобой.

В. Роменский

В мае 1918 года, когда вызревал план 2-го Кубанского похода, Добровольческая армия как антисоветская сила была в гордом одиночестве: еще не поднял мятеж чехословацкий корпус, не было создано эсеровское правительство в Поволжье (Комуч[93]). Немцы оккупировали Украину, создав там протекторат, поставив к власти послушного им гетмана П. Скоропадского. С кайзером заигрывал атаман ВВД Краснов, убежденный германофил.

Добровольческое движение, реанимированное Алексеевым и Деникиным, должно было сделать судьбоносный выбор. Конечная цель — поход на Москву, свержение советской власти и освобождение России от большевизма.

Однако путь в Москву через Кубань, то есть через юг России, видно невооруженным глазом, значительно длиннее, чем путь напрямую с юга на север. Что же побудило командующего Добровольческой армией к продвижению на Кубань? Был здесь свой резон.

Если бы армия двинулась на север, то она попала бы в трагическое положение: с севера и юга — красные, с запада — немцы, с востока — Волга. Донцы вынуждены соблюдать нейтралитет из-за Германии, относившейся к Добровольческой армии враждебно. Нельзя было уходить и за Волгу. Тогда молодая Республика Советов получала богатейшие средства юга, людские контингенты.

Освобождение же Задонья и Кубани обеспечивало весь южный 400-километровый фронт Донской области и давало Добровольческой армии свободную от немецкого влияния обеспеченную и богатую базу движения на север. Кроме того, войска могли укомплектовываться, по оценке Деникина, «надежным и воинственным элементом». Открывался путь к

Черному морю, обеспечивая близкую и прочную связь с союзниками по Антанте в случае их победы. Наконец, движение белых волонтеров на юг России косвенно содействовало освобождению Терека.

Командование Добровольческой армии связывало нравственное обязательство перед кубанцами, которые шли под знамена белых волонтеров не только под влиянием лозунга спасения России, но и освобождения Кубани от советской власти. Невыполнение данного слова имело бы два тяжелых военно-политических последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности ее конницы, из рядов которой ушло бы много кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами.

«Все измучились, — говорил генералу Алексееву председатель Кубанского правительства в изгнании Быч, — Кубань ждать не может… Екатеринодарская интеллигенция обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев…»

Поэтому Деникин, при полной поддержке своего начальника штаба Романовского, решительно настроился двинуть войска на Кубань. А верховного руководителя Добровольческой армии в это время терзали сомнения. В письме Милюкову он писал:

«1) Армия доживает последние гроши; 2) немцы, их скрытые политические цели и намерения; 3) личность (донского) атамана, генерала Краснова. Его деятельность в октябре 1917 года, его отношение к Добровольческой армии; 4) беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить армию…»

Отец Белого дела мучился извечным гамлетовским вопросом: быть или не быть и «куда нам идти».

«На Кубани — гибель, — писал он. — На Кавказе — мало привлекательного и делать нечего. Генерал Краснов, беря начальственный тон по отношению к армии, указывает ей путь: скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до создания регулярной Донской армии. Цель — сунув нос в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону…»

Тем не менее, не видя другого выхода, верховный руководитель Добровольческой армии поддержал в конечном итоге стратегические намерения командующего и его начальника штаба.

Итак, жребий брошен…

В конце июня 1918 года Добровольческая армия выступила во 2-й Кубанский поход. Она была значительно сильнее по составу, силам и средствам, чем в 1-м Кубанском походе (см. Приложение 15). Ей предстояли операции против Красной Армии на Северном

Кавказе. Деникин не располагал точными сведениями о противнике. Исходя из данных Московского антисоветского подпольного центра, он оценивал группировку противника примерно в 80—100 тысяч человек.

Однако состояние красных войск было в то время не на должной высоте.

8 июня 1918 года командование Северо-Кавказского военного округа, проанализировав состояние подчиненных им войск, доложило в Высший военный совет Советской республики следующие оценки: командный состав, за малым исключением, совершенно не подготовлен к исполнению своих обязанностей; боевые приказы в некоторых случаях выполняются «по соглашению», то есть после обсуждения их на митингах. Кроме того, отмечался уникальный факт. Численность отрядов установить трудно. Она постоянно меняется… «к моменту выдачи жалованья отряд увеличивается, а затем уменьшается».

Генерал Деникин понимал, что Гражданская война в отличие от обычной имеет свои законы, здесь непременно вырастает роль политического фактора и, прежде всего, состояния общества, степень его стабильности. Анализ генерала показывал, что подконтрольная Советам территория переживает сложные времена, ее раздирают внутренние противоречия. И хотя по своей численности части Красной Армии превосходят Добровольческую, фактор нестабильности может перевесить чашу весов в пользу белой гвардии — благодаря ее сплоченности, одержимости и отличной военнопрофессиональной подготовке.

«Нас было мало: 8–9 тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство… В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее», — писал А. И. Деникин.

Командующий Добровольческой армией выработал план операции: овладеть станцией Торговая, прервав тем самым железнодорожное сообщение с центром России; прикрыть себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. Завладеть важным узлом северокавказских дорог, обеспечить операцию с севера на юг захватом Кущевки и Кавказской, продолжить движение на Екатеринодар — важнейший военный и политический центр области и всего Северного Кавказа.

Стратегический план генерала отличался несомненной оригинальностью. Но для его реализации не хватало сил и средств (их соотношение: по орудиям — 1:4; по штыкам — 1:8 в пользу красных). Однако все это должно компенсироваться, по мнению Деникина, высоким моральным духом белых волонтеров и их отличной военно-профессиональной подготовкой.

Однако Антон Иванович понимал, что у Красной Армии на Северном Кавказе было немало сильных в военном отношении и тяготеющих к советской власти частей. Нельзя было не учитывать, что красные были хорошо снабжены оружием и боеприпасами с войсковых складов бывшего Кавказского фронта, в то время как добровольцы могли рассчитывать только на свои скудные ресурсы. Помощи извне фактически не было. Неудачей завершились переговоры генерала Алексеева с правительством Украины о передаче для помощи Добровольческой армии чешских частей, дислоцировавшихся в Киеве.

И снова полилась братская кровь…

25 июня в тяжелом бою Торговая была взята. Крупный успех, ибо в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны — от всероссийских житниц — Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти. Подобное положение несомненно подрывало экономический базис советской власти.

В самом начале похода белых волонтеров постигло большое несчастье: погиб генерал С. Л. Марков.

Он занимался очисткой от мелких красных отрядов районов между Юлой и Манычем и приступил к операции против Шаблиевки. Станция оказалась занята сильным отрядом с артиллерией и бронепоездами. Взять ее с ходу не удалось. Весь день 12 (25) продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно в связи с общей обстановкой, красные начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая последние снаряды по направлению к брошенной станции. Одним из них был тяжело ранен капитан Дурасов… Другой выстрел оказался роковым для генерала Маркова. Придя в сознание, он попрощался со своими друзьями, онемевшими от горя.

— Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас…

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк прощался со своим начальником дивизии. Раздалась команда: «Слушай — на караул!..» Ружья валились из рук, офицеры и казаки плакали навзрыд…

К вечеру тело привезли в Торговую. Гроб понесли на руках в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке среди тишины, спустившейся на село, тихо продвигалась колонна, над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя…

Ночью два грузовика с пулеметами по бортам везли гроб с телом генерала Маркова по манычской степи, еще кишевшей разрозненными мелкими отрядами красных, в Новороссийск. Там

осталась семья покойного — мать, жена и дети, там его полк и десятки тысяч народа отдали последний долг праху боевого русского генерала…

13 (26) июня 1918 года Деникин отдал приказ по Добровольческой армии, которым увековечил память погибшего генерала Маркова:

§ 1

Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии станции Шаблиевки пал смертельно раненный генерал С. Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильной, Журавином, Борыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторыйском… Добровольческая армия никогда не забудет горячо любимого генерала, водившего в бой ее части под Екатеринодаром, в «Ледяном» походе, у Медведовской…

В непрестанных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной руки…

Вечная память со славой павшему…

§ 2

Для увековечивания памяти первого командира 1-го офицерского полка части этой впредь именоваться 1-й офицерский генерала Маркова полк.

Из двух сотоварищей Деникина по Быховской тюрьме в живых остался один Романовский, который до конца своей жизни будет его лучшим другом, его «ангелом-хранителем».

Рассказывая в своих «Воспоминаниях» об их отношениях, профессор К. Н. Соколов, будущий начальник ОСВАГ, член Особого совещания, напишет следующее:

«Было что-то исключительно трогательное в отношении Деникина к генералу Романовскому. „Иван Павлович и я…“, „Мы думаем с Иваном Павловичем…“, „Мы решили с Иваном Павловичем…“ — эти слова произносились с теплотой, почти с нежностью. Что касается меня, то я никогда не мог проникнуть в существо личности Романовского. Он получил досадную репутацию „человека левых взглядов“. Конечно, близость с генералом

Деникиным, типичным русским интеллигентом и либералом, обязывала его в какой-то степени к либерализму, но, судя по тому, как он видел людей и вещи, этот умный человек, несмотря на часто безразличный вид, сонный взгляд, сохранял твердость и решительность и придерживался правых взглядов».

Другое мнение об Иване Павловиче имел Дроздовский:

«Мы достаточно хорошо знали Романовского: он был злым, ревнивым, самолюбивым, не останавливался ни перед чем, чтобы сохранить свое влияние и свою власть, и сметал со своей дороги всех тех, кого он считал опасным для себя…»

Этот «злой гений», «социалист», «взяточник», «скрытый еврей», как называли его многочисленные клеветники, был для Деникина «прямым и откровенным человеком, говорящим что он думает, иногда даже слишком грубо, без дипломатических уверток». Это задевало собеседников.

«Он приобрел репутацию „сухого формалиста“, — отмечал Антон Иванович — тогда как был преисполнен доброты и снисходительности и всегда был готов пожертвовать собой ради людей».

Одним словом, сколько людей, столько и мнений. Но для моего героя Романовский оставался по-настоящему близким человеком…

А бои шли своим чередом…

Белые волонтеры упорно продвигались к заветной цели. Более месяца войска армии, выполняя решение командарма, вели кровопролитные сражения, ломая упорное сопротивление красных, продвигаясь к Екатеринодару. У генерала Деникина возникли серьезные трудности в управлении войсками.

Воистину «каждый мнил себя стратегом, видя бой со стороны…».

Генерал Б. Казанович[94] *в неопубликованной рукописи «Бой на екатеринодарском направлении» (хранится в ГАРФ) отмечал, что, например, полковник Тимановский*[95]*, храбрый офицер, сменивший на посту погибшего генерала Маркова, был недостаточно подготовлен к самостоятельному командованию и «совершенно не считался с нужными указаниями». Проявлял неисполнительность и Дроздовский. Подразделения тыла отличались низкими морально-психологическими качествами.*

В полку Дроздовского «обозные» случайно наткнулись на один из отрядов белых. Приняв их за красных, сразу же сдались им с криком: «Кадеты нас силой забрали». За эту подлость, пишет Казанович, «они были порублены на месте».

Но низкие моральные качества тыловых подразделений компенсировались доблестью волонтеров первой линии.

У Антона Ивановича имелись веские основания для того, чтобы сообщить в письме генералу Алексееву, что вера и подъем в войсках растут. «Армия полностью в руках начальников».

Деникин, как явствует из архивных документов, проявив железную волю, личный пример смелости (переместил свой КП ближе к первой линии), смог восстановить нарушенное управление. Но бои продолжались в неимоверно трудной обстановке. Были моменты, когда у добровольцев не было даже патронов. Их добывали в бою у красных после штыковых атак и рукопашного боя. Армия понесла большие потери. В 1-й и 3-й дивизиях выбыло из строя 25–30 процентов личного состава. Характерно, что в столь трудный момент Деникин пытается даже проявлять гуманизм по отношению к пленным. Он писал жене:

«Хотел быть жестоким и не выполнил обещания. Объявил прощение всем глупым вооруженным людям, дерущимся против меня. Стекаются сотнями и сдают оружие.

Среди грозной обстановки, жестокой и беспощадной борьбы не черствеет почему-то сердце».

Можно поверить, что Деникин здесь искренен. Но если У него сердце и не ожесточилось, то у других оно стало каменным. 2-й Кубанский поход принес немало случаев жестокости и зверства с обеих сторон. Зачастую немотивированных, трудно поддающихся осмыслению даже с дистанции времени…

Между тем нельзя не отметить, как свидетельствуют очевидцы, что население с восторгом встречало белых волонтеров. В одной из станиц, освобожденной на пути к Екатеринодару, генералу Кутепову поднесли букет, бросали цветы проходившим войскам, приглашали офицеров в гости, кормили и, видя что большинство из этих офицеров были оборваны, давали им белье и обувь.

На 24 (5 августа) 1918 года командующий Добровольческой армией назначил общее наступление на Екатеринодар. Такое решение он принял, несмотря на крайнюю усталость добровольцев. Генерал исходил из того, что в войсках царил высокий наступательный порыв, которому нельзя было дать угаснуть. Тем более кубанские казачьи части стремились, как можно быстрее освободить от большевиков столицу родного края.

Красные же части, судя по неопубликованным воспоминаниям Г. К. Орджоникидзе, а также воспоминаниям Е. Ковтюха, видного военачальника красных на Северном Кавказе, ставшего впоследствии жертвой сталинских репрессий, были деморализованы. Последний характеризовал защитников Екатеринодара так:

«Везде среди разбегающихся частей раздавались крики:

„Продали нас и пропили!“ Власти были бессильны что-либо сделать с этой массой, а противник находился уже в 18 верстах от Екатеринодара…»

Тем не менее белым волонтерам пришлось пролить немало крови, прежде чем они взяли Кореновскую. Только с этого момента генерал Деникин приобрел полную свободу действий и получил возможность продолжать выполнение своего основного плана.

Армия красного командарма И. Л. Сорокина[96] уходила с большой поспешностью главной массой в направлении на Екатеринодар, частью на Тимашевскую. Там по-прежнему группа Е. Ковтюха (12 ООО штыков, 600 сабель) оказывала упорное сопротивление коннице генерала Покровского и даже 10 августа предприняла серьезное контрнаступление в направлении на Роговскую… На юге отдельная группа красных — 4–6 тысяч человек с артиллерией и бронепоездами — располагалась в районе Усть-Лабинской (постоянная переправа через Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями к Раздольной и Кирпильской. Советское командование перебрасывало свои тылы и коммуникации за реку Кубань.

Невзирая на крайне утомленное состояние белых волонтеров, командующий двинул Добровольческую армию для преследования противника. К 1(14) августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его кольцом с севера и востока. Начались бои на всем Екатеринодарском фронте. Противник дрался до последнего патрона. Военное счастье качалось — то в сторону белых, то в сторону красных.

Тем не менее 2 (15) августа войска Добровольческой армии вошли в Екатеринодар. Белые волонтеры вступали в тот город, который за полтора года белой борьбы перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретая, по меткой характеристике Деникина, «какое-то особое мистическое значение».

В тот момент он узнал две новости: плохую — расстрел царской семьи. И хорошую — Ксения Васильевна ждала ребенка. Муж писал ей:

«5–8—18. Курьер уезжает. В моем распоряжении лишь несколько минут.

Безмерно рад, если правда, что исполнится моя мечта о Ваньке.

Операция разворачивается с огромным успехом. Красный сброд пытается контратаковать, но выдыхается.

Глубоко и искренне люблю».

Командующий Добровольческой армией начал после соответствующей подготовки наступление на Северный Кавказ в районе Ставрополь — Армавир — Невинномысская.

В разведывательной сводке штаба Добровольческой армии от 27 июля (9 августа) 1918 года сообщалось, что большевики предприняли наступление на ст. Новопокровскую в целях «наказать казаков за измену советской власти». На станицу без особой надобности было выпущено до 1000 снарядов, несмотря на то, что их не хватало у красных[97].

Подобные эксцессы подтверждаются и советскими источниками.

Советский военачальник Свечников, анализируя причины неудачи красных под Екатеринодаром, видел одну из них в следующем:…советские войска подвергали полному разгрому казачьи станицы, лежащие на дороге, совершенно не считаясь со степенью обеспеченности. А это бросило «кубанских казаков из революционного лагеря в руки Деникина и Алексеева».

Упомянутое выше разведывательное донесение имело особую ценность для генерала Деникина.

Красные, докладывали добровольческие разведчики, находятся в подавленном состоянии, считают невозможным бороться «с дисциплинированными кадетскими частями», если большинство красноармейцев до сих пор не разбежалось, то только «из страха перед беспощадными расстрелами, так часто практикуемыми среди большевистских главковерхов в последнее время»[98].

Подтверждаются данные разведки белых и докладной запиской Ленину от народного комиссара труда А. Г. Шляпникова по положению на Северном Кавказе и в Дагестане.

В ней, в частности, отмечается, что местные советские силы «недостаточно организованы, дисциплинированы».

Серьезный удар по моральному состоянию красных нанесли и антисоветские выступления, и массовый приток казаков в Добровольческую армию, вызванный волной карательных акций против казачества.

В ходе кратковременного отдыха Добровольческая армия укомплектовывается личным составом, вооружением, техникой. После взятия Екатеринодара она имела в своем составе 12 тысяч человек, 40 орудий, 200 пулеметов. А к середине августа 1918 года, по данным советской разведки, ее численность уже достигала 20 тысяч человек[99].

Безымянный автор неопубликованного очерка «Об участии полка генерала Маркова во 2-м Кубанском походе» писал:

«Шаг за шагом выбывают в бесчисленных боях лучшие вожди

Добровольческой армии, начальники, идейные рядовые бойцы, гибнут моральные устои армии; в ряды ее вливаются мобилизованные, среди которых, по мнению очеркиста, и „массы враждебных элементов“.»

Автор подытоживает в очерке, по моему суждению, правильно, что в течение 1918 года армия «крепнет численно, но слабеет морально»[100].

Подобное фиксируется и в сводке политотдела Южного фронта красных от 18 июля 1918 года, где отмечается, что добровольцы следят за мобилизованными[101].

Благодаря усилиям командующего и его штаба, мобилизациям и активизации работы вербовочных пунктов, Добровольческая армия к 1 сентября насчитывала 35–40 тысяч человек, 86 орудий, 256 пулеметов, 5 бронепоездов, 8 броневиков. Небезынтересно здесь донесение «Азиата» (агент М. В. Алексеева) от 21 июля 1918 года.

Из него явствует, что добровольцы-офицеры прибывают в армию весьма интенсивно. Много и солдат. Однако параллельно записываются в Донскую армию, так как младший офицер получает там 300 рублей, а в Добровольческой армии — 250 рублей. Можно предположить, что успех в вербовке был бы еще значительней при наличии больших финансовых возможностей.

Но армия по-прежнему не могла обеспечить своим воинам достойного материального положения (см. Приложение 16). Денежного довольствия едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Не случайно тогда в газетах («Великая Россия», например) появлялись такие объявления:

«Я, офицер I-го генерала Маркова полка, три раза ранен. В настоящее время я почти здоров, но за неимением брюк и гимнастерки я не имею никакой возможности никуда выйти и посему покорно прошу отзывчивых граждан г. Екатеринодара помочь мне выйти из этого положения. Лазарет № 9».

Расширение армии выдвигало вопрос о необходимости мобилизации офицеров. После взятия Екатеринодара дежурный генерал по распоряжению командующего запросил мнение Кутепова о переименовании Добровольческой армии в Русскую. Тот ответил отрицательно, так как, по его суждению, подобная мера преждевременна: офицеры должны служить добровольно, а не по обязанности. Деникин прислушался к подчиненному. Но все-таки был вынужден ввести мобилизацию среди офицеров. Первый раз это произошло 25 октября 1918 года (приказ главнокомандующего Добровольческой армией № 246). Тогда и началась дифференциация офицеров на «старых» и «новых». Но Деникин не пресек в корне это явление, что стало его большой

ошибкой.

Благоприятным условием для продолжения боевых действий стало то, что Красная Армия Северного Кавказа испытывала после сдачи Екатеринодара глубокий кризис. Суть его отражена в приказе главкома армией от 29 июля № 92: отсутствие дисциплины, наличие примазавшихся преступных элементов, анархия.

Командующий Добровольческой армией представлял глубину кризиса противника, усугубляемого еще и дезертирством. Но, оценив обстановку, он подытожил: в сентябре «процесс распада красных войск приостановился», так как антагонизм между казаками и иногородними на Кубани, все более обостряясь, принял в итоге альтернативную форму: победа казаков — порабощение иногородних, победа красных — порабощение казаков.

Однако генерал Деникин смог опереться не только на казаков, но и на крестьянство.

Оно, по оценке Орджоникидзе, было «безразличным к той или иной власти, лишь бы прекратилась война».

Но, попав под разрастающийся красный террор, потянулось к вождям белых.

По данным Орджоникидзе, из Красной Армии в Добровольческую армию «переходили целыми полками». А ведь в красных частях было много крестьян[102].

В такой напряженной обстановке вела Добровольческая армия упорные бои в сентябре — ноябре 1918 года. Они шли с переменным успехом. 18 сентября белые овладели Армавиром и Невиномысской, но 21 сентября красные выбивают их из Армавира силами Таманской армии (30000 штыков, 4000 сабель, 141 пулемет, 32 орудия), которая вслед за тем заняла фронт Армавир — Михайловская — Дондуковская, прикрыв армию Сорокина.

Красное командование возложило взятие Невинномысской на части армии Сорокина, что было выполнено не без трений, причем дело доходило до междоусобных стычек в 5 километрах от боевых порядков белых волонтеров. Подобное могло быть именно в русской Гражданской войне.

После армавирских боевых эпизодов на фронте обоих противников наступило временное затишье, использованное командованием противоборствующих сторон для реорганизации и приведения в порядок своих сил. Красные смогли обеспечить численное преимущество над белыми, сосредоточив в районе Ставрополь — Армавир — Невинномысская пять колонн, кавалерийский корпус и особую ставропольскую группу общей

численностью 150 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра.

Против Таманской армии командование белых смогло выставить 10 тысяч штыков и сабель при 12 орудиях. Силы явно неравные. Однако командующий Добровольческой армией приказал, даже при таком неблагоприятном расчете сил и средств, отбить Армавир. Но добровольцев постигла неудача. В то же время красные, вместо того чтобы развивать успех, погрязли в склоках. Разногласия по оперативнотактическим вопросам между двумя красными военачальниками, Сорокиным и Матвеевым, кончились тем, что первый расстрелял второго за невыполнение боевых приказов.

С большим трудом Таманская армия сосредоточилась в конечном итоге в районе Невинномысской, изготовившись к наступлению на Ставрополь. Она была сведена в две стрелковые дивизии по 4 полка в каждой; общая численность их определялась в 15 000 штыков; кавалерия в количестве 4000 тысяч сабель была сведена в 3 кавалерийских полка; артиллерийская бригада состояла из 30 орудий различного калибра. Это в то время, когда в Добровольческой армии выделялось 150 снарядов и 70 патронов на винтовку.

В ночь на 30 октября части Таманской армии ночной атакой овладели Ставрополем, захватив в нем богатые трофеи и 2 бронепоезда с 5 дальнобойными орудиями. По занятию Ставрополя красные части вначале энергично преследовали белых. Но дальнейшего развития действия Таманской армии не получили, и она около 3 недель пассивно простояла на месте в районе Ставрополя, не получая никаких указаний от высшего командования, занятого очередной военно-политической разборкой, в ходе которой теперь был убит главком Сорокин. Части красных какое-то время остались без объединенного управления, чем сумел воспользоваться командующий Добровольческой армией.

Генерал Деникин сосредоточил мощный кавалерийский кулак, силой до 14 кавалерийских полков, под командованием полковника А. Г. Шкуро[103], который прорвал армавирский фронт красных и отрезал Таманскую армию от Пятигорска, откуда она получала не только распоряжения, но и снабжение, начал с юга грозить Ставрополю. Войска генерала барона Врангеля подступили к Ставрополю с запада, а части генерала Покровского — с юго-востока. Добровольческая армия вновь окружила Таманскую армию со всех сторон, и красные были вынуждены 14 ноября с боем пробиваться в восточном направлении, неся большие потери.

Теперь военное счастье улыбалось белым волонтерам. Но не всем. Отбиваясь от наступавших красных частей с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контратаку, доблестный полковник Дороздовский был тяжело ранен в ступню ноги… Незначительное на первый взгляд ранение потребовало восьми операций: 1 (14) января 1919 года он умер в ростовской клинике профессора Напалкова. Незадолго до этого Дроздовский, всегда отказывавшийся от любых отличий, был приказом Деникина произведен в генерал-майоры. Генерала Дроздовского похоронили в кафедральном соборе Екатеринодара. Весной 1920 года, когда белые покидали Кубань, гроб вывезли в Севастополь и перезахоронили на Малаховом кургане. В спешке же новой врангелевской эвакуации могила Дроздовского была потеряна.

Характерной чертой осенних боев на Северном Кавказе стала эскалация невиданной жестокости. В Новороссийске 14 сентября 1918 года добровольцы расстреляли 400 раненых красноармейцев.

Но и красные не отличались гуманизмом.

По сведениям Орджоникидзе, в случаях волнений в казацких станицах красные высылали бронепоезд, который выпускал по домам 10–15 снарядов. Затем собирали оставшихся в живых жителей и… заставляли их платить за каждый истраченный снаряд на уничтожение мирных жителей по 5 тысяч рублей[104].

Ставрополь после кровопролитных боев был взят белыми. Цель 2-го Кубанского похода достигнута.

Высокую цену пришлось заплатить Деникину за победу.

Орджоникидзе доложил Ленину, что Добровольческая армия, «самая организованная, сплоченная, дисциплинированная», потеряла в боях на Северном Кавказе 30 тысяч человек.

В добровольческих полках оставалось 100–150 штыков.

Тяжелые потери навели Деникина на интересные размышления. Заслушав доклад начальника штаба армии, согласившись с оценкой Романовского, что белые волонтеры достигли блестящей победы, Антон Иванович с грустью в голосе сказал:

— Вы докладываете, Иван Павлович, что 1-я и 3-я дивизии потеряли около трети своего состава?

— Так точно, ваше превосходительство! Но потери красных еще страшнее.

— Да… Много взяли пленных?

— Нет. И с той и с другой стороны не было желающих сдаваться. Мы сражались отчаянно.

— Красные тоже. Видите ли, Иван Павлович, я никак не могу

отделаться от мысли, что если бы, вместо того чтобы сражаться с нами, все эти Сорокины, Жлобы, Кальнины соединились с нами, то вместе мы бы быстро и решительно разделались с немецкими захватчиками…

Если бы…

А воздух Отчизны,
Приятный и синий,
Да тонкая пыль
Деревенских дорог.
Они за Россию
И мы за Россию,
Корнет Оболенский,
Так с кем же наш Бог?

Убивая друг друга, люди верили, что желают блага Отечеству, не понимая, что это был как раз тот случай, когда благими намерениями вымащивалась дорога в ад.

Несмотря на тяжелые потери, Добровольческая армия насчитывала после 2-го Кубанского похода 40 605 штыков и сабель. Благодаря организационно-мобилизационным мероприятиям, проведенным сразу же после окончания похода, генерал Деникин довел численность своей армии, по его личной оценке, примерно до 60000 человек. Она была сведена в 3 армии и 2 конных корпуса. Главком продолжал наращивать усилия и темпы мобилизации в Ставропольской, Кубанской областях и Черноморской губернии.

А жена Деникина, радуясь победам своего мужа, испытывала чувство горестного одиночества. Вроде бы генерал должен был прибыть с фронта в Екатеринодар — «столицу»…

Уже заметная беременность утомляла молодую женщину, делала ее нервной, подверженной частым обморокам. В день, когда пришла весть от мужа, она вышла погулять и упала на улице. Добрые люди довели ее до маленького дома на Соборной улице, где она жила с дедом и матерью.

Но даже когда муж приезжал в Екатеринодар, жена видела его редко. Вести об отступлении немцев, о подписанном перемирии, слухи о «национальном правительстве», провозглашенном в Сибири, о флоте союзников, направляющемся к берегам России, — все это ставило много проблем перед генералом и еще больше отвлекало его от семьи. Но если отбросить самолюбие, то счастье быть женой Деникина, матерью его ребенка стоило трудностей одиночества…

К концу 1918 года деникинским войскам противостояла на

Северном Кавказе группировка красных, насчитывающая, по данным Орджоникидзе, не менее 150000 человек.

В директиве Главного командования командованию 8-й армии от 26 ноября 1918 года отмечалось, что за последнее время 8-я армия запятнала себя позорным беспрерывным отступлением. В частях и соединениях процветали антисемитские настроения, хулиганство, бандитизм, игра в карты.

Добровольческая армия становится сильнейшей головной болью высшего военно-политического руководства Советской России. Троцкий на праздновании 1-й годовщины прихода большевиков к власти говорил:

«Сейчас пульс Советской республики бьется на Южном фронте. Мы обратились с призывом к Советам Петрограда и Москвы. В последние дни сотни трудящихся были отправлены на юг. Отправлены машины, карабины, пушки. Нам надо овладеть Доном, Северным Кавказом, Каспийским морем. Именно на Дону нужно разрубить узел контрреволюции!»

В тот период в связи с расширением масштабов борьбы меняется и характер военной деятельности вождя белых волонтеров генерал-лейтенанта Деникина, стиль управления войсками:

«Теперь открылась более широкая стратегическая работа начальника, и вместе с тем сузилась сфера непосредственного моего влияния на войска. Раньше я вел армию, теперь командую ею».

Изменение характера военной деятельности Деникина, стиля управления войсками отнюдь не означало, что генерал перестал бывать в первой боевой линии. Вот как описывает это Ю. Власов.

«Антон Иванович, несмотря на чин, почитает за долг бывать на передовой и показывать господам офицерам, что за люди ими распоряжаются. Прямо из штаба части — на передовую. Пули — роем, а только не гнется генерал. Должность такая — быть выше поклонов и приседаний. Возьмет у офицера трехлинейку, ремень зажмет в ладонь, чтоб не болтался. Офицер с земли смотрит и от этого несколько виновато дает выражением лица понять: лежит, но не трус. И вдруг генерал зычно, вовсе не интеллигентски подаст команду — на обе стороны за версту пойдет — и зашагает вдоль цепи. Господа офицеры снизу скалятся: по душе им такой Антон. Рожи у всех обожженные солнцем, худые, но бритые, подворотнички чистые…

А он перебросит винтовку (играет в руках, с юнкерских лет выучка) — и вдруг сгорбится, соберется, прижмет приклад к бедру. Не чувствует тяжести Антон Иванович, не винтовка в руках, а что-то невесомое. Только неуловимо опустит правую руку,

нашарит кобуру и расстегнет: а на всякий случай, а не помешает…

И все: с Богом…

Обернется и также зычно на всю степь рявкнет:

— Знамя, знамя ко мне!

Протопают знаменосцы, с ними — знаменный взвод, у ассистентов шашки наголо. Знаменосец чехол сдирает, руки трясутся…

И вот оно! Захлопает, заполощется на ветру российское, трехцветное: бело-сине-красное!

И уже рев по степи — теперь не унять, дело сделано: пойдут, а если надобно — все и полягут.

И опять зычно поет на всю степь Антон Иванович:

— Примкнуть штыки!

Шагает по цепи, словно и пуль нет (а не отлита еще для него — знает определенно, есть такое чувство). За ним — веером штабные, а что делать… нельзя отставать… шашки поблескивают. Антон Иванович и не оборачивается, разве что метнет взгляд: как они там… А, не отстают! Раненый охнет. И глухо, мякотно завалится срезанный наповал: захрипит, заскребет каблуками землицу — и отлетела душа. Антон Иванович и не повернется — правила такие: война. Погоны не полевые — в золоте. Бей не спеша — и завалишь первого белого генерала, первее нет…

Да только генерал плевал на это, размашисто вышагивает, в обычной жизни вроде так и не выйдет. Все перед ним: степь, люди, — а ничего не видно. Всякий раз вот так — сколько не ходи…

Однако возьмет себя в руки, отрезвеет. Расцветет в улыбке — молодец молодцом.

Угроза гибели на каждом по-разному откладывается. У одних лица — кирпично-красные в сальной пленке пота, у других — белее снега. У одних глаза — суженные, ну, щелки, а не глаза; у других — выпученные, дикие, но у всех не лица, а маски, и губы бескровные.

Быстро, летуче крестятся. Не все, но крестятся. Он бы и сам перекрестился, да заняты руки. Ничего, у него с Господом ровные отношения… Чувствует: лицо — тоже чужое, вроде не свое. Полную грудь воздуха наберет и прокричит:

— В штыки, господа! За мной! За Бога и Отечество, марш!

И всей кожей примет (сам не оборачивается — нельзя это — этика тут своя), как заворочались, оторвались от земли люди.

И мат, обложной мат по всей цепи. Ярятся в крови господа офицеры.

Антон Иванович и сам ловит себя на том, что безобразно матерится, но сознание тут же опять отключается на чисто животные действия. Он набыченно, мешковато топает с

винтовкой наперевес навстречу выстрелам, похожим на один несмолкаемый, очень громкий и какой-то ломано-скачущий звук.

А уж со всех сторон натужный дых и бессмысленные маски лиц. Теперь не остановишь — дойдут. Будут рвать руками, рубить, резать, колоть, мозжить прикладами… теперь не остановишь…

И со всех сторон рев — вовсе не „ура“, а рев, жуткий мат…

Пошли врукопашную…

Матерый был русак Антон Иванович».

Вот он, менталитет русского офицера! Презрение к смерти, доведенное порою до безрассудства…

Деникин постоянно ощущал, что, невзирая на всю сложность конкретной обстановки, есть еще один мощный враг — Германия. Он постоянно изучал разведдонесения агентурного центра «Азбука», основанного Шульгиным в Киеве, о дислокации кайзеровских войск, их переднем крае, изменении состава, сил и средств.

Особое внимание он уделял немецким войскам, базирующимся на Украине и в непосредственной близости к территории, подконтрольной Добровольческой армии. Верный союзническому долгу, вождь белых волонтеров считает себя в состоянии войны с Германией. Правда, это было чисто политическое решение, ибо боевых столкновений с кайзеровскими войсками не имелось.

По итогам 2-го Кубанского похода и после Деникин завоевал огромный авторитет в армии и обществе. Не случайно на Ясском совещании, где союзники решали проблемы вмешательства в дела России, охваченной Гражданской войной, Гришин-Алмазов заявил:

— Деникин является единственной надеждой всех государственно мыслящих людей.

Вокруг главкома Добровольческой армией начинают интенсивно группироваться антибольшевистские военные силы юга Росси.

КТО ВИНОВАТ? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Что же касается вопросов религиозных, научных и политических, то я тут хлебнул немало горя, ибо не лицемерил и всегда имел мужество говорить то, что чувствовал.

И. В. Гете

Ведя белое воинство в бой, Антон Иванович ни на минуту не прекращал поиска ответов на извечные вопросы русской интеллигенции: кто виноват? Что делать? Довольно часто в поисках ответа ему, подобно великому Гете, приходилось проявлять большое мужество…

Разумеется, генерала не мог удовлетворить ответ на первый вопрос, в таком виде, как он выкристаллизовывался на уровне обыденного сознания. Кто виноват? «Жиды», «комиссары», «социалисты», «немцы».

Не удовлетворял Деникина слишком простой ответ, рожденный в его взбудораженном мозгу, и на второй вопрос. Что делать? Драться! Но… за царя или за республику? С кем драться? С большевиками — однозначно! А с немцами — скорее «да», чем «нет».

Однако нет ничего страшнее примитивных рецептов, готовых на все случаи жизни. Это понимал Антон Иванович. Ведь его можно обвинить в каких угодно грехах, но только не в отсутствии интеллекта. И он попытался по-своему ответить на вопросы, извечно мучившие русскую интеллигенцию. Как ответить? Посредством определения политических целей и задач Добровольческой армии.

Именно это тревожило его, особенно после завершения 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Наметилась мирная передышка, но в добровольчестве начался кризис. Белое движение должно определиться в последующих целях и задачах. Самое время для выработки политических документов.

В последних боях легендарного «Ледяного» генерал-лейтенант Деникин написал первое политическое обращение к русскому народу.

«Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привело Россию на край гибели.

Добровольческая армия поставила целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для сопротивления и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии по мере развития сил и средств организации предполагалась вся территория т. н. Юго-восточного Союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу… Расчеты, однако, не оправдались…»

Указав далее мотивы ухода армии с Дона и сделав краткий очерк 1-го Кубанского («Ледяного») похода, А. И. Деникин закончил обращение так: «Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за власть в разоренной, урезанной, уничтоженной России, борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сместить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского). Таков взгляд ее лучшей части. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые терния и разочарования, но он единственный для всех, кто предан Родине…

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах в этот грозный час, напрячь все силы, чтобы немедля организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно мыслящими людьми свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

Командующий Добровольческой армией Генерал-лейтенант ДЕНИКИН».

Как видно, документ довольно сумбурный. Я полагаю, что Деникин ошибся, классифицируя данный документ как «Первое политическое обращение». В ГАРФ хранится подготовленное им

лично 10 апреля 1918 года Обращение. В нем подчеркивается:

«…С большевиками — изменниками и предателями Родины, разрушившими армию, разлагавшими Россию и предавшими ее немцам, Добровольческая армия ведет борьбу, имея своей задачей уничтожение в России большевизма и установление того строя, который признает будущее Учредительное собрание»[105].

Далее генерал особенно подчеркивает, что с мирными жителями, не выступившими против армии и не оказавшими ей сопротивления, война не ведется. Командующий объявил всему населению, что ничего насильственного против них предприниматься не будет, если они не станут оказывать вооруженное сопротивление. Тут же он, правда, предупредил, что будет «поступать самым жестоким образом с теми, кто окажет сопротивление армии».

В первой части документа четко просматриваются политические моменты. В целом же обращение декларативно. Однако, на наш взгляд, по формальным признакам его можно назвать первым политическим документом командующего Добровольческой армией.

Программным же политическим документом добровольчества следует считать Декларацию Добровольческой армии, вышедшую 30 апреля (13 мая) 1918 года. Она была подготовлена лично командующим.

Декларация Добровольческой армии

1. Добровольческая армия борется за спасение России путем:

а) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии;

б) беспощадной борьбы с большевиками;

в) установления в стране единства и правового порядка.

2. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

3. Вопросы о формах государственного строя являются последующим этапами, они станут отражением воли русского народа после освобождения от рабской неволи и стихийного помешательства.

4. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

5. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе

исторических чаяний, но не нарушающих единства и целостности Русского государства и на началах, указанных в 1914 году русским верховным главнокомандующим.

Командующий Добровольческой армией Генерал-лейтенант ДЕНИКИН.

Она в сравнении с первым политическим обращением принимает более стройный вид. В документе очерчены основные особенности политической программы Добровольческой армии, пути и способы борьбы: опора на армию, ведущую беспощадную борьбу с большевиками и выступающую гарантом восстановления единства и порядка; консолидация всех антибольшевистских сил на основе беспартийности, решение вопроса о будущем государственном устройстве России после победы; невозможность союза с эсерами и большевиками; установление союза со славянами Восточной Европы не в ущерб России. Суть программы впоследствии четко сформулировали деникинские идеологи и пропагандисты: «Уничтожение большевизма, восстановление могущественной, единой и неделимой России».

В таком виде Декларация могла оказывать консолидирующее влияние на настроения общественности белого юга России. Но ожидаемого эффекта она не произвела. Главная причина заключается в том, что в регионе, где воевал Деникин, население было расслоено. Даже в наиболее благоприятных, по классовому составу, для белого движения районах около 30 процентов населения должно было быть его противником в силу одного только экономического мотива, что обусловливало внутреннюю слабость контрреволюции.

Тем не менее Декларация находила и положительные отклики у современников. Неизвестный обыватель записал в личном дневнике после ознакомления с ней, что теперь он может быть спокоен, так как «дело не идет к восстановлению старого режима».

Парадоксальность же ситуации заключается в том, что если у некоторых обывателей Декларация вызвала положительный отклик, то в окружении, близком к командующему Добровольческой армией, реакция была неоднозначной. Генерал Лукомский в письме к Деникину от 14 (27) мая 1918 года подверг Декларацию критике главным образом за то, что в ней заранее предрешается государственное устройство России после освобождения ее от большевистской власти. В качестве аргумента генерал Лукомский выдвинул то, что командующий упомянул в своем документе о «народоправстве».

В целом же отношение к Декларации среди широких слоев

населения, как показывает анализ сводок агентурной разведки Добровольческой армии, было «сочувственным, но скептическим». Существовало опасение, что с Декларацией «будет то же, что и с манифестом 1905 года».

Сценарий у Антона Ивановича получился недурственный. Но постановка его провалилась. Не те подмостки… Да и актеры, и режиссеры оказались не на высоте…

МАГНЕТИЗМ ВЛАСТИ

Дай рвущемуся к власти
Навластвоваться всласть…

Б. Окуджава

15 (28) мая 1918 года. Станица Манычская. В небольшой, но уютной хате станичного атамана на столе разложена карта боевой обстановки. Вокруг него сгрудились атаман Все-великого войска Донского генерал Краснов, верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев, командующий Добровольческой армией генерал Деникин, начальник штаба генерал Романовский. Беседу, которую ведут генералы, никак не назовешь ни дружеской, ни спокойной. Больше всех нервничает Деникин. Резко повернувшись к Краснову, он говорит с возмущением:

— Ваше превосходительство! Три дня назад в диспозиции, отданной для овладения селом Батайск, вы указали, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре — донцы, а в левой — отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии.

— Позвольте, но…

— Попрошу меня не перебивать! Считаю недопустимым, чтобы добровольцы взаимодействовали с немцами. Вы, русский генерал, неужели забыли, что Россия находится в состоянии войны с Германией?

— Я знаю — ваш сарказм неуместен!

— Требую уничтожения этой диспозиции!

— Извините, ваше превосходительство, историю уничтожить нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему — другое дело. Но она относится к сражению, которое было три дня назад и закончилось полной победой отряда полковника Букадорова, и уничтожить то что было невозможно.

— Я думаю, атаман понимает, что речь идет о принципе. Мы не можем запятнать себя сотрудничеством с врагом России и ее союзников.

— Здесь все намного сложнее. Кроме того, я бы на вашем месте сменил тон. Перед вами больше не бригадный генерал, каким меня знал генерал Деникин на войне. Вы ведете переговоры с атаманом Всевеликого войска Донского, представителем свободного пятимиллионного народа!

— Это обстоятельство, — с ироничной улыбкой замечает Деникин, — дает вам основания пересматривать понятия Родина, честь офицера?

— Ваше превосходительство, — срываясь на крик, парирует Краснов, — мне кажется, что вы переходите на личные оскорбления?

— Успокойтесь, господа генералы, — вмешивается в нелицеприятный диалог генерал Алексеев, — сейчас не время для амбиций! Россия погибает, а вы…

— Я согласен, Михаил Васильевич, беседа наша с Антоном Ивановичем идет не в том ключе, — чуть успокоившись, произносит мирным тоном атаман.

В конце концов, атаман Всевеликого войска Донского рассчитывает и надеется на то, что цели, преследуемые его казаками и Добровольческой армией, одни и те же — уничтожение большевиков.

— Цели то одни, только видение путей их достижения у нас разное. Добровольческая армия считает кайзеровские войска своим врагом. Компромиссов здесь быть не может! — жестко отвечает командующий Добровольческой армией.

— Господа, — вмешивается в диалог верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев, — давайте сделаем перерыв. Думаю, вам надо поостыть…

Все выходят на улицу… После получасового перерыва переговоры не увенчиваются успехом.

Вот и свела судьба Антона Ивановича с атаманом Красновым. Свела, поручив им ведущие роли в политическом театре белого юга России в старой, как мир, пьесе под названием «Борьба за власть».

Битва за власть вождя белых волонтеров генерала Деникина и атамана ВВД генерала Краснова стала для двух крупных военно-политических фигур белого юга России одним из магистральных направлений их деятельности в 1918 — начале 1919 года.

Она началась в условиях, когда оба они выступили против большевизма, исповедуя разные политические ориентации: Деникин — союзническую, Краснов — прогерманскую.

Союз атамана ВВД с кайзером был вынужденным и неравноправным.

Бывший командующий Донской армией генерал С. В. Денисов вспоминал в данной связи, что ВВД пришлось решать вопрос: идти с союзниками или немцами? Дон решил: не давать никаких территориальных обязательств за счет России, но сотрудничать с немцами. Денисов подчеркивает то, что помощь немцев была

больше похожа на оккупацию (они заняли Ростов и Таганрогский округ, мотивируя тем, что это территория Украины, а она, как известно, была оккупирована кайзеровскими войсками). Командующий Донской армией понимал, что помощь кайзера преследует великодержавные цели его империи.

Вынужденное сотрудничество Краснова с немцами оправдывается некоторыми исследователями русского зарубежья. Схожие с Денисовым мысли высказывал и Головин. Имеет место в зарубежной историографии утверждение и о том, что Краснов не был марионеткой Германии подобно Скоропадскому потому, что часть Донской области была под полной властью атамана.

Как бы там ни было, но атаман ВВД слишком рьяно и с удивительной добросовестностью, если учесть то обстоятельство, что их союз был вынужденным и неравноправным, проводил политику тесного сотрудничества с кайзеровской Германией. По решению атамана жестко пресекались малейшие попытки критики курса правительства Дона на союз с кайзером. За это в июле 1918 года правительство ВВД выслало за пределы Дона самого Родзянко. Посягнули на авторитет того, кто стоял у истоков отречения Николая II от престола.

Кроме того, атаман не скрывал личных германофильских тенденций. Вступив в личную переписку с кайзером, заручившись его поддержкой, Краснов провел успешные переговоры с немецким командованием и обеспечил их нейтралитет. Германия стала оказывать помощь Дону, была организована торговля.

Все это не могло не раздражать Деникина, считавшего себя в состоянии войны с Германией де-юре, остававшегося верным союзническому долгу. Сложности его взаимоотношений с атаманом ВВД возникли сразу же после легендарного «Ледяного».

Возвращаясь из похода, добровольцы вступили на территорию Дона в те самые дни, когда шли бои за Новочеркасск.

Армия, измотанная непрерывными боями предыдущих месяцев, остановилась на отдых в донской станице Мачетинская. Отсюда для установления контактов с руководством восставших донцов был направлен генерал В. Н. Кисляков.

Однако донские лидеры, изъявив немедленную готовность принять любую помощь, проявили явное нежелание подчиниться добровольческому командованию. В то же время Добровольческая армия была слишком слаба для того, чтобы диктовать свои условия. Заносчивость же и амбиции новоиспеченного атамана Краснова еще больше усугубляли дело.

Между двумя лидерами антисоветской борьбы воцарилась открытая неприязнь. Деникин не только избегал посещений Новочеркасска, но прекратил даже переписку с атаманом.

Разумеется, это не означает, что между Доном и Добровольческой армией не существовало вообще никаких контактов. В донской столице находились официальные добровольческие представители. Генерал Алексеев, чье ухудшавшееся здоровье делало слишком обременительной жизнь в полевых условиях, вместе со своей канцелярией поселился в Ростове. Донское казначейство в июне — июле 1918 года выделило на нужды Добровольческой армии 4 млн рублей.

Среди добровольцев было хорошим тоном иронизировать По поводу «всевеселого войска Донского» (донским гербом, кстати, было изображение голого казака верхом на бочке с вином) и литературных досугов его атамана. Действительно, Краснов и на атаманском посту находил время писать стирки, а его пространные приказы были полны не свойственными такого рода документам пафосом и лирикой. Умело играя роль «отца нации», Краснов тем самым пытался укрепить свое положение в борьбе с оппозицией. А противников у атамана было немало. Но он смог их победить, проявив недюжинные таланты политического интригана. Краснова повторно избрали атаманом ВВД.

Победа Краснова должна была вызвать у Деникина чувство разочарования. Но командующий Добровольческой армией не имел возможности активно вмешиваться в донские дела. Тем более шла полным ходом подготовка ко 2-му Кубанскому походу. Атаман же, кроме изнуряющей борьбы с внутренней оппозицией, ни на минуту не упускал йз поля зрения вопросы борьбы за власть с вождем белых Волонтеров.

Генерала Деникина серьезно озадачивали получаемые из источников Добровольческой армии данные о том, что атаман относится к добровольцам враждебно, не верит в будущее армии.

Краснов прогнозировал, что Добровольческая армия распылится сама по себе, а «некоторым генералам придется уехать за границу». Атаман высказывал в узком кругу намерение открыть фронт на Севере, чтобы Добровольческая армия «убралась с территории ВВД». Он открыто заявлял о том, что если Добровольческая армия и не принесла вреда, то, во всяком случае, была «бесполезна для Донской области».

Деникин начал с атаманом жесткую борьбу за власть.

В начальный период разногласия командующего Добровольческой армией и атамана ВВД рельефно проявились в стратегических вопросах. Краснов требовал похода Добровольческой армии на Царицын, а Деникин настаивал на Кубанском походе. Вопрос о едином командовании, на чем так настаивал Антон Иванович, отпал.

Именно с лета 1918 года, после отказа идти на Царицын,

начинается открытая борьба за власть между Деникиным и Красновым.

Атаман начал интриговать, дезинформировать, пытался компрометировать в глазах общественности Деникина и его ближайших сотрудников. Краснов пошел даже на такую беспрецедентную акцию, как изъятие из Добровольческой армии казачьих частей.

Но, несмотря на конфронтацию, Краснов не рискнул на свертывание экономической помощи Добровольческой армии. Немцы передали атаману 11651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 108104 артснаряда, 1159471 ружейный патрон. Треть снарядов и одна четверть патронов была предана Добровольческой армии.

Позже, в 1922 году в Берлине выйдут мемуары Краснова «Всевеликое войско Донское». В них экс-атаман саркастически напишет:

«Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии».

Если бы Краснов подчинился Деникину, то появлялась бы возможность призвать на Дону 4 младших возраста для пополнения войск (как это было на Кубани). Более старшие возрасты могли бы быть призваны для местной обороны. Но политические амбиции атамана взяли верх над военной целесообразностью. Не последнюю роль сыграло здесь то, что под командованием Краснова было значительно больше сил и средств, нежели у Деникина.

Создается впечатление, что даже успехи Деникина во 2-м Кубанском походе рассматривались Красновым исключительно под углом борьбы за власть, без малейшего намека на радость за победы на фронте антисоветской борьбы. Хотя последнее, исходя из здравого смысла, не могло бы не радовать атамана как активного субъекта антибольшевистской борьбы. Оказывается, не радовало. Вот что по данному поводу сообщал Антон Иванович Михаилу Васильевичу:

«Правительство Всевеликого даже на телеграмму о взятии для них Великокняжеской нашли возможным ответить… просьбой бензина. Затем ряд будирующих телеграмм, чтобы в Новочеркасске полки не ставить. Задонские гарнизоны изъяты из моего подчинения и т. д., из прилагаемой копии телеграммы вы видите, что я с „самодержцем“ (имеется в виду атаман Краснов. — *Г. И.*) *достаточно сдержан…»*

Перед нами яркое свидетельство того, как атаман путает

амбицию с позицией…

Конечно, с определенной долей условности можно согласиться с тем, что писал Деникин Алексееву 4 июля 1918 года:

«Отношения с Доном не я создал. Относительно резкости и дерзости Краснов лжет: все сношения с ним делались в строго приличном тоне, вроде того, которое в копии я послал вам в предыдущем письме. Он же держит себя вызывающе. Недавно я получил крайне резкое его письмо (от 28-го) на тему, что „Задонье стонет от поборов (?) Добров, армии“.

Ясно, что он стремится спровоцировать разрыв, чтобы иметь нравственное оправдание своему отношению к Д. армии. Но это не удастся. С г-ном Красновым посчитается лично в свое время А. И. Деникин, а теперь командующий Добр, армией сохраняет полную корректность с Доном…»

Несмотря на то что перевес в борьбе все больше склонялся на сторону Деникина, в целом она протекала вяло. Видимо, не последнюю роль сыграла здесь обстановка на фронтах Донской и Добровольческой армий. Достижению же компромисса, кроме амбициозности, видимо, здорово мешали полярно противоположные внешнеполитические ориентации двух крупных фигурантов антисоветской борьбы.

В то время нагнетание напряженности в вялотекущем конфликте исходило от Краснова. Он необоснованно обвинил Деникина в поддержке оппозиции внутри ВВД, лично активно участвовал в кампании по дискредитации генерала в глазах широкой общественности вольного Дона. Атаман категорически отказался вести переговоры об объединении антибольшевистских сил, хотя бы для начала под оперативным подчинением Деникина. Краснов пытался уговорить Дроздовского не подчиняться командующему Добровольческой армией.

Антон Иванович, с презреньем наблюдавший всю эту возню, не нашел ничего лучшего, как встать в позу Чайльд Гарольда, разочарованного героя лорда Байрона. Он не разжигал конфликт, но и не пресекал воинствующих действий своих подчиненных, которые вот-вот грозили перерасти в вооруженное противостояние донцов и добровольцев.

Командир Добровольческой дивизии генерал В. З. Май-Маевский арестовал без объявления вины командира и офицеров 48-го Украинского Мариупольского полка. Краснов в резкой форме потребовал от Деникина их немедленного освобождения. Однако Май-Маевский в телеграмме пригрозил Краснову, что если тот не прекратит вмешательство в дела Добровольческой армии, то он «не остановится перед применением силы».

Осенью 1918 года на военно-политической карте мира произошли большие изменения. В ноябре 1918 года в Германии началась революция. Германские части покинули территорию ВВД, открыв воронежское направление, а дислоцированные на Украине — объявили нейтралитет. Вблизи границ ВВД появились враждебные ему петлюровские части.

На сцену политического театра белого юга России вышла Антанта, изначально сделавшая ставку на Деникина. Краснову не простили германофильства. Когда атаман попытался пожаловаться союзному командованию, что, мол, Добровольческая армия не хочет подчиниться ему, то уполномоченный главного командования Антанты генерал Бартело попросил представителя Дона передать атаману Краснову буквально следующее: «Нехорошо бросать упрек в сторону родственной нам армии. Вы на первых же порах затрудняете работу союзников своими раздорами… Донская армия многочисленнее Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне: он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верен идее союза…»

В развитие своего замысла интервенты начали развертывать решительные действия. К 15 февраля 1919 года общая численность иностранных войск на юге России составила 130000 человек. В Черном море действовал объединенный англо-французский флот, насчитывавший 12 линкоров, 10 крейсеров, 10 миноносцев.

Командующий Добровольческой армией обращается с письмом к командующему Донской армией, в котором аргументирует необходимость единого командования. Реакция генерала Богаевского — сдержанная, но понимающая. Деникин совещается с Красновым. Пытается еще, уже в который раз, убедить атамана в военно-политической целесообразности объединения Добровольческой и Донской армий под единым командованием. Тщетно. Атаман непреклонен. Тогда Антон Иванович апеллирует к общественному мнению и Большому войсковому кругу как высшему законодательному учреждению ВВД.

Обращение нашло желаемый отклик. Престижу Краснова нанесен чувствительный удар. Спецслужбы Добровольческой армии докладывают: «Нет ни малейшего сомнения, что всякое пожелание главнокомандующего будет принято Кругом».

В начале декабря английский генерал Пуль, командующий союзными войсками интервентов, на встрече с командующим

Добровольческой армией напрямую спросил у него:

— Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?

Антон Иванович ответил:

— Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношения его к Добровольческой армии.

— Хорошо, тогда будем разговаривать…

Вначале атаману было четко заявлено, что Антанта поддержит Деникина, который сохранил верность союзническому долгу «в невероятно трудных условиях». Затем в декабре 1918 года генерал Пуль, облеченный соответствующими полномочиями, предъявил Краснову ультиматум: либо подчинение Деникину, либо прекращение помощи ВВД. А чуть раньше союзники предъявили конкретное требование об отставке. Атаман вынужден дать союзникам принципиальное согласие о своем подчинении Деникину.

8 января 1919 года состоялось совещание представителей Добровольческой армии и ВВД. Оно проходило в крайне нервозной обстановке. Деникин дважды его прекращал, но по просьбе Краснова возобновлял. Его итог вылился в приказ № 1:

«По согласованию с атаманом Всевеликого войска Донского вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

Приказ был объявлен по Кубанскому войску атаманом Филимоновым.

Подчеркивалось, что кубанские части, находящиеся в составе Добровольческой армии, временно, вплоть до сформирования частей из казаков, остаются в составе Добровольческой армии и продолжают «выполнять свою благородную задачу — очищение от большевиков Северного Кавказа, что должно обеспечить мирную жизнь в освобожденной от насильников и грабителей нашей родной Кубани».

Атаман ВВД в своем приказе особый акцент сделал на следующем обстоятельстве:

Главнокомандующий вооруженными силами юга России как высшее должностное лицо вмешиваться во внутреннюю жизнь Дона НЕ БУДЕТ.

Следовательно, прав Деникин, утверждавший, что отношения между главным командованием и командованием Донской армии «не были определены, что в будущем создало серьезные трудности».

Последнюю логическую точку в этой истории поставил Большой войсковой круг, принявший в феврале 1919 году отставку атамана. Какова же его дальнейшая судьба?

В хмурую февральскую оттепель, под моросящим дождем, уезжал из Новочеркасска экс-атаман ВВД генерал от кавалерии Краснов. Бывший атаман поселился в Батуме, жил на положении частного лица. Когда белые армии начали поход на Москву, он обратился к главкому ВСЮР с просьбой разрешить ему вернуться на службу. Но генерал Деникин предпочел отправить бывшего политического противника подальше от казачьих районов, командировав его с миссией к генералу Юденичу. Краснов прибыл на Северо-Западный фронт в начале 1920 года, за несколько недель до разгрома белых.

Позднее он писал об этом: «Я проделал поход на Петербург, я пережил осаду Нарвы и мы ее не сдали, как сдали было Перекоп, и когда эстонцы заключили мир с большевиками и борьба стала невозможной, я последним уехал из Эстонии. С 10 английскими фунтами мы с Лидией Федоровной (жена Краснова) очутились в Германии».

Здесь бывший донской атаман занялся литературной деятельностью и за короткий срок опубликовал более двух десятков романов, повестей и сборников рассказов. Говорили, что романы Петра Николаевича, переведенные на немецкий майором Кокенхаузеном, были любимым чтением бывшего германского кайзера.

В потрясавших Германию политических бурях симпатии экс-атамана оказались на стороне нацистов. Во время Второй мировой войны он возглавил формирование казачьих частей, воевавших в составе гитлеровской армии. По окончании войны Краснов, арестованный англичанами, был выдан советской стороне и в январе 1947 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен в Лефортовской тюрьме…

Деникин стал единоличным военным диктатором де-юре, но не де-факто. Генерал шел к цели не ради власти, как таковой, а для повышения эффективности антисоветской борьбы. Он понимал «пошлость борьбы за власть», которая только на пользу противнику. В действиях его не было политической подлости. Деникин, оставаясь верным союзническому долгу, получил поддержку Антанты, но далеко не бескорыстную.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут испытывать вражды.

Лунь Юнь

В ходе 2-го Кубанского похода Антон Иванович взвалил на себя политическую ношу… творца новой государственности.

Донские казаки, в ответ на шутки белых волонтеров о том, что Все великое войско Донское — «всевеселое войско Донское», с сарказмом замечали, что Добровольческая армия — «странствующие музыканты». Действительно, не имела ни своей территории, ни правительства, что руководило бы ее деятельностью. Между тем с расширением территории, подконтрольной Добровольческой армии, перед ее командованием все острее становились вопросы государственного строительства.

В это время положение правящей партии большевиков стало критическим. Ее численность сократилась до 150 тысяч человек. Выборы в местные Советы в июне — августе 1918 года уменьшили в них число большевиков с 66 до 44 процентов.

В большевистском руководстве были налицо признаки паники. Сотрудники германского посольства сообщали в Берлин в августе 1918 года, еще до покушения на Ленина, следующее: в Москве сложилось «нечто вроде панических настроений», руководство Советской России переводит в швейцарские банки «значительные денежные средства», просит заграничные паспорта[106].

Троцкий в разговоре с германским послом В. Мирбахом сказал: «Собственно, мы уже мертвы, но нет еще никого, кто мог бы нас похоронить».

Как средство спасения советская власть развернула небывалый дотоле в истории России красный террор…

Критическое положение большевистского политического режима было хорошо известно деникинским спецслужбам. Аркадий Альфредович Борман (сын знаменитой Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс), сумевший весной 1918 года по секретному заданию контрразведки Добровольческой армии внедриться в высший эшелон советской власти (даже участвовал в заседаниях Совнаркома), вспоминал, что в июле 1918 года

положение в Москве стало гораздо тревожнее.

В Кремле нервничали. «Большевики чувствовали, что враги наступают на них со всех сторон и совершенно не были уверенны, что справятся с положением. Наиболее видные из них уже обеспечили себе тайные квартиры на случай переворота»…

Антон Иванович не имел политического опыта, необходимого для решения крупных задач государственного строительства, он испытывал огромные трудности в организации системы власти и управления.

По образному выражению Л. В. Половцева, участника 1-го Кубанского похода, «талантливый вождь армии генерал Деникин утонул в неведомой пучине гражданских дел».

Деникин прекрасно сознавал свою неподготовленность в сфере гражданского управления, не говоря о сложных государственных вопросах. По свидетельству супруги генерала, ее муж признавал, что никогда не обладал искусством дипломата, что крайне важно в решении государственных задач. Однако в отношениях Деникина с Алексеевым, по вине созданного им военно-политического отдела, что уже известно читателю, возникали и трения.

Здоровье Алексеева катастрофически ухудшалось, и 8 октября 1918 года он скончался.

Вся ответственность теперь ложилась на плечи Антона Ивановича. Став главкомом, он не повысил себе денежное содержание, а приобрел перманентную головную боль не только за армию, но за государство, контуры которого начали обозначаться на белом юге России.

Решение вопросов государственного строительства на территориях, подконтрольных Добровольческой армии, Деникин проводит в комплексе с решением широкого круга проблем по укреплению своей армии. Главное внимание уделяет воинской дисциплине и морально-психологическому состоянию личного состава. Главнокомандующий уравнял в правах гвардейских и армейских офицеров. Усилил ответственность за незаконное ношение погон и знаков различия (нарушителям грозил срок от 1 до 4 лет). Предписал комендантским и полицейским службам всех уровней принять практические меры по «улучшению отлова бандитов», использовавших в преступных целях военную форму. Издал приказ о разжаловании офицеров за бесчинства в общественных местах на почве пьянства, во избежание чего запрещалась «продажа водки после часа ночи в увеселительных заведениях».

Генерал был непреклонен в отношении к тем офицерам, кто хоть небольшое время служил в Красной или украинской армиях.

На собрании офицеров генерального штаба Добровольческой армии обсуждалась данная тема. Вынесли постановление: офицеры могут приниматься в Добровольческую армию на общих основаниях. Им предоставлялась возможность реабилитировать себя. На протоколе собрания Деникин наложил краткую резолюцию:

«Не согласен, преступное деяние, предусмотренное уголовным законом, подлежит полевому суду»[107].

А в приказе № 148 от 14 ноября 1918 года главком Добровольческой армией констатировал, что, к большому стыду и позору, многие из офицеров, даже в высших чинах, служат в рядах Красной Армии, но никакие мотивы не могут служить оправданием этому:

«Ведя смертный бой с большевиками, в провокаторах не нуждаемся, а всех, кто безотлагательно не оставит ряды Красной Армии, ждет проклятие народа и полевой суд русской армии, суровый и беспощадный».

Подчеркну, что на протяжении всей Гражданской войны Деникин сохранил нигилистическое отношение к офицерам, сотрудничавшим с советской властью, даже если это были перебежчики, принесшие с собой ценные сведения стратегического оперативно-тактического характера.

А таковые имелись. 1 октября 1919 года (в один из решающих моментов похода деникинских войск на Москву), адъютант начальника штаба 13-й советской армии бывшего генерала от инфантерии А. М. Зайончковского, оставшись по его приказу в занятом Добровольческой армией Орле, передал саквояж с оперативными документами и планами командования 13-й армии, предупредив, таким образом, командование белых о высадке и дальнейших действиях ударной группы красных.

Повезло красному «военспецу» генералу Зайончковскому, что не узнали об этом чекисты! Не было бы в СССР крупного военного историка…

На белом юге России было создано учреждение, в котором причудливо переплелись полномочия законодательной и исполнительной власти — Особое совещание при верховном руководителе Добровольческой армии.

Деникин стал первым заместителем председателя Особого совещания. Он понял: ОС не ограничивает его единоначалия в армии. Будучи в статусе правительства, оно все свои решения утверждает у верховного руководителя Добровольческой армии. При жизни Алексеева Антон Иванович участвовал в работе Особого совещания, которое имело довольно стройную организационную структуру (см. Приложение 17), не очень

активно. После смерти Алексеева Деникин становится председателем Особого совещания. Благодаря своему авторитету, он не имеет серьезных трудностей в управлении совещанием, без видимых усилий проводит в жизнь свои решения.

Но в процессе руководства Особым совещанием уже в начальный период он допускает крупную ошибку, не сочтя нужным привлечь для выработки идеологических и политических программ профессиональных гражданских деятелей. Военный менталитет белых вождей оказался недостатком в борьбе, бывшей, по своей сути, политической. Русская Гражданская война, чего никак не хотели понять белые генералы, — не то явление, где все проблемы можно было решить исключительно военной силой.

Антон Иванович создал осведомительно-агитационное бюро при главнокомандующем Добровольческой армией, положение о котором он утвердил в конце декабря 1918 года. По замыслу Деникина, ОСВАГ[108] должно было стать инструментом проведения в жизнь политической линии главкома в массах, идеологически обеспечить лозунги Добровольческой армии. Оно имело стройную организационную структуру, разветвленный аппарат (см. Приложение 18). Перед агентством стояли задачи «постоянного искоренения семян, посеянных большевистскими учениями в незрелых умах масс» и разгрома «цитадели, построенной большевиками в мозгах населения».

Для выполнения своих функций ОСВАГ располагало большими силами и средствами. В нем состояло 10 тысяч штатных сотрудников. В 1919 году в целях управления общественным мнением оно циркулярно снабжало литературными и публицистическими произведениями редакции 80 газет.

Агентство испробовало свой арсенал психологической войны с противником. С одобрения Деникина была изготовлена поддельная газета «Беднота» для распространения среди красноармейцев. Ту же цель преследовал фальшивый «Сборник Законов Советской Республики». Подобные материалы вносили сумятицу в сознание бойцов и вынуждали советское военно-политическое руководство осуществлять противодействующие акции.

Однако ожидаемого эффекта от деятельности ОСВАГ не произошло. Будучи в эмиграции, генерал Лукомский откровенно признался: «Наша пропаганда никакой пользы не принесла». Тому был ряд причин.

Функции ОСВАГ в значительной степени были схожи с функциями политорганов РККА. Однако работники агентства

лишь копировали их и не сумели создать свою оригинальную систему пропаганды, которая способна была учитывать особенности психологии тех, на кого она была рассчитана.

Ни Деникин, ни ОСВАГ не смогли выдвинуть лозунги, которые были бы понятны и притягательны для масс.

Понятно, почему поручик Федоров, начальник Харьковского разведывательного пункта штаба главнокомандующего ВСЮР, в секретном донесении (№ 153 от 28 октября 1919 года) на имя начальника разведывательного отделения штаба главкома ВСЮР докладывал:

«…ОСВАГс каждым днем все больше и больше отходит от населения, наша пропаганда виснет в воздухе…

…Наш отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял у них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную.

Значение этого обстоятельства — невероятно большое: только благодаря ему большевики теперь сводят наши стратегические усилия насмарку…»

Явно не хватало талантливых мастеров пропаганды, умевших подать материал в ключе информационно-психологического противоборства.

Подобное не прошло незамеченным для поручика Федорова, автора цитируемого выше секретного донесения (видимо, тонкий был аналитик). Он писал:

«Некий Г. Егоров, читая лекцию во 2-м госпитале, совершенно забыл, что имеет дело с малограмотной аудиторией, неспособной на объективное понимание событий, и поэтому, критикуя большевиков, позволил себе подчеркнуть на (их. — *Г. И.*)*достоинство. Результаты получились плачевные: „идея социализма есть идеал, к которому должно стремиться человечество“ „среди комиссаров есть люди, которые верят бескорыстно“; „Ленин и Луначарский — очень неглупые люди“ — все это слишком запало в умы слушателей. На заводе Гельферих-Саде произошел еще более яркий пример бестактности. Сотрудник ОСВАГа, отвечая на нападки в реакционности, позволил себе произнести буквально следующее:*

„Деникин не есть поклонник монархической власти и борется за созыв Учредительного собрания, но если Деникин, заняв Москву, не созовет собрания, то я и вы возьмете винтовки и сметем его с лица земли“. Тирада очень характерная, и ее бестактность, даже преступность, в комментариях не нуждается…»

Но дело было не только в отсутствии талантливых и знающих специалистов. Писатель А. И. Куприн, например, считал, что

большинство осваговцев «бездарны, как деревяшки». Начиналось другое время…

ОСВАГ дополнительно возложило на себя функции контрразведки. Деникин часто и охотно пользовался его информацией. И у него не возникало мысли, что добывание таких сведений не дает возможности агентству сосредоточиться на главном своем направлении. Это было еще одной ошибкой Деникина. Вся пропаганда свелась «к масонскому заговору и сионским протоколам». Многие оригинальные замыслы Деникина на практике искажались и часто наносили серьезный ущерб его политической деятельности.

Решать задачи государственного строительства на территориях, освобождаемых от большевиков, пришлось в условиях катастрофической нехватки финансов. В октябре 1918 года на содержание армии ежемесячно выделялось 37652851 рубль, чего было явно недостаточно в условиях прогрессирующей инфляции. В ноябре 1918 года пуд хлеба на юге России стоил 32 рубля, в ноябре 1919 года — уже 248, а зарплата рабочих упала в 4 раза. Прожиточный минимум рабочего в ноябре 1918 года был определен Советом профсоюзов Екатеринодара в 660–780 рублей.

Не могли здесь помочь такие меры, как, например, наложение контрибуции на некоторые богатейшие села Ставропольской губернии, оказавшие наиболее сильное сопротивление Добровольческой армии в 1-м Кубанском («Ледяном») походе. Это была капля в море, вызвавшая лишь озлобление пострадавшего населения тех богатых сел. В поисках выхода Особое совещание принимает решение об изготовлении в Лондоне русских кредитных билетов на сумму в 100 млн рублей. Подобная мера могла помочь временно, ибо за денежную эмиссию обязательно, учит история, приходится расплачиваться очередным витком инфляции.

Занимаясь государственным строительством на подконтрольных территориях, генерал Деникин всячески пытался дистанцироваться от политических партий и организаций. Крайне неприязненно он относился к социалистам. Главком заявил о том, что Добровольческая армия «не имеет решительно никаких оснований признавать уфимское правительство всероссийской властью».

Пытался он всемерно отмежеваться и от кадетов. В октябре 1918 года на Екатеринодарской конференции кадетов генерал Лукомский, выполняя установки Деникина, заявил: «Борьба с большевиками — это, прежде всего, дело армии и ее вождей: кадеты могут рассуждать о чем угодно, Белое движение пойдет за своими лидерами».

В кругах, близких главкому, отмечали, что он сердится, когда ему говорят о близости к кадетам.

Серьезный просчет генерала Деникина — восстановление старых порядков путем отмены всех законов Временного правительства. С психологической точки зрения подобная линия могла быть обусловлена глубочайшей неприязнью генерала к деяниям Временного правительства. Но огульная отмена всех его законов создавала в общественном мнении образ Деникина — реставратора старорежимных порядков.

Главком вплотную столкнулся с новой проблемой — сепаратизмом, которым переболели в 1917–1920 годах многие российские регионы. А для Деникина это была Кубань. Почти сразу после взятия Екатеринодара началась полоса противостояния с кубанским правительством. Позиции главкома и правительства оказались полярными. Деникин — бескомпромиссный сторонник единой, великой и неделимой России. Рада — ярко выраженные сепаратисты.

Разногласия начались буквально после взятия Екатеринодара. Вступление победителей в кубанскую столицу было обставлено как театральное представление, призванное продемонстрировать единство кубанцев и добровольцев. Во главе колонны бок о бок ехали генерал Деникин и атаман Филимонов, за ними — члены кубанского правительства в паре с соответствующими чинами Добровольческой армии. Над атаманским дворцом вновь взвился сине-малиново-зеленый кубанский флаг. Над соседним зданием, где размещалось добровольческое командование, было поднято полотнище российских национальных цветов. Но эта идиллия продолжалась недолго.

Добровольческое командование и кубанские власти в равной мере претендовали на роль хозяина края.

Деникин, чтобы не обострить отношений с кубанскими политиками, сдерживал себя. Об этом свидетельствует его письмо Кубанскому атаману Филимонову:

«Милостивый государь, Александр Петрович!

Трудами и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань. Область, с которой нас связывают крепкими узами беспримерный Кубанский поход, смерть вождя и сотни рассеянных по кубанским степям братских могил, где рядом с кубанскими казаками покоятся вечным сном добровольцы, собравшиеся со всех концов России. Армия всем сердцем разделяет радость Кубани.

Я уверен, что Краевая рада, которая должна собраться в кратчайший срок, найдет в себе разум, мужество и силы залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей

изуверством разнузданной черни. Создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией. Не порвет сыновней зависимости от Единой Великой России. Не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях и не повторит социальные опыты, приведшие народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию.

Я не сомневаюсь, что на примере Добровольческой армии, где наряду с высокой доблестью одержала верх над „революционной“ свободой красных банд воинская дисциплина, воспитаются новые полки Кубанского войска, забыв навсегда комитеты, митинги и все те преступные нововведения, которые погубили их и всю армию. Несомненно, только казачье и городское население области, ополчившееся против врагов и насильников и выдержавшее вместе с Добрармией всю тяжесть борьбы, имеет право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудившимся темным людям и высокая справедливость в отношении массы безобидного населения, страдавшего, так же как и казаки, в темные дни бесправия.

Добровольческая армия не кончила свой крестный путь. Отданная на поругание советской власти Россия ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в рядах ее пойдут на новые подвиги в деле освобождения Отчизны, краеугольный камень чему положен на Кубани и в Ставропольской губернии.

Дай Бог счастья Кубанскому краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким, и радостным, которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами.

Уважающий вас А. И. Деникин».

Главком поручил юристу профессору К. Н. Соколову создать «Временное положение об управлении местностями, занимаемыми Добровольческой армией». Специальный раздел в нем был посвящен статусу Кубани. Согласно документу, краю давалась широкая автономия. Командующему Добровольческой армией отдавались вопросы международных связей, командования вооруженными силами, уголовное и гражданское законодательство, связь и пути сообщения государственного значения. Одновременно генерал отклонил идею о Северо-Кавказском союзе между Добровольческой армией и Кубанью.

Однако такая лояльная политическая линия Деникина не нашла понимания у кубанских политиков. Быч безапелляционно заявил Алексееву: «Помогать Добровольческой армии значит вновь готовить поглощение Кубани Россией».

Похоже, ситуация с поиском взаимоприемлемых решений зашла в политический тупик. На специально созванном для этого 26 октября (8 ноября) 1918 года совещании выяснилось полное расхождение позиций сторон. Кубанские представители дали понять, что добровольческое командование контролирует лишь Ставропольскую губернию и потому не может выступать от имени всероссийской власти. В итоге попытка объединения сорвалась. Кубань по-прежнему продолжала оставаться формально независимым государством.

Ситуация продолжала обостряться. В конце 1918 года командование Добровольческой армии столкнулось впервые с открытыми попытками кубанских сепаратистов выйти из-под его контроля, в котором те усматривали прямое нарушение статуса Кубани как государственного образования.

Среди кубанской демократии развернулась политическая борьба: либо быть полностью самостоятельными, либо заключить как можно более тесный контакт с Украиной, но только не с Добровольческой армией.

Данную борьбу можно было бы использовать командованию Добровольческой армии в своих политических целях. И такая попытка была предпринята в период осенней сессии краевой рады.

Начало сессии краевой рады, запланированное на 25 октября (7 ноября) 1918 года, было перенесено на три дня из-за слухов о якобы намечающихся в день годовщины победы Октябрьского вооруженного восстания и прихода к власти большевиков беспорядках. Позднее выяснилось, что Деникин, выступление которого было поставлено в повестку первого заседания, не сможет прибыть в назначенный срок с фронта. Поэтому было решено перенести торжественную церемонию открытия на 1 (14) ноября. Этот шаг свидетельствовал о нежелании кубанских властей идти на дальнейшее обострение отношений с добровольческим командованием. Делегированные последним представители получили право участвовать во всех заседаниях краевого парламента, включая закрытые.

От речи генерала Деникина ожидали многого. Слушатели не могли не заметить неприкрытую угрозу в адрес екатеринодарских политиков, прозвучавшую в словах главкома: «Борьба с большевизмом далеко не окончена. Идет самый сильный, самый страшный девятый вал… И потому не трогайте армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет. Но когда вырвется наружу, произойдет пожар. И кто знает, не на ваши ли головы обрушатся расшатанные вами подгоревшие балки?»

Похоже, что теперь уже добровольческое командование отнюдь не стремилось к компромиссу, что и подтвердили последующие события.

На заседании 10 (23) ноября глава кубанского правительства Быч выступил с декларацией о задачах ближайшего времени. В числе прочего он вновь поднял вопрос о создании Южно-Русского союза, в состав которого, сохраняя автономию, вошли бы казачьи области и Добровольческая армия. Претензии командования армией на всероссийский статус и болезненное отношение к любому посягательству на это не являлись секретом.

Но все же на этот раз его реакция оказалась чрезмерно острой. Представитель армии генерал Лукомский заявил протест по поводу того, что рада «идет по пути создания коллегиальной власти», расшатывая единство антибольшевистских сил. Добровольческая делегация после этого демонстративно покинула зал. Это уже серьезно…

Еще большей неожиданностью для лидеров черноморцев стало известие о том, что генерал Покровский и полковник Шкуро тайно посетили атамана, предложив ему силой оружия разогнать раду. Сам атаман Филимонов тоже вынашивал подобные планы. Еще на Дону он несколько раз собирал у себя старших офицеров-кубанцев, пытаясь узнать их мнение относительно возможного роспуска парламента. Однако сейчас он поспешил сообщить о визите Покровского и Шкуро президиуму рады. Быч немедленно бросился с жалобой к Деникину. Тот сказал, что насильственных мер не допустит, но одновременно выговорил депутатам за то, что они «ведут себя не так как следует».

В частных разговорах с ближайшими сподвижниками вождь белых волонтеров так объяснял свою позицию по кубанскому вопросу: «Дело не в степени решимости, а в холодном учете таких факторов, как военно-политическое положение и состав армии. Быть может, однако, я ошибаюсь. И если вы скажете мне сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, я завтра же Корниловским полком разгромлю кубанское правительство».

Планы переворота были на время оставлены с тем, чтобы год спустя возникнуть вновь.

В свою очередь и кубанские власти пошли на попятную. Шкуро был произведен в генерал-майоры. Специальная согласительная комиссия фактически похоронила спровоцировавшую кризис декларацию.

В кубано-добровольческом конфликте виноваты были обе стороны, но в рассказанном выше случае инициатива Нагнетания

напряженности исходила все же от добровольческого командования. Но в ту пору ни казачьи власти, ни добровольческое командование не решались на открытый разрыв. Казачество само по себе не могло ни возглавить антибольшевистскую борьбу, ни вести ее в одиночку. В то же время Добровольческая армия была слишком зависима от материальных и людских ресурсов казачьих областей. В результате обе стороны были вынуждены на время отложить свои претензии.

Вообще, в этом конфликте солдатская прямолинейность, нетерпимость к политическим оппонентам, что было присуще Деникину, сыграли ему плохую службу. Антон Иванович не хотел сглаживать острых углов. Как-то он был на большом официальном обеде у кубанского атамана в его дворце. Над дворцом, естественно, реял национальный флаг Кубани. Атаман Филимонов сидел на первом месте, Деникин — на втором. Краснов утверждает в своих мемуарах, что это Антона Ивановича «оскорбило и взорвало».

Но когда дело дошло до речей, то генерал Деникин выдал спич, который никак не назовешь дипломатическим. Он сказал буквально следующее: «Недавно над этим дворцом развевалось красное знамя, и под ним во дворце сидела разная сволочь. Теперь над дворцом развевается знамя иных цветов[109] и сидят иные, прочие люди. Я жду, когда над этим дворцом взовьется флаг Единой Великой России! За Единую, неделимую Россию. Ура!..»

Деникин в отношениях с Кубанью так и не смог снять напряженности. Брожение продолжалось. Все настойчивее выдвигалось требование — «провозгласить на время Гражданской войны самостоятельность Кубанского края». Но с большим трудом, пока без применения силы, базируясь на личном авторитете, понимании атамана Филимонова и поддержке Антанты, главком заставляет все-таки в декабре 1918 года признать раду свое верховенство. Между тем проблема не снята. Она загнала вглубь. Как показали события 1919 года, ненадолго.

Итак, Добровольческая армия в течение 1918 года окончательно оформилась как «государство в государстве».

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ПЕРВЫЕ ШАГИ

Вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю.

Притчи Соломоновы

Любое государство немыслимо без проведения внешней политики. Это аксиома. Точно так же и то, что внутренняя и внешняя политика находится в тесном диалектическом единстве. Не миновала чаша сия и Деникина, взвалившего на себя тяжкий крест построения новой российской государственности в условиях, когда с соотечественниками, разведенными по разные стороны баррикад, чаще беседовали не на языке дипломатических протоколов, а на языке пулеметов.

Для проведения внешней политики предстояло оценить внешнеполитическую обстановку. Такая оценка представлена полно в письме главнокомандующего Добровольческой армией генералу Н. А. Степанову, представителю Белого движения в Сибири (написано в декабре 1918 г.)[110].

Деникин полагал: настроение в Абхазии и Армении русофильское, правительства ищут сближения с Добровольческой армией; Грузия — «пока в руках сепаратистов с явно социалистической окраской», и ее правительство готово «метаться куда угодно, только бы не в сторону Добровольческой армии»; Азербайджан «находится в сфере влияния англичан»; в Екатеринодаре начались переговоры с союзниками.

Во главу угла главком Добровольческой армией ставил построение взаимоотношений с Антантой. Впоследствии, в период деникинской единоличной военной диктатуры на юге России, это станет одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности вождя белых волонтеров. В конце 1918 года подобные взаимоотношения только зарождалось.

В западной историографии модно было объяснять причины, например, высадки союзников в Мурманске тем, что это необходимо для ведения боевых действий против Германии. Вроде бы после завершения разгрома Германии войска Антанты должны были бы убраться с нашей территории. Ан нет! Началась открытая интервенция. Спрашивается, почему?

Антанта имела конкретную экономическую заинтересованность. Общая сумма вкладов иностранных держав в Россию накануне 1917 года составляла 2242974 тысячи рублей.

Из них французский капитал — 731745600 рублей (22,6 %), распространявшийся следующим образом: угольная промышленность — 4,3 %; металлургия — 21,6 %. Царская Россия задолжала в 1917 году 16 млрд рублей. Военные долги России составили: Англии — 5,4 млрд золотых рублей (67 %); Франции — 1,8 млрд золотых рублей (22 %). Повышенный интерес имела Антанта и к Донбассу. Из 28 акционерных обществ по добыче каменного угля, располагавшихся в Донбассе, 25, то есть 95,5 % общей добычи угля, принадлежали Англии и Франции.

Отсюда вытекает и политическая детерминанта интервенции Антанты в Россию — уничтожение большевизма, политика которого, проводившаяся в 1918 году, отнюдь не соответствовала экономическим интересам Англии, Франции, США. Более того, каждая из стран блока имела свой антирусский интерес и территориальные притязания, и неутолимую жажду завладеть богатейшими ресурсами бывшей Российской империи. В таком смысле каждый тянул российское одеяло на себя. Но это-то их в конечном итоге и сгубило. Единства не было. Интервентов объединял только ярый антисоветизм. Но его, как показала история, оказалось мало для достижения своекорыстных интересов.

Вопрос о помощи Добровольческой армии был решен задолго до начала интервенции. Бывший в 1917 году на дипломатической работе в России Д. Бьюкенен вспоминал, что в сентябре 1917 года послы Англии, Франции, США, Италии вручили Временному правительству ноту, основной смысл которой — требование принять решительные меры против нарастающего революционного движения народных масс. В противном случае послы угрожали прекращением всех поставок. Факт вручения такой ноты подтверждает и Керенский.

Об изначальной ориентации Антанты на генерала Деникина говорит и то, что в преддверии оккупации Закавказья правительство Британии поставило задачу военному командованию «установить контакт с Деникиным, оказать ему всяческую помощь». Правда, было оговорено об установлении демаркационной линии Батум — Баку, которая оградила бы от сферы влияния Добровольческой армии зону оккупационных интересов Англии. Политическая линия на союз с Деникиным и оказание ему помощи была закреплена в специальном постановлении правительства Англии.

Но если вначале снабжение Добровольческой армии оружием шло через Краснова, то постепенно картина менялась. Антанта, кровно заинтересованная в расширении военных действий против Красной Армии на Южном фронте, не отказывала атаману в

поставке оружия, но организовала дело так, что он получал его из рук Деникина.

Отношения с союзниками командованию Добровольческой армии приходилось выстраивать в до предела запутанной военно-политической обстановке, сложившейся после поражения Германии в Первой мировой войне.

Обещанная союзниками помощь внушала самые радужные надежды.

Еще в начале ноября 1918 года генерал Щербачев[111] *сообщал Деникину из Бухареста о намерении союзников перебросить в ближайшее время на юг России 12 французских и греческих дивизий. Исходя из этого, в добровольческом штабе разработали план, предполагавший, что оставляемая немцами территория Украины будет немедленно занята войсками союзников. В таком случае белые армии избавлялись бы от необходимости распылять свои силы и, имея за спиной прочный тыл, получали бы шанс успешного продвижения на север.*

Генерал Деникин направил письмо на имя командующего союзными силами на востоке генерала Л. Франше д'Эспере с просьбой увеличить численность оккупационных войск до 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий с тем, чтобы часть данных сил как можно скорее была бы направлена в район Харькова и Екатеринослава. В ответ он получил сообщение о том, что уже в ближайшие дни в Одессе начнется высадка союзнического десанта.

Антанта хотела и Антона Ивановича держать на коротком поводке, но подобная затея не удалась. В отношениях с союзниками генерал с первых дней занял принципиальную позицию.

Деникин отводил оккупационным войскам исключительно вспомогательную роль. По его замыслу, освобождение России от большевизма должно было осуществиться русскими антисоветскими силами. К концу 1918 года внешней и внутренней контрреволюции удалось сконцентрировать на юге России внушительные группировки войск и повернуть положение противоборствующих сторон в свою пользу. Но грандиозный замысел главнокомандующего Добровольческой армией разбился о своекорыстие Антанты. Вождь белых волонтеров, однако, довольно быстро осознал, что союзники не окажут ему той помощи, о которой он мечтал.

После того как Деникин не без помощи французского командования взял под контроль в конце 1918 года Одессу, он вступил в сложную полосу отношений с французским интервенционистским командованием, которые затем очень

серьезно осложняли его деятельность в период единоличной военной диктатуры.

Не без помощи французов был установлен контроль Добровольческой армии над Крымом. Вот здесь-то впервые с особой силой проявился разгул белого террора, показавшего, что внутри Белого движения есть мощные деструктивные силы. События в Крыму стали предтечей той вакханалии беззакония и насилия, что потопит в крови белый юг России в период единоличной военной диктатуры Деникина.

Спецслужбы доложили главкому: террор носит характер уже какой-то истеричности и «подрывает веру в правоту нашего дела, но и в силу, так как сила всегда действует прямо».

Но Деникин решительных действий по наведению порядка не предпринял. Добровольческий террор в Крыму вызвал возмущение французского интервенционистского командования. Хотя персонально протест был направлен лично против командира офицерского Добровольческого отряда генерал-майор Корвин-Круковского, он подразумевал справедливое возмущение действиями Деникина, потерявшего управление подчиненными войсками.

Вина здесь Антона Ивановича несомненна. В то же время нельзя согласиться с позициями советской историографии о том, что Антанта изначально полностью руководила Добровольческой армией, потому что хотела говорить о старых долгах с теми, под знаменем которых вставала тень прежней России.

Отношения между французским командованием и военно-политическим руководством Добровольческой армии ухудшались день ото дня. Начался диалог слепого с глухим.

Деникин рассылал бесконечные телеграммы в Константинополь Л. Франше д'Эспере, в Бухарест генералу А. Вертело, в Париж маршалу Ф. Фошу, прося усилить военное присутствие на юге России. Однако союзники, заняв в начале января 1919 года линию Херсон — Николаев — Березовка — Раздельная — Тирасполь, дальше не пошли. В своем обращении к маршалу Ф. Фошу Антон Иванович писал:

«Пока над живым телом России идут споры и дебаты союзных дипломатов, рушатся наши надежды. В грозной опасности Дон, пал Оренбург и Урал, накануне анархии Малороссия, а Центральная Россия умирает. Я обращаюсь к вашему солдатскому сердцу. Скажите союзным правительствам, что время разговоров миновало, что мы истекаем кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видим. Мы не сложим оружия и ни на минуту не сомневаемся в конечной победе, но эта победа может прийти после гибели русской культуры и после того, как

волна крови захлестнет не только побежденных, но и победителей».

В искренней горечи этих строк невозможно сомневаться. Но генерал Деникин не хотел понять, что даже его адресат, увенчанный лаврами победителя Германии, не может заставить французских солдат умирать в чужой для них войне.

Постоянные просьбы о помощи порождали у союзнического командования только раздражение в отношении русских, желающих, чтобы их проблемы за них решали другие. Сами же союзники вели себя на занятой ими территории как в стране дикарей, ни в малой мере не считаясь с ущемленным самолюбием хозяев. Результатом этого стали взаимные обиды и не прекращающиеся конфликты.

На намерение деникинской ставки переехать в Севастополь Франше д'Эспере отреагировал грубой телеграммой, в которой говорилось, что генерал Деникин должен находиться при своей армии, а не там, где стоят французские войска, которыми он не командует.

Еще одним поводом для столкновения стала попытка союзнических властей Одессы начать формирование франкорусских бригад (бригад микс) под началом французских офицеров. Предполагалось, что они будут независимы от добровольческого командования, и потому Деникин категорически выступил против подобной инициативы. В ответ французский комендант города запретил добровольцам покидать казармы и пригрозил полным разоружением добровольческих частей.

Отношение с французами сохраняли дружественный характер до тех пор, пока официальным представителем союзников в Одессе оставался консул Э. Энно. Хотя и передавали, что его жена получает взятки за оформление виз, но сам консул являлся искренним русофилом. Благодаря его вмешательству были спасены жизни сотен русских офицеров в Киеве, где после падения режима гетмана воцарился петлюровский террор.

Но в конце декабря 1918 года Энно заменили генералом д'Ансельмом. Он, поселившись в роскошном особняке барона Масса в Обсерваторном переулке, не слишком утруждал себя делами, предпочитая проводить время в обществе знаменитой певицы Изы Кремер. Фактическим хозяином города стал его начальник штаба полковник Фриденберг.

«Про него говорили, что он спекулирует вовсю, торгует казенным шоколадом и другими вещами и, как еврей по происхождению, особенно близок к одесситам-спекулянтам той же национальности».

Под защитой французских штыков «вольный город Одесса» жил так, как будто каждый день был для него последним. Бомонд и просто обыватели погрязли в кутежах, в 110 ресторанах каждый вечер для них открывали двери. Это притом, что в Одессе остро ощущалась продовольственная проблема.

Именно из-за проблем управления Одессой у Деникина стали еще чаще обостряться конфликты с французским командованием. Восторги по поводу прихода союзников сменились если не ненавистью, то плохо скрываемой неприязнью. Отношения с французами откровенно испортились.

Англичане еще воспринимались как партнеры и то потому, что на юге России английские войска не принимали прямого участия в интервенции. Но попытка Англии утвердить свое влияние в Закавказье тоже не могла вызвать теплых чувств у добровольческого командования. На одном из донесений о деятельности англичан в Батуме Антон Иванович наложил резолюцию: «Это оккупация, а не помощь».

Взаимоотношения Деникина с Германией, как я уже говорил, обусловливались тем, что он считал себя в состоянии войны с Четвертным союзом. По крайней мере, де-юре. Его упорство здесь удивляет. Чем сложнее было положение Добровольческой армии, тем жестче становилась позиция генерала по отношению к Германии. Он отвергал любые попытки германского командования установить контакт, даже под предлогом антибольшевистской борьбы. Решительное «Нет!» для генерала Деникина было вопросом чести.

Между тем при всей бескомпромиссности Деникин не стеснялся брать вооружение и боеприпасы у атамана Краснова, прекрасно зная, что источник их поступления — Германия. Не возражал генерал и против того, что кайзеровское оккупационное командование на Украине не препятствовало офицерам уходить на Дон. Это дало повод знаменитому немецкому военачальнику времен Первой мировой войны Э. Людендорфу заявить в 1921 году, что русская Добровольческая армия получила значительную поддержку во время пребывания германской армии на Украине.

Германское командование понимало, что и Краснов, и Деникин представляют антибольшевистские силы. Однако в Крыму германское командование препятствовало тем офицерам, которые желали убыть в Добровольческую армию.

В целом же генерал Деникин вел последовательно антигерманскую линию, о чем красноречиво свидетельствует, например, следующий факт. Как только положение Добровольческой армии несколько улучшилось, ее главком, явно в ущерб военной целесообразности, в декабре 1918 года запретил

включать в состав частей немцев-колонистов, но не препятствовал им в самостоятельной борьбе с большевиками и Петлюрой.

Специфической же особенностью конфронтации вождя белых волонтеров с Германией являлось то, что Добровольческая армия не имела непосредственных боевых столкновений с кайзеровскими войсками. Такое положение было обусловлено главным образом тем, что у генерала Деникина просто не было для этого необходимых сил и средств. В случае начала боевых крупномасштабных действий с немцами Добровольческую армию ждала бы неминуемая, хотя и героическая гибель. И Антон Иванович это прекрасно осознавал.

Кроме того, ему пришлось учитывать, что отношение к продолжению войны с Германией среди добровольчества было неоднозначно. Добровольческая армия стала притягательным ядром патриотов, желающих бороться с Германией и ее ставленниками — большевиками. В то же время многие белые волонтеры расходились в оценках с командованием о желательности продолжения войны с Германией.

В целом генерал Деникин во взаимоотношениях с Германией, с одной стороны, не смог преодолеть инерцию Первой мировой войны в своей неприязни к агонизирующей кайзеровской империи. Но с другой стороны, здесь проявилась деникинская верность союзническому долгу.

И все же конфронтация вождя белых волонтеров с Германией носила формальный характер.

Украина в то время находилась под протекторатом Германии, рассматривающей данную житницу своей «сферой влияния». Немцы провозгласили:

«…Главная цель нашей оккупации — обеспечение хлебного экспорта из Украины в страны Центральной Европы».

Политический режим гетмана Скоропадского находился в полной зависимости от оккупационных властей. Деникин отрицательно относился к гетманскому правительству из-за его ярко выраженного германофильства и фактически отказался от контактов с ним. У Антона Ивановича не было намерений вмешиваться во внутренние дела Украины. В Киев послали его личного представителя генерала Толмачева, особой дипломатической активности, однако, не проявлявшего.

Вместе с тем с начала союзнической интервенции авторитет Деникина в общественных кругах Украины резко возрос. В киевском политическом бомонде стали усиленно распространяться слухи, что союзники назначают Деникина главнокомандующим всеми вооруженными силами на территории России.

О росте его авторитета на Украине свидетельствует такой факт. 13 ноября 1918 года в киевских газетах опубликовали приказ главнокомандующего Добровольческой армией о мобилизации офицеров. А это не соответствовало действительности. Офицерские дружины стали выходить из подчинения гетману. Министр иностранных дел Украины Афанасьев направил запрос Деникину.

Тот ответил, что такого приказа не отдавал. Однако подчеркнул, что если Украина встала на путь русской государственности, то офицерам и «решать вопрос об образовании единого фронта для борьбы с большевизмом, единого представительства для международного конгресса».

После ухода немцев с Украины генерал Деникин все-таки издал приказ, приравнявший службу в украинских добровольческих офицерских дружинах к службе в Добровольческой армии.

Гетманское правительство всячески пыталось наладить с Деникиным деловое сотрудничество, хотя бы в вопросах координации борьбы с Петлюрой. Для этого главкому Добровольческой армией выделили 1 ООО ООО рублей. Но и такие шаги гетмана Деникин встречал без энтузиазма. Он не уставал утверждать: антирусская политика Скоропадского привела Украину к краху.

Крайне нигилистическим было отношение Деникина к движению Петлюры.

Генерал считал: с именем данного ярого украинского «самостийника началось появление большевизма, входящего в связь с Совдепией, причем выявляется влияние в этом немецкого руководства и участие Петлюры».

Правительство Петлюры было вынуждено считаться с Деникиным главным образом из-за поддержки его союзниками. Французский консул Энно в письме подольскому губернатору отмечал, что отряды Добровольческой армии в Киеве сохраняют в отношении Директории нейтралитет, подчиняются только главкому Добровольческой армией, которому Антанта оказывает всемерную поддержку. Впоследствии генерал вступит в вооруженное противоборство с Петлюрой, в силу ориентации последнего на «самостийность» Украины.

Итак, внешняя политика «государства в государстве», то есть Добровольческой армии, родилась. Однако первые шаги младенца показали, что он будет по мере взросления довольно часто спотыкаться. Во многом из-за неуклюжести Антона Ивановича…

«ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ!»

Пусть порежу я войско,
Пусть разобью я войско,
Пусть разгромлю я войско,
Что гонится за мной.

Авеста

Итак, 7 января 1919 года произошло объединение Добровольческой и Донской армий под командованием генерала Деникина, принявшего на себя должность главнокомандующего вооруженными силами юга России (ВСЮР)[112]. ТВД, на котором теперь пришлось вести боевые действия, резко расширился. Явилась необходимость выделения Добровольческой армии и создание при главкоме ВСЮР объединяющего штабного органа. В такой орган был реорганизован бывший штаб Добровольческой армии, а для Добровольческой армии стали формировать новый штаб.

Предстоял весьма важный вопрос о назначении командующего Добровольческой армией.

Антон Иванович не случайно так скрупулезно подходил к проблеме назначения преемника на должность командующего Добровольческой армией. Став главнокомандующим ВСЮР, он располагал к 15 февраля 1919 года, по данным советских источников, 113 тысячами штыков и сабель. ВСЮР предстояло стать главным объектом боевых действий Красной Армии. Троцкий отмечал, что на деникинском фронте «решается теперь судьба революции». Повышенное внимание уделял югу России Ленин. С ноября 1918 по февраль 1919 года он направил председателю РВС Республики 220 телеграмм о положении на советском Южном фронте.

Должность главкома ВСЮР накладывала на генерала Деникина юридическую и нравственную ответственность за состояние Всевеликого войска Донского. А оно было в начале 1919 года тяжелым. Донская армия, потерпев ряд жестоких поражений от Южного фронта красных, понеся большие потери, насчитывала в своем составе лишь 15 тысяч человек.

Казачьи части разлагались: самостоятельно покидали позиции, расправлялись с офицерами, создавали выборные органы самоуправления и высылали парламентеров для переговоров с красным командованием.

Имели место случаи, когда целые отряды переходили на сторону красных, предварительно расстреливая офицеров.

Добровольческая армия оставалась самой боеспособной и организованной военной силой, выдвигалась как боевая единица на решающем фронте борьбы.

Антон Иванович считал наиболее достойным кандидатом в вожди белых волонтеров генерала Ивана Павловича Романовского, начальника штаба Добровольческой армии образца Кубанских походов. В то же время Деникин боялся, что не найдет достойной замены Романовскому и останется в одиночестве.

Главком все это сказал своему начальнику штаба и дал ему время подумать. На другое утро Иван Павлович ответил, что останется с Антоном Ивановичем… Принес в жертву дружбе свое будущее…

Обсудив вместе с Романовским вопрос о командующем Добровольческой армией, главком ВСЮР остановил свой выбор на кандидатуре генерала барона П. Н. Врангеля.

Справка

Петр Николаевич Врангель (1878–1928) личность яркая, трагическая, вокруг которой в советской историографии витала большая ложь: «авантюрист, пытавшийся пролезть к власти», «наемник Антанты», «тень печального прошлого» и т. д. Для многих поколений советских людей боевой русский генерал слыл просто «черным бароном». В то же время Врангель стал любимым героем, своего рода суперзвездой белоэмигрантской и зарубежной историографии. Для русского зарубежья Врангель слыл «белым ангелом». Сплошные перемены знака плюс на минус… Только в 90-х годах XX века появилась литература, где колоритная фигура барона освещена с позиций объективности[113].

Так кто же на самом деле принял из рук главкома ВСЮР генерал-лейтенанта Деникина командование его любимым детищем — Добровольческой армией?

Сын потомственного дворянина Петроградской губернии, принадлежавший к старинному и знатному роду датского происхождения, известному от начала XII столетия. Более всего представители семейств выдвинулись на военном поприще. В Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании и впоследствии

в России они дали семь фельдмаршалов, более тридцати генералов и семь адмиралов. В 1709 году на поле Полтавской битвы остались лежать двадцать два представителя рода. Они воевали тогда еще, конечно, на стороне шведов, но уже к концу XIX века представители русской линии Врангелей занимали первое место (сорок человек), шведской — второе (тридцать семь человек), прусской — третье (одиннадцать человек). В 30-е годы XX века в Эстонии даже выходил особый журнал «Акта Врангелиана».

Получив образование горного инженера, Петр Николаевич Врангель отправился добровольцем на русско-японскую войну, вернувшись с которой, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Из стен академии вышел военный профессионал высокого класса. Подтверждение тому — боевой путь барона в годы Первой мировой войны. Уже 6 августа 1914 года он совершил подвиг: под деревней Каушен атаковал в конном строю германскую батарею и захватил ее, за что получил орден Святого Георгия IV степени.

В июле 1917 года генерал Врангель стал командующим сводным корпусом в чине генерал-майора. Затем командовал 3-м конным корпусом, но, как скупо гласит составленный 29 декабря 1921 года уже в Константинополе послужной список (так называемый формуляр), «вследствие большевистского переворота от службы отказался и в командование корпусом не вступил».

Не только войны и связи способствовали головокружительному восхождению Врангеля по лестнице военной иерархии, но и расчетливое стремление получать отличия в чинах не в штабах, а в гвардейских, передовых частях.

А. А. фон Лампе, верный соратник барона, вспоминал: «…он был славолюбив, но он был и честолюбив в самом лучшем значении этого понятия, потому что он любил не почести, а саму честь…» и далее автор приводит слова самого барона: «…Я не гожусь в офицеры Генерального штаба, их задача советовать начальникам и мириться с тем, что совет ни примет. Я же слишком люблю проводить в жизнь собственное мнение…»

А вот эскиз портрета Врангеля, набросанный Жаном

Бурдье в книге «Белая армия»:

«Выходец из семьи военной аристократии, попавший в армию с помощью своих связей, барон Петр Николаевич Врангель, наделенный высокомерием и безграничной храбростью, с первого взгляда производил впечатление лихого кавалерийского офицера. Высокий, худой, он сохранял безукоризненную выправку офицера; внимание сразу же привлекало его худощавое, очень длинное лицо, с тонким носом, небольшими темными усами, пытливым, оценивающим взглядом под аркой надменно поднятых бровей. На его лице лежала печать усталого высокомерия, что сразу же выдавало и другие стороны его характера и темперамента. Врангель обладал характером и свойствами исключительной личности в хорошем и плохом смысле этого слова. Под холодной маской скрывался дух, пребывающий вечно в движении и устремленный к одной цели, которую ставило его самолюбие, разрастающееся при благоприятных обстоятельствах до непомерных размеров.

Помимо самолюбия его отличала необычайная вера в себя — это проявилось немного по-детски в его „Мемуарах“. Он никогда не терял убежденности в своей исключительности, в том, что только он может приказывать и отдавать команды. Ко всему прочему он был наделен стремительным и острым умом, часто, однако, оказывающимся несколько изворотливым!»

Да, Бурдье явно избегал в эскизе портрета Петра Николаевича парадного лоска…

Неудивительно, что Врангель не принял прихода большевиков к власти. Он чуть не погиб в вакханалии красного террора в Крыму. У него оставался один путь — на Дон. Правда, в 1-й Кубанском («Ледяном») походе ему участвовать не пришлось…

Врангель сам рассказал о своей встрече с Деникиным, который принял его в начале сентября. Антон Иванович сразу же обратился к барону с вопросом:

— Как мы могли бы наилучшим образом использовать ваши знания и опыт. Какого назначения хотели бы вы?

— Вашему превосходительству известно, что в 1917 году я командовал кавалерийским корпусом, но в 1914

году я командовал только эскадроном. Не думаю, что я очень состарился с того времени…

— Нет. Конечно, дело не может идти об эскадроне… Что вы скажете, если мы предложим вам командование бригадой?

— К вашим услугам, ваше превосходительство!

Такая скромность, которую Деникин не ожидал встретить, понравилась ему. Он собрался послать генерала Эрдели с очень ответственной миссией на Балканы. Почему бы не заменить его этим новым офицером с безукоризненной репутацией и столь почтительным поведением? Известие о взятии Ставрополя только утвердило его в том, что он сделал хороший выбор.

К моменту решения вопроса о назначении командующим Добровольческой армией, барон уже командовал 1-м конным корпусом. В последних боях 2-го Кубанского похода барон Врангель проявил, по оценке Деникина, «большую энергию и искусство маневра».

Назначение Врангеля вызвало обиды участников 1-го Кубанского похода. Один из достойных корпусных командиров «первопоходник» генерал Казанович ушел в отставку, другие поворчали, но подчинились. Начальником штаба Добровольческой армии стал генерал Я. Д. Юзефович.

Генерал-лейтенант барон Врангель сыграет роковую роль в судьбе генерала Деникина.

Но пока они единомышленники. Петр Николаевич, вспоминая о первой встрече с Антоном Ивановичем, не скупится на хвалебные оценки:

«Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными со значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя особенно стало популярным во время нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западным фронтом он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства».

Пройдет не так уж много времени, и Петр Николаевич

изменит свои оценки с точностью до наоборот…

Антон Иванович с грустью прощался с родной Добровольческой армией. 14 января 1919 года он отдал приказ:

«Четырнадцать месяцев тяжкой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой армии. Начав борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругом бессильное, безвольное спряталось и опустило руки, горсть смелых людей бросила вызов разрушителям родной земли.

С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые добровольцы, усеяв своими могилами поля Ставрополья, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и неверие ничему не научившихся тайных врагов своих армия пронесла чистой и незапятнанной идею Единой Великодержавной России.

Подвиги армии безмерны.

И я, деливший с нею долгие, тяжкие дни и горе, и радость, горжусь тем, что стоял во главе ее.

Я не имею теперь возможности непосредственно руководить Добровольческой армией, но до конца дней моих она останется мне родной и близкой сердцу. Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими беспримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России».

До спасения же России было далеко. Перед ВСЮР и их главкомом встали серьезные проблемы. Особенно волновало Деникина ухудшение морально-психологического состояния войск. Негативными процессами была поражена не только Донская, но и Добровольческая армия. Правда, пока что добровольцев вдохновляли победы 2-го Кубанского похода. Но подспудные процессы разложения войск все чаще вырывались наружу.

Уменьшился приток добровольцев. ОСВАГ докладывал главкому о нежелании многих офицеров влиться в состав ВСЮР. В Батуме 300 офицеров спокойно проживали на пособие, которое им выплачивало турецкое правительство, а 325 офицеров, большей частью старших чинов, рассчитывали получить хорошие назначения «в так называемой Русской армии Шварца».

Но еще больше генерала обеспокоила информация неординарного порядка, представленная ОСВАГ:

Среди «отчаявшихся, окончательно удрученных офицеров раздаются голоса о необходимости ехать служить в Совдепию[114]*, где хорошо платят»*[115].

Кроме того, с проведением массовых мобилизаций все больше уменьшалась офицерская прослойка, хотя число офицеров по-прежнему оставалось высоким — около 30 тысяч человек.

Росло дезертирство. Деникин хорошо понимал

психологический механизм явления, когда мобилизованная масса, в тылу «в мирной обстановке запасных батальонов» оставаясь пассивной, на фронте способна к дезертирству. Мобилизованные сражались в рядах добровольцев, имея против себя односельчан, отцов, братьев, мобилизованных Красной Армией.

Но в начале 1919 года основные добровольческие части умели переплавлять весь однородный элемент в горниле боевых традиций, и, по общему отзыву своих начальников, мобилизованные солдаты вне своих губерний в большинстве воевали доблестно. Однако здесь крылись зачатки будущего обвального разложения белых.

Между тем такие негативные явления смягчались в определенной мере тем, что моральное состояние красных в тот момент тоже было невысоким:

24 января 1919 года Орджоникидзе доложил Ленину о том, что 11-й армии нет, так как она окончательно разложилась. Имеются случаи «открытого покидания позиций, невыполнения боевых приказов».

В разведсводке Южного фронта от 3 февраля 1919 года отмечается, что войска Донского атамана Краснова «находятся в полном отступлении, разлагаются, а на фронте 8-я и 9-я армии отходят без сопротивления». Имеются случаи мародерства и грабежей, «особенно среди обозников», а также незаконные реквизиции, бесчинства по отношению к местному населению. Например, красноармейцы в одном из занятых хуторов «для своей потехи венчали священника с кобылой».

Озабоченность генерала Деникина вызывали изъяны в системе комплектования частей ВСЮР. Пехотные полки формировались прямо на фронте (в отличие от технических частей, формировавшихся в тылу), тыл не справлялся с обеспечением, из-за чего полки вводились в бой задолго до своей готовности. Некоторые начальники пытались формировать полки под лозунгом «Возрождения исторических частей российской армии», то есть на средства, добытые приватным порядком. Деникин считал, что подобные войсковые единицы ослабляли фронт и превращали лозунг «Под родные штандарты» в прикрытие шкурничества.

Отнюдь не повышала боеспособность склонность некоторых начальников к созданию частей особого назначения. У Врангеля в Кавказской добровольческой армии имелся летучий отряд особого назначения, имевший довольно темную задачу — борьбу с крамолой. «Волчьи сотни Шкуро» — его личная гвардия.

Антон Иванович расценил эти явления как «бытовые», имея в

виду, что они сопутствуют боевым действиям и проявляются главным образом в тылу. Он боролся с ними, но самокритично признавал, что недостаточно сурово, так как, меняя внешние формы, те продолжали существовать.

По-прежнему сложным оставалось и финансовое положение войск.

Такие трудности не ускользнули от внимания союзников. В материалах главного командования Антанты о перспективах использования против Советской России иностранных и русских сил отмечалось:

«Добровольческая армия — довольно сложный военно-политический механизм, укрепившийся на Кубани и являющийся как бы гостем Кубанской рады. Армия не располагает собственными ресурсами, нет правительства, способного направлять ее действия и предоставлять ей все необходимое. Она не популярна, не обладает боеспособностью. Реорганизация армии была бы обременительной и заняла бы много времени. При проведении серьезных операций нельзя рассчитывать на Добровольческую армию. Ей присущи две характерные черты: обращение к военному командованию Антанты всякий раз, когда намечаются военные действия; категорический отказ от подчинения военному командованию Антанты.

Донская армия воюет на своей территории, является здесь правительством. Но ее солдаты устали от борьбы, пали духом. Наблюдается пассивное безразличие, расширяется дезорганизация».

Однако у глав союзников в подобных оценках не было единства.

Военный министр Великобритании У. Черчилль в послании маршалу Ф. Фошу 28 марта 1919 года писал, что ему очень обидно за негативные высказывания в адрес Добровольческой армии.

Главком ВСЮР, продуманно взвесив сложившуюся обстановку, решил сосредоточить основное внимание на помощи Донской армии и перебросил дивизии Добровольческой армии из Новороссийска в Донбасс. В районе Приазовья и Донбасса Деникину удалось, по оценке советского командования, сосредоточить большую силу — 8–9 пехотных дивизий и 2 конные дивизии (31–32 тысячи штыков, 9—10 тысяч сабель), что составляло 50 процентов всех сил деникинских войск, противостоящих Южному фронту. Здесь-то генерал имел превосходство — в полтора-два, а по отдельным видам — в три раза. Оперативная группа генерала Май-Маевского, действующая в центральных районах Донбасса, оказала поддержку Донской армии, которая провела ряд атак на Царицын. Однако Донская

армия так и не добилась успеха.

Небезынтересно, что натиск советских войск на Добровольческую армию в Донбассе удалось ослабить (разумеется, лишь в какой-то степени) благодаря усилиям деникинской разведки. В совершенно секретном отчете о деятельности Харьковского разведывательного центра его начальник полковник Двигубский сообщал:

«Ввиду крайне тяжелого положения Донецкого бассейна, я всеми силами старался отвлечь внимание большевиков от него, с каковою целью в советской прессе работниками Центра помещались статьи, в которых трубилось о необходимости спасения советской власти в Венгрии, о походе против западных империалистов, о необходимости наступления на Румынию и Польшу, о выходе на мировую арену…

Кроме того, Центром печатались… прокламации против объявленной мобилизации и распространялись среди собирающихся у комендатуры и воинского начальника мобилизованных. Настроенные антисоветски, мобилизованные отказались идти по казармам, вследствие чего большевики были вынуждены выслать броневик, курсантов, кавалерию. После пулеметного расстрела мобилизованные разбежались, а вечером на вокзале комендантской ротой и отрядом железнодорожной ЧК были пойманы до 300 мобилизованных, стремившихся разъехаться по домам…

…Прибыв в Киев вместе с Антоновым (командующий советским Украинским фронтом. — Г. *И.), которому по дороге я высказал свое мнение о необходимости и легкости наступления на Румынию с целью соединения с советской Венгрией, я получил приказание от Антонова разработать план наступления на Румынию, что и было мною исполнено… Этот план наступления имел не столько оперативную ценность, сколько содержал в себе смелые удары по тылам румынских частей и красивые рассуждения о мировой революции и красном пожаре на Балканах. Эффектный с внешней стороны, он, естественно, был принят Антоновым, поручившим мне детальную подготовку и разработку операции…»*

Да, такое возможно только в нашей Гражданской войне. Внедренный в штаб фронта деникинский разведчик смог стимулировать распри между большевистским руководством, готовившим авантюристическое по сути наступление красных на Румынию для поддержки советской власти в Венгрии и раздувания пожара мировой революции. Но тяжелую ситуацию в Донбассе, разумеется, силами белогвардейского «Штирлица» — полковника Двигубского, переломить до конца не представлялось возможным…

А тут еще союзники воткнули нож в спину генералу

Деникину. В марте 1919 года советские украинские части, действующие на одесском и крымском направлении, подошли к Одессе. Верховный совет Антанты в марте 1919 года, признав бесперспективным дальнейшее пребывание французских войск на Одещине и Херсонщине, принял решение об их эвакуации морем, что и предопределило судьбу Одессы. В апреле 1919 года Одесса пала. Но главком ВСЮР не был даже поставлен в известность об этом решении верховного совета Антанты.

Бригада Тимановского, оборонявшая город, прорвалась в Румынию, где была интернирована. ОСВАГ доложил главкому о панике во время эвакуации Одессы, свидетельствовавшей о разложении войск. Осложнило положение главнокомандующего ВСЮР и падение Севастополя 6 апреля 1919 года. Но частям Крымско-Азовской добровольческой армии удалось перекрыть перешеек Керченского полуострова и прочно закрепиться на нем.

Однако несмотря на предательство Антанты, существовали еще и факторы, повышавшие шансы генерала Деникина на успех в весенне-летних операциях 1919 года.

Хотя соотношение сил и средств к весне 1919 года сложилось не в пользу белых (по штыкам и саблям — 1:3,3, по орудиям — примерное равенство), морально-психологическое превосходство, по оценке разведки Деникина, было на стороне ВСЮР. Разведка обращала внимание своего главкома на то, что в военно-политическом руководстве красных в южном регионе России отсутствует единство.

Именно тогда Троцкий неоднократно обращался в ЦК РКП(б) с предложением о создании заградительных отрядов. Идея председателя Реввоенсовета Республики была конституирована[116].

Кроме заградительных отрядов практиковались расстрелы в целях предотвращения паники, повышения устойчивости войск в бою. Так, командир 5-го полка, по сообщению штаба Донецкой группы войск командующему Южным фронтом от 8 февраля 1919 года, был расстрелян на месте за то, что в критический момент закричал солдатам: «Спасайся, кто может!»

Кроме расстрелов на месте, планово работали и вновь создаваемые военно-революционные трибуналы.

Думается, у разведки ВСЮР имелись весомые основания для доклада своему главкому, что силу сопротивлению красных «придает страх террора». Восстания в их тылу крупного успеха не принесут, ибо они «подавляются беспощадно».

Главком ВСЮР при планировании операций учел и такое для него благоприятное обстоятельство, что 15 января 1919 года украинское националистическое правительство (Директория)

открыто объявило войну Советской России. Командование РККА для разгрома петлюровских гарнизонов и отдельных военизированных формирований было вынуждено решиться на продвижение в глубь Украины в полосе свыше 60 километров от Чернигова и Бахмача.

В мае на юге Украины поднял мятеж начальник 6-й Украинской советской дивизии Н. А. Григорьев (до 20 тысяч человек, до 50 орудий). Силы советских войск таяли на глазах, им пришлось заниматься ликвидацией григорьевской авантюры. К тому же с григорьевским мятежом начались дикие погромы, небывалый грабеж, истребление коммунистов, чекистов, работников местных советских органов, всех, кто им сочувствовал. Жертвами становились ни в чем не повинные обыватели.

Но главные надежды главком ВСЮР связывал именно с Добровольческой армией.

Будущий Маршал Советского Союза А. И. Егоров, погибший в сталинских застенках, ссылаясь на архивы Красной Армии, опубликовал небезынтересные итоговые характеристики армий белого юга России.

«Наибольшей боеспособностью обладала Добровольческая армия. По нашим архивным данным, армия считалась белыми надежной на 98 %, тогда как Донская армия оценивалась так: открытые возмущения — 16 %, перешедшие на сторону красных — 28,5 % и расформированные вследствие своей неблагонадежности — 27 %…»

И в такой кутерьме Антон Иванович с нетерпением ждал рождения сына. Он беспокоился, так как гинекологи Екатеринодара давали пессимистический прогноз: ребенок слишком крупный и никак не проявляет себя. 4 марта, когда Деникин проводил совещание со своим штабом, позвонил хирург и задал вопрос:

— В случае крайней необходимости о чьей жизни я должен думать — о жизни вашей жены или вашего сына?

— Конечно, о жизни моей жены!

На рассвете 5 марта Романовский пришел разбудить своего начальника. Чувствуя, как будет разочарован Деникин, он не осмеливался сказать правду. Главнокомандующий спросил:

— Плохие новости?

— Не совсем, Антон Иванович, Ксения Васильевна чувствует себя хорошо.

— Маленький Ваня мертв?

— Нет, нет! Нет маленького Ивана… Крупная девочка, она весит больше десяти фунтов!

Нескрываемое разочарование. В госпитале Екатеринодара оно еще увеличилось. Роды оказались трудными, голова новорожденной сплющилась, на макушке была заметна ямка. Ксения Васильевна, казалось, совершенно не обращала на это внимания.

— Мы назовем ее Ариадной, — сказала она.

— Ни в коем случае. Столь претенциозное имя не подходит такому уродцу. Нужно простое имя… почему бы не Мария?

— Нет, Иваныч, только не Мария! У нас была в свое время кухарка Мария, такая необязательная, вредная…[117]

Был заключен компромисс, и через несколько дней генерал Лукомский и жена генерала Романовского держали над купелью маленькую Марину.

На двери палаты появилась дощечка с надписью: Марина Антоновна Деникина. Отныне в этой палате могли бесплатно лежать нуждающиеся женщины — будущие матери. Вспоминает Марина Антоновна:

«Моя мать часто, смеясь, вспоминала о сильном разочаровании отца. Любовь, которую проявлял ко мне отец, заставляла меня с недоверием относиться к ее словам. Картина прояснилась только тогда, когда я перед тем, как приступить к этой книге, просмотрела всю семейную корреспонденцию. В тридцати письмах, написанных в течение года после моего рождения Антоном к Асе, я нашла только одно-единственное упоминание о… „твоей дочери“. Как мне кажется, я завоевала любовь моего отца только в возрасте шестнадцати — восемнадцати месяцев, в первые месяцы нашей жизни в эмиграции в Англии»…

…В мае же 1919 года белые части генерала Май-Маевского ворвались в Луганск. Началась кровавая расправа над рабочими и ранеными красноармейцами. А в это же время ставка Деникина не только на словах, но и на деле поддерживала мятежных казаков верхнедонских станиц. Им перебрасывались оружие, патроны, антисоветская литература, что наилучшим образом ложилось на политику красных репрессий и подогревала их ожесточенность.

На Дону бушевала политика «расказачивания», начало которой положило циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года. Именно благодаря ей началось антисоветское восстание казаков станицы Вешенская, разраставшееся подобно снежному кому. Казакам мятежной станицы оказал мощную поддержку главком ВСЮР и получил от повстанцев значительную помощь: около 30 тысяч человек, в основном конных, обладавших военной подготовкой и боевым опытом. Кроме того, вешенское восстание разлагающе влияло на некоторые советские полки. 10

апреля 1919 года на сторону повстанцев перешел 20-й Сердятский стрелковый полк Красной Армии (380 штыков, 2 орудия, 10 пулеметов).

Красное командование пыталось подавить восстание, но неудачно. Отвлекались большие силы и средства (до 14 000 штыков и сабель), а наступление Южного фронта осложнялось, чем успешно и воспользовался главком, установивший связь с повстанцами через традиционные средства, а также посредством авиации. Он организовал снабжение повстанцев деньгами и боеприпасами. Но в рядах вешенцев наблюдалось и недовольство вмешательством белогвардейцев в казачьи дела.

Подобное стало отголоском политики атамана Краснова на конфронтацию с Добровольческой армией. Видимо, казаки боялись, что Деникин станет покушаться на извечные казацкие свободы, образ жизни. Опасения небезосновательные. Генерал все время боролся с казацким сепаратизмом. Но в целом вешенские повстанцы отомстили советской власти за «расказачивание».

Тенденция враждебности казаков к советской власти все больше доминировала. Она, по оценке разведки Южного фронта, усиливалась по «мере продвижения советских войск на юг». Укреплялся и моральный дух донцов. В середине марта разведка красных донесла, что главным образом противник несет потери от боев, «процент дезертирства уменьшился».

В такой сложной и противоречивой обстановке генерал Деникин развернул успешные весенне-летние операции ВСЮР против советского Южного фронта. Он давно готовился к такому успеху и шел к нему с присущей ему настойчивостью, тщательно продумывая не только выработанную стратегию главного удара, но и малейшие детали тактики и гибкого маневра. Война есть война, даже если она и Гражданская, здесь оттачивается военное искусство, выявляется талант военного новатора. Весенне-летнее наступление стало еще одним звездным часом Антона Ивановича.

В январе 1919 года Деникин, оценив обстановку, решил нанести удар силами 1-го Конного корпуса генерала Врангеля в центр построения советских войск. Корпус четко выполнил задачу. Фронт красных был прорван в полосе 30 км на глубину до 40 км. Успех Врангеля, проводившего последнее сражение перед принятием под командование Добровольческой армии, был развит из оперативного в стратегический. Примером гибкого стратегического мышления Деникина можно считать и его решение при проведении операций в Донбассе вклиниться в стык 13-й и 8-й армий красных.

В июне 1919 года операции белых, носившие характер преследования отходящих красных армий, увенчались успехом.

Деникин захватил Донбасс, Донскую область, часть Украины.

Расширение фронта на сотни верст не ослабляло белых, а укрепляло. К 5 мая 1919 года Добровольческая армия в Донецком бассейне насчитывала в своих рядах 9600 бойцов. Невзирая на потери, к 20 июня 1919 года состав армии был 26 тысяч человек, а к 20 июля — 40 тысяч. Благодаря таким обстоятельствам, численность ВСЮР с мая по октябрь возросла с 64 до 150 тысяч человек. Широкое наступление позволило до минимума свести превосходство красных в силах и средствах.

Авиация ВСЮР распространила листовки в боевых порядках красных. Агентура Деникина поставляла листовки в тыловые гарнизоны и места расквартирования запасных частей красных. В агитматериалах содержались тексты «приказов-обращений» председателя РВС республики, которые были изготовлены в ОСВАГ и содержали разнообразную дезинформацию. В одном из обращений говорилось, что Троцкий ввел обязательные отпуска красноармейцам. Тот был вынужден издать приказ № 143, где показал: в листовке напечатан подложный документ, а отпуска будут даваться после победы.

В период восстания вешенских казаков по приказу Деникина в ОСВАГ были изготовлены листовки, распространенные среди повстанцев. В них сообщалось, что Совнарком подписал секретное письмо о поголовном истреблении казаков. Главком ВСЮР будто предугадал постановление Оргбюро ЦК РКП (б) о «расказачивании».

Правда, в ответ на деникинскую акцию с распространением сведений о поголовном уничтожении казаков политотдел Южного фронта подготовил обращение. Документ был выполнен на низком уровне. Деникин непонятно почему назван атаманом. Особого эффекта обращение не принесло, так как слухи о зверствах «расказачивания» по Дону распространялись быстро.

Успешному проведению Деникиным таких мероприятий способствовало то, что главком постоянно самым тщательным образом изучал военно-политическую обстановку в Советской России. По его требованию разведотделение штаба ВСЮР представило ему краткий очерк «Советская Россия» (по состоянию на 15 апреля 1919 года). Деникинские разведчики дали довольно объективную характеристику положения в советском тылу и на фронтах. Освещено положение в экономике, проанализировано морально-психологическое состояние населения и армии, состояние контрреволюционного подполья. Выводы осторожные, нет легковесных прогнозов о скорой победе над Красной Армией.

Характерно, что многие позиции данного очерка сходятся с оценками большевистской прессы того периода. Использование

подобных документов позволяло главкому принимать более целесообразные решения при планировании войсковых операций.

Итак, Деникин наступал, а красные отступали.

Успех весенне-летних операций ВСЮР наконец-то делал реальным поход на Москву, но только после взятия Царицына. Именно на царицынском направлении впервые с особой остротой проявились разногласия Деникина и Врангеля, командовавшего в то время Кавказской добровольческой армией, штурмовавшей Царицын. Барон требовал от главкома выделения пехоты, большого количества технических средств, ультимативно заявив, что не продвинется ни на один шаг, пока не получит все, что требует.

Под Царицыном Деникин пошел барону на уступки. Из Ростова была переброшена 7-я дивизия Тимановского, единственный резерв Деникина, и танковый дивизион, снятый из-под Харькова, что позволило Врангелю начать штурм Царицына и 30 июня 1919 года взять его. Но Кавказская армия потеряла за две недели боев убитыми, ранеными, пленными — до 10 тысяч человек. Более трех недель она не могла вести широкие наступательные действия.

Тем не менее это был огромный успех, все больше поднимавший авторитет Петра Николаевича Врангеля.

28 июня 1919 года в Версале был подписан мирный договор, но еще в апреле стала вырисовываться новая тактика Антанты — уходя, остаться, иметь силы, которые давили бы на Россию. После провокационной речи Ллойд Джорджа о выросшей угрозе вооруженного большевистского вторжения в страны, прилегающие к Советской России от Балтики до Черного моря (это 16 апреля 1919 года, какая там угроза; большевистскому режиму пока что не до жиру, быть бы живу, правда, есть на вооружении маниакальная идея мировой революции…), союзники были склонны оказать Деникину материальную помощь, подбивали наших соседей блокироваться с белой гвардией и организовывать вооруженные выступления против Советов.

Мешал, правда, лозунг «Великая, Единая и Неделимая Россия!». Колчак дрогнул и готов был пойти на уступки Антанте, что обострило отношения между Деникиным и Колчаком, подорвало позиции последнего.

Но воодушевилась Польша, взыграли ее националистические реваншистские аппетиты.

Антанта вела хитрую политику — готова оказать помощь, но в то же время заигрывала с украинскими националистами, чтоб они были противовесом распространению великодержавных замыслов Деникина в юго-западном регионе.

Но Деникин их переиграл! Получив от Антанты (в основном Англии) крупные партии оружия, боеприпасов, техники и военного снаряжения, генерал развернул широкие наступательные операции на Левобережной Украине, громя части Красной Армии и петлюровцев.

У него сложилась благоприятная обстановка, надо было ее закрепить, обозначив курс — на Москву!

4 июля 1919 года в Царицыне генерал Деникин отдал войскам знаменитую «Московскую директиву».

«…Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртище — во — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву. Теперь же направить отряды для связи с уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом до выхода войск генерала Врангеля продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж — Козлов — Рязань, б) Новый Оскол — Елец — Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск — Орел — Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр в Александровск до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Черноморскому флоту содействовать выполнению задач и блокировать Одессу».

К тому моменту ВСЮР вышли на линию Царицын — Балашов — Поворнино — Новочеркасск — Белгород — Богодухов — Александровск и далее по реке Днепр.

По данным разведки советского Южного фронта, сохранившихся в РГВА, генерал имел под своим командованием 15 пехотных дивизий, насчитывавших 111160 штыков, 26 кавалерийских дивизий в 58 700 сабель, 3950 орудий, 1539 пулеметов, 7 броневиков, 14 бронепоездов, 17 танков.

Соотношение сил и средств: по штыкам — не в пользу главкома (1:2,5), по саблям — в его пользу (1,7:1), по авиации и танкам — абсолютное превосходство белых. У ВСЮР по-прежнему оставался в руках главный козырь — высокая маневренность войск за счет преимущества в кавалерии.

Главный удар силами Добровольческой армии наносился по кратчайшему к Москве направлению, по тому направлению, по которому когда-то осуществлялись татарские набеги, а именно по водоразделу между Доном и Днепром. Направление главного удара выбрано удачно, так как оно было обеспечено от удара с Запада.

Все это подкреплялось высоким духом победителей и внушало обоснованный оптимизм. Главком ВСЮР, читая директиву генералам Врангелю и Юзефовичу, говорил: «Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять пятиверстную карту…»

Однако «Московская директива» неоднозначно оценивалась современниками, позднее историками.

Врангель, который, в противовес плану Деникина, выдвинул свой план соединения с армией Колчака в районе Саратова для совместного наступления на Москву, удивлялся, как «Московская директива» вообще могла быть отдана главкомом. Он считал ее непродуманной в стратегическом отношении. В директиве были заложены предпосылки будущего поражения белых. Главную из них Врангель видел в чрезмерно растянутой линии фронта, не соответствующей силам и средствам ВСЮР.

Ему вторит советский военачальник Егоров, тот, кто громил Деникина: «Директива охватывала своими задачами огромные пространства примерно 800000 кв. километров».

Зарубежные историки уделяли более пристальное внимание анализу политических аспектов «Московской директивы», нежели военных.

Американский историк Р. Лаккет настойчиво проводил мысль, что Деникин как военный стратег резко уступал генералам Врангелю и Май-Маевскому.

В противовес Р. Лаккету Дж. Суитенхем утверждает: «„Московская директива“ в стратегическом аспекте была продумана, но не учитывала состояния тыла». Дж. Бринкли подчеркивает, что «Деникин, планируя наступление на Москву, пытался достичь победы без достаточной политической и дипломатической базы».

Однако исследователи не учли психологических аспектов подготовки главкомом судьбоносного документа.

«Московская директива» стала стимулом в укреплении высокого наступательного порыва деникинских войск. Но с точки зрения военного искусства нельзя не согласиться с авторами, обратившими внимание на чрезмерную растянутость линии фронта ВСЮР. Нельзя не учитывать и политические аспекты подготовки похода на Москву.

Факт бесспорный: до октября 1919 года реализация «Московской директивы» шла успешно. Видимо, исследователям предстоит еще оценить ее роль и место в Белом движении.

Деникин вступил в полосу полководческих удач. Но в тылу вспыхивали восстания, с которыми предназначенные для их подавления внутренние части не справлялись, и пришлось перебрасывать с фронта боеспособные войска. К началу августа 1919 года 8 дивизий (44 тысячи штыков, 6,9 тысячи сабель, 219 орудий) были сосредоточены в ближайшем и глубоком тылу, проводили карательные операции на Северном Кавказе и Донбассе. Это была почти 1/3 сил и средств ВСЮР.

Поход Деникина на Москву существенно осложнялся тем, что Добровольческая и Кавказская армии оторвались от основной своей базы — Кубани. А именно она летом 1919 года являлась главным источником пополнения хорошо подготовленной живой силой. Приходилось рассчитывать на местные ресурсы, проводить мобилизацию в прифронтовой полосе. Мобилизованные не имели достаточной военной подготовки. Их обучение требовало больших затрат. Оторванность от баз приводила к самоснабжению, переросшему в грабежей, что деморализовывало войска и вызывало сопротивление населения.

Показателен в данной связи «рейд Мамонтова». 4-й Донской корпус генерала К. К. Мамонтова (6 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, 12 орудий, 7 бронепоездов, 3 бронемашины), совершив глубокий рейд, занял 29 августа 1919 года Воронеж. За 16 дней Донской корпус прошел 750 верст, из них 8 дней, по сведениям начальника штаба Донской армии генерала Кельчевского, участвовал в решительных боях. Рейд нанес сильный военный и моральный ущерб советским войскам, о чем было доложено Ленину.

Но, обремененный огромным количеством добычи, корпус не смог развернуть энергичную боевую деятельность. Деникин объективно оценил «рейд Мамонтова» как «большое дело», констатировав, однако, что если бы корпус не занялся добычей, то сделал бы несравненно больше. Именно после его набега население стало склоняться в пользу красных. Мобилизация в Красную Армию, по оценке советского командования, стала проходить успешнее.

Обстоятельство, помешавшее генералу Деникину достичь в походе на Москву еще больших успехов, — дальнейшее обострение отношений с Петлюрой, что вынудило главкома усилить группировку, противостоящую Директории.

Кроме того, нельзя не сказать о том, что вооруженные силы юга России предприняли поход на Москву, когда судьба

Восточного фронта была решена, адмирал Колчак отступал. В этой несогласованности — недооценка Деникиным своего противника.

Положение ВСЮР не было столь прочным, как хотелось бы главкому.

А пока фронт неудержимо двигался к Москве. Стратегическая инициатива была у Деникина, и он успешно ее реализовал. Ленин, оценив обстановку, пришел к выводу, что если не начать контрнаступление, то Деникин погубит советскую власть.

Для спасения советской власти Южный фронт в августе 1919 года начал контрнаступление. Однако ВСЮР в конечном итоге сорвали контрнаступление Южного фронта (потери командного состава в некоторых красных частях достигли 80 процента). Белые к началу октября занимали фронт параллельно плесу Волги до Царицына и далее по линии Воронеж — Орел — Чернигов — Киев — Одесса. Под юрисдикцией Деникина находились освобожденные от советской власти районы, включавшие 16–18 губерний и областей площадью около 810 тысяч кв. километров с населением 42 млн человек.

«…Мы лишили советскую власть хлеба, огромного количества припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии», — вспоминал Антон Иванович.

Южный фронт за восемь месяцев 1919 года потерял 67 процентов личного состава. Войска красных деморализованы.

Антон Иванович рассчитывает на стремительное продвижение, осталось двести-триста верст всего, всего несколько переходов для кавалерии. Такая стремительность не позволяет противнику принимать ответные меры, он только успевает отходить. На плечах красных ворваться в Москву! Не давать им передышки, не давать времени на организацию фронта!

Войска Деникина подошли к Туле. Златоглавая Москва была совсем близко. Это был пик успеха генерала, к которому он шел так долго, продуманно, проявив лучшие полководческие таланты, недюжинные организаторские способности.

А на направлении главного удара — Добровольческая армия. И командует ею достойный генерал Май-Маевский.

Справка

Генерал-лейтенант Владимир Зенонович Май-Маевский (1867–1920). Накануне Первой мировой войны командовал 44-м Камчатским пехотным полком 2-й

бригады 11-й пехотной дивизии в звании полковника, а в войну смог даже корпус под командование принять. Грузен, непомерно широк в боках генерал. На переносье — узенькое пенсне, на широченной жирноватой груди — два офицерских Георгия.

Явно Владимир Зенонович проигрывает во внешности красавцу барону Врангелю. Да ближе он к Москве, к заветной цели, нежели Петр Николаевич со своей Кавказской добровольческой армией. Так решил главком ВСЮР, определив двум армиям разные операционные направления…

Наверное, рядом с главкомом генералом Деникиным будет въезжать на белом коне в освобожденную от большевиков Первопрестольную невзрачный на вид, но, безусловно, талантливый военачальник генерал Май-Маевский…

ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВОДЦА

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

А. С. Пушкин

Готовясь к осенне-зимним операциям 1919 года против советского Южного фронта (147 тысяч штыков и 25,3 тысячи сабель), Деникин принял меры для совершенствования организационно-штатной структуры ВСЮР. Она стала более стройной (см. Приложение 19). Главком мог противопоставить красным 107395 штыков и 45687 сабель.

Успешно развернутое летнее наступление, казалось, должно неминуемо привести к победе. Однако уже в июле отлаженная военная машина, искусно запущенная Деникиным, стала давать сбои.

У красных были огромные резервы: численность вооруженных сил Республики Советов к осени 1919 года была доведена до 2,5 млн человек. Численность же боевых сил белых армий, причем не объединенных, на территории бывшей Российской империи составляла всего лишь 240 742 штыка и 68 968 сабель. Причем красные могли свободно маневрировать силами и средствами, перебрасывая их с одного фронта на другой. Улучшался и качественный состав пополнения.

Командующий советским Южным фронтом Егоров вспоминал:

«Если раньше пополнение прибывало совершенно без всякой подготовки, то теперь фронт получал пополнения, из которых около 55 % — с удовлетворительной политической подготовкой и 27 % — с удовлетворительной дисциплинированностью; и если раньше люди приходили почти без всякого обмундирования, то теперь было около 30 % обмундированных хорошо и полностью, около 48 % — с неполным обмундированием… Всего маршевыми ротами прибыло около 33000 человек»…

Главком ВСЮР был вынужден систематически отвлекать силы и средства для борьбы с Махно и другими повстанцами. Махно оказал помощь красным поневоле, неожиданно с ходу заняв Екатеринослав. С 14 по 25 октября 1919 года город три раза переходил из рук в руки.

Наличие 32 тысяч поляков против правого фланга Южного фронта Деникин, в силу причин сугубо политических, никак не

мог отнести к своему активу: с петлюровцами он сам вел борьбу.

Белые ниточкой растянулись на обширном фронте. Резервов не было, войска измотаны, боевая слаженность не выдерживает критики, сплошные проблемы со снабжением. Это при том, что тыловые склады ломятся от поставленной союзниками амуниции, но в тылу воруют! Прямо какая-то оргия казнокрадства. «Кому война, кому мать родна…»

Разложение коснулось и высших военачальников. Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Владимир Зенонович Май-Маевский, мечтавший въехать на белом коне в Белокаменную, банально… спивался! Это к нему устроился адъютантом большевик Павел Васильевич Макаров (капитан Кольцов в фильме «Адъютант его превосходительства»).

Большевистское руководство уделяло самое пристальное внимание укреплению Южного фронта. С сентября до октября 1919 года он получил около 50 тысяч человек. Кроме того, благодаря продуманной организаторской и политической работе, к концу 1919 года в ряды Красной Армии на всех фронтах в строй вернулось 775 тысяч красноармейцев-дезертиров. Это при том, что всего в годы Гражданской войны в Красной Армии насчитывалось 1–1,5 млн дезертиров.

Командование Красной Армии удачно выбрало направление главного удара как в военном, так и политическом отношении — орловско-курское направление.

Троцкий вспоминал:

«…Я требовал, чтобы первым ударом отрезали добровольцев от казаков, и предоставив казаков самим себе, сосредоточили главные силы против Добровольческой армии. Главное направление удара приходилось по этому плану, не с Волги на Кубань, а от Воронежа на Харьков и Донецкий бассейн. Крестьянское и рабочее население в этой полосе, отделяющей Северный Кавказ от Украины, было целиком на стороне Красной Армии. Продвигаясь по этому направлению, Красная Армия входила бы, как нож в масло. Казаки оставались бы на местах, чтоб охранять свои границы от чужаков, но мы их не трогали бы. Вопрос о казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, столько политической. Но нужно было прежде всего стратегически отделить эту задачу от задачи разгрома Добровольческой армии Деникина. В конце концов был принят именно этот план, но лишь после того, как Деникин стал угрожать Туле, сдача которой была опаснее, чем сдача Москвы. Мы потеряли несколько месяцев, понесли много излишних жертв и пережили несколько крайне опасных недель…»

Что не говори, но обладал Лев Давидович не только

политическим нюхом, но и удивительным военно-стратегическим чутьем…

Замыслы противника особенно беспокоили Деникина. Он четко определил, что планируемый главный удар красных преследовал стратегическую идею разобщения Донской армии и Добровольческой армии и разгрома последней. Здесь преследовалась и политическая цель — разъединение добровольчества и казачества. Красная Армия действовала в родственной пролетарской среде (Харьков, Донбасс), что обеспечивало ей мощную поддержку населения.

«Гром победы раздавайся!..»

Раздался! Для красных…

Генерал Деникин, учитывая расстановку сил и средств, развернул ожесточенные встречные сражения на пространстве между Днепром, Доном и Азовским морем. В результате в более чем тридцатидневных сражениях и боях ВСЮР потерпели серьезное поражение. Была утрачена территория общей площадью до 50 тысяч кв. километров, ряд крупных городов, в том числе *Чернигов, Орел, Курск, Воронеж.* Красные взяли в плен до *7700 солдат, офицеров,* захватили *260 пулеметов, 41 орудие, 16 бронепоездов,* огромное количество военного снаряжения.

Красная Армия захватила стратегическую инициативу и прочно удерживала ее. Положение белых критическое. Антон Иванович это признает в письме к жене от 31 октября 1919 года:

«Положение нелегкое и на внешнем и на внутреннем фронте — мы выдыхаемся несомненно…»

Но он предпринимает отчаянные попытки поправить его.

2 ноября 1919 года в Харькове в штабе Добровольческой армии главком ВСЮР собирает совещание. Он приказывает Май-Маевскому доложить обстановку: что с армией, почему она так неудержимо бежит? Где резервы?

Май-Маевский заявляет, что в оперативном отделении нет карты, она на вокзале. Там, по предположению штаба, должно было состояться совещание. Более часа совещание поджидает нарочного с картой. Это производит тягостное впечатление.

Доклад Май-Маевского, к смятению слушателей, вдруг обнаруживает, как поверхностно штаб армии знает обстановку. Из бессвязного доклада ясно только одно: фронт прорван, белые части откатываются, но где, какие — неизвестно. Резервов нет. Отправлено последнее пополнение — восемьсот штыков. Это катастрофа!

Несколько позже, в приватной беседе, генерал Май-Маевский скажет генералу Врангелю:

— Я считаю положение тяжелым и безвыходным. Причин

много, объяснять я не буду.

Май-Маевский отстранен от должности и вызван в ставку, в Таганрог. Обратимся к воспоминаниям адъютанта его превосходительства, а по совместительству советскому разведчику Макарову.

«Улица, где жил Деникин, охранялась патрулями.

Приемная Деникина была обставлена мягкой мебелью. На стенах висели картины знаменитых художников и оперативная карта грандиозных размеров.

Деникин поздоровался с Май-Маевским самым дружеским образом и пригласил его в соседнюю комнату.

— Владимир Зенонович, мне неприятно было отозвать вас. Я долго не решался… У меня была мысль подчинить вам Врангеля… Но вы поймите меня, я это сделал в интересах нашего общего дела…

— Антон Иванович, разрешите мне выехать в Севастополь, где я буду жить…

— Пожалуйста, пожалуйста, с полным окладом жалованья. А теперь пойдемте посмотрим фронт.

Генералы углубились в карту.

— Владимир Зенонович, что вы думаете об общем положении фронта?

— Положение тяжелое. Единственный, по-моему, выход — сосредоточить распыленные части на Кубань и Крым…

— Что вы, Владимир Зенонович?! Отдать без боя занятую территорию?! Нет, я с этим не согласен.

— Другого выхода нет, — настаивал Май-Маевский. — От больших соединений остались небольшие группы, разбросанные на огромной территории. Надо предположить, что противнику с превосходящими силами нетрудно будет ликвидировать эти группы, отрезав их от своих баз и связи. Вы же сами говорите, что от многих частей не имеете сведений. Возможно, они окружены и участь их решена. Нужно еще учесть: армия состоит из крестьян и пленных, и у нас не столько потери, сколько дезертиры…

— Нет, Владимир Зенонович, вы не правы. К Кубани мы всегда можем отойти. Я постараюсь задержать наступление красных и перейти в контрнаступление.

— Антон Иванович, а как положение у Колчака?

— Он отступает быстрее нас. У него большой недостаток командного состава: унтер-офицеры командовали полками. Колчак просил у меня офицеров. Как хорошо, что я не послал их…»

«Май-Маевский часто диктовал мне приказы и распоряжения, — пишет Макаров, — иногда брал у меня из рук лист, качал головой и укоризненно восклицал:

— Капитан! Почему вы так безграмотно пишете? Будьте же внимательнее!

Я довольно несвязно ссылался на тяжелую жизнь и контузию.

Однажды в приказании начальнику штаба я написал „сурьезно“. Начальник штаба генерал Ефимов старательно переправил „у“ на „ю“.

— Сюрьезно! — прочитал удивленный Май-Мавский. — А кто же так поправил? — поинтересовался он, смеясь.

— Начальник штаба, ваше превосходительство…»

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«Май-Маевский был уволен.

До поступления его в Добровольческую армию я знал его очень мало…

Май-Маевский в нищете и забвении прожил еще несколько месяцев и умер от разрыва сердца в тот момент, когда последние корабли с остатками белой армии покидали севастопольский рейд.

Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением…

Не отрицаю и не оправдываю…

Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется тем не менее блестящая страница сражений в каменноугольном районе, что он довел армию до Киева, Орла, Воронежа, что сам по себе факт отступления Добровольческой армии от Орла до Харькова при тогдашнем соотношении сил и общей обстановке не может быть поставлен в вину ни армии, ни командующему.

Бог ему судья!»

А разоблаченный Макаров… сбежит из камеры смертников к партизанам в Крымские горы.

На место генерала Май-Маевского главком ВСЮР назначил генерала барона Врангеля. Такое решение вызвало положительный резонанс в военных и общественных кругах белого юга России. Восторжествовало мнение, что теперь на фронте произойдет перелом и «мечта о Великой, Единой и Неделимой России будет осуществлена». Добровольческая армия была усилена конной группой Мамонтова. Путем неимоверного напряжения, перераспределения всех резервов главком смог в конце ноября создать ударную группу (7 тысяч сабель, 3 тысячи штыков и 58 орудий), которая, по его замыслу, должна переломить ход событий.

Но принятые меры должного эффекта не имели. Положение осложнилось тем, что в критический момент у Деникина вновь, как и под Царицыном, появились стратегические разногласия с Врангелем. В них явно просматривался политический аспект.

Врангель считал, что Добровольческую армию можно оторвать от Донской армии и отправить в Крым. Деникин понимал, что если принять такое решение, то Донская армия падет. Это обрекло бы на бедствия десятки тысяч больных, раненых и членов их семей[118].

Никакие стратегические соображения не оправдывали, по мнению Антона Ивановича, такого шага, и казаки могли расценить его как предательство. Даже военная целесообразность (а она в предложении Врангеля имелась) не заставила главкома нарушить обязательства перед донцами. Деникин не утвердил предложений Врангеля. Тот начал интриговать против него.

27 февраля 1920 года Антон Иванович писал жене:

«В ближайшие дни ударом двух конных групп — Павлова (мы) и Буденного (красные) определится исход операции. Если Буденный будет разбит окончательно, то весь большевистский фронт на Кавказе посыплется…»

Последний шанс. Только как его реализовать:

«Кубанской армии не существует. На фронт не идут, а с фронта бегут. Предали».

Правда, остались еще донцы и добровольцы:

«Сила и настроение Добровольческой и Донской армий: первой — 5, второй — 4».

Главкома не покидает тревога за успех его, теперь все более ясно, безнадежного дела. В душе обида, поиск виновных и… отработка отходных путей. Все это видно из того же письма Деникина жене:

«Живу в поезде, в мерзком Екатеринодаре. Голова трещит, мозг вянет, сердце болит. Проклятие гнусным людям, продавшим Россию, особенно кубанским демагогам и господам крайне правых взглядов.

Общий вывод для тебя: надеясь на благополучный исход, все же готовиться к эвакуации под английским покровительством».

Но, скорее всего, мы здесь наблюдаем минутную слабость Антона Ивановича. Ведь не твердокаменный он, в конце концов! А воевать надо. Тем более еще не все потеряно. Есть конная группа генерала Павлова…

В январе — феврале 1920 года даже в южных задонских и кубанских степях морозы стояли тридцатиградусные. Раненые и больные, лишенные самого примитивного ухода, гибли тысячами. Фронтовики жаловались:

«Всего опаснее — получить ранение. Сама рана — пустяки: перетерпишь. А вот когда месяцами станут возить по железной дороге, да положат вместе с тифозными, да станут морозить, да морить голодом, — вот тогда вряд ли выживешь…»

Очевидцы не скупятся на подробности.

«Скученные, заедаемые паразитами войска тают с невероятной быстротой. Творится нечто ужасное, не поддающееся описанию…»

Пытаясь сорвать наступление красных, начатое 19 декабря 1919 года, Деникин бросает навстречу Буденному конную группу Павлова, отборные, надежные полки. Есть надежда не только остановить, но и расшибить врага.

Генерал Павлов, принял решение идти по необитаемому левому берегу реки Маныч. Безлюдные степи, сильный мороз, отсутствие жилья… Роковую ошибку допустил деникинский военачальник! Корпус растаял: 12 тысяч шашек удивительно быстро превратились в 5,5 тысячи. Остальные, в том числе и сам Павлов и весь командный состав, были обморожены или же совершенно замерзли.

После этого рейда в снегах находили целые эскадроны застывших до остекленения лошадей и людей в полной боевой выкладке…

Одна из последних серьезных попыток Деникина погасить высокий наступательный порыв красных. Тщетно!

Накануне 1920 рокового в полководческой судьбе генерала Деникина года он лаконично в письме к жене охарактеризует свое положение:

«28 декабря 1919 года. На фронте по-прежнему: медленно отходим. Ростов и Новочеркасск не сдадим».

Ошибся Антон Иванович. 6 января 1920 года он напишет:

«Паникеры покидают Ростов. Правительство с Лукомским еще там. Бывшее Особое совещание ведет себя с достоинством, оставаясь в сумасшедшем Ростове, тогда как все „местные“ правительства удрали. Стою в Батайске, где буду всю операцию. Жил бы в Ростове, но там не будет отбою от паникеров».

Наступление красных привело к тому, что с занятием Ростова в январе 1920 года началась катастрофа ВСЮР. Красные продвинулись на главных направлениях на 400–500 километров. Были освобождены районы площадью 543 тысячи кв. километров с населением 27,7 млн человек — важнейшие для жизненного обеспечения Советской России. Белые потеряли пленными 61 тысячу человек, 2160 пулеметов, 1622 орудия, 19 танков, 27 бронепоездов, 20 самолетов, большое количество боеприпасов и всякого рода оружия.

Думается, у командующего Южным фронтом Егорова были весомые основания, чтобы заявить:

«Занятием Таганрога и Ростова фактически заканчивалась борьба с деникинщиной, ибо весь дальнейший период кампании

разделился на два самостоятельных объекта — борьба за Крым с очищением Правобережья и окончательное уничтожение белых сил, отходящих на Кубань».

Именно в этот момент жестокость с обеих сторон достигла кульминационной точки. И красные, и белые расширяют практику института заложников. Как явствует из донесений советской разведки, главком ВСЮР распорядился о взятии в качестве заложника в Одессе дяди Троцкого, а председатель Реввоенсовета Республики установил премии за каждого убитого казака.

Положение Деникина могло стать еще более сложным, если бы не помогли… красные части, взявшие Ростов. Среди них началось повальное двенадцатидневное пьянство и бесчинство по отношению к местному населению. Разложение особенно коснулось конницы Буденного, на что Троцкому с тревогой указывал Ленин. Не без основания командующий войсками советского Юго-Восточного фронта В. Шорин заявил:

«Конармия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах».

Порядок здесь был наведен только жесточайшими репрессиями.

Генерал Деникин, однако, не теряет веры в успех. В беседе с корреспондентом английской газеты «Таймс» заявляет, что неудачи временные, что он ни на какие мирные переговоры не пойдет, будет сражаться до конца.

Подобный оптимизм не имеет под собой никакой почвы.

Красные имели четырехкратное преимущество в штыках и совсем незначительно уступали деникинцам в саблях. Войска Южного фронта овладели главным оружием противника — высокой маневренностью частей и соединений. Моральный дух красных был значительно выше, несмотря на все эксцессы, как в Ростове.

В советских войсках проводились мероприятия по поддержанию высокого наступательного порыва. По данным разведки ВСЮР, красноармейцам упорно внушалась мысль, что армию Деникина надо не разбить, «ее надо уничтожить». Сталин в разговоре по прямому проводу с Орджоникидзе 25 октября 1919 года заявил, что в боях под Орлом нужно истребить лучшие полки белых. Такая целенаправленная работа приносила ожидаемые плоды: в политсводке политотдела 7-й кавалерийской дивизии о боевом и политическом состоянии дивизии от 17 февраля 1920 года отмечается, что, несмотря на большой переход, боевую обстановку, очевидную усталость, «все неудержимо рвутся вперед».

Молодая советская дипломатия хорошо сыграла на

конфронтации Деникина с Петлюрой и Польшей. Провела переговоры с Польшей о прекращении военных действий и «установила военно-деловой контакт с Петлюрой против Деникина». В итоге у Южного фронта появились дополнительные силы.

Неожиданную помощь красные получили и от меньшевистской Грузии.

Румыния повела себя так же. Оборонявшие Одессу войска Бредова пытались прорваться в Румынию, но были встречены огнем пулеметов, несмотря на то, что 20 января 1920 года Деникин дал телеграмму начальнику Румынской военной миссии с просьбой о пропуске через их территорию белых частей.

Подобное стратегическое положение обеспокоило союзников. Они попросили главкома ВСЮР откровенно высказаться относительно ситуации. Тот заявил: оборонительный рубеж — река Кубань. Поднимается казачество — наступление на север, нет — эвакуация в Крым. В то же время Деникин не ставил вопроса об эвакуации за границу в случае преждевременного падения Крыма, ибо боялся потерять материальную помощь Антанты. Союзники все больше сомневались в главкоме ВСЮР. Его разногласия с Англией и Францией обострились, на фоне военных поражений, до предела. Помощь союзников становилась пассивнее. Англичане до конца не сдержали обещания — оказать помощь флотом при эвакуации из Одессы 7 февраля 1920 года, и она была сорвана.

Вместе с тем в советском тылу положение было сложным.

«Железные дороги, — отмечали официальные советские источники, — совершенно разрушены противником. Между Красной Армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни провести эвакуацию, ни подвести пополнение, ни организовать санитарную помощь было невозможно».

Возникли у советского командования проблемы с Махно. Он, будучи в союзе с красными, отказался выступить на Польский фронт. Всеукраинский ревком объявил Махно вне закона. С середины января 1919 года между ним и советскими войсками началась жестокая борьба, длившаяся до октября 1920 года.

Особая усталость была присуща пехоте. Много сил и средств отнимали у советского командования мероприятия по преодолению последствий упоминавшегося выше разложения войск после занятия Ростова.

Ленин понимал, что ВСЮР могут еще оправиться, поэтому он поставил задачу: по-прежнему не ослаблять усилий на Южном фронте.

Деникин пытается переломить ситуацию. В начале 1920 года

он приказал прекратить все отношения с Грузией и безотлагательно выслать ее официальных представителей с территории ВСЮР, Черноморскому флоту — выйти к берегам Грузии и начать боевые действия.

Всем органам военной и гражданской власти был отдан приказ:

«Беспощадно карать сеющих смуту, бесполезным, жалким, малодушным людям по крайней мере молчать, чтобы не мешать работе честных и сильных духом».

Главком провел насильственную мобилизацию лиц до 35 лет, потребовал от Донского атамана расчистить тыл и повести борьбу с паникерами и клеветниками.

Он искренне верит в победу и не устает убеждать войско, что все происходящее на фронте «только тяжелый эпизод», который можно преодолеть. Для этого армии потребуется «напряжение сил и самочувствия, которое одухотворяло ее в самые тяжелые времена кубанских походов».

Были к этому у генерала некоторые основания: в обстановке всеобщей деморализации подобно «лучам света в темном царстве» поступали донесения:

«…Донесения отмечали доблесть славных добровольцев и рисовали такие эпические картины, что, казалось, оживало наше прошлое… Движение, например, в арьергарде полковника Туркула с Дроздовским полком сквозь конные массы противника, стремившегося раздавить и окружить его… При этом Турку л неоднократно сворачивал полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивая противника и нанося ему большие потери…» — свидетельствует генерал Деникин.

Да, пассионарии у русского народа были, есть и будут всегда! Но не всегда они своей жертвенностью приносили благо…

Антону Ивановичу только показалось, что вернулось былое время «Ледяного» похода. Его постигла неудача.

Аналитический ум генерала Деникина оказался в вакууме. Оторванный от реальных социально-политических событий в стране, он не осознал всю глубину внутренних процессов. *Народ повернул в сторону Советов,* а Красная Армия, обретая новые опоры и опыт, оказалась на несколько порядков выше во всех отношениях.

Усилия генерала переломить ход боевых действий в свою пользу оказались тщетными. 4 марта 1920 года он был вынужден отдать директиву об отводе войск за реки Кубань и Лабу и уничтожении переправ.

Начался последний этап трагедии А. И. Деникина как военачальника.

Красные заняли Екатеринодар.

25 марта 1920 года они захватили город Дербент. А до этого, 11 марта 1920 года, Добровольческий корпус, две Донские и присоединившаяся к ним Кубанская дивизии под легким напором противника самовольно оставили занимаемые позиции и направились сплошной массой на Новороссийск.

В это время в обреченном на сдачу и эвакуацию Новороссийске, где скопились почти 20 тысяч офицеров, ненависть против начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта Романовского достигла кульминационной точки. Дело дошло и до открытого обсуждения планов его убийства или предъявления Деникину ультиматума о его отрешении от должности.

Иван Павлович видел все. Он был прекрасно осведомлен об отношении к нему офицерской среды. Несколько раз он просил главкома сместить его, дабы разрядить обстановку. Однако Деникин неизменно отказывался. Мотив был один и тот же: он, Романовский, у него единственный человек, которому он во всем верит.

Г. Шавельский, последний протопресвитер армии и флота, попытавшийся убедить Антона Ивановича заменить начальника штаба для общего блага, получил такой же ответ:

— Не могу!.. Иван Павлович единственный у меня человек, которому я безгранично верю, от которого у меня нет секретов. Не могу отпустить его.

— Вы не хотите отпустить его. Чего же вы хотите дождаться? Чтобы Ивана Павловича убили в вашем поезде, а вам затем ультимативно продиктовали требования? Каково будет тогда ваше положение? Наконец, пожалейте семью Ивана Павловича! — пытался урезонить Деникина протопресвитер.

Главком, разбитый морально, так и не внял голосу разума. Что было в его власти, сделал полпред Англии Хольмэн: поезд ставки, стоявший на Каботажной пристани, оцепив колючей проволокой, взяли под охрану английские караулы с броневиком.

Антон Иванович сообщил Ксении Васильевне 17 марта 1920 года в письме следующее:

«В Новороссийске напряжение достигло предела. Но введением добровольческих частей и крутыми мерами порядок был сохранен до конца. Транспорты эксплуатировали; отстаивать позиции — трудно было заставить».

Конец был неизбежен и неотвратим.

«Новороссийская катастрофа» (так ее называли современники) продемонстрировала всю степень разложения войск и особенно тыла ВСЮР. По оценке Деникина, Новороссийск представлял собой в то время «военный лагерь и тыловой вертеп».

Войск было много, а судов для эвакуации мало. Началась паника.

Меры, принятые для наведения порядка, не смогли изменить ситуацию. Командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов заявил Деникину: моральное состояние войск, их крайне нервное состояние не дают возможности оставаться на позициях. Красные части почти без боя вошли в Новороссийск, что стало началом конца генерала Деникина.

И вот последний оплот Белого дела — маленький Крымский полуостров, где сосредоточилось все, что осталось от ВСЮР.

Деникин непосредственно стал командовать армией, которая была сведена в три корпуса (Донской, Добровольческий, Крымский), сводную кавалерийскую дивизию, сводную Кубанскую бригаду. Всего 35–40 тысяч бойцов, 100 орудий, до 50 пулеметов. Крымский корпус (5 тысяч человек) по-прежнему перекрывал перешеек. Главком поставил армии ближайшую задачу — оборона Крыма.

Деникина все более одолевала моральная и физическая усталость. Нервозность, потеря веры в дух войск, растерявших свои лучшие качества, смутная внутренняя и внешнеполитическая обстановка приводят его к крупным стратегическим и оперативно-тактическим просчетам…

Победные марши стихли быстро. В скором будущем Антону Ивановичу предстоит выпить до дна горькую чашу побежденного.

ГОСУДАРСТВО «ЦАРЯ АНТОНА»: ДИКТАТУРА

Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов.

Ф. Ницше

У шефа ОСВАГ, как всегда, важных дел невпроворот…

Когда на улице стало совсем темно, профессор Соколов наконец-то смог сесть за письмо эсеру Бурцеву в Париж. Тот уже в который раз просил дать объяснения, что за режим единоличной военной диктатуры установил генерал Деникин на юге России.

Соколов пишет, что действительно в руках главкома ВСЮР сосредоточена вся государственная и правительственная власть.

«Это режим военной диктатуры. Мы не произносим официально этого пугающего слова, но мы не боимся его и знаем, что оно отвечает существу вещей. Все мы, работники госаппарата, непоколебимо убеждены, что только в форме военной диктатуры мыслимо создание твердой власти…»[119]

Сомневаться не приходиться: режим, установленный Деникиным на подконтрольных территориях, имел налицо все признаки диктатуры, главным из которых можно считать право «veto», имевшееся у главкома ВСЮР при решении любых вопросов. Подлинные протоколы Особого совещания, хранящиеся в ГАРФ, буквально испещрены пометками генерала Деникина, отменявшими или существенно корректировавшими те или иные проекты документов[120]. Генерал Деникин соединил в одном лице военную и гражданскую власти.

Посредством единоличной военной диктатуры он мечтал построить новую модель государственного устройства, альтернативную большевистскому режиму. «Царь Антон», так его иногда величали в прессе белого юга России, видел в диктатуре созидательное начало. Весьма спорно… На белом юге России систематически нарушалась законность, царил произвол, хотя и были созданы институты судебной власти. Главком ВСЮР имел право утверждения и отмены приговоров судов, в первую очередь смертных.

Однако диктатура Деникина стремилась себя материализовать в мягких формах. Главком ВСЮР, судя по воспоминаниям профессора Соколова, понимая неподготовленность для роли диктатора, ввел обязательные

политические совещания по средам. На них обсуждались важнейшие текущие вопросы политики, отношения с союзниками и новыми государственными образованиями на территории бывшей империи. Именно здесь был выработан тезис о твердости власти в сочетании с требованиями просвещенного русского либерализма.

На совещаниях по средам присутствовала и Ксения Васильевна. Нет, конечно же, не в роли политического функционера: Антон Иванович нежно любил свою супругу, оказывая ей всяческое внимание, но не допускал и мысли, что она может вмешиваться в его дела. Через несколько лет Ксения Васильевна стала верной помощницей мужа в историко-литературных трудах. А пока она на правах приветливой хозяйки потчевала участников совещаний чаем и скромным угощением.

По собственному признанию, участия в общем разговоре, обычно носившим политический характер, Ксения Васильевна тогда не принимала: большинство гостей были старше хозяйки, и их интересы не затрагивали молодую женщину, ушедшую с головой в заботы о дочери. Центром семейной жизни Деникиных стала маленькая Марина. Кроме ближайших помощников, бывали у Деникиных в Екатеринодаре лишь графиня С. В. Панина, Н. И. Астров, М. М. Федоров, активные деятели кадетской партии и еще, быть может, два-три человека.

На территории, где действовал режим, издавалось более 100 газет и журналов. Многие из них позволяли довольно резкую критику политики диктатора, некоторые находились в открытой оппозиции к правительству — и не преследовались за это (за исключением запрещенных большевистских газет).

Единоличная военная диктатура генерала Деникина, как метко выразился Соколов, не была «в чистом виде». Антон Иванович постоянно лавировал в пестром составе социально-политических сил юга России, что толкало его на непоследовательные решения и наложило специфический отпечаток на политическую деятельность диктатора, у которого попросту отсутствовала четкая политическая программа.

Одна из наиболее значимых специфических особенностей заключается в том, что примерно до конца лета 1919 года Белому движению, лично генералу Деникину в качестве диктатора на юге России *существовала значительная общественно-политическая поддержка в различных социальных группах населения.* Это обобщение я сделал на базе анализа большого количества различных архивных документов и материалов, хранящихся в фондах Политической канцелярии Особого совещания[121]. Причем, и это необходимо подчеркнуть, многие из данных

документов подготовлены в качестве секретных и совершенно секретных. Следовательно, в них не было необходимости лакировать действительность.

Именно данная общественно-политическая поддержка способствовала в значительной степени достижению ВСЮР больших военных успехов. Но вскоре кредит доверия общественности был исчерпан.

Я не согласен с политизированной оценкой единоличной военной диктатуры, доминировавшей в советской историографии, как диктатуры буржуазно-помещичьей, объединявшей вокруг себя и кадетов, и октябристов, и отъявленных черносотенцев. Она якобы имела целью «реставрацию старых порядков и создание сильной армии, выражала чаяния капиталистов и помещиков». По моему суждению, для Деникина диктатура не была самоцелью. Ведь он считал ее временной мерой. Но в политизированной советской историографии данный аспект умалчивался.

А в зарубежной историографии существует другая крайняя точка зрения. Д. Футмен, У. Розенберг пишут, что деникинская диктатура была средством «правопорядка и справедливости». Это уж тем более не выдерживает критики.

В условиях такой неординарной диктатуры «царь Антон» ускоренными темпами строил свое государство… Его «столицу» он 26 июня перенес из Екатеринодара в Ростов. Устал от интриг кубанских «самостийников». Там правил атаман Богаевский, лояльно относившийся к Антону Ивановичу. В то время как члены Особого совещания осваивались на новом месте, главком перенес свою ставку в Таганрог. 21 июля он писал жене, все еще находившейся в Кисловодске:

«Таганрог — город скучноватый, но прелестный и тихий. Отдыхаешь душой после Екатеринодара.

Ездил в Ростов, где публика пожелала меня чествовать. Прочтешь в газетах. Ох, Асенька, когда же „капусту сажать“?..»

«Сажать капусту» явно некогда…

Деникин усиленно занимался вопросами государственного строительства на подконтрольных территориях. Особое внимание он уделял укреплению структур законодательной и исполнительной власти. Главный метод, который диктатор широко использовал, — реорганизация органов законодательной и исполнительной власти. Приказом от 15 февраля 1919 года он утверждает «Положение об Особом совещании при главнокомандующем вооруженными силами на юге России». В организационном отношении ОС принимает более стройный вид, 14 управлений охватили все сферы жизни на территории ВСЮР (см. Приложение 20).

Генерал укрепляет положение тем, что делает исключительно своей прерогативой назначение председателя Особого совещания, его заместителей, начальников управлений, отдела законов и пропаганды. Все решения Особого совещания утверждались главкомом.

Совещание совмещало законосовещательные и правительственные функции. Деникин понимал слабость такой конструкции, соответствовавшей «духу чистой диктатуры». Главным из недостатков он считал переплетение закона и правительственного распоряжения. Диктатор испытывал трудности при укомплектовании Особого совещания. Он старался единолично подобрать людей по деловым, а не по политическим качествам. Это было трудно.

Тогда главком пошел не по самому удачному пути. Все ключевые посты он стал, за редким исключением, замещать генералитетом, который, не имея опыта гражданского управления, отличался консерватизмом взглядов, безапелляционностью суждений.

Генералы-политики явно не могли на равных конкурировать с большевистскими политическими деятелями, которые, как совершенно справедливо заметил американский историк П. Кенез, провели годы в тюрьмах и ссылках, где «обдумывали революцию» и были намного опытнее офицеров, «воспитанных в духе пренебрежения политикой».

О ближайшем сотруднике диктатора генерале Абраме Михайловиче Драгомирове (сын знаменитого русского генерала Михаила Ивановича Драгомирова) современники язвительно замечали: генерал занял свой пост «по более чем странным традициям прежних петербургских военных канцелярий, считавших, что каждый окончивший Военную академию может с успехом занимать хотя бы должность акушера».

Деструктивность подобной системы была видна многим. Астров писал Деникину, что необходимо решительное разделение гражданской и военной властей:

«Военный генерал очень хорош на своем месте, но военные генералы, обращенные в чиновников и управителей, да еще в условиях Гражданской войны, как показывает опыт с Глазенапом, Кутеповым, Лоховым и многими другими, решительно недопустим».

Позже Астров в письме генералу Деникину от 28 декабря 1924 года заметит: Особое совещание всемерно способствовало реставрации старых методов управления, что «было убийственным» для дела Антона Ивановича.

Ведь таким стилем деятельности совещание придавало всей

системе диктатуры «облик злой и мстительной силы». Не случайно местные «правительства», по существу, были в оппозиции к этому органу.

Интересно, что барон Будберг, не владевший полной информацией о государственном строительстве на юге России, сделал между тем неординарное обобщение. Он записал в своем дневнике, что без опоры на прочное сочувствие населения ничего не сделать.

«Очень тревожен состав ближайших к Деникину кругов и административных верхов; слишком много фамилий, вызывающих воспоминания о непривлекательных сторонах недавнего прошлого; возникают опасения, что и там, как и у нас, ничего не забыли и ничему не научились…»

Чем сложнее становилось положение ВСЮР, тем менее эффективной становилась работа Особого совещания. Такое положение не могло удовлетворить генерала Деникина, и он подготовил «Наказ Особому совещанию» (декабрь 1919 года), которым очертил политический курс главкома ВСЮР.

«В связи с приказом моим сего года за № 175 приказываю Особому совещанию принять в основание своей деятельности следующие положения:

1. Единая, Великая, Неделимая России. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.

2. Борьба с большевизмом до конца.

3. Военная диктатура… Всякое давление политических партий отметать, всякие противодействия власти — и справа, и слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и навязывания.

Единение с народом. Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южно-Русской власти, отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти.

4. Внутренняя политика — только национальная. Русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников идти с ними. Ибо другая комбинация морально не допустима и реально не осуществима.

Славянское единение. За помощь ни пяди русской земли.

5. Все силы, средства — для армии, борьбы и победы. Всемерное обеспечение семей бойцов. Органам снабжения вставать, наконец, на путь самостоятельной деятельности, использовав все еще богатые средства страны и, не рассчитывая исключительно на помощь извне, усилить собственное производство.

Извлечь из состоятельного населения обмундирование и снабжение войск.

Давать армии достаточное количество денежных знаков, преимущественно перед всеми.

Одновременно карать беспощадно бесплатные реквизиции и хищение „военной добычи“.

6. Внутренняя политика.

Проявление заботливости обо всем населении без различия.

Предпринять разработку аграрного и рабочего закона, в духе моей декларации, также и закона о Земстве[122].

Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.) содействовать.

Противогосударственную деятельность некоторых из них пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами.

Прессе — сопутствующей помогать, несогласную — терпеть, разрушающую — уничтожать. Никаких классовых привилегий, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой или моральной.

Суровыми мерами за бунт, руководительство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи не пугать только, а осуществлять их при непосредственном вмешательстве Управления Юстиции, Главного военного прокурора, Управления внутренних дел и контроля. Смертная казнь — наиболее соответственное наказание.

Ускорить и упростить порядок реабилитации не вполне благополучных по большевизму, петлюровщине и т. д. Если была только ошибка, а к делу годны — снисхождение.

Назначение на службу — исключительно по признакам деловым, отметая изуверов и справа и слева.

Местный служилый элемент за уклонение от политики центральной власти, за насилия, самоуправство, сведение сче-тов с населением, равно как и за бездеятельность, не только отрешать, но и карать.

Привлекать местное население к самообороне.

7. Оздоровить фронт и войсковой тыл — работой особо назначенных генералов с большими полномочиями, составом полевого суда и применением крайних репрессий.

Сильно почистить контрразведку и уголовный сыск, влив в них судебный (беженский) элемент.

8. Поднятие рубля, транспорта и производства преимущественно государственной обороны. Налоговый пресс, главным образом, для состоятельных, а также для не несущих воинской повинности.

Товарообмен исключительно за боевое снаряжение и предметы, необходимые для страны.

Временная милитаризация водного транспорта с целью использования его для войны, не разрушая, однако, товарно-промышленного аппарата.

Облегчить положение служилого элемента и семейств чинов, находящихся на фронте частным переводом на натуральное довольствие (усилиями управления Продовольствия и ведомства военного снабжения). Содержание не должно быть ниже прожиточного минимума.

9. Пропаганде служить исключительно прямому назначению — популяризации идей, проводимых властью, разоблачению сущности большевизма, поднятию народного самосознания и для борьбы с анархией.

Генерал-лейтенант Деникин».

В «Наказе…» сохранена преемственность идей апрельской Декларации Добровольческой армии 1918 года. В документе налицо все ранее излагавшиеся взгляды Деникина. Но он не учел ситуацию военно-политического кризиса, в котором находились ВСЮР.

Главный парадокс заключается в том, что генерал Деникин вручил «Наказ Особому совещанию» за два дня до упразднения. Либерализм оказался негодной основой политического режима единоличной военной диктатуры. 16 декабря 1919 года главком ВСЮР вместо Особого совещания утвердил правительство под председательством генерала Лукомского. С учетом обстановки оно приобрело структуру, отличную от структуры Особого совещания (см. Приложение 21).

Новое правительство просуществовало недолго. 16 марта 1920 года уже в Крыму Деникин отдал приказ об упразднении Совета министров. Взамен Совмина главком поручил М. В. Борецкому организовать «сокращенное деловое учреждение, ведающее общегосударственными делами и руководством местными органами». Но руководить им не пришлось: вскоре он ушел в отставку.

Многие начинания генерала Деникина в совершенствовании государственной власти и управления блокировались мощнейшей бюрократической машиной.

Видный царский дипломат, работавший и в дипломатических структурах деникинского режима, Г. Н. Михайловский вспоминал, что главком был «замкнут в узком кругу своих». Правильно говорили, что «до Николая II можно было дойти проще, чем до Деникина».

Подтверждение подобного можно найти в воспоминаниях

митрополита Вениамина. Генерал Петровский, командир «Дикой дивизии», ничего лучшего не додумался, как приказать одному из местных священников отслужить «благодарный Господу Богу молебен» о даровании победы над «красной нечистью». И в ходе молебна учинил экзекуцию шомполами прихожан, которые, по данным генерала, якобы сочувствовали большевикам.

Все это митрополит Вениамин изложил генералу Деникину в официальном докладе, начав его приблизительно так:

«Церковь доселе знала молебны простые и молебны с акафистами. А теперь явился новый вид молебна — с шомполами».

Далее Вениамин писал:

«Описал все точно. Но ни малейшего ответа не получил, а я архиерей! Что же говорить о „маленьких людях“?»…

Бюрократия заботилась в первую очередь о своих узкокорыстных интересах, забывая даже о здравом смысле: в условиях катастрофической нехватки финансов управление торговли и промышленности Особого совещания вступило в ходатайство перед главкомом ВСЮР о назначении агента в Ост-Индию и выделении на это валютных средств.

Все правительства Деникина были заражены коррупцией, казнокрадством, взяточничеством. Не случайно в письме адмиралу Колчаку Антон Иванович сетовал, что худшие враги правительства — «собственные его стены».

Позднее в эмиграции из-под пера генерала Деникина выйдут поразительные по откровенности строки:

«Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом. Ничтожность жалованья и задержек в его получении были одной из причин этих явлений. Так, железнодорожный транспорт стал буквально оброчной статьей персонала. Поехать и отправить груз нормальным путем зачастую стало невозможным…»

Но правительство никаких мер не принимало. Взяточник не хотел бороться с себе подобным… У Антона Ивановича были все основания для жесткой констатации в своих «Очерках русской смуты»:

«Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких…»

Деникин пытался реформировать систему местной власти. По замыслу главкома, на местах должна была быть создана широкая сеть представительских демократических учреждений в качестве твердой опоры, чтобы в перспективе обрести всю полноту самоуправления. Система территориальной демократии должна была строиться *на территориальном, а не этническом принципе.*

Однако все попытки государственного строительства остались в форме нереализованных законопроектов: Добровольческая армия не пользовалась ни авторитетом, ни уважением.

Выборы местного самоуправления в октябре — ноябре 1919 года прошли крайне пассивно, особенно со стороны рабочих. В Харькове, например, явилось к избирательным урнам лишь 10,8 процента рабочих, имеющих право голоса.

Для охраны общественного порядка приказом главкома ВСЮР и постановлением правительства от 25 марта (7 апреля) 1919 года была создана государственная стража. Образцом для нее стала не столько прежняя полиция, сколько жандармерия. Командующий стражей (на этот пост был назначен генерал-майор Б. И. Никольский) получил права командира отдельного корпуса, одновременно числясь помощником начальника управления внутренних дел, а офицеры и рядовые чины считались состоящими в вооруженных силах.

Органами управления государственной стражей являлась и гражданская часть. Штаб ведал комплектованием, дислокацией и прохождением службы, гражданская часть (в ее составе была собственная контрразведка — особый отдел) занималась охраной порядка, предупреждением и пресечением преступлений.

Командиры губернских бригад государственной стражи имели ранг вице-губернатора. Города делились на части во главе с приставами и участки, за которые отвечали участковые надзиратели. В уездах учреждалась должность волостных надзирателей. Численный состав губернских бригад колебался от 2 до 4 тысяч человек. Всего же в штатах государственной стражи к осени 1919 года было 78 тысяч человек — немногим меньше, чем в действующей армии.

Несмотря на столь внушительные силы, власти были не в состоянии справиться с разгулом преступности. Это и немудрено, ибо в распоряжении налетчиков не было разве что танков. В свою очередь блюстители порядка вели себя порой ничуть не лучше бандитов. В мае 1919 года осваговская агентура сообщала:

«Из многих станиц и слобод поступают бесконечные заявления о недовольстве местной стражей. Местная стража грубо обращается с крестьянами и сидит на спине у населения, изо рта которого вырывает чуть ли не последний кусок».

Все та же старая болезнь деникинской администрации…

Из законотворческой деятельности Деникина в сфере государственного строительства отметим восстановление института гражданского брака, мировых судей. Генерал не согласился с отменой смертной казни за «посягательство на изменение существующего строя». На проекте закона он наложил

резолюцию, которая вносит ясность в его позицию по данному вопросу:

«Можно изменить редакцию. Но изменить репрессию (смертную казнь) совершенно невозможно. Что же — мелкоте смертную казнь, а главарям — каторга?»

Постановлением Особого совещания, утвержденном главкомом 30 июня 1919 года, регламентировалась деятельность следственной комиссии. Ей разрешалось на освобождаемых от красных территориях приговаривать к смертной казни за принадлежность к руководству советов, а рядовых их членов — осуждать до 20 лет каторги. Если содействие советам было несознательным, то предполагался срок тюремного заключения от 3 до 6 месяцев или штраф от 300 до 20 000 рублей.

Правда, раздавались голоса против введения смертной казни лишь только за одну принадлежность к большевистской партии.

Князь Г. Н. Трубецкой высказывался публично, что в «Совдепии 300 тысяч коммунистов». И если ввести смертную казнь, то это станет актом «не столько правосудия, сколько массового террора». Однако князя не услышали ни Деникин, ни его законодатели…

Деникин создал «Особую комиссию по расследованию злодеяний большевиков» (конец 1918 года) для «информирования союзников с целью доказать общественным и политическим кругам истинную сущность большевизма». Комиссия собрала много обличительных материалов, которые еще ждут исследования. Однако, бичуя большевиков, генерал всемерно пытается скрыть подобные действия в своем лагере. Он негодует по поводу того, что демонстрируется документальная хроника с вешанием и поркой.

Итак, государство «царя Антона» страдало всеми пороками царского режима.

На белом юге России, по данным контрразведки ВСЮР, одновременно действовало только 19 политических партий правой ориентации. Генерал Деникин пытался держаться вне партийных группировок.

Стремление диктатора встать над партиями — утопия: борьба не могла быть выиграна одной лишь армией даже при соответствующей поддержке союзников. Деникин был просто вынужден вступать во взаимоотношения с различными партиями и политическими организациями.

За принадлежность к большевистской партии диктатор вводит смертную казнь.

Жесткую линию проводил главком и в отношении эсеров, меньшевиков, других сторонников «третьего пути». Он отказался от помощи эсеров в организации агитации за политику

единоличной военной диктатуры. Не признал он и эсеровскую Уфимскую директорию. Деникин вообще негативно относился к социалистам всех направлений, революционные лозунги которых генерал назвал еще в 1917 году «словоблудием, шедшим из Петрограда». Антону Ивановича особенно задели слова Керенского: «Деникина не могут переваривать даже самые ярые русские консерваторы».

Однако в отличие от большевиков, социалисты не подвергались физическому уничтожению.

Не сложились у диктатора отношения и с крайне правыми монархистскими партиями и организациями, представлявшими большую силу. Для них главком ВСЮР был слишком демократичен. Но крайне правые вынужденно терпели Деникина, пытаясь сотрудничать.

Наиболее сложно и противоречиво складывались отношения главкома ВСЮР с партией кадетов. Кадетский Национальный центр на юге России представлял собой организованную политическую силу. В его состав в Екатеринодаре входило 109 человек, в том числе 27 руководящих кадетских деятелей. Кадеты взяли курс на поддержку диктатора.

В опубликованных за рубежом документах Астрова есть выписка из журнала заседаний членов ЦК партии кадетов от 15 декабря 1919 года за № 30:

«Одобрить попытку реформы Особого совещания в направлении концентрации власти».

Лидеры Национального центра вошли в состав Особого совещания, заняв ключевые посты.

Но не стоит преувеличивать влияние кадетов на Деникина, здесь прослеживается непоследовательность генерала. Реалии действительности заставляли его уходить от средней линии, так как, по его оценке, «вся постройка смещается вправо».

Деникин не стал консолидирующей силой в партийнополитической борьбе: проявилась узость политического кругозора, боязнь тесного взаимодействия с гражданскими партийно-политическими деятелями, недоверие к ним…

— Иван Павлович! Прочитайте мою телеграмму адмиралу Колчаку и выскажите мнение, — предложил главком начальнику штаба ВСЮР генералу Романовскому.

Тот углубился в чтение. Четким телеграфным стилем Деникин излагал основные направления своей политики, так хорошо известные Романовскому. Но вот лицо начальника штаба напряглось…

«Настоятельно предлагаю установить разграничительную линию в целях устранения двоевластия — Волга от Самары до

устья, далее форт Александр, Аральское море, восточная граница Бухары».

— Антон Иванович! Извините, несколько удивлен. Ведь вы признали высшую власть Верховного правителя России адмирала Колчака еще в январе 1919 года!

— Почему вы считаете, что здесь отказ от признания власти адмирала Колчака? Вы же помните, что я писал еще в конце 1918 года в Сибирь о том, что необходимо объединение ради скорейшего избавления десятков миллионов несчастных детей одной матери России, ибо только своими русскими силами мы сможем, скорее всего, достичь этого освобождения. Верховный правитель России заявил, что будет работать со всеми рука о руку, считая себя единственным начальником для запада и юга России. Адмирала Колчака признала как Верховного правителя России Антанта. Но в интересах борьбы с Совдепией я должен сохранять большую самостоятельность. Тем более дела у адмирала на фронте идут не столь удачно, в тылу разгорается мощное партизанское движение…

— Вы рассеяли мои сомнения, ваше превосходительство!

— Иван Павлович! Генерал Деникин прекрасно понимает, что сила наша в единении. Если бы это понимали многие наши деятели из Особого совещания… Амбиции, каждый мнит себя великим, боится потерять свою власть: еще бы, доходное место…

— Вам трудно придется в борьбе с этими штатскими, Антон Иванович! Согласен с вами, что они боятся объединения с адмиралом Колчаком из-за корыстных побуждений. Но я с вами!

— Спасибо, дорогой мой Иван Павлович! Прошу сейчас оставить меня одного. Есть о чем подумать…

Сложное дело — властью делиться… И такая проблема встала перед генералом Деникиным в 1919 году. Интересы движения настоятельно требовали объединения сил Деникина и Колчака.

Справка

Александру Васильевичу в 1919 году исполнилось 46 лет. Бритое лицо, лысый череп, темные глаза, сосредоточенный взгляд, волевой подбородок, невозмутимое выражение лица — все говорило об энергии и прямоте, которую ничто не могло поколебать. Колчак был самым блестящим офицером русского флота. Соединяя исключительные качества ученого и военного,

он в 1916 году стал контр-адмиралом, а затем и вице-адмиралом. Керенский, не питая к нему доверия как к человеку слишком непреклонному и принципиальному, отослал Колчака в Соединенные Штаты под предлогом решения какого-то чисто технического вопроса.

Получив известие о приходе к власти большевиков, Александр Васильевич решает вернуться на Родину, но в Токио меняет свое решение, узнав о переговорах, которые ведет ленинское правительство с целью заключения сепаратного мира. Он обращается к послу Великобритании в Японии:

— Я считаю долгом русского офицера выполнение обязательств по отношению к союзникам. Я хотел бы, если возможно, принять участие в сражениях на Западном фронте даже в качестве солдата сухопутных войск.

Лондон после проведенных с ним консультаций посчитал это расточительством и стал искать достойное применение способностям адмирала. Около года Колчак провел в бездействии, затем англичане, понимая, что во главе Сибири необходимо поставить компетентного и уважаемого военного руководителя, попросили его отправиться в Омск, где тогда находилась Директория. Обрадованные столь достойным пополнением члены Директории поспешили сделать Колчака военным министром.

По проведенной инспекции он принял решение: надо брать власть в свои руки. С Директорией все решилось 18 ноября. Офицеры арестовали двух министров-социалистов «независимого правительства», другие сами сложили свои полномочия, передав всю власть адмиралу. В тот же день Колчак провозгласил:

«1. Сегодня приказом Совета министров русского правительства я назначаюсь Правителем.

2. Сегодня я принимаю на себя командование всеми земными и морскими силами России».

Такая новость принесла Антону Ивановичу удовлетворение. Ведь его помыслы и дела подчинены благу России, а не чинам и наградам. Тем более Колчака в качестве верховного правителя России признала Антанта. Отсюда — финансирование. Колчак делится со всеми антибольшевистскими силами. Например, в феврале 1919 года он перевел генералу Н. Н. Юденичу, лидеру Белого движения на северо-западе России, на первое время 1 млн рублей, а в апреле 1919 года — еще 900 тысяч рублей.

Антон Иванович как военный профессионал понимал значимость объединения антибольшевистских сил и был не против подчиниться Колчаку. Что главком ВСЮР и сделал.

Правда, чисто формально. Огромные расстояния, заполненные во многих местах войсками противника, отсутствие оперативной связи между югом и Сибирью свели на нет благие намерения Антона Ивановича.

Но и после формального объединения генерал Деникин испытывал колебания. В его сообщении для печати отмечалось, что подчиненных отношений нет, но существует полное единомыслие между югом и востоком. Подчеркивалось, что в будущем объединении особенно будет учитываться «исключительная польза Русской державы, независимо от личных интересов».

Однако и у Колчака были сомнения по поводу соединения двух антибольшевистских сил. Судя по воспоминаниям близкого к адмиралу Р. Гайды, тот не очень хотел соединиться с Деникиным, заявив на совещании:

— Кто первый войдет в Москву, тот будет хозяином положения.

11 мая 1919 года барон А. Будберг записал в дневнике:

Адмирал, «по словам начальника штаба генерала Лебедева, не верит в силу и устойчивость армии Деникина, считает ее ненадежной».

Правда, сам барон усомнился в таких данных…

Кроме того, в военно-политическом бомонде «Колчакии», по свидетельству все того же Будберга, боялись соединения с южными формированиями белых по причине потери власти.

«Злые же языки ставки шепотом, чтоб не услышала контрразведка, — язвил в дневнике барон, — шипят, что главным козырем северного направления была возможность избежать соединения с Деникиным, ибо младенцы, засевшие на всех верхах, очень боятся, что тогда они все полетят и будут заменены опытными специалистами».

Начинался вариант басни Крылова: «Когда в товарищах согласья нет…»

В телеграмме главкома ВСЮР Верховному правителю России от 14 февраля 1919 года высказывается сожаление, что главные силы Колчака, по-видимому, направлены на север. Деникин убеждает адмирала в том, что соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской, Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана и, главное — «возможность прямой непрерывной связи востока и юга».

Но адмирал не реагирует на предложения Деникина и проводит свою стратегическую линию.

Среди политических и общественных кругов белого юга

России объединение Колчака и Деникина воспринималось неоднозначно. Последний премьер-министр Омского правительства В. Пепеляев записал в своем дневнике 6 июня 1919 года:

Колчак получил сводку, где сообщалось, что на юге России «есть два течения. Одно — за связь с Сибирью, другое — за самостоятельный поход на Москву».

Признанию Деникиным главенства Колчака резко противилось Особое совещание. Главные побудительные мотивы здесь довольно точно и самокритично вскрыл один из членов Особого совещания Астров — «страх потерять свое кресло».

Генерал Деникин, после всесторонней оценки обстановки, принял единолично, невзирая на сильное противодействие Особого совещания, решение: подчиниться Верховному правителю России, издав 30 мая 1919 года приказ главнокомандующего ВСЮР № 145. Очевидцы вспоминали, что он написал его на клочке бумаги во время банкета, организованного в честь главы британской миссии генерала Бригса, и прочитал вместо тоста:

«Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий, с верой, надеждой, любовью. Но наряду с боевыми успехами, в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой Единой России. Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею единым верховным командованием.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю Русского государства и верховному главнокомандующему русских армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант Деникин».

За банкетным столом воцарилось гробовое молчание. Публика была ошеломлена.

Воистину рыцарский поступок Антона Ивановича, на который адмирал Колчак отреагировал на это радостной телеграммой:

«С чувством глубокого волнения приветствую ваше патриотическое решение, продиктованное вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и

морального разложения великого народа — один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне вашим решением вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения Великой России да поможет вам Бог.

Верховный правитель адмирал Колчак».

«Объяснение в любви» двух крупных военно-политических фигур Белого дела состоялось. Но до гармонии взаимоотношений и благодатных плодов любви было далеко…

Мужественное решение Деникина вызвало положительный резонанс на юге России и за рубежом. Особое совещание, которое недавно столь рьяно сопротивлялось решению главкома, уже 3 июня 1919 года признало акцию генерала Деникина «исключительно полезной для России». Полную поддержку Антону Ивановичу высказали на своих заседаниях многие политические партии и общественные организации, их лидеры, частные лица.

Между тем адмирал Колчак неохотно делился с главкомом ВСЮР своими прерогативами. В сентябре 1919 года он назначает его заместителем верховного главнокомандующего, но не заместителем Верховного правителя. Колчак довольно неубедительно пытался мотивировать половинчатое решение тем, что назначение Деникина заместителем Верховного правителя России могло бы «вызвать кривотолки среди сибирских и оренбургских казаков».

Скорее всего кривил душой Колчак. В декабре 1918 года довольно оригинальная военно-политическая фигура Белого движения — Гришин-Алмазов, выступая на совещании в Яссах, привел слова атамана оренбургских казаков Дутова:

— Пусть приезжает Добровольческая армия. Я в ее распоряжении. Почти все оренбургские казаки также высказывались положительно — приход Добровольческой армии будет встречен «со священниками и хоругвями».

Гришин-Алмазов утверждал, что не только офицеры, но и рядовые казаки «окружали добровольцев ореолом святости».

Признание главкомом ВСЮР юрисдикции Верховного правителя России не сняло в то же время всевозможные разногласия между ними. Противоречия двух крупных военнополитических фигур лагеря белых наиболее рельефно проявились в сфере разделения властных полномочий.

Деникин, получив возможность действовать от имени Верховного правителя, подчеркнул: такое обстоятельство не может ограничить его диктаторские полномочия никакими представительными учреждениями, так как нет на то надлежащих

условий. Главком требовал от адмирала полной самостоятельности в области денежного обращения и земельной политики. Но тот особой телеграммой из Омска разрешил ему принимать соответствующие законы по любым вопросам, «не касающимся основных начал государственного устройства».

Только 19 ноября 1919 года, незадолго до своей гибели, адмирал Колчак предоставил главкому ВСЮР своей последней телеграммой «всю полноту власти на занятой им территории».

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ, ВОЛЬНЫЙ ТРУД

Клетка пошла искать птицу.

Ф. Кафка

Земля и воля… Вековые чаяния российского крестьянства. Сколько же крови за них пролилось! В Гражданской войне стержневым являлся аграрный вопрос. Кто смог привлечь в конечном итоге крестьянство на свою сторону, тот и одержал победу. Именно аграрный вопрос придал особый трагизм Гражданской войне на юге России.

Генерал Деникин глубоко осознавал: крестьяне — основной источник пополнения армии людскими ресурсами и продовольствием, они составляют огромную массу дееспособного населения. Без крестьянства успеха не добиться. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что к скорейшему разрешению аграрного вопроса диктатора подталкивали и союзники по Антанте. Словом, аграрная реформа не просто стучалась в дверь — она рвалась в государство «царя Антона».

Главком ВСЮР, приступив к подготовке аграрной реформы, столкнулся, как явствует из архивных документов, с мощным сопротивлением помещичьих кругов, боявшихся того, что новое законодательство будет основываться на принципе отчуждения земли у собственников. Тем не менее Деникин начал действовать решительно. В конце апреля 1919 года подготовил для Особого совещания предписание-декларацию по аграрному вопросу, где очертил контуры будущего законодательства.

«…Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому совещанию надлежит теперь приступить к разработке и составлению положений и правил для местностей, находящихся под управлением главнокомандующего вооруженными силами юга России.

Стране необходимо указать те начала, которые должны быть положены в основу этих правил и положений.

1. Обеспечение интересов трудящегося населения.

2. Создание укрепленных прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.

3. Сохранение за собственниками их прав на земли. При этом в каждой отдельной местности должен быть определенный размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной

частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, закрепляется на правах незыблемой собственности.

4. Отчуждению не подлежат: земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских или иных промышленных предприятий в последующих двух случаях — в установленных для каждой местности повышенных размерах.

5. Всемерное содействие землевладельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита, средств производства, снабжение семенами, живым и мертвым инвентарем и проч. Не ожидая окончательной разработки земельного положения, надлежит принять теперь же меры к облегчению перехода земель к малоземельным и поднятию производительности сельскохозяйственного труда.

При этом власть должна не допускать мести и классовой вражды, подчиняя классовые интересы благу государства.

Генерал-лейтенант Деникин».

В декларации был заложен «столь страшный для многих, — по характеристике А. И. Деникина, — принцип отчуждения». Он нашел впоследствии свое материальное выражение в Земельном положении.

Отчуждение земли — жесткая, но необходимая мера. Именно она могла вызвать симпатии у крестьян.

Декларация Деникина по земельному вопросу носила либерально-демократический характер. В ходе проведения реформ подразумевалось сохранение гражданского мира. В документе просматривалось влияние идей Столыпина. Но декларация не учитывала реалий Гражданской войны.

Серьезной ошибкой диктатора в проведении аграрной реформы явилось то, что он не использовал для пропаганды своих идей возможности прессы. В этом его упрекал, и вполне справедливо, Астров.

Как ни старался Антон Иванович, но пакет законов и нормативных актов, разработанный в свете декларации, был направлен на защиту интересов крупных землевладельцев. Это подтверждается оригинальными подсчетами главного редактора газеты «Парус» (Ростов-на-Дону) Пашехонова. В результате аграрной реформы из 82,5 млн десятин земли в России в руках крупных землевладельцев осталось бы 58 млн десятин, то есть крестьянство в лучшем случае получило бы 25 процентов земли.

Учитывая, что реформу планировалось провести в течение 7 лет, ежегодно в руки крестьян попадало бы лишь 2 процента земли. Это соответствовало обычному ее перераспределению в рамках торговых сделок.

Деникин проявил политическую дальнозоркость и наложил «вето» на такие проекты. Однако лучших проектов законов, благодаря лоббированию крупных земельных собственников, массе бюрократических проволочек, не появилось.

Осознав, что декларация и другие документы, разработанные в ее развитие, — мертворожденные акты, помещики стали самостоятельно восстанавливать частную собственность на землю, привлекая армию и резко повышая арендную плату. Именно привлечение армии во многом способствовало тому, что Деникин стал идентифицироваться многими крестьянами с реставрацией старого строя. Об этом диктатора предупреждали наиболее дальновидные политики.

И генерал осознал всю опасность ситуации. Он издал приказ № 2481 от 9 июня 1919 года, коим категорически запретил привлекать воинские части для решения спорных земельных вопросов. Одновременно главком подтвердил: «насильников с той и другой стороны буду привлекать к суду».

Видно по всему, что Антон Иванович пытался искренне проводить аграрную реформу в духе своей декларации, которая в полном соответствии с его внутренними убеждениями подразумевала сохранение гражданского мира. Деникин не являлся сторонником исключительно крупных помещиков. Он был готов в случае нарушения запрещения на привлечение армии к решению спорных земельных проблем, антизаконных действий привлекать виновных, вне зависимости от их социальной принадлежности, к ответственности.

В пользу крестьянства диктатор попытался провести интересную реформу, которая, при стечении прочих благоприятствующих обстоятельств, могла иметь позитивные долгосрочные последствия. 13 июля 1919 года он подписал приказ № 106 об отмене хлебной монополии. В нем, в частности, отмечалось:

«Невиданная по тяжести европейская война потребовала от нашей Родины чрезвычайных жертв в области хозяйственной и наложила на сынов ее небывалые в этой области ограничения… В области сельского хозяйства законом Временного правительства были введены хлебная монополия и твердые цены на хлеба. Двухлетний опыт показал, что закон этот, налагая огромные стеснения на сельского хозяина, не обеспечивает правильного и достаточного снабжения армии и неземледельческого населения

предметами продовольствия. В настоящее время на всем юге и юго-востоке России предвидится обильный урожай, способный дать значительные излишки для прокормления как неземледельческого населения хлебородной полосы, так и населения более северных, нехлебородных местностей по мере их последовательного занятия. Поэтому представляется уже ныне возможным хлебную монополию и твердые цены на хлеба отменить и установить снабжение армии и населения предметами продовольствия на началах свободной торговли».

Приказ № 106 давал основу для внедрения механизмов рыночной экономики на селе. Трезвые политики-прагматики из окружения Деникина, передовая общественность понимали, что только так можно ликвидировать негативные последствия рьяного проведения советской властью политики военного коммунизма в деревне, нашедшей яркое выражение в печально известной продразверстке.

Орган кадетской партии газета «Свободная речь» с одобрением отнеслась к отмене хлебной монополии:

«Заложен могильный камень той системе, которая, ведя свое начало от первьсх месяцев войны, характерна для экономической политики последних пяти лет. Провозглашен принцип свободной торговли, всенародно объявлен отказ от государственного регулирования… Отныне каждый может свободно покупать и продавать, каждый должен жить за свой счет и риск, нет больше места государственной опеке над жизнью всех граждан».

В советской историографии отмена Деникиным хлебной монополии расценивалась, естественно, «в духе марксизма-ленинизма», исключительно как «уступка помещикам и кулакам», при том что малоземельные бедняки оказывались страдающей стороной.

Однако все здесь сложнее. Главком ВСЮР посчитал, вводя хлебную монополию, что в той сложившейся обстановке для гарантированного снабжения армии продовольствием и фуражом предполагалось разработать временную систему обязательных поставок продовольствия фронту — «военный сбор». В упомянутом выше приказе Деникина отмечалось следующее:

«Так как восстановление нормального торгового аппарата требует некоторого времени, то, пока этот аппарат еще не налажен, необходимо в целях обеспечения армии продовольствием и фуражом установить особые мероприятия для быстрого сбора хлеба в размере не свыше 5 пудов с каждой десятины земли соответствующими растениями (то есть зерновыми и зернофуражными культурами. — Г. *И.) и за плату, заранее в законе определенную».*

Вот и появилась продразверстка по-деникински. Конечно, на белом юге России выметания зерна под метлу из скудных крестьянских амбаров не творилось. Тем не менее Деникин применил по отношению к крестьянству «силовой прием». В итоге были во многом нивелированы его оригинальные замыслы по внедрению рыночных механизмов в аграрный сектор экономики белого юга России.

Реалии Гражданской войны и дальше толкали Деникина к непопулярным решениям. Учитывая, что армия нуждается в бесперебойном снабжении, диктатор в приказном порядке заставляет крестьян засеивать землю. И столкнулся с проблемой самозахвата земель.

Тогда он приказал: собранный урожай делить поровну между самозахватчиком и бывшим землевладельцем; волостным старшинам организовать уборку захваченных земель; если владелец не объявится, то захватчику отдать 50 процентов урожая, а вторую половину — в пользу государства; по требованию землевладельца выплачивать стоимость половины урожая.

Недовольство вызвал закон, согласно которому при нормальных арендных отношениях за аренду взималось с урожая 1.3 хлеба, 1/2 трав, 1/6 корнеплодов[123]. Не сняла напряжения и отмена постановления Временного правительства об ограничении земельных сделок, что породило, с одной стороны, спекуляцию землей, с другой — резкие конфликты между хозяевами и «самозахватчиками».

Причем в районах, освобожденных от Красной Армии, Деникин проводил свою линию особенно жестко. Земля же там была поделена по большевистской модели. Поэтому действия белых вызывали повышенное недовольство крестьян.

Крестьянство перешло к вооруженному сопротивлению. Во многом прав Савинков, писавший Врангелю, что Деникин восстановил против себя крестьян, то есть «самое Россию».

«Коленопреклоненные, с пением „Христос Воскрес“ встречало крестьянство его добровольцев, и он доходил до ворот Москвы. Как провожали его? За ним шли помещики, исправники, губернаторы, контрразведка, то есть старая царская власть».

Вывод ясен: генерал не имел четкой программы аграрной реформы.

Небезынтересная деталь: Ленин мог позволить крестьянам захватывать земли, а Деникин — нет, так как он пользовался активной поддержкой консерваторов, среди которых было немало помещиков, поэтому крестьяне видели в его политике возможность для помещиков восстанавливать собственность на

землю в дореволюционных пределах, а помещики считали, что диктатор пытается сыскать расположение крестьян.

Деникин осознал: аграрная реформа провалилась де-факто. Спасти положение могла только бесплатная раздача земли крестьянам, о чем ему говорили наиболее дальновидные политики, в частности Б. Энгельгардт. Однако генерал понял и то, что правые круги не позволят это осуществить. Позднее Деникин пришел к выводу, что проведение радикальной аграрной реформы не реально. Не было ни идеологов, ни исполнителей.

Почему же не смог Антон Иванович, хотя и попытался, снискать себе лавры Столыпина?

На белом юге России в тот момент сложились исключительно запутанные отношения собственности, то есть краеугольный камень социума был непрочным. А главком ВСЮР не обладал тем политическим опытом, как его противники — Ленин и Троцкий, чтобы сориентироваться в той ситуации и почерпнуть материал для принятия более целесообразного решения.

Деникин столкнулся с жестким противодействием правящих кругов, в первую очередь крупных помещиков. Им его аграрная реформа была, собственно говоря, ни к чему. Крупные помещики желали все оставить по-старому. Их сиюминутные интересы взяли верх над здравым смыслом. Высокую цену за свой корпоративный эгоизм заплатили они в скором будущем советской власти…

Генерал проявлял, выступая в роли главного реформатора а-ля Столыпин, непоследовательность. Да и надежных исполнителей замыслов у него под рукой не оказалось.

В силу вступило действие парадокса: чем глубже старался проводить диктатор аграрную реформу, тем жестче становилось противодействие ему… со стороны крестьянства. Такую землю и волю, которую предлагал им Деникин, они из его рук брать не хотели.

Антон Иванович понимал, что без решения рабочего вопроса нечего думать об успехе Белого дела. Он владел информацией о том, что положение пролетариата тяжелое: безработица, прогрессирующая инфляция, резкие скачки цен. В феврале 1919 года зарплата рабочих первой категории в Макеевском районе составляла: у мужчин — 7–9, у женщин — 4–5 рублей в день. В Царицыне рабочие получали от 10 до 30 рублей в день, в то время как суточная потребность одного едока равнялась 52 рублям. В Киеве зарплата в сентябре 1919 года составляла около 45 рублей, а черный хлеб стоил 8–9 рублей, белый — 12–14, масло и сало — 30–60 рублей за фунт. В сентябре 1919 года в Одессе насчитывалось 40 тысяч безработных. Наиболее тяжелое положение сложилось в Донбассе, где зарплата рабочего

составляла 1/8 прожиточного минимума семьи.

Данные обстоятельства способствовали росту враждебного отношения рабочих к Добровольческой армии. Необходимо было срочное законодательное решение, чтобы как-то переломить ситуацию. В начале апреля 1919 года главком послал в Особое совещание декларацию по рабочему вопросу, где изложил основы рабочего законодательства.

«Русская промышленность разрушена совершенно, чем подорвана государственная мощь России, разорены предприятия и лишены работы и хлеба миллионы рабочего люда.

Предлагаю Особому Совещанию приступить немедленно к обсуждению мер для возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв в основу следующие положения:

1. Восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов.

2. Установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства.

3. Повышение всеми средствами производительности труда.

4. Установление 8-часового рабочего дня на фабрично-заводских предприятиях.

5. Примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникших между ними споров (примирительная камера, промысловые суды).

6. Дальнейшее развитие страхования у рабочих.

7. Организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках и заводах, и в мастерских, улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса.

9. Всемерное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятию других мер для достижения той же цели (посреднический контракт по найму и прочее).

К обсуждению рабочего законодательства надлежит привлечь представителей как от предпринимателей, так и от рабочих. Не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики по мере возможности принять эти основные положения и, в частности, оказать государственное содействие к обеспечению рабочих и их семейств предметами первой необходимости за счет части заработка.

Генерал-лейтенант Деникин».

Перед нами документ, где главная идея — достижение классового мира.

Необходимо подчеркнуть, что и Донской войсковой круг поддержал диктатора, приняв общую Декларацию по рабочему вопросу.

Антон Иванович энергично пытался претворить свои идеи. Но допустил ошибку, не выдав четких ориентировок ОСВАГ старшим военачальникам ВСЮР, а те не могли дать исчерпывающих ответов рабочим на интересующие их вопросы. Диктатор пытался установить контакт с профсоюзами путем личного общения с лидерами, выступлений на рабочих собраниях. Он проводил мысль, что настоящий закон и порядок будут установлены только после победы над большевизмом и установления в стране подлинного «народоправства». А пока заверял рабочих, что сделает все от него зависящее для облегчения их участи.

Главком пытается оградить рабочих от политики, стараясь акцентировать внимание на экономических вопросах. В первое время эта тактика принесла успех. Его авторитет в рабочей среде рос. В сентябре 1919 года диктатор получил телеграмму от рабочих трамвайного парка города Киева, где выражалась «благодарность вождю за его подвиг на благо русской земли»[124].

Но со временем, когда рабочие увидели, что декларация не претворяется в жизнь, авторитет Деникина начал резко падать. А как же декларация могла не оставаться «бумажным тигром», если охрана труда, 8-часовой рабочий день, государственный контроль над производством гарантировались диктатором… безработному?

Не помогали и такие меры, как постановление Особого совещания о запрещении домовладельцам повышать квартплату больше чем вдвое от довоенного уровня. Главком все чаще стал получать информацию спецслужб о недовольстве рабочих ходом реформы.

Окончательное же падение авторитета генерала обусловилось тем, что рабочих, которые выказывали сочувствие большевикам, подвергали жестоким репрессиям. Сохранился оригинальный документ, согласно которому начальник военно-дорожного отдела штаба ВСЮР отдал распоряжение об увольнении и предании суду рабочих «за причастность к большевизму». Более того, генерал не смог предотвратить самочинные расстрелы членов профсоюза, которых ОСВАГ классифицировал как «далеко не большевистского толка».

Деникин, как реформатор в рабочем вопросе, не хотел прислушиваться к реалистичным советам своего окружения, если они хоть в чем-то расходились с его концепцией. Он отверг

разумное предложение заместителя начальника ОСВАГ Энгельгардта — послать вагоны с хлебом с надписью «Хлеб для рабочих» в каменноугольные районы, где положение было наиболее критичным.

Адекватной реакцией пролетариата стало «тяготение к большевизму», о котором ОСВАГ сообщил диктатору в октябре 1919 года. Начались политические забастовки и вооруженное сопротивление. И теперь положение уже не смогли спасти полумеры типа введения в Киеве мизерных пособий по безработице.

Примерно к сентябрю 1919 года, когда военный успех еще был на стороне белых, настроение пролетариата в тылу Деникина стало благоприятным для красных.

Их разведка прогнозировала, что можно рассчитывать на «вооруженное сопротивление против белых»[125].

Прогноз оправдался.

Почему же Антон Иванович не смог осуществить мечту о гармонии интересов работодателей и рабочих?

В его распоряжении имелось ограниченное количество ресурсов и финансирования на восстановление промышленности. В силу ряда объективных и субъективных причин не смог Деникин обуздать инфляцию и рост цен — значит, не мог и повысить зарплату пролетариату.

Все та же непоследовательность Деникина, его нежелание прислушаться к реалистичным предложениям наиболее дальновидных политиков. И конечно же, волна репрессий против рабочих, и не только тех, кто сочувствовал большевизму, потопила авторитет генерала-реформатора в невинно пролитой крови.

Итак, решение рабочего вопроса Деникиным не состоялось…

СЕПАРАТИЗМ И ИНТРИГАНСТВО

Действие рождает противодействие. Кто стремится к многому, тот теряет. Кто бьет, тот будет битым.

Лао-Цзы

«Царь Антон» попал *под* пресс навалившейся на него тяжелой обязанности построения отношений с казацкими государственными образованиями и Украиной. Еще один социально-политический ухаб, где он мог сломать себе шею.

«История никогда не простит нам, если мы твердо и самоотверженно не будем защищать русское достояние от местного сепаратизма и внешних захватов» — такую резолюцию наложил Деникин на одном из документов Особого совещания.

Его кредо по национальному вопросу столкнулось, однако, с сильным казацким сепаратизмом.

После ухода в отставку атамана Краснова отношения диктатора с Доном потеряли былую остроту. Новый атаман генерал Богаевский безоговорочно признавал юрисдикцию главкома ВСЮР. А тот неоднократно заверял, что не будет покушаться на казачьи вольности. Круг больше волновала проблема взаимоотношений казаков и иногородних.

Деникин с большим трудом и терпеливостью привел взаимоотношения Дона и правительства юга России к такому состоянию, когда, с определенной долей условности, можно было говорить об известном объединении. По крайней мере, была восстановлена деятельность правительствующего сената на территории ВВД и ВСЮР; объединены денежные единицы, управление железной дорогой и санитарная часть. Круг согласился на учреждение центрального банка, но данное мероприятие не было доведено до конца.

В военном же отношении все оставалось по-старому. Донская армия лишь оперативно подчинялась главкому ВСЮР, что создавало трудности. А из-за проигранных сражений отношения генерала Деникина с Доном ухудшались соответственно изменению обстановки.

Касательно отношений Деникина с Тереком заметим, что они складывались значительно проще, так как казачья местная власть постоянно была озабочена борьбой с чеченцами. Им требовалась поддержка главкома. Терские же конные дивизии и пластунские

бригады входили в состав ВСЮР.

Наиболее сложно и драматично складывались для диктатора отношения с Кубанью. В условиях единоличной военной диктатуры они все чаще принимали антагонистический характер, хотя диктатор в область внутренних отношений и местного законодательства Кубани не вмешивался. Где же здесь «горячие точки». Антон Иванович полагал, что их несколько: освобождение Кубани от власти главкома ВСЮР; создание своей армии; экономическая блокада Кубани.

В начале 1919 года отношения Деникина с Кубанью находились в состоянии неустойчивого равновесия. Рада даже пыталась пресекать враждебные выпады против Добровольческой армии. 10 января 1919 года была, к примеру, оштрафована на 5 тысяч рублей газета «Кубанский край» за материалы, дискредитирующие Добровольческую армию через искажение фактов. Но вскоре, по инициативе рады, отношения стали ухудшаться. Кубанские политики апеллировали к Антанте с просьбой признать Кубань суверенным государством.

Катализатором резкого ухудшения отношения противоборствующих сторон послужило убийство в Ростове 14 июля 1919 года председателя краевой рады Н. С. Рябовола, жестко выступавшего против Деникина. Убийцу не нашли, но огульно обвинили Добровольческую армию.

Начала набирать обороты антиденикинская истерия. По докладам ОСВАГ, казаки даже собирались «брать винтовки и побить добровольцев». Законодательная рада постановила принять ряд мер: закрыть все газеты, выступавшие против нее, а редакторов выслать из пределов края; закрыть все отделения ОСВАГ на территории Кубани, а агентов выслать из Кубани; гарнизон Екатеринодара передать в надежные руки и составить его из верных частей; все гарнизоны в крае составить из кубанских частей.

Острота таких взаимоотношений обострялась неспособностью кубанских политиков решать сложные социально-политические проблемы. В частности, установление справедливых отношений между казаками и иногородними. Еще в 1918 году после взятия Екатеринодара Деникин узнал о том, что Кубанская рада развернула кампанию по огульному обвинению в большевизме иногородних. Из 770 арестованных 508 оказались иногородними, а вина их заключалась в захвате казачьих земель. Но ведь по таким основаниям в разряд большевиков можно было бы отнести после 1917 года до 95 процентов всех крестьян России. Нагнетание напряженности достигло таких пределов, что на заседании рады предлагалось выселить иногородних, а один

депутат предложил их даже уничтожить.

В общей истерии образ врага приобрел конкретные контуры — Добровольческая армия.

А между тем антидобровольческая, антиденикинская истерия развивалась по восходящей. Она, по оценке моего героя, начала принимать угрожающие размеры.

Главком ВСЮР решил нормализовать положение, не применяя силу. Начальная точка отсчета здесь — выступление генерала на съезде представителей казачества и командования, где он поставил вопрос ребром: «С Россией идет казачество или против?»

Диктатор апеллировал и к общественности Кубани. Но это пользы не принесло.

В июле 1919 года правящие круги Кубани совершили беспрецедентный акт, в корне изменивший их отношения с главкомом. Был подписан договор между правительством Кубани и меджлисом тюркских народов. Казачьи войска передавались в распоряжение меджлиса, а Терское войско обрекалось на гибель. Кубань фактически вышла из состава России. Имя этому акту — измена.

Генерал Деникин с таким поворотом дел смириться не мог. Узнав в октябре 1919 года о договоре, он начал решительные насильственные действия — так называемое «Кубанское действо».

Главком включает Кубанскую область в тыловой район Кавказской армии генерала Врангеля, предоставив командующему широкие полномочия для «пресечения преступной агитации в Екатеринодаре». 12 главарей «самостийников» арестовываются и по приказу Деникина высылаются за границу, а А. И. Калабухов, подписавший договор, казнен по приговору военно-полевого суда. Атаман Филимонов ушел в отставку.

Но «Кубанское действо» еще раз показало: Деникин не сумел использовать мирные возможности разрешения конфликта, не задействовал здесь положительный потенциал атамана Филимонова, занимавшего конструктивную, центристскую позицию по отношению к политике диктатора. Вновь проявилась нетерпимость генерала к демократическому учреждению, коим являлась рада.

Победа Деникина — временная. Чем сложнее становилось положение на фронте, тем активнее противостояли ему кубанские «самостийники», о чем генералу с тревогой все чаще докладывало ОСВАГ. Рада стала вынашивать планы замирения с красными. И прав экс-атаман Филимонов, утверждавший позже в эмиграции, что расправа главкома с радой не сняла противоречий, что и стало одной из причин его поражения.

Чрезмерное упование на силовые методы, даже в условиях Гражданской войны, не всегда приводит к достижению поставленных целей, что и доказал Деникин своей политической деятельностью в сфере построения отношений с казацкими государственными образованиями.

Не последнюю роль сыграли здесь отрицательные личные качества генерала. Диктатор не желал прислушиваться к советам дальновидных политиков о необходимости выработать более гибкую тактику в национальном вопросе.

Вот так, внутренний разлад между белыми великорусскими центристами и сторонниками казачьей автономии в значительной степени определил исход Гражданской войны. Не сумев превратить казаков в истинных союзников по антисоветской борьбе, не найдя разумных компромиссов между своей линией на Великую, Единую и Неделимую Россию и стремлением к казацкой независимости, Деникин в конечном итоге проиграл.

Сложно складывались отношения генерала Деникина и с Украиной. Он вел боевые действия с Петлюрой, который стоял на националистических позициях, что не вписывалось в политическую концепцию диктатора. По мере освобождения ВСЮР украинской территории от большевиков и петлюровцев, возникала настоятельная необходимость определить политическую линию в отношении Украины. В августе 1919 года вышло в свет «Обращение главнокомандующего к населению Малороссии»:

«К древнему Киеву, матери городов русских, приближаются полки в неудержимом стремлении вернуть русскому народу утраченное им единство, то единство, без которого великий русский народ, обессиленный и раздробленный, теряя молодые поколения в братоубийственных междоусобиях, не в силах был бы отстоять свою независимость, — то единство, без которого неутолима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда Север и Юг, Восток и Запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область, без которого не создалась бы могучая русская речь, в равной доле сотканная усилиями Киева, Москвы и Петрограда. Желая обессилить Русское государство прежде, чем объявить ему войну, немцы задолго до 1914 года стремились разрушать выкованное в тяжелой борьбе единство русского племени.

С этой целью ими поддерживалось и раздувалось на юге России движение, поставившее себе цель отделение от России ее девяти южных губерний под именем „Украинской Державы“. Стремление отторгнуть от России Малорусскую ветвь русского народа не остановлено и поныне. Былые ставленники немцев — Петлюра и

его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают и теперь совершать свое злое дело: создание самостоятельной „Украинской Державы“ и борьбы против возрождения Единой России. Однако же от изменческого движения, направленного к разделу России, необходимо совершенно отметать деятельность, внушенную любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной старине и его местному народному языку. Ввиду сего в основу устроения областей Юга России и будет положено начало самоуправления и децентрализации при непременном уважении к жизненным особенностям местного быта.

Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях, присутственных местах и суде — по-малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие, могут быть учреждаемы уроки малорусского народного языка в его классических образцах. В первые годы обучения в национальной школе может быть допущено употребление малорусского языка для облегчения учащимся усвоения первых зачатков знания. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати».

«Обращение…» подвергалось атаке с двух сторон: русские круги критиковали за разрешение украинского языка, а украинская интеллигенция требовала большей украинизации просвещения.

Украинские социалисты, по оценке Деникина, использовали «Обращение…» для «самой отчаянной агитации против южной власти и всех москалей».

Генерал Деникин попал в своеобразные политические ножницы. Их можно было попытаться ликвидировать через поиск разумного компромисса. Вряд ли он смог найти точки соприкосновения с Петлюрой, которого просто презирал. Но с представителями интеллигенции можно было бы попытаться установить более плотный контакт.

Не случилось…

В вопросе централизма диктатор оставался на жестких позициях. После взятия Харькова он заявил, что борется за Единую, Великую и Неделимую Россию, никакие сепаратные стремления не могут быть допустимы. Главком предупредил, что будет преследовать «украиноманию» неукоснительно, имея в виду попытки создания самостоятельного государства.

Узел противоречий завязывался все туже…

«Врангель стал крайне враждебен по отношению ко мне. Имей в виду», — написал Антон Иванович жене.

Действительно, к началу 1920 года взаимоотношения Деникина и Врангеля обострились до предела, что совпало по времени с периодом крупных военных неудач главкома ВСЮР, явившихся прологом к отставке.

Деникин и Врангель каждый по-своему — патриоты России. Но конфликт между ними был неизбежен — слишком большая разница в характерах, темпераментах, поведении, жизненных принципах.

Врангель — красавец, потомственный дворянин, офицер, светский лев, привыкший к власти и повиновению, способный дипломат, лощеный циник, который мог ради своей цели перешагнуть через дружбу и прошлые заслуги.

А рядом Деникин с неброской внешностью, угловатый, скупой на слова и похвалу, прочно придерживающийся традиционной морали, хранящий узы дружбы и товарищества, идеалист-романтик, глубоко переживающий любое разочарование.

Врангель был искусным интриганом. Стратегические разногласия с главкомом он перевел в политическую плоскость. Намеренно предавал широкой гласности конфликты с Деникиным. Пытался тайно склонить на свою сторону крупных военачальников, не прочь был вбить клин в отношения Деникина с донцами.

Шансы во врангелевской интриге против Деникина возросли после «новороссийской катастрофы», так как авторитет главкома ВСЮР катастрофически упал.

Антон Иванович глубоко переживает такую борьбу, понимая, что она усугубляет и без того тяжелую ситуацию.

В одном из неопубликованных писем генерал отмечает, что ему тяжело говорить о вражде с бароном, что она вообще «на потеху большевикам».

Думаю, что Деникин искренен, когда отмечает, что у него тяжело на душе, так как кругом идет борьба за власть, которая его обременяет.

Первое время Деникин не обостряет отношения с Врангелем. Он пытается изолировать барона от активной деятельности. А Врангеля, как считал Астров, было опасно оставлять без дела, ибо в таком случае тот становился «источником тыловой фронды» и опасной интриги. Его необходимо было занять делом, а то у барона появился избыток времени, что позволило ему давать многочисленные интервью с жалобами на то, что ему не дают

работать на пользу дела.

И вообще, Врангель расценил нежелание Деникина принимать в отношении его жесткие меры как слабость. Барон при поддержке генерала Лукомского начинает активную атаку на Антона Ивановича. Тем более что Деникин жестко не отреагировал на письма-памфлеты Врангеля, в которых главком всемерно дискредитировался. Чего только, например, стоит такое утверждение из памфлетов Врангеля: «Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты…»

Явная химера! Видимо, прав генерал Махров, вспоминавший, что в конфликте с бароном Деникин «проявил себя долготерпимым».

А тут еще восстание капитана Орлова в Крыму.

Справка

Капитан Орлов был неординарной личностью. Прямо со школьной скамьи он ушел в армию, воевал в составе 60-го пехотного полка, был награжден орденом Святого Владимира и Георгиевским оружием. В 1918 году при правительстве Сулькевича в Крыму являлся инициатором создания общества взаимопомощи офицеров, под маркой которого действовала нелегальная офицерская организация, объединявшая до 2000 человек. После прихода добровольцев на основе организации был создан Симферопольский офицерский полк. Орлов участвовал в карательных операциях против партизан в Крыму, затем в Северной Таврии, а затем в Закаспийской области. Однако на фронт он не спешил.

Сущность «орловщины», по оценке Деникина, есть протест молодого офицерства против разложения тыла. Орлов хотел захватить власть в целях наведения порядка. Небезынтересно, что его восстанием воспользовалось большевистское подполье. Но этот «бунт на корабле» не имел успеха из-за отсутствия четкой политической программы, широкой социальной базы и был подавлен почти бескровно.

Для главкома ВСЮР восстание стало серьезным ударом по без того уже основательно пошатнувшемуся престижу. В общественном мнении «орловщина» чуть ли не обрела ореол восстания революционного офицерства против правых генералов. Врангель попытался поддержать Орлова, чтобы извлечь пользу в борьбе с Деникиным. Тем более повстанец заверил барона в своей

преданности. Поняв, что ставка на него не оправдывает себя, барон дистанцировался от Орлова, призвав его телеграммой во имя блага России подчиниться начальникам.

После подавления восстания главком, видя, что Врангель не прекращает активной борьбы против него, группирует вокруг себя генералов-союзников (генералы Лукомский, Шатилов, Слащев), предпринимает решительные действия. Подписывает 18 февраля 1920 года приказ об отставке первых двух из вышепоименованных генералов. Через английских представителей главком уведомляет Врангеля, что его присутствие в Крыму нежелательно. Тот уезжает в Константинополь. Между ними начинается переписка с взаимными упреками и оправданиями.

Врангель: «Вы видели, как таяло ваше обаяние и власть выскальзывала из ваших рук, цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти…

Русское общество стало прозревать… Все громче называются имена вождей, которые среди всеобщего падения нравов остаются незапятнанными… Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все.

Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая вождями, примером своим развращающим войска, такая армия не могла воскресить России…»

Деникин: «Милостивый государь Петр Николаевич, ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжелый момент, когда мне приходится напрягать все душевные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены…

Если у меня и было некоторое сомнение в вашей роли в борьбе за власть, то письмо ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала вы делаете все, что можете.

Когда-то во время тяжкой болезни, постигшей вас, вы говорили Юзефовичу, что Бог карает вас за непомерное честолюбие. Пусть он теперь простит вас за сделанное вами русскому делу зло».

Врангель, написав письмо, тут же распространил его копии как в Севастополе, так и в Константинополе…

Деникин станет ждать… 1926 года, чтобы дать публичный ответ. Он будет следующим:

«История сделает свои выводы (из нашего поражения). Она будет судить наши поступки, принимая в расчет обнищание страны и общую деградацию нравов; она должна будет произнести свой суд и над теми, кто несет ответственность за происшедшее.

Ответственность правительства, которое не смогло обеспечить существование армии, командующего, не способного удержать в узде своих подчиненных, военачальников, не сумевших — или не захотевших — установить дисциплину в своих частях, ответственность солдат, неспособных противостоять искушениям, народа, отказавшегося пожертвовать временем и деньгами, ответственность попрошаек, тартюфов, ищущих выгоды авантюристов всех родов…»

А в 1920 году генерал Деникин битву с бароном проиграл; он исчерпал личный потенциал и как военачальник, и как политик. Через полтора месяца Антон Иванович уступит свой пост Петру Николаевичу. Но в той борьбе генерал вел себя как порядочный человек, не умеющий интриговать, сознающий всю пагубность междоусобицы…

ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛОГО ДЕЛА

Взвились соколы орлами,
Опустились соколы ворами…

Из народного фольклора о Добровольческой армии образца 1919 года

— Что еще срочного, Иван Павлович! — обратился главком ВСЮР к начальнику штаба генералу Романовскому.

— Ваше превосходительство, прошу рассмотреть вне очереди совершенно секретный доклад, подготовленный управлением генерал-квартирмейстерской части штаба. — Голос Романовского задрожал от волнения. — Так дальше продолжаться не может, мы рискуем потерять всяческую поддержку населения. Вы знаете, что поют на базарах беспризорники о Добровольческой армии?

— Что? — прервал монолог подчиненного генерал Деникин.

— «Взвились соколы орлами, опустились соколы ворами!»

— Обидно, но, к сожалению, для таких песен есть основания. Но вы же знаете, как я, невзирая на ранги и чины, караю за бесчинства по отношению к местному населению! Так что там у вас?

Генерал Романовский протянул главкому небольшую папку, в которой лежали отпечатанные на машинке с обеих сторон 14 страниц текста. Деникин углубился в чтение. С каждой минутой его лицо становилось все более мрачным…

— Подлецы! Они же губят наше святое дело! — возмущенно воскликнул Деникин. — Иван Павлович! Тут нет никакой ошибки? Вы докладываете, что за сентябрь 1919 года деникинцами было изнасиловано 138 еврейских женщин, в том числе девочки 10–12 лет, и убито 224 человека?

— К сожалению, это правда.

— Какие же они деникинцы! Нужно этих скотов не расстреливать, а вешать без всякой пощады! Передайте генералу Драгомирову, пусть разберется и примет самые жестокие меры к виновным. К сожалению, Иван Павлович, эта зараза распространяется все больше и больше… Вот что докладывает начальник ОСВАГ профессор Соколов:

«По многим фактам грабежей, насилий командование Донармии пытается перевалить всю ответственность на добровольческие части, а командование Добрармии — на донцов».

Где же честь офицера! А Соколов, между прочим, докладывает, что большевики виновников подобных злодеяний расстреливают на месте.

— Мы тоже расстреливаем на месте.

— Иван Павлович, не всегда! У меня есть сведения, что даже в Корниловском ударном полку начальники смотрят на грабежи и насилия сквозь пальцы. Что бы сказал по этому поводу Лавр Георгиевич, вечная ему память! В армии прогрессирует серьезная болезнь. Генерал Драгомиров докладывает: «2-й конный полк скоро обратится в разбойников». Нужны срочные меры против разложения! Жду, Иван Павлович, ваших предложений завтра к 22 часам. Я тоже кое о чем подумаю…

Начальник штаба ВСЮР генерал-майор Романовский с тяжелым сердцем покидал кабинет главнокомандующего ВСЮР. Тяжко на душе было и у Антона Ивановича.

Разложение войск генерала Деникина в 1919 году порой принимало форму обвала. По всей территории, освобождаемой от красных, прокатилась мощная волна насилия, грабежей, зверств, мобилизации проваливались, дезертирство приняло форму повального побега. Девальвировалась вера в идеалы Добровольческой армии, предались забвению идеи добрармейцев-«первопоходников».

В тылу разложение нашло выражение в быстром росте инфляции, нарушении кредитно-денежных отношений, усилении белого террора. Из воспоминаний А. И. Деникина:

«Насилия и грабежи. Они пронеслись по Северному Кавказу, по всему югу, по всему российскому театру Гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все „цвета“ военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага…

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные, губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское или терское правительства, но даже… отдел пропаганды… Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью…»

Контрразведки в те дни существовали в великом множестве: во всех воинских частях, на транспорте, личными контрразведками обзаводились видные генералы. Они могли

действовать под любыми названиями, будь то Бюро расследования, Отряд особого назначения или даже Чрезвычайная комиссия, созданная екатеринославским губернатором С. С. Щетининым. Последняя дала повод современнику иронически заметить, что и «территория вооруженных сил юга России могла похвастаться, что имеет свою, хотя бы одну только Чеку».

Наряду с официальными существовали и «дикие» контрразведки, не подчинявшиеся вообще никому. Нагнетая вокруг себя атмосферу таинственности и страха, контрразведки могли вмешиваться в деятельность, по сути, любого учреждения. Даже сотрудники театральной части Отдела пропаганды и то подбирались контрразведкой.

Штат контрразведок большей частью пополнялся случайными людьми. Полковник Еленский, начальник контрразведки Пятигорска, так характеризовал своих сотрудников:

«Во всех контрразведывательных отделениях вверенной мне Минераловодской группы дело розыска поставлено ниже всякой критики. Офицерский состав совершенно неподготовлен, годами слишком молод, без всякого житейского опыта, материально не обеспечен. Состав его меняется постоянно для пополнения частей войск, в которых выдается жалование регулярно. Налицо много случаев преступных деяний: избиение и истязание арестованных, часто без всякого повода; крайне некорректное отношение к арестованным женщинам; бахвальство службой в контрразведке; злоупотребление с вещами и деньгами арестованных; недопустимое панибратство с подчиненными казаками — всего не перечесть».

Подобные порядки были явлением достаточно распространенным. В Одессе руководство местного контрразведывательного отдела трижды в 1919 году увольняло весь состав сотрудников, но и это мало помогло. В октябре 1919 года здесь были арестованы все чины портовой контрразведки, вымогавшие у пассажиров деньги за разрешение на посадку.

Сильную собственную контрразведку имел ОСВАГ. Причем его официальные секретные сотрудники занимались сбором информации и слухов в самых неожиданных местах. В ГАРФ сохранился уникальный документ — донесение одного из осваговских агентов:

«Мною замечено, что большевистская агитация проникла в городскую баню и это имеет большое значение, так как там бывает около трехсот человек, которые приходят купаться, в большинстве рабочие и солдаты…»

Что же касается главной задачи — противодействия вражеской агентуре, то с этим контрразведка явно не

справлялась. Дело было в самой природе Гражданской войны, когда в буквальном смысле брат воевал против брата.

«Наши агенты, — вспоминал один из добровольческих контрразведчиков, — будучи на службе у большевиков, занимали у них места от милиционера до наркома включительно» (имеются в виду наркомы существовавшей в 1918 году Донской советской республики. — *Г. И.*).

Но точно так же большевистские агенты знали все, что происходило в высших эшелонах добровольческого командования. Дело доходило до анекдотичных случаев, когда шпион ходил за шпионом.

Непрерывные разоблачения шпионов Троцкого, реальных и надуманных, создавало гнетущую атмосферу на белом юге России…

Серьезным симптомом опасной болезни государства «царя Антона» явился рост партизанского движения различных ориентаций. Усиливалось большевистское подполье. Гражданское же управление, не располагая дееспособными полицейскими силами, не могло принять эффективных мер по наведению элементарного правопорядка.

На освобождаемых от большевиков территориях освободители вели себя порою хуже оккупантов. Террор принимал такие формы, когда жестокость трудно было объяснить только одной ненавистью, реваншизмом и разложением войск.

Казни и убийства стали нормой и не вызывали такого отторжения как ранее. Когда после прихода белых в Симферополь схваченные большевики были повешены на фонарях прямо в центре города, это зрелище собрало большую толпу зевак.

Прокатилась страшная волна изнасилований. По данным политотдела Южного фронта, в станице Оленцовская 4-й Черкесской дивизией под командованием Гасан-Гирея за одну ночь было изнасиловано 500 женщин[126].

Подобное поведение снимало с добровольцев ореол героев-мучеников и становилось мощным побудительным мотивом для сопротивления.

Белый террор был антинародным.

Генерал Деникин и его ближайшее окружение располагали подробной информацией о нездоровом морально-психологическом состоянии войск.

И все же он пытается пресечь это зло.

В печати публикуется его обращение к мирным жителям с обещанием прекратить насилие и грабежи, а в войска посылается секретный циркуляр, коим предписывается принять жесткие меры для наведения порядка:

«К мирным жителям.

Всякая война бывает тяжелой не только для армии, но и для мирного населения. Последние часто терпят несправедливость от остальных лиц, иногда даже от воинских частей. В семье, как говорится, не без урода. Находятся воинские чины, которые позволяют себе забыть о том, что они призваны исполнять, а не разрушать право и справедливость по отношению к мирным жителям».

О таких случаях стало известно генералу Деникину, который в заботах своих о мирных жителях 22 августа 1919 г. издал приказ: «До меня дошли сведения, что при прохождении войск по населенным местностям России отдельные малодисциплинированные части производят бесплатную ревизию имущества, а остальные военные чины насильственно отбирают имущество мирных жителей, позволяют себе поступки, несовместимые с высшим воинским званием. Случаи эти остаются не расследованными, виновные не наказанными, а пострадавшие мирные жители не вознаграждаются за убытки.

Ввиду этого приказываю надлежащим местным начальствующим лицам, как по заявлению потерпевших, так и по собственному наказу, составлять особые акты о случаях грабежа, бесплатных реквизиций и насилий, чинимых в отношении мирных жителей, предоставляя эти акты губернатору, безотлагательно выдавая пострадавшим особые расписки в их составлении.

Генерал-лейтенант Деникин». Посылается секретный циркуляр по войскам.

«Главнокомандующий вооруженными силами юга России

19 августа 1919 г.

№ 0208/167 гор. Таганрог

Копия

Секретно

Циркулярное

Я уже указывал, что безудержный, оставшийся безнаказанным, благодаря попустительству высших начальствующих лиц, произвол различных представителей власти губит то великое дело — возрождение России, которое начато и скоро должно быть завершено безмерными трудами Добровольческой армии.

Я указывал также на то, что у меня нет сил ловить отдельных негодяев и что я буду считать ответственными за творящиеся безобразия тех начальников, в частях которых будут наблюдаться случаи незаконных реквизиций, грабежей и всякого рода насилия.

Между тем до сих пор я не только не вижу перемены к

лучшему в борьбе с этим злом, а напротив, все бесчинства принимают громадные размеры организованного грабежа, в которых часто офицеры не уступают мерзавцам, грабителям, поощряя их и деля вместе с ними награбленное.

Я требую, чтобы все командиры отдельных частей и вышестоящие лица немедленно приняли все зависящие меры к борьбе с этими мерзавцами, которые своим наглым пренебрежением к тому Светлому делу, в котором они призваны принимать непосредственное участие, вновь толкают нашу выздоравливающую Россию в ту пропасть бездушного произвола, из которой она только что вышла.

В каких бы чинах не были эти попустители, им нет места в армии, и я требую, чтобы они карались самым беспощадным образом, невзирая на их боевые заслуги.

Все, что есть чистого в армии, все, любящие свою Родину, искренно желающие ее возрождения, все должны сплачиваться вокруг меня и дружными усилиями мы должны пресечь зло, пустившее слишком глубокие корни.

Каждый начальник должен помнить, что, проявляя слабость в деле преследования произвола, он тем самым поощряет тех предателей, которые ради своих мелкокорыстных интересов губят всю свою Родину.

Подлинное подписали:

Генерал-лейтенант Деникин

Генерал-лейтенант Романовский

Верно: дежурный генерал генерал-майор Трухачев».

Главком смещает с должностей ряд командиров за пассивность в пресечении насилия и грабежей, категорически запрещает расстрелы красноармейцев, сдавшихся в плен, а также любые самочинные расстрелы. По приказу Деникина создаются чрезвычайные комиссии по проверке фактов разбоя на местах, полномочные принимать экстренные меры. Приказом от 7 декабря 1919 года главком ВСЮР за «пьянство и разгул некоторых воинских чинов» в тылу устанавливает меру наказания вплоть до смертной казни.

Энергичные усилия единоличного военного диктатора не давали между тем ощутимых результатов. Тому был ряд причин.

Сама борьба носила непоследовательный и противоречивый характер. Главком постановил считать отвоеванные у красных грузы военной добычей и продавать их с аукциона, благодаря чему казна с августа 1918 по май 1919 года пополнилась 12205720 рублями[127]. Но фактически данная акция приняла форму легализованного грабежа, так как под видом большевистского имущества в Харькове, например, отбирали

имущество у крестьян.

Антон Иванович в борьбе с насилием и грабежами был одинок. Донское правительство занимало деструктивную позицию. Казакам на фронте разрешалось грабить. Когда же среди них началось разложение, Войсковой круг, признав подобные факты, обеспокоился. Тогда командующий Донской армией заявил: не он развратил казаков, они были развращены ранее.

Правительство Дона вынесло решение: осматривать обозы казаков и отбирать у них все, что отнято у мирного населения, и возвращать владельцам. Но решение не выполнялось. Было отменено даже принятое 13 августа 1918 года постановление о применении к грабителям смертной казни.

Аргументация этого акта не выдерживает критики: принять строгие меры нельзя, потому что эти явления носят массовый характер, «всех расстрелять невозможно, а расстрелять одного будет несправедливо».

Не лучше обстояло дело и в Добровольческой армии. Следуя традициям, заложенным Алексеевым и Корниловым, многие командиры использовали жесткие меры в борьбе с разбоем. Причем наиболее последовательную позицию здесь занимал оппонент главкома Врангель, который всегда без колебания утверждал смертные приговоры военно-полевых судов, выносимых насильникам и грабителям, в каких бы чинах они ни находились. Вот его приказ, изданный в августе 1919 года:

«Корнет Черноморского конного полка Николаев и рядовой того же полка Борисов преданы начальником Алексеевской дивизии генералом Третьяковым военно-полевому суду за грабеж, и по приговору суда расстреляны. Другого наказания насильникам и грабителям не будет.

Никакие боевые заслуги не могут считаться для них смягчающими обстоятельствами и смягчение просто воров по этого рода преступлениям начальствующими лицами будет считаться недопустимой слабостью.

Генерал-лейтенант Врангель».

18 июня 1919 года Врангель приказом по Царицыну вводил военно-полевые суды для борьбы с грабежами и насилием над населением. 12 июля 1919 года, пересмотрев свое прежнее решение, он приказал карать смертной казнью и лишением всех прав собственности «за убийство, изнасилование, разбой, грабеж и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества».

Но это было нетипичным. ОСВАГ все чаше докладывал Деникину о том, что случаются даже поощрения разбоев.

Ставропольский генерал-губернатор П. В. Глазенап на жалобу городского головы ответил, что он это находит вполне справедливым: «Раньше они грабили, пусть теперь их грабят».

Даже в элитном Корниловском ударном полку, по данным советской военной разведки, командование грабежей не пресекало.

Армия начала прибегать к незаконным реквизициям, если не к прямому грабежу, что наносило ущерб ее репутации.

Кроме того, Антону Ивановичу не по душе было жестоко наказывать бойцов, ежедневно под огнем рисковавших своей жизнью, страдавших и умиравших от тифа, постоянно лишенных, как он это прекрасно знал, всего самого необходимого. В мемуарах он с полным пониманием ситуации писал: «Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам».

Генерал не ищет себе оправдания в глазах потомков, ибо бывший главком ВСЮР нес и юридическую, и нравственную ответственность за все беззакония.

Показателем прогрессирующего разложения армии явилось резкое падение дисциплины. Порой войска превращались в неуправляемые банды, страшные не только для населения, но и своих начальников. Чего только стоит крик отчаяния коменданта Минеральных Вод.

В телеграмме № 026790 от 2 февраля 1919 года он буквально умоляет штаб Кавказской армии: «назначьте, пожалуйста, 100 солдат для наведения порядка и прекращения бесчинств на железнодорожной станции».

Росло число дезертиров и перебежчиков.

Семь рот Ширвинского полка, перебив своих офицеров, перешли на сторону Красной Армии. Дезертировали даже из Корниловского ударного полка и артиллерии, бывшими значительно более крепкими в морально-психологическом отношении.

Бежали даже из армейских штабов, где вроде бы пули над головами не свистели.

Налицо имелось явное нежелание воевать. Из каждых 100 мобилизованных 2–3 человека расстреливались «за большевистскую агитацию». Однако побеги не прекращались даже в период наибольших военных успехов главкома в августе — сентябре 1919 года.

Падение нравов коснулось и высших военных эшелонов. В частном письме генерал К. К. Мамонтов сокрушался, что начальники ведут разгульный образ жизни, не интересуются судьбами России. Аналогичные мысли звучат и в письме командующего Донской армией генерала В. И. Сидорина генералу К. К. Мамонтову от 11 июня 1919 года.

Небезынтересно то, что к одному из главных пороков начальников он относит «непомерное употребление спиртных напитков». Это при том, что главкому докладывали: сам Сидорин и его начальник штаба Кельчевский «часто пьянствуют».

Не лучше дело обстояло и в Добровольческой армии. В октябре 1919 года командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский в специальном приказе отмечал:

«Опьянение доходит иногда до такого состояния, что воинские чины не отдают себе отчета в своих поступках и открывают стрельбу из револьверов, врываются в кафе с бранными словами, оскорбляют публику, катаются по городу на извозчиках в непристойных позах с пением песен и вообще ведут себя не соответственно своему званию. Пора положить конец этой разнузданности».

Приказ-то Май-Маевский подписал. Только не имел он морального права требовать со своих подчиненных его выполнения. Сам слыл горьким пьяницей. Рассказывали, что когда в конце 1919 года белые оставляли Харьков, пьяного до бесчувствия командующего пришлось нести в вагон на руках.

На общем неблагоприятном фоне усилилась и дифференциация офицеров, которые, по оценке политотдела Южного фронта, разделились на три группы: *строевые, мобилизованные и штабные.* Но советской разведке была неизвестна еще одна важная деталь.

Среди офицеров ВСЮР все больше стало ощущаться расслоение по значимости вклада в белую борьбу. В связи с этим белогвардейский журналист Г. Раковский образно отмечал, что армия разделилась «на князей, княжат и прочую сволочь». Под князьями подразумевались «быховские узники», под «княжатами» — участники легендарного «Ледяного». «Княжата» считали мобилизованных офицеров подневольниками, которые при большевиках «прятались в подвалах», и не любили их точно так же, как мобилизованные — «первопоходников».

Об этом ОСВАГ регулярно докладывал главкому, но тот эффективных мер для снятия напряжения среди офицеров не принимал. Это было серьезной ошибкой. Неудивительно, что ОСВАГ стал докладывать диктатору об участившихся случаях хулиганства и пьянства среди офицеров. Более того, наметилась негативная тенденция уклонения от службы. Так, в Константинополе офицеры Особой русской армии, по данным французского командования, просто разбежались, чтобы не быть зачисленными в Добровольческую армию.

По данным штаба Южного фронта, Деникин получил от мобилизации по Харьковской, Курской, Воронежской губерниям

20000 человек[128]. Этого было, конечно, недостаточно. Положение с мобилизацией было катастрофическим.

В начале 1919 года командующий Крымско-Азовской добровольческой армией доложил генералу Деникину: объявленное мероприятие (мобилизация) дало только 7 человек. Количество уклонившихся от призыва в Крыму составило около 75–80 процентов, по Северному Кавказу — 20–30 процентов. ОСВАГ докладывал о том, что население Кубани систематически укрывается от фронта. Призыв проходит вяло и не встречает сочувствия у населения. Частыми стали случаи открытого невыполнения на местах приказов о мобилизации.

Деникин пытался поправить катастрофическое положение дел: дал четкие ориентировки ОСВАГ на организацию идеологической борьбы с дезертирством, создал чрезвычайную комиссию по призыву лиц, уклонившихся от фронта. Но эти меры оказались малоэффективными. Тогда генерал перешел к репрессиям, начало которым положил его приказ № 500 от 18(31) марта 1919 года. За дезертирство предусматривалась смертная казнь.

Но репрессии не дали эффекта.

Зато в Донбассе генерал Шкуро расстреливал не только тех рабочих, кто уклонялся от мобилизаций, но и тех, кто так или иначе высказывался против них.

Мобилизационные акции часто нарывались на быстро меняющуюся обстановку на местах. В Мелитополе генерал Тилло разослал приказ о немедленной явке призванных на сборные пункты. В то время власть от волостных комитетов в некоторых местностях перешла к ревкомам, которые, естественно, не спешили выполнять приказ. Из одного такого ревкома Тилло пришел ответ, в котором крестьяне сообщали, что мобилизованных к генералу они, к сожалению, доставить не могут. Взбешенный генерал послал ругательное письмо, в котором обещал повесить всех членов ревкома и объявил за каждую голову большевика награду по 1000 рублей. Ревком немедленно ответил благодарностью за столь высокую оценку большевистской головы, приписав, что за голову генерала ревком, к сожалению, более 3 рублей 57 копеек дать не может, «включая в эту сумму и цену веревки для почтенного золотопогонника».

Не было у диктатора для проведения мобилизаций сильного административного аппарата на местах. Да и с решительными мерами по обеспечению мобилизаций главком запоздал, в чем его упрекали некоторые командиры и начальники частей ВСЮР. И как итог — в начале 1920 года ни одна мобилизация главкомом ВСЮР не была проведена.

Между разложением войск и тыла ВСЮР имелась тесная диалектическая связь. Деникин далеко не голословно заявил: из-за отсутствия спаянности тыл производит тягостное впечатление. Более всего его волновало то, что местнические интересы шли вразрыв с решением «единственного вопроса о России».

Если говорить об экономике на территориях, подконтрольных ВСЮР, то она была в полном упадке. Упала производительность труда. Особенно губительными для фронта стали перебои со снабжением углем. А к 1 октября 1919 года добыча угля упала на 80 процентов. Бедственное положение сложилось с паровозным парком. В Керчи из 59 паровозов исправны только 15.

В расстройстве и кредитно-финансовые отношения. Война требовала все больших затрат. К концу 1918 — началу 1919 года армия ежедневно требовала 15 тысяч пудов зерна, от 450 до 500 голов крупного рогатого скота, 15 тысяч пудов зернофуража, столько же сена. Но в сентябре 1919 года месячная потребность армии составляла уже 630 пудов зерна плюс к этому для гражданского населения — 1 млн пудов. Кризис, как видно, жестокий.

Но главком ВСЮР не смог исправить кризисное состояние экономики, использовать нормальные механизмы, присущие рыночной экономике, которая имела место на белом юге России до 1917 года. Перманентная нехватка наличности при баснословно увеличивающихся затратах на армию компенсировалась в основном за счет введения в оборот все большего количества вновь напечатанных денежных знаков. К марту 1920 года Доном и Добровольческой армией было пущено в оборот, по данным Деникина, около 30 млрд рублей. А это стимулировало инфляцию.

У Деникина не было ничего. На подчиненных ему территориях находились в обращении старые царские рубли, керенки, большевистские рубли, рубли, выпущенные правительством Дона… Главком был вынужден чеканить свою монету, но эти деньги не имели никакого обеспечения. Если в 1900 году рубль стоил 2,70 франка, то в начале 1920 года 150 деникинских рублей обменивались на один французский франк.

Отчаянной попыткой поправить положение дел стали мероприятия Деникина по обузданию инфляции за счет изъятия из обращения советских денежных знаков. В феврале 1919 года начался их обмен по конфискационному принципу. Разрешалось обменивать только 5000 рублей на 20 процентов их стоимости.

Когда французское командование интервенционистских сил обратилось к главкому с просьбой увеличить количество обмениваемых денежных знаков для иностранных подданных, он

ответил категорично:

«Большевистские знаки, выпущенные любым каторжником-комиссаром, не имеют никакой цены. И только чтобы выручить население, допущен прием некоторых знаков по уменьшенной цене. Никаких исключений из этого правила быть не может».

Но изъять советские дензнаки на практике было довольно трудно, так как в большевистской России эмиссия шла полным ходом, и советские рубли попадали на территорию, подконтрольную ВСЮР, в большом количестве.

Даже Шкуро пытался выпустить свои деньги для расчетов с населением.

Спекуляция приобретала невиданные размеры. ОСВАГ доложил главкому ВСЮР о том, что с приходом войск белых в какой-либо район, цены повышаются вдвое, и «открывается полный простор спекуляции».

Характерно, что на белом юге России каждый строил «свою» экономику в отдельно взятом регионе. Кубань объявила свободу торговли, одновременно запретив вывоз из области свыше 70 наименований товаров, введя таможню, а диктатор не договорился с правительством США об отпуске в долг 190 млн пудов хлеба[129].

Генерал Деникин вынужден пойти на непопулярные меры. Он издал специальную прокламацию, в которой предупредил, что все большевистские и прочие денежные знаки «не следует использовать». Выдвинул жесткое требование о подчинении Особому совещанию экономической политики казацких гособразований, создав для этих целей специальную межведомственную комиссию для распределения валюты. Деникин объявил Кубани экономическую блокаду, издав распоряжение о прекращении приема грузов, следующих по ее территории.

Главком ввел твердые закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию: мясо — 45 руб., сало — 80 руб., хлеб — 12 руб., картофель — 4 руб., сено — 3 руб. за пуд. Но в розничную продажу товары поступали дороже: хлеб — в 10 раз, сало — в 4 раза, картофель — в 16 раз (небезынтересно, что при расчете с крестьянами сначала выдавали на закупленные товары талоны, а затем стали их менять на спирт).

Увы, все тщетно… Экономическое положение белого юга России продолжало катастрофически ухудшаться.

Экономические проблемы решаются экономическими приемами. Этому мешали сложные, запутанные отношения собственности на белом юге, разрушенные инфраструктурные связи, мешала сама Гражданская война.

Серьезная причина неудач генерала в сфере экономики — необходимость решения задач, требующих огромных финансовых затрат, порожденных именно войной. Речь идет не только о снабжении армии, а и о «побочных задачах». Одна из них — содержание в тылу лагерей военнопленных, что требовало больших затрат сил и средств. Так, в фильтрационном лагере во Владикавказе были установлены нормы продовольственного снабжения не на много ниже, чем в действующей армии. На одного военнопленного полагалось 0,5 фунта хлеба, 0,25 фунта мяса в день против соответственно 2 фунтов и 0,5 фунта для личного состава Добровольческой армии. Кроме того, здесь свирепствовала эпидемия тифа. Только в лагере военнопленных во Владикавказе летом 1919 года болело тифом 8000 человек[130].

Казалось, Деникин должен был бы опереться на крупную буржуазию, но Антон Иванович, будучи последовательным приверженцем святого права частной собственности, не получал эффективной помощи от тех, кого должен был защищать.

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином, и работником, и крестьянином, и помещиком, и пролетарием, и буржуем. Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики…

Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожарищ старой бюрократии репутацию передового человека. Предположено было привлечь его в Особое совещание. Прибыв в Екатеринодар, при первом своем посещении он представил мне петицию крупной буржуазии о предоставлении ей, под обеспечение захваченных советской властью капиталов, фабрик, латифундий широкого государственного кредита. Это значило принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников…»

В январе 1918 года перед уходом армии из Ростова ее командование получило в местных банках 340 тысяч рублей, которые были оформлены как пожертвования. Но год спустя Русско-Азиатский банк потребовал возмещения долга. Главком наложил на соответствующем документе резолюцию:

«Я глубоко возмущен наглостью поганых русских буржуев Русско-Азиатского банка, забывших все».

Не менее серьезная причина неудач генерала — злоупотребления служебным положением старших начальников, особенно в Одессе и Новороссийске. Глядя на старших, беспощадно разорявших и без того скудную казну, на путь хищений стали начальники рангом пониже, особенно тыловые офицеры.

Сам Ростов, по признанию упоминавшегося выше дипломата Михайловского, был оборотной стороной Добровольческой армии, «клоака, куда стекались все недоброкачественные элементы ее, где оставлялись неправедные деньги. Ростов стал столицей чисто русского кутежа». И не только Ростов.

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приезжавшее с фронта.

„Жизни — грош цена. Хоть день, да мой!“

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой, — в тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрепанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся ее с величайшим бескорыстием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий тон жизни юга…»

Чтобы написать такие слова, а они далеко не единственные в «Очерках русской смуты», нужно было иметь не только ясную голову и честность, но и большое сердце…

А в делах экономики Антон Иванович не силен, проявлял иногда настоящую безграмотность. В марте 1919 года Деникин решил увеличить денежное содержание офицеров. Необходимо было изыскать 30 млн рублей. Управление финансов Особого совещания заявило, что денег нет. На докладе об этом главком ВСЮР наложил резолюцию:

«Не понимаю. Дать нужно, а денежных знаков нет. Надлежит финансовому отделу озаботиться изготовлением знаков».

История неумолимо приближала Белое движение к развязке. Горел фронт, горел тыл. Причем масштабы антидени-кинской борьбы в тылу постоянно разрастались. Особенно большую опасность для диктатора представляли «зеленые» (крестьянские повстанцы), число которых в лесах Черноморско-Кубанского района составило, по данным советской разведки, до 2000 человек, они имели 13 пулеметов и 3 орудия. Восставали крестьяне и в других районах. А на Северном Кавказе, и особенно

в Чечне, они приобретали ярко выраженную националистическую окраску.

Мощную силу представляло большевистское подполье и партизаны пробольшевистской ориентации. Серьезно осложняло положение и то, что в тылу ВСЮР свирепствовал массовый бандитизм. Разведка ВСЮР насчитала 22 атамана, которые действовали только в Киевской губернии. Банды грабителей-анархистов, часто крайне антисемитски настроенных, обычно воевали небольшими отрядами.

Но был еще и батька Махно, по происхождению из крестьян, бывший террорист, едва достигший тридцати лет. Его девизом было:

«Все разрушать! Не признавать ничьего авторитета!»

Специализировался он на захвате общественных зданий и богатых поместий, но не брезговал и погромами. Отделавшись с помощью пистолета от главаря конкурирующей банды Григорьева, Махно (численность его армии, по советским источникам, составляла 25000 человек) развлекался тем, что в промежутках между грабежами взрывал железнодорожные пути и нападал на небольшие подразделения как красных, так и белых, однако отдавал предпочтение белым. Нестор Махно стал поистине головной болью главкома ВСЮР.

В свете вышеизложенного становится понятной мысль, высказанная на страницах газеты «Киевская жизнь» 2 ноября 1919 года:

«Огромная часть территории, занятой Добровольческой армией, является театром войны».

Деникин вел беспощадную вооруженную борьбу против всех банд и нелегальных организаций в тылу ВСЮР. Правда, иногда диктатор пытался действовать мирными средствами. Он обратился к выборным представителям чеченского народа 14 апреля 1919 года и, в частности, сказал:

— Освободив Кавказ от большевизма, мы думали, что встретим здесь друзей, но вместо этого мы встретили со стороны чеченского народа войну. Вы понимаете, что нужно идти на север, освобождать Россию, и мы не сможем допускать, чтобы здесь, в тылу, остался бы вооруженный народ, враждебный нам.

Пытаясь найти мирные пути урегулирования в Чечне, Деникин пытался опереться на помощь Англии. 14 апреля 1919 года начальник английской миссии при главкоме ВСЮР генерал Бриггс обратился к народу Чечни:

— Британское правительство поддерживает генерала Деникина, так как мы знаем его благородство. Уверен в том, что он стремится не к восстановлению старого режима, а к

восстановлению порядка и созданию условий, при которых население России будет самостоятельно вершить устройство своих дел. Я слышал, что не всегда вы жили мирно. Советую вам дать возможность исправить железные дороги, прекратить междоусобицу и помочь генералу Деникину всем, чем вы можете, в борьбе против большевиков.

Особого эффекта обращение не принесло: чеченцы по-прежнему проводили диверсионные акты в тылу деникинских войск…

Небезынтересно и то, что Деникин направил эмиссаров для переговоров с атаманом Зеленым. Они пытались склонить того к совместной борьбе с большевиками. Но эти мероприятия успеха не принесли. Главкому остался путь вооруженной борьбы, в которой он увязал.

Необходимо особо подчеркнуть то, что, ведя вооруженное противоборство со своими противниками в тылу, Деникин не смог предотвратить зверств против мирного населения.

Так, ЦК КП (б) Украины докладывал в ЦК РКП (б) о том, что в Александровске летом 1919 года было бессудно расстреляно 680 человек за якобы принадлежность к большевизму. Такие акции подрывали моральный дух войск, действовали деморализующе на органы управления, и самое главное — окончательно подрывали веру населения в Деникина.

Таким образом, генерал Деникин не смог хотя бы локализовать обвальный процесс разложения армии и тыла. Можно согласиться с мнением Савинкова. В письме Врангелю он отмечал, что не большевики одолели Деникина, «не в бою он проиграл свое святое дело», не самоотверженные, верные бойцы виноваты в его поражении.

Генерала «одолели расстрелы и грабежи, в его поражении виноваты ОСВАГ и те несчастные люди, которые не уразумели до сих пор, что красноармейцы — такие же русские люди, как и добровольцы… Генерала Деникина погубили те безумцы, которые вместо прощения несли с собой беспощадную месть, а на ней не вырастает ничего…»

Врангель, конечно, был солидарен с такими мыслями Савинкова. Ведь он сам писал главкому: «Армия, воспитанная на произволе, грабежах, пьянстве, имея начальников, которые примером своим развращали войска, такая армия не могла создать Россию. Лишенная организованного тыла, не имея в тылу ни одной укрепленной позиции, ни одного узла сопротивления, и отходя по местности, где население научилось ненавидеть добровольцев, — армия, начав наступление, стала безудержно катиться назад по мере того, как развивался успех противника и

обнаруживалась несостоятельность стратегии и политики…»

К Белому движению охотно липла мразь…

Но это не снимает ответственности его вождей за черные страницы Белого дела, листая которые, они с крейсерской скоростью приближались к своему краху.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Британский метод — бежать вместе с зайцем и гнаться за ним вместе с охотником.

Огюст Барбье

Легенда гласит: Александр Македонский, вместо того, чтобы распутывать узел, сооруженный для него царем Фригии Гордием, разрубил его. И стал властелином мира. Деникин в отличие от Македонского свой гордиев узел на международной арене разрубить не смог…

Внешняя политика в рамках единоличной диктатуры проводилась главкомом ВСЮР в силу необходимости, ибо белый юг России как гособразование стремился стать полноправным субъектом международных отношений. Диктатор преследовал четкую прагматическую цель — добиться эффективной международной поддержки в антисоветской борьбе. Верховный правитель России адмирал Колчак, после подчинения ему Деникина, не дал ему внешнеполитических прерогатив.

Но к тому времени генерал уже стал субъектом международных отношений, создав на базе дипломатического аппарата царской России, оставшегося за рубежом после 1917 года, собственные дипломатические структуры. Именно их силами Антон Иванович и замышлял разрубить гордиев узел международных отношений, имеющих касательство к белой борьбе. А узел этот был настолько запутан, что легендарному царю Фригии Гордию не мог присниться в самом кошмарном сне…

В конце 1918 года он назначил С. Д. Сазонова, видного дипломатического деятеля царской России, министром иностранных дел. Антон Иванович снабдил свой дипломатический аппарат внешнеполитической программой. В тезисах, которые он телеграфировал Сазонову в Париж, первым был следующий: «Восстановление Российского государства в границах 1914 года, за исключением Польши».

В основу внешней политики Деникин положил принцип борьбы за восстановление дореволюционного статус-кво России, по крайней мере, по территориальному вопросу. Но при этом не учел ни внутренней, ни международной обстановки, сложившейся после окончания Первой мировой войны.

Его дипломатический аппарат стал быстро давать сбои.

Возникло непонимание между Сазоновым и Щербачевым.

Последний еще ранее занимался дипломатической деятельностью в интересах Добровольческой армии. Щербачев жаловался главкому на неуступчивость Сазонова. А тот долгое время пребывал за границей и в какой-то степени оторвался от политических реалий белого юга России, прибыв для дипломатической работы с идеологическим багажом Особого совещания.

По пути в Париж 16 января 1919 года Сазонов выступил с воззванием по национальному вопросу, напечатанным в лондонской «Таймс»:

«Россия признает независимость Польши в этнографических границах. Остальным национальностям будет обеспечено свободное развитие без принижения жизненных интересов государственного целого».

Деникин наделил Щербачева особыми полномочиями по вопросам снабжения, военной агентуры, военнопленных. Еще в конце августа 1918 года он был назначен военным представителем русской армии при союзном военном командовании. Но Сазонов не хотел признавать Щербачева полномочным представителем дипломатического корпуса ВСЮР, что вносило разлад в деятельность дипломатических структур белого юга России.

Сазонов в совершенно недвусмысленной форме требовал от Деникина новых побед на фронте, иначе «с союзниками делать нечего». Ряд представителей дипломатического корпуса царской России, продолжавших свою деятельность, не признавали Деникина, всемерно интриговали против него, особенно граф Игнатьев и Бахметьев. Если в январе 1919 года граф, демонстрируя полную лояльность Колчаку и Деникину, предлагал им все русское военное имущество во Франции, в том числе 3 млн патронов для полевых орудий, то в октябре генерал Щербачев уже доложил главкому ВСЮР, что Игнатьев не признает «ни вас, ни меня».

Игнатьев, как он утверждал в своих мемуарах, оказал генералу помощь в финансировании за счет средств царской России, имевшихся у него на счетах, а Бахметьев просто вообще игнорировал указания главкома ВСЮР. Но Игнатьев в своих воспоминаниях явно преувеличивает, лукавит, чтобы, скорее всего, понравиться политическим лидерам СССР. Неправда, что именно граф воспрепятствовал снабжению белых армий находившимся во Франции имуществом, ибо, в конце концов, последнее слово оставалось за французским правительством.

Антон Иванович резко пресекал попытки эмигрантских

деятелей влиять на его политику непосредственно из-за рубежа. Он жестко заявил Маклакову, что тот с единомышленниками оторван от России и не понимает обстановки Гражданской войны.

В ответ на это эмигрантские деятели пытались принизить роль генерала в глазах зарубежных правительств и общественности. Маклаков в конце 1918 года поделился с Набоковым, имевшим серьезные разногласия с главкомом и вхожим в правительственные круги Англии, следующим суждением: вокруг Деникина «есть ядро будущего местного, а не всероссийского правительства», поэтому надо ориентироваться на Колчака, а не на юг.

Генерал Деникин упорно налаживал свою внешнюю политику, краеугольным камнем которой стали взаимоотношения с союзниками по Антанте.

Он понимал, что без помощи Антанты советскую власть не сокрушить. Даже попросил бывшего военного министра Временного правительства Гучкова выехать за границу, чтобы оказать помощь в налаживании более тесных отношений с державами Согласия.

Деникин вел себя честно, откровенно определив позицию перед союзниками: помощь Антанты должна быть ограниченной. Он просил 18 пехотных и 4 кавалерийские дивизии для прикрытия белых на главных направлениях. Союзники, по замыслу, не должны были играть первых ролей в выполнении стратегической задачи — разгроме советских войск и овладении центром России — Москвой. Но события развернулись далеко не по деникинскому сценарию.

Доподлинно установлено: Англия, Франция, США оказали Деникину большую помощь оружием, материальными средствами (см. Приложение 22) и в первое время войсками, инструкторами и советниками. Основную помощь оказала Англия, которая, по данным Черчилля, суммарно выделила диктатору около 100 млн английских фунтов стерлингов, Франция — от 30 до 40 млн английских фунтов стерлингов. Их хватило для полного содержания около 250 000 солдат.

О том, что Англия оказывает большую помощь Деникину, писал из-за рубежа в 1919 году Маклаков. Помощь Англии — это реализация заявления военного министра Черчилля, сделанного в феврале 1919 года Набокову, бывшему поверенному в делах царской России, что русским военным силам, ведущим борьбу с большевиками, будет оказана всяческая помощь.

Но это не сняло глубоких противоречий во взаимоотношениях Деникина с союзниками.

Вначале Антон Иванович искренне верил в союзников,

помогавших в борьбе с красными. Но вскоре с удивлением узнал о разграничении сфер влияния между англичанами и французами, в котором явно просматривались экономические интересы. Раздел сфер влияния был предрешен еще на англо-французской конференции 10 декабря 1917 года, о чем впоследствии откровенно напишет в своих многотомных «Военных мемуарах» Ллойд Джордж. Об этом знало и правительство Колчака. Генерал Светич доносил адмиралу, что Англия и США всемерно решили помогать русским армиям снабжением, снаряжением, оружием, для чего каждый имеет свой район: Франция — юг, англичане — Северный Кавказ, американцы и японцы — Дальний Восток. Генерал Деникин узнал об этом постфактум.

Затем главком ВСЮР столкнулся с попытками французских военных ущемить его прерогативы и вести двойную игру с Петлюрой. Эта линия французов была направлена на слом независимой политики Деникина. В начале 1919 года главком отклонил проект, по которому заведующий гражданской частью в Одессе должен подчиняться ему и французскому командованию, подчеркнув тем самым суверенитет России над Одессой. Таким актом он отмежевался и от петлюровского движения, с которым Франция поддерживала тесные отношения.

Деникин категорически отверг идею французских интервентов о формировании бригад микс, где русские солдаты должны были состоять под командованием французских офицеров. Он посчитал, что такая идея идет вразрез с идеей воссоздания русской армии. Главком определил, что генерал-губернатор подчиняется ему, а с французским командованием взаимодействует.

Правда, выбор генерал-губернатор Деникин сделал неудачный. Генерал Гришин-Алмазов вскоре после назначения начал вести себя излишне самостоятельно. Установил, например, себе оклад в 3,5 тысячи руб., а генерал Деникин получал 1000 руб. в месяц, появились случаи неисполнительности. Тогда главком назначил главноначальствующим и командующим войсками юго-западного края в январе 1919 года генерала А. С. Санникова, который потом погряз в коррупции и воровстве. Гришин-Алмазов ушел на вторые роли.

С такой политикой главкома ВСЮР Франция смириться не могла, так как это не вписывалось в их политическую схему — находиться на юге России со статусом колониальных войск. Они даже хотели создать особые оккупационные органы власти, в которых бы А. И. Деникин и А. В. Колчак заняли окончательно подчиненное положение. Одной из форм давления стало

создание, при помощи генерала Шварца, «Народной армии»[131]. Интервентам была необходима послушная вооруженная сила для достижения своих колониальных целей. А. И. Деникин разгадал их замысел и принял меры к его срыву. Но 800 офицеров, находившихся в тылу, вступили в армию Шварца. Французская эвакуация, однако, сорвала ее формирование.

Французское командование не могло ничего решать без санкции Парижа. Опека была до предела мелочной. В распоряжение главкома ВСЮР в начале 1919 года не смогли выделить одну танковую роту, которую он убедительно просил: не было разрешения из Парижа. Сверхцентрализация, навязанная французским правительством своему командованию интервенционистских сил на юге России, срывала решение оперативных вопросов, которых у Деникина возникало множество. Кроме того, у него была отнята возможность решения многих вопросов на личностном уровне с командованием французских войск, ибо инициатива последних была скована.

Деникин, несмотря на материальную зависимость от Франции, не позволил построить взаимоотношения по принципу «метрополия — колония». В этом проявилась его патриотическая позиция. Он убеждал французов в том, что революция — трагедия не только России. Безуспешно. Тогда главком довел конфронтацию до опасных пределов. Дело могло завершиться вооруженным противостоянием, если бы не спешная эвакуация интервентов из Одессы.

Помощи от Франции Деникин фактически не получал, а французские дипломаты лавировали между ВСЮР, Украиной, Финляндией, Польшей. Экономические отношения все более напоминали простой товарообмен.

Какая-то надежда появилась в сентябре 1919 года, во время приезда в Таганрог чрезвычайной миссии во главе с генералом Манженом. Увы, переговоры ни к чему не привели: в обмен на помощь Манжен потребовал от обнищавшего правительства юга России конкретных и немедленных материальных компенсаций.

— Речь идет не о помощи союзников, — вздыхал Деникин, — а только о коммерции…

Антон Иванович, проанализировав ситуацию, сообщает адмиралу Колчаку, что он все больше разочаровывается в политике союзников и все больше рассчитывает на свои силы. И тут он прав. Французы все больше теряли интерес к нему. Показательно, что маршал Фош в конце 1919 года уговаривал Ллойд Джорджа отменить отправку Деникину снаряжения на 100 ООО человек, объясняя, что отправленное главкому ВСЮР — потерянное, поэтому надо снабжать Румынию.

Все сложности во взаимоотношениях Деникина с Францией обусловлены двумя главными, по моему разумению, причинами: своекорыстной политикой Франции на юге России; принципиальностью Деникина, который базу построения отношений сформулировал так:

«Ни пяди русской земли никому не отдавать, никаких обязательств перед союзниками и иностранными державами не принимать ни по экономическим, ни по внутренним нашим делам… Когда станет у власти Всероссийское правительство, то оно не получит от нас ни одного векселя».

Отношения Деникина с Англией складывались несколько лучше. Сказанное не означает, что здесь не было острых противоречий (Закавказье, например).

Англия оказывала генералу разнообразную помощь. Были единичные случаи, когда британские летчики энергично содействовали белым. Кроме того, британский флот активно действовал в Черном море. По приказу адмирала Сеймура, английские катера были отправлены на Царицынский фронт вместе с бронепоездом, вооруженным английскими пушками и пулеметами. Но в январе 1919 года Ллойд Джордж заявил, что если в Россию посылать новые войска, то «они взбунтуются».

Англия оптимистично расценивала свою помощь ВСЮР. Черчилль в октябре 1919 года заявил в парламенте, что благодаря успехам Деникина, тот к концу года сможет побеждать без помощи Англии. Прогноз не сбылся.

Однако помощь не была бескорыстной. Только до начала августа 1919 года англичане вывезли 16 пароходов пшеницы, масла, нефти с территории, подконтрольной ВСЮР.

Несмотря на сильнейшую экономическую зависимость от Англии, генерал Деникин пытался, как и во взаимоотношениях с Францией, проводить независимую патриотическую линию. Одно из свидетельств тому — письмо Ллойд Джорджу, в котором он недвусмысленно заявил, что «борьба за счастье России немыслима с ее расчленением». И Деникин не допустит этого.

8 ноября 1919 года британский премьер-министр Ллойд Джордж, расходясь по многим вопросам политики с военным министром Черчиллем, произнес на ежегодном банкете лорд-мэра Лондона несколько знаменательных фраз:

— Осмелюсь предсказать, что большевизм и его опасная доктрина не могут быть побеждены силой оружия. […] Мы послали вооружение и продовольствие на сумму в 100 миллионов фунтов. Мне не жаль ни единого истраченного пени, но совершенно очевидно, что мы не располагаем средствами, чтобы продолжать столь дорогостоящую интервенцию в этой

бесконечной Гражданской войне…

Девять дней спустя Ллойд Джордж, выступая в палате общин, высказался еще более недвусмысленно:

— Деникин и Колчак преследуют две цели. Первая — это уничтожение большевизма и реставрация демократического русского правительства. И здесь между нами полное взаимопонимание. Но их вторая цель — объединение России. И это совсем не та политика, которая устраивает Британскую империю. Один из самых известных наших государственных деятелей лорд Биконфилд уже высказал соображение, что Россия, ставшая сильной и мощной, распространившая свое влияние в направлении Персии, Афганистана и Индии, превратилась бы в значительную угрозу для Британской империи…

Английский военный корреспондент в Таганроге, находившийся при ставке Деникина в момент, когда до нее дошла весть об этих речах, свидетельствует:

«Это было как гром среди ясного неба. До сих пор идея участвовать в последней фазе мировой войны вместе с главным союзником — Англией — придавала мужества добровольцам и их сторонникам. И вдруг они с ужасом осознали, что Великобритания считает войну оконченной, а их борьбу рассматривает как обычный местный конфликт. Настроение и атмосфера, царящие на юге России, изменились буквально в несколько дней. Тот факт, что дело добровольцев оказалось обреченным в глазах г-на Джорджа, сделало его почти обреченным и в их собственных глазах. Не мне решать, прав или не прав г-н Джордж, бросив на произвол судьбы армию добровольцев, но я считаю необходимым особо подчеркнуть, что, сообщив всему миру об изменении своего отношения к Добровольческой армии, он совершил бесчестный поступок».

Это был страшный удар по моральному духу белых…

В период военных неудач главкома, начиная с 1920 года, отношения с Англией резко осложнились. Из английских газет генерал узнал, что в конце декабря 1919 года, по настоятельной просьбе Ллойд Джорджа, верховный совет Антанты снял блокаду Советской России. Англичане все больше разговаривают с диктатором языком ультиматумов. Свидетельство тому — миссия Маккиндера, потребовавшая в январе 1920 года расширения концессии и поставки ресурсов. Главком отверг подобные требования, посчитав их оккупационными.

Даже на бытовом уровне стало проявляться ухудшение отношения англичан к белому югу России. А. А. фон Лампе записал в своем дневнике в начале 1920 года о том, что англичане отказали в визе вдове генерала Маркова, родственнице Н. Рериха, по надуманной причине, что они якобы не знали

точного адреса художника. Комментарий Лампе краток: «Сволочь». Без восклицательных знаков…

Кульминацией ухудшения отношений с Англией стало требование вступить в мирные переговоры с правительством Ленина.

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«…Ко мне явился генерал Бридж со следующим предложением английского правительства: так как, по мнению последнего, положение катастрофичное и эвакуация Крыма неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения перемирия с большевиками…

Я им ответил: никогда…»

Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин никогда не был пешкой в руках иностранных эмиссаров, хотя нередко проявлял наивность.

Наивность наивностью, но сам факт обращения Деникина к иностранной помощи подрывал его патриотическую позицию и ставил генерала в двусмысленное и весьма уязвимое положение, противоречивость которого неминуемо должна была возрастать.

Интервенция союзников, поощрение антисоветских вооруженных выступлений придало Гражданской войне национально-патриотический характер, ленинский лозунг «Социалистическое Отечество в опасности!» стал одним из мощных консолидирующих факторов, поставивших под советские знамена очень большую часть общества.

Г. В. Чичерин, ленинский нарком иностранных дел, скорее всего, прибегнул к пропагандистскому клише, когда 22 августа 1919 года заявил, что Деникин — «подставное лицо Антанты».

Сложно складывались взаимоотношения с республиками Закавказья, Польшей и лимитрофными (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия) государствами.

Буржуазно-националистические правительства Армении и Азербайджана на словах боролись с посягательствами Деникина на их государственный суверенитет. Подчеркнем, что правительство Азербайджана испытывало сильное давление со стороны рабочих организаций, обвинявших его в пассивности в борьбе с белыми и требовавших объявить им войну. А за спиной националистов стояла Англии, которой нужна была закавказская нефть. Поэтому она надежно гарантировала, что Деникин не войдет в Армению и Азербайджан. Все попытки начать боевые действия пресекались угрозами прекратить помощь.

Одновременно Англия, рассматривая Деникина как главный таран в борьбе с советской властью, не позволяла экстремистским элементам правительственных и общественных кругов Армении и

Азербайджана толкнуть республики на войну с белым югом России. Британские эмиссары, обладая большими полномочиями, могли в конечном итоге успешно уговаривать правительства Армении и Азербайджана воздержаться от агрессии. Более того, Англия, пытаясь укрепить ВСЮР, передала в распоряжение главкома Каспийскую флотилию (тайно, чтобы не вызвать протестов правительства суверенного Азербайджана).

В этих условиях Деникин смог де-факто обеспечить нестойкий нейтралитет Армении и Азербайджана.

Намного сложнее развивались отношения генерала Деникина с Грузией, меньшевистское правительство которой, опираясь на поддержку немцев, проводило шовинистическую политику, притесняя русских и другие народы. В конце 1918 года губернатор Тифлиса подписал дискриминационное распоряжение о выселении из города лиц, не имеющих грузинского подданства, чем вызвал решительный протест Деникина. Была развернута мощная пропагандистская кампания по дискредитации Добровольческой армии. Например, в Сочи на деньги Грузии издавалась газета «Свободная мысль». Она не стеснялась называть Добровольческую армию «сукой для всякого рода паршивых щенков». Подобное искренне возмущало генерала.

Однако вначале он пытался разрешить все недоразумения с Грузией мирным путем. Взаимопонимания не нашел. Последнюю точку поставила оккупация Грузией в феврале 1920 года города Сочи. Главком ВСЮР начал ответные боевые действия. На помощь Грузии пришла Англия. Точно так же, как в ситуации с Арменией и Азербайджаном, Деникин получил ультиматум от английского правительства о прекращении боевых действий под Сочи. Британии было выгодно, чтобы генерал имел прочный тыл в период интенсивных сражений на Южном фронте. Боевые действия затихли, но до конца своей деятельности главком практически находился в состоянии войны с Грузией.

Вообще, точно так же, как и в ситуации с Арменией и Азербайджаном, политика Англии в вопросах взаимоотношений с Грузией отличалась двойственностью. Англичане, например, помогают главкому организовать эвакуацию из Батума имущества, принадлежащего армии царской России, но в то же время не замечают антирусской и антиденикинской пропаганды, развернутой правительством Грузии.

Подобную двойственность английской политики метко охарактеризовал в одном из донесений деникинский эмиссар генерал Эрдели.

Он писал, что совершенно не понимает политики Англии. По всей видимости, ею преследуются какие-то личные цели. С Грузией

и грузинами заигрывают, а грузины держат себя с англичанами весьма бесцеремонно. Англичане «или не умеют, или не хотят проявить свою власть, или диктовать свою волю».

Когда англичанам было выгодно, то они поддерживали Деникина довольно решительно. Например, английское командование не препятствовало укреплению главкома ВСЮР в Дагестане, так как тот был тылом белых. По этому поводу английский исследователь Гейлард писал, что англичане планировали обосноваться хозяевами в Баку, оставив русским нефтепромыслы в Грозном и на Северном Кавказе.

Наиболее драматично для генерала Деникина складывались отношения с Польшей.

Он высказывался за восстановление польской государственности, но только по этнографическому признаку, о чем уведомил союзников по Антанте и не скрывал от начальника польского государства — маршала Пилсудского. Главком ВСЮР прямо заявил главе польского государства через эмиссара генерала Корняцкого о том, что Россия останется Единой и Неделимой.

Генерал полагал, что Польша будет активно выступать против Советской России, но он не учел националистических амбиций маршала Пилсудского.

Получив отказ Антанты от вооруженной поддержки, Пилсудский начал непосредственные контакты с главнокомандующим ВСЮР, вступив с самого начала в двойную игру. Стратегический план Пилсудского был таков: путем затягивания переговоров и угроз прекратить поддержку ВСЮР, окончательно ослабить позицию белых. Одновременно установить контакт с правительством Ленина, попытаться достичь некоторых территориальных уступок.

Такая двойная игра вскоре стала известна генералу Деникину. ОСВАГ доложил ему о сути политики Польши следующее: «Мы хотим, чтобы большевики били Деникина, а Деникин бил большевиков».

Отсюда желание: «Пользуясь междоусобной борьбой в России, извлечь для себя наибольшие выгоды»[132].

Такое известие стало для Антона Ивановича большим ударом.

Польские политики в своем вероломстве по отношению к Деникину порою опускались до мелких козней, которые унижали высшее должностное лицо белого юга России. Поезд дипломатического представителя ВСЮР в Польше не могли загрузить 17 дней, все решали, где разместить представительство белых.

А ведь польская миссия, прибывшая в Таганрог 30 сентября 1919 года, была принята самым радушным образом… Хотя сразу стало ясно, что ее единственной задачей было склонить Деникина к формальному обещанию отдать Польше Курляндию с ее Балтийским побережьем, Волынь, Литву и Белоруссию. Не вышло…

Не содействовало установлению более тесных контактов с Польшей и отсутствие оперативной связи между Варшавой и Таганрогом. Она осуществлялась через… Париж. Парадоксальный факт: когда войска генерала Деникина подходили к Орлу, дипкурьер ВСЮР приехал в Польшу лишь на 29-й день.

Полковник Долинский, представитель Деникина в Варшаве, писал своему главкому об унижениях, которым он постоянно подвергался, о свирепствовавшей в Польше дикой «дерусификации» и о растущей враждебности прессы к армии юга России.

Из воспоминаний М. А. Деникиной:

«Мой отец в мемуарах упоминал о своем представителе в Варшаве полковнике Долинском. В апреле 1981 года я получила письмо от немецкого преподавателя математики Р. Долинского. Сын полковника (затем произведенного моим отцом в генералы) раздобыл мой адрес, чтобы поделиться своими отроческими воспоминаниями, относящимися к его жизни на Украине в 1919 году. Он задал мне вопрос, на который я должна была ответить „нет“.

„Марина Антоновна, нет ли случайно в бумагах, оставленных Вашим отцом, деталей, связанных с миссией моего отца в Польше осенью 1919 года? Мой отец говорил мне об этом лишь однажды перед своей смертью“.

Вот что я узнала: в Восточной Пруссии в районе Данцига находились склады немецкого оружия и боеприпасов, которые по Версальскому договору должны были быть уничтожены. Определенным ответственным лицам в Германии пришла идея предложить оружие белым, которые сразу же приняли предложение. Но чтобы переправить оружие на юг России, необходимо было получить разрешение Польши на его перевозку через ее территорию. Мой отец был ответственным за проведение всей операции. Она могла быть осуществлена только при содействии какого-нибудь члена союзнической комиссии. В Варшаве моему отцу рекомендовали некоего француза, так сказать, подходящего для нашего дела и будто бы вполне достойного доверия. На самом деле этот человек выдал моего отца и провалил все предприятие.

Я думаю, что факты подобного рода играли большую роль в

истории. В то время, когда Ллойд Джордж делал все возможное, чтобы приостановить помощь армии юга России, белым жесточайшим образом не хватало этих немецких арсеналов (предназначенных для уничтожения), которые могли сыграть решающую роль в их победе… и изменить лицо мира!»

События развивались так, что отношения ВСЮР и Польши обострились до предела. Савинков сделал прогноз: к весне 1920 года Деникину придется воевать против Польши. Степень напряженности не исключала гипотетической возможности такой модели развития дальнейших событий.

Антон Иванович предпринимал отчаянные попытки снять разногласия с Польшей дипломатическим путем, но не нашел понимания в польском правительстве, которое зациклилось на территориальных претензиях к России. Это вызвало раздражение у генерала.

В декабре 1919 года Деникин направляет Пилсудскому просьбу перейти в наступление против правого крыла Южного фронта. Начальник польского государства маршал Пилсудский медлит.

А советская дипломатия не дремлет, затевает с Польшей свою игру. И — выигрывает время. Пилсудский лишь в январе 1920 года развернул боевые действия против советской 12-й армии, но время уже работало против Деникина, участь его войск на Украине была решена.

Такая политическая линия Польши позволила генералу в эмиграции утверждать: польское правительство фактически «спасло советскую власть от гибели».

Польша действовала вероломно, в духе лучших традиций Макиавелли. Генерал Деникин действовать вероломно не хотел и не умел. Не случайно упоминавшийся выше дипломат Михайловский сокрушается о том, что, например, надо было бы пообещать полякам Волынь и не выполнить. Но это — не в правилах Антона Ивановича…

В отношениях с лимитрофными государствами особо ярко проявилась нетерпимость Деникина к любым проявлениям сепаратизма. Нетерпимость к лимитрофным государствам часто принимала крайние формы. Когда главкому ВСЮР доложили, что на прием просятся представители Латвии и Литвы, он ответил: «Я таких государств не знаю».

Пользы подобная позиция не принесла: не использовал возможности приобрести союзников в антибольшевистской борьбе.

Несколько терпимее Деникин относился к Финляндии.

Получив сообщение о том, что Англия и США признали в мае

1919 года ее суверенитет, направил в адрес Парижской конференции телеграмму, в которой указал, что отнесся к этому с полным сочувствием, но полагает, что решение финляндского вопроса без учета интересов России «является для русского народа неприемлемым»[133].

Он создает по финскому вопросу специальную комиссию, которая пришла к выводу:

Финляндия может быть признана независимой лишь в случае заключения с Россией Конвенции, позволяющей иметь базы в финских портах и пересматривающей границы на Кольском перешейке. В противном случае будет создана угроза Петрограду, что «принудит Россию к ведению в будущем ряда войн для восстановления своих собственных границ, позволяющих свободно развивать свои экономические силы»[134].

Советско-финляндская война (1939–1940) отчасти подтвердила правоту позиции генерала Деникина.

Тут скорее надо признать — дипломатия оказалась слабым звеном в деятельности генерала, который не имел в этой сфере необходимых навыков, опыта и способностей.

По сравнению с внутриполитической деятельностью, в неудачах внешней политики Деникина несколько большую роль сыграли субъективные причины. Генерал не умел лавировать, лукавить, тем более быть вероломным, без чего, как учит история, невозможна дипломатия.

Правда, суровые реалии действительности заставляли Антона Ивановича овладевать и общепринятыми приемами дипломатической деятельности. Так, он приказал создать комитет по освобождению Бессарабии, но держать это в строжайшей тайне, чтобы не испортить отношения с правительством Румынии[135]. Это были единичные эпизоды, которые не должны ставить под сомнение мое утверждение, что Деникин не имел дипломатических талантов.

Негативное влияние оказывало и то, что он был вынужден сверять свои внешнеполитические акции с позицией Антанты. Не случайно Михайловский писал:

«Силой и слабостью Деникина во внешней политике было отсутствие авантюризма. Его дипломатия была в мертвом оцепенении шаблонов великодержавного союза с Антантой».

Дипломатические неудачи Деникина показывают, что государство «царя Антона» медленно, но уверенно входило в состояние социально-политической комы, из которой его не могли вывести никакие реаниматоры. Гордиев узел затягивался все сильнее. Со всеми вытекающими отсюда последствиями…

КОНЕЦ ВСЕМ НАЧАЛАМ

Я на коне, толкани — я с коня…

В. Высоцкий

Крым. Конец марта 1920 года. Феодосия… Антон Иванович сидит в небольшом кабинете… Заходит недавно смещенный с должности начальника штаба ВСЮР генерал Романовский.

— Ваше превосходительство! Разрешите доложить…

— Простите, Иван Павлович, перебью. Прошу выслушать. Низкий поклон, что вы правильно восприняли мое решение о смещении вас с должности.

— Но я же сам просил вас об этом! — воскликнул Романовский. — Думаю, что генерал Махров — достойная замена.

— Не об этом, дорогой Иван Павлович! Решение далось мне трудно, не за одну бессонную ночь. Вы знаете, сколько раз я не отпускал вас, сколько раз отметал давление. Даже протопресвитера. Но политика, милый генерал, оказалась сильнее меня… Тем более вас ведь действительно могли убить эти скоты, носящие, к сожалению, погоны русского офицера. Злой рок, я остался один на один со всеми силами зла…

Выслушав монолог своего бывшего непосредственного начальника, Романовский покраснел и на одном дыхании выпалил:

— Антон Иванович, да о чем это вы? Мы же все обсудили. Не было другого выхода…

— Это еще не все, дорогой Иван Павлович. Позвольте закончить, — как-то обреченно сказал главком. — Я понимаю. Не хочу сейчас говорить красивых слов о том, что вы значите для меня. Что я сейчас скажу, вы услышите первым. Логика поражений неумолима. Кто-то должен нести ответственность за случившееся. И эта беспощадная логика подвела меня, дорогой Иван Павлович, к единственно верной мысли: таким человеком может быть только главнокомандующий.

— Извините, что перебиваю, ваше превосходительство, но существует ряд объективных причин…

— Иван Павлович, мы же офицеры! Только я должен ответить за эту трагедию…

— Понимаю, Антон Иванович, всю вашу боль. Это и моя боль. Это боль всех генералов. Но вы не должны уйти с поста главкома! Армия верит вам!

— К сожалению, не совсем так. У меня ночью 19 марта был

генерал Кутепов. Вы знаете, как я уважаю его. Александр Павлович рассказал интересные вещи. Его вызвал генерал Слащев, известный интриган, из Севастополя в Джанкой и, сославшись на мнение, что армия и население недовольны генералом Деникиным, предполагает 23 марта созвать совещание, которое, вероятно, заставит меня сдать командование. Я, Иван Павлович, не был удивлен, так как уже знал о бурной деятельности Слащева, который связался с Врангелем, Боровским, Сидориным, Покровским, Юзефовичем, имея в виду свою кандидатуру на пост главкома. Знаю и о давних интригах Врангеля, о том, что Сидорин обвиняет в предательстве Дона. Генерал Кутепов предложил принять меры против готовившегося совещания, вызвать старших начальников, потребовав доклада о настроении войск.

— Александр Павлович абсолютно прав! — вскричал Романовский.

— Других предложений от командира Добровольческого корпуса я и не ожидал… Но принял другое решение. Время настало. Довольно.

— Антон Иванович, этого делать нельзя!

— Иван Павлович, ради бога извините, но оставьте меня одного. Вызову вас чуть позже.

Генерал Романовский, бледный как полотно, направился к выходу.

— Да, Иван Павлович, только не подумайте чего-нибудь плохого. Генерал Деникин не пустит пулю в лоб. Не дождутся! Бывало и хуже. Нам тяжело, противнику не легче. Я еще нужен Отечеству, Асе, Марине…

— Что бы там ни было, остаюсь со своим главкомом! — Романовский быстро захлопнул дверь кабинета, чтоб никто не увидел, как у него на глазах блеснули слезы…

Дальнейшие события развивались быстро.

Деникин составил секретную телеграмму-приказание о сборе начальников в Севастополь на военный совет под председательством генерала Драгомирова на 21 марта для избрания преемника главнокомандующего вооруженными силами юга России. В число участников Антон Иванович включил и известных ему «претендентов на власть». В состав совета должны были войти:

«Командиры Добровольческого (Кутепов) и Крымского (Слащев) корпусов и их начальники дивизий. Из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса, в силу боевой обстановки, норма может быть меньше). Должны прибыть также коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник

штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса — генералы Сидорин, Кельчевский и шесть лиц в составе генералов и командиров полков. От штаба главнокомандующего — начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления и персонально генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».

Генерал Махров, сменивший на посту смещенного генерала Романовского, вспоминал:

«Он (Деникин) показался мне невыразимо усталым. Протянул приказ и сказал: „Мое решение бесповоротно. Армия потеряла веру в вождя, я потерял веру в армию…“».

К председателю военного совета генерал Деникин обратился с письмом:

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и ее историческое предназначение мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственность власти и командование.

Уважающий Вас А. Деникин». Военный совет собрался, и утром 22 марта Деникин получил телеграмму генерала Драгомирова:

«Военный Совет признал невозможным решить вопрос о преемнике главкома, считая это прецедентом выборного начала, и постановил просить Вас единолично указать такового. При обсуждении Добровольческий корпус и кубанцы заявили, что только вас желают иметь своим начальником и от указания о преемнике отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считают свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащев отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои категорические заявления, что ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении вами главного командования, ибо только на вас полагаются и без вас опасаются за распад армии, все желали бы вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в совете, но меньшего

состава. В воскресенье, в полдень, назначил продолжение заседания, к каковому прошу вашего ответа для доклада военсовету.

Драгомиров».

Впоследствии в белой эмиграции генерал Богаевский вспоминал, что участники совета, кроме моряков, единодушно заявили: выборов быть не может, войска подчиняются главкому. В особенности решительно были настроены добровольцы, которые заявили, что признают только генерала Деникина, и «в порыве горячего чувства вскочили и закричали ему „Ура“.»

Антон Иванович между тем счел невозможным изменить свое решение. Генералу Драгомирову ответил коротко, но твердо:

«Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но если донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации».

За этими словами скрывалась глубокая нравственная и духовная драма…

Заседания военного совета шли непросто. Первоначально члены совета собрались на квартире у генерала Витковского и твердо высказались за оставление генерала Деникина на посту главнокомандующего вооруженными силами юга России. Однако генерал Кутепов сообщил, что Антон Иванович тверд в решении оставить пост. Все разошлись, не приняв никакого решения.

На самом военном совете долго решали вопрос о преемнике, не называя его. Наконец начальник штаба Черноморского флота Рябинин назвал имя Врангеля. Многие генералы вообще высказались против выбора командующего, считая такой порядок недопустимым. Предложили связаться с Деникиным и просить его сохранить командование. Это является лучшим контраргументом на имеющиеся в советской и белоэмигрантской историографии утверждения о том, что после «новороссийской катастрофы» авторитет Деникина был якобы подорван напрочь. Колебания членов военного совета говорят об обратном…

Однако принимать решение было необходимо!

На другой день из Константинополя прибыл Врангель. На военном совете старшие начальники начали заседать отдельно. Споры продолжались. Ни одна кандидатура не обходилась без возражений. Согласия не было. Наконец, генерал Богаевский призвал решить вопрос и предложил кандидатуру Врангеля. Снова обсуждали, спорили…

В конце концов решение было принято. В Феодосию пошла телеграмма, подписанная генералом Драгомировым:

«Высшие начальники до командиров корпусов включительно единогласно остановились на кандидатуре генерала Врангеля. Во избежание трений в общем собрании означенные начальники просят вас прислать ко времени открытия общего собрания, к 18 часам, ваш приказ о назначении, без ссылки на избрание военным советом».

«Я, — вспоминает Деникин, — приказал справиться, был ли ген. Врангель на этом заседании и известно ли ему об этом постановлении, и получив утвердительный ответ, отдал свой последний приказ вооруженным силам юга:

§ 1.

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим вооруженными силами юга России.

§ 2.

Всем шедшим честно со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин».

Получив это подтверждение о своем назначении, Врангель в свою очередь подписал приказ по армии:

«Я разделил с армией честь ее побед и я не могу отказаться выпить вместе с ней чашу унижений. Черпая свои силы в доверии моих старых соратников, я соглашаюсь принять пост главнокомандующего».

Хотя Деникин передал Врангелю лишь свои военные полномочия, последний стал считать себя также и гражданским правителем. В своих мемуарах он напишет, что, став «правителем и главнокомандующим вооруженными силами юга России», он «соединил всю полноту военной и гражданской власти, не знающей никакого ограничения». Ему удалось восстановить в армии дисциплину, наладить отношения с Францией. Перейдя в контрнаступление, он наголову разбил красных в мае — июне и высадил десант в Кубани. В августе Мильеран, тогда председатель правительства, сообщил Врангелю, что Франция готова официально признать его…

Увы, Кубанская экспедиция потерпела фиаско. Красная Армия получила значительное подкрепление с Западного фронта

и в октябре развернула масштабное наступление на Крым. В ноябре остатки белой армии, погрузившись на корабли, покинули Россию.

Врангель, не дожидаясь трагической развязки, но уже предвидя ее, начал объяснять во множестве статей и интервью возможный разгром своей армии «тяжелым наследством, оставленным мне Деникиным». Наследство, конечно, не из легких. Но и Врангель должен был на себя взять большую долю ответственности за поражение в Крыму. Отвечать за поражения — святой долг полководца.

Поэтому позиция огульного обвинения во всех грехах Деникина в белой эмиграции не всеми была встречена с восторгом. Марина Антоновна в своей книге приводит отрывок из неопубликованного письма, написанного 1 декабря 1920 года генералом Шапроном дю Ларре, последним адъютантом Деникина, и адресованного Врангелю. В нем представлен интересный взгляд очевидца, владевшего большой информацией из первых рук.

«Когда генерал Деникин вступил в должность главнокомандующего по приказу генерала Алексеева, то наследием ему было около 2500 солдат армии, не выходившей ни на минуту в течение последних пяти суток из кровавого боя, без пищи и питья, совершенно раздетой, имеющей от 5 до 10 патронов, около 60 снарядов и обоз с ранеными в 12 верст длиной. […] Армия уходила без тыла, без базы, без всякой надежды на чью-либо помощь, без всякой возможности каких-либо сношений с внешним миром, но с твердой верой в дело и своего любимого вождя, генерала Деникина. Он оправдал доверие к нему армии, правда, тогда в ней не было разлагающих, пошлых честолюбцев.

Переданное вам генералом Деникиным наследство, о котором вы жаловались всему миру через прессу, было: армия до 40 тысяч бойцов, хотя сравнительно и плохо, но одетая, вооруженная, снаряженная миллионным запасом патронов и громадным количеством снарядов, с аэропланами, танками, с флотом, […] с миллионным запасом зерна. Повторяю, все это вами было принято в Крыму, когда море было в вашем распоряжении, а не в руках противника».

Шапрон дю Ларре возвратился к более отдаленному прошлому.

«Когда, с первых же дней русской революции, началась трагедия русского офицерства, забрасываемого потоками грязи, […] восстал всей силой своего мощного духа генерал Деникин, бросивший прямо, честно, публично, на заседании в ставке обвинение в лицо всесильному тогда Керенскому. […] Порыв, чуждый всякой мысли о

себе. Это было в то время, когда вы, оставаясь верным себе, послали телеграмму генералу Корнилову, бывшему тогда главкомом 8-й армии, с просьбой о выдвижении вас с поста командира бригады на пост начальника дивизии, после неудачных хлопот о том же в ставке, как видно из телеграммы, которая в данный момент находится в папках с некоторыми бумагами генерала Корнилова.

[…] Вы, сознавая приближение конца, кричали, что ваш величайший грех — это ваше исключительное честолюбие, которому вы всю свою жизнь приносили в жертву решительно все и вся. Вы клялись, что вы каетесь с полной искренностью и что, если вам Господь дарует жизнь, вы отбросите от себя навсегда ваше честолюбие… и что же после? Ваше письмо генералу Деникину…

Вы Бога обманули, генерал!»

…Вечером 22 марта (4 апреля) 1920 года после прощания с ближайшими сотрудниками в ставке и офицерами конвоя бывший главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин и его бывший начальник штаба генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский приехали в английскую миссию и в сопровождении генерала Хольмана — на пристань.

Порт… Почетные караулы… Представители иностранных миссий… Английский миноносец снимается с якоря…

Французы пригласили Романовского подняться на их корабль. Представитель военной миссии Великобритании генерал Хольман задержал его и сказал:

— Не оставляйте вашего начальника одного!

Генерал для поручений Шапрон дю Ларре и три или четыре офицера, добившиеся разрешения сопровождать отставного главкома ВСЮР, поднялись на французский миноносец. На корабле, где находились Деникин, Хольман, Романовский и который первым поднял якорь, развевался государственный флаг Соединенного королевства…

Деникин вглядывается в силуэт исчезающего берега…

«Когда мы вышли в море, была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначили еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут. Россия. Родина моя…»

Часть III
НА ЧУЖИХ БЕРЕГАХ

Здесь обрывается Россия
Над морем Черным и глухим.

Аминад Шполянский (Дон-Аминадо)

ИЗГНАННИКИ

Не верю я, что нет другой Руси,
Ведь что-то выжить помогает.
И вновь молю: «Помилуй и спаси»
Пока душа еще страдает.

Н. Белоконева

…Ясным весенним апрельским днем 1920 года на константинопольском рейде поднял якорь английский дредноут «Мальборо», взявший курс на запад. На его борту находился бывший главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Два дня назад прибывший сюда на английском миноносце из Феодосии, он в последний раз смотрел в ту сторону, где осталось Черное море, а за ним Россия. Со своей семьей и детьми генерала Л. Г. Корнилова он с каждой минутой отдалялся от родных пределов. Отдалялся навсегда…

Осталась позади целая эпоха истории России, в которой ему довелось сыграть одну из ведущих ролей в политическом театре контрреволюции и Белого движения.

Впереди — другая жизнь, чужие границы, полная неизвестность…

Антон Иванович Деникин влился в многомиллионный легион изгнанных революцией русских людей — белых эмигрантов.

Белая эмиграция — родное, но не любимое дитя революции и Гражданской войны в России (1917–1920)…

Изгнанники… Какой скорбью наполняется это слово, когда речь заходит о белой эмиграции!

Расстояния: версты, мили…
Нас расставили, рассадили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

В траурной музыке четверостишия и спустя почти 80 лет с того момента, когда Марина Цветаева его написала, чувствуешь

боль наших соотечественников, потерявших Россию. Навсегда…

А было их, насильно лишенных Отчизны, тех, кто прошел свой тяжкий путь из ниоткуда в никуда, по разным оценкам, от 1,5 до 2 млн человек! Для сравнения: в результате, например, Великой французской революции лишилось Отечества 150 тысяч человек. Разумеется, это была людская масса, исключительно пестрая по своему социальному составу, хотя и называлась белой эмиграцией.

Вспоминает великий князь Александр Михайлович:

«Адвокаты и врачи, художники и писатели, банкиры и купцы, политики и предприниматели, крестьяне и домовладельцы — все сословия российского населения были представлены в квартале Пасси, облюбованном беженцами без видимых причин, если не считать того, что это был самый дорогой и престижный район Парижа. Им пришлось покинуть Россию отчасти из страха быть расстрелянными, отчасти потому, что понимали, что в государстве, управляемом Советами, им места не будет…»

Главная особенность белой эмиграции — наличие ядра в лице контингента разбитых белых армий. За 5 дней ноября 1920 года, после разгрома врангелевских войск, из Крыма на константинопольский рейд прибыло примерно 150 тысяч человек, из них более 70 тысяч личного состава русской армии барона Врангеля, то есть более 46 процентов. В литературе русского зарубежья в различное время проводились подсчеты, свидетельствующие, что белое воинство составляло почти половину изгнанников[136].

Военное ядро белой эмиграции существенным образом влияло на все стороны бытия эмигрантского социума, и, прежде всего, через воссозданную сеть военно-учебных заведений: зарубежные военные курсы генерала Головина, более 55 кружков военного самообразования, более 10 военных училищ, средних школ и курсов, 3 кадетских корпуса. Идеологическое и психологическое воздействие на умы и сердца эмигрантов оказывали более 100 военных периодических изданий различной ориентации и направленности.

«Нищие в массе своей, — писал военный эмигрантский деятель Б. Штейфон, — мы создали такую военную прессу, какой не имеют многие государства».

Белая эмиграция — составная часть более широкой общности — российского зарубежья. Активное социально-политическое функционирование именно белой эмиграции, причем по нисходящей, занимает период с 1920 по 1945 год. После Второй мировой войны и примерно до начала 60-х годов XX века происходила довольно быстрая потеря специфических черт

белоэмигрантской общности.

Но самой мощной силой в белой эмиграции стал Русский общевоинский союз (РОВС). Он оставил самый заметный след в политической жизни русской эмиграции в 20—30-х годах прошлого столетия.

Его создатель — генерал Врангель, подписавший 1 сентября 1924 года приказ № 35 по русской армии[137]. Это стало начальной точкой отсчета истории уникальной организации белого офицерства в изгнании.

11 сентября Врангель дал секретные указания должностным лицам о главном предназначении РОВС — сохранении русской армии в новом виде, в связи с изменившейся конкретно-исторической обстановкой (см. Приложение 23).

Предтеча РОВС — организационная работа Врангеля и его соратников по сохранению остатков белых армий в эмиграции. Аналитики Коминтерна сообщали в секретариат Ленина, что Врангель рассчитывает при помощи союзников сохранить почти 70-тысячную армию и до 1 мая 1921 года высадиться в одном из пунктов Черноморского побережья Советской России[138].

Остатки русской армии были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на Галлипольском полуострове (1-й армейский корпус), на острове Лемнос и в районе Чалтаджи, в 50 км от Константинополя (Донской и Кубанский казачьи корпуса). В счет их содержания были переданы французским властям русские корабли, задействованные в эвакуации белых. Среди них 2 линкора, 2 крейсера, 10 миноносцев, 4 субмарины, 12 других кораблей. В 1932 году многие из них были проданы на слом.

Армия находилась в неимоверно трудных условиях, о чем сохранились воспоминания очевидцев — участников «галлиполийского сидения»[139]. Однако Врангелю удалось (правда, не до конца и не с тем качеством, как хотелось бы) решить главную задачу: создать в галлиполийских лагерях «надежный и вполне подготовленный кадр будущей армии».

В 1921 году личный состав 1-го армейского корпуса составлял: офицеров — 9540; «нижних чинов» — 15 617; чиновников — 569; врачей — 142. Всего — 25 868 человек. В период пребывания корпуса в Галлиполи развернули деятельность 6 военных училищ, в которых к октябрю 1921 года насчитывалось 187 офицеров, 72 чиновника, 1482 юнкера и 184 солдата. В Галлиполи были произведены в офицеры 383 юнкера, а история русских военных вузов в изгнании продолжалась и после переезда армии на Балканы.

В Галлиполи состоялось 7 торжественных парадов в честь

традиционного праздника Георгиевских кавалеров.

Для подъема морального духа войск врангелевское командование выпускало «Информационный листок», напечатанный на машинке. Он распространялся среди солдат и офицеров. И в каждом листке был обзор положения в Советской России, «о восстаниях, о последних днях большевиков» и т. д.

Но не все было так хорошо во времена «галлиполийского сидения», как иногда это описывается в постсоветской историографии[140].

Приходилось прибегать и к репрессиям. Только в 1-м армейском корпусе военно-полевому суду были преданы, по официальным данным, 75 солдат и офицеров, а 178 осуждены корпусными судами. Виновные приговаривались к смертной казни, к каторжным работам и арестантским отделениям, около 40 солдат и офицеров были разжалованы в рядовые.

Неимоверно трудные материально-бытовые условия, оторванность от России, недопонимание, неясность целей дальнейшей борьбы, неуверенность в завтрашнем дне, тоска по Родине и стремление вернуться в Россию или, по крайней мере, покинуть ряды армии поразили многих военных эмигрантов.

В мае 1921 года, в ходе переброски войск на Балканы, Врангель издал приказ:*«…Те, кто в силу своего слабого здоровья или по каким бы то ни было другим причинам чувствует себя не в состоянии больше оставаться в рядах армии, должны в трехдневный срок заявить об этом по команде — они будут переведены на беженское положение».* Около 20 процентов личного состава армии, воспользовавшись предоставленной возможностью, покинули ее ряды и перешли в категорию беженцев.

Еще сложнее было морально-психологическое состояние казаков. На острове Лемнос разброда и шатаний было больше, нежели в галлиполийских лагерях. Из 40 тысяч строевых казаков в Советскую Россию вернулось более 7100 человек.

Малоэффективными оказались и усилия Врангеля по сформированию своего рода правительства России в изгнании — Русского совета. Он официально был объявлен преемственным носителем законной власти, объединяющим силы, «борющиеся против большевиков». За такими усилиями барона-изгнанника внимательно следили, как явствует из архивных документов, аналитики Коминтерна.

В докладах в Москву особо подчеркивалось, что в Русском совете нет единства. Но уже на первом заседании 5 апреля 1921 года в Константинополе он пытался потребовать от за-, падных правительств объявления ультиматума Советской власти.

Русский совет оказался аморфной организацией, с которой, по признанию Врангеля, никто особенно не считался. Попытка объединить вокруг него и армии «национально-мыслящих людей» закончилась неудачей[141].

На создание РОВС Врангеля подтолкнуло и то, что союзники сорвали де-факто его попытки сохранить остатки армии. В апреле 1921 года Франция закрыла ему кредит. Как следствие, контингенты его войск передислоцировались, по договоренности с правительствами, в Болгарию, Югославию, Венгрию и Чехословакию. Все это происходило на фоне укрепляющегося международного авторитета Советской России.

РОВС, судя по программным документам, официально не выставлял монархических лозунгов. Форма политического устройства будущей России в моделях, разработанных идеологами союза, официально не определялась.

Подобное обусловливалось тем, что военные организации белой эмиграции в своих программах исходили из принципа непредрешенчества, оставляя выбор формы власти на решение всенародного собрания, которое будет созвано после освобождения России от большевиков. Даже больше, РОВС обязывал своих членов строго придерживаться принципа неучастия в политике. Врангель, например, требовал от офицерских организаций следующее: если они пожелают вступить в РОВС, то они обязаны выйти из состава других политических объединений.

Однако в протоколе заседания Высшего монархического совета, проходившего в сентябре 1931 года, зафиксировано, что ВМС полностью поддерживал РОВС, признавал его большое значение, так как союз поддерживал воинский дух, вел противобольшевистскую борьбу. Совет констатировал, что поддерживает с РОВС тесную связь и «помогает ему во всех начинаниях».

Между тем не все военные организации строго придерживались принципа непредрешенчества, что им навязывало командование РОВС.

В 20—30-е годы XX столетия РОВС стал реальной силой. Он развернул свои отделы и отделения во многих странах, сначала в Европе, а потом в Америке и Китае (см. Приложение 24). Секретный документ РОВС, ставший достоянием Разведуправления РККА, свидетельствует, что, по данным командования союза, количество русских беженцев, которых можно было поставить в строй, достигло 1 млн 158 тысяч человек. Все они, как говорилось в документе, были преданы белой идее[142].

Организация развернула активную антисоветскую деятельность, в том числе диверсионно-террористическую, против СССР. Вдохновитель террора — генерал Кутепов. В 1928 году после смерти Врангеля Александр Павлович назначается председателем РОВС. Кутепов слишком уверовал в свое, как показала история, поверхностное видение перспектив дальнейшей борьбы.

Он рассуждал примерно так:

«Россия вкусила обещанного рая, и отныне Гражданская война примет другой характер. Есть точные данные: Россия кипит мелкими крестьянскими восстаниями, ее терзают карательные отряды. Она примкнет к выступлению РОВС, офицерские кадры готовы. Хоть завтра сажай на десантные суда.

Для начала следует высадиться где-то на юге, в районе Кавказа; высадиться небольшими силами, дабы иметь маневренность, а уж народное восстание смоет большевиков…»

Однако усилиями ОГПУ диверсионная деятельность РОВС, о которых мечтал Кутепов, была фактически нейтрализована. Да и сам Александр Павлович был обречен. В середине января его похищают на парижской улице агенты ОГПУ…

Внутри РОВС подобная тактика, как свидетельствуют архивные документы, удовлетворяла не всех. В 1930 году, с приходом к руководству союзом генерала Е. К. Миллера, в тактике союза произошли изменения. Террор отодвинулся на второй план. Был взят курс на подготовку крупных выступлений против СССР. Но диверсионно-террористическая, шпионская деятельность против СССР продолжалась. Так, из справки НКВД следует, что в 1937 году только на Урале было арестовано 399 человек, причастных к антисоветской деятельности РОВС на территории СССР.

Со второй половины 30-х годов прошлого века в организации обострились центробежные процессы, вспыхнула генеральская склока. От РОВС стали отделяться мелкие группы. Провалилась акция с посылкой добровольцев к Франко в Испанию. Понятно, что ее сорвали в первую очередь французские власти, симпатизировавшие республиканцам и перекрывшие франко-испанскую границу. Но факт остается фактом. От РОВС в Испанию попало лишь 72 волонтера, влившихся в вооруженные формирования франкистов. Из них 34 погибло, 9 — получили ранения.

Руководство РОВС предпринимало отчаянные попытки по консолидации сил. Но особых успехов не добилось.

После переговоров с нацистами фон Лампе в Берлине в 1932 году союз установил контакты с Гитлером, рвущимся к власти в

Германии. В 1938 году Лампе возглавил Объединение русских воинских союзов (ОРВС), в которое к 1938 году был преобразован 2-й отдел РОВС. Организация выступила с инициативой участия эмигрантов в войне против СССР. К весне 1941 года роль ОРВС резко возросла, так как на подвластной Гитлеру территории оказалось четыре из шести европейских отделов РОВС, и Лампе было гораздо легче связываться с ними, чем находящемуся в Брюсселе председателю РОВС генералу А. П. Архангельскому.

Великая Отечественная война — та разгранлиния, где белым офицерам приходилось делать тяжелый нравственный выбор. Не случайно и члены РОВС разошлись по разные стороны баррикад. Лампе пытался предложить услуги добровольцев-ровсовцев фашистскому командованию. Энтузиасты среди экс-поручиков и экс-капитанов нашлись: многие из них наивно полагали, что станут драться со Сталиным, но не с русским народом. Глупо, конечно.

Но нацистское руководство гитлеровской Германии не проявило особого энтузиазма.

В официальном ответе на имя Лампе отмечалось, что в настоящее время чины ОРВС «не могут быть применены в немецкой армии».

Боялись фашистские бонзы белых офицеров…

Отказ фашистского командования не охладил, однако, пыл некоторых офицеров-изгнанников. По сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова, он совместно с начальником 1-го отдела РОВС генералом Н. Н. Головиным зарегистрировал более 1,5 тысячи офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе с большевизмом.

Из этого числа на фронт было отправлено сначала около 200 человек, которые получили специальную форму, отдаленно напоминавшую форму старой русской армии. Немецкое фронтовое командование было довольно ими. Но уже с июня 1942 года по требованию высшего гитлеровского командования отправка офицеров-эмигрантов на Восток прекратилась. Более того, затем участие эмигрантов, равно как и представителей старой интеллигенции, было строго запрещено, а бывших белых офицеров, за очень редким исключением, отозвали с фронта.

Однако не все рядовые члены РОВС поддерживали фашистские симпатии своих руководителей. Многие из них попали, например, в движение Сопротивления, где сложили свои головы на алтарь общей победы над «коричневой чумой».

После Второй мировой войны РОВС заметно слабел в идейно-политическом и организационном отношении. Не прошли здесь,

видимо, даром политические игры его руководства с Гитлером.

Однако нельзя не сказать, что РОВС сохранил бесценный исторический материал. Союз спас и сохранил 50 боевых знамен и штандартов императорской и белых армий, имеющих не только военно-историческую, культурную, но и духовно-нравственную ценность.

Вот такая непростая история РОВС — самой мощной силы белой эмиграции. Думается, что на данном исследовательском поле ученых ждет еще много интересных открытий.

НА БЕРЕГАХ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

Который уж, ну, который — март?!
Разбили нас, — как колоду карт!

М. Цветаева

Пасмурным майским воскресным днем 1920 года военный министр Великобритании Уинстон Черчилль давал в своей резиденции обед в честь бывшего главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. Вождь Белого дела в прошлом, а теперь изгнанник, держался скованно.

Собеседники все время возвращались к недавно минувшим событиям. Почему случилось так, что некогда могущественный генерал, единоличный военный диктатор в мгновение ока стал эмигрантом? В чем причина краха белых? Черчилль с Деникиным мучительно искали ответы на эти непростые вопросы.

Вдруг в разговор вмешался, внимательно слушавший до этого маститых собеседников, сын английского военного министра юный Рендольф.

— Мистер Деникин, разрешите уточнить…

— Рендольф! — перебил сына сэр Уинстон. — Я попрошу не обращаться к нашему гостю «мистер Деникин». Он генерал русской армии, нашей союзницы в войне против немцев. Обращайтесь к нему, по крайней мере, «ваше превосходительство…».

— Хорошо, отец! Простите, ваше превосходительство! И все-таки разрешите спросить?

— Пожалуйста, — разрешил Антон Иванович.

— Сколько большевиков вы убили своими руками?

— Моими руками? Ни одного, — ответил Деникин.

— Как ни одного! — удивился юный отпрыск. — Вы же воевали с большевиками, и ни одного из них не убили?

— Представьте себе, да!

— Странно все это, — разочарованно вздохнул Рендольф.

— Ничего тут странного нет, — вступил в разговор Черчилль. — Впрочем, сын, вырастешь, тогда и поймешь…

…После печального морского путешествия семья Деникиных прибыла в Лондон в апреле 1920 года.

«Генерал Деникин — один из лидеров, наиболее достойно проявивших себя в войне, прибыл к нам в поисках убежища и необходимого отдыха».

«У нас есть долг признательности и уважения по отношению к Деникину и всем тем, кто боролся с ним рядом для уничтожения гнусной тирании, истинную природу которой наш народ начал понимать только сейчас».

«17 апреля в 2 часа 40 минут его поезд из Саутгемптона подошел к вокзалу Ватерлоо. Пришедшие встречать русские сначала стояли неподвижно и в полном молчании, но вскоре произошло движение, у многих заблестели в глазах слезы».

Вот такими сообщениями пестрили тогда английские ведущие газеты.

В продаже появились даже почтовые открытки. На них была изображена группа людей в штатском (высокие шляпы или котелки) и в военном, окружающая коренастого человека в центре, одетого в походный френч и фуражку из твида (купленную во время остановки на Мальте), или же женщину в косынке с закутанным ребенком на руках.

«Прибытие генерала Деникина в Лондон», «Дочь генерала Деникина и ее няня» — аннотировались фото.

На вокзале множество машин военного министерства ждали почетных гостей, чтобы отвести их в отель «Кадоген». Антон Иванович тепло поблагодарил британцев за их прием, но, оставшись один на один в роскошных апартаментах, которые были для них зарезервированы, воскликнул:

— Господи, они совершенно ничего не понимают! Они не отдают себе отчета, в каком мы находимся положении. Как я могу оплачивать пребывание в этом отеле, безусловно, самом дорогом в Лондоне?

«Высоких гостей» было… одиннадцать человек: помимо семьи Деникина (четыре человека), няня, ординарец, Шапрон дю Ларре и его помощник Гришин, Наталия и Георгий Корниловы, Надя Колоколова, сирота, которую Ася взяла в свой дом в Екатеринодаре. Она считалась племянницей генерала, что облегчало ей оформление эмиграционных документов. Отставной главком ВСЮР обратился за помощью к русскому послу в Великобритании.

— Я буду вам искренне признателен, если вы мне разменяете эти деньги на фунты стерлингов и шиллинги. Вот 23000 царских рублей, около 400 керенок, несколько австрийских крон, турецкие лиры и это коробка, в которой содержится 49 рублей в старинных монетах по десять копеек. Они из серебра и потому должны иметь ценность.

Назначенные Керенским русские послы остались на своем посту после падения Временного правительства и считали себя представителями белой армии. Лишившись официального начальства, они отсылали свои рапорты сначала бывшему царскому министру иностранных дел, находившемуся за границей, затем назначенному на этот пост Колчаком Сазонову, эмигрировавшему в Париж.

Именно ему Саблин писал о своем свидании с Деникиным следующее:

«На сегодняшний день производится обмен 1800 рублей на фунт стерлингов, австрийские кроны и турецкие лиры вообще не подлежат обмену, копейки стоят гораздо меньше их металлического эквивалента. Я не смог извлечь из всего этого — больше 20 фунтов. Это все, что есть у бывшего главнокомандующего».

Черчилль, узнав об этом рапорте, пригласил к себе русского посла:

— Примут ли ваши соотечественники меры, чтобы восполнить данный недостаток средств? Если нет, то ряд членов парламента, и я в том числе, готовы оказать содействие генералу Деникину.

Посол предупредил об этом генерала, но тот с возмущением отказался принять подобное благодеяние, заявив, что он будет зарабатывать себе на жизнь своим пером, издавая мемуары. А пока покинет отель «Кадоген» и поселится с семьей в скромном доме, который нашел для него Хольман в предместье Сассекса. Каждый из его домочадцев попытался продать имеющиеся у него драгоценности. У Ксении Васильевны их почти не было, и ей пришлось расстаться с великолепным серебряным сервизом, украшенным гербами, который ей достался от прабабушки баронессы Энгельгардт.

Вспоминает Марина Антоновна:

«В 1928 году мои родители были приглашены на обед в посольство Чехословакии в Париже. Мария Петровна, жена посла, была русской по происхождению и познакомилась с нами во время летнего отпуска в Капбретоне. На следующий день моя мать рассказывала:

— Как только я села за стол, я сразу же узнала мой старый серебряный сервиз, который я продала еще в Англии. Твой отец, несмотря на мои подмигивания, конечно же, ничего не заметил. Кто-то сделал хозяйке дома комплимент за хороший стол и выразил свое восхищение гербами на вилках и ложках. И как ты думаешь, что Мария Петровна осмелилась ответить? Она сказала: — Да, этот серебряный сервиз очень древний. Он достался мне от

моей прабабушки!..»

На следующий день после своего приезда на британскую землю Деникин послал королю телеграмму с благодарностью и вместе с Хольманом нанес визит Уинстону Черчиллю.

Отклонив многие поступающие предложения, Деникин счел себя обязанным принять два из них: приглашение на банкет, организованный в его честь в палате общин, и приглашение графини Брасовой.

Графиня Брасова, по происхождению русская, принадлежала к самому высшему обществу. Дочь известного московского адвоката Шереметьевского, она еще очень молодой вышла замуж за Мамонтова, но вскоре развелась и стала женой гвардейского офицера Вулферта. При встрече с великим князем Михаилом, братом Николая II, обоих сразила любовь с первого взгляда. Новый развод и новая свадьба. Взбешенный царь изгнал из пределов России свою сноху, но дал ей титул и имя: графиня Брасова.

Вспоминает Ксения Васильевна:

«Мы жили тогда в коттедже, выходящем окнами прямо на берег Ла-Манша. Однажды я заметила, как у нашей решетки остановился красивый автомобиль с шофером в ливрее. Из него вышла элегантная и очаровательная молодая женщина. Она представилась:

— Я графиня Брасова. Могу ли я видеть генерала Деникина?

Приятный непринужденный разговор в присутствии Шапрон дю Ларре и Натали Корниловой. Темы самые злободневные. Перед тем как попрощаться графиня пригласила нас всех четверых приехать к ней на день в гости. В назначенный день за нами пришла машина. Я надела единственное имеющееся у меня платье для выезда из гофрированной тафты. Мужчины надели мундиры. Заболевшая Натали Корнилова не смогла нас сопровождать.

Графиня Брасова жила в красивом поместье, окруженном большим парком с оранжереями и бассейном. Во время обеда она долго рассказывала о своем сыне Георгии, который учился в колледже, показывала нам фотографии. Когда мой муж, знавший великого князя, сказал, что ребенок похож на своего отца, на ее лице засветилась радость. После чая она попросила Антона Ивановича пройти в ее кабинет. Более часа они разговаривали с глазу на глаз. Когда они вернулись к нам, мы заметили, что у них расстроенные лица и у графини красные глаза.

По возвращении в Певенси-Бей мой муж рассказал мне следующее: кто-то убедил несчастную женщину, что великий князь жив, что он скрылся от преследований в Сибири и что лишь три человека — и среди них генерал Деникин — знают истину и его

действительное местонахождение. Она со слезами умоляла генерала:

— Скажите мне, что он жив! Я знаю, что вы связаны словом чести, но скажите мне только, что он жив…

Антон не мог сказать ей ничего утешительного, ему были известны почти неопровержимые доказательства того, что великий князь был убит большевиками».

Молодой Георгий Михайлович, сын великого князя, племянник Николая II, погиб в автомобильной катастрофе во Франции в 1931 году. Его мать пережила его на двадцать один год и умерла в парижском доме для престарелых. Оба были похоронены на кладбище Пасси.

В 1956 году одна русская посетительница с трудом разобрала стершуюся и заросшую сорной травой надпись:

«Князь Брасов 1931. Княгиня Брасова, вдова великого русского князя Михаила».

Возможно, что сейчас этой могилы уже нет…

Депутаты палаты общин и представители палаты лордов решили устроить в честь Деникина банкет, который и состоялся 27 апреля. В своей приветственной речи лейборист Уорд подчеркнул, что действия Ллойд Джорджа имели самое отрицательное последствие. Ответная речь Деникина была краткой. Он напомнил, что белая армия в то время, когда под ее контролем находились Украина, Северный Кавказ, побережья Черного и Каспийского морей, отвлекала значительные силы большевиков, мешала им распространить свое влияние на Румынию, Турцию, Персию и Афганистан, тем самым защитив эти страны от коммунистической заразы и дав возможность свергнуть в Венгрии кровавую диктатуру Бела Куна. Борьба белых не была напрасной.

К бывшему вождю Белого дела присматривались крупные британские политические деятели, рассчитывая разыграть в большой антисоветской политической игре «карту генерала Деникина». Русские и английские собеседники спрашивали совета у Деникина по поводу того, какую позицию выбрать по отношению к Врангелю. Политические деятели пытались убедить его встать во главе белого русского правительства, созданного в эмиграции.

Вот и шанс поправить свое бедственное финансовое положение. Законность этого шага не могла быть поставлена под сомнение, поскольку с момента смерти Колчака (и даже еще ранее) он являлся верховным правителем, а Врангелю передал лишь свои военные полномочия… На что бывший вождь белого юга России ответил, что отошел от политической борьбы и

считает себя только частным лицом. Он еще по-прежнему разбит нравственно, мысленно переживает горечь поражения, утрат. Он не готов к крупной политической борьбе. Его целиком захватила идея написать мемуары.

Что касается Врангеля, то бывший белый вождь просит оказать максимум содействия новому главнокомандующему русской армией, поскольку тот продолжает борьбу против большевиков.

Пребывание в коттедже Певенси-Бей оказалось, однако, слишком дорогостоящим. Хольман опять нашел более скромную виллу в Истборне, куда все и переехали. Русские гости, не считаясь с приступами мизантропии, во власти которой часто оказывались изгнанники, по-прежнему без предупреждения врывались в летний дом с деревянными колоннами.

Более тактичные англичане уважали желание Деникина, которое он высказал в интервью, напечатанном во многих газетах: «Генерал хочет остаться в одиночестве», и сообщали о своем приезде письмом. Неожиданно могли приехать иногда только двое близких друзей Деникина — генералы Бриггс и Хольман. Будучи главой британской военной миссии, Бриггс оказал белым столь значительную помощь, что был замещен Хольманом, которого Лондон считал менее русофильски настроенным. Но это общее пристрастие к белым совершенно их не сблизило…

Вспоминает Марина Антоновна:

«В 1934 году семья Бриггс пригласила меня по случаю Нового года провести у них три недели. Сэр Чарли Бриггс — Георг V только что пожаловал его в рыцари — показался мне истинным воплощением английского джентльмена: высокий, сухой, седовласый, четкая речь, резкие, но предупредительные жесты, изысканная элегантность, с которой он носил твидовый пиджак, а вечером смокинг. Леди Бриггс, еще очень молодая женщина, царила среди десятка слуг. Визиты к таким же богатым друзьям на машине с шофером, танцевальные вечера, игра в крикет, охота… Короче, о таком отдыхе можно было только мечтать. Когда я предупредила Бриггса, что должна провести уик-энд у Холъмана, он нахмурил брови, но тут же купил мне билет первого класса на поезд, идущий из Саффолка в Сассекс.

На вокзале меня ждал человек гигантского роста. Цвет лица „полковника из Индии“ контрастировал с белым цветом усов и волос. Он встретил меня очень тепло, удивился, что я ехала в первом классе. Я рассказала ему историю моего билета. Он сам довез меня на скромного вида машине до коттеджа. Его жена приготовила нам пудинг с почками и после обеда не дала мне помыть посуду. В воскресенье мы съездили в Истборн и Певенси-

Бей. Хольман лишь раз упомянул о Бриггсе и его молодой жене, но часто говорил о том великом человеке, дочерью которого я имела счастье быть. Он сам купил мне билет… первого класса. Бриггс лишь пожал плечами, когда я ему ответила: „Но нет, я совсем не скучала! Хольманы такие приветливые люди!“ Мой отец улыбнулся, когда я ему рассказала о своих впечатлениях:

„Это совершенно исключительные люди. Как жаль, что они не находят общего языка“».

К июню 1920 года парижский издатель Поволоцкий заключил с Деникиным контракт на издание мемуаров. Тем не менее, несмотря на гонорар, на предусматриваемые в контракте права, автор не мог себе позволить проживать со своей семьей в Англии. Друзья сообщали ему, что в Бельгии жизнь гораздо дешевле. Почему бы не поехать в Бельгию? Достали визу и назначили отъезд на октябрь или ноябрь, но статья в «Таймс» разрушила все планы.

17 августа в ней было опубликовано секретное послание, которое лорд Керзон, министр иностранных дел в правительстве Ллойд Джорджа, направил в апреле своему советскому коллеге Чичерину. В нем шла речь о перемирии между красными и белыми. Лорд Керзон писал:

«Я использовал все мое влияние на генерала Деникина, чтобы убедить его оставить борьбу, и обещал ему в этом случае сделать все возможное для заключения мирного договора между силами красных и белых. В конечном счете генерал Деникин уступил моим доводам и покинул Россию…»

Это не соответствовало действительности. Но такая дезинформация вносила брожение в умы белой эмиграции, подрывала и без того резко пошатнувшийся авторитет проигравшего главкома ВСЮР. Генерал Деникин подготовил заявление для прессы. 27 августа в газете «Таймс» появилось резкое опровержение генерала:

«Я глубоко возмущен заявлением лорда Керзона. Я категорически заявляю, что:

1) Лорд Керзон не мог оказать на меня никакого влияния, мы никогда не были знакомы.

[…]

4) Мое решение покинуть пост главнокомандующего было вызвано целым рядом причин, не имеющих абсолютно никакого отношения к политике лорда Керзона.

5) Я считаю сегодня, как считал и вчера, что борьба против

большевиков жизненно необходима и неизбежна до их полного уничтожения. Иначе рухнет не только Россия, но и вся Европа».

Деникин, побежденный полководец, до сих пор еще не пришедший в себя от своего военно-политического краха, потерявший Отечество, не обустроенный в материально-бытовом отношении, был вынужден расставить окончательные акценты в вопросе своей отставки и убытия в эмиграцию.

Такой акцией бывший вождь Белого движения как бы подвел черту под своим прошлым. Он наивно полагал, что прошлое его отпустит. Скоро Деникин понял, как оно цепко держит его. И прозреть ему помогло настоящее. Британский премьер-министр Ллойд Джордж начал переговоры с советским послом Красиным о нормализации торгово-экономических отношений Англии и Советской России.

Генерал-изгнанник возмущен до глубины души. Он наивно полагает, что, если покинет в знак протеста Англию, то переговоры будут сорваны, так как его отъезд вызовет негативную реакцию британской общественности. Антон Иванович жестоко ошибся: в марте 1921 года торговое соглашение между Великобританией и Советской Россией было подписано. А четыре года спустя Великобритания и Советская Россия установили дипломатические отношения.

Первая серьезная политическая пощечина… А тут еще есть хочется каждый день… Надо ехать в Бельгию. Это станет и демаршем в связи с политическими советско-британскими контактами, и жизнь будет подешевле…

28 августа 1920 года семья и жители коттеджа в Истборне в полном составе покинули дом с деревянными колоннами.

БЕЛЬГИЙСКО-ВЕНГЕРСКИЕ СКИТАНИЯ

Ничто так не мешает видеть,
как точка зрения.

Дон Аминадо

Первые шаги Антона Ивановича по бельгийской земле сопровождались знаковыми событиями.

Ксения Васильевна, невольно упражняясь в перетаскивании тяжелых дорожных чемоданов, почувствовала сильные боли в левом боку. Врачи поставили диагноз — опущение почки. Причина — плохое питание и истощение. Нужно было вернуть почку на прежнее место. Едва она поправилась, как ее вызвали телеграммой в Берлин. Второй муж ее матери, эмигрировавший в Германию, сообщал, что мать умирает от рака желудка.

В том момент генерала Деникина вызвала местная контрразведка и долго допрашивала о том, чем он собирается заниматься в их стране. Его будущая деятельность бельгийским властям показалась подрывной. Разгневанный экс-вождь Белого дела после нелицеприятной беседы в контрразведке послал письмо министру юстиции социалисту Вандервельде. Он напомнил об их встрече в России в 1917 году, когда нынешнему министру, а в то время только лишь политическому изгнаннику, было оказано достаточно гостеприимства. В ответ Вандервельде в качестве смягчающего обстоятельства такого обращения с Деникиным сослался на бельгийские законы, но обещал принять меры, чтобы подобное «оскорбление» больше не повторилось. Слово свое министр юстиции сдержал: вызовы в контрразведку не повторялись.

Семья Деникиных снимала меблированный дом в Укле, сельском предместье Брюсселя, у некоего Франка Шаппеля. Доверившись прежним жильцам, англичанам, они, не проверив, подписали перечень всех вещей и мебели. Но вскоре обнаружилось, что половины указанной в списке мебели в доме не обнаружилось. Они поставили об этом в известность Шаппеля, который потребовал оплатить «отсутствующую мебель». Ничего не поделаешь, им пришлось заплатить — но они переехали в другое предместье, Род-Сен-Женез, где некая мадам Левек, честная и очаровательная женщина, предложила им «небольшую дачу с садом», за которой начиналось поле.

Семья теперь сократилась до шести человек. Шапрон дю Ларре и Гришин нашли работу и комнаты в городе. Георгий

Корнилов стал пансионером в колледже. Его сестра Натали, собирающаяся выйти замуж за Шапрон дю Ларре, также покинула Деникиных. «Приемная сирота» Надя Колоколова проявила неблагодарность, распространяя самые грязные сплетни; она вернулась в Англию, где некий состоятельный джентльмен счел за честь жениться на «племяннице» Деникина. В начале марта их покинул также ординарец Павел.

Из дневника Ксении Васильевны (14 мая 1921 года):

«Происшедшие события изменили наше существование. Антон Иванович встает теперь в 7 часов утра, открывает ставни, двери курятника, идет за углем, топит кухню и нижнюю печь. Я встаю на полчаса позднее, готовлю кофе, кипячу молоко. Появляется дед. Мы завтракаем, затем Антон вооружается метлой, а дед тряпкой. Я иду кормить кур и нашу собаку Барбоса, чищу обувь, чищу картошку и готовлю обед. Няня Вера отказывается заниматься чем-либо другим кроме Марины. После я сажусь на трамвай и еду на лечение. Антон, перед тем как топить печи в наших комнатах, возится в саду. К счастью, второй том „Очерков“ завершен и он позволяет себе немного отдохнуть. Я очень довольна, что он работает физически, это приносит ему большую пользу. Когда он пишет, то почти не выходит из кабинета, а ему так надо двигаться!»

Разочарованный дороговизной жизни в Бельгии, Антон Иванович, с которым его издатель расплатился французскими франками, узнал, что в Венгрии их меняют по очень выгодному курсу. Почему бы не пожить там, пока не удастся закончить три последних тома «Очерков…»? Няня Вера отказалась уезжать из страны, где жил ординарец Павел, в которого она была тайно влюблена. Деникины отправились в путь вчетвером.

В Венгрию можно было проехать или через Германию — это было короче, — или, сделав крюк, через Францию и Швейцарию. Деникин уважительно относился к австро-венграм, с которыми ему пришлось сражаться, а немецких «варваров» продолжал считать врагами. Поэтому он выбрал второй путь. Жена, дочь и дед поехали через Германию. Местом встречи они назначили Вену. Не без труда и унижений получив визу, генерал покинул Брюссель 22 мая 1922 года. Другие члены семьи выехали на два дня позднее. Они провели вместе сорок восемь часов в кишащей клопами венской гостинице.

Из воспоминаний Ксении Васильевны:

«Это вымирающий город (Вена. — *Г. П.*). *Улицы грязные, с облезлыми домами. Никто их не подметает и не штукатурит здания. Никто из жителей Вены не верит в будущее. Царят спекуляция и черный рынок. Мне показалось, что я перенеслась в*

Россию, в дни, предшествующие революции…»

Маленький венгерский городок Сопрон, где они остановились, сначала показался семье раем. Чистый воздух, большие леса… Конечно, город был не из самых современных. От центральной площади до вокзала ходил единственный старенький дребезжащий трамвай. Для освещения пользовались старыми керосиновыми лампами, а письма из Парижа, Лондона и Брюсселя доходили только через одну-две недели. Но так приятно было здесь гулять и какими милыми, симпатичными казались местные жители! Удивительное спокойствие и очень дешевая жизнь!

Но дни шли, и на смену надеждам приходило уныние. В Сопроне невозможно было снять дом, так как сюда стекалось множество беженцев со всех земель, отторгнутых от Венгрии. Кроме того, работе мешало присутствие «в той же комнате капризного и невыносимого ребенка»[143]. Слишком жирная пища пансиона вызывала у жены генерала частые боли в желудке. Антон Иванович пишет 6 июля 1922 года: *«Один только дед доволен. Он гуляет сколько хочет, собирает лесные ягоды, курит венгерский табак и чувствует себя совершенно счастливым».*

Семья снова переезжает на новое место. Они снимают маленький домик с садом в самом Будапеште и поселяются там в октябре 1922 года. Появляется молодая няня. Генерал может, наконец, приняться в полную силу за свои «Очерки русской смуты».

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«Новый год 1923 года мне запомнился из-за пережитого страха и разочарования. В комнате, выходящей в сад, стояла большая, с любовью украшенная моим отцом новогодняя елка. Дверь открылась, и вошел Дед Мороз, настоящий русский Дед Мороз в красных сапогах, красной шубе, с большой белой бородой. На спине он нес мешок с подарками. Свечи заколебались, и елка внезапно загорелась. Мать пришла в ужас: „Загорится дом“. Дед Мороз помог моему отцу выбросить горящую елку в сад, он потерял шубу и белую бороду, которая оказалась ватной. К счастью, урон был самым незначительным. Мой отец часто вспоминал позднее, как я упрекала его:

— Папа! Почему ты мне не сказал правду? Теперь я знаю, что русским Дедом Морозом может быть венгерская няня».

Ведет белый вождь в принципе рутинную жизнь изгнанника-бедняка, вечно озабоченного хроническим безденежьем. В письме Астрову 8 января 1924 года, повествуя о своей жизни в Венгрии, Деникин сообщает:

«…Жизнь на время сузилась до удовлетворения насущных

потребностей в обстановке черновой хозяйственной работы: таскаю дрова и уголь, топлю печи, убираю квартиру, заколачиваю все щели».

Скоро из-за экономического кризиса поднялись все цены. Деникины отказались от няни, уехали из Будапешта в маленькую деревеньку, затерявшуюся на берегах большого озера Балатон.

«Наше жилище, — сообщал Деникин одному из своих друзей 31 мая 1924 года, — не шикарно, но просторно и относительно удобно. Особенно великолепен сад, выходящий на озеро. Летом здесь прекрасно. О зиме же я стараюсь не думать. Мне говорили, что никто еще не проводил в этом доме зиму…»

Семья обрабатывала землю и занимались меновой торговлей. Продукты «помещика Деникина» уходили на пропитание не только семьи, но и многочисленных гостей — бывших генералов и офицеров да и гражданских деятелей. Они приезжали из Белграда, Софии, Берлина, чтобы привезти Антону Ивановичу имевшийся у них материал по истории Гражданской войны, Белого движения. За столом велись долгие разговоры о прошлом, настоящем и будущем России. Конечно, в эпицентре долгих бесед — воспоминания о делах не столь давно минувших — о белом юге России. Мучительный анализ, помноженный на ностальгию… Гости за такими разговорами порою и не замечали, что гостят у Антона Ивановича и Ксении Васильевны по две, а то и три недели…

Александр Павлович Кутепов посетил своего начальника сразу же, не дожидаясь лучших времен. Великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий русской армией, бежавший во Францию, решил продолжать борьбу — на этот раз тайную — против большевиков и обратился за помощью к Кутепову. Последний, прежде чем принять это предложение, решил посоветоваться с Деникиным и получить его одобрение:

— Ваше высокопревосходительство, Его высочество желает, чтобы я создал тайную организацию, способную свергнуть советский режим. Я хотел бы по этому поводу спросить у вас совета.

У Деникина всегда была своего рода «аллергия» к шпионам, разведчикам и контрразведчикам, даже когда ему случалось прибегать к их помощи.

— Мне кажется, что план полезен, но я полагаю, что для его осуществления вам нужны значительные финансовые средства и солидный опыт в таком деле, иначе это дилетантское предприятие не будет иметь успеха.

— Мы найдем средства, и я рассчитываю привлечь компетентных и надежных людей.

Из всего разговора Кутепов запомнил только слово «полезен» и, заручившись поддержкой и одобрением Деникина, пустился в свое «дилетантское» предприятие. Славы на ниве диверсионно-террористической деятельности против СССР он не снискал, а буйную голову сложил…

За шесть лет вынужденного турне по Европе Антон Иванович написал пятитомник «Очерков русской смуты» — военно-политическая эпопея о судьбоносных событиях в истории нашего Отечества. Взяться за перо его заставили не только материальные соображения (хотя они играли здесь довольно существенную роль).

В неопубликованных записках, относящихся к 1944 году, бывший главком ВСЮР писал:

«Белое движение со всеми его светлыми и темными сторонами подвергалось и подвергается доныне нападкам и искажениям со стороны людей, ходящих в узких политических шорах, смотрящих сквозь призму национального шовинизма или попросту невежественных. Надо сказать ПРАВДУ о Белом движении и сказать ее возможно скорее. Во-первых, потому, что „не знаешь дня и часа“, во-вторых, пока живы были многие современники событий, „свидетели истории“, враги и друзья, которые могли бы подтвердить. Исправить или опровергнуть написанное».

И еще он писал:

«*„Очерки русской смуты“ я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении Белого движения и перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное показание перед судом народным, судом истории».*

Первый том «Очерков…» ему в основном пришлось писать по памяти, почти не располагая необходимыми в таком случае материалами, если не считать нескольких интересных документов, уцелевших в его папках и бумагах генерала Корнилова. При этом данный том, по словам его автора, имеет скорее характер воспоминаний, а не очерков.

Работая над вторым томом, Деникин уже имел в распоряжении заметки своих соратников, а в дальнейшем и архив генерал-квартирмейстерской части, полученный из Сербии после крымской эвакуации. На его призыв присылать документы откликнулись многие бывшие государственные и военные деятели, направившие ему ценные воспоминания.

В последующих томах Антон Иванович вводит в научный оборот все больше уникальных документов.

Титанический пятилетний труд был завершен.

Конечно, в «Очерках…» можно найти противоречия,

фактические неточности. Но вряд ли в них можно обнаружить откровенно слабые места с точки зрения литературного стиля, преднамеренного искажения фактов, вульгарщины, натурализма и приемов, рассчитанных на достижение дешевой популярности.

Предысторией «Очерков русской смуты» можно расценивать одно небезынтересное обстоятельство. В письме Деникина Астрову приложено оглавление книги «Белая борьба». Судя по всему, Антон Иванович написал не мемуары в чистом виде, а историю Белого движения — в стадии его генезиса, уложив ее в хронологические рамки от корниловского выступления в сентябре 1917 года до разгрома белых армий на юге России. По всей вероятности, эта неопубликованная и пока что не обнаруженная в отечественных архивах рукопись генерала является своеобразным конспектом его «Очерков русской смуты».

Деникинский труд привлек к себе всеобщее внимание и в Советской России, и в эмиграции. Первый том «Очерков…» был доставлен Ленину, который внимательно изучил его и почти на каждой странице сделал пометки. Вождя большевиков интересовали в первую очередь социально-политические проблемы, освещаемые бывшим вождем Белого движения. Подчеркнем: Ленин остался верен классовому подходу в оценке событий и личному стилю ведения полемики.

Он сопроводил одно из рассуждений генерала пометкой, что автор работы рассуждает о классовой борьбе «как слепой щенок».

Со значительными сокращениями «Очерки русской смуты» были опубликованы в Госиздате в Москве в двух томах. О них благожелательно отозвался Горький.

Троцкий с иронией писал по их поводу, что удары судьбы, нанесенные русским генералам, и в частности Деникину, научили их держать перо.

Лев Давидович тогда еще не подозревал, что скоро «вождь народов товарищ Сталин» отправит его за границу, где тому тоже придется научиться держать перо.

Официальный советский историк Покровский оценил «Очерки русской смуты» лишь как «историю генералов». Он отмечал, что для истории генеральского миросозерцания, генеральской политики, генеральского отношения к русской революции вообще — это «незаменимый источник». Не постеснялся ученый употребить и ярлыки типа «буржуазные калифы на час». Кроме того, историк допустил беспардонное передергивание фактов, классифицировав генерала Корнилова как союзника «настоящего, подлинного наймита немцев казацкого атамана генерала Краснова», что, конечно же, не соответствует исторической правде. Правда, Покровский сделал, по моему суждению, и оригинальный вывод,

классифицировав «Очерки…» как «основной источник для истории военной контрреволюции».

Появление «Очерков…» вызвало многочисленные отзывы, в основном благожелательные и зачастую восторженные, огромного большинства русских эмигрантов на всех пяти континентах. Военные отдавали должное правдивости воспроизведения картин прошлого, оценке их борьбы. Специалисты между тем давали неоднозначные оценки генеральскому сочинению.

«Очерки русской смуты» Деникина — самое крупное произведение из написанных лидерами Белого движения, охватывающее эпохальные события отечественной истории. Они имеют большую познавательную и научную ценность. Это — важнейший источник для изучения истории русской армии, Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, Белого движения.

В белой эмиграции и друзья, и недруги Антона Ивановича с нетерпением ждали появления каждого тома «Очерков…» Когда четвертый том находился в печати, из Парижа с беспокойством писал Кутепов:

«Как сложится судьба вашего пятого тома? Знайте, что наш „общий друг“ переходит в контратаку. Он готовится издать в Берлине „Архив белой армии“. В помощниках у него — принц Лихтенбергский, фон Лампе и граф Ливен. Истинно русские люди!..»

Бывали и курьезы: после выхода двух томов «Очерков…» встречает в Белграде адъютанта генерала Романовского бывший Кубанский атаман генерал Филимонов и говорит ему:

— Читали мою статью в «Архиве русской революции»? Я знаю, что генерал Деникин будет меня ругать в следующих томах «Очерков…», так я, чтобы предупредить события, сам его руганул… у читателя кое-что и останется.

Но когда в дальнейших томах Филимонов прочел свою характеристику, объективную, правдивую и доброжелательную, он прислал Антону Ивановичу хорошее письмо и сам предложил свое сотрудничество в освещении событий юга.

Может создаться впечатление, что во время своего вынужденного турне Антон Иванович вообще ушел из политики.

Но генерал выдал желаемое за действительное: ему не удалось уйти от политических реалий белой эмиграции. Однако он мучительно трудно переваривает этот зыбкий конгломерат лиц, претендующих на свою роль в истории.

В 1926 году экс-лидер Белого движения писал соратнику-добровольцу полковнику Петру Васильевичу Колтышеву, что он все более и более убеждается в преимуществе отшельнического

жилья.

Оно давало, по мнению бывшего главкома ВСЮР, «возможность со спокойствием и некоторым скептицизмом смотреть на ту политическую кухню, которую варят наши именитые беженцы».

Деникин видит в них разных — глубоко идейных и авантюристов, и политических маклеров.

Находясь вроде бы в стороне от суетной политической жизни белой эмиграции, Антон Иванович внимательно наблюдает, делая удивительно тонкие предсказания.

В 1923 году он пишет письмо генералу Кутепову и прямо указывает, что пользы будет мало, когда великий князь Николай Николаевич возглавит объединенные белые силы в изгнании.

Бывший главком ВСЮР укрепляет связи с бывшими сослуживцами. Присылая ему свои личные воспоминания об участии в антибольшевистской борьбе, они сообщали Антону Ивановичу последние новости политической и общественной жизни белой эмиграции.

Генерал Сергиевский, бывший начальник связи ставки верховного главнокомандующего в 1917 году, препроводил свои воспоминания в письме от 18 июня 1923 года своеобразным отчетом перед Деникиным о деятельности Константиновского военного училища, дислоцированного в Болгарии. Автор письма обращается к бывшему вождю Белого движения не иначе, как «ваше превосходительство, высокочтимый Антон Иванович», демонстрируя тем самым, уважение к своему бывшему начальнику, в то время как в некоторых кругах белой эмиграции пытались предать его обструкции.

Многие эмигранты предлагали услуги сильным мира сего, чтобы «задушить в колыбели» Республику Советов. Деникин, напротив, отвергал любые попытки втянуть его не только в политическую борьбу внутри эмиграции, но и в возобновление вооруженной борьбы против Советской России. В 1921 году он решительно отстранился от деятельности фон Лампе и Глазенапа в Венгрии, где те пытались создать из бывших офицеров вооруженные отряды для агрессии против Советской России.

Генерал Глазенап после того, как удалось создать 15-тысячный корпус при помощи правительства Венгрии, заявил, что у него «нет веры в генерала Деникина».

Аптон Иванович пристально следил за событиями в Советской России. По возможности знакомился с советскими публикациями, белоэмигрантской прессы и нелегальными источниками, поступавшими с Родины. В ГАРФ хранится письмо анонимного автора от ноября 1923 года из Москвы в Париж о

положении в Советской России[144].

Отдельные положения этого письма, судя по литературным трудам Деникина, нашли опосредованное выражение в его публикациях: народ поддерживает советскую власть, но это не значит, что он доволен, ибо он знает, что «власти его обманывают»; об эмиграции в «Совдепии» знают мало. «Судят больше по поверхности, на которой много сора и грязи».

И все же недостает Антону Ивановичу объективности в оценке большевизма и советской власти, ибо горечь поражения довлела над ним болезненно и безраздельно.

Бывший белый вождь прямо и косвенно ощущал большую неприязнь к себе как к личности и обанкротившемуся военно-политическому деятелю. Об антиденикинских настроениях в белой эмиграции доложили в секретариат Ленина.

В 1921 году аналитики Коминтерна отмечали, что Деникин и «полуденикинские лидеры», по мнению монархических кругов белой эмиграции, скомпрометировали себя в глазах народа, что ставку на них в антибольшевистской борьбе делать нельзя[145].

Вырабатывая свою мировоззренческую, политическую позицию, Антон Иванович выделил для себя ключевые события, по которым ему было необходимо определиться: *отношение к остаткам белых армий и образовавшемуся РОВС; тактика белой эмиграции по отношению к Советской России.*

В отношении остатков белых армий его позиция была категоричной: армия должна быть сохранена.

Он писал Кутепову, что, если удастся сохранить организационные ячейки, армия «будет предохранена от распыления». Для этого, считал генерал, остатки частей нужно расселить в Балканских странах и при содействии правительств поставить их «на положение вольных работ». При этом следует поддерживать нравственную связь с теми родными ячейками, где под именем «полков», «батарей» образуются рабочие артели. Главное — сохранить традицию и организацию. «Без них добровольчество обратится в бесконечную пыль». В сложившемся же статус-кво белых частей их бывший главком советовал остаткам белого воинства «терпеть, учиться и работать».

Деникин крайне осторожно и деликатно высказывал свои суждения. Общественность еще помнила о его борьбе с Врангелем за власть в 1919–1920 годах. Поэтому Антон Иванович держался отстраненно от своего преемника, не желая, по личной оценке, «хоть одним словом помешать новому командованию».

Возникновение РОВС вполне удовлетворяло его. Но у генерала возникли определенные сложности с руководством новообразованного союза. Он тесно контактировал в основном с

генералом Кутеповым, который стал с первых дней образования РОВС одной из ключевых фигур в руководстве. Генерал Деникин не хотел вмешиваться в дела РОВС. Но командование союза (генералы Врангель, Шатилов), видимо, помня прежние обиды на своего бывшего главкома, старалось подчеркнуто не замечать Антона Ивановича.

Более того, Шатилов чинил препятствия в работе Деникина над «Очерками русской смуты». Материалы, хранящиеся в ГАРФ[146], показывают: Деникин высказывает искреннее недоумение в связи с отказом в высылке некоторых архивных документов штаба ВСЮР, необходимых ему для работы над мемуарами. Антон Иванович деликатно напоминает при этом, что он имеет «моральное право на архив», так как являлся главнокомандующим ВСЮР. Проволочки же срывают его обязательства перед издателями. Шатилов не удостоил генерала ответом. Началась бюрократическая волокита. Лишь через месяц бывшему вождю Белого движения на юге России были высланы 49 дел штаба ВСЮР.

Позиция генерала Деникина о тактике белой эмиграции по отношению к советской власти базируется на главном положении: большевизм — злейший враг, с которым не могло быть допущено даже мысли о компромиссе. И рассуждая о путях дальнейшей борьбы, Деникин оформил свои взгляды в стройную концепцию. Для ее понимания представляет интерес недатированный черновик статьи генерала «Искание Родины», хранящийся в ГАРФ[147].

Статья ориентировочно написана между 1922–1926 годами, так как по ее контексту чувствуется, что работа над «Очерками русской смуты» близится к завершению, а о генерале Слащеве, вернувшимся на Родину в 1921 году, говорится как о живом (погиб в 1929 году). Статья не публиковалась в эмигрантской прессе. Впоследствии сам генерал мельком говорил о ней в своей работе «Русский вопрос на Дальнем Востоке».

Побудительным мотивом для написания статьи послужило то, что соратники по Белому движению стали задавать Антону Ивановичу вопросы: что же делать дальше? Генерал Деникин и дал в статье подробные ответы на три вопроса: какую позицию должно занимать добровольчество в случае международного конфликта; допустимо ли сотрудничество русских людей и организаций с иностранной агентурой «в деле разведки советской республики», главным образом стратегического положения и военной подготовки; можно ли возвращаться в Россию.

Отвечая на первый вопрос, бывший главком ВСЮР констатирует:

В Европе налицо опасность новой мировой войны. В этой распре между чужими народами «русское добровольчество не может принять участия». Иначе возможно братоубийство, так как добровольчество разбросано по всему свету. На том же основании, считает Антон Иванович, недопустимо участие добровольцев в политических распрях и в гражданских войнах в тех странах, в которых они нашли приют, и лишь только местные коммунистические восстания могли бы заставить бывших белогвардейцев взяться за оружие.

Далее генерал пишет, что в данное время не существует стран, которые бы желали «серьезно и бескорыстно помочь вооруженной силой в свержении советской власти в России». Наоборот, многие хотят быстрее признать Советскую Россию, боясь потерять экономическую выгоду. Следовательно, добровольцы не имеют нравственного права участвовать в войне против своей Родины на «стороне держав, имеющих целью отторгнуть Российские окраины».

Правда, Антон Иванович делает оговорку, что теоретически не отрицает «просветления общественной мысли», которая поймет всю опасность, исходящую из большевистской России. В случае появления силы, направленной на свержение большевизма, а не на территориальный захват России, добровольцы могут ее поддержать.

Отвечая на второй вопрос, Деникин признает:

Активная борьба с советской властью всеми способами и средствами является патриотическим и нравственным долгом русской эмиграции. Собирание же сведений о военном положении Советской России и сосредоточении их в руках русских противобольшевистских организаций необходимо в интересах планируемой борьбы.

Следовательно, разведывательные данные нужно копить в белоэмигрантских военно-политических кругах, а в вопросе передачи их иностранным державам проявлять крайнюю осторожность.

Отвечая на третий вопрос, генерал пишет:

Нельзя возвращаться в Советскую Россию, где «невыносимые условия жизни привели к физическому и моральному отчаянию, где материальные условия зачастую хуже, чем на болгарских рудниках». Вернуться же в Россию можно будет лишь тогда, когда эмиграция станет «приносить свой труд, свой разум, свою жизнь на службу Родине, а не советской власти. При наших условиях это невозможно».

Деникин особо предостерегает добровольцев от того, чтобы они не попали под влияние большевистской пропаганды и не

вернулись в Россию. Добровольцы, которые вернутся в Россию, будут всячески преследоваться.

История показала, что генерал, к сожалению, оказался прав. Советская власть с репатриантами, поддавшимися их призывам о возвращении на Родину, особо не церемонилась, многие из них были репрессированы, а их отчаянные письма комиссару по делам беженцев при Лиге Наций Нансену оказались запоздалыми.

Были и коллективные письма репатриантов, среди которых насчитывалось более 150 офицеров, совсем о другом — о том, что они нашли свое место на Родине. И имел место еще врангелевский террор на Балканах против тех, кто хотел вернуться. Об этом Антон Иванович предпочитает в своей статье не упоминать. О многом он, конечно, не знал. Но в случае же со Слащевым бывший вождь Белого движения усматривает пропагандистский трюк большевистского руководства и непорядочность генерала-возвращенца.

Более того, генерал Деникин за десять с лишним лет до развертывания в РККА сталинских репрессий против офицеров предсказал, что с теми, кто вернется из эмиграции (равно и со старыми «военспецами») большевистский режим поступит жестоко.

Жизнь старого воина, потерявшего Отечество, коему он всю жизнь служил, между тем шла своим чередом…

Пятитомные «Очерки русской смуты», появившиеся потом в сокращенном виде на английском, французском, немецком языках, давали семье Деникиных временную иллюзию материального благополучия, а спокойная жизнь в Венгрии начала тяготить оторванностью от людей. Предлогом к переезду было письмо от генерала Шапрона дю Ларре, женившегося в Бельгии на дочери генерала Корнилова. Этот верный друг Антона Ивановича настойчиво уговаривал его вернуться в Брюссель. Переезд произошел в середине 1925 года.

Живя в Брюсселе, Антон Иванович все чаще бросал взоры в сторону Парижа, который стал своеобразной Меккой русской эмиграции. Здесь обосновались 72 тысячи русских интеллигентов, действовало около 300 организаций, издавалось 7 наиболее крупных газет русских эмигрантов.

Весной 1926 года Деникины переезжают во французскую столицу, где они поселились в маленьком отеле неподалеку от Эйфелевой башни.

В МЕККЕ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

Надвинулись Тени? Склони же
Смягченные взоры твои
И дай мне в вечернем Париже
Парижской, а все же любви.

Жюль Ромен

— Входите, мадам, чем обязан? А, это опять вы! Понятно, здесь господин Бальмонт.

— Что, господин офицер, опять пьяная драка в ресторане? — с грустью в голосе спросила Ксения Васильевна дежурного офицера полицейского участка.

— Да, и не первый раз, позвольте заметить, господин Бальмонт попадает к нам.

— Понимаю, но может быть, еще раз… Штраф я уплачу!

— Сколько же можно, — возмутился дежурный офицер.

— Поймите…

— Ладно, только ради вашего мужа, мадам Деникина. Я однажды видел его в Одессе в 1919 году.

— Вы были в России?

— Да. Ваш муж — порядочный офицер. Хотя мы тогда, покинув Одессу, здорово подставили его. Впрочем, что ворошить прошлое… Забирайте своего Бальмонта. Штраф заплатите завтра. И поговорите, мадам Деникина, с Бальмонтом. Что это такое? В ресторане после двух-трех рюмок он теряет человеческий облик, шумит, скандалит, бьет посуду и зеркала. Так и в тюрьму угодить можно.

— Я обязательно поговорю. Большое вам спасибо, господин офицер!

— Не стоит благодарности. Кстати, не в качестве комплимента, а правды: для русской эмигрантки у вас замечательный французский.

— Спасибо, до свиданья!

Ксения Васильевна покинула полицейский участок с Константином Бальмонтом, крупным русским поэтом Серебряного века. Он являлся одним из немногих, кто был вхож в семью Деникиных.

Антон Иванович надолго запомнил свое появление в Мекке

белой эмиграции. Друзья Деникина из Брюсселя проводили семью на Южный вокзал. Парижские друзья ожидали их на Северном вокзале. Самые тяжелые чемоданы остались в камере хранения. Таксист родом из России отвез путешественников в гостиницу, где для них забронировали комнату. Ксения Васильевна стала жаловаться на сильные боли — перитонит. Врач, также русский, настоял на немедленной операции. Профессор Алексинский, бывший хирург императорской семьи, заведовал клиникой в Вильжюифе. Операция прошла удачно. Каждый день Деникин провожал маленькую Машу (он всегда предпочитал это уменьшительное от Марии уменьшительному Мариша от Марины) на метро или трамвае в больницу к матери. Новая неприятность: у дочери началась лихорадка, и она покрылась красными бляшками. Врач диагностировал корь. Деникин принялся его умолять:

— Не говорите ничего хозяйке гостиницы! Она нас выгонит. И куда же мы пойдем?

Теперь он один ездил в Вильжюиф, оправдывая отсутствие Марины разными причинами. Но лгал он так неумело, что мать, беспокоясь о дочери, сбежала из больницы и приехала в гостиницу. В конце концов, все утряслось. Уже выздоравливающая Марина и Ксения Васильевна и их вконец замучившаяся сиделка уехали в Капбретон, где писатель Шмелев нашел для них жилье. Они приезжали туда три года подряд.

Вилла Марк-Анри оказалась деревянным летним домиком. Осенью оттуда надо было уезжать. Кутепов, только что проведший лето в Фонтенбло, нашел там сдававшийся флигель. Он был из камня, но отапливалась одна лишь кухня. Наконец в январе 1927 года семья нашла современную квартиру (центральное отопление и ванная) в Ванве, на авеню Астрид Дарю, 19. В письме от 17 мая 1928 года к генералу Драгомирову Антон Иванович писал о своей жизни во Франции:

«В 1926 году весною мы переехали во Францию. Житье наше началось невесело — жене с места пришлось подвергнуться операции. И вообще, эти два года, как и предыдущие, прошли для меня в постоянном недомогании. Меняем врачей, системы и режимы, а толку мало. Живем мы оседло в Ванве. Это не совсем трущоба, как вы полагаете. Ванве — пригород Парижа, от нас до парижского вокзала Монпарнас всего 10 минут по железной дороге. Жена научилась делать шляпы, я продолжаю писать — труд по беженским условиям, оплачивающийся хуже, чем заводской. Очередная работа моя — очерки жизни и быта старой армии. Необходимо один из очерков посвятить памяти М. И. Драгомирова. Если вы мне поможете материалами, буду благодарен.

Марина растет и учится очень хорошо: во французской школе идет первой.

Собственно, в Ванве мы живем в общем семь месяцев в году. На лето квартиру свою сдаем и переезжаем в деревню — к океану на юг, где покойнее, дешевле и полное благорастворение воздухов. Зовут нашу деревню Капбретон. Живет в ней постоянно поэт Бальмонт, летом — Шмелев, так что, как видите, писательская братия представлена густо».

К тому времени Антон Иванович на законном основании причислял себя к «писательской братии». Славу принесли «Очерки русской смуты». Литературное творчество стало единственным источником существования бывшего вождя Белого дела. Правда, гонорар обнаружил свойство быстро таять…

Среди известных писателей, покинувших Россию, особенно тепло и дружески приветствовали Деникина Бунин, Куприн и Шмелев. Не менее горячо встретили его Бальмонт и Марина Цветаева. Они часто навещали его, проводили с ним вечера в долгих беседах на литературные и исторические темы, вспоминая прошлое. Иван Алексеевич Бунин подарил генералу свою книгу «Чаша жизни», где с необычайной для себя экспансивностью написал на первой странице:

«Антону Ивановичу Деникину в память прекрасного дня моей жизни — 25 сентября 1919 года в Одессе, когда я не задумываясь и с радостью умер бы за него!»

Эта надпись относилась ко времени приезда генерала Деникина в освобожденную от красных Одессу, где жители города (среди которых был и Бунин) с неподдельным восторгом встречали и чествовали главнокомандующего ВСЮР.

Встреча Деникина с Буниным была мимолетной, но она запомнилась Антону Ивановичу, так как давно он заочно любил и уважал большого писателя и художника слова, а теперь радовался возможности сойтись с ним. Бунин рассказывал ему о своих злоключениях, о бегстве из Одессы после краха Белого дела и о том, что творилось в «русском литературном мире» за границей. Но особой близости между ними не было, так как Бунин жил на юге, встречались они довольно редко.

С Куприным Деникин прежде не был знаком. Он ценил его большой талант, но далеко не все произведения нравились ему. Антон Иванович не принимал купринские повести и романы из военной жизни, в свое время нашумевшие на всю Россию. Он считал «Поединок» и «На переломе» искажающими военный быт. Но поручик в отставке, служивший в армии царской России в 1888–1894 годах, впоследствии изменил свое отрицательное отношение к ней. Такой Куприн, бежавший от красных из

Гатчины с отрядами Юденича, был близок Деникину.

Когда-то добрые приятели, ко времени их жизни во Франции Бунин и Куприн охладели друг другу. Слава пришла к Куприну из России, а в эмиграции творчество не находило выхода. Как раз обратное произошло с Буниным. В эмиграции он написал свои лучшие книги: «Митина любовь», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева». В 1953 году его ждала Нобелевская премия.

Любивший выпить, Куприн терпеть не мог также любившего выпить Бальмонта, быть может, оттого, что оба во хмелю бывали буйны и безудержны, но вернее потому, что являлись слишком разными людьми. Каждый раз, заходя к Антону Ивановичу «на огонек», Куприн спрашивал:

— А Бальмонт у вас?

Деникин помнил Бальмонта с давних лет, когда в ранние академические годы в Петербурге стихи поэта с упоением декламировались на всех студенческих вечерах, когда ритмы и сочетания его стихов приводили в восторг всех курсисток.

«Дьявольски интересен и талантлив этот неврастеник», — говорил о нем тогда Максим Горький.

Насколько Куприн был прост и естествен, настолько Бальмонт любил позу. Декламируя свои стихи, входил иногда в «поэтический экстаз», сладкий и вкрадчивый шепот чередовался с громоподобным пафосом. Однажды он не на шутку напугал маленькую Марину. Читая одно из своих стихотворений и глядя в упор на ребенка, он с диким криком прочел строфу:

— Кто сказал? Кто сказал?

И в ответ на это перепуганная Марина с воплем отчаяния закричала:

— Да ты сказал!

При личной встрече Марина Антоновна рассказала мне, что в детстве она как-то побаивалась Бальмонта, когда тот появлялся в их квартире:

— Уж больно громогласный, шумливый, но зато, видите, сколько лет прошло, а я все же отчетливо помню Бальмонта…

Антон Иванович не очень любил творчество Бальмонта, поэта-романтика, декадента. Некоторые из его стихов попросту считал игрою созвучий и даже набором слов. Тем не менее он отдавал должное большому таланту поэта. Константин Дмитриевич Бальмонт казался ему замечательным человеком, но только в трезвом виде. Деникин скорее жалел, чем любил его. Но гасить последствия пьяных дебошей Бальмонта в маленьких французских ресторанчиках, которые заканчивались в полицейских участках, приходилось сердобольной супруге бывшего белого вождя. Она, владевшая французским языком,

неоднократно и не без труда вызволяла Бальмонта из полиции. На одной из своих книг, подаренных Ксении Васильевне, поэт сделал надпись:

«Чтимой и очаровательной, очень-очень мне дорогой Ксении Васильевне Деникиной».

С дружеским вниманием откликнулась на приезд Деникиных во Францию Марина Ивановна Цветаева.

Многие ее стихи посвящались подвигам белой армии. Поэтесса не умела, да и не стремилась ладить с эмигрантской средой.

«Для правых она была чужой, их пугал ее бунтарский дух, ее презрение к буржуазной обеспеченности, ее необычность и отказ от традиционных литературных условностей. Левые видели в ней певца „белой мечты“, автора поэм о царской семье, не желавшего подчиниться политическим и социальным заповедям. Одни называли ее тайной большевичкой, другие явной монархисткой», — писал один из литературных критиков.

Для Цветаевой генерал Деникин слыл одним из «лебединого стана», стаи славных: Корнилова, Маркова, Алексеева… И когда в 1939 году она вдруг решила вернуться в Россию, а за два года до нее уехал Александр Иванович Куприн, Антон Иванович не осудил, но он грустил и скорбел об их, как он считал, неразумном решении.

Марина Цветаева уехала в СССР вслед за дочерью Ариадной и мужем Сергеем Эфроном. Мужа расстреляли, а дочь сослали в Сибирь. В годы Великой Отечественной войны в минуту полного одиночества и отчаяния Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством. А потом, когда в Советском Союзе посмертно напечатали ее избранные стихотворения, Марина Ивановна стала одним из популярных и чтимых авторов.

Александру Ивановичу Куприну всегда хотелось умереть в России. Его мучил физический недуг и склероз мозга, а материальное положение являлось убийственным. Он решил вернуться на Родину. Художник И. Я. Билибин, приехавший в Москву еще в 1936 году, взялся за него похлопотать. Вскоре советское посольство вручило чете Куприных советские паспорта.

Весной 1937 года Куприн пришел к Деникиным. Ксения Васильевна поведала биографу вождя Белого дела Леховичу о том, что ей хорошо запомнилось, как Куприн, ничего не говоря, прошел в комнату Антона Ивановича, сел на стул возле письменного стола, долго молча смотрел на генерала и вдруг горько-горько расплакался, как плачут только маленькие дети. Дверь в комнату закрылась и Ксения Васильевна слышала только голос Куприна, а потом голос мужа. Через некоторое время Антон

Иванович учтиво проводил своего посетителя до лестницы и на изумленный вопрос жены: «В чем дело?» — коротко ответил: «Собирается возвращаться в Россию».

Вскоре Деникины из газет узнали, что в конце мая Куприны уехали в Москву, общественность приняла писателя тепло. Годом позже он тихо скончался.

Ближе всего судьба свела Деникиных со Шмелевым.

Сын разбогатевших крестьян, ставших московскими купцами, Иван Сергеевич Шмелев окончил университет в Москве и в молодости прошел обычные в то время для студентов дороги протеста и революционных настроений. В 1917 году он приветствовал революцию, но вскоре ужаснулся, увидев в ней лишь стихию разрушения и насилия, что он отразил в своей книге «Солнце мертвых». Переведенная на иностранные языки, книга эта произвела сильное впечатление на многих европейских писателей, в том числе и на Томаса Манна.

Доподлинно неизвестно, как Антон Иванович относился к творчеству Шмелева, но Шмелева как человека он ценил очень высоко. В эмиграции Шмелев оказался одним из немногих действительно близких ему людей.

— Он очень любил Шмелева, очень! У них было какое-то тонкое взаимопонимание, — утверждала в беседе со мной Марина Антоновна…

Окружающие Антона Ивановича таланты не могли не оказать благодатного влияния на его литературное творчество.

В 1928 году в Париже вышла в свет книга Деникина «Офицеры», раскрывшая его писательское мастерство беллетриста.

Книга Антона Ивановича не прошла незамеченной для эмигрантской общественности. Благожелательно откликнулась газета «Дни» Керенского (которого Деникин грозился в горячке Гражданской войны повесить) и эсеровская газета «За свободу» (с Савинковым у Антона Ивановича тоже не было взаимопонимания).

«Дни» опубликовали один рассказ из книги «Офицеры» («Враги»), препроводив его вступлением, в котором отмечалось, что редакция не подвергает разбору художественные достоинства сочинения.

«Но имя автора столько значительно и популярно для истории, что мы хотим ознакомить читателей с этой, по-видимому, случайной стороной деятельности выдающегося из участников Белого движения». Редакция оценила рассказ «Враги» как любопытный по ценности и «психологической выраженности».

Газета «За свободу», как бы споря с «Днями», писала, что если

будущие военные историки откажут Деникину в признании за ним дарования вождя, то «литературные критики охотно примут его в лоно талантливых писателей».

К слабому месту «Офицеров» можно отнести гротескное описание в рассказах красных комиссаров. Современный читатель без труда увидит ничем не прикрытую его тенденциозность.

В 1929–1931 годах в Париже вышла в свет книга Антона Ивановича «Старая армия» (в двух частях). В ней в отличие от «Очерков русской смуты» и «Офицеров» автор не претендует на роль историка-исследователя и прозаика. «Старая армия» — сложное сочетание мемуарных зарисовок с бытописательством и пространными авторскими рассуждениями о жизни и деятельности армии царской России.

Интересно, что генерала беспокоит не только военное прошлое, но и суровые реалии Европы, где в начале 1930-х все явственней пахло новой военной грозой. Причем такой военной грозой, какую еще не видывало человечество. Деникин публикует на страницах «Русского инвалида» небольшую статью «Этика войны». В ней он раскрывается как прекрасный знаток военной истории и как футуролог, заглядывающий в не столь отдаленное будущее.

Статью генерал заканчивает красивой отточенной и… страшной фразой:

«И если мировая совесть не заговорит громче и решительнее, то мир увидит закат своей культуры…»

Одним словом, хорошо, красиво, конечно, писал Антон Иванович! Действительно, к штыку приравнял перо. Но вот доход денежный его литературные опыты приносили мизерный. Бился он словно рыба об лед, стараясь обеспечить, по крайней мере, выживание своей семье. Бедность погнала его в скитания по небольшим французским городкам.

Думал ли генерал, что придется ему сменить их около 20? Причем долго нигде не задерживаясь…

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

Не будем проклинать изгнанье. Будем повторять в эти дни слова античного воина, о котором писал Плутарх: «Ночью в пустынной земле, вдалеке от Рима, я разбивал палатку, и палатка была моим домом».

В. Набоков

Приют эмигрантов — свободный Париж требовал много денег, а их у Деникиных всегда не хватало. Бедность, близкая к нищете, как злой рок преследовала генерала на чужбине до конца его дней.

Реэмигрант Д. И. Мейснер вспоминал: Деникин временно проживал в Праге в 1935 году «в бедной квартире»…

На одном из публичных выступлений бывшего белого вождя мемуарист увидел его одетым в «более чем скромную тройку и не совсем обычные тяжелые ботинки, в которых, вероятно, трудно и неудобно было ему ходить по раскаленным пражским тротуарам».

Но Антон Иванович никогда не сетовал на бедность, а больше переживал бедственное положение своих соотечественников в изгнании.

Лето 1930 года Деникины проводили не в Капбретоне. Дочь чуть не умерла, переболев тяжелой формой скарлатины, и врачи рекомендовали ей горный воздух. Удалось снять дом в деревне провинции Дофине, расположенной на склоне массива Беллфон, напротив гор Гранд Русс. И возраст девочки, которой исполнилось 11 лет, и хорошие отметки за семь школьных месяцев (в течение пяти месяцев каникул генерал занимался с ребенком только русским языком) побудили родителей перевести ее из начальной школы Нотр дам де Франс в лицей.

Поскольку ремесло писателя не могло больше кормить семью, Деникин вынужден принять предложение работать в одном из пансионов, которые Союз бывших русских послов создал (на средства, положенные в свое время Временным правительством в иностранные банки) для «известных, почетных и… полезных эмигрантов».

Сумма в 1300 франков в месяц исключала всякую возможность снимать на долгое время «современную» квартиру с удобствами в Ванве. Встал вопрос, где проводить зиму?

Бывший подчиненный Деникина — полковник Лельявский разводил кур и кроликов на небольшой ферме в Карро (район приморских Альп) и мечтал приобрести другую по соседству, которая была, однако, слишком большой для одной семьи. Если бы его бывший начальник захотел?.. 29 августа 1930 Антон Иванович написал Лельявскому:

«Нам с вами ни денежно, ни в смысле работы справиться с усадьбой невозможно. Я лично могу работать по содержанию в порядке виноградника и сада, но для окапывания не гожусь (у генерала грыжа). Если же работы производить наемными руками — по вашему расчету, для виноградника нужно пять человек и три месяца — то такой расход непосилен».

В конце концов, после интенсивной переписки и обсуждения этого проекта он был оставлен. 18 октября Деникин уведомил Лельявского:

«Во всей этой истории с поисками жилища наиболее мне неприятно, что доставил вам столько хлопот и, как оказалось, напрасно.

Обстоятельства заставляют меня быть поближе к Парижу и завтра выезжаю в район Шартра, где нашли жилье (жена Деникина уже „на месте“).

Ликвидация летнего жилья в Альмоне, укладка, перевозка пришлись на сей раз исключительно на мою голову и посему замотался… Новый адрес: дом мадам Руссле, Сен-Пиа, департамент Орэ Луар».

Две комнаты в доме «мадам Руссле», снятые для Деникина Мельгуновым, будут лишь временным жилищем: семья скоро переедет в Ментенон. Они проведут два года в небольшом доме на улице Ноай, будут разводить гусей, уток, индюков, кур, кроликов и даже голубей, обрабатывать сад. В конце зимы 1933 года будут вынуждены вновь, в который раз, сменить место жительства из-за «драмы», пережитой дочерью.

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«В конце октября 1930 года я поступила на правах полупансионерки в пятый класс лицея молодых девиц в Шартре. В течение двух лет получила много наград за исключением тех, что выдавались за оценку „превосходно“. Объяснялось это, и не без основания, „склонностью к болтовне и недостаточной дисциплинированностью“. Однако с мая 1932 года после убийства президента Думера „русским белогвардейцем“ (в действительности агентом советской разведки) все изменилось. Директриса лицея мадам Лакруа, никогда меня не жалующая, вбила себе в голову отделаться от чужака, которым она меня считала. Так как мои преподаватели склонны были заступиться за меня, она решила

обвинить меня… в краже. Мадам Рене Пуарье, преподававшая литературу, посоветовала моей матери сменить учебное заведение прежде, чем должно было осуществиться это несправедливое деяние. Мадам Пуарье, которая раньше жила в Севре, удалось устроить меня в Севрский лицей, куда теперь надо было переезжать. Во флигель по адресу 15, улица Галле с нами переехали только два кролика и несколько кур. Отца (матери удалось заставить его поверить, что причиной исключения из лицея оказался какой-то дисциплинарный проступок) переезд ближе к Парижу вполне устроил. У меня же по сей день остается чувство горечи, оставленное незаслуженным обвинением со стороны ксенофобки мадам Лакруа».

И снова нужда. А издатели не хотели переиздавать книги генерала, хотя все были успешно реализованы. Газеты и журналы неохотно публиковали его статьи. И в конце концов, Антон Иванович был вынужден принять пенсию, которую выделял ему Союз бывших русских послов. Она предназначалась для видных деятелей русской эмиграции. Чтобы немножко пополнить свой бюджет, а также иметь возможность изложить свою точку зрения, Антон Иванович стал выступать с лекциями, которые потом издавались в виде брошюр. Их можно считать историческими и политическими зарисовками на злобу дня, выполненными в яркой публицистической манере.

Сохранились интересные сведения о дебюте генерала-лектора. В марте 1932 года он прибыл в Ментенон, где собрались парижские эмигранты. «Последние новости» сообщают об этом событии следующим образом:

«С 8 часов вечера улица Дарю чернела от народа, который толпился при входе в зал Шопена. Все пытались во что бы то ни стало проникнуть в битком набитый зал, хотели услышать, что генерал Деникин, 12 лет воздерживающийся от всякого участия в политической жизни, будет говорить о дальневосточных проблемах России. При появлении бывшего главнокомандующего большая часть зала встала и приветствовала его овациями. Генерал Деникин не только не разделял взглядов белых эмигрантов, делающих ставку на помощь японцев, но даже считал, что эта помощь будет гибельной для интересов России. Часто прерываемый аплодисментами, оратор энергично осудил „лживых патриотов“: „Наша поддержка тех, кто хочет овладеть русским землями, совершенно недопустима“».

Антон Иванович избирательно подходил к аудитории. Он предпочитал, чтобы его слушателями являлись бывшие добровольцы, особенно «первопоходники», врангелевцы и галлиполийцы, а также эмигрантская молодежь и, наконец,

рядовой белоэмигрантский обыватель. Генерал избегал выступлений в руководящих кругах различных политических сил белой эмиграции. Видимо, он не хотел вступать в неизбежную и ожесточенную полемику. Уж слишком разнились пропагандируемые им взгляды от установок любых политических партий и организаций белой эмиграции.

Выступления Деникина выделялись своей актуальностью. Лучшее доказательство — бурная полемика, которая развертывалась сразу после газетных отчетов о его выступлениях. В полемику включались наиболее авторитетные белоэмигрантские издания различной политической ориентации: «Часовой», «Возрождение», «Последние новости», «Дни» и другие.

Подобное не прошло незамеченным для французских спецслужб. Министерство иностранных дел Франции, в контексте отслеживания политических процессов в белоэмигрантских организациях, информировало военное министерство Франции о том, что публичные доклады бывшего вождя Белого движения, особенно его оценки Красной Армии, вызывают бурную полемику в политических и общественных кругах белой эмиграции.

Публичные выступления Деникина отличали высокое ораторское искусство, яркость, эмоциональность. Корреспондент журнала «Часовой» (заметим, журнала, который очень часто критиковал генерала) об одном из публичных выступлений Антона Ивановича высказался так:

«Генерал Деникин — оратор увлекающий, умный и многообещающий докладчик. Его речь была пресыщена рядом образных и запоминающихся выражений и летучих фраз».

Тем временем стало ясно, что работа по разведению домашней птицы и садоводству не по силам старому генералу и его не блещущей здоровьем жене. Поэтому семья Деникина покинула флигель на холме и переехала в меньшую, но более комфортабельную квартиру по адресу: 19, улица Лекок, недалеко от Севрского лицея, где Марина заканчивала учебу. С успехом сдав экзамен на бакалавра (по философии), она в сентябре 1936 года уезжает в Великобританию усовершенствовать английский и преподавать французский.

В 1937 году генерал получил официальное приглашение от короля Румынии посетить страну. Поскольку дочь обожала путешествия, отец решил взять ее с собой в качестве секретаря. Деньги, предоставленные посольством, позволили купить обязательный для банкета пиджак, которым пришлось довольствоваться вместо парадного мундира, и два билета туда и обратно в третьем классе до границы Румынии и в первом классе по самой стране: положение обязывало.

Пребывание в Бухаресте оказалось очень приятным, несмотря на то, что к генералу и его секретарю и днем и ночью были приставлены телохранители. Разместили их в лучшей гостинице Бухареста, где проживали также и члены советской делегации. Газеты, вышедшие 8 ноября, писали о совпадении:

«В то самое время, когда посольство СССР давало пышный завтрак в честь двадцатой годовщины Октябрьской революции, король Карол в своем дворце принимал бывшего главнокомандующего белой армией».

В память об этом дне Деникин оставит у своего секретаря королевское меню, написанное на великолепном французском языке, с автографом Карола. Вина и ликеры в меню не фигурировали; но, по утверждению Деникина, «они были превосходны».

20 ноября «временно исполняющая должность секретаря» отправилась в Англию, чтобы приступить к своим функциям гувернантки. Члены семьи Грей были людьми тактичными, чуткими и воспитанными. Отношения их со своей гувернанткой стали такими теплыми, что они обращались с Мариной, как с родной дочерью, и когда через несколько лет Марина должна была выбирать псевдоним для своей журналистской деятельности, она остановилась на имени своих «английских родителей». Псевдоним Грей Марина Антоновна пронесла через всю свою творческую жизнь…

Весной 1938 года генерал Деникин и его жена, здоровье которой все больше и больше ухудшается, покидают Севр и отправляются отдыхать в Савою. Этот отдых омрачает тревога, которую начинает испытывать западноевропейское общество в дни, предшествующие мюнхенским соглашениям.

«27 сентября 1938 года.

Валлюар ждет полной эвакуации и, в случае мобилизации, все дороги будут запружены. Поэтому мы сундук и вообще более тяжелый багаж отправили заблаговременно в Сен-Мишель; остальное укладываем и уедем отсюда в ближайший день, как только поправится больная мать.

В Сен-Мишель, вероятно, задержимся дня на три; парижская квартира остается за нами, но вопрос осложняется тем, что и Париж предполагают эвакуировать… Таким образом, судьба, по-видимому, заставит меня пережить четвертую войну, но пережить пассивно — во чужом пиру похмелье!»

«5 октября 1938 года.

В течение целой недели мы жили у Михайловых в Сен-Мишель. Завтра уезжаем в Париж. Оказалось, что французы, занимающие нашу будущую квартиру, съедут не 5-го, а только 15-го. Придется

отправиться в Ашэр, к Шиловым».

«16 октября 1938 года.

Отдохнули мы больше недели в Ашэре, избавленные от хозяйственных работ и воспользовавшись отличной погодой и шиловским гостеприимством.

Во вторник утром переедем на новую квартиру — 40, улица Лакордер, Париж, 15».

«25 октября 1938 года.

Мы на новой квартире, маленькой, но удобной во всех отношениях, кроме одного: темная. И это обстоятельство удручает особенно маму. Пока полный хаос, так как обоим нездоровится, и поэтому работа по устройству квартиры идет медленно».

18 октября 1938 года Деникин писал своей дочери:

«Маша, птенчик мой, я скучаю без тебя. Мне очень не хватает твоего ворчливого голосишки…»

«„Ворчливый голосишко“ скоро опять зазвенел на четвертом этаже дома на улице Лакордер», — вспоминала Марина Антоновна. Закончив обучение своей питомицы Анны Грей французскому языку и культуре, генеральская дочь вернулась как раз тогда, когда ее отец проводил в Париже последнюю конференцию на тему «Международные события и русский вопрос».

БИТВЫ ПОЛИТИКОВ

Кому не приходилось хотя бы однажды жертвовать самим собою за свою добрую репутацию?

Ф. Ницше

— Да что вы все талдычите: государь-император. Да отдал он Россию мужлану Распутину!

— Зачем же так категорично? Вы оскорбляете светлую память убиенного…

— А затем, — грубо перебил собеседника спорщик. — Я шел с Деникиным по Кубани, уходил с Врангелем из Севастополя, гнил в галлиполийских лагерях, но веры в Белое дело не потерял! Только белая идея может возродить Великую, Единую и Неделимую Россию!

— Но русский народ отверг белых генералов!

— Слушай, ты, тыловая крыса. Да я сейчас тебя…

На спорщиков, готовых вцепиться в глотку друг другу, никто из привыкших к таким сценам парижан, сидящих в душном бистро, особого внимания не обращал. Только за одним из столиков с ехидцей заметили:

— Русские эмигранты продолжают Гражданскую войну…

Да, Мекка русской эмиграции кипела политическими страстями. Не миновала чаша сия и Антона Ивановича…

«По приезде в Париж сразу окунулся в водоворот эмигрантского политиканства, подвергаясь „уловлению“ со стороны одних, желавших использовать мой авторитет и мое перо, и травли со стороны других — и справа и слева.

Великий князь Николай Николаевич через Кутепова выразил желание повидаться со мной. Я отношусь к нему с уважением, но не пошел. Что я могу сказать ему? Что дело его обречено, ибо все окружение его, утопая в дрязгах, под прикрытием двусмысленной фразеологии проводило идеи реакции, реставрации старого режима?

Врангель, крайне обеспокоенный моим появлением на парижском горизонте в 1926 году, когда парижская воинская и гражданская общественность чествовала меня банкетом, совершенно неожиданно приезжает в Париж и, хотя в последующие годы мог убедиться в том, что я ничем и никак не мешаю ему „спасать Россию“, продолжает интриговать против меня.

Кутепов заходит часто, ища моральной поддержки против Врангеля и не особенно жаловавшего его (Кутепова) великокняжеского окружения. Спрашивал не раз моих советов, но их редко исполнял, обиженный моим скептическим отношением к его работе в Советской России.

Завершение „Очерков…“ предоставило мне свободное время. И я хотел и мог использовать его для русского дела. Ни в какие политические партии и организации я не входил. Национальное самосознание русской эмиграции замутилось донельзя. Заблудились в трех соснах…

Свой двуединый символ веры я определил кратко: „Свержение Советской власти и защита России“.

И вот оказалось, что для такой постановки национальной русской проблемы нет места в современной эмигрантской печати!..

„Последние новости“ изъяли вовсе из своего лексикона понятие „национальный“, подменив его презрительным „националистический“. Как партия Милюкова, так и его газета огульно поносили русское прошлое, осуждали в целом Белое движение и, главное, относились с каким-то полупризнанием к Советской власти.

Поэтому дважды сделанное мне предложение сотрудничать в газете было отклонено.

Гукасовское „Возрождение“ поддерживало идею полной реставрации старого режима даже за счет территориальных уступок в пользу случайных союзников, взявших на себя задачи свержения Советской власти. Поэтому два обращения к Струве о сотрудничестве также ни к чему не привели.

Итак, серьезно заняться журналистикой не пришлось. Раз или два в год я выступал с обширным докладом на тему „Мир, Россия и эмиграция“ в Париже, делал сообщение в Лондоне, Брюсселе, Праге, Белграде. Эмигрантская печать давала обширные выдержки, причем не раз — умышленно или случайно — искажая основные мои мысли. Особенно отличалась в этом отношении нью-йоркская „Россия“».

Перед нами своего рода своеобразный отчет о политической деятельности Антона Ивановича в Париже в 1926–1939 годах, написанный им в 1944 году.

В Париже Деникин оказался в центре политического вихря: как слева, так и справа его пытались перетянуть на свою сторону, использовать в своих интересах его популярность и перо. Другие занялись его травлей. Особенно сложно складывались отношения бывшего вождя Белого дела с руководящим ядром РОВС, внутри которого не было единства: Врангель считал, что именно вокруг армии надо объединить всю русскую эмиграцию, Кутепов полагал

необходимым сохранение организованной русской силы, другие, напротив, были убеждены, что это нереально.

Деникин всячески избегал возможности как-то влиять на политику РОВС, обострять отношения с его начальником генералом Врангелем, одним из наиболее авторитетных лидеров антисоветской борьбы в белой эмиграции. Командование РОВС, этой, как писали тогда, «армией без территории», относилось прохладно к бывшему вождю Белого движения. Но Антон Иванович имел большой нравственный авторитет среди многих бывших добровольцев — членов союза, поэтому командование РОВС было вынуждено приглашать его на некоторые мероприятия, проводимые под его эгидой.

На одном из таких собраний случилось недоразумение, довольно наглядно иллюстрирующее всю сложность отношений генерала с РОВС на ранней стадии его существования.

В дневнике фон Лампе (запись 1926 года) отмечается, что на собрание бывших добровольцев был приглашен в качестве почетного председателя Антон Иванович. Лампе посоветовал рабочему председателю, некоему полковнику Гесселю, не «стушеваться перед личностью почетного председателя» и уверенно вести собрание лично. Гессель не нашел ничего лучшего, как передать эти указания фон Лампе Деникину. Тот в знак протеста покинул собрание. А кто-то еще шепнул генералу — все это исходит от Врангеля. Тогда фон Лампе послал извинительное письмо Антону Ивановичу от имени командования РОВС. Ответа не последовало.

В таком на первый взгляд мелочном конфликте просматривается не только игра амбиций и честолюбий, а более глубокий смысл. Конфронтация Деникина с Врангелем в 1917–1920 годах не прошла бесследно для ее участников. Теперь она проявлялась в скрытых формах, но по-прежнему мешала консолидации военного ядра белой эмиграции.

Единственное, что можно утверждать точно: смерть Врангеля разрешила затянувшийся конфликт. Деникин отдал дань уважения памяти усопшего, приняв участие в панихиде по последнему главнокомандующему русской армией, состоявшейся 26 апреля 1928 года в Брюсселе. После его смерти генерал не допускал полемических замечаний в адрес покойного.

Однако на фоне скрытой конфронтации с Врангелем Антон Иванович на протяжении ряда лет поддерживал дружеские отношения с Кутеповым, хотя и скептически относился к его деятельности во главе РОВС. Кутепов в мае 1929 года высказался решительно:

«Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить».

Деникин соглашается с этим, но совершенно не одобряет методов борьбы Кутепова. После скандала с «Трестом», антисоветской подпольной организацией, созданной… ОГПУ, бывший главком ВСЮР более чем когда-либо считает, что деятельность одного из его лучших бывших командиров носит «дилетантский» характер и не может иметь большого значения.

Последняя встреча генералов состоялась в Ванве под Парижем в ноябре 1929 года. Кутепов, казалось, был очень уверен в себе.

— Антон Иванович! В России происходят великие события, — с несвойственным ему пафосом воскликнул Кутепов. — Никогда еще оттуда не прибывало столько людей с предложениями сотрудничать с их тайными организациями.

— Не боитесь вы, что это просто провокаторы? — спросил Деникин.

— Конечно, среди них есть и провокаторы, но я тотчас же их распознаю. Процесс контролируется мной. Впрочем, даже провокаторы приносят свою пользу.

Услышав дальше кутеповский рассказ, Антон Иванович был потрясен до глубины души.

Из воспоминаний Деникина:

«…Номер телефона одного из агентов с точностью до одной цифры совпадал с номером советского посольства, но случалось, что телефонисты ошибались. Совсем недавно произошло следующее недоразумение: агент получил сообщение по-русски, предназначенное для одного из членов посольства. Продолжая игру, он притворился, что он и есть этот человек. Ему назначили свидание в определенном месте и в определенное время с целью передать ему чемодан. Кутепов поручил это дело своему брату; тому передали пакет. Документы, содержащиеся в нем, в настоящее время расшифрованы, некоторые уже были раскодированы. Они представляли большой интерес: речь шла о советских шпионах, работавших под видом белоэмигрантов.

— Александр Павлович, не говорите мне, что вы верите во все это! Вас хотят еще раз мистифицировать.

— Нет, это не похоже на мистификацию. То, что эти документы попали в наши руки, вредит больше им, чем нам.

Кутепов принялся цитировать имена известных эмигрантов, оказавшихся агентами ОГПУ».

Командование РОВС увидело в экс-главкоме ВСЮР серьезного противника.

15 апреля 1934 года фон Лампе направил письмо председателю РОВС, в котором предложил генералу Миллеру как высшему должностному лицу союза, ответственному за его политическую

линию, провести «решительное отгораживание от генерала Деникина». Это необходимо потому, что Деникин пользуется большим авторитетом среди многих бывших офицеров.

В итоге, предупреждал Лампе своего начальника, в Берлине общественность до сих пор воспринимает публичные выступления генерала как политические установки командования РОВС. «Очень трудно в разговорах отстаивать самостоятельность РОВС от генерала Деникина».

Подобное признание одного из ведущих функционеров РОВС свидетельствует: Антон Иванович своей позицией наносил серьезный удар по политической линии руководства союза.

Старшие начальники РОВС внимательно следили за высказываниями генерала. В ГАРФ я обнаружил в одном из дневников Лампе восемь вырезок из различных эмигрантских газет, в которых нашла отражение полемика вокруг одного из публичных выступлений бывшего вождя Белого дела в 1932 году.

В частном же письме Лампе отмечает, что он собрал шестьдесят восемь (!) вырезок из газет с подобными материалами и делает вывод, что полемика генерала Деникина по вопросу отношения к Советской России идет вразрез с политикой РОВС и является «слюнтяйством»[148].

Окончательный разрыв Антона Ивановича с РОВС произошел, как только его руководители пошли на организационные контакты с германскими нацистами.

— У папы из-за ориентации начальства РОВС на Гитлера резко охладились отношения с генералом Миллером, — рассказала мне Марина Антоновна. — Но буквально за три дня до похищения Миллера агентами НКВД на торжественном обеде Корниловского ударного полка, генерал Миллер подошел к папе и сказал:

— Ваше превосходительство, вы оказались правы, а я нет! На Гитлера рассчитывать нельзя…

Запоздалое прозрение…

Парижский период утверждает Деникина как крупного политического деятеля белой эмиграции. Но сам он классифицировал свою деятельность в белой эмиграции как общественную. По моему суждению, деятельность генерала носила все-таки политический характер. Хотя, если подходить с классических политологических канонов, то в поведении Антона Ивановича отсутствовали некоторые признаки, характерные именно для политической деятельности. Он, в частности, не боролся за власть и лидерство в каких-либо организационных структурах Белого движения, даже не входил в состав ни одной из крупных политических партий и группировок белой эмиграции.

Бывший вождь Белого движения, по образному выражению реэмигранта Б. Н. Александровского, был «политическим одиночкой, которого невозможно уложить в рамки какой-либо определенной группировки».

Несмотря на попытки уйти из политической жизни белой эмиграции, Деникин в конечном итоге стал ее активным субъектом. После разрыва с РОВС он стал относиться резко отрицательно к деятельности эмигрантских организаций главным образом из-за засилья в них иностранного влияния:

— Иностранцы, все ради иностранцев! — возмущался бывший главком ВСЮР.

До конца своей политической деятельности генерал сохранял, насколько это было возможным, организационную самостоятельность. Но он готов был к тесному сотрудничеству с теми, кто разделял его взгляды.

Деникин совместно с историком Мельгуновым и бывшим российским промышленником А. О. Гукасовым создал свою организацию вокруг газеты «Борьба за Россию», которую редактировал С. П. Мельгунов в 1929–1930 годах. Деятельность «Борьбы за Россию» оценивалась в эмиграции не очень высоко. Лампе не без сарказма писал в своем дневнике:

«Истерический социалист Мельгунов пытается доказать общественности значимость своей газеты для антибольшевистской борьбы, хотя на самом деле она не приносит пользы кому-то, кроме сотрудников этой газеты, которая, наверное, до России не доходит».

Относительно последнего утверждения Лампе не ошибся. Газета Мельгунова переправлялась нелегальным путем для распространения в СССР. Об этой акции ОГПУ было хорошо осведомлено, и все номера газеты перехватывались и уничтожались.

И тем не менее связи организации с антисоветским подпольем, скорее всего, имелись. Американский историк Поль Блесток, в прошлом сотрудник спецслужб, изучавший архивы Мельгунова, хранящиеся в Лондонской экономической школе, пришел к выводу: «Борьба за Россию» имела в СССР своих агентов, которые якобы даже пытались… убить самого Сталина.

Блесток делает такое заключение:

«Мне трудно все же решить, где принималось это решение — в Париже или в СССР…»

Деникин руководил в 1938 году Союзом бывших добровольцев, который объединял в своих рядах бывших офицеров армии царской России, служивших в годы Гражданской войны в ВСЮР и русской армии Врангеля. Хотя Союз бывших

добровольцев занимался главным образом пропагандистской деятельностью, он попал в поле зрения 2-го бюро генерального штаба вооруженных сил Франции, а также Управления национальной безопасности Франции и Главного контроля служб административной полиции в качестве политической организации белой эмиграции.

Французские спецслужбы предельно внимательно отслеживали деятельность Союза бывших добровольцев и, прежде всего, потому, что им руководил бывший главком ВСЮР генерал Деникин. Агенты спецслужб Франции занесли союз к организациям, которые приобретают особую значимость. По их мнению, союз не представляет опасность для национальных интересов Франции, но важна сама по себе позиция генерала Деникина. В недатированном донесении 1938 года констатируется следующее: *Союз волонтеров Гражданской войны, которым руководит генерал Деникин, организовал публичные выступления своего руководителя 17и 25декабря 1938года в зале «Chopia a'Paris». Сюжет лекций следующий: «Мировые события и русский вопрос». В агентурных сводках особо отмечается также и то, что А. И. Деникин не хочет вступать в контакты с эмиссарами монархистских организаций белой эмиграции, всячески подчеркивает свою особую позицию в вопросах антисоветской борьбы.*

И политическая организация, созданная вокруг газеты «Борьба за Россию», и Союз волонтеров Гражданской войны в организационном отношении являлись недостаточно сильными. Их нельзя, даже приблизительно, сравнить в этом контексте, например, с РОВС. «Борьба за Россию» была малочисленной организацией, с налетом сектантства. А приоритетным направлением деятельности Союза волонтеров Гражданской войны являлась пропагандистская работа внутри белой эмиграции во Франции.

Фигурой Деникина интересовалась не только Франция. В ЦХИДК хранятся документальные материалы о деятельности разведки Польши против СССР в 20—30-е годы минувшего века. Из них вытекает, что польская разведка занесла генерала в специальный список подучетных лиц, проживающих в разных странах, с которыми возможно сотрудничество.

Правда, создается впечатление, что это было сделано для благополучной отчетности перед начальством. Против фамилии бывшего вождя Белого движения нет никаких пометок, кроме формальных данных:

«№ 480. Деникин А. И. — родился в 1872 г., генерал, Париж».

В то время как перед другими фамилиями имеются рабочие

пометки принципиального характера. Так, против фамилии неизвестного нам М. А. Федорова написано следующее:

«…Бывший офицер-корниловец. По сведениям Хиткова, отъявленный провокатор, агент Хоржевского, большевиков и чешской полиции. После разоблачения Никитина проживает в Праге. Русские эмигранты избегают его».

Думается, что нельзя даже гипотетически допустить, чтобы генерал Деникин сотрудничал с иностранной разведкой против своего Отечества, а уж тем более с разведкой Польши, государства, которое так жестоко предало его в годы Гражданской войны в антибольшевистской борьбе.

Перипетии политической борьбы свели Антона Ивановича с Милюковым.

Павел Николаевич Милюков вообще не был склонен высоко оценивать политическую деятельность генерала Деникина в годы Гражданской войны и после нее, в период эмиграции. Об этом он, судя по мемуарам Д. Мейснера, ближайшего своего сотрудника, откровенно говорил в кругу своих соратников. Но у этих политических фигур были между тем предпосылки к сотрудничеству, так как оба в исследуемый период не придерживались крайне правых взглядов.

Милюков, в свете своей «новой тактики», не мог не одобрить призывов генерала к объединению сил белой эмиграции для достижения успехов в антибольшевистской борьбе. Об этом Антон Иванович открыто заявил еще в приветствии зарубежному съезду, о чем было известно Милюкову. Знал лидер РДО по эмигрантской печати, что бывшего вождя Белого движения особенно волновали расхождения во взглядах среди бывших добровольцев:

«Не кажется ли вам, соратники-первопоходцы, что тогда в 1-м Кубанском походе душевное состояние было все же проще, цельнее, яснее, чем теперь?»

Апеллируя к общественному мнению, генерал заявил, что если эмиграция не поймет необходимости перед лицом возрождения России отречься от своих мелких политических счетов, то ей «грозит политическая смерть».

Милюков не мог не одобрить эволюцию бывшего главкома ВСЮР в отношении Советской России. Она просматривается в ответе генерала на письма анонимного красного командира, опубликованные газетой «Возрождение» в 1928 году.

«Я совершенно согласен с вами, — писал Деникин анонимному оппоненту, — что над Россией нависли грозные тучи со всех сторон… Теперь уже открыто говорят о разделе».

Такая оценка вызвала критику во многих эмигрантских газетах. Это не без удовлетворения отметил в своем дневнике фон

Лампе. Вместе с тем газета «Русь», полемизируя с газетой Керенского «Дни», писала 1 мая 1928 года:

«Генерал Деникин, спасший Россию в степях Кубани не из окна бронепоезда, а из сомкнутых цепей добровольческих дружин, призывает не к братанию с коммунистами, а к неустанной работе, направленной на свержение советской власти».

Многих в эмиграции смутили призывы Деникина о защите родных очагов. Генерал, однако, не отказался от своего воинствующего антикоммунизма. Его позиция стала приобретать определенную стройность, о чем свидетельствуют публичные выступления 1930-х годов.

Главная мысль Антона Ивановича — оказать поддержку Красной Армии в случае нападения на СССР, но после этого обеспечить ее выступление против большевистского режима:

— Рано хоронить еще Россию! Освобождение России, а не завоевание России, с народом, а не против народа. Свержение советской власти при всех обстоятельствах. Благодарность тем иностранным державам, которые подлинно желали бы помочь России, и отпор захватчикам и расчленителям.

Подобная позиция Деникина перекликается с «новой тактикой» Милюкова. Говоря же о поддержке Красной Армии в случае агрессии, генерал одновременно допускает возможность интервенции, если она будет на пользу России. И тут же утверждает, что «мы не можем идти в ногу с захватчиками русской земли». Милюков в своей «новой тактике» подобных противоречий не допускал.

Противоречивая позиция Деникина встречает неприятие в определенных кругах белой эмиграции. После интервью парижской газете «Petin arhal», где Антон Иванович называл изменниками всех, кто желает поражения Советской России в войне, он был подвергнут резкой критике в журнале «Часовой». Его позиция была названа «охотой за двумя зайцами».

Полемика Деникина с Милюковым о путях русской эмиграции заинтересовала советскую разведку.

В одном из докладов Разведывательного управления РККА высшему военно-политическому руководству СССР отмечалось, что Милюков создает в Париже оборонное движение, которое ставит целью объединение эмигрантов и содействие в меру возможностей обороне СССР. Это движение поддерживает Деникин.

Но Разведывательное управление РККА оценило это явление с моей точки зрения однобоко, классифицировав его как проявление дальнейшего разложения эмигрантской среды[149]. Шагов к поиску точек соприкосновения с левыми кругами

эмиграции с советской стороны не последовало.

Парадокс состоял в том, что в отличие от Милюкова, решительно не веря в патриотический потенциал советской власти по защите России, генерал Деникин одновременно все больше проникался искренней симпатией к Красной Армии. На одном из публичных докладов, вспоминал реэмигрант Л. Любимов, он обрушился на тех, кто утверждал, что стоит только гитлеровским дивизиям хлынуть через советскую границу, как Красная Армия обязательно побежит.

— А может, не побежит! — патетически воскликнул Антон Иванович. — Храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков.

Эклектика Деникина состояла еще в том, что он не верил в советский патриотизм личного состава РККА, хотя не раз заявлял, что и «под советским мундиром может биться русское сердце».

Поиски «двойной задачи» — это не метания обанкротившегося деятеля, не попытка уйти от борьбы через компромисс, в котором нужно было бы совмещать несовместимое. «Двойная задача» Деникина была по-своему им аргументирована, нашла поддержку в определенных кругах белой эмиграции. Но она была утопичной.

Утопизм «двойной задачи» усугублялась тем, что бывший вождь Белого дела, будучи ярым антисоветчиком, упорно не хотел замечать позитивные изменения, происходившие на его Родине. Налицо догматизм мышления. Причем догматизм, который, как это не парадоксально, проявлял деятель, имеющий неординарные аналитические способности. Что ж, ненависть, увы, может только ослеплять…

Трудно поверить, что Антон Иванович не слышал о достижениях Советского Союза. В то время на Западе об этом говорили во весь голос. Уолтер Липман писал еще в 1928 году:

«Из СССР приходят вести о разработке пятилетнего плана. Большевики замыслили что-то невероятно дерзкое: одним рывком построить в своей отсталой стране современную промышленность. О советском пятилетнем плане с интересом говорят в рабочих клубах Америки. Буржуазные пропагандисты призваны нейтрализовать этот интерес после чудовищного разорения войной 1914–1921 годов и в стране начался бум темпов, всенародного энтузиазма, которого Россия еще не видела, рождение коллективистской солидарности, время порывов и открытий во всех сферах науки и культуры…»

Конечно, современный уровень накопления исторических знаний дает картину, какой ценой оплачена сталинская индустриализация, которой так восхищался Уолтер Липман. «Год

великого перелома», «Коллективизация сельского хозяйства», превратившая огромную массу сельского населения в полукрепостных.

Увы, это наша история…

Но разве можно опровергнуть то, что в стране произошла культурная революция? Огромной массе людей впервые стали доступны многие духовные ценности. И это тоже наша история.

И очень жаль, что Антону Ивановичу Бог не дал прозрения увидеть и светлые стороны истории СССР в 1920–1941 годах!

Гипотетически можно предположить, что Милюков, позиция которого отличалась большей реалистичностью, пытался заполучить генерала в союзники, переубедив его.

Мейснер воспоминал, что когда он в качестве корреспондента «Последних новостей» изложил взгляды Деникина Милюкову, тот вычеркнул абзац о «двойной задаче», оставив одну — защита России. Антон Иванович неистовствовал:

— Что же вы из меня милюковца делаете! Я же не то говорил, что вы пишете.

Д. Мейснер передал его возмущения Павлу Николаевичу. Тот ответил:

— Я хотел вытащить его из трясины, в которой он завяз с этой бессмысленной «двойной задачей».

Мемуарист прокомментировал данный факт так: шеф «хочет от бывшего главкома ВСЮР большего соглашательства, чем это было возможно».

Взаимопонимание двух деятелей не состоялось.

Правые круги белой эмиграции воспринимали «двойную задачу» бывшего вождя Белого дела с неприязнью. Лампе считал, что Деникин договорился до абсурда, чуть ли не призывая эмиграцию вступать в Красную Армию.

Характерно, что генерал, продолжая шлифовать свою «двойную задачу» в противоборстве с милюковцами и правыми, несмотря на утопичность ее в целом, проявлял иногда и политический реализм. Он реалистично оценил обстановку в связи с делом М. Н. Тухачевского и других в 1937 году. Ec.ni и некоторых эмигрантских кругах говорили о внутренней оппозиции сталинскому режиму в СССР, то Деникин понял, что это далеко не так. В письме дочери от июня 1937 года он пишет:

«Ты спрашиваешь, что произошло в России? Идет самопожирание большевизма. […] Никаких „измен“ и „продажности“, конечно, не было. Тухачевский — авантюрист, человек беспринципный и жестокий, но и он никому не „продавался“. Вообще, никакой идейности в происходящем нет, есть только борьба за власть. Сталин довел кровавую „пирамиду“

до самой верхушки и остался с глазу на глаз со своим ближайшим помощником и другом Ворошиловым. Очередь за последним. Сталин и Ворошилову перережет горло, если тот не догадается вовремя перегрызть горло Сталину…»

Не все угадал Антон Иванович. Но кто знает, что было бы с «первым красным офицером» Климом Ворошиловым, если бы Сталин не умер в марте 1953 года?

Вокруг имени Деникина имелось много спекуляций, досужих вымыслов, слухов и искажений как в белоэмигрантской литературе, так и в советской. Антон Иванович, как правило, в полемику не вступал, полагая, очевидно, что истину легко найти, если внимательно вчитаться в его «Очерки русской смуты» и другие произведения. Но иногда он вынужден был реагировать и давать отпор, если фальсифицировались его духовные принципы.

В 1928 году активный участник российской революции 1905–1907 годов С. Милославский в своих воспоминаниях писал, что в созданном в 1905 году на Дальнем Востоке революционном союзе числился Деникин, который был законспирирован и ничем себя не проявил. Его вступление в союз уже в высших чинах, по утверждению Милославского, произвело на местных революционеров «чрезвычайное впечатление». Числился Деникин в союзе якобы недолго и отошел от него уже в 1906 году, когда организация стала приобретать более четкие и на этот раз вполне революционные формы.

«Но и этот исход не носил характер разрыва: разговора в нашей среде было достаточно, и я хорошо помню, генеральскому выходу был придан характер не контрреволюционного выступления, но лишь конспиративной меры. В 1919 году, работая в подполье во время деникинщины на Украине, не раз приходилось вспоминать Деникина 1905 года».

Милославский не прав. Не в характере генерала было заниматься конспиративной деятельностью, о чем он прямо заявляет в своих «Очерках русской смуты». А они написаны на семь лет раньше воспоминаний Милославского. Кроме того, мемуарист допустил и фактическую ошибку: в 1906 году Деникин был полковником, а не генералом…

Но то, что сегодня очевидно нам, было не всегда очевидным в 1930-е годы для белоэмигрантской общественности. Чтобы прекратить всевозможные спекуляции, Деникин дал опровержение на эту публикацию в одну из самых влиятельных и многотиражных газет белой эмиграции — «Последние новости».

Причем это опровержение было написано с присущими Деникину иронией и сарказмом.

В нем, в частности, отмечалось, что генерал ни в какой

тайной или явной политической организации не состоял, так как всю жизнь работал открыто, «ни с одним революционером до конца 1917 года знаком не был, а если кого-нибудь из них видел, то только присутствуя случайно на заседаниях военных судов».

Опровержение достигло цели.

Политический боец Деникин постоянно рисковал жизнью. Мейснер воспоминал о том, что увидел в бедной квартире бывшего вождя Белого движения на письменном столе браунинг.

*«Этот неслучайный револьвер, — заключает мемуарист, — **как** бы символизировал отношение Деникина к окружающему миру и событиям».*

Для этого у Антона Ивановича имелись основания.

23 сентября 1937 года НКВД СССР провел удачную операцию по похищению начальника РОВС генерала Миллера. В операции немаловажную роль сыграли белоэмигрант генерал Н. Скоблин[150], активный участник Гражданской войны, в РОВС он имел почетное звание «командир Корниловского ударного полка», и его жена Н. В. Плевицкая, известная исполнительница русских песен и романсов, любимица русской публики — «курский соловей».

Марина Антоновна в монографии «Генерал умирает в полночь» доказывает, что генерал Скоблин и его жена пытались организовать и похищение ее отца. Имеются такие показания полковника Трошина и штабс-капитана Григуля на суде (доверенных лиц Скоблина в РОВС) о поездке Скоблина в день исчезновения Миллера к генералу Деникину.

Деникин жил в Севре, ближайшем предместье Парижа. Формальным поводом визита к Антону Ивановичу являлось желание Скоблина выразить ему благодарность за участие в банкете в связи с юбилеем Корниловского полка. Однако это был лишь повод. Скоблин мог поблагодарить Деникина и письмом, что неоднократно делал в отношении других известных людей эмиграции.

Штабс-капитан Григуль вспоминает, что Скоблин принялся уговаривать генерала Деникина поехать с ним на автомашине в Брюссель якобы для встречи с жившими там корниловцами. Антон Иванович уклонился от предложения: настораживала поспешность и настойчивость, с которой Скоблин обхаживал бывшего вождя Белого движения.

Самые интересные подробности мне сообщила в частном письме Марина Антоновна:

«В день похищения Миллера Скоблин (которого он не любил и которому не доверял) явился к нам на квартиру; мы с мамой еще оставались на летних каникулах на Атлантическом океане, в

городке Мимизан. Перед этим за два-три дня, на корниловском празднике, Скоблин пристал к папе, чтобы он согласился вернуться к нам… на автомобиле генерала Скоблина. Папа резко отказался. В день же похищения Скоблин приехал предлагать папе отвезти его в Бельгию на тамошний праздник корниловцев. Стал снова настаивать. Папа рассердился, а в это время из соседней комнаты вышел солидный казак (он был нашим соседом, так как очень бедствовал, его „нанимали“ иногда, чтобы натирать полы). Поняв, что папа не один и что казак все слышал, генерал Скоблин сейчас же удалился; через окно папа видел его садящимся за руль… в компании двух мужчин. О всем этом папа давал свидетельство под присягой на процессе Плевицкой. Документы сохранились. Хотел ли кто-нибудь похитить папу или нет, трудно решить…»

Действительно, трудно. Остается только надеяться на то, что все тайное когда-то становится явным…

На допросе в качестве свидетеля по делу Плевицкой, обвиняемой в соучастии в похищении генерала Миллера, Антон Иванович держал себя достойно. В описании корреспондента «Последних новостей» бывший главком ВСЮР предстает здесь как уверенный в себе человек:

«Он твердой поступью проходит через зал и занимает свое место. Показания Деникин дает по-русски, через переводчика, краткими и точными фразами. Достоинство, с которым он держится, прямота и ясность ответов производят большое впечатление на суд».

Впечатляет и его ироничность. На вопрос судьи, не находится ли бывший вождь Белого движения в родственных отношениях с Плевицкой он ответил:

— Бог миловал.

Во время суда над Плевицкой выявились и дополнительные факты. Оказалось, что Скоблин и ранее предлагал Антону Ивановичу поездки в Брюссель.

— Почему вы отказались? — спросил Деникина председатель суда Дельрог.

— Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года, — отвечал генерал.

— Вы опасались Скоблина или Плевицкой?

— Не доверял обоим.

Слова Антона Ивановича были лишь слабым отражением его подозрений. Более убедительно прозвучали в ходе судебного разбирательства показания Г. З. Беседовского, советника советского посольства, оставшегося на Западе в 1929 году. Он заявил, что советскому посольству известно о деятельности белой эмиграции во Франции через «генерала, женатого на певице».

Можно согласиться с гипотезой писателя В. Костикова о том, что НКВД замышлял инсценировать процесс белых генералов на фоне происходящего в 1937 году уничтожения командных кадров Красной Армии. Заполучить Деникина в застенки НКВД представлялось бы в данной случае большой удачей. Но это только предположения.

11 декабря 1938 года Антон Иванович написал дочери, что закончил уже показания в суде, но мама бывает там каждый день — до среды. Просил, если английские газеты напечатают о процессе, то чтобы Марина привезла вырезки.

Суд счел вину Плевицкой доказанной и приговорил ее за участие в похищении генерала Миллера (она — сообщница своего мужа генерала Скоблина) к 20 годам заключения. Она умерла при странных и невыясненных обстоятельствах в Реннской тюрьме 21 сентября 1940 года.

Весь парижский период жизни и деятельности Антона Ивановича — тревожное ожидание грядущей войны и возможных изменений в белоэмигрантском социуме.

Он считал, что японский милитаризм после оккупации Маньчжурии стал представлять непосредственную опасность для России. Во второй половине 1930-х годов *генерал Деникин определил уже гитлеровскую Германию как самого мощного врага для России.* Перед эмиграцией, считал генерал, остро встала проблема выбора. По его мнению, она должна поддержать его «двойную задачу».

Остался он последовательным и в позиции о неучастии белой эмиграции «в чужой гражданской войне». Испытывая личные симпатии к Франко, генерал, однако, категорически выступил против участия бывшего белого воинства в гражданской войне в Испании на чьей-либо стороне. По-прежнему оставался он последовательным и в вопросах объединения сил белой эмиграции в антибольшевистской борьбе «для защиты национальных интересов России».

Позиция бывшего вождя Белого дела по отношению к германскому фашизму сформировалась достаточно быстро и не особо противоречиво. Еще на ранних подступах Гитлера к власти Антон Иванович определил в нем реальную опасность для Родины.

Он искренне возмутился, когда увидел, что отдельные политические и общественные деятели русской эмиграции испытывали симпатии к фюреру.

«Разве они не читали Mein Kampf, — недоумевал и возмущался генерал. — Разве они не помнят, с каким презрением фюрер говорит там о русском народе? Не считают ли они, что Гитлер

отказался от своих планов отторгнуть от России Туркестан, Урал, Кавказ, казацкие земли? Когда же фюрер говорит об „освобождении России“, он имеет в виду ее порабощение, установление нацистской диктатуры.»

Он считал, что эмигранты должны выступить «письменно и устным словом» для того, чтобы все увидели подлинную сущность фашизма.

Однако генерал Деникин не призывал искать себе союзников против Гитлера в лице иностранных держав. В письме в редакцию журнала «Часовой» в 1934 году он отмечал, что эмиграции не по пути ни с одной из мировых группировок, потому что одни «поддерживают бытие Советской России», другие выступают против СССР, но «посягают на Россию».

Чем более явственно проявлялась агрессивность гитлеровского фашизма, тем более жестким становилось отношение к нему со стороны Антона Ивановича. Он заявляет безапелляционно: Гитлер — злейший враг России. У него есть конкретные агрессивные планы. Выступая в январе 1938 года в Париже, Деникин сказал:

«Нет никаких оснований утверждать, что Гитлер отказался от видов на Восточную Европу, то есть на Россию».

Характерно, что генерал не обольстился антикоммунизмом Гитлера. Он предупреждал эмигрантскую общественность, что под прикрытием антикоммунизма фашисты преследуют цели, «мало чего имеющие общего с борьбой против коммунизма». Примером вдумчивого анализа сложившейся к тому времени международной обстановки и ее влияния на Отечество генерала, пусть СССР, но все-таки Россию, служит небольшая работа Деникина «Международные события и русский вопрос».

«По-прежнему мир стоит на распутье. По-прежнему призрак смертоносной войны витает над землей. Мюнхенские решения не остановили вооружений, не разъяснили тревоги и не установили реальных основ сколько-нибудь длительного перемирия. Ибо обещания даются и не исполняются; договоры подписываются и нарушаются; над всеми нормами международного права висит кулак; сила и дерзание попирают право.

„Идеология“ в большинстве случаев является лишь прикрытием реальных политических и экономических вожделений и интересов — агрессивных или оборонительных. Вожди и партии раздувают идеологическую вражду, а правительства — устанавливают тактические соглашения с идеологическими противниками. […]

Не противопоставление демократии диктатурам нарушило европейское равновесие и привело к чрезвычайно напряженному

положению во всем мире, а выпадение из нормального международного оборота великой Российской империи, возрождение германской и итальянской вооруженной силы при исключительном динамизме обеих наций и военной неготовности Англии и Франции.

Серьезность этого положения видна из сопоставления вооруженных сил „оси“ и „блока“ великих держав. Я не касаюсь комбинаций с участием малых держав, ибо характер их совершенно гадательный и, надо думать, после предостерегающего чехословацкого урока они воздержатся от опасных союзов, постараются сохранить возможно дольше нейтралитет, а если и выступят, то на стороне… заведомо побеждающего. […] А между тем в силу геополитических и экономических условий, как в период, предшествовавший мировой войне, так и ныне, единение Франции с национальной Россией является проблемой жизненной, естественной и обоюдно необходимой. […]

В отношении гитлеровской Германии эмоциональность политики известных кругов русской эмиграции достигает наибольших пределов, в особенности в эти последние дни.

На русскую эмиграцию Берлин обратил внимание впервые лет пять назад. Попытки привлечения на свою сторону как некоторых организаций, так и видных русских эмигрантов не прекращались.

Стало уже банальностью повторять определения, прогнозы, национальные задачи, поставленные в „Майн кампф“. Но ведь эта книга до сих пор составляет основу воспитания в жизни. Ведь Гитлер еще вчера говорил в ней с величайшим презрением о русском народе. Что же, изменил он свой взгляд сегодня? Ведь он требовал отторжения от России Украины, „казачьих государств“, Кавказа и Туркестана с тем, что „большевизм останется Великороссии“.

Мы познакомились достаточно с лицемерием „идеологической борьбы“. Теперь для нас не может быть и речи о принципиальной враждебности или принципиальной дружбе к чужим державам. Не может быть и речи о долге в отношении их. После того как весь мир отнесся к великому русскому несчастью, мы не должники, а кредиторы».

Деникин цитирует Поля Валери: «…До сих пор вся политика спекулировала на изолированных действиях. Это время приходит к концу. Каждое действие вызывает многочисленные и непредвиденные последствия. Обстоятельства, иногда незаметные или не обратившие на себя внимание, дают о себе знать внезапно и в любое время. В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение»…

«Прекрасная характеристика политики „сегодняшнего дня“ и предостережение для Гитлера и для многих. Мы видели воочию, как

„возвращается ветер на круги своя“ и караются грехи прошлого. Как рассчитывается Англия за свой союз и помощь Японии в создании ее флота и в поражении России в 1905году… Как Брест-Литовск в кратчайшие сроки вызвал развал германской армии и революции… К каким потрясениям привел уже и приведет еще 1919 год, когда небольшое усилие бывших союзников в пользу Белого движения могло бы избавить мир от красной напасти… Мы увидим еще и последствия „стратагемы“ Пилсудского… И уже видим, как исторический бумеранг бьет по польским и советским головам за разжигание украинского сепаратизма.

„В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение“. Эта изменчивость политических настроений, комбинаций и режимов в любое время может изменить в корне международную обстановку и создаст, непременно создаст в дни борьбы такое положение, когда для тех, что ныне забыли или поносят национальную Россию, возрождение ее станет желанным, быть может, единственным для них якорем спасения».

Дыхание войны становилось все более ощутимым…

ВОЙНА: КАК БЫТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ?

Где нет тропы, надо часто оглядываться назад, чтобы прямо идти вперед.

В. О. Ключевский

— Что нового вещает радио? — спросил Антон Иванович супругу, вернувшись с утренней прогулки.

— Беда, Германия напала на Польшу!

— Неужели! Я чувствовал, что это должно вот-вот случиться. Доигрались! Полякам долго не продержаться… Надо срочно написать Колтышеву…

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Сбылись все худшие предсказания Антона Ивановича…

Генерал Деникин понял, что с падением Польши опасность подошла непосредственно к границам его Родины. Но он не оценил объективно занятие советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии, рассматривая акт как *коммунистическую агрессию.*

В письме Колтышеву он высказывает удивление, почему западные державы бездействуют, спокойно взирая на экспансию «германского фашизма и советского коммунизма». Гнерал пишет также, что не может понять, почему после занятия советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии правительство Франции и Англии не порвали дипломатических отношений с Советским Союзом…

Начальный период Второй мировой и особенно Великой Отечественной войны — то исследовательское поле, где историки ведут сегодня серьезную битву за выявление истины. Речь идет, конечно, о серьезных исследованиях отечественных и зарубежных ученых, а не о низкопробных «Ледоколах» Суворова и ему подобных (хотя и такая литература должна стать предметом тщательного критического научного анализа с позиций объективности, историзма и компаративизма).

Надо признать: много еще здесь «белых пятен». Трудно оказываться от удобоваримых стереотипов освещения тех драматических событий. Помнится, какой переворот в мозгах произвели новые данные о пакте Молотова — Риббентропа, ставшие достоянием широкой общественности в конце 80 — начале 90-х годов XX века. Но сколько они породили и спекуляций, и односторонности.

Любая медаль имеет две стороны. В драматических событиях 1939–1941 годов эта истина приобретает особое звучание.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 года в Кремле был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол к нему.

Договор определял взаимные обязательства сторон в политической и военной областях. Он был заключен сроком на десять лет. С международно-правовой точки зрения его подписание являлось нормальным явлением.

Особый вопрос — секретный дополнительный протокол. Он, по сути дела, представлял *тайное сепаратное соглашение между Москвой и Берлином о разделе сфер влияния в Восточной Европе за счет государств этого региона.* При этом сферой советских интересов признавались государства Прибалтики, Финляндия, восточная часть Польши (Западная Украина, Западная Белоруссия) и Бессарабия.

Официальные советские власти в течение многих десятилетий отрицали сам факт подписания протокола. Закулисный сговор с нацистской Германией за счет третьих стран противоречил декларировавшимся принципам советской внешней политики и не украсил нашу историю.

В то же время нельзя забывать, что откровенно силовой подход в международных делах де-факто являлся нормой поведения для всех ведущих государств, и Советский Союз не был исключением. Кроме того, позиция Запада не оставляла Москве никакого выбора, кроме Берлина.

Таким образом, заключенные соглашения можно рассматривать как временный военно-политический компромисс, на который пошло советское руководство для выигрыша времени и пространства в преддверии военного столкновения с Германией.

Антон Иванович не отождествляет Сталина с русским народом. Захват Западной Украины и Западной Белоруссии он расценивает не иначе, как участие СССР в войне на стороне Гитлера. Но участие в войне коммунистического режима, а не русского народа. Не случайно генерал возмущается, что французская пресса, критикуя политику Сталина, спутала два понятия: «Советскую Россию и народ русский».

Но почему бы Деникину не увидеть в захвате Западной Украины и Западной Белоруссии претворение Сталиным в жизнь… белой идеи о Великой, Единой, Неделимой России? Химера? А что?

Ведь Сталин, расправившись с Троцким, для которого Россия — вязанка хвороста в огонь мировой революции, затушевал (не

похоронил, это невозможно, *все-таки святой постулат марксизма-ленинизма)* бредовую идею о мировой революции. Как-никак провозгласил возможность строить социализм в одной отдельно взятой стране.

Почему бы Деникину не расценить внешнюю политику Сталина как объективно укрепляющую русскую государственность? Вернул в сентябре в лоно своей империи исконно русские земли. Не об этом ли мечтал вождь Белого дела в Кубанских степях, вышагивая в цепях белых волонтеров и не кланяясь пулям?

Не увидел этого Антон Иванович. Впрочем, не понял он и того, что между политическим режимом и народом существует диалектическая связь. И вряд ли правомочно по деникинской схеме отделять Сталина от советского народа.

Спорно? Конечно! А разве есть легкие вопросы в истории СССР? Это только у Суворова (Резуна) в его «Ледоколе» все просто…

Однако тоталитарный режим, каких бы успехов он не достиг, всегда останется режимом, уничтожающим человеческую личность.

Пакт Молотова — Риббентропа, по мнению Антона Ивановича, не мог отвести реальную угрозу от России. Он писал 24 сентября 1939 года, что не верит в искренность Сталина и Гитлера.

«Союзы в наше время заключаются и разрываются под любым предлогом. Поэтому не надо строить иллюзий по поводу безопасности России».

Разумеется, Деникин прав относительно неискренности Сталина и Гитлера. Но более чем странно, что военный профессионал высокого класса не увидел, что СССР отодвинул свои границы и, самое главное, выиграл время. Все та же антикоммунистическая слепота…

Но в чем безапелляционно прав Антон Иванович — эмиграции не следует ориентироваться на политические союзы иностранных государств в целях ограждения России от агрессии германского фашизма:

«Никаких „фильств“, кроме „русофильства“, никакой ориентации, кроме русской, никаких обязательств за… чечевичную похлебку и… с потерей лица».

Перед русской эмиграцией встала проблема политического и нравственного выбора. Но свои четкие контуры она получила с падением Парижа (которое, судя по воспоминаниям В. В. Сухомлинова, «потрясло не только французов, но и многих русских парижан, за исключением германофилов и фашистов»).

Дифференциация отношения русской эмиграции к немецкому фашизму резко ускорилась.

В том есть и заслуга Деникина, ибо его принципиальная позиция оценки гитлеризма как врага России стала еще больше импонировать многим эмигрантам. Но яркая антикоммунистическая зашоренность, абстрактность и умозрительность его построений помешали сделать позицию Деникина более доступной для эмигрантских кругов.

Начало Великой Отечественной войны потрясло и Деникина, и его жену. 23 июня 1941 года Ксения Васильевна записала в своем дневнике:

«О, Россия! Чаша страданий еще не испита тобою до дна! Тебя попирают два антихриста. Конечно, нападение Германии означает конец коммунизма в России, но какую цену придется за это платить! Сейчас же немецкие бомбы разрывают на части русские тела, проклятые немецкие танки заполнили нашу страну, льется русская кровь!..»

Особенно тяжело переживал старый генерал поражение Красной Армии в начальном периоде войны. Но, несмотря на стресс, он продолжает осмысливать случившееся. Уже 18 августа 1941 года он пишет Колтышеву, что военные события в глуши воспринимаются острее, сообщает, что не теряет оптимизма: в сложной ситуации можно найти и «предзнаменования утешительные».

Характерно, что в то суровое время бывший вождь Белого дела два раза в год — 15 ноября (годовщина создания Добровольческой армии Алексеевым в 1917 году) и 22 февраля (годовщина начала первой антибольшевистской кампании в 1918 году — I-го Кубанского («Ледяного» похода) писал краткие послания своим бывшим соратникам по оружию. Так вот по случаю 24-й годовщины Добровольческой армии осенью 1941 года, когда положение на советско-германском фронте было исключительно тяжелым, Антон Иванович писал:

«В эти тяжкие и темные дни наше прошлое да послужит утешением, путеводным маяком и залогом надежды».

А в ноябре 1943 года, в ознаменование 26-й годовщины со дня создания Добровольческой армии, он призвал своих собратьев по оружию, боровшихся вместе с ним за Белое дело четверть века назад, молиться за то, чтобы был положен конец уничтожению русского народа:

«Вздыблена, взвихрена наша бедная Россия! Рушатся каторжным трудом воздвигнутые заводы-гиганты. Горят полымем наши города и села. Гибнет русское добро от своей и чужой руки…

Без конца гибнут и русские люди. Гибнут в кровавых боях, в братоубийственных стычках и в темных застенках. Гибнут от холода, голода и труда непосильного, мрут без ухода от ран и болезней — в своих и чужих лагерях, нет конца русским страданиям, нет меры русской скорби!

Но дух народный жив. Его не угасить никому и ничем. […]

Бог правды, Бог брани, ниспошли избавление стране нашей родной от всех ее лютых врагов и лиходеев, дай мир и свободу исстрадавшемуся народу!»

Это ли не голос пламенного русского патриота?!

Не случайно, нет не случайно с началом Великой Отечественной войны Антон Иванович *внес коррективы в «двойную задачу русской эмиграции»*. Если раньше она формулировалась в виде тезиса: «*Борьба с советской властью и защита России»,* то теперь он формулирует ее так: *«Защита России и свержение большевиков»*.

И здесь не механическая перестановка слов. На первое место генерал ставит интересы России, подвергшейся нападению Германии. В развитие своей модернизированной «двойной задачи русской эмиграции» он выдвигает тезис: *«Что заставляет неволя — делай, а против России — не делай»*.

Конечно, такую позицию можно считать *конформизмом.* Но Антон Иванович никогда не был приспособленцем. Генеральская мысль — не разновидность толстовского «непротивления злу насилием», а позиция «пассивного сопротивления». И в условиях немецкой оккупации она была приемлема для многих рядовых белоэмигрантов.

Однако «двойную задачу» в новой редакции Деникин *не смог не разбавить антибольшевистскими аспектами.* В начале 1942 года он писал Колтышеву, что не надо в сложной обстановке «терять веру в возрождение России без большевиков». Антикоммунизм, не снятый с вооружения, был переведен генералом, с учетом агрессии против России, на второй план.

Бывший вождь Белого дела презрительно относился к коллаборационистам всех оттенков из числа русской эмиграции. Он писал Колтышеву:

«На поклон к немцам шли прохвосты, мракобесы и часть сбитой ими с толку мирной эмиграции».

Убежденность Антона Ивановича не могли поколебать попытки его дискредитации коллаборационистскими деятелями главным образом из окружения Краснова.

Он отнес однозначно к коллаборационистам и командование РОВС, которое тесно сотрудничало с гитлеровской Германией. В конце войны старый воин-патриот писал начальнику РОВС

генералу Архангельскому:

«Челобитные ваши и начальников отделов РОВСа о привлечении чинов его на службу в германскую армию после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремление к разделу и колонизации России и физическому истреблению населения — такие челобитные иначе, как преступными, назвать нельзя».

В письмах Колтышеву генерал настойчиво проводил мысль, что эмиграции необходимо отказаться от сотрудничества с РОВС, так как его руководители — предатели России.

Несколько сложнее относился генерал Деникин к Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова. *Они — предатели России.* Относительно рядовых власовцев позиция генерала отличалась большей эластичностью. Он не представлял русского человека в форме солдата армии, воюющей с его Родиной. Его дочь вспоминала, что отец в ноябре 1943 года запретил ей знакомиться с власовцами, дислоцировавшимися в Мимизане, где проживала семья Деникиных. *«Тебя ни в коем случае не должны видеть с этими… в немецкой форме», — говорил он ей.*

Но, вступив в контакты с рядовыми власовцами, Антон Иванович стал рассуждать менее категорично. В 1946 году он написал:

«Чтобы пополнить свои людские резервы, германское правительство решило использовать русских военнопленных, объединив их в специальные воинские подразделения. На этот рискованный эксперимент оно могло решиться, только учитывая нелюбовь русского народа к своему правительству, порочная политика которого привела к атрофированию национального сознания. За исключением русских военнопленных, военнопленные всех стран могли рассчитывать на помощь своего правительства и Красного Креста. Пленные же русские солдаты были брошены на произвол судьбы: их считали предателями и дезертирами. Поэтому, когда германское командование предложило голодным, униженным, лишенным всякой надежды и поддержки людям приличное жалованье и денежное содержание, многие из них решили надеть немецкие серо-зеленые мундиры.

Пусть бросят в них камень те, кто может…»

В неопубликованном очерке Деникина красной нитью проходит такая мысль: РОА — порождение политики большевиков, которые изуродовали у россиян «своей окаянной практикой самые основы национального самосознания».

Генерал негодует, что Сталин «бросил своих военнопленных

на произвол судьбы, обвинив их всех поголовно в измене Родине и лишив поддержки Красного Креста». Нечеловеческие условия существования в фашистском плену заставляли солдат и офицеров вступать в РОА.

Небезынтересно отметить, что в письме Деникина начальнику РОВС генералу Архангельскому он называл рядовых «так называемой армии Власова» несчастными ее участниками, которые, «попав в тупик, проклиная судьбу, только и искали способ вырваться из своей петли».

В деникинских оценках РОА есть доля истины. Но нельзя не учитывать, что его позиция вырабатывалась на узкой и односторонней информации, полученной от контактов с рядовыми власовцами. Причем, как вспоминает Марина Антоновна, круг допущенных к общению с генералом был небольшим, около 10 человек. Вряд ли безоговорочно можно согласиться с Антоном Ивановичем, что военнопленные поступали на службу в РОА *исключительно из-за нечеловеческих условий содержания в фашистских концлагерях.* Конечно, это очень существенная причина.

Однако все намного сложнее, чем утверждает генерал…

Общее число бывших советских граждан, с оружием в руках сражавшихся в гитлеровской армии против РККА, составляло, по оценкам советского командования, миллион человек. Только в элитных войсках СС служило более 150 тысяч бывших советских военнопленных. Так что, по логике Деникина, все это надо обосновать нечеловеческими условиями содержания в плену? Весьма проблематично…

В годы войны рельефно обозначилось *отношение А. И. Деникина к Красной Армии.* Оно было самым доброжелательным. Антон Иванович как бы мысленно находился в ее рядах: тяжело переживал поражения и искренне радовался победам.

«В дни, когда Красная Армия терпела поражения, — вспоминала Марина Антоновна, — отец замыкался в себе. Не хотел говорить о войне ни с кем, даже с домашними. Зато поражение гитлеровцев под Москвой вызвало у Антона Ивановича бурную радость. На столе появился графинчик с разбавленным спиртом, подарок местного аптекаря. То же самое произошло и после Сталинграда, Курской дуги. Генерал праздновал победы Красной Армии».

Как квинтэссенцию деникинского отношения к Красной Армии можно расценивать строки из Обращения бывшего главнокомандующего к добровольцам по случаю 27-й годовщины Добровольческой армии от 15 ноября 1944 года:

«Мы испытали боль в дни поражения армии, хотя она и

зовется Красной, а не Российской, и радовались в дни ее побед. И теперь пока мировая война еще не окончена, мы всей душой пожелаем ее победоносного завершения, которая обезопасит страну от наглых посягательств извне».

Чуть позднее Деникин напишет Колтышеву, что русская армия (заметим, русская, а не Красная) сделала все, что «было в человеческих силах».

Не будет преувеличением сказать: именно в отношении к Красной Армии, ведущей смертельную схватку с «коричневой чумой», Антон Иванович наиболее сильно заретушировал свой антикоммунизм.

В годы войны генерал являлся последовательным антисталинистом. Он видел в «отце народов» только лишь кровавого диктатора, не чурающегося любыми средствами ради укрепления своего режима личной власти и всей тоталитарной системы. В Обращении Деникина к белым волонтерам по случаю 27-й годовщины Добровольческой армии Сталин обвиняется в том, что в России люди не могут «жить и работать без самых, хотя бы необходимых условий человеческого существования», так как, благодаря сталинизму, в СССР нет основных свобод, раскрепощения труда, царит «кровавый произвол НКВД».

«Красный террор — это не прошлое, а настоящее, меняются названия органов истребления Чека, ГПУ, НКВД, МВД, — писал Антон Иванович, — меняются названия истребляемых — вместо „буржуев“ и „золотопогонников“ появились диверсанты, саботажники, „враги народа“, „капиталистические шпионы“. А кровь лилась и льется без жалости и без меры».

Здесь много горькой, страшной правды. Но не вся!

Нелепо отрицать ту огромную мобилизующе-организую-щую роль деятельности Сталина как председателя Государственного Комитета Обороны в годы Великой Отечественной войны. «За Родину, за Сталина!» — вот лозунг тех, кто шагал из окопов навстречу смерти, уходя в бессмертие. Это историческая реалия! Ее патриот генерал Деникин не увидел, именно благодаря своей внутренней нетерпимости и нежеланию понять реальную действительность. А патриотизм должен быть зрячим!

Обидное для генерала упущение: он не заметил, что идея Великой, Единой, Неделимой России была осуществлена… на советской земле. Еще раз повторимся: это ли не стержневая идея Белого дела?! Сильная империя была как раз построена в годы Сталина да плюс поголовная грамотность народа… Это нельзя сбрасывать со счетов, рассматривая причины победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Но Сталин построил именно империю, уровень

тоталитаризма в которой превзошел все известные истории мировых цивилизаций, восточные деспотии. И Деникин совершенно справедливо критикует страшные стороны сталинского режима, связанные с нарушением прав человека.

Как-то Антон Иванович заявил: *«Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясших нашу Родину за последние годы».*

Если бы генерал Деникин мог воочию посмотреть, что творилось в пределах его Отечества в 1920—1940-е годы, то у него нашлось бы место в суждениях и более взвешенным оценкам реалий советской действительности. Но он при оценке событий и персоналий руководствовался антикоммунистическим компасом.

Тем не менее у нас нет оснований заподозрить Антона Ивановича в неискренности, когда он рассматривает сталинизм как первопричину тоталитаризма, необратимое явление, которое можно исправить только уничтожением всей системы.

Вот с такими жизненными установками прожил суровые годы мирового катаклизма генерал-изгнанник.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, свои отметины.
А в общем, надо просто помнить долг,
От первого мгновенья до последнего.

Р. Рождественский

Январь 1942 года. Захолустное местечко Мимизан, что недалеко от испано-французской границы…

— Папа, к нам едут немцы! — воскликнула Марина Антоновна.

— Наверное, это за мной. Ася, дай мой чемоданчик, который ты приготовила на случай ареста, — спокойным тоном обратился Антон Иванович к супруге.

— Папа, три автомобиля!

— Не слишком ли много для того, чтобы арестовать генерала-изгнанника, пусть даже и ненавидящего Гитлера всеми фибрами души? — с сарказмом воскликнул Антон Иванович.

Со скромным чемоданчиком в руке он вышел на порог своего убогого жилища. Из остановившихся машин вышли шесть немецких офицеров во главе с генералом.

— Ваше превосходительство, генерал Деникин Антон Иванович? — уточнил чопорным тоном вальяжный немецкий генерал.

— Да!

— Здравствуйте, — немецкий генерал с фальшивой улыбкой на лице протянул Антону Ивановичу руку.

Генерал Деникин руки не подал.

— Вы меня арестуете сразу? Я готов!

— Что вы говорите, — гримаса фашистского генерала с трудом скрывала раздражение.

«Надо же, этот русский старик не подал руки! Ему, слуге фюрера, генералу непобедимой армии! — со злостью подумал гитлеровец. — Но он нам нужен! Терпи, а хорошо бы да всю обойму…»

— Мы просто приехали, чтобы побеседовать с вами!

— Ну, что ж, прошу зайти в дом, — сказал сухим тоном Антон Иванович.

В своей комнате, не присев за стол, Антон Иванович спросил немецких офицеров:

— О чем же вы хотите беседовать с русским генералом?

— Ваше превосходительство! Я уполномочен командующим войсками во Франции генералом фон Штюльпнагелем передать следующее предложение фюрера: наш вождь просит, чтобы именно вы, дорогой Антон Иванович, приняли под командование русские части, которые мы начали формировать из военнопленных.

— Не понял. Вы официально предлагаете мне стать изменником Родины? Мне, русскому генералу! Нам не о чем говорить! Если вы пришли меня арестовать, я готов. К чему пустые разговоры!

— Не горячитесь, Антон Иванович! — с трудом сдерживая гнев, сказал фашистский генерал. — Ведь вы стойкий борец с коммунизмом, ненавидите Сталина, большевиков…

— Не путайте большевиков и русский народ.

— Извините, но в Гражданскую войну вы стойко дрались не только с большевиками, но и с теми, кто их поддерживал?

— Пока шла Гражданская война, я воевал против большевиков, это дело семейное, но я русский человек и не буду воевать против своего народа.

— Ваше превосходительство! — в разговор вступил один из сопровождающих гитлеровского генерала полковник. — Посмотрите, как вы живете?! Разве это достойно знаменитого на весь мир генерала Деникина? После того как вы примете под командование войска, сформированные из русских пленных, которые хотят уничтожить Сталина…

— И запятнать себя предательством русского народа, — перебил своего визави Деникин.

— Антон Иванович, — на лице полковника вопреки его желанию ярко вырисовывалась злоба, — прошу не перебивать! Вам как командующему будет выделена вилла, автомобиль с шофером, счет в банке.

— Нечто подобное мне уже предлагали из ведомства Геббельса за то, чтобы я переехал в Германию продолжать свою литературную работу. Я сказал геббельсовским эмиссарам: «Нет!» А вы хотите…

— Мы в курсе. Но наши условия значительно выгоднее. Фюреру нужен не отставной генерал-литератор, а бывший вождь Белого движения, который возглавит борьбу своих

соотечественников под знаменами третьего рейха за уничтожение коммунизма. Если вас не устраивает материальная сторона, то можно договориться…

— Господин полковник! — гневно перебил тираду фашиста престарелый генерал-изгнанник. — Вы, наверное, меряете всех людей одной меркой. Причем здесь деньги и быт? Генерал Деникин не продается, он никогда не будет стрелять в свой народ! Я слишком стар, чтобы возглавить армию, но у меня достаточно сил, чтобы не стать предателем своего народа.

— Я удивлен, — воскликнул фашистский генерал. — Передо мною стоит не знаменитый борец против большевизма, а большевистский агитатор!

— Прошу меня не называть большевистским агитатором! Я веду себя корректно, не оскорбляйте и вы меня, хотя и оккупанты. Наш диалог — разговор слепого с глухим. Прекратим его.

— Подождите, если вы не хотите воевать в рядах доблестной армии великого фюрера…

— Да не хочу! — резким тоном перебил собеседника Деникин. — Повторяю еще раз, если не понимаете: я слишком стар, чтобы вести в бой армию. Но со старостью я не потерял разум, совесть и честь, чтобы изменить Отечеству.

— Антон Иванович, — вальяжным тоном начал фашистский генерал, — хорошо, вы не хотите командовать войсками ваших же соотечественников, желающих сбросить сталинское ярмо, но вы же еще и писатель. Великолепный писатель!

— Не надо комплиментов, не мне судить, а читателям о том, что я написал!

— Не скромничайте, генерал. Наверное, вам интересно знать, что ваши архивы перевезены в Берлин (врал эсэсовский бонза, РЗИА оставался в Праге). Давайте переезжайте в Берлин, спокойно разберитесь в архивах — и за работу. В шикарных условиях, а не в этой конюшне, вы еще многое напишите.

— Я же сказал, что из ведомства Геббельса мне нечто подобное предлагали… Не пойму, вы мне делаете предложение или отдаете приказ? — поинтересовался Деникин.

— Ну что вы! Это всего лишь предложение.

— В таком случае я ставлю вас в известность, что не собираюсь покидать Мимизан до окончания войны.

— Зря вы так, ваше превосходительство! Вам сделано деловое предложение от имени и по поручению фюрера великой Германии. Отказавшись, вы оскорбляете третий рейх. А это может повлечь за собой строгие санкции. Я не угрожаю, но мое терпение не безгранично. И то, что вы генерал — борец с коммунизмом, может и не спасти от гнева великого фюрера.

— Я готов следовать в гестапо или куда вы там меня поместите. Арестовывайте!

— Еще успеем, надо будет — расстреляем! — истерически вскрикнул фашистский генерал. — Одумайтесь, пока еще не поздно. Подумайте о жене и дочери!

— Генерал Деникин решение принял. Меня можно расстрелять, но нельзя переодеть в форму армии, которая пытается поработить мое Отечество!

…Антон Иванович облегченно вздохнул, когда вереница машин растаяла вдали.

— Ася, Мариша, успокойтесь! Все будет хорошо. Мы — люди русские…

Ксения Васильевна и Марина Антоновна вытирали слезы…

«На этом закончились мои отношения с оккупантами, — вспоминал Деникин. — Добавлю, что когда „фюрер“ Жеребков объявил обязательную регистрацию русских, мы с женой не зарегистрировались у него…»

Антон Иванович Деникин свой неравный бой с немецким фашизмом выиграл…

Изможденный голодом и болезнями семидесятилетний генерал-изгнанник, ярый враг советской власти, но пламенный патриот России, совершил гражданский подвиг.

Антон Иванович, сказав решительно «нет» сотрудничеству с гитлеровским фашизмом, руководствовался не нахлынувшими вдруг эмоциями. Здесь был его сознательный выбор, логически вытекающий из всего его эмигрантского бытия. Из всей его жизни…

1940 год. Как только немецкие войска после позорной капитуляции Франции оказались на подступах к Парижу, Деникины на такси русского полковника Глотова отправились на юг в местечко Мимизан, неподалеку от Бордо. Там они прожили долгих пять лет немецкой оккупации, которые оказались самыми трудными в их жизни.

О сложностях повседневной жизни Деникина в оккупации можно судить из его писем к дочери.

«19 марта 1941 года.

Здоровье матери ни лучше ни хуже. Доктор назначил новый курс лечения. Б. не прислал ничего на март месяц (ожидаемая пенсия, 1800 франков). Быть может, почта неисправна. Спроси, пожалуйста, его лично по служебному телефону. Вася (имеется в виду старый кот. — Г. *И.) здоров и тебе кланяется».*

«30 апреля 1941 года.

Присланные часы не ходят. Не ходят и мои. Живем по солнцу и по фабричным гудкам. Ничего не поделаешь!

Живем по-прежнему. Я чувствую большую усталость. Здоровье матери опять ухудшилось. На днях она взвесилась: потеряла в весе, так же как и я, одиннадцать кило! Причем еще не голодали…»

«5 июня 1941 года.

Не везет и в нашем маленьком хозяйстве. Глядишь — в огороде то солнце что-либо спалит, то вредители уничтожат; петрушку украли; прохвост лавочник пожалел цинка, плохо залудил коробки, и наши консервы из курицы сгнили. И т. д. и т. д. Впрочем, когда миры крушатся!..»

В то трудное время произошло важное событие в жизни дочери Антона Ивановича.

Из воспоминаний Марины Антоновны:

«Отношения между мной и моей матерью с некоторых пор стали натянутыми. Вопреки опасениям отца, пребывание в семье Грей не привило мне вкуса к роскоши, но научило ценить свободу. Мне был уже двадцать один год, а моя мать продолжала относиться ко мне как к маленькой девочке. Я сопротивлялась, ворчала, иногда срываясь на грубость. Моего отца это очень огорчало, и так как он считал мать серьезно больной (специалист диагностировал острую форму неврастении), то принимал сторону матери и защищал ее. Я решила расстаться с семьей.

Один из моих друзей, учащийся школы изящных искусств, с начала войны мобилизованный в парижский полк инженерных войск, попросил моей руки. Я согласилась. Мой отец пришел в отчаяние, так как будущий зять не был крещен. Жених поспешил исправить это и принял православие. В конце декабря 1940 года я покинула Мимизан и переехала к родителям жениха в Париж. Венчание было назначено на 23 февраля 1941 года в православной церкви в Бордо, куда должны были приехать мои родители.

Автобус из Мимизана обычно уходил в пять часов утра. 22 февраля он ушел на четверть часа раньше, и мои родители опоздали на него. Мы с мужем решили задержаться на один день и заехать в Мимизан. Отец, увидев нас, очень обрадовался:

— Вы смогли заехать! Слава Богу! Мать весь день проплакала. Она пыталась меня убедить, что случай с этой проклятой машиной — плохое предзнаменование.

Мать, к сожалению, была права…»

Первый брак Марины Антоновны оказался неудачным…

25 июня отец послал дочери короткую открытку, из которой стало ясно, что Ксения Васильевна заключена в концлагерь:

«Немцы решили отправить всех русских — как мужчин, так и женщин моложе 55 лет — в концентрационные лагеря. Сегодня немецкие солдаты увезли твою мать в Монде-Марсан. Русские белоэмигранты внушают им такой страх, что они дали только

полчаса на сборы. Я условился с матерью принимать меры к ее освобождению только после получения от нее известий».

28 июня 1941 года генерал сообщил Марине Антоновне:

«Сегодня получил первые известия от мамы. Содержат их сносно. Очевидно, перестарались местные власти. Надеется вернуться в ближайшие дни. В приезде твоем сейчас нет необходимости. Если нужно будет, я напишу письмо главнокомандующему оккупационными войсками».

«2 июля 1941 года.

Сегодня мать вернулась. Очень уставшая, но морально бодрая. […] Напиши, как твое здоровье. Выяснилось ли окончательно?»

Бывший вождь Белого дела еще не вступил в открытый бой с оккупационными фашистскими властями, а уже почувствовал все прелести «нового порядка». Впрочем, повезло: Ксению Васильевну не расстреляли. Даже извинились при освобождение, выразив сожаление, что не знали, кого арестовали — жену самого генерала Деникина! Умели лицемерить гитлеровские специалисты по промыванию мозгов…

Были, конечно, в сумрачной жизни генерала под немцами и радостные минуты. 3 января 1942 года он стал дедом. Марина подарила ему внука. Генерал написал дочери:

«Конечно, рады и внуку, и тому, что ты так легко и благополучно перенесла роды, и от души желаем дальнейшего благополучия в твоей новой жизни…»

Но как мало таких вот радостных минут в бытие престарелого генерала! Суровая проза жизни неумолимо давила его.

«Новая жизнь» Деникиных в Мимизане становилась все более и более тяжелой. Поскольку прибрежная зона объявлялась зоной повышенной опасности, семья все время находилась под угрозой эвакуации. Снабжение продовольствием становилось все хуже и хуже.

Марина Антоновна вспоминала:

«Уже несколько недель бывшие подчиненные моего отца (генерал Писарев, полковники Глотов, Чижов и Колтышев, капитан Латкин и другие, чьи имена я забыла), которые как-то сводили концы с концами в Париже и иногда в Германии, складывались и посылали моим родителям посылки. Чтобы не оскорбить моего отца, они в качестве отправителя указывали меня. Отец и мать долго считали, что я веду роскошную жизнь, и я старалась укрепить эту веру в письмах, скрывая отсутствие денег, свои финансовые трудности и нелады в моей семейной жизни».

«Свинцовые мерзости жизни» заставили Деникиных написать

завещание. 29 сентября 1942 года они оформили завещание у господина Ривьера, нотариуса Эскурса. Своей дочери они могли завещать только архивы и документы…

Но самое трудное началось после отказа Антона Ивановича сотрудничать с Гитлером. Немецкие оккупационные власти подвергли старого генерала жесткому прессингу. Его взяли под гласный надзор гестапо. Генеральские книги («Брест-Литовск», «Международное положение. Россия и эмиграция», «Мировые события и русский вопрос») были запрещены и подлежали, на основании распоряжения немецких властей, изъятию из книжных складов, магазинов, библиотек.

Каждую неделю Деникиным наносил «визит» немецкий офицер из местной комендатуры, чтобы удостовериться, не покинули ли они Мимизан. Время от времени фашисты устраивали обыски в доме, пытаясь найти «подрывную литературу».

Но Антон Иванович, лишенный Отечества, прозябавший в нищете, в одиночку вел свою посильную антифашистскую борьбу.

Ежегодно 14 июля, в день взятия Бастилии, национального праздника французов, Деникин, несмотря на запрет властей, демонстративно дефилировал по центральной площади Мимизана. Он отказался регистрироваться в немецкой комендатуре. При этом генерал Деникин заявил, что, оставаясь непримиримым в отношении с большевиками и не признавая советскую власть, считает себя гражданином Российской империи. А поэтому отказывается регистрироваться по порядку, установленному оккупационными властями для лиц без гражданства — русских эмигрантов.

Вместе с тем генерал Деникин провел антифашистскую акцию, которую следует расценивать более чем символический протест против гитлеровского режима.

Руководство военного архива гитлеровской Германии письменно запросило у Антона Ивановича согласия на предоставление возможности пользоваться архивными документами и материалами, хранящимся в Русском заграничном историческом архиве в Праге, куда бывший главком ВСЮР в 1935 году в соответствии с договором с РЗИА передал на хранение имеющийся у него архив Особого совещания, генерал-квартирмейстерской части ВСЮР, а также материалы личного архива по истории русской революции и Гражданской войны (1917–1920), включающие 831 документ.

В письме уполномоченному начальника военного архива Германии от 3 февраля 1942 года по поводу данного предложения бывший белый вождь заявил: никто не имеет права быть

допущенным к фонду в РЗИА без его личного разрешения; документы «не могут быть отчуждены или переданы на временное хранение кому-то».

Такая позиция генерала Деникина — не только реализация права частной собственности, не только пассивный протест против ненавистного ему гитлеровского фашизма. Архивные документы, которые хранил в РЗИА генерал Деникин, представляли историческую ценность России. Они — носители части коллективной исторической памяти россиян о трагической странице истории Отечества. И Антон Иванович, понимавший всю значимость исторической памяти, не мог допустить, чтобы данные документы исследовали те, кто вел войну с его Родиной, даже если немецкие претенденты на архив бывшего главкома ВСЮР, возможно, и преследовали только научные цели.

Последнее предположение, правда, маловероятно. Военно-политическое руководство гитлеровской Германии хотело заполучить, *хотя бы в малом,* согласие генерала Деникина, видного борца с большевизмом, на сотрудничество. Затея, однако, сорвалась, но Антон Иванович по-прежнему нужен был нацистам как ярый антикоммунист. И они вынуждены были его терпеть, снося его «чудачества». Только психологический прессинг изощренно усиливали. Немецкая комендатура Мимизана издала специальное распоряжение, согласно которому генерал находится под домашним арестом, не может никуда выезжать и каждую неделю должен отмечаться в немецкой комендатуре.

Между тем бывший главком ВСЮР проводил и акции, которые могли бы стоить ему жизни. Он вместе с женой переводил на русский язык и распространял среди русских эмигрантов «особенно откровенные измышления, выдаваемые немецкими деятелями в их радио и прессе». Это была уже активная форма антифашистской борьбы в условиях оккупационного режима. За подобные действия немецкие оккупационные власти расстреливали беспощадно. Можно гипотетически предположить: если немецкому оккупационному командованию стало бы известно о таких действиях Деникина, то его, с большой долей вероятности, казнили бы.

В 1999 году бывший белогвардеец Мирон Рейдель, проживающий в США, отвечая на вопросы редакции журнала «Родина» (Москва), написал следующее:

«Возвращаясь к Деникину, припоминаю, что ходили слухи о его связи с советской разведкой во время войны. Вероятно, для этого имелись основания. В середине 60-х годов во МХАТе была поставлена и тут же запрещена пьеса Льва Шейнина „Дети

России“ (или „Сыны России“, точно не помню) — о роли русских иммигрантов в организации антифашистского Сопротивления во Франции. Лев Шейнин был допущен к соответствующему архиву. Я сам слышал от него рассказ о донесениях одного советского разведчика, которого не только приютил, но и прятал вместе с рацией у себя на квартире Деникин».

Вряд ли то, о чем пишет бывший белогвардеец, было возможно в небольшом местечке Мимизан, где каждый житель на виду, где четко работала немецкая комендатура. Думается, о таком уникальном факте, если он был в действительности, обязательно бы сообщила Марина Антоновна в своей работе «Мой отец генерал Деникин». Но она этого не сделала. А в письме мне от 7 июня 1999 года дочь генерала категорически заявила следующее:

«Конечно, никогда не было никакого сношения отца с Советами».

Да и сам М. Рейдель сообщает о сотрудничестве бывшего главкома ВСЮР с советской разведкой в годы Второй мировой войны с недостаточной долей уверенности. Он предпочитает оговориться, что в среде американских белоэмигрантов по данному поводу «ходили слухи».

Легенды появляются тогда, когда в них возникает необходимость.

В 1990 году, то есть незадолго до крушения СССР и КПСС, в советской историографии родилась новая красивая, в корне отличающаяся от всех предыдущих, легенда об Антоне Ивановиче Деникине. Ее автор — Л. Спирин, советский историк, специалист по проблемам революции и Гражданской войны, из-под пера которого вышли солидные монографии. Ученый выступил в журнале «Октябрь» со статьей «Неизвестные страницы известных исторических событий». Процитируем его:

«Деникин дважды сильно озадачил большевиков. Первый раз летом 1919 года, когда предпринял поход на Москву… Второй раз в 1943 году. В обоих случаях его действия рассматривались на заседаниях Политбюро правящей Коммунистической партии. Вначале в присутствии Ленина, затем — Сталина. В 1919 году от Деникина спасали Россию, в 1943 году Деникин спасал Россию.

В тяжелейший период войны с фашистской Германией, когда все было на строжайшем учете, от патрона до перевязочного бинта, Деникин послал на свою Родину вагон медикаментов для Красной Армии. Сталин оказался в большом затруднении: что сказать народу? Решили: медикаменты принять, народу не сообщать. Так и сделали. Тайну раскрыли архивные документы».

Но ссылки на конкретные архивные документы здесь

отсутствовали. Против красивой легенды свидетельствовала и книга Д. Леховича «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина». Между тем для большей уверенности я решил обратиться за разъяснениями к Марине Антоновне.

В письме от 3 января 1999 года она сообщила, что «уже читала в „Октябре“ совершено нелепую глупость» (имеется в виду статья Л. Спирина).

Папа страдал за русских солдат, но помогать им мог только словесно!

Буду вам благодарна, если вы исправите в печати эти ложные сведения!.

Я выполнил просьбу Марины Антоновны[151].

Вернемся, однако, в Мимизан времен немецкой оккупации.

Против Антона Ивановича, занявшего антифашистскую позицию русского патриота, вело психологическую войну не только немецкое оккупационное командование, но и русские коллаборационистские деятели, главным образом из окружения бывшего атамана Всевеликого войска Донского генерала Краснова, активно сотрудничавшего с Гитлером. Это нашло выражение в развязанной кампании травли Деникина, генерала-патриота, в коллаборационистской прессе.

Бывший вождь Белого движения вспоминал о том, что в газете немецкой пропаганды на русском языке «Парижский вестник» появилась статья некоего полковника Феличкина, которого генерал-патриот охарактеризовал как «провокатор справа». В ней автор, отмечая роль «жидомасонов» в истории русской революции, без всякой логической увязки с текущим моментом писал:

«Ярый противник сближения России с Германией, Деникин, парализуя дальновидную политику генерала Краснова, на наших глазах уже перешел в жидомасонский лагерь».

Но Антон Иванович мужественно все это перенес.

1 ноября 1942 года, выставленные за дверь хозяином, чета Деникиных переехала в соседнюю лачугу. Отец написал 12 ноября 1942 года дочери:

«Темная, холодная, грязная, с убогой и недостаточной мебелью и т. д. и т. д. А кроме того, хозяева — прохвосты. Еще никогда нам не приходилось жить в такой обстановке.

На будущий неделе собираемся оба в Бордо к докторам, так как наш доктор Дюртени нашел у меня дефект, требующий осмотра специалистом».

Антона Ивановича ждала серьезная операция, о чем он сообщил Марине Антоновне 26 ноября 1942 года.

«Решил по ряду обстоятельств „резаться“ в Бордо. Клиника —

одна из лучших; хирург — известный специалист. Поступаю в клинику 1-го, во вторник. Дня два или три будут подготавливать к операции. И потому твой приезд желателен 4-го или 3-го; лучше 3-го. Надеюсь, все сойдет благополучно и тогда тебе придется пробыть в Бордо дней 5–6 после операции, пока я несколько не оправлюсь».

3 декабря генеральская дочь дежурила у постели отца, спала на диване, который «в лучшей клинике Бордо» был поставлен для нее в палате, где лежал старик генерал. С первой же ночи ее принялись терзать вши. 5 декабря отцу сделали операцию простаты. Он терпеливо, как старый солдат, перенес местную анестезию — укол в позвоночник. После того как его перевезли в палату, признался дочери:

— Укол оказался очень болезненным, потом, однако, я уже ничего не чувствовал, но видеть над собой «зеркало» хирургической лампы и то, как меня разделывали, оказалось тягостнее, чем я это мог предположить…

Операция длилась три часа. В следующие несколько дней Антон Иванович испытывал боль, затем все пришло в норму, и 12 декабря Марина Антоновна вернулась в Париж к сыну. 13 декабря она получила телеграмму, что отец умирает, а 14 декабря — что ему лучше. Он тяжело перенес операцию и вернулся в Мимизан только в начале января 1943 года.

Деникины нашли, наконец, 5 июля 1943 года приличный дом в центре города. Квартира — две комнаты и кухня. В то время у Марины Антоновны семейная жизнь дала трещину. 15 июля — в трехлетнюю годовщину ее замужества (по новым законам она могла теперь требовать развода) — дочь вернулась к своей матери и отцу, погрузившись в будни их мимизанского существования.

Ее отец колол дрова, качал воду, топил печь на кухне. Марина Антоновна ездила на велосипеде за яйцами, мукой, картошкой, салом, стирала и мыла посуду. В те редкие дни, когда мать могла присматривать за сыном Марины Антоновны, она с отцом, вооружившись удочками и запасаясь червями, брали напрокат лодку и отправлялись удить рыбу на озеро Орелан. На несколько часов между нами, как прежде, устанавливалось полное согласие.

«Я думаю, — вспоминала Марина Антоновна, — что в эти часы мы были почти счастливы. Окуни и лини шли на обед. Кот Вася лакомился лещами. Вечером, после того как засыпал сын, мы сквозь треск глушения пытались поймать Лондон. Мать продолжала вести дневник…»

Дневник этот настолько интересен, по крайней мере, с точки

зрения истории повседневности, что не могу не ознакомить с ним читателей, которые выводы сделают сами.

«17 августа 1943 года.

Летний зной изнурил нас настолько, что потребовалось взятие Мессины для того, чтобы меня разбудить…»

«20 августа 1943 года.

Издохли два кролика сестры Марии. Смоловары находят в лесу мертвых или умирающих белок. Черчилль и Рузвельт проводят конференцию в Канаде. Надеюсь, там не так жарко…»

«23 августа 1943 года.

Иваныч уже восемь дней в Даксе. Он страдает ревматизмом, и доктор Шевальро рекомендует грязевые ванны. Мы собрали последние деньги и сняли за приемлемую цену приличное жилище».

«4 сентября 1943 года.

Союзники совершили воздушный налет на Париж и Берлин. Если делать выводы из того, что передает Лондон, то высадка в Италии только „отвлекающий маневр“, а настоящая операция должна происходить в другом месте. Но где?»

В Мимизане генерала-изгнанника ждала удивительная встреча, которая взволновала его необычайно.

Утром, выходя за молоком, Марина Антоновна встретила солдат нового гарнизона, прибывших накануне, которые разговаривали между собой… на ее родном языке.

Когда батальон «добровольцев» прибыл в Мимизан, их удивление было столь же большим, судя по воспоминаниям генеральской дочери, как и домочадцев Деникина. Власовцев посадили в вагоны где-то в Западной Германии и выгрузили в Мимизане. Их лишили права выходить на остановках, и они не знали, в какой стране находятся. Возраст солдат и офицеров колебался от 16 до 60 лет. Они были уроженцами самых разных областей и республик, происходили из самых разных социальных слоев — от колхозников до преподавателей университетов. Некоторые были членами партии, другие беспартийными.

Опыт жизни советских граждан, а затем жизнь в плену научили их искусству камуфляжа: члены партии, перед тем как сдаться, уничтожали свои партийные билеты. Многие офицеры, боясь, что с командирами будут обращаться хуже, сорвали знаки отличия. Другие, подчиняясь противоположной логике, присваивали себе звания, которых они не имели. Зная, что в СССР семьи сдавшихся в плен преследуются, так как военнопленные считаются предателями, многие на допросах называли другие фамилии и другие адреса.

Они заполнили дом бывшего вождя Белого дела. Приходили группами, парами, поодиночке. Беседы велись обо всем: о жизни в

СССР, о Красной Армии, о войне, об их судьбе. Каждый из них в той или иной форме, но задавал Антону Ивановичу один и тот же вопрос:

— Считаете ли вы, что когда-нибудь мы сможем вернуться в Россию?

Власовцы больше не верили в победу великого рейха, не скрывали своих германофобских настроений. Смотрели на карту, висевшую на стене, где Марина Антоновна булавками ежедневно отмечала неумолимое продвижение Красной Армии вперед. Она чувствовала, что русские солдаты в немецкой форме гордятся подвигами советских воинов, но одновременно испытывают тревогу за свою судьбу.

Антон Иванович узнал, что все эти русские отряды, которым пришлось надеть ненавистную немецкую форму, без боя сдавались войскам союзников. Но генерал, по его словам, не мог представить себе, что потом англичане и американцы выдадут советским властям пленных, которых ждал дома либо расстрел, либо ГУЛАГ (последнее, в лучшем случае…).

В течение всех пяти лет, проведенных в Мимизане, генерал Деникин продолжал писать, работая над автобиографической книгой «Моя жизнь». Дважды в год он обращался с посланиями к своим бывшим товарищам по оружию. Антон Иванович был бойцом…

6 июня 1944 года Ксения Васильевна отмечала в своем дневнике:

«В 2 часа утра я проснулась, разбуженная гулом самолетов. Гул не прекращался. В 6 часов я решила наконец разбудить Иваныча, спавшего сном праведника:

— Послушай! Происходит что-то серьезное.

Мы включили приемник и сразу же узнали, что союзнические бомбардировщики и корабли обстреливают „французскую“ береговую охрану и что небо темно от парашютистов. Это было лишь начало. Союзники высадили десант».

Мимизан «освободили» только 24 августа, то есть в этот день последний немец покинул поселок, хотя никто из жителей не заметил ни единого партизана…

Свою мини-битву с коричневой чумой бывший белый вождь выиграл, совершив гражданский подвиг (не побоюсь упреков патетике и в тавтологии). Ему снова хотелось быстрее попасть в Париж…

ИЗ ПАРИЖА — В НОВЫЙ СВЕТ

Такое ненастье,
Что оживает
Загнанная лошадь.

Кито

— Иваныч, отдохни, хватит целый день за бумагами, — укоряла супруга Ксения Васильевна.

— Подожди, Асенька, еще немного.

— Сколько можно, ты же знаешь, что говорят врачи.

— Знаю, но это очень важно!

— Да у тебя все важно. Что ты читаешь? — Ксения Васильевна заглянула в бумаги мужа через его плечо и прочитала вслух: — «Обращение главнокомандующего Добровольческой армией…». Но ты их регулярно пишешь.

— Да это было прошлой осенью. Но сегодня оно звучит очень злободневно. Вот послушай. — Антон Иванович поправил очки и с некоторым пафосом принялся читать жене: — *«Двадцать седьмую годовщину основания Добровольческой армии мы вспоминаем в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала в последние четыре года. Но не менее сложной, вызывающей целую гамму противоречивых чувств и застающую русскую эмиграцию опять на распутье. А подонки ее — вчерашние мракобесы, пораженцы, гитлеровские поклонники — уже меняют личины и славословят без меры, без зазрения совести новых господ положения…*

Международная обстановка в корне изменилась. Враг изгнан из пределов Отечества. Мы — ив этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясавших нашу Родину за последние годы […]. Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и называется Красной, а не Российской, и радость — в дни ее побед. […]

Но не изменилась обстановка внутрироссийская. В дни, когда весь мир перестраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости и самодеятельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы русские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без самых, хотя бы необходимых, условий человеческого существования: основных свобод, раскрепощения труда, упразднения кровавого произвола НКВД, суда независимого,

равного для всех, основанного на праве. […]

Пока этого нет, мы будем идти своим прежним путем, завещанным нам основоположниками добровольчества, какие бы терния ни устилали нам путь.

Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции».

Ксения Васильевна, выслушав супруга, сказала:

— Сильно написано, в твоем стиле!

— Асенька, надо действовать! Мы должны жить в Париже. Там сейчас многое решается. А мы застряли. Последний немецкий солдат покинул Мимизан 24 августа 1944 года, а сегодня уже май 1945 года. Я ничего не могу сделать!

— Иваныч, ну что ты так коришь себя. Обстоятельства сильнее нас. Пока. Ты же видишь, как тебя уважило новое французское начальство. Они, видите ли, не признали за тобой профессии писателя и заломили цену за перемену паспортов 1170 франков! Они же нас пустили по миру!

— Да, этого я от новых сильных мира сего не ожидал. Не случайно коммунисты сегодня во Франции на коне, — с грустью в голосе сказал старик генерал. — И снова, Асенька, мы боремся за существование. Но Марина обещала помочь.

— Поможет, обязательно поможет. Ты же знаешь нашу доченьку. Ей тоже нелегко.

— А-то я не понимаю, — тяжко вздохнул Деникин. — Кстати, послушай, что я ей написал в связи с этими злополучными фунтами. Антон Иванович снова начал читать вслух:

«Ты знаешь, что у меня на черный день осталось 50 ф. (английских фунтов стерлингов. — *Г. П.*). *Пришла сейчас надобность и я отдал их Крячко, прося обменять. Но сегодня прочел в газете, что якобы билеты эти аннулированы. Здесь в этом вопросе разобраться трудно. Во всяком случае, он причинил мне большое беспокойство.*

Поэтому прошу тебя сейчас же переговорить по телефону с Крячко и спросить, обменял ли он? Если мои опасения правильны и Крячко ничего сделать не может, то возьми у него билет и постарайся устроить через своих знакомых. Иначе — беда! Это ведь все, что у нас есть…»

— Все правильно, Иваныч, ты написал. А у Марины знакомых много. Она же стала журналистской. Да, вот что: следующий раз в письме сообщи ей, что мы хотели ее услышать по радио, да только шум поймали.

— Обязательно напишу. А вообще, Маришка умница. Теперь еще в газеты писать будет. Я и не подозревал такого таланта у нашей дочери.

Марина действительно в тот момент делала потрясающие

успехи в журналистике. Но она в суете повседневных дел ни на минутку не забывала о дочернем долге. Любимые родители были для нее превыше всего. После долгих поисков дочери удалось найти отцу с матерью квартиру на парижском бульваре Массена. Причем непростую, а аж целых 3 комнаты, кухня, ванная…

Родители испугались, что квартира станет им не по карману. Антон Иванович с тревогой написал любимой дочери:

«…Ведь у нас никаких средств, почти никаких перспектив, кроме одной, о которой с тобой будем говорить по приезде. Так что пиши скорее, сколько эта квартира будет стоить. А также, каким путем и кто тебе предложил, насколько этот источник достоверен?»

Квартиру предоставили друзья будущего мужа Марины Антоновны. Смогла она решить и вопрос с обменом 50 фунтов стерлингов. Родители с котом Васей выехали из Мимизана на грузовичке капитана Латкина.

С 30 мая и до конца ноября 1945 года начался кратковременный период жизни престарелого генерала в послевоенном Париже.

Кроме вечного безденежья, Антона Ивановича угнетала обстановка, сложившаяся во Франции после разгрома гитлеровской Германии.

Деникин гордился тем, что народы России победили фашизм. Однако небывалый рост авторитета СССР как победителя Гитлера вызывал у бывшего вождя Белого движения раздражение, потому что на его Родине правили ненавистные ему большевики (правда, правили уже совсем другие вожди, большевизм эволюционировал…).

Следовательно, по логике генерала, подъем авторитета Советского Союза на международной арене — это укрепление позиций сталинского режима и мирового коммунизма. Например, огромный рост коммунистического движения во Франции после освобождения ее от фашистской оккупации, что с неудовольствием наблюдал генерал Деникин. Стереотипы антикоммунистического мышления в данной ситуации сработали у бывшего главкома ВСЮР безотказно.

У Антона Ивановича вызывало озабоченность и тревогу то, что отдельные деятели белой эмиграции под впечатлением победы советского народа в Великой Отечественной войне, по его личной оценке, пошли «на поклон к большевикам». Он считал, что с большевиками пытаются вступить в контакт те, кто пресмыкался перед немцами, «прихвостни, мракобесы и, к сожалению, подлинная русская интеллигенция, мягкотелая, ничему не научившаяся…».

Генерал искренне возмутился действиями группы политических и общественных деятелей белой эмиграции, которые посетили 12 февраля 1945 года посольство СССР во Франции, где имели беседу с послом А. Е. Богомоловым. Бывший главком ВСЮР счел подобные деяния как сдачу антикоммунистических позиций белой эмиграции.

Был еще один момент: после войны образовалась вторая волна эмиграции. В основном те, кто бежал с нацистами, но не только (например, военнопленные, которые чудом избежали насильственной депортации в СССР в соответствии с Ялтинскими соглашениями 1945 года). Отношение к этой волне в нашей стране было однозначно негативное, *но значительно потеплело отношение к первой волне,* в которой обнаружилось немало искренних патриотов, участвовавших в движении Сопротивления, в войсках союзников, это были тысячи людей.

Только во Франции погибло, по далеко не полным подсчетам, 100 русских эмигрантов — участников подпольной борьбы с немецкими оккупантами. Обессмертила свое имя легендарная мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), эмигрантка, активная участница французского движения Сопротивления.

Она мужественно заявляла по поводу Гитлера буквально следующее: «…во главе „расы господ“ стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубахе, пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной».

Мать Мария бесстрашно шагнула в газовую камеру концлагеря Равенсбрюк вместо другой заключенной — молодой женщины. Мир праху вашему, русские патриоты!

Возмущала старого генерала до глубины души внешняя политика Сталина. Она заставляла его опасаться наихудшего. «Зоны влияния», распространившиеся на треть Европы, являлись прелюдией полного порабощения Прибалтики, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и части Германии. Не породит ли этот не знающий меры экспансионизм новых бесчисленных врагов России.

«Порабощенные страны, доведенные до отчаяния, в один прекрасный день восстанут против своего угнетателя, тогда небывалая угроза нависнет над нашей страной. Будут поставлены под вопрос ее территориальная целостность и ее независимость…» — писал Антон Иванович.

Он все больше стал задумываться о целесообразности его пребывания во Франции. Тем более во Франции, по личной оценке генерала, «стало душно» — нет свободной печати, так как русские газеты выходят под «прямым или косвенным советским

контролем». Деникину была закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати.

В 1945 году старый воин почувствовал, что вокруг его имени началась какая-то непонятная суета. И он, по утверждению Н. С. Тимашева, автора предисловия к первому изданию мемуаров Деникина «Путь русского офицера», «от греха подальше, дабы не искушать судьбу, из Франции уехал за океан, где и остановился в США».

В письме Колтышеву Антон Иванович высказывал тревогу по поводу того, что после Второй мировой войны в белоэмигрантской среде расплодилось немало сексотов НКВД. Их надо особо опасаться. Не исключено, что и сам Колтышев был связан с советскими спецслужбами. Марина Антоновна в частном письме автору этих строк от 7 июня 1999 года сообщила небезынтересные сведения:

«В Париже лучший и как будто верный друг был полковник Колтышев. (Он скончался не так давно в доме для престарелых около Парижа.) Отец ему доверял как никому другому — и вдруг перед отъездом родителей в Америку что-то произошло — как будто мама застала Колтышева, когда он рылся в папиных личных бумагах. Говорили тоже, что он навестил советские власти, как только появился в Париже… Папа мне об этом написал только из New York 'а, не совсем ясно, но прося меня избегать Колтышева и це доверять ему. А он как раз очень часто ко мне приходил. Письма от родителей я не прятала. А вот именно это письмо исчезло — никак мне не удалось его найти…»

В памяти Деникина, надо полагать, были еще свежи эпизоды похищения агентами НКВД руководителей РОВС генералов Кутепова и Миллера. Все это создавало для Антона Ивановича душевный дискомфорт.

Советскому правительству было известно о патриотической позиции Деникина в годы Второй мировой войны. Сталин не ставил вопрос перед правительствами антигитлеровской коалиции о насильственной депортации Деникина в СССР, как, например, атамана Краснова и других ему подобных коллаборационистских деятелей. Однако об этом Антон Иванович не знал.

И конечно же, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что материальное положение Деникина во Франции катастрофически ухудшалось.

— У него было отчаянное финансовое положение, — сообщила в 1967 году Марина Антоновна советскому журналисту М. Сагателяну. — Франк тогда совсем ничего не стоил, и на пенсию, которую папа получал от русского монархического

фонда, уже нельзя было прожить и нескольких дней. А тут вдруг пришло предложение от американского издательства писать мемуары, но с обязательным условием переезда в Америку. И отец в конце концов согласился.

Небезынтересно свидетельство нью-йоркской эмигрантской газеты «Новое русское слово». Оно позволяет расставить некоторые акценты. Газета писала о том, что отъезд бывшего вождя Белого движения из Парижа 5 декабря 1945 года вызвал много толков. При этом особое внимание в публикации «Нового русского слова» делается на следующем обстоятельстве: отъезд генерала Деникина из Парижа в Америку следует непосредственно увязывать с усиливающимся во Франции советским влиянием.

…Антон Иванович уезжал за океан. Это не была поездка в никуда. В США обосновались бывшие офицеры царской армии, видные деятели Белого движения, которые обещали своему бывшему вождю всемерную помощь. И из Европы в Новый Свет уезжали многие белые офицеры. Один из них — Валериан Августинович (ставший вскоре мистером Монвитом) предложил Деникину свой дом в Форест хилле, в одном из кварталов Нью-Йорка, и обещал найти издателя для публикации книги «Моя жизнь».

Решение принято. И тем не менее старому воину стало грустно… Он задал вопрос дочери: «Поедешь ли ты с нами?» — и разочарование. Марина Антоновна отказалась: она не хотела уезжать из Парижа, где у нее была любимая журналистская работа и где жил человек, чьей женой она хотела стать. А тут еще бюрократические сложности с переездом.

Шли дни, заполненные бесконечными хлопотами: визиты в консульство, в посольство, к врачам, на которых была возложена обязанность выдавать свидетельства о здоровье. Наконец в двух нансеновских паспортах были поставлены по две печати: транзитная английская виза и американская эмиграционная виза.

21 ноября 1945 года Деникины, доверив дочери старого кота Васю, уехали в Дьепп. Они хотели провести три или четыре дня в Лондоне, а затем сесть на корабль, отбывающий в Соединенные Штаты.

В поезде, идущем из Ньюхевена в Лондон, жена Деникина написала короткое письмо капитану Латкину, одному из тех бывших бойцов белой армии, которых не соблазнило пение советских сирен:

«Весь путь через Ла-Манш я пролежала на кушетке. А. И. (Деникин) сначала прогуливался по палубе, потом задумал истратить все франки, которые у нас остались, — 400 франков,

роскошно пообедав. Ему подали жаркое из баранины с картофелем и зеленой фасолью, английский сыр, в больших количествах, хлеб (белый/), масло и три чашки кофе. И как вы думаете, сколько все это стоило? Всего лишь 50 франков!

В Ньюхевене английский носильщик, взяв наш багаж на судне, донес его до поезда и настоял на том, чтобы дать мне сдачу с купюры в 50 франков. Зато наш французский носильщик в Дьеппе состроил кислую мину, когда я ему протянула 100 франков…»

30 ноября Ксения Васильевна написала дочери:

«Мы еще в Лондоне. Наше судно потерпело аварию и стоит на ремонте в доке. Мы сядем на более быстроходное судно и доплывем до Нью-Йорка за четыре дня вместо шести-семи, которые предусматривались первоначально. Наше судно называется „Королева Елизавета“.

Твой отец чувствует себя хорошо, но я нахожу, что он слишком много ест и мало двигается.

Как дела у маленького Мишу ни и старого Васи? Мы обнимаем вас всех троих.

Через несколько дней будем в Нью-Йорке».

Что же их ждет за океаном?

ЛЕНТОЧКА МОЯ ФИНИШНАЯ…

Неведома печаль мне на кладбище,
Сюда ведь только тело отнесли…

Н. Белоконева

— Ася! Я пишу Колтышеву, что русский Нью-Йорк встретил нас приветливо. Ты как считаешь? — спросил супругу Антон Иванович.

— Согласна. Но что будет дальше?

— Поживем — увидим!

Начало действительно было для Антона Ивановича неплохим, что видно из письма Ксении Васильевне дочери от 8 декабря 1945 года:

«Дорогая Марина!

Вот мы и приехали. К сожалению, наше судно подошло к причалу так рано, что в темноте еще невозможно было разглядеть ни статуи Свободы, ни небоскребов!

Нас встречали офицеры эмигрантской службы, благодаря им мы сошли на берег быстро и без всяких затруднений. На набережной как рой мух на нас набросилась толпа журналистов. Один из них даже пощупал пальто твоего отца, чтобы понять, из какой ткани оно сшито! На их вопросы мы отвечали жестами, чтобы дать им понять, что не знаем английского. Сопровождающие нас офицеры говорили за нас. В конце концов они заставили нас пройти через запасную дверь, где ждала машина. Нам почти не удалось посмотреть город, так как Августинович живет на окраине. Движение на улицах мне показалось ужасным, но водители столь дисциплинированы, что и ребенок без труда может пересечь любую улицу.

Я ужасно устала, но твой отец, казалось, чувствовал себя прекрасно. На пароходе он прекрасно ел и прекрасно спал. Наши соотечественники заполнили дом еще вчера, с момента нашего приезда. Последние посетители ушли в полночь, а сегодня все началось сначала.

Нам сказали, что здесь есть известный врач, лечивший Рузвельта, по происхождению русский. Предложили свозить к нему в ближайшую среду. Я согласилась.

Мне трудно ориентироваться в деньгах, но здешние цены

кажутся мне низкими. Один ананас — хороший нечищеный ананас — стоит 50 центов (25 французских франков), а три красивых грейпфрута — 20 центов. Здесь нет ни литров, ни метров, ни килограммов. Двери и окна закрываются не так, как во Франции. Нужно всему переучиваться, а это не так легко в наши годы.

В комнатах так тепло, что мы ходим без шерстяной одежды. Все надо мной смеются, что я, выходя из комнаты, тушу свет. Мне говорят, что не к чему экономить электричество, поскольку оно ничего не стоит благодаря Ниагарскому водопаду.

Обязательно спроси Латкина, должны ли мы ему отдать деньги, которые у него заняли во франках и долларах? Как себя чувствует наш старенький Вася?»

А вот что супруги в совместном письме сообщают капитану Латкину 10 декабря 1945 года.

«Дорогой Петр Михайлович!

Вот мы и в самом большом городе мира. Он произвел на нас невообразимое, грандиозное впечатление, для нас это поистине новый свет! Мосты высотой в три этажа и длиной в три километра, самые маленькие туннели — три-четыре километра. Небоскребы окружены большими садами. Кругом благоденствие и комфорт.

В аптеках продаются сандвичи, книжки для детей и погребальные венки, там же можно выпить кофе. У сапожников можно видеть сидящих без обуви клиентов, читающих журналы в ожидании ремонта их ботинок. В химчистке вам предлагают раздеться в отдельной кабине и через некоторое время приносят вычищенные костюм или платье.

Мы свели знакомство со многими соотечественниками и встретили старых друзей. А. И. встретился с двумя офицерами, которые в 1916 году служили в его Железной дивизии. Как вы меня и просили, я послала вырезки из журналов, касающиеся приезда А. И. Одна — из самой толстой газеты „Таймс“. Я не знаю, сколько в ней страниц, но весит она добрые полфунта. Вы увидите, что эта статья менее фантастична, чем другие. Но нужно признать, что все они довольно благожелательны.

Здесь не нужно делать обязательных визитов в комиссариаты и префектуры, не нужно обновлять удостоверение личности, здесь не существует продовольственных карточек. Никто и не думает обращаться с вами как с грязными иностранцами, но здесь… все такое другое! Колонию русских не связывают внутренние связи, каждый живет сам по себе. Я вспоминаю о вас и обо всех наших парижских друзьях. Как вы, наверное, страдаете от холода.

Передаю перо А. И.

Нью-Йорк нас встретил весьма приветливо. Многих людей уже

видел. Успел и Богу помолиться — в воскресенье, в день святого Георгия, причем настоятель храма особенно подчеркнуто поприветствовал меня, старейшего Георгиевского кавалера… Осматриваемся, ориентируемся, изучаем быт, решительно непохожий на „французский“.

После морского переезда жену до сих пор немножко „укачивает“. Я же чувствую себя удовлетворительно. С завтрашнего дня оба начинаем лечиться по американской системе. Посмотрим, что из этого выйдет. Наш адрес: Mr Denikin 109—15 Quens Blvd. Forest Hill. New York».

А между тем политика, с момента схода старого воина с трапа корабля на американскую землю, накрыла его с головой.

О прибытии Деникиных в США первой сообщила выходящая в Нью-Йорке газета эмиграции «Новое русское слово». Только ее корреспонденту Андрею Седыху (Якову Цвибаку) Антон Иванович дал интервью, которое затем было перепечатано в американских изданиях. Андрей Седых отметил: генерал почти не изменился внешне за последние пять лет:

«Тот же твердый, стальной взгляд, все та же осторожность, точность выражений». Политические взгляды бывшего главкома ВСЮР остались антибольшевистскими: «Он по-прежнему с русским народом, но не с советской властью». Антон Иванович в США «найдет свободную трибуну и возможность защищать свои политические идеалы».

К величайшему удивлению старого белого воина, вскоре и левая и правая пресса развернула на своих страницах кампанию против него.

Правые круги эмиграции упрекали генерала в том, что он выбрал для первого интервью газету, редактором которой является еврей Вейнбаум, печатает которую еврей Шимкин, а интервью берет Седых.

Коммунистические и еврейские газеты выступали с нападками на Антона Ивановича, называя его «организатором погромов, который сейчас обосновался в Соединенных Штатах, чтобы дискредитировать нашего советского союзника, объединить реакционные силы и готовить третью мировую войну». По их призыву в Нью-Йорке состоялось несколько манифестаций с требованиями немедленной высылки Деникина из США. Одна из этих демонстраций (впрочем, последняя) состоялась 5 февраля при входе в Манхэттенский центр. Около 30 человек размахивали плакатами с угрожающими лозунгами, но не входили в зал, где проходило публичное выступление бывшего вождя Белого дела.

Обвинения в газетах публиковались несколько недель. Деникин отправил письмо своему старому другу Лельявскому,

живущему в Ницце:

«Времена действительно смутные и подлые. И на себе лично испытываю их давление. Коммунистические, просоветские и еврейские организации стараются всеми силами помешать моей работе, подняв кампанию против меня в прессе, путем митингов и протестов, обращенных к правительству. К тому же начавшаяся с весны прошлого года болезнь (расширение аорты) не прекращается. Тем не менее продолжаю бороться и не теряю надежды. И вы не падайте духом».

Упоминавшийся выше белоэмигрант Мирон Рейдель утверждает, что в США русская эмиграция не приняла Деникина:

«Во-первых, простолюдин, сын солдата, во-вторых, проиграл войну с большевиками».

К тому же русские эмигранты в США были расслоены. Видимо, доля истины в рассуждениях Рейделя есть. Но вряд ли их стоит принимать безоговорочно. Тем более что сам Рейдель заключает свои рассуждения по проблеме следующим обобщением:

«Если припомнить о Деникине, у нас вообще предпочитали молчать, особо не ругали, грязью не поливали…»

В первое время круг общения Деникина с русской эмиграцией был маленьким. Людей, которых он знал по прежней деятельности, в Нью-Йорке проживало мало, всего пять-шесть человек. Из них самым близким человеком стала графиня Софья Владимировна Панина, одна из выдающихся русских женщин. Она была известна на всю Россию своей культурно-общественной деятельностью и созданием Народного дома в Петербурге.

Панина была выбрана Антоном Ивановичем одним из двух «душеприказчиков» в его завещании. Другим был полковник А. А. Колчинский, близкий родственник генерала Л. Г. Корнилова. Завещание это от 29 сентября 1942 года было составлено генералом во время немецкой оккупации «на случай ареста и гибели» его и жены.

Через графиню Панину и других своих старых друзей Антон Иванович быстро расширил круг знакомств с американцами русского происхождения. Их привлекли в Деникине окружавший его ореол первых легендарных походов, твердость, честность и гражданское мужество. Новым знакомым генерала запомнились глаза из-под густых нависших бровей, глаза большие, умные, с твердым, пронизывающим взглядом и в то же время с оттенком глубокой печали. Глаза человека, много пережившего.

Генерал внимательно следил за послевоенной политикой СССР. Он оценивал ее как наглую, провокационную, угрожающую бывшим союзникам, подымающую волну ненависти.

Деникин считал, что такая политика может «обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа».

Я полагаю, что Антон Иванович здесь, безусловно, предвзят, тенденциозен в оценке внешней политики СССР после Второй мировой войны. Но нельзя не подчеркнуть, что его мысли адекватно отражают личные убеждения. Он считает, в духе своего антисоветского кредо, политику СССР политикой «коммунистического империализма», с которой эмиграция не должна ни в коем случае солидаризироваться: «Иначе лозунг „Защита России“ станет пустым звуком».

Наблюдая рост коммунистического движения на всех континентах, Деникин начинает опасаться, что вчерашние союзники — США и Англия могут начать вооруженную борьбу. Он еще не видит, но интуитивно чувствует возможные симптомы будущей «холодной войны».

Подобное столкновение грозило бы русскому народу неисчислимыми бедствиями. Предотвратить столкновение вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции Антону Ивановичу казалось почти невозможным. И поэтому он решил предложить власть имущим в демократических странах те меры, которые в случае войны оградили бы страну его — Россию — от раздела и чужеземного ига. И генерал Деникин решился в июне 1946 года на посылку записки-меморандума правительствам Англии и США. В 1998 году «Военно-исторический журнал» опубликовал полный текст письма бывшего вождя Белого движения президенту США Г. Трумэну[152]. Антон Иванович сопроводил свое послание такой запиской:

«Ваше превосходительство, принимая во внимание крайнюю опасность событий, могущих предопределить судьбу народов, прошу вас уделить внимание моему письму, в котором выражена русская (антисоветская) точка зрения.

Искренне ваш А. Деникин, генерал, главнокомандующий Русской армией (1917–1920)»

В таком решении было что-то патетическое, нереальное. Казалось бы, чего мог добиться человек, имя которого в Соединенных Штатах (если окончательно и непозабытое) ошибочно связывалось в глазах американской читающей публики с понятием злостной реакции?

Антон Иванович желал служить России, бороться за ту же «Великую, Неделимую…». Он считал нужным довести до сведения Вашингтона и Лондона мнение тех, кто с его точки зрения представлял интересы не СССР, а подлинной России.

Анализ данного документа позволяет считать, что генерал

предсказывал начало новой войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и опасался этого. Причем, ослепленный личными антикоммунистическими догматами, бывший главком ВСЮР полагал, что войну начнет именно Сталин под знаменем мировой революции. И в случае вооруженного конфликта между СССР и Западом антибольшевистская коалиция не должна повторить основной ошибки, допущенной Гитлером.

«Если западные демократии, — писал он, — спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо, чтобы противобольшевистская коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как Отечественную.

Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет сохранена неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота».

Ах, Антон Иванович, искренне хотевший блага своему Отечеству! Стал он, не ведая, что творит, идеологом «холодной войны». Метил в коммунизм — попал в Россию.

Между тем, я полагаю, что нет оснований для утверждений, которые присутствуют в редакционном комментарии к опубликованному «Военно-историческим журналом» документу. Редакция считает, что позиция Деникина сходится с позицией генерала Власова и других коллаборационистов. Аргумент — бывший вождь Белого движения якобы приветствует будущую агрессию против СССР и призывает делать в ней ставку на антикоммунистов, в том числе из числа бывших коллаборационистов.

Думается, делать такие серьезные негативные далеко идущие выводы, приведенные выше, о деятельности столь крупной исторической фигуры, как генерал Деникин, опираясь лишь на один, пусть и неординарный документ, — демонстрация излишней категоричности и поспешности при отсутствии достаточно весомых аргументов. Видимо, редколлегия журнала легковесно отнеслась к подготовке редакционного комментария к деникинскому документу, что, между прочим, не является типичным для столь солидного научного издания, коим, по моему глубокому убеждению, является «Военно-исторический журнал».

В то время в государственном департаменте США шел поиск путей ответа на усиление политического влияния СССР на международной арене. Американский дипломат, специалист по России Дж. Кеннан 2 февраля 1946 года, работая в посольстве США в Москве, в телеграмме в Вашингтон изложил основные принципы политики «сдерживания».

По его мнению, правительству США надлежало жестко и последовательно реагировать на каждую попытку Советского Союза расширить сферу своего влияния.

«Для того чтобы успешно противостоять проникновению коммунизма, странам западной цивилизации следовало стремиться к созданию здорового, благополучного, уверенного в себе общества. Только в таком качестве можно было приобрести иммунитет от коммунистических идей».

Правда, тот же Дж. Кеннан, который после войны был принят в СССР радушно, писал:

«Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, привлекательный народ… Народ и режим диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерб народу. Посему лучше… оставить все, как есть. В конечном итоге это их тяжкое положение, а не наше…»

Интересно, где Дж. Кеннан более искренен? А что бы он сказал, если бы, к примеру, Сталин не отверг «план Маршалла»?

И хотя эскалация напряженности между СССР и западными демократиями сразу после окончания Второй мировой войны пока не столь ощущалась, Деникин, проявив незаурядные аналитические способности, смог верно определить на базе имеющегося у него материала, почерпнутого только из открытых источников, одну из основных тенденций в истории мировых цивилизаций после 1945 года — балансирование на грани войны между образовавшимися двумя диаметрально противоположными экономическими, социально-политическими и духовными системами — капиталистической и социалистической.

Даже больше. Речь шла не только о конфронтации социализма и капитализма. Их в чистом виде уже не было. Можно ли называть социализмом, что было построено у нас? Государственный казарменный социализм? Пожалуй…

Капитализм после Второй мировой войны быстрыми темпами менял свой облик на другой, тот, что сейчас принято называть «постиндустриальным обществом». На повестку дня был поставлен ребром вопрос об образовании двух сверхдержав, которые притягивали к себе почти на равных другие страны.

Мир коренным образом изменился после войны. Он стал

биполярным — в этом суть. Но главному претенденту на мировое господство — США — сильная Россия, существовавшая в виде СССР, была не нужна и опасна.

Деникин что-то уловил, но, не зная глубинной картины, скользил по поверхности. В записке-меморандуме можно усмотреть его отчаянную попытку заявить себя в качестве активного политического деятеля в правительственных кругах США. Но американское правительство оставило аналитическую записку бывшего вождя Белого движения без внимания.

Вторая проблема, по которой апеллировал Деникин в правительственные круги США, — проблема бывших советских военнопленных, выдаваемых, в соответствии с достигнутыми договоренностями, правительству СССР. Генерал, пытаясь объяснить мотивы, заставившие их надеть немецкую форму, доказать невинность этих людей, сдача которых советскому командованию однозначно обрекала их на смерть, написал статью о власовцах. Ее перевели на английский язык, и генерал предложил ее нескольким американским газетам. Статью, однако, нигде не взяли. 31 января 1946 года Деникин обратился непосредственно к генералу Эйзенхауэру.

«Ваше превосходительство!

Я читал в газете „Таймс“ о тех ужасах, которые происходят в лагере Дахау, который находится в настоящее время в ведении американской администрации и где заключены русские военнопленные — власовцы. Они предпочитают смерть выдаче советским властям. Я читал о том, как они вонзали себе напильники в грудь и медленно умирали в страшных мучениях, как поджигали свои бараки и в огне срывали с себя одежду для того, чтобы сгореть быстрее. Смерть они предпочитали пыткам в казематах ГПУ.

Могу себе представить, что испытывали американские офицеры, оказавшиеся вынужденными свидетелями и соучастниками этих ужасов. […] Мне хочется верить, что вы не знаете подлинной истории этих людей, я могу попытаться изложить вам ее.

Я знаю, ваше превосходительство, о существовании некоторых положений Ялтинского соглашения, но знаю также, что человеческая свобода (хотя она часто попирается) и права политического убежища остаются демократическими традициями.

Кроме того, существует кодекс военной этики, осуждающий насилие по отношения к поверженному врагу. И наконец, милосердие и справедливость предписывает нам также и христианская мораль.

Я обращаюсь к вам, ваше превосходительство, как солдат к

солдату, и надеюсь быть услышанным».

Начальник штаба Эйзенхауэра генерал Томас Гарди в своем вежливом ответе подчеркнуто ссылался на Ялтинские соглашения и давал понять нецелесообразность дальнейшего ходатайства. Мало-помалу Деникин осознал, что ненависть американцев ко всем, кто носил немецкую форму, была еще очень свежа, как и их наивная вера в возможность длительного сотрудничества с советскими союзниками, которых лучше было не гладить против шерсти.

Союзники выполнили свои обязательства. Всего было репатриировано в СССР при помощи английских и американских войск 2 272 ООО советских и приравненных к ним граждан. Судьба их трагична: 20 процентов из числа возвращенных в СССР получили смертный приговор или 25 лет лагерей; 15–20 процентов — срок от 5 до 10 лет; 10 процентов — ссылку в отдаленные районы Сибири, где пробыли не менее 6 лет; 15 процентов — принудительные работы по восстановлению разрушенных войной районов.

Акция Деникина заведомо была обречена на провал. Но со стороны старого генерала, жизни которому оставалось на донышке, это был искренний порыв души, а не популистская игра.

Трагедия Деникина-политика в «американский период» его деятельности обострялась тем, что бывший вождь Белого движения не разобрался до конца в радикально изменившейся международной обстановке. Он пытался внести весомый вклад в антикоммунистическую борьбу, а фактически лил воду на мельницу идеологов «холодной войны». Американцы — прагматики в политике: генерал Деникин не был востребован послевоенными антикоммунистическими силами, так как их расстановка была иной. Главное же заключается в том, что белая эмиграция окончательно перестала представлять реальную угрозу СССР и мировому коммунизму.

Сыграл отрицательную роль и временной фактор. Антона Ивановича стали постепенно забывать в правительственных кругах западных стран. Не случайно в ответе на его письмо из штаба Эйзенхауэра к нему обратились вежливо «мистер Деникин», хотя генерал указал в письме свое воинское звание. Видимо, новое поколение американских военачальников слабо представляло, что они отвечают на письмо знаменитого в свое время вождя Белого движения.

Да и в среде белой эмиграции его имя постепенно стиралось.

Протоиерей Борис Старк, несший службу в русской православной церкви Сен-Женевьев-де Буапод Парижем в 1946 году,

записал в синодиках, что Марина Антоновна Грей хоронила двух своих сыновей[153], *а Антон Иванович, к удивлению священнослужителя, не присутствовал на кладбище.*

Старк и словом не обмолвился, что бывший главком ВСЮР находился в это время в США, и его появление на похоронах было весьма проблематичным. Можно предположить, что протоиерей не знал вообще об убытии Деникина в США.

Однако сам Деникин не сидел сложа руки. В отдельных эмигрантских кругах его имя о многом говорило. Так, реэмигрант Б. Н. Александровский писал, что в 1946 году бывший вождь Белого движения «встал из политического гроба».

— Я продолжаю, как и раньше, только сейчас больше, чем в прошлом, трудиться для интересов России, — говорил Антон Иванович своей дочери.

Но бороться за свои идеалы ему оставалось только пером… Силы покидали старого генерала. И он чувствует это. На одной из своих фотографий, хранящихся в ГАРФ, Антон Иванович написал:

«Мне осталось два года, чтобы завершить две мои работы. Я надеюсь, что Бог даст мне благословение. Коннектикут, США, 1946».

Не дано нам узнать: верил ли действительно Антон Иванович, что сможет еще протянуть два года. Но работал он в это время так, как будто каждый час жизни был последним. В предсмертной своей статье «В советском раю» генерал Деникин остается верным своим представлениям об идеале, он клеймит пороки сталинизма, выражая сочувствие своему народу.

Здоровье генерала улетучивалось ежеминутно. Лечение требовало денег, которых у Деникиных все время не было. Скупой на разговоры о себе, генерал только итожил: «У меня нет здесь экономической базы». В переводе на простой язык это означало, что у него не было ни копейки за душой.

Начало «материальной базы» было положено 5 февраля 1946 года, когда семьсот слушателей заплатили по доллару, чтобы послушать выступление Деникина на второй конференции в Манхэттенском центре. А до этого в январе 1946 года он прочитал в Нью-Йорке первую лекцию «Мировая война и русская военная эмиграция», весь сбор от которой передал, несмотря на свое плачевное финансовое состояние, в фонд русских воинов-ветеранов.

Но постепенно и в финансовых делах замаячил свет в конце тоннеля. Неяркий, но все же свет. Антон Иванович расширял «экономическую базу» посредством изнуряющего литературного труда.

И с этой целью был привлечен Николай Романович Вреден,

занимавший ответственную должность в одном из больших книгоиздательских предприятий в Нью-Йорке. В юности Вреден тоже участвовал в Белом движении. Он относился с большим уважением к Антону Ивановичу и ценил его писательский талант. Вреден сразу заинтересовался книгой, над которой работал тогда Деникин (автобиография), и предложил Антону Ивановичу содействие в издании в переводе ее на английский язык.

Вроде жизнь вошла в спокойное русло: Деникин подписал соглашение с издательством «Э. П. Даттон» о публикации своей книги «Моя жизнь» и нового труда, который он начал в Соединенных Штатах, — «Вторая мировая война. Россия и эмиграция» (правда, условия контракта были жесткими: Антон Иванович был обязан выдавать по 50 страниц ежемесячно). Кроме того, генерал приступил к написанию исторического исследования «Навет на Белое движение» (ответ на книгу генерала Н. Головина «Российская контрреволюция»).

С началом весны 1946 года Деникина можно было часто увидеть в нью-йоркской публичной библиотеке на 42-й улице. Углубившись в чтение, с карандашом и бумагой он сидел за одним из больших столов в славянском отделе на втором этаже. Скромный сандвич в маленьком пакете, приготовленный дома, был единственным получасовым перерывом в усидчивой и кропотливой работе. Сбор и проверка материалов, касающихся действий на русском фронте в Первую мировую войну (а он чрезвычайно ответственно относился к отбору фактов), были тяжелой, почти каторжной работой.

Генерал не успел закончить свои исторические исследования. Они никогда не публиковались. Хранятся в виде рукописи в Русском архиве Колумбийского университета (США). Некоторые материалы этих работ использовал Лехович в своем биографическом труде о вожде Белого движения. Судя по ним, можно утверждать: в последние два года жизни Деникин выполнил оригинальные научные работы. Кто знает, быть может, когда-нибудь они дойдут до российского читателя…

В 1953 году, через шесть лет после смерти Антона Ивановича, его незаконченная биография была издана на русском языке издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Созданное на средства «Форд Фаундешон», это издательство за короткий срок своего существования обогатило русскую мемуарную литературу многими ценными произведениями. «Путь русского офицера» — последняя, незавершенная работа генерал Деникина.

Судя по утверждениям вдовы генерала, Антон Иванович предполагал закончить «Путь русского офицера» так, чтобы «Очерки русской смуты» являлись естественным продолжением,

«осветив, таким образом, эпоху жизни России от 1870 до 1920 года». Но смерть ему помешала. «Путь русского офицера» охватывает в хронологических рамках период со дня рождения автора до его участия в подготовке знаменитого Брусиловского прорыва, в котором он сыграл одну из видных ролей. Книга состоит из шести частей. Автор старается придерживаться хронологии событий, что подразумевается законом жанра автобиографии и мемуаров. Однако Деникин в отдельных местах допускает пространные суждения о проблемах, волнующих его.

Книга — превосходный, почти летописный документ о времени и о себе, написанный сердцем, но со знанием дела, анализом событий и явлений. Автор стремится быть объективным, он не идеализирует прошлого, не впадает в гротескность или карикатурность при описании противников. Строгость, достоверность, корректность и благородство — вот стиль автобиографии «Путь русского офицера». Последние страницы — незаконченные аналитические размышления.

Может выглядеть символичным, что рукопись книги обрывается телеграммой генерала Алексеева в 1916 году в период подготовки Брусиловского прорыва. Деникин как бы не хочет остаться в памяти потомков только мемуаристом, а претендует и на роль исследователя.

Работа над книгой давала стимул к жизни. Но время — вещь неумолимая. Антон Иванович приближался к ленточке своей финишной…

К середине 1947 года грудная жаба стала для Антона Ивановича почти невыносимым мучением, и «беспричинные» схватки не давали ему покоя. Тем не менее, чтобы избежать летней жары в Нью-Йорке, Деникины решили воспользоваться приглашением одного из своих знакомых провести у него на ферме летние месяцы в штате Мичиган. Там 20 июля случился у Антона Ивановича сильнейший сердечный приступ. Его сразу же перевезли в ближайший город Анарбор и поместили в больницу при Мичиганском университете. Через три он почувствовал себя немного лучше и попросил жену принести ему рукопись, чтобы продолжать работу над автобиографией. Попутно, для собственного развлечения, составлял крестословицы…

…7 августа 1947 года Марина Антоновна (сын гостил у ее бретонских друзей) ушла на работу, как обычно. Стояла летняя жара, и она оставила окно открытым. Подоконник был так высок, что старый кот Вася не мог на него запрыгнуть. Вечером, однако, дочь генерала не обнаружила кота. Никто не приходил в ее отсутствие. Для животного был один лишь путь — окно. Марина Антоновна спустилась вниз, опросила трех консьержек, никто

ничего не мог сказать. Без всякой надежды она спустилась в подвал и стала звать Васю, но тщетно. На следующий день после полудня (в этот день Марина Антоновна была выходная) она услышала звонок в дверь. Верный белый воин капитан Латкин, слишком взволнованный, чтобы говорить, со слезами на глазах протянул дочери своего бывшего главкома телеграмму: «Оповести Марину, что отец умер. Ксения Деникина».

Первая реакция осиротевшей дочери должна была удивить Латкина:

— Вася уже знал, что его хозяин умер! Вчера он… исчез!

Кота так и не нашли…

Умирающий генерал до последней минуты верил в возрождение России, хотя и понимал, что это ему не суждено увидеть. Так и случилось. Генерал Деникин Антон Иванович, не дожив до семидесяти пяти лет три с лишним месяца, скончался 7 августа 1947 года.

…На кладбище Эвергрин, в американском штате Мичиган, состоялась траурная церемония. С воинскими почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии Соединенных Штатов Америки. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Скорее всего, никто из почетного караула не понял слова молитвы, которую прочитал над покойным православный священник в непривычном для американского взгляда облачении…

Генералу Деникину Антону Ивановичу, русскому генералу, отдали воинские почести при погребении американские солдаты и офицеры. Для этого были юридические основания: бывший вождь Белого движения в годы Первой мировой войны командовал фронтом в русской армии. Россия была союзником США по Антанте.

Можно и, пожалуй, нужно отдать слова уважения тому американскому руководству, что отдало распоряжение похоронить с воинскими почестями русского генерала-изгнанника. В конце концов, отношение к мертвым — показатель уровня цивилизации живых. Но как же обидно, что прославленный боевой генерал русской армии не удостоился последнего «прости и прощай» по русскому воинскому ритуалу.

А впрочем, это судьба…

Sic transit gloria mundi[154]…

Ксения Деникина пережила своего мужа на двадцать шесть лет. Она стала гражданкой Соединенных Штатов и работала в течение двадцати одного года в департаменте славянских архивов в Колумбийском университете (Нью-Йорк), потом вернулась во

Францию, где и умерла 2 марта 1973 года. Она похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Останки боевого русского генерала, сначала похороненного на кладбище Эвергрин в Детройте (штат Мичиган), были затем перенесены на русское кладбище святого Владимира в Джексоне (штат Нью-Джерси). На могильной плите между двумя православными крестами по-русски и по-английски выбиты слова:

ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН
4 ДЕКАБРЯ 1872
7 АВГУСТА 1947

…Вскрытие тела Антона Ивановича Деникина показало: шесть инфарктных рубцов на сердце… Кроме последнего, генерал остальные перенес на ногах… Все рубцы на сердце Антона Ивановича — рубцы за Россию…

У Антона Ивановича Деникина было последнее желание, чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в России изменится, перевезли в Отечество… Время пришло…

Марина Антоновна рассказала мне, что в конце ноября 2001 года Российское дворянское собрание письменно уведомило ее о том, что возникла идея воздвигнуть в Москве часовню, где захоронить землю, на которой был расстрелян адмирал Колчак, и перезахоронить прах вождей Белого дела генералов Деникина и Врангеля.

— А я им ответила, что вряд ли папа на том свете обрадовался, если бы узнал, что его прах будет покоиться рядом с прахом Врангеля. Понятно почему. В ваших трудах, Георгий Михайлович, отношения папы и барона хорошо исследованы… Переписка с Российским дворянским собранием длилась год. Мне даже прислали макет изображения будущей часовни. Но я отнеслась вначале к этой идее прохладно. Но после аудиенции у президента России Владимира Владимировича Путина, что состоялась во время его пребывания во Франции, я дала письменное соглашение на перенос праха моего папы из США в Россию. При условии, что эту проблему начнут решать компетентные органы под эгидой правительства России[155].

Я спросила Владимира Владимировича: «А ваше личное мнение, не как главы государства, а как частного лица, где должен покоится прах моего папы?».

Президент ответил примерно так: боевой русский генерал, патриот Отечества должен обрести вечный покой в московской земле.

И мне стало спокойно. А то начиная с 2002 года по поводу перезахоронения праха папы начинался нездоровый ажиотаж.

Появились даже родственники генерала Деникина. Правда, эти родственники в официальных письмах путают инициалы моего папы. Темная история. Но об этом говорить не стоит[156]…

Что ж, на Руси испокон веку к благородному делу примазывались авантюристы, аферисты, люди без чести и совести. Но бал правят не они. Подобно тому, как солнце не заслонить ладонью, так и проходимцам не опошлить историческую память об Антоне Ивановиче Деникине.

Марина Антоновна победила всех аферистов: осенью 2005 года останки Антона Ивановича Деникина были перезахоронены на территории Донского монастыря в Москве.

Мир праху твоему, боевой русский генерал, в земле Отечества, которое ты беззаветно любил.

В 1947 году дочь не стояла у гроба любимого отца, но 58 лет спустя она проводила его в последний путь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И в трагических концах есть свое величие. Они заставляют задуматься оставшихся в живых.

Е. Шварц

Вот и все. Написана последняя строчка повествования об Антоне Ивановиче Деникине. А вопросы остаются…

История хорошо потрудилась над тем, чтобы отбросить все наносное, сиюминутное, устаревшие клише и неоправданные представления, высветить подлинное значение событий, общественных явлений и тех фигур, которые творили или в той или иной мере участвовали в них.

Кто вы, генерал Деникин? Друг? Враг?

Он был тем, кем был. Полководцем, политиком, писателем. Трагиком на сцене жизни, где разыгрывалась кровавая пьеса русской истории.

Историческая личность, сотканная из противоречий, порождаемых самой эпохой.

Почти семьдесят пять лет жизнь и судьба Антона Ивановича дает тему для размышлений о том, что случилось с Отечеством нашим не так уж давно (с исторической, конечно, точки зрения), в годы войн, революций и Гражданской войны и может ли повториться этот ужас в XXI веке.

Деникин как личность и деятель обладал сложным, противоречивым духовным миром.

В самые трудные минуты жизни Антон Иванович оставался честным человеком, парадоксальным образом страдавшим из-за этого, особенно в политической деятельности (труды Н. Макиавелли, если он и читал, но, в отличие от многих политиков, его принципы политической деятельности не возвел в абсолют).

Через всю свою жизнь он пронес нетерпимость к несправедливости.

И все это сочеталось в его характере, мягко говоря, с излишней солдатской прямолинейностью, честолюбием, вспыльчивостью.

Ох, как это мешало ему…

Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, военачальник, обладавший гибким стратегическим и оперативнотактическим мышлением, принимал иногда непродуманные решения.

В армии царской России он дослужился до генерал-

лейтенанта, но исповедовал убеждения либерально-демократической направленности. Нетипично все-таки такое для генералитета России императорской.

Правда, в годы Гражданской войны да и в эмиграции Антон Иванович разочаровался в российском либерализме, сняв его с личного идеологического арсенала де-факто. У него сформировалось четкое понимание того, что в России нельзя строить дела на основах либерализма.

Тут скорее надо говорить о его гуманистических, демократических взглядах. Но гуманистические устремления на практике, к сожалению, часто вступали в противоречия с реальной деятельностью генерала.

Патриот России… Он видел, что с февраля по октябрь страна была разорена и обескровлена до предела (аналитики из царской жандармерии называли это коротко, но емко — национальная катастрофа), но ни власть, ни армия не были той силой, которая могла бы спасти Россию и взять на себя ответственность.

Доказывать, что приход к власти большевиков в октябре 1917 года — ирония истории — значит, насиловать истину. Конечно, исторический процесс поливариативен. Не случайно сегодня в исторической науке идут оживленные дискуссии, а порою и жесткая полемика по вопросу выявления исторических альтернатив Октябрю 1917 года.

Но подобный спор представляет главным образом академический интерес. История состоялась. С 1917 по 1991 год большевики стояли у власти. Создали сверхдержаву.

Деникин не принял Октябрь 1917 года, стал ярым врагом советской власти… Нужно уважать чужие убеждения. Воюя против советской власти, генерал Деникин допускал жестокость по отношению к народу, который любил и… против которого воевал…

Талантливый военачальник, но не тонкий политик…

Оригинальный литератор-гуманист, человек высокой культуры, но единоличный военный диктатор белого юга России, ответственный за гибель тысяч ни в чем не повинных россиян.

Военно-политический лидер, никогда не пользовавшийся служебным положением в корыстных целях, но допустивший, даже в ближайшем окружении, небывалый размах коррупции, взяточничества, казнокрадства.

Россия — это особая цивилизация, она всегда была полем духовной битвы, полем битвы за историю.

Антон Иванович, однако, никогда не был пассивным субъектом исторических событий. У него хватило мужества действовать активно даже в то время, когда налицо была угроза

собственной жизни. Он умел принимать решения и нести за них ответственность.

Генерал Деникин — один из тех исторических деятелей, кто несет ответственность за развязывание и особенно эскалацию Гражданской войны в России.

Но он делит историческую ответственность с вождями большевиков, лидерами российской контрреволюции, Белого движения, правительствами Антанты.

Вряд ли целесообразно устанавливать, кто здесь виноват больше, а кто меньше. Ясно одно: исторический шанс предотвратить Гражданскую войну в не столь далеком прошлом нашими предками был упущен.

В силу конкретно-исторической обстановки, личностных качеств генерала Деникина его военная и политическая деятельность в годы революции и Гражданской войны в России закономерно была обречена на поражение.

Не сумел он достигнуть успехов и в политической деятельности в белой эмиграции, которая эволюционировала к своему идейно-политическому и организационному краху под влиянием событий в мире.

Жизнь и судьба Антона Ивановича позволяет извлечь и некоторые уроки.

Любая историческая личность, участвующая в Гражданской войне в составе противоборствующих группировок, не может действовать в рамках общечеловеческих ценностей, как бы к этому ни стремилась, какими бы добропорядочными качествами ни обладала, под какими бы лозунгами ни боролась.

Гражданская война — это то историческое пространство и время, где наиболее трагично благими намерениями вымащивается дорога… в ад…

В Гражданской войне военная и политическая победа может быть достигнута какой-либо из противоборствующих сторон. В исторической перспективе победителей и побежденных быть не может, так как в нравственном аспекте проигрывают все.

Военный и политический деятель Антон Иванович Деникин своим историческим опытом показал: без поддержки общественных сил, умения выдвигать популярные лозунги и претворять их на практике никакие феноменальные способности лидера не смогут обеспечить конечного успеха.

Абсолютизация силовых методов в достижении целей, неумение консолидировать различные политические силы, отсутствие четкой политической программы, бескомпромиссность, нетерпимость к политическим оппонентам — верный путь к поражению.

Вместе с тем некоторые теоретические воззрения Деникина, отдельные черты его стиля управления войсками не потеряли актуальности и сегодня.

Военный и политический деятель генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин своим историческим опытом показал, что военно-политическому лидеру не следует чрезмерно рассчитывать на зарубежную помощь: она всегда предполагает зависимость и предательство.

Хорошо бы, чтобы этот урок прилежно проштудировали сегодняшние устроители России. И власть имущие, и к власти рвущиеся…

Наверное, Антону Ивановичу и в кошмарном сне не могло присниться, что он, желая гибели СССР, хоронил… свою идею, дело всей жизни. Свершилось: Советский Союз как сверхдержава перекочевал на страницы учебников истории, оставив в наследие ностальгию и… кучу геополитических проблем. В клочья и, возможно, навсегда разорвана белая идея о «Великой, Единой, Неделимой России»: вырвана Украина, Казахстан и Средняя Азия, пытаются оторвать весь Кавказ.

И в таких условиях все 1990-е годы те, кто у кормила власти более десяти лет пытался вывести Отчизну из глубинного структурного экономического, социально-политического и духовного кризиса, не уставали вбивать в голову россиян сакраментальную фразу великого авантюриста Остапа Бендера: «Запад нам поможет!»

Не поможет!

В современном мире никто не хочет видеть сильным, процветающим Отечество наше! Стоило только России начать в конце XX века подыматься с колен, как за ее рубежами многие политики, лившие елей на души реформаторов, стали показывать зубы.

Чего только стоит цинизм западной двойной политической морали в оценке крупномасштабной антитеррористической операции в Чечне.

Оказывается, наши воины, льющие кровь, как и сто пятьдесят лет назад на Кавказе, не вырывают жало у мирового терроризма, не создают кордон против него, опять, в который уже раз, спасая благополучие сытой Европы, а… нарушают права человека.

Некоторые жулики эфира, мошенники пера набираются наглости отождествлять действия российских войск с действиями… эсэсовцев!

Впрочем, что тут возмущаться. Совесть — это духовное богатство. Его-то как раз всегда не хватает на Западе…

Россию подымут с колен только сами россияне. Если,

конечно, правители наши не будут слепо молиться, как на панацею от всех бед, на либеральные монетаристские модели построения процветающей рыночной экономики, а станут всемерно использовать лучшие достижения мировой цивилизации, преломленной через богатейший исторический опыт нашего Отечества…

И пожалуй, самое главное: Россия исчерпала свой лимит на революции. В XXI веке они нам не нужны. Избави Бог нас всех от русской смуты!

Избави Бог от того, чтобы какой-нибудь порядочный боевой генерал, подобно Антону Ивановичу, убывая в изгнание из кровоточащего Отечества, написал на трагически звучащей ноте: «…мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неразрывную скорбь».

Сегодня наступило время, когда надо более внимательно, пристально, с большим пониманием и терпимостью вглядеться в наше далекое и недалекое прошлое. Многое стало яснее, но еще больше предстоит переосмыслить.

Но не надо повторять ошибок прошлого, прерывать связь времен и поддаваться липкой моде на поношение вчерашних кумиров и водружение новых. Не обличать, не ерничать, а извлекать уроки из нашей героической и трагической истории.

Быть может, те, кто живет в XXI веке, смогут, наконец, опровергнуть расхожий афоризм Гегеля: «История учит только одному, что она ничему не учит…»

В конце концов потомкам осталась в дневнике выдающегося историка, профессора Московского университета Василия Осиповича Ключевского уникальная запись о том, что, хотя и говорят, что история никого и ничему не научила, жизнь, однако, еще больше мстит тому, кто совсем не знает истории. Знаменитый ученый-острослов писал:

«Не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. История даже учит тех, кто у нее не учится: она проучивает их за невежество и пренебрежение»…

Как хочется верить, что XXI век станет для России веком созидательного труда на благо могучей и процветающей Отчизны!

Можно по-разному судить об Антоне Ивановиче Деникине, но имя и дела его уже принадлежат истории государства Российского.

А она у нас одна.

И какие бы эмоции история Отчизны ни вызывала — это наша история, и она бесконечно дорога нам.

И уроки нашей истории — это наши уроки и уроки для нас!

Москва — Самара — Париж — Версаль — Москва — Самара — Москва

2003–2006

POST SCRIPTUM. MARINA GREY

Годы прошли.
Радость в душе —
Счастье так близко,
Словно луны
Отражение в море.

Неизвестный
японский автор (X
век)

…Жарким июльским днем 2004 года, волнуясь, я подходил по старинным версальским булыжникам к дому № 10, что стоит на RUE DE FONTENAY. Захожу во двор, окунаюсь в атмосферу эпохи Людовика XV (как-никак в доме этом останавливались вельможи в ожидании аудиенции у короля). Подымаюсь в квартиру и сразу попадаю под очарование открытой русской улыбки хозяйки. Марина Антоновна Грей.

«Боже мой, — удивился я, — неужели ей восемьдесят пять лет? Да она же так хорошо выглядит, явно не по годам. А улыбка, какая замечательная улыбка! А эти голубые глаза…»

— Проходите смелее в кабинет, Георгий Михайлович! Да не разувайтесь вы. Не пойму, как кто из России в гостях, то обязательно при входе в комнату разувается, зачем?

Я слышу прекрасный русский язык. Акцент, конечно, есть, правда небольшой, типичное грассирующее французское «г»…

Итак, моя мечта сбылась. Я увидел ту, «почтовый роман» с которой начался еще в 1998 году… Два дня удивительных проникновенных бесед с удивительным человеком. И с диктофоном и без, и с распитием прекрасного французского шампанского… Низкий поклон до земли вам, милая Марина Антоновна, за то исследовательское счастье, что вы мне подарили!

Договорились сразу: все материалы о ней подписываю официально — Марина Грей.

— Это мой литературный псевдоним. Я взяла его, когда началась моя журналистская работа на Французском радио и телевидении. Руководство тогда сказало, что Деникина — фамилия красивая, но очень длинная. Надо что-то покороче, но яркое, броское. Псевдоним Грей — память о замечательной английской семье, что в свое время меня приютили. Впрочем, вам

все это известно из моей книги о папе.

— Но у вас на табличке перед звонком в квартиру написано, что вы еще и графиня де Кьяпп…

— Графиней я стала после того, как вышла замуж за знаменитого французского историка графа Жан-Франсуа де Кьяппа. Сразу, чтобы внести ясность, он был моим третьим мужем, и прожили мы сорок лет. Первое замужество (я об этом тоже писала в книге «Мой отец генерал Деникин») оказалось неудачным. Правда, сын есть, Миша. Ему сейчас шестьдесят два года, пенсионер, очень долго работал на Французском телевидении. Да еще есть две очаровательные внучки. Я их очень люблю…

Марина Антоновна прикуривает очередную сигарету, чуть задумывается и продолжает:

— О втором муже я только мельком упомянула в книге о папе. Он появился после войны. Я его очень любила, прожили семь лет, но так получилось, что расстались…

Многое, что поведала мне в те дни дочь о своем замечательном отце, читатель узнал из изложенного выше. Поэтому хочу рассказать о самой Марине Антоновне — достойной дочери достойного сына Отечества. Полагаю, что архитектонику моего повествования о замечательном человеке, генерале Деникине, подобное лирическое отступление не нарушит.

Марина Антоновна Грей — человек уникальной судьбы, который сделал себя сам. Пусть несколько банально звучит, но это действительно так. Восемьдесят пять лет, что прошли от появления на свет в родильной палате в Екатеринодаре, столице «государства царя Антона», орущего младенца до респектабельной дамы, созерцающей в окно своей квартиры королевский Версаль, были столь насыщены событиями в ее бурной жизни, что хватило бы не на один роман. Жизнь Марины Антоновны — зеркальное отражение судьбы русского зарубежья. Вернее, той ее части, что увидела Россию первый и последний раз из младенческих пеленок. Но, выбравшись из колыбели, они остались, вне зависимости от подданства, русскими. По силе духа, веры, надежды, любви…

— Марина Антоновна, в книге «Мой отец генерал Деникин» вы смогли очень неординарно изложить в контексте жизнеописания Антона Ивановича основные вехи своего раннего периода жизни. А вот о послевоенном периоде фактически ничего не написано. В частности, о вашей работе на Французском радио и телевидении.

— О, это было замечательное время. Трудное, но

замечательное. Я работала сначала как журналистка, а затем стала продюсером, делала цикл передач, гостями которых являлись Эдит Пиаф[157], Жерар Филип[158], Франсуаза Саган[159]. Как говорится, цвет французской культуры того времени… Кроме того, я практиковала после войны поиск по телевидению и радио тех, кто потерялся. Мы помогали людям найти друг друга. Если бы вы знали, сколько благодарственных писем я получила!..

— А правда, что вы были довольно хорошо знакомы с Марком Шагалом[160]?

— О, да! С ним меня познакомил мой первый муж, архитектор. Однажды мы прогостили у него целую неделю. У него был дом на юге Франции, где он жил с молодой очаровательной ирландкой. Та ждала развода, чтобы выйти замуж за Шагала. У них имелся сын. По моему, в ту пору ему было три года. И вдруг эта дамочка неожиданно сбежала от Марка. Нашла себе какого-то тоже художника, вроде шведа, а может, норвежца, в общем, скандинава. Ну, сбежала, так Бог с ней. Но она захватила с собой их сына! Тут такая темная детективная история…

А Шагал впал в депрессию. Такую трагедию пережил, он так любил своего сына… Дело дошло до того, что великий художник стал высказываться на полном серьезе о том, что пора свести счеты с жизнью. Его дочь Ида все время говорила нам, друзьям Марка: «Надо что-то сделать, придумайте что-нибудь, или он покончит с собой! В конце концов, папе надо кого-то подыскать…» Ну, мы и нашли, не сразу конечно, для Марка хорошую женщину, Валентину Бродскую. Она проживала в то время в Англии. Мы и уговорили ее на некоторое время стать компаньонкой живописца. Они встретились в Париже, и родилась их любовь. Так мы и спасли Шагала от преждевременного и нехорошего ухода на тот свет.

— В одном из интервью вы как-то обмолвились о своем знакомстве с Пабло Пикассо[161].

— Я много в последнее время давала интервью русским газетам, теле- и радиокомпаниям. — Марина Антоновна заглядывает в свой «гроссбух». — Вот посчитала: двадцать одно! И каждый раз подобный вопрос мне задают. Да, контакты с этим великим мастером в моем послужном журналистском списке имеются. Понятно, что с фигурами подобного масштаба напрямую познакомиться трудно. Они, как правило, недолюбливают журналистов, побаиваются. Среди нас всякие есть. Такого могут написать… А меня с Пикассо впервые познакомил (привез в гости) швейцарский издатель. К сожалению, не помню его фамилии. Но он оказал громадную услугу художнику: дал кров во время войны в Женеве сыну

Пикассо Полю от первой жены Ольги Хохловой.

Мастер готовил в то время выставку «по мотивам» Веласкеса. Он как бы погрузился на дно своего сознания. Ничего не замечая вокруг, водил меня от картины к картине и очень внимательно следил за моей реакцией. Наверное, Пабло знал, что в то время на радио я занималась критическими обзорами по искусству. И все равно: мне это тогда показалось странным. Создалось впечатление, что художник будто бы боялся, что мне не понравятся его шедевры. А разве может Пикассо не понравиться? Это же великая величина! А я маленький критик-искусствовед с Французского радио…

Затем мы заговорили о Марке Шагале. И вдруг Пикассо мне ни с того ни с сего задал вопрос: «Скажите мне правду, он действительно женился на своей кухарке?» Я ответила: «Конечно, нет! Это сплетня. Новая жена Шагала не кухарка, а интеллигентная красивая женщина». Я-то поняла, с чего это вдруг Пикассо спросил о сплетне, что ходила тогда в художественном бомонде вокруг Шагала. Элементарная ревность. Творческая ревность. Но среди художников, тем более великих, а они все с причудами, часто случается, что ревность к творчеству соперника переходит в неприязнь, а то и в ненависть. Ничего не поделаешь. Люди искусства…

— Из российской прессы мне известно также о ваших встречах с Сальвадором Дали[162].

— Когда Дали приезжал из Испании в Париж, мы делали с ним передачи — сначала для радио, затем для телевидения. Он вел себя экстравагантно. Как-то раз на обеде в его честь в ресторане на Эйфелевой башне художник предложил дать интервью на… ресторанной кухне!.. Наверное, из-за таких фокусов и считали Сальвадора Дали сумасшедшим. А по-моему, это была просто игра на публику… Однажды знакомый издатель предложил мне написать биографию Дали. Подготовил контракт и попросил меня провести переговоры с живописцем. Я на всякий случай, получив от него гарантию, что могу торговаться об увеличении гонорара Дали вдвое, предупредив, что попасть к великому мастеру на прием труднее, чем к президенту Французской Республики, поехала в Кадакест, где тогда проживал художник.

Попыталась лихой кавалерийской атакой попасть к гению кисти и полотна. Позвонила в дверь, вышла такая неприветливая дама, видимо служанка. Я предъявила ей визитную карточку «Марина Грей, тележурналист». На ее лице выразилась пренебрежение. Ответ краток: «Господина Дали нет дома, он в Мадриде». Я в это не поверила. Поселилась в отеле напротив

дома Дали в номере, с веранды которого можно был созерцать великого художника XX века, прогуливавшегося иногда в своем саду. И вот, поймав момент, когда мастер был точно дома, я снова атаковала его служанку. Она, открыв дверь, раздраженным тоном произнесла: «Вам что, неясно, нет господина Дали дома!» Я ей ответила, что видела его гуляющим в саду. Чувствую, что следующая фраза с ее уст сорвется о том, что она сейчас кликнет полицию. Я как можно спокойнее говорю: «Вы меня с кем-то путаете, почитайте мою визитку». Служанка недоуменно смотрит на меня и читает: «Графиня Кьяпп». У меня всегда с собой имелась такая великосветская визитная карточка (мне ее сделал мой третий муж). Неприветливая дама, ничего не понимая, идет к хозяину.

Выходит сам Сальвадор Дали, недоуменно смотрит на меня, чувствую по лицу, что лихорадочно вспоминает, где мы встречались (а на телевидении было у нас несколько встреч), и говорит: «Вы не графиня». Отвечаю, что он прав, граф — это мой муж. Потом виноватым голосом говорю: «Я знала, что тележурналистку Марину Грей, с которой вы несколько раз виделись в Париже, не примете, а графиню Кьяпп, может быть, выслушаете». Художник начал смеяться и произнес: «Вы играете моим снобизмом и страстью к титулованным особам». Я заверила, что мой визит сугубо деловой, никаких интервью, и тогда он пригласил меня в свой кабинет. Что меня поразило: в кабинете ни одной картины. Стол, маленькое бюро и масса книг… Начала излагать суть дела. Дали выслушал и говорит: «Не могу, я уже подписал контракт на публикацию своей биографии с другим издательством».

Я понурилась, он начал меня успокаивать. А затем пошла интересная беседа. Я его спрашиваю: «Скажите, господин Дали, почему вы убеждаете людей через прессу, что центр Земли находится на вокзале города Перпеньо?» Он засмеялся: «Потому, что это правда. Да, правда! Я знаю, что меня многие принимают за сумасшедшего, я это мнение стараюсь даже поддерживать, но тут я вам докажу». Он начал рыться в массе книг по геологии, географии, показывать какие-то рисунки, я в этом ничего не поняла, но он считал, что доказал свою правоту. Провожая до двери, он, поцеловав мне руку, сказал: «Жалко, что этот вокзал такой некрасивый».

— А как завершилась ваша журналистская работа на Французском телевидении?

— Изгнанием, — смеется Марина Антоновна. — Да, я вынуждена была оставить тележурналистику по политическим мотивам. Когда генерал де Голль ушел, за кресло президента

Франции боролись Жорж Помпиду, бывший премьер-министр, и Ален Поэр, председатель сената. У меня имелись общие знакомые с Поэром, но председатель сената проиграл президентскую гонку. А новый президент Франции Жорж Помпиду заявил: «Я не желаю больше видеть на телевидении журналистку Марину Грей!» Что было дальше, догадаться нетрудно. Политическая борьба всегда растаптывает судьбы людей… Это я сейчас, с дистанции прожитых лет говорю о той истории со смехом. А тогда было очень обидно. Не хотелось уходить в никуда, уж больно я любила тележурналистику.

— Ну, ушли-то вы явно не в никуда. Двадцать книг написали. Впечатляет.

— Книги — моя гордость. А началась писательская деятельность именно после моего изгнания. Мой знакомый издатель, первый муж Франсуазы Саган, заказал мне книгу о белой армии. Я ее написала, имея в виду, что тем самым, увековечиваю память папы и его соратников. Вот смотрите, — Марина Антоновна подает мне книгу «Белые армии». — Она вышла в 1968 году, ее перевели на итальянский, испанский и английский язык. Выдержала три издания, последнее увидело свет буквально несколько недель назад. Потом написала книгу «Ледяной поход». И пошло-поехало… Сфера моих писательских интересов — это главным образом российская история XIX — начала XX века. Правда, последняя книга посвящена исследованию трагической судьбы Павла I. Как говорится, чуть-чуть расширила хронологию.

— А что так, после «рыцарей белой мечты» и вдруг Павел I?

— Да уж судьба у этого российского императора больно интересная. Такое короткое царство, столько несбывшихся планов. Кстати, планов далеко не только сумасбродных, хотя, конечно, в чем-то экстравагантных, но и оригинальных. А в целом, он — личность уникальная. Только один факт: неудачник император на российском престоле, убиенный заговорщиками, переписывался с папой римским. Он вынашивал идею воссоединения католиков и православных в одну религию. Историкам еще предстоит досконально изучить личность и деятельность Павла I…

— А была ли у вас возможность посетить Родину?

— Да, еще в то время, когда там правил Брежнев. Меня пригласили в круиз по Черному морю, я должна была выступать с докладами перед отдыхающими. Я вначале отказалась, заявив, что никогда не попрошу визу именно в СССР. Но мне сказали, что можно ехать без визы, если корабль покидать только в дневное время в портах. На таких условиях я согласилась и побывала в

Одессе, Ялте, Сочи, Сухуми. Конечно, ничего толком на экскурсиях я не увидела. А вот при Ельцине я поехала по визе, но уже в Россию. Была в Петербурге, посмотрела множество достопримечательностей, и в Москве. У меня в Москве есть хороший друг — академик Бонгард-Левин, и он мне все показал, особенно в Кремле. А когда почтенный академик спросил меня, все ли увидела его гостья, то я сказала, что неплохо бы еще посмотреть Мавзолей Ленина. Он так удивился: «Дочь генерала Деникина хочет посмотреть Мавзолей Ленина!» Я засмеялась и говорю: «Но все-таки интересно!» Так я и увидела тело Ленина. А вот в Екатеринодаре (он у вас Краснодар называется), где я родилась, побывать не пришлось…

— Вы встречались с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Ваши впечатления?

— С Владимиром Владимировичем Путиным я виделась два раза. Первая встреча была короткой, когда президент изъявил желание встретиться с русскими эмигрантами. На встрече присутствовало только русское телевидение. Меня представили Путину. Обращаясь ко мне, он сказал: «Правда, вы дочь генерала Деникина?» Я подтвердила и сказала Владимиру Путину: «Мой папа всю жизнь боролся за Великую, Единую и Неделимую Россию. Неделимой пока что не получается, но я уверена, что вы истинный патриот нашего Отечества, сможете воскресить Великую и Единую Россию». Второй раз мы встретились с Путиным, когда я получила персональное приглашение на встречу с президентом. Там и решили вопрос о перезахоронении моего папы, я об этом вам уже рассказала.

Конечно, из двух встреч с человеком, тем более с таким крупным политическим деятелем, составить цельное впечатление затруднительно, а точнее невозможно. Но если исходить из женской логики, не могу не сказать: у Путина удивительные глаза. Глубокие, чистые и честные глаза порядочного человека. А вообще, он, по-моему, великий патриот России…

…С ярко выраженной грустью в своих бездонных голубых глазах генеральская дочь, прощаясь со мной, сказала:

— Порою мне страшно, что будет дальше. И все Же я верю. Должно же когда-то России улыбнуться счастье в ее исторической судьбе…

А в кои времена России, милая Марина Антоновна, Родине нашей было легко? И сегодня Отечество наше переживает один из самых сложных периодов в своей многовековой, такой трагической и героической одновременно многовековой истории.

Ему-то уж точно в 1921 году, в Брюсселе, было нелегко, когда он писал:

«…За рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

…Осенью 2005 года Марина Антоновна Деникина скончалась.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Оклады содержания офицеров в год (1886 г.)[163]

	Командир корпуса	Командир дивизии	Командир полка	Командир батальона	Командир роты	Младшие офицеры
Жалованье	1695	1356	667	531	366	294
Столовые	3000	2400	1824	849	666	—
Добавочные	2470	1500	1200	—	—	183
Итого	7165	5256	3791	1380	1032	477

Приложение 2

Справка

о прохождении службы А. И. Деникиным в армии царской России (июль 1890 — февраль 1917 гг.)[164]

Деникин Антон Иванович поступил в стрелковый полк в июле 1890 г. Командирован в Киевское пехотное юнкерское училище для прохождения военно-училищных курсов, куда и прибыл, где и переименован в юнкера в сентябре 1890 г. Произведен в унтер-офицеры в марте 1891 г. По окончании одного курса наук высочайшим Приказом, составленным в 4 день августа 1892 г., произведен в подпоручики с направлением на службу во 2-ю Артиллерийскую бригаду.

Сентябрь 1892 г. зачислен во 2-ю батарею. Март — апрель 1894 г. Апрель 1894 — май 1895 г. — делопроизводитель батареи. Октябрь 1894 — апрель 1895 г. — учитель бригадной учебной команды (по совместительству).

На основании приказа войскам Варшавского военного округа № 148 1895 г. командирован в штаб Варшавского военного округа для предварительного испытания на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба (1895, июль). По испытаниям этим распоряжением штаба округа командирован в Санкт-Петербург для держания приемного экзамена в названную Академию и по выдержанию ее приказом по Генеральному штабу 7 октября за № 153 зачислен в Академию Генерального штаба (1895, октябрь). Май 1896 г. — с разрешения Начальника Генерального Штаба по невыдержанию экзамена отчислен из Академии. Июнь 1896 г. — повторная сдача испытаний в Академию Генерального штаба, куда и зачислен по сдаче (октябрь 1896 г.).

Высочайшим приказом, составленным 26 июля 1896 г., произведен на вакансию в поручики. Произведен в штабс-капитаны (1898, июля 19).

По окончании курса двух классов академии по 1 разряду переведен в дополнительный курс (октябрь 1898 г.). Дополнительный курс окончил успешно и за отличные успехи в науках произведен в капитаны (1899, июнь). Приказом по Генеральному штабу за № 18 отчислен к своей части с прикомандированием к своей части для ознакомления со службой Генерального штаба, в полк по войскам Варшавского военного округа. При выпуске из Академии выдано ему 300 руб. на первичное обзаведение лошадью со всей принадлежностью[165].

1899 г. Июнь — сентябрь — командирован в штаб 10-й пехотной дивизии для ознакомления со службой Генерального штаба. Сентябрь 1899 — апрель 1900 г. — прикомандирован к штабу округа и назначен врид помощника адъютанта строевого отделения. Апрель 1900 г. — старший офицер 1-й батареи 2-й артиллерийской бригады (сентябрь — октябрь временно командовал этой батареей). По воле начальства перемешен в 3-ю батарею на должность заведующего батарейным хозяйством (апрель 1901 — январь 1902 г.). Во исполнение последовавшего 17 ноября Высочайшего повеления приказом Генерального штаба за № 31 1901 ноября 20 причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Варшавский военный округ, куда и откомандирован (январь 1902 г.).

Январь 1902 г. — в распоряжении начальника штаба 15-го Армейского корпуса. Июль 1902 г. — старший адъютант штаба 2-й пехотной дивизии (сентябрь — октябрь) — врио начальника штаба. Октябрь 1902 — октябрь 1903 г. — командир 3-й роты 183-го Пултусского полка (годичное цензовое командование ротой как выпускник Академии Генерального штаба). Ноябрь 1903 — февраль 1904 г. — старший адъютант штаба 2-й кавалерийского корпуса. Откомандирован в г. Харбин в штаб Амурского округа Пограничной стражи (1904, февраль).

Высочайшим приказом от 23 марта на основании ст. 13 т. 1869 г. кн. УГ ст. 343. произведен в подполковники с назначением штаб-офицером для особых поручений при штабе 4-го армейского корпуса. Должность не сдавал, к месту службы не отправлялся. 1904 г. Февраль — и. д. начальника штаба 3-й бригады с правами начальника штаба дивизии. Сентябрь 1904 г. — штаб-офицер для особых поручений при штабе 8-го армейского корпуса. Должность не сдавал, к месту службы не отправлялся. С разрешения начальника Заамурского округа отправлен в распоряжение штаба Маньчжурской армии (1904, октябрь). Октябрь 1904 г. — командирован в отряд генерал-лейтенанта Ренненкампфа для врид начальника штаба Забайкальской дивизии. Октябрь 1904 г. — приказом по отряду генерал-лейтенанта Ренненкампфа назначен начальником штаба отряда.

Декабрь 1904 г. — ввиду образования штаба корпуса, сдал должность начальника штаба отряда с оставлением в должности начальника штаба Забайкальской дивизии. Февраль — сентябрь 1905 г. — командирован в конный отряд для врид начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии. Апрель — май 1905 г. — начальник штаба конного отряда генерала Мищенки с одновременным исправлением должности начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии.

Высочайшим приказом от 13 июля 1905 г. за отличие в делах против японцев произведен в полковники. Январь — март 1905 г. — штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го Кавалерийского корпуса.

Декабрь 1906 — май 1907 г. — штаб-офицер при управлении 57 пехотной резервной бригады (Казанский военный округ). Май — сентябрь 1907 г. — временное цензовое командование как выпускник Академии Генерального штаба 228 пехотным полком в период лагерного сбора. Возвращение на прежнюю должность.

Июнь 1910 — март 1914 г. — командир 17-го пехотного Архангелогородского полка (г. Житомир). Март 1914 г. — и. д. генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. Апрель — май 1914 г. — врид начальника ВОСО округа[166]. Июнь — июль 1914 г. врид окружного дежурного генерала. Высочайшим приказом от 21 июля 1914 г. за отличие по службе произведен в генерал-майоры с утверждением в должности генерала для поручений при командующем Киевского военного округа.

Июль 1914 г. — генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии. Сентябрь 1914 г. — начальник 4-й стрелковой бригады (в 1915 г. развернута в дивизию). Август 1915 г. — произведен в генерал-лейтенанты за отличие при взятии Луцка. 1916 г. — командир 7-го армейского корпуса 4-й армии.

Имеет награды

Ордена: 1. Святого Станислава III степени. 2. Святой Анны III степени с мечами и бантом. 3. Святого Станислава II степени с мечами.

4. Святой Анны И степени с мечами. 5. Святого Владимира III степени. 6. Святого Владимира II степени. 7. Святого Георгия IV степени.

8. Святого Георгия III степеги. 9. Георгиевское оружие с бриллиантами. Медали: 1. Серебряную на Александровской ленте, в память царствования императора Александра III. 2. Светло-бронзовая, за участие в сражениях против японцев. 3. В память 100-летия Отечественной войны 1812 г. 4. В память 300-летия царствования Дома Романовых.

Положенное денежное содержание в год

1903 г. Жалованье — 900 руб. Столовые — 300 руб. Квартирные — по пользованию.

1915 г. Усиленный оклад — 2004 руб. Столовые — 3000 руб.

Итого: 5004 руб.

Приложение 3

Годовые доходы офицеров европейских армий в 1892 году (в рублях)[167]

	Россия	Германия	Австро-Венгрия	Франция
Подпоручик	677	895	915	936
Поручик	695	1071	1017	1044
Штабс-капитан (ком. роты)	1305	1884	1397	—
Капитан	1322	2421	1550	1512
Подполковник (ком. бат.)	1880	3318	2530	2635
Полковник (ком. полка)	4511	4449	3256	4103
Генерал-майор (ком. неотд. бригады)	4717	5669	4668	6326
Генерал-лейтенант	6756	8388	6953	10 526
Полный генерал (ком. корпуса)	10 595	14 694	11 694	11 938

Приложение 4

Учеба слушателя Академии Генерального штаба А. И. Деникина

№№ п/п	Время	События	Примечания
1	Июнь 1895 года	Зачислен в Академию	
2	Октябрь 1895 года	С разрешения начальника Генерального штаба по невыдержанию экзамена отчислен из Академии	Экзамен по военной истории. Набрал 6,5 балла, а для перехода на второй курс необходимо было набрать 7 баллов
3	Июнь 1896 года	Повторная сдача экзаменов	
4	Октябрь 1896 года	Зачислен повторно в Академию	
5	Июль 1898 года	Произведен в штабс-капитаны	
6	Октябрь 1898 года	По окончании курса двух классов Академии по 1 разряду переведен в дополнительный курс	
7	Июнь 1899 года	Дополнительный курс окончил успешно и за отличие в науках произведен в капитаны	
8	Июль 1899 года	Отчислен к своей части с прикомандированием к своей части для ознакомления со службой Генерального штаба в полк по войскам Варшавского округа	

Приложение 5

Приказ № 1

Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по войскам Петроградского военного округа (1 марта 1917 г.)[168].

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованию.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в

частности, обращение к ним на «ты» воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Приложение 6

Соотношение сил и средств на Западном фронте на 10 июня 1917 года[169]

	Наши войска	Противник	Соотношение
Пехота (батальоны)	539	274	1,9:1
Численность, в тыс. штыков	322	219	1,4:1
Арторудия:			
Легкие	1458	740	1,9:1
Тяжелые	293	610	1:2,08
Гаубицы	149	230	1:1,5

Приложение 7

Некоторые факты уничтожения офицерства в 1917 году

Одно из многих свидетельств здесь — телеграмма главкома армиями Северного фронта начальнику штаба главковерха от 6 марта: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко Георгиевских кавалеров, в безвыходное положение. Аресты эти произведены в Пскове, Двинске и других городах. Вместе с арестами продолжаются, особенно на железнодорожных станциях, обезоруживание офицеров, в т. ч. едущих на фронт, где эти же офицеры должны вести в бой нижних чинов, товарищам которых было нанесено столь тяжкое и острое оскорбление, и притом вполне незаслуженное. Указанные явления тяжко отзываются на моральном состоянии офицерского состава и делают совершенно невозможной спокойную, энергичную и плодотворную работу, столь необходимую ввиду приближения весеннего времени, связанного с оживлением боевой деятельности»[170].

Цензура часто перехватывала солдатские письма такого вот содержания: «Здесь у нас здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка и так много арестовывают и убивают». В 243-м пехотном полку, убив командира, солдаты устроили массовое избиение офицеров, в одном из гусарских полков были убиты предварительно арестованные генерал граф Магден, полковник Эгерштром и ротмистр граф Клейнмихель. Очевидец это описывает так: «Двери карцера были взломаны, и озверелая толпа солдат бросилась на арестованных. Граф Мангден был сразу убит ударом приклада по голове, а Эгерштром и Клейнмихель подняты на штыки и потом добиты прикладами». Убийства происходили и в тыловых городах. Так, в Пскове погиб полковник Самсонов, в Москве — полковник Щавинский (его труп толпа бросила в Яузу), в Петрограде — офицер 18-го драгунского полка кн. Абашидзе и др. Не в силах вынести глумлений солдат, некоторые офицеры стрелялись. Вот типичная сценка тех дней: «…поручик Дедов что-то сказал, озлобленные солдаты его окружили, грозили. Дедов, припертый к стене, выхватил револьвер и застрелился»[171].

Из донесений командиров частей об убийствах офицеров в 1917 г.: «…17 мая солдатами 707-го полка убит начальник дивизии ген. Я. Я. Любицкий… 18 мая с командира роты 85-го пехотного полка, прапорщика Удачлина, сорваны погоны, 19 мая

арестован начальник 7-й стрелковой дивизии генерал-майор Богданович, командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Шершнев и командир батальона этого полка… 23 мая возбужденная толпа солдат 650-го полка арестовала командира полка и 7 офицеров, сорвав с них погоны, причем штабс-капитану Мирзе были нанесены несколько ударов по лицу, а подпоручика Улитко жестоко избили и оставили на дороге лежащим без сознания… 7 июня в Уфе арестованные офицеры 103-го полка жестоко избиты и ограблены… 15 июня в Ахалцихе убит врач Молчанов, 18 июня в 671-м пехотном полку арестован подполковник Курчин, в 58-м Сибирском стрелковом полку командир полка, 23 июня в 16-м пехотном полку — полковник Михайлов… в районе Пернова убиты командир 439-го полка полковник Осбережья и начали срывать погоны с офицеров, в 540-м полку ранен командир полковник Селиванов… 2 июня толпа солдат учинила самосуд над поручиком 78-го Сибирского стрелкового полка Антоновым… в 673-м полку часть офицеров подверглась насилию и, опасаясь расправы, ушла в штаб дивизии, в 699-м полку офицерам заявляют в лицо, что их ожидает кровавая расправа… 12 июля убит комиссар 1-го Сибирского корпуса поручик Романенко (когда он уезжал, раздались выстрелы, он упал с лошади, разъяренная толпа набросилась, прикончила штыками, изуродовав труп), 18 июля убит прикладами подполковник 463-го полка Фрейдлих… в 56-м запасном пехотном полку убит полковник Стрижевский». 4 июля толпой солдат был убит командующий[172] 22-м гренадерским полком подполковник Рыков, уговаривающий полк идти на позицию[173].

Приложение 8

Телеграмма

верховного главнокомандующего А. А. Брусилова министру-председателю о настроении на фронте 5-й армии и об усилении большевистской пропаганды в войсках[174]

№ 4487

Ставка 24 июня

Весьма секретно Весьма спешно

Главкосев телеграфирует, что настроение на фронте 5-й армии очень скверное, и благодаря агитации, идущей с тыла и главным образом из Петрограда, многие части отказываются занимать позиции и категорически высказываются против наступления. Во многих частях настроение крайне возбужденное, а в некоторых полках открыто изъявляют, что для них, кроме Ленина, других авторитетов нет.

Главкосев просит безотлагательно командировании в 5-ю армию комиссаров Временного правительства и делегатов съезда и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов для агитационной деятельности в противовес подпольным и явным агитаторам ленинского направления. Со своей стороны прошу о срочном выполнении ходатайства главкосева и о командировании просимых лиц в Двинск, в штаб армии, откуда они будут направлены в три корпуса. О последующем прошу телеграфировать.

Считаю, что оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену, причем эта последняя мера должна быть проведена не только в районе действующей армии, но должна касаться и тыла. Без этого власть начальства, которое по закону может употреблять в боевой обстановке даже оружие против неисполняющих боевые распоряжения, сводится к нулю и фактически не может быть применена. Нельзя ради свободы слова допускать пропаганду, которая разрушает армию и губит Россию.

Брусилов

Приложение 9

ВОЗЗВАНИЕ

Главного комитета Союза офицеров[175]

В дни небывалых бедствий и несмываемого позора, накануне перелома настроения армии и в период нового строительства ее для возрождения боеспособности и мощи — самому сердцу России, ее армии безумной рукой наносится новый и, быть может, смертельный удар.

В Петрограде вновь подняли голову немецкие наемники — большевики и шпионы; власть их растет ежечасно, и в последние дни они совершенно опутали сетью своих интриг и козней всех членов Временного правительства и подчинили их своей воле.

Временное правительство, не надеясь справиться с приближающимся восстанием своими силами, сделало через управляющего Военным министерством Савинкова и бывшего обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Львова предложение генералу Корнилову разделить власть с некоторыми членами Временного правительства и войти в состав кабинета на каких угодно условиях.

После долгих колебаний и уговоров генерал Корнилов дал на это свое согласие, желая лишь блага Родины и надеясь, что этим может быть достигнуто соглашение между армией и тылом и начнется новое, здоровое и разумное государственное строительство. Но сегодня совершенно неожиданно была получена телеграмма от Керенского с отставкой генерала Корнилова, и вместо него Верховным главнокомандующим был назначен генерал Клембовский, который от этой должности отказался.

Вслед за этим генералы Клембовский, Деникин, Балуев и Щербачев поддержали требования генерала Корнилова о реформах в армии и заявили об этом Временному правительству и генералу Корнилову, указав, что в настоящий критический момент власть может принадлежать лишь генералу Корнилову.

Нет места колебаниям в сердце нашего первого народного Верховного вождя генерала Корнилова! И он с твердой решимостью отклонил предложение Керенского и остался во главе нашей Великой Армии.

Правительство, уже неоднократно доказавшее нам свою государственную немощь, ныне обесчестило свое имя провокацией и не может дальше оставаться во главе России, не

может и далее распоряжаться судьбами всех русских граждан.

Да не будет же никаких колебаний и сомнений и в сердцах офицеров и солдат нашей армии!

К вам, дорогие соратники, четвертый год беззаветно исполняющие свой тяжелый долг, мы, Главный комитет Союза офицеров армии и флота, обращаем свой призыв: будьте тверды и непоколебимы в решении идти за нашим Верховным вождем генералом Корниловым!

Вы понимаете, что правительство, отдающее себя в руки продажного большевизма и не отвечающее за свои действия, такое правительство не может рассчитывать на доверие всей армии и флота и должно подчиниться совершившемуся факту.

В тяжелые дни мы все наши надежды и помыслы устремляем лишь на нашего Верховного вождя генерала Корнилова, и мы все, офицеры армии и флота, молим его и далее быть твердым в своих решениях, сохранить власть в своих руках, спасти Россию и довести ее и ее армию до Учредительного собрания. Без этого гибель и позор всем нам, всем русским гражданам, и превратимся мы в немецких батраков.

Все ваше влияние, весь ваш авторитет употребите на раскрытие колеблющимся тяжелого создавшегося положения — истинного положения дел в стране.

Да здравствует наш вождь генерал Корнилов, избранник страны и армии, ставший во главе России для спасения ее от врагов внешних и внутренних!

Ваша честь, доблестные офицеры армии и флота, и ваша горячая любовь к Родине служат порукой тому, что Россия не погибнет.

Главный комитет Союза офицеров

28 августа 1917 г. 10 ч. 45 м.

СТАВКА

Приложение 10

Письмо неизвестного лица генералу Л. Г. Корнилову[176]

Вы хотя юрист отменный,
По какой же Вы военный
И морской министр?
Чужд Вам вовсе быт солдатский:
Человек Вы мирный, штатский
На словах лишь быстр.
Как поверенный присяжный,
Как оратор непродажный,
Говорят, речист, —
Увлекать способны словом
Либеральным, модным, новым,
Как социалист.
Но увлечь войска для боя,
Их почти не зная строя,
Не удастся Вам.
Ваши все распоряженья
Для России — униженье,
На руку врагам.
Генерал Корнилов бравый.
Без сомненья, мог со славой
Победить врага.
В том была его забота.
Для него, как патриота,
Жизнь не дорога.
Для него отчизна свята.
Близко знал он быт солдата
И любил его.
Он служил всем офицерам
Не словами, а примером…
Где Вам до него!..
И за что его лишили
Полной власти, оскорбили
Этим наш народ,
Неожиданным ударом поразивши всех?..
Ведь даром это не пройдет!..

Русский

Приложение 11

К вопросу об этимологии терминов «Белое движение», «Белое дело», «белая гвардия»

Традиционно белый цвет символизирует святость, чистоту помыслов и дел. Происхождение терминов «Белое движение», «Белое дело», «белая гвардия» связано с символикой белого цвета как «цвета сторонников „законного“ правопорядка в противоположность красному цвету — цвету восставшего народа», — утверждается в солидном советском научно-справочном издании Советская военная энциклопедия. Суть дефиниций схвачена, но не совсем.

В цитированной выше энциклопедической статье слово законность взято в кавычки. Что ж, законность в годы Гражданской войны и для красных, и для белых была понятием действительно закавыченным. Вроде бы тексту энциклопедической статьи ясно: цвет красный — цвет, «восставшего народа» — должен был бы, в противовес белому цвету, олицетворять высшее благородство, справедливость. Тогда куда же, например, списывать красный террор, «рассказачивание»?!

В белогвардейской и белоэмигрантской историографии самое простое объяснение происхождению термина «Белое движение» дал участник легендарного 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии в 1918 году В. Р. Воврик. Он вспоминал, что в ходе подготовки к одному из боев белые волонтеры нашили себе белые повязки на папахи, чтобы отличить своих от противника. Аксиоматичная истина гласит: легенды рождаются, когда в них появляется необходимость, особенно когда налицо еще и информационный голод. Не исключено, что описанное В. Р. Вовриком, имело место. Но все-таки видно невооруженным глазом, что объяснение неполное, слишком простое.

Есть и другая версия — монархическая. Ее сторонники считают, что термин «Белое движение» порожден реставраторскими идеями участников белой борьбы, которые якобы все как один были сторонниками восстановления монархии. Приводились соответствующие аргументы. В частности, в качестве доказательства на первый план выдвигалась аналогия с Великой французской революцией. В то время сторонники реставрации Бурбонов выступали под белым флагом. Этот флаг символизировал чистоту и благородство монархистов.

Однако у подобной точки зрения находились и оппоненты. Бывший колчаковский генерал М. А. Иностранцев, находясь в белой эмиграции, писал в 1933 году буквально следующее:

«В истории эпитет белый еще со времен генерала Монка, времен английской революции, определенно связывался с идеалами и целями установления старого порядка, то есть с усилиями реставрации и полного уничтожения всех результатов революции. На самом деле, ни один из фронтов, дравшихся против большевиков, и в том числе Сибирский, не преследовал этих целей. Цель была у всех одна — разбить большевиков и вернуться к правопорядку, предоставив затем самому народу избрать ту или иную форму государственного строя. Таким образом, название „белый“ к Сибири, равно как и к Дону, Юденичу, Северному фронту никоим образом отнесен быть не может».

В нежелании побежденного колчаковского генерала, высказанного постфактум, о том, чтобы его фронт не назывался белым, видно, насколько неоднородным было Белое движение в Гражданской войне в России. Между тем будет правильным не принимать монархическую версию этимологии термина «Белое движение» исключительно как приверженность белогвардейцев идеям монархизма. Это далеко от исторической правды, ибо белое движение, эта самая мощная сила российской контрреволюции, представляла собой конгломерат различных социально-политических сил.

Нельзя полностью удовлетвориться объяснением, что эпитет «белый» подчеркивает святость «Белого дела». И не только потому, что Белое движение запятнало себя зверствами против своего же народа. Красные были здесь не хуже и не лучше. Дело в том, что еще в годы Первой русской революции (1905–1907 годов) банды погромщиков, терроризировавших мирное население, называли себя белогвардейцами. И если провести аналогию с эпитетом «белый» времен Гражданской войны, то получается, что в плане негативных сторон Белого движения здесь наблюдается преемственность. Ясно, что это слишком упрощенная аналогия, но сбрасывать со счетов ее нельзя.

На таком фоне небезынтересны претензии малоизвестного исторической науке полковника Трескина. Он, находясь в белой эмиграции, решил монополизировать право первого применения термина «белая гвардия». В 1935 году Трескин выступил на страницах солидного белоэмигрантского издания, стоящего на ярко выраженных монархистских позициях, журнала «Часовой» со статьей «Московское выступление большевиков в 1917 году». В ней он поведал читателям, что в период октябрьских боев в Москве в 1917 году лично сформировал отряд из студенческой

молодежи, который решено было назвать белой гвардией. Тем не менее факты, приведенные выше, не позволяют полагать, что Трескин первым применил термин «белая гвардия».

Итак, все очень сложно. Есть, правда, одна общая тенденция. Все вышеприведенные точки зрения несут в себе рациональное зерно и… не проясняют до конца проблемы. Подобное в исторических исследованиях случается.

Правомерно, видимо, провести такую разгранлинию: Белое движение — категория научная. Белая гвардия, Белое дело — категории публицистические, научно-популярные. Более того, вторые две категории имеют место в обороте и в художественных произведениях. Вот что писала М. Цветаева:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.
Не лебедей это в небе стая —
Белогвардейская рать святая.
…
Перекрестясь на последний храм
Белогвардейская рать — Векам…

Приложение 12

Количественно-качественная характеристика Добровольческой армии времени 1-го Кубанского («Ледяного») похода[177]

Общая численность Добровольческой армии	3683
Общая численность Добровольческой армии, включая обоз гражданских лиц	Свыше 4000
Генералов Из них: генералов от инфантерии и генералов от кавалерии Генерал-лейтенантов Генерал-майоров Полковников Подполковников и войсковых старшин Капитанов, ротмистров, есаулов Штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подъесаулов Поручиков и сотников Подпоручиков, корнет, хорунжих Прапорщиков Морских офицеров В том числе: капитанов 1 ранга Капитанов 2 ранга	36 3 8 25 190 50 215 220 409 535 668 12 1 1
Вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев Гардемаринов	437 2
Унтер-офицеров, в том числе подпрапорщиков и им равных Солдат, в том числе ефрейторов и им равных	364 235
Матросов	2
Врачей	21
Фельдшеров и санитаров	25
Чиновников	66
Священников	3
Гражданских лиц	14
Из общего числа добровольцев, женщин Из них: прапорщиков Рядовых добровольцев Врачей и фельдшеров Сестер милосердия Не служили в армии	165 15 17 5 42 86
Орудий	8 (четыре батареи по 2 трехдюймовых орудия в каждой)
Добровольцы по возрасту: Старше 40 лет Моложе 40 лет	 Около 600 Около 3000

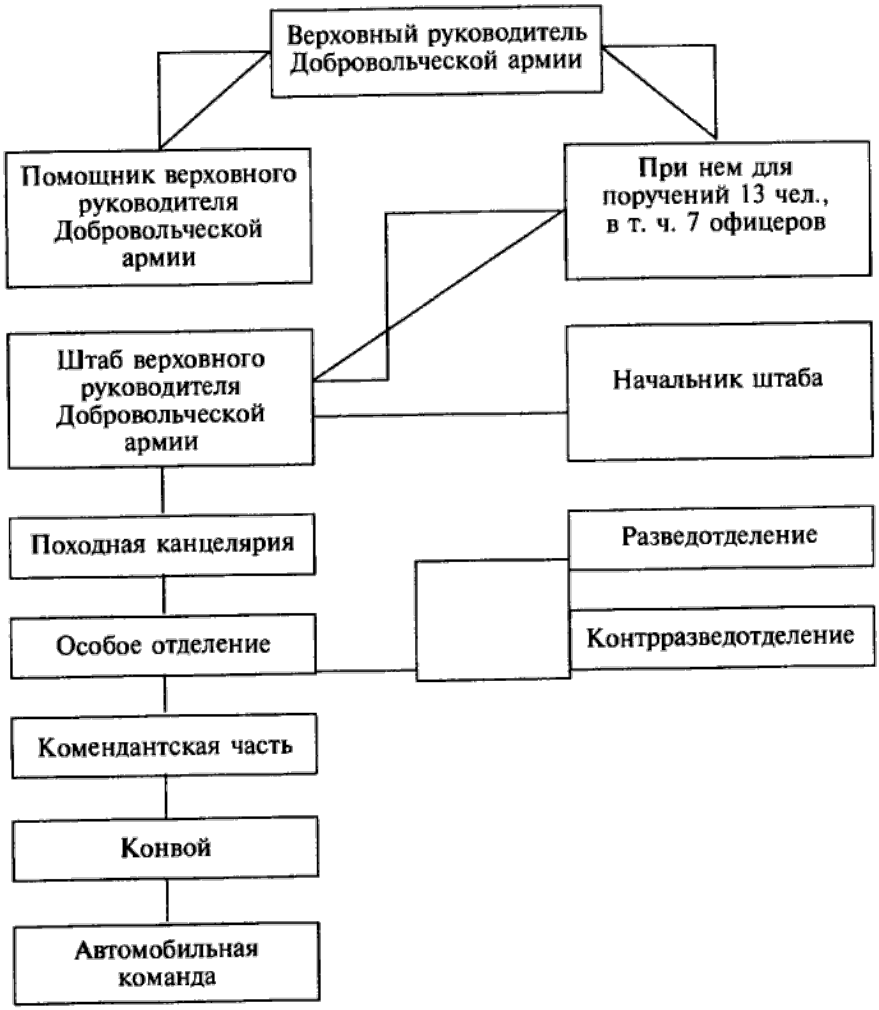
Приложение 13

Организация Добровольческой армии после соединения с Кубанским войском генерала В. Л. Покровского в 1-м Кубанском («Ледяном») походе[178]

Всего: 5500—6000 человек, орудий — 14.

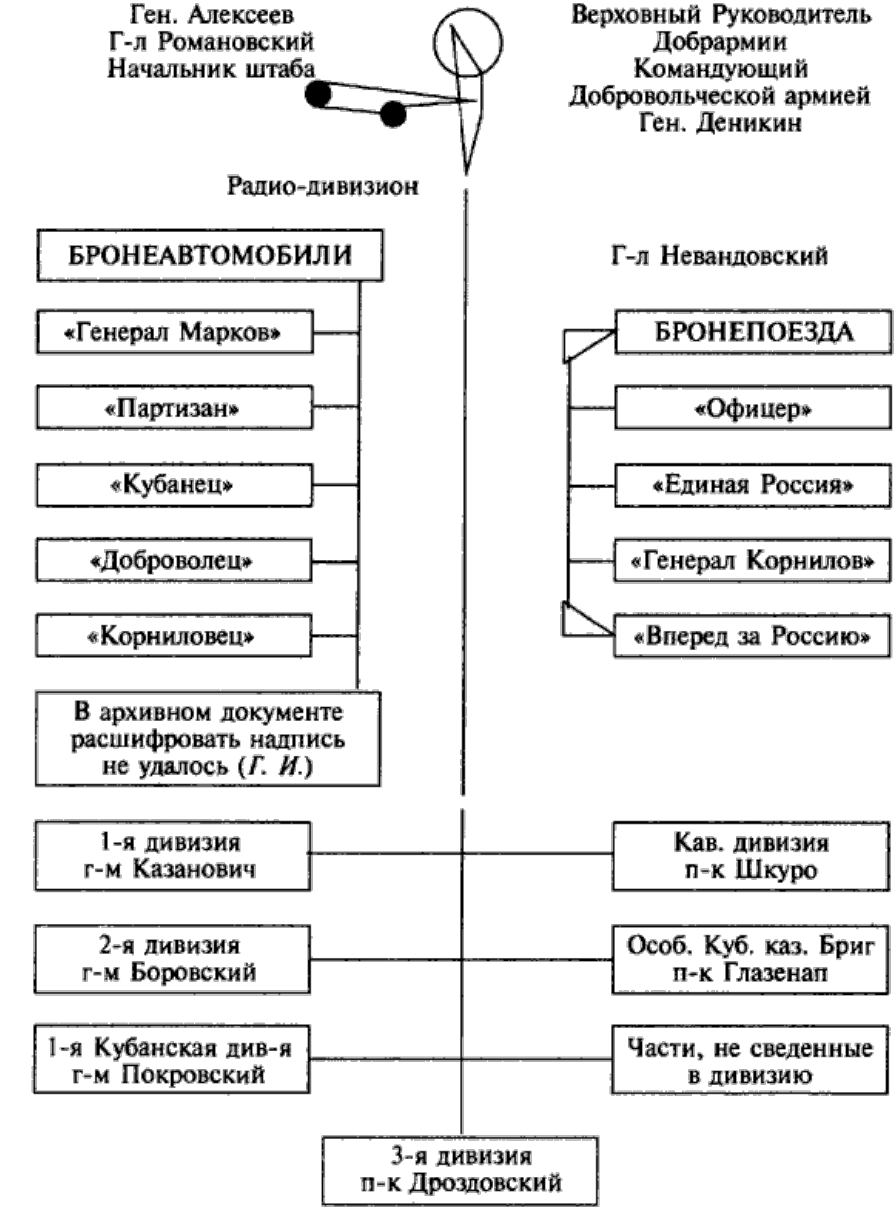
Приложение 14

Организация аппарата военно-политического отдела при Верховном руководителе Добровольческой армии[179]



Приложение 15

Организация Добровольческой армии, вышедшей во 2-й Кубанский поход (по состоянию на 10 июля 1918 г.)[180]



Приложение 16

Условия денежного довольствия и вознаграждения чинов Добровольческой армии

Утверждены генералом от инфантерии Алексеевым 8 мая 1918 г. Объявлены приказом Командующего Добровольческой армией № 246 от 22 мая 1918 года[181].

1. Солдаты и частные лица на солдатских должностях.

А. Жалованье на должности рядового — 30 рублей в месяц; на должностях отделенных, взводных и фельдфебелей — от 35 до 50 рублей; сверхсрочные солдаты и подпрапорщики — в 1,5 раза больше. Б. Денежные пособия за пребывание в армии непрерывно в течение 4 месяцев—100 рублей; 8 месяцев — 200 рублей; 12 месяцев — 500 рублей. Добровольцы, уволенные из армии из-за ранения — единовременно 500 рублей; женам и семьям убитого — 1000 рублей. Если убитый был холост, то пособие в 1000 рублей отцу или матери убитого, если они в возрасте старше 60 лет. В. За период боевых действий, определенных приказом по армии, добровольцы получают 1 рубль суточные.

2. Офицеры, поступившие в ряды Добрармии на должности рядовых и младших офицеров. — 250 рублей. На командных должностях — в повышенных размерах, определенных штатом.

Пособия. А. При увольнении за ранения — как и солдатам; точно так же и убитым. Семейным офицерам дополнительно 100 рублей. Б. За период боевых действий суточные: младший офицер — 1 рубль 50 копеек; пом. командира роты — 2 рубля; командир роты—2 рубля 50 копеек; командир батальона —3 рубля; пом. командира полка—3 рубля 50 копеек; командир полка — 4 рубля; начальник бригады — 5 рублей. Выплачиваются только офицерам строевых частей, непрерывно участвующих в боевых действиях. Кроме того, полное продовольственное обеспечение или кормовые деньги в определенном размере, обмундирование, обувь, снаряжение и вооружение (за некомплект деньги не возвращаются); фураж за счет армии только тем, кому лошадь положена по штату. За пользование собственными лошадьми — никакой компенсации; убитые в боях лошади, утраченное снаряжение возмещаются не деньгами, а натурой.

Оклады жалованья офицерам по различным должностям в год.

3000 рублей: младшие офицеры; начальники обозов 1 и 2 разрядов в частях войск; квартирмейстеры пехотных полков;

заведующие оружием в частях войск; адъютанты командарма, помощники его и начальника штаба армии; обер-офицеры команды связи штаба армии; агенты разведотделения штаба армии; комендант штаба армии; обер-офицеры для командировок при заведующих частями отделов снабжения и интендантства армии; младший помощник начальника подвижного лазарета армии; помощники начальников складов при отделе снабжения.

3300 рублей: адъютанты всех строевых частей; помощники командиров рот пехотных полков; коменданты пехотных полков и чехословацкого батальона.

3600 рублей: члены резерва при штабе армии.

3900 рублей: командиры не отдельных рот, эскадронов и сотен строевых частей; начальники пулеметных команд конных и казачьих полков и чехословацкого батальона; начальники команд разведчиков и для связи всех строевых частей; командиры нестроевых рот и команд во всех частях; старшие офицеры батарей; младшие врачи строевых частей; казначеи в пехотных, конных и казачьих полках и чехословацкого батальона; делопроизводители по хозяйственной части в строевых частях; священник пехотного полка; начальник хозяйственной части чехословацкого батальона; помощник командира инженерной роты; начальник команды связи штаба армии и штаба пехотной дивизии и конной бригады; делопроизводители отделений строевого отдела штаба армии; секретарь при начальнике отдела снабжения, старший помощник квартирмейстера, делопроизводители и младшие ординаторы подвижного лазарета; начальник команды выздоравливающих подвижного лазарета.

4800 рублей: начальник хозяйственной части пехоты, конных и казачьих полков; командир батальона пехотного полка; командир отдельной батареи, командир инженерной роты; старший врач пехотного, конного и казачьего полков, чехословацкого батальона; начальники отделения, заведующие хозяйством, консультанты, старшие ординаторы и заведующие транспортом подвижного лазарета; штаб-офицеры для поручений и начальник связи оперативного отделения штаба армии; помощники начальников отделения и казначей штаба армии; штаб-офицеры для поручений в частях отдела снабжения; командир конвоя при командующем армией; начальники складов при отделе снабжения.

5400 рублей: помощники командира пехотных, конных и казачьих полков, чехословацкого батальона; заведующие частями отдела снабжения и интендантства армии; комендант штаба армии; начальники штабов пехотных и конных бригад; начальники и старшие врачи подвижного лазарета армии.

6000 рублей: командиры пехотных, казачьих и конных полков и чехословацкого батальона; начальник строевого отдела и отдела снабжения армии.

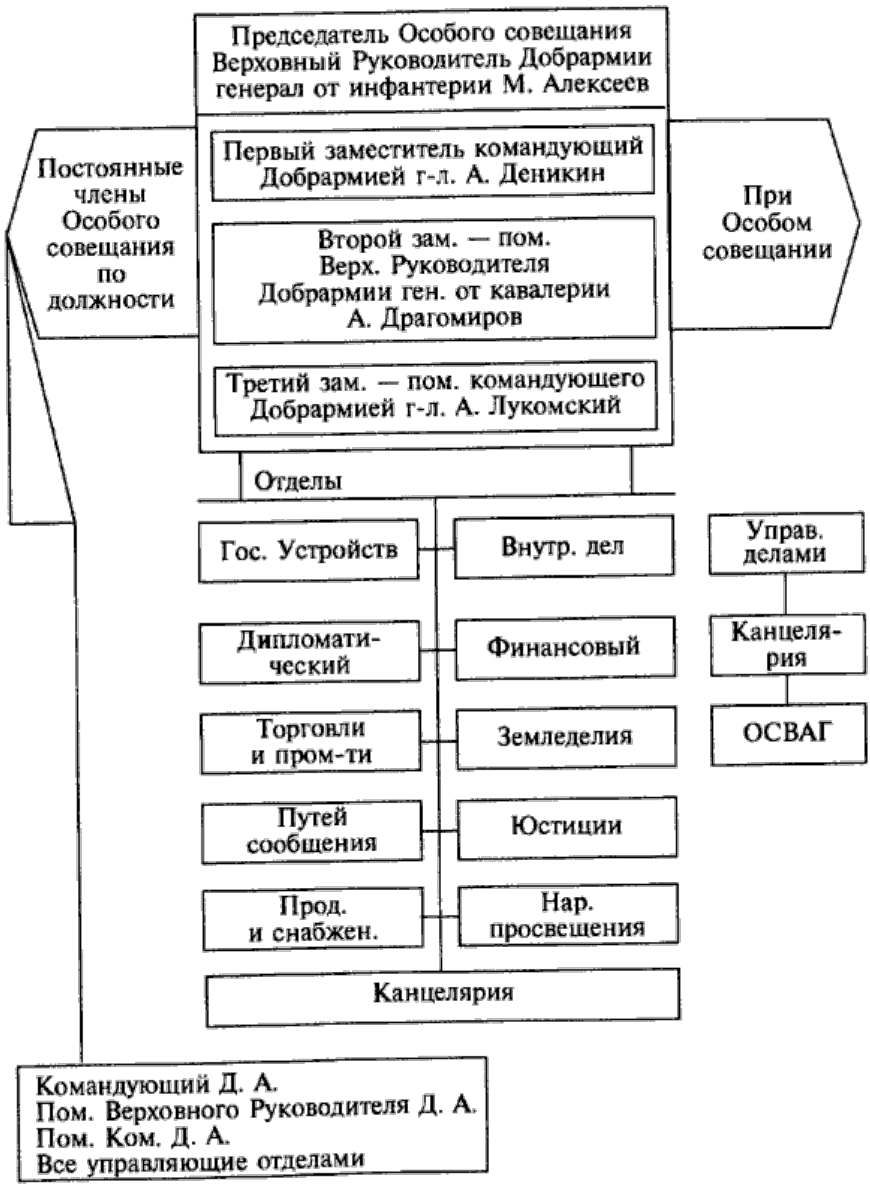
7200 рублей: начальник штаба армии; начальник пехотной, конной и казачьей бригады.

8000 рублей: помощники командующего армией.

12000 рублей: командующий армией.

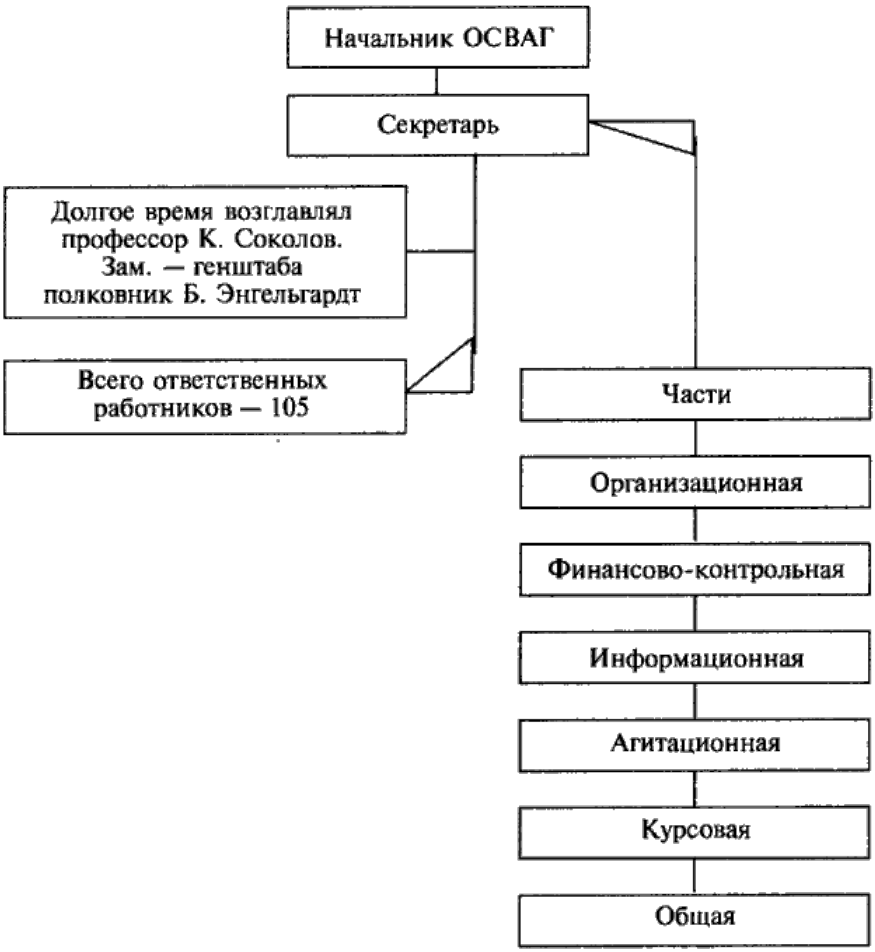
Приложение 17

Организация Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой армии[182]



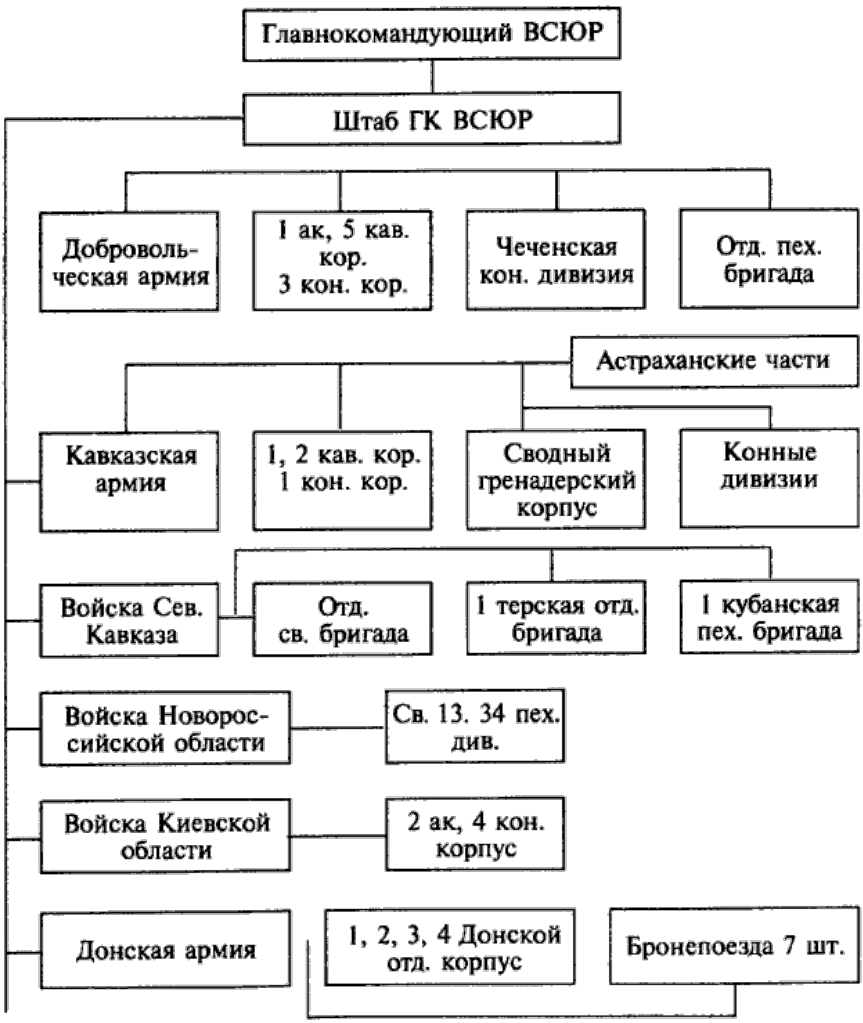
Приложение 18

Организация Осведомительно-агитационного бюро (ОСВАГ) при председателе Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией[183]



Приложение 19

Организация вооруженных сил на юге России (боевые части (дивизии, отдельные бригады) по состоянию на 15 ноября 1919 г. (по ст. стилю)[184]



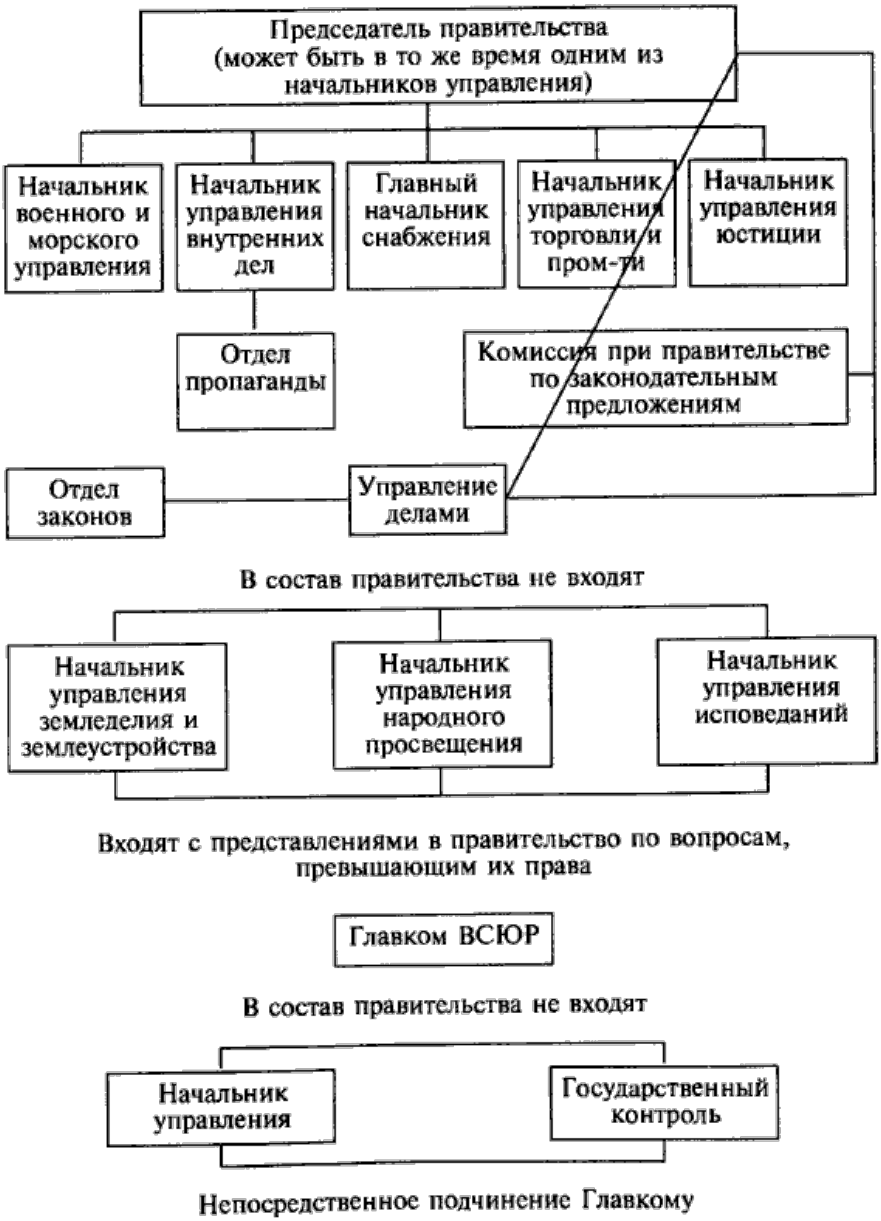
Всего: штыков —107 395; сабель — 45 687.

Приложение 20

Организация Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России[185]

Приложение 21

Организация Правительства при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (создано по приказу № 174 от 17 декабря (по ст. стилю) 1919 г.)[186]


Председатель правительства (может быть в то же время одним из начальников управления)
Начальник военного и морского управления
Начальник управления внутренних дел
Главный начальник снабжения
Начальник управления торговли и пром-ти
Начальник управления юстиции
Отдел пропаганды
Комиссия при правительстве по законодательным предложениям
Отдел законов
Управление делами
В состав правительства не входят
Начальник управления земледелия и землеустройства
Начальник управления народного просвещения
Начальник управления исповеданий
Входят с представлениями в правительство по вопросам, превышающим их права
Главком ВСЮР
В состав правительства не входят
Начальник управления
Государственный контроль
Непосредственное подчинение Главкому

Приложение 22

Количество средств, поставленных А. И. Деникину в 1919–1920 гг. Англией и США для оснащения ВСЮР[187]

1. Патронов (шт.) — 666414286
2. Снарядов (шт.) — 942000
3. Аэропланов и гидропланов — 600
4. Шрапнелей — 528586
5. Обуви (пар) — 1427200
6. Винтовок — 882540
7. Пулеметов — 7800
8. Танков — 57
9. Паровозов — 30
10. Фуфаек — 188000
11. Шинелей — 399880
12. Кип кожи — 5598
13. Орудий — 350
14. Тракторов — 900
15. Поперечных пил — 1950
16. Комплектов теплого белья — 40000
17. Полушубков — 185000
18. Комплектов белья — 700000
19. Комплектов зимнего и летнего обмундирования — 390000
20. Ящики для запчастей к стрелковому и артиллерийскому вооружению — 839
21. Вагонов — 100

Приложение 23

Секретное предписание генерала Врангеля[188]

№ 678/А

Сремски Карловицы

1 сентября 1924 г.

Секретно

Генералу от инфантерии Экку Генерал-лейтенанту Миллеру Генерал-лейтенанту Хольмсену Генерал-лейтенанту Абрамову Генерал-лейтенанту Махрову Генерал-лейтенанту Барбовичу Генерал-майору Збровскому Генерал-майору фон Лампе Полковнику Базаревичу Полковнику Фролову

Приказом моим от 1 сентября с. г. за № 35 образован «Русский Обще-Воинский Союз».

При существующей политической борьбе против Армии несомненно некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в нем, дабы бороться против его осуществления.

Ввиду этого считаю нужным указать на следующее:

Образование «Русского Обще-Воинского Союза» подготавливает возможность на случай необходимости под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии новую форму бытия в виде воинских союзов, подчинения Председателям Отделов «Русского Обще-Воинского Союза».

Это последнее соображение — дать возможность Армии продолжить свое существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза — не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

Никаких других целей образование «Русского Обще-Воинского Союза» не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь.

Генерал Врангель

Генерал-лейтенант Кусонский

Приложение 24

Организационная структура РОВС к 1930 г.[189]

Председатель РОВС
Военная канцелярия
Контрразведка[28]
Зарубежные высшие Военно-научные курсы
1-й Армейский корпус, 1-й Донской корпус, Кавалерийская дивизия, Кубанская дивизия (место дислокации — Югославия, Франция, Болгария)
Отделы
1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Чехословакия, Польша, Дания, Финляндия, Египет).
2-й отдел (Германия, Венгрия, Австрия, Дания, Литва, Латвия, Эстония).
3-й отдел (Болгария, Турция).
4-й отдел (Югославия, Греция, Румыния).
5-й отдел (Бельгия, Люксембург).
Дальневосточный отдел.
1-й Североамериканский отдел.
2-й Североамериканский отдел.

Военные организации в Канаде и Южной Америке

Кружок по изучению Великой войны в Австралии

Контрразведка именовалась еще как «Внутренняя линия РОВС». — *Прим. авт.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТОНА ИВАНОВИЧА ДЕНИКИНА

4(16) декабря 1872 (город Влоцлавск Варшавской губернии) — рождение Антона Ивановича Деникина.

1882 — поступление в 1-й класс Влоцлавского реального училища.

1888–1890 — учеба в Ловичском реальном училище на механико-техническом отделении.

Июнь 1890 — поступление на военную службу вольноопределяющимся стрелкового полка.

1890–1892 — учеба в Киевском пехотном юнкерском училище на военно-училищных курсах.

Август 1892 — производство в подпоручики и направление на службу во 2-ю артиллерийскую бригаду (г. Бела).

1892–1895 — служба на офицерских должностях во 2-й артиллерийской бригаде.

Июнь 1895 — поступление в Николаевскую академию Генерального штаба.

Май, октябрь 1896 — отчисление из академии и повторное поступление.

1896–1899 — учеба в академии, по окончании — непричисление к корпусу офицеров Генерального штаба.

1899–1901 — служба в войсках и причисление к корпусу офицеров Генерального штаба.

1902–1904 — исполнение должностей офицера Генерального штаба в войсках Варшавского военного округа.

1904–1905 — участие в Русско-японской войне, присвоение воинского звания «полковник».

1906–1909— начальник штаба резервной бригады в Казанском военном округе.

1910 — март 1914 — командир 17-го пехотного Архангелогородского полка (г. Житомир).

Июль 1914— присвоено воинское звание «генерал-майор», служба на генеральских должностях в штабе Киевского военного округа.

Август 1914 — генерал-квартирмейстер 8-й армии Юго-Западного фронта.

Сентябрь 1914 — август 1916 — начальник 4-й стрелковой («Железной») бригады (в 1915 году развернута в дивизию).

Август 1915 — произведен в генерал-лейтенанты за взятие Луцка.

1916 — командир 4-го армейского корпуса 4-й армии Румынского фронта.

Март — май 1917— начальник штаба ставки верховного главнокомандующего русской армией.

Июнь — июль — главнокомандующий армиями Западного фронта, терпит сокрушительное поражение в летнем наступлении русской армии.

Август — ноябрь 1917— главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, участие в корниловском мятеже, арест, заключение в тюрьму в городе Быхове, побег на Дон.

Конец ноября 1917 — февраль 1918 — участие в организации Добровольческой армии, командование ее 1-й стрелковой дивизией.

7 января 1918— женитьба на Ксении Васильевне Чиж.

23 февраля 1918 — выступление в 1-й Кубанский («Ледяной») поход Добровольческой армии.

Конец февраля — начало апреля 1918b — помощник командующего Добровольческой армией.

Конец апреля 1918 — принятие под командование Добровольческой армии после гибели ее командарма генерала Л. Г. Корнилова.

Июнь — ноябрь 1918— 2-й Кубанский поход Добровольческой армии, освобождение из-под контроля советской власти Кубани и Северного Кавказа.

Начало января 1919 — главнокомандующий вооруженными силами юга России.

Март — июнь 1919 — командование весенне-летними операциями ВСЮР против советского Южного фронта.

4 июля 1919 — подписание «Московской директивы». Начало похода на Москву.

Июль — октябрь 1919 — достижение крупных военных успехов в походе на Москву.

Ноябрь 1919 — январь 1920— поражение в ходе контрнаступления красных, сдача Ростова.

Март 1920 — «новороссийская катастрофа», отход остатков ВСЮР в Крым.

4 апреля 1920 — уход в отставку с поста главнокомандующего ВСЮР, убытие в эмиграцию.

Май 1920—весна 1926 — эмигрантские скитания по Англии, Бельгии, Венгрии, снова Бельгии.

1921–1926 — работа над «Очерками русской смуты».

Весна 1926 — переезд на постоянное место жительства в

Париж.

1929— завершение книги «Офицеры».

1929–1931 — работа над мемуарами «Старая армия».

1940 — апрель 1945 — проживание в немецкой оккупации в местечке Мимизан (юг Франции), отказ от сотрудничества с фашистами, посильное противодействие им.

Май 1945 — возвращение в Париж.

Декабрь 1945 — убытие в США на постоянное место жительства.

11 *шюня 1946 года* — направление правительству США аналитической записки «Русский вопрос».

1946 — август 1947 — литературная и научная работа, пропагандистская деятельность.

7 августа 1947 — кончина Антона Ивановича Деникина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды А. И. Деникина

Деникин А. В защиту артиллерии // Разведчик (далее Р). 1902. № 617.

Деникин А. Военная эпоха // Варшавский дневник (далее ВД). 1903. 13 ноября.

Деникин А. И. Цинхиченский бой 10–17 ноября 1904 г. // Офицерская жизнь (далее ОЖ). 1903. № 156, 160, 163, 164.

Деникин А. Майский набег (ответ г. Усову) // Русский инвалид (Санкт-Петербург). 1907. № 15.

Деникин А. Мысли о дипломатии // ВД. 1903. 13 окт.

Деникин А. По поводу английской экспедиции в Тибет //ВД. 1902. 19 дек.

Деникин А. По поводу щитов // Русский инвалид (Санкт-Петербург). 1903. № 55. 9 марта.

Деникин А. Синоп (18 ноября 1853 г.)//ВД. 1903. 18 нояб.

Деникин А. Солдатский быт// Р. № 840.

Деникин А. Цинхичен (Картинки из боевой жизни) // ОЖ. 1907. № 59.

Деникин А. Японский вопрос //ВД. 1903. 11 окт.

Деникин А. И. Мукденские дни в конном отряде // Военный сборник (Санкт-Петербург). 1907. № 2.

Деникин А. И. Брест-Литовск. Париж, 1933.

Деникин А. И. В советском раю (предсмертная статья А. И. Деникина) // Возрождение (Нью-Йорк) 1950. Тетрадь восьмая. Март — апр.

Деникин А. И. За что мы боремся? Б. м., 1920.

Деникин А. И. Из прошлого русской армии // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1927. № 5. С. 1–4.

Деникин А. И. История//Донская летопись (Белград). 1922. № 3.

Деникин А. И. Команда разведчиков. СПб., 1909.

Деникин А. И. Кто спас советскую власть от гибели. Париж, 1937.

Деникин А. И. Майский набег генерала Мищенки // Военный сборник (Санкт-Петербург). 1906. № 8.

Деникин А. И. Международное положение России и эмиграция. Париж, 1933.

Деникин А. И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939.

Деникин А. И. Мукденские дни в конном отряде // Военный сборник (Санкт-Петербург). 1907. № 3.

Деникин А. И. Офицеры. Очерки. 1928.

Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Берлин; Париж, 1921–1926.

Деникин А. И. Письма. 1922–1934 // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128.

Деникин А. И. Польша и Добровольческая армия // Голос минувшего (Париж). 1926.

Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова М.: Л., 1926.

Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953.

Деникин А. И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж, 1933.

Деникин А. И. Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908.

Деникин А. И. Старая армия: В 2 ч. Париж, 1929–1931.

Деникин А. И. Тернии пера (довоенные воспоминания) // Иллюстрированная Россия (Париж). 1929. № 18(207).

Деникин А. И. Французы в Одессе. Л., 1928.

Деникин А. И. Этика войны// Русский инвалид. 1931. № 17.

Ночин И.[190] Армейские заметки// Р. 1908. № 908–910; 912–915; 916–917; 921–923; 936–937; 940–941; 943, 946, 948.

Ночин И. В академию// Р. 1902. 19 дек.

Ночин И. В дороге (странички из дневника) // Р. 1900. 6 авг.

Ночин И. Говор леса (этюд) // Р. 1900. № 768 *Ночин И.* Испытание: Очерк//Р. 1900. № 12.

Ночин И. Командиры // Р. 1906. № 840. С. 884–886.

Ночин И. Лесная красавица // Р. 1898. № 400, 401.

Ночин И. На берегу. На море//Р. 1900. 29 авг.

Ночин И. Сын // Р. 1903. 9 марта.

Ночин Иван. Старый генерал // Р. 1898. № 429.

Документы и материалы

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000.

Архив Гражданской войны: В 2 вып. Берлин, 1921.

Архив русской революции. Изд. И. В. Гессена: В 22 т. Берлин, 1921–1929.

Белое дело. Летопись белой борьбы. Составлена и разработана бароном П. Н. Врангелем и другими / Под ред. А. А.

фон Лампе: В 6 т. Берлин, 1926–1928.

Белый архив. Ч. 1. Париж, 1926.

Бьюкенен Дж. Воспоминания дипломата. М., 1991.

Быч Л. От Южно-Русского союза к федеративной России. Доклад Л. Быча. Б. м., 1920.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1982.

Генерал А. И. Деникин в Одессе. Изд. отдела пропаганды, 1919.

Государственное совещание. М.; Л., 1930.

Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов. М., 1995.

Гражданская война на Украине: Сб. документов и материалов: В 2 т. Киев, 1967.

Декларация генерала Деникина по вероисповедальному вопросу. Киев, 1919.

Дело генерала Л. Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Апрель 1917 г. — июнь 1918 г.: В 2-х т. М., 2003.

Дело Корнилова по стенограмме допроса Керенского Чрезвычайной следственной комиссией. Екатеринослав, 1919.

Директивы Главного командования фронтов Красной Армии. М., 1969.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов: В 4 т. М., 1971–1974.

Договор генерала Корнилова с Кубанью //Донская волна. 1919. № 18.

Доклад постоянного члена Главного военного и военно-морского суда генерал-лейтенанта Макаренко Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России барону Врангелю от 28 марта 1920 г. № 79. // Красный архив. Т. 5. М.; Л., 1927.

Документы внешней политики СССР: В 12 т. М., 1957–1967.

Документы национального центра // Вопросы истории. 1997. № 5–6.

Донское казачество в Гражданской войне: Сб документов. 1918–1919. М., 1993.

Допрос генерала Алексеева на заседании Донского правительства 10 января 1918 года //Донская летопись (Париж). 1923. № 2.

Допрос Колчака. J1., 1925.

Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: В 4 т. М., 2001.

Закон о дуэлях. Приказы по военному ведомству// Р. 1896. № 290.

«Зеленая книга». История крестьянского движения в Черноморской губернии: Сб. документов и материалов / Собрал Н. Воронович. Прага, 1921.

Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. документов: В 3 т. М., 1960–1963.

Из истории Гражданской войны: Письма, доклады, записки Н. И. Астрова А. И. Деникину// Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. Кн. 63.

Из истории революционного движения в армии в 1905–1906 гг. // Красный архив. 1935. Т. 4 (71).

Инструкция, определяющая правила воинского воспитания в военных училищах. СПб., 1900.

Инструкция для офицеров, обучающихся в Николаевской академии Генерального штаба. 19 сент. 1907 г. Б. г.

К 50-летию окончания Гражданской войны на юге России: Неизданные документы П. Б. Струве // Мосты (Мюнхен). 1970. Кн. 15.

Корниловские дни: Бюллетень Временного Военного Комитета при ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов 28 августа по 4 сентября 1917 г. Пг. 1917.

Красная книга ВЧК: В 2 т. М., 1990.

Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2004.

Листовки Гражданской войны. СПб., 2001.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы. М., 1981.

Кто такой генерал Деникин? Харьков, 1919.

Кубанская Чрезвычайная краевая рада: Стенографический отчет пленарных заседаний: В 2 ч., 8 вып. Екатеринодар, 1918.

Наставление для офицерских занятий. СПб., 1909.

Основные законы Всевеликого войска Донского. (Принято Большим Войсковым кругом Всевеликого войска Донского)// Донская летопись (Париж). 1923. № 1.

Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998.

Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.

Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2001.

Польско-советская война. 1919–1920: Ранее не опубликованные документы и материалы. Ч. 1–2. М., 1994.

Пометки В. И. Ленина на книге А. И. Деникина «Очерки Русской Смуты». Т. 1 //Вопросы истории КПСС. 1987. № 12. С. 11–17; 1990. № 1. С. 6–8; № 2. С. 16–17.

Приказы по военному ведомству. Пг., 1917.

Программа и руководящие указания для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб., 1911.

Разложение армии в 1917 году. Центрархив. 1917 год в документах и материалах. М.; Л., 1925.

Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис: Документы и материалы. М., 1959.

Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 г.: Сб. документов. М., 1988.

Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны 1914 —февраль 1917: Сб. документов. М., 1966.

Революция 1905–1907 гг. в России: Сб. документов и материалов. М., 1957.

Речь Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина в Харькове 25 июня (8 июля) 1919 года// Приазовский край. 1919. 26 июня (9 июля).

Речь Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина на заседании Большого войскового круга в Ростове-на-Дону// Свободная речь. 1919. 5 (18) февр.

Речь Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина на заседании Верховного круга в Екатеринодаре 16 января 1920 г. // Вольная Кубань. 1920. 18 янв.

Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и белоэмигрантских архивов / Отв. редактор Г. А. Трукан; Сост. Л. И. Петрушева и Е. Ф. Теплова. М., 1995.

Русская военная эмиграция 20—40-х гг.: Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. Кн. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине.

«Русский вопрос» и союзники по Антанте. Из журналов общих собраний Всероссийского национального центра. 1919 г. // Исторический архив. 1997. № 2.

Русский Совет. Париж, 1921.

Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1–3. Л., 1991–1992.

Сборник указов и распоряжений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917.

Сергеев А. Деникинская армия сама о себе (по материалам,

собранным корреспондентами РОСТа в боевых линиях). М., 1920.

Собрание приказов командующего Добровольческой армией и Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Изд. Военного ведомства. Таганрог, 1919.

Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых Особым совещанием при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Екатеринодар. Отдел законов. 1919. № 1—11. Особый выпуск. 1, 16, 17, 21, 35.

Справка о надругательстве над трупом Корнилова // Донская волна. 1919. № 16.

«Судьба России выше судеб эмиграции». Из письма ген. А. И. Деникина начальнику Русского общевоинского союза генералу А. П. Архангельскому// Родина (Москва). 1991. № 6/7.

Февральская революция 1917 г.: Сб. документов и материалов. М., 1996.

Циркулярное секретное письмо о политике по отношению к казачеству. Постановление Оргбюро ЦК РКП (б) // Известия ЦК КПСС (Москва). 1989. № 6.

Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. М., 2001.

Черная книга: Сб. статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1920 гг. Харьков, 1925.

Шацилло В. К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003.

Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920—1930-х. Собрание баронессы Врангель М. Д. (Архив Гуверовского института в Стенфорде.). Stenford, 1945.

«Я был похищен агентами Советской власти»: Документы о судьбе генерала Е. К. Миллера. 1937–1939 гг. / Публ. подгот. Юрасов Д. Г. // Исторический архив. М., 1997. № 4.

Источники личного происхождения

Александр Керенский. Любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников. Чебоксары, 1993.

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания: Две книги в одном томе. М., 1999.

Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне: В 4 т. М., 1924–1932.

Базедов Г. фон. Путевые впечатления о военной России. СПб., 1911.

Бирон К. Первые вожди Добровольческой армии и их взгляды на задачи ее. Ростов н/Д., 1919.

Блок А. А. Записные книжки (1901–1920). М., 1965.

Богаевский А. П. 1918. «Ледяной» поход. Воспоминания. Нью-Йорк, 1963.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001.

Будберг А. Дневник белогвардейца. Минск, 2001.

Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 2002.

В боях за Ростов. Воспоминания. Ростов н/Д., 1939.

В память 1 Кубанского похода: Сборник / Под ред. Б. И. Казановича и др. Белград, 1926.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992.

Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. М., 2003.

Венус С. Г. Война и люди: семнадцать месяцев с дроздовцами // Венус С. Г. Зяблики в латах. Л., 1991.

Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959.

Верховский А. И. Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914–1918 гг. Пг., 1918.

Виллиам Г. Распад «добровольцев». (Побежденные). М., 1928.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 2 т. М., 1997.

Воврик В. Карпатороссы в корниловском походе Добровольческой армии. Львов, 1923.

Воейков В. Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II. М., 1995.

Волин В. Дон и Добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов н/Д., 1919.

Вооруженные силы на Юге России / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2003.

Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.

Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 — ноябрь 1920): В 3 ч. М., 1992.

Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2002.

Генерал Деникин А. И. Письма 1939–1946//Грани (Франкфурт-на-Майне). 1988. № 149.

Генерал Деникин А. И. Письма. 1922–1934//Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128.

Героическое подполье в тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1976.

Гессен И. В. Годы изгнания: жизненный отчет. Paris, 1979.

Гиацинтов Э. Записки белого офицера. М., 1992.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: В 2 т. Пекин, 1921.

Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997.

Грей Марина. Мой отец генерал Деникин. М., 2003.

Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). М., 1991.

Гуль Р. Б. Я унес с собой Россию: В 2 т. Нью-Йорк, 1981–1984.

Дневник Д. А. Милютина, 1873–1882: В 4 т./Ред., введ., биогр. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. М., 1947–1950.

Дневники императора Николая II / Общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М., 1991.

«Добровольческая тактика заслонила военное искусство». Мемуары генерал-лейтенанта Достовалова Е. И. // Источник (Москва). 1994. № 3.

Дроздовский М. Г. Дневник. Нью-Йорк, 1963.

Дубовский А. Непонятый (генерал Деникин)//Донская волна. 1918. № 1.

Елисеев Ф. И. На берегах Кубани и партизан Шкуро. Ч. 1–2. Нью-Йорк, 1959.

Елисеев Ф. И. С Корниловским ударным полком. На берегах Кубани, в Ставрополье и Астраханских степях в 1919–1920 годах. Нью-Йорк, 1959.

Зарождение Добровольческой армии / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2001.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю: В 2 т. М., 1988.

Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д., 1991.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996.

Ковтюх В. М. Гражданская война на Кубани // ВИЖ. 1964. № 2.

Коковцев В. И. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2 кн. М., 1992.

Кравченко В. Д. Дроздовцы: от Ясс до Галлиполи: В 2 т. Мюнхен, 1973–1975.

Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 3—204.

Кривицкий В. Г. «Я был агентом Сталина»: Записки советского разведчика. М., 1991.

Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920.

Лукомский А. С. Воспоминания: В 3 т. Берлин, 1922.

Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1966.

Лютер А. Дневник офицера // Памятники Отечества. 1992. № 25.

Марков и марковцы (Военно-историческая серия «Белые воины»). М., 2001.

Марковцы в походах и боях за Родину в освободительной войне 1917–1920 годов: В 2 кн. Париж, 1962.

Махно Н. И. Воспоминания. М., 1992.

Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего вооруженными силами юга России. СПб., 1994.

Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта. М., 1963.

Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966.

Месснер Е. Э. Судьба русского офицера. СПб., 1997.

Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): В 2 т. М., 1990.

Михайловский Г. Н. Записки. Из истории внешнеполитического ведомства 1917–1920: В 2 кн. М., 1994.

Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931.

Офицеры российской гвардии в белой борьбе / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2003.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1998.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 2001.

Первые бои Добровольческой армии/Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2001.

Первый Кубанский («Ледяной») поход / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2001.

Поливанов А. А. Из воспоминаний и дневников по должности Военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1.

Полное собрание речей императора Николая II. СПб., 1906.

Половцев Л. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского округа Л. А. Половцева в 1917 г. Paris, б. г.

Против Деникина: Сб. воспоминаний. М., 1969.

Рай за решеткой. Из тюремного дневника мятежного генерала Маркова. 1917. //Источник. 1990. № 10.

Редигер А. Ф. История моей жизни: В 2 т. М., 1999.

Ростов Б. Почему и как создавалась Добровольческая армия и за что она борется. Ростов н/Д, 1919.

Русская армия в изгнании / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С. В. Волкова. М., 2003.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича/ Предисл. М. Н. Покровского. Л., 1925.

Рыцари тернового венца. Воспоминания члена

Государственной думы Л. В. Половцева о 1 Кубанском походе генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина. Прага, б. г.

Савич Н. Закат Белого движения // Москва. 1991. № 11–12.

Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993.

Севский В. Генерал Деникин//Донская волна. 1918. № 11.

Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990.

Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921.

Солдатские письма 1917 г.: Сб. документов. М., 1927.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995.

Столыпин П. А. «Нам нужна Великая Россия». Полное собрание речей в Гос. думе и Гос. совете. 1906–1911. М., 1991.

Суворин А. (Алексей Прошин). Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов н/Д., 1918.

Суворин А. С. Дневник М., 1992.

Суворин Бор. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. Берлин, 1922.

Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924.

Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 2001.

Трубецкой Г. М. Годы смуты и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Живые рассказы и материалы. Белград, 1937.

Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1939–1940: Сб. документов. Кн. 1–2. М., 1998.

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.

Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М., 2004.

Шульгин В. Дни. 1920. Записки. М., 1989.

Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

Шавельский (отец Георгий). Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Нью-Йорк, 1951.

Научно-справочные издания

Армия и флот. Военный справочник / Под. ред. В. А. Орехова и Е. Тарусского. Париж, б. г.

Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., 2003.

Библиография русской революции и Гражданской войны (1917–1921) /Сост. П. И. Постников. Русский зарубежный

исторический архив в Праге. Прага, 1938.

Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. М., 2003.

Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб., 1912.

Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914.

Военно-статистический ежегодник армии (1910–1912 гг.). СПб., 1911–1914.

Военно-статистический сборник армии за 1910 г. СПб., 1911.

Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: Аннотированный библиографический указатель. М., 1980.

Военный энциклопедический словарь: В 2 т. М., 2001.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924: В 12 т. М., 1970–1982.

Галушко Ю. А., Колесников А. А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993.

Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.

Государственные деятели России XIX — начала XX в.: Биографический справочник. М., 1995.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1982.

Залесский К. А. Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: В 5 т., в 13 ч. / Науч. руков. и введ. П. А. Зайончковского. М., 1976–1989.

История Отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь. М., 1999.

Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. Берлин, 1924.

Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003.

Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 1–2. М., 1998–2000.

Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX в./Сост. И. А. Кондакова. М., 1997.

Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

Политические деятели России 1917: Биографический словарь.

М., 1993.

Португальский Р. М., Рунов В. А. Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001.

Россия в мировой войне (в цифрах). М., 1925.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Русская эмиграция. Сводный указатель статей. Журналы на русском языке. 1920–1980. Париж, 1987.

Русский зарубежный исторический архив. Прага, 1936.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биогр. словарь / Под общ. ред. В. В. Шелохаева. М., 1997.

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002.

Советская военная энциклопедия: В 8 т. М., 1976–1980.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976. Т. 1—16.

Списки генералам по старшинству (1905–1914 гг.). СПб., 1905–1914.

Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. М., 2003.

Шишов А. В. Полководцы и военачальники. М., 2002.

Общая литература

Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 — март 1920 гг.). М., 1961.

Актуальные вопросы российской военной истории. Материалы Двадцать второй Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2001.

Актуальные проблемы отечественной историографии. Материалы Седьмой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1997.

Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.

Алексашенко А. Д. Крах деникинщины. М., 1966.

Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: В 2 т. М., 2001.

Анатомия революции. 1917 год в судьбах России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М., 1987.

Берхин И. Б. Вопросы истории периода Гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В. И. Ленина. М., 1981.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы режима власти: Историографические очерки. М., 1998.

Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Вапилин Е. Г. Государственная власть Российской империи и русская армия в начале XX века. СПб., 1998.

Власов Ю. П. Огненный крест. Историческая исповедь: Роман: В 2 ч. М., 1991.

Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней: В 3 т. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 1995.

Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М., 2002.

Волкогонов Д. А. Ленин: Политический портрет: В 2 кн. М., 1994.

Волкогонов Д. А. Троцкий: Политический портрет: В 2 кн. М., 1994.

Волкогонов Д. А. Этюды о времени. Из забытого, незамеченного, ненапечатанного. М., 1998.

Ганчар Г. М. Кто такой барон Врангель. Вольск, 1997.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней: В 2 т. London, 1982.

Генерал Кутепов: Сб. статей. Париж, 1934.

Главнокомандующий Русской армией барон П. Н. Врангель (к десятилетию его кончины 12 (25) апреля 1938 г.: Сб. статей / Под ред. А. А. фон Лампе. Берлин, 1938.

Голдин В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80-х — 90-е годы). Архангельск, 2000.

Голинков Д. А. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Ч. Ill, V.

Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977.

Гордеев Ю. Н. Генерал Деникин: Военно-исторический очерк. М., 1993.

Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990.

Гражданская война в России. Материалы Десятой Всероссийской заочной научной конференции /Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 1998.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.

Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980.

Дерябин А. И. Белые армии в Гражданской войне в России: Исторический очерк. М., 1994.

Драгомиров М. И. Военные записки. СПб., 1894.

Драгомиров М. И. Дуэли. Киев, 1900.

Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920). М., 1982.

Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997.

Егоров А. И. Разгром Деникина. М., 1931.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1944 гг. М., 2000.

Ефремов В. Я. Гражданская война: в поисках нового видения проблемы. Вольск, 1995.

Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917). М., 1975.

Зайончковский А. М. Мировая война. М., 1938.

Зайончковский А. М. Стратегический очерк 1914–1918 гг. М., 1923.

Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.

Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. Париж, 1934.

Залесский П. Н. Возмездие: Причины русской катастрофы. Берлин, 1925.

Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997.

Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989.

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

Ипполитов Г. М. Белое движение в Гражданской войне на Юге России (1917–1920 гг.): источники изучения проблемы //

Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Альманах (Москва). 2000. Кн. 8 (октябрь — декабрь).

Ипполитов Г. М. Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления об исследовании исторических персоналий (в порядке научной дискуссии, но не полемики… // Исторические персоналии: мотивация и мотивировки поступков. Материалы Всероссийской научной конференции. 16–17 декабря 2002 г. / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2002.

Ипполитов Г. М. Катехизис Белого дела. Белое движение в Гражданской войне в России (1917–1922 гг.): Учебное пособие в вопросах и ответах, документах. Вольск: ВВВУТ, 1997.

Ипполитов Г. М. Кризис Добровольческой армии после 1-го Кубанского («Ледяного») похода и деятельность А. И. Деникина по его преодолению//Гражданская война в России: Материалы Десятой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998.

Ипполитов Г. М. «…Придется серьезно по работать по практике обучения стрельбе, приемам сноровки обучения…» (о стиле командования командира 17-го Архангелогородского полка Киевского военного округа полковника А. И. Деникина в 1910 г. По неизвестным и малоизвестным архивным документам) // Вестник СЮИ МЮ РФ: Межвузовский сборник научных статей по проблемам юридических, гуманитарных и социально-экономических наук. Вып. 2. Самара, 2002.

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: портрет на фоне российской смуты: Исторический очерк // История. Еженедельное приложение к газете для учителей «Первое сентября» (Москва). 1997. № 28.

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: штрихи к психологическому портрету исторической персоналии — нерядового участника безумия братоубийства (1917 — апрель 1920 гг.) // Психология искусства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 3–5 сентября 2002 г. // Самарский государственный педагогический университет, Российский гуманитарный научный фонд. Т. 1. Ч. 2. Искусство в контексте проблем Российского сознания. Менталистика, провинциология. Самара, 2003.

Ипполитов Г. М. Белое движение в Гражданской войне на Юге России в освещении советской историографии 20-х гг. XX в. // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Альманах (Москва). 2001. Кн. 11 (июль — сентябрь).

Ипполитов Г. М. Белое движение в Гражданской войне:

постсоветская историография проблемы (некоторые аспекты) // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: Материалы Двадцать первой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2001.

Ипполитов Г. М. Вооруженные силы Юга России в Гражданской войне: гром побед и горечь поражений // Вестник СЮИ МЮ РФ: Межвузовский сборник научных статей по проблемам юридических, гуманитарных и социально-экономических наук. Вып. 1. Самара, 2002.

Ипполитов Г. М. Гражданская война в России (1917–1922 гг.): некоторые уникальные аспекты проблемы (тезисы — приглашение к дискуссии) // Войны, военные конфликты, терроризм как проявление экстремальных ситуаций в жизни людей: исторический опыт и уроки. Материалы Тридцать первой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2003.

Ипполитов Г. М. Идеология Белого дела: отдельные оценки и суждения в белоэмигрантской историографии // История российской духовности: Материалы Двадцать второй Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2001.

Ипполитов Г. М. Изгнанные революцией. Пути и судьбы русской эмиграции: Учебное пособие. Самара, 2003.

Ипполитов Г. М. Исторический феномен белой эмиграции // Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 2000. № 2.

Ипполитов Г. М. К вопросу о зарубежных высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина//Просвещение на Руси, в России: исторический опыт: Материалы Девятнадцатой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2000.

Ипполитов Г. М. Красные против белых: харизма центральной власти и местная «самостийность» в психологических установках военнослужащих в годы Гражданской войны в России // Центр — провинция: историко-психологические проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2001.

Ипполитов Г. М. Морально-психологическое состояние офицеров Добровольческой армии в период ее формирования (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.): к постановке проблемы// Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Альманах (Москва). 2001. Кн. 9 (январь — март).

Ипполитов Г. М. На взлете Белого дела (Добровольческая армия в период 2-го Кубанского похода и после. Год 1918) // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии,

культурологии. Альманах (Москва). 2001. Кн. 10 (апрель — июнь).

Ипполитов Г. М. Они были первыми… (Размышления о книге десять лет спустя после ее выхода в свет в жанре научной рецензии) // Телескоп. Научный альманах. Вып. 3. Самара, 2003.

Ипполитов Г. М. Персонажи военной истории. Антон Иванович Деникин. Исторический портрет // Клио. Межвузовский журнал для ученых (Санкт-Петербург). 1997. № 2.

Ипполитов Г. М. Политическая, военная и общественная деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.): постсоветская историография проблемы // Актуальные вопросы отечественной историографии: Материалы Седьмой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 1997.

Ипполитов Г. М. Почему провалилось летнее наступление русской армии на Западном фронте в 1917 г. // Актуальные вопросы российской военной истории. Материалы Двадцать второй Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2001.

Ипполитов Г. М. Революционизация русского офицерского корпуса в 1904–1907 гг. К постановке проблемы // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы Двадцать четвертой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2002.

Ипполитов Г. М. Россия в безумии братоубийства. Генерал А. И. Деникин и Кубанская рада. Никто не хотел уступать… Проиграли все (1918–1919) // Казачество. Проблемы истории и историографии. Материалы Двадцать восьмой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2003.

Ипполитов Г. М. Состояние экономики на территориях, подконтрольных генералу А. И. Деникину в годы Гражданской войны на Юге России в 1919 г. (краткий аналитический обзор некоторых аспектов проблемы) // Экономические проблемы в истории России и пути их решения. Материалы Двадцать седьмой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2003.

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: в поисках исторической правды // Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 1999. № 2.

Ипполитов Г. М., Ефремов В. Я. К вопросу о социальных условиях формирования личности армейских офицеров царской России в конце XIX — начале XX в. // Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 1999. № 3.

Ипполитов Г. М., Ефремов В. Я. К вопросу о некоторых

особенностях быта армейских офицеров в конце XIX — начале XX в. // История российского быта. Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 1999.

Ипполитов Г. М., Казаков В. Г., Рыбников В. В. Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 — февраль 1919 гг.). М., 2003.

Ипполитов Г. М., Пилипенко С. А. Взгляды военно-политических лидеров и командования противоборствующих сторон в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) на проблему морального духа войск и его укрепления: Монография. Ульяновск, 2002.

Ипполитов Г. М. Военная, политическая и общественная деятельность А. И. Деникина в 1890–1947 гг.: Монография. Вольск, 1997.

Ипполитов Г. М. Деникин (Жизнь замечательных людей; Серия биографий; Вып. 790.). М., 2000.

Ипполитов Г. М. Кто вы, генерал А. И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А. И. Деникина в 1890–1947 гг. 2-е изд., перераб. Самара, 1999.

Ипполитов Г. М. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: Духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне: опыт компаративного анализа. Монография. Самара, 2005.

Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Материалы Всероссийской научной конференции 16–17 декабря 2002 г. Санкт-Петербург / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2002.

История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков: Краткий курс. М., 1938.

История Гражданской войны в СССР: В 5 т. М., 1931–1961.

История крестьянства в России: Материалы Шестнадцатой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2000.

История Первой мировой войны 1914–1918 гг.: В 2 т. М., 1975.

История российской духовности. Материалы Двадцать второй Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака СПб., 2001.

История русско-японской войны. М., 1977.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

Казачество. Проблемы истории и историографии. Материалы

Двадцать восьмой Всероссийской заочной научной конференци. СПб., 2003.

Катков Г. М. Дело Корнилова. 2-е изд., испр. М., 2002.

Какурин Н. Как сражалась революция: В 2 т. М., 1990.

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.

Карпович М. Генерал Деникин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1947. № 6.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1 Т. 1. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990.

Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990.

Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918.

Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1992–1994.

Кин Д. Деникинщина. М.; Л., 1927.

Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.

Коваленко Ю. Москва — Париж. Профили и силуэты. Очерки о русской эмиграции. М., 1991.

Козлов А. И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004.

Костиков В. В. Не будем проклинать изгнанье. Пути и судьбы русской эмиграции. 2-е изд. М., 1994.

Краткий исторический очерк военно-учебных заведений (1700–1910). М., 1910.

Кривошеин К. А. Кривошеин А. В. Его значение в истории начала XX в. Париж, 1973.

Культурное наследие российской эмиграции 1917–1920: В 2 кн. М., 1994.

Куропаткин А. Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4.

Ленин В. И. VIII конференция РКП(б) 2 декабря 1919 г. Политический доклад 2 декабря // Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 39.

Лент В. И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч. Т. 9.

Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. Письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Германии по поводу раскола // Полн.

собр. соч. Т. 39.

Ленин В. И. Разговор правительства со Ставкой по прямому проводу // Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. Речь на IV конференции губернских Чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. //Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В. И. Речь на широкой рабоче-крестьянской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В. И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт 24 октября 1919 г.// Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В. И. Русская революция и Гражданская война. Пугают Гражданской войной // Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта // Полн. собр. соч. Т. 50.

Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Литвин А. А. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М., 2004.

Маркс К. Конкуренция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.

Медвецкий А. Ф. Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич в годы общенационального кризиса в России (1914–1920 гг.). Самара, 2005.

Медвецкий А. Ф. Н. Н. Юденич — военачальник русской армии: Учебное пособие. М., 2003.

Медвецкий А. Ф. О Белом движении замолвите слово… // Телескоп. Научный альманах. Вып. 4. Самара, 2003.

Мельгунов С. Очерки генерала Деникина // На чужой стороне (Берлин — Прага). 1924. № 5.

Мельгунов С. П. Гражданский подвиг А. И. Деникина // Возрождение (Нью-Йорк). 1953. № 25.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1923.

Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы Семнадцатой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2000.

Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974.

Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.

Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевистский период Русской революции: В 2 т. Париж, 1927.

Млечин Л. М. Алиби для великой певицы. М., 1997.

Млечин Л. М. Сеть Москва — ОГТТУ — Париж. Минск, 1991.

Назаров В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.

Никулин Л. В. Мертвая зыбь. Петрозаводск, 1987. С. 269–271.

«Они за Россию, и мы за Россию». Патриотическое воспитание военнослужащих в годы Гражданской войны в России: историография проблемы: Монография / А. В. Горожанин, В. Я. Ефремов, Г. М. Ипполитов, В. В. Рыбников. Самара, 2003.

Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.

Очерки истории Российской внешней разведки. 1917–1993. Т. 1–2. М., 1997.

Пайпс Р. Русская революция: В 2 ч. М., 1994.

Пайпс Р. Три «почему» русской революции. Пер. с англ. М.; СПб., 1996.

Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. / Пер. с англ. М., 2005.

Парский Д. П. Причины неудач в войне с Японией (необходимые реформы в армии). СПб., 1907.

Парский Д. П. Что нужно нашей армии. Современное состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908.

Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

Плотников И. В. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002.

Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. М., 1990.

Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны: история изучения. М., 1980.

Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976.

Полторак С. Н. Иностранные бойцы Красной Армии в годы Гражданской войны и военной интервенции в СССР. Л., 1991.

Полторак С. П. Победоносное поражение: Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун ее 75-летия. СПб., 1994.

Полторак С. Н. О некоторых тенденциях изучения Гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период// Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 1999. № 2.

Полторак С. П. Первый фундаментальный труд о А. И. Деникине (рецензия на монографию Г. М. Ипполитова «Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890–1947 гг.». Вольск: Изд-во ВВВУТ, 1997. 331с.)// Клио. Межвузовский журнал для ученых (Санкт-Петербург), 1998. № 2 (5).

Поляков Ю. Историческая наука: люди и современность. М., 1999.

Поляков Ю. Наше непредсказуемое прошлое. М., 1996.

Поляков Ю. А. Гражданская война: взгляд сквозь годы. Уфа, 1994.

Попейко А. А. Прошлое всегда с нами. Размышления полковника в отставке о книге Георгия Ипполитова «Деникин» и не только… //Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 10 (апрель — сентябрь). М., 2001.

Португальский Р. И. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.

Романов Б. Н. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1957.

Россия в изгнании. Судьбы русских эмигрантов за рубежом. М., 1999.

Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 — 40-х годов. М., 2000.

Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1954.

Рыбников В. В., Казаков В. Г., Ипполитов Г. М. Белое дело в литературе и источниках. Историографическое исследование проблем Белого движения в Гражданской войне в России (1917–1922 гг.). М., 2001.

Рыбников В. В., Слободин В. П. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.) СПб., 1999.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 4 кн. М., 1997.

Спирин Л. Неизвестные события известных исторических событий // Октябрь (Москва). 1990. № 10.

Сталин И. В. Новый поход Антанты // Соч. Т. 4.

Сталин И. В. Письмо В. И. Ленину 15 октября 1919 г. // Соч. Т. 4.

Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001.

Тодоровский А. И. Размышляя над мемуарами//Литературная газета (Москва). 1962. 8 авг.

Тормозов В. Т. Белое движение в Гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: В 2 т. Берлин, 1931.

Троцкий Л. Д. Пора кончать!//Соч.: В 21 т. М., 1926. Т. 18. Ч. 1.

Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., 1994.

Троцкий Л. Д. Сталин: В 2 т. М., 1990.

Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства Росиии. М., 2000.

Устинкин С. В. Трагедия белой гвардии: Монография. Нижний Новгород, 1995.

Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. М., 1996.

Федюк В. П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1993.

Федюк В. П., Ушаков А. И. Белый Юг, ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М., 1999.

Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

Хоскинг С. История Советского Союза. 1917–1991 гг. М., 1995.

Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л., 1932.

Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, вооруженных сил Юга России, русской армии). Кн. 1. М., 2000.

Шевчук П. А. Страницы истории Гражданской войны: взгляд через десятилетия. М., 1992.

Шерман И. Л. Советская историография Гражданской войны в СССР (1920–1931 гг.). Харьков, 1964.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987.

Штейфон Б. Кризис добровольчества. Белград, 1928.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. СПб., 1992.

Экономические проблемы в истории России и пути их решения. Материалы Двадцать седьмой Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., Нестор, 2003.

Энгельс Ф. — Марксу в Лондон 26 сентября 1852 г. // Соч. 2-е изд. Т. 27.

Энгельс Ф. Падение Меца// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17.

Литература на иностранных языках

Abraham R. Alexander Kerensky, yhe First Love of the Revolution. N. Y., 1987.

Boohes and Perodical and the Lobour Movements in Imperial Russia. The Hague, 1971.

Chamberlin W. H. The Russian Revolutions. 1917–1921. L., 1935.

Grey M. Bourdier J Les Armes blanches. Paris, 1968.

Grey M. La campagne de glace. Paris, 1978.

Grey M. Mon pere le general Denikine. Paris, 1985.

Kenez P. Civil War in South Russia. 1917–1920. The defeat of the Whites Berkeley, 1972.

Kenez P. Civil War in South Russian 1918. The first Year of the Voluntary Army Berkley; Los Angeles, 1971.

Kenez P. The ideology of the White movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32.

Luckett R. The White Generals: An Account of the White Movement and Civil War in Russia. L., 1971.

Ossorgin T., Volkoff A. L emigration russe en Europe. Cataloge collectif des périodiques en langue russe. 2 vol. Paris, 1976–1977.

Rosenberg W. G. A. J. Denikin and the antibolshevik Movement in the South of Russia. Amherst Mass, 1961.

Rosenberg IF. G. Liberals in Russian revolution: the constitutional-democratic party. 1917–1921. Princeton, 1974.

The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R. P. Browder and Alexander F. Kerensky. Stanfornia, 1961.

Wrangel A. General Wrangle: Russia's White Crusader. N. Y. 1987.

Докторские диссертационные исследования

Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной Россси. 1920–1945 гг. Нальчик, 2001.

Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России (1917–1920 гг.). Ростов н/Д., 1996.

Гражданов Ю. Д. Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны (1917–1920 г.). Ростов н/Д., 1998.

Еремова А. И. Художественная жизнь Юга России в условиях гражданского противостояния (1917–1920 гг.). М., 1999.

Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1998.

Изонов В. В. Подготовка военных кадров в России (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.

Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.). М., 2000.

Полторак С. И. Иностранцы в Красной Армии в 1918–1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической деятельности. СПб.,

1992.

Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России 1918–1920 гг. (Формирование. Борьба. Крушение.). СПб., 1995.

Тормозов В. Т. Белое движение в Гражданской войне: историография проблемы (1918–1998). М., 1998.

Устинкин С. В. Белое движение в годы Гражданской войны (1917–1922). Нижний Новгород, 1996.

Федюк В. П. Белое движение на юге России. Ярославль, 1995.

Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). (Социальные, военно-политические и культурные проблемы). М., 1997.

Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: эволюция и крах. 1917–1945 гг. М., 1981.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Деникин.

Мать А. И. Деникина Елисавета Федоровна.

Отец А. И. Деникина Иван Ефимович Деникин.

Подпоручик А. И. Деникин. *1893 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

2-я артиллерийская бригада, *г. Бела. 1894 г.* А. И. Деникин *третий в верхнем ряду. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Капитан А. И. Деникин. *Не позднее 1904 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГА РФ.*

А. И. Деникин с сослуживцами. *Не позднее 1904 г. Первый слева —* А. И. Деникин. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Полковник А. И. Деникин в период службы в Варшавском военном округе. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Русские обозы, покидающие Мукден. *1905 г.*

А. И. Деникин в кругу знакомых, *с. Хандаохецзы. 29 октября 1904 г.*

Полковник А. И. Деникин. *1911 г.*

Полковник А. И. Деникин. *1912 г. Из семейного архива* А/. *А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Полковник А. И. Деникин. *Не позднее 1914 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Штаб Железной дивизии в Осеке. *21 декабря 1914 г. В центре* — начальник штаба С. Л. Марков и генерал А. И. Деникин. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Генерал А. И. Деникин и штаб Железной дивизии на отдыхе. *Борынья. Лето 1915 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Командир Железной дивизии генерал А. И. Деникин на фронте. *Март 1916 г.*

Части русской армии на взятых во время Брусиловского наступления укреплениях неприятеля. *Австро-венгерский фронт. 1916 г.*

Колонна военнопленных солдат австро-венгерской армии на улицах г. Луцка. *28 мая 1916 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов. *1916 г.*

Церемониальный марш георгиевских кавалеров, *г. Ровно. 26 ноября 1915 г. В первом ряду второй слева* — генерал А. И. Деникин.

Георгиевская Дума, г. *Ровно. 1916 В центре* — генерал А. И. Деникин.

Взятие г. Луцка. *27 мая 1916 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Генерал А. *И.* Деникин, командир 7-го армейского корпуса. Румынский фронт. *30 ноября 1916 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Генерал А. И. Деникин. *Летчаны. Май 1916 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Штабное собрание дивизии. Видно окно землянки командира дивизии генерала А. И. Деникина. *1916 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Корпусное интендантство. *1916* г. *Третий справа* — генерал А. И. Деникин. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Парад войск, присягнувших Временному правительству. *Март 1917 г.*

Ставка Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, г. *Могилев. Апрель 1917 г. Первый слева* — начальник штаба генерал А. И. Деникин.

Начальник штаба ставки Верховного главнокомандующего русской армии генерал А. И. Деникин в своем кабинете. *Могилев. Маи 1917 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Проводы генерала М. В. Алексеева, покидающего ставку. *1917 г. Второй слева* — генерал А. И. Деникин.

Штаб Западного фронта. *Июнь-июль 1917 г.* А. И. Деникин *во втором ряду в центре. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Группа узников Быховской тюрьмы у костела. *1917 г. Третий слева* — генерал А. И. Деникин, *четвертый* — генерал Л. Г. Корнилов.

Здание женской гимназии, превращенной в тюрьму, *г. Быхов.* На фотографии отмечено окно комнаты, где содержался генерал Л. Г. Корнилов. *1917 г.*

У входа в здание штаба командующего Добровольческой армией генерала А. И. Деникина, *г. Екатеринодар. Ноябрь 1918 г. В первом ряду* — А. И. Деникин, А. М. Драгомиров. *Во втором ряду* — А. С. Лукомский, И. П. Романовский. *В третьем ряду* — французский военный атташе Фукс, полковник А. Г. Шапрон-дю-Ларре.

Командующий Добровольческой армией генерал А. И. Деникин. *1918 г.*

На чествовании текинцами «быховских узников», *г. Таганрог 20 ноября 1919 г. В ряду сидящих третий слева* — генерал А. И. Деникин.

Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев на фронте. *1918 г.*

У могилы генерала Л. Г. Корнилова. *На переднем плане* генерал И. Деникин. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

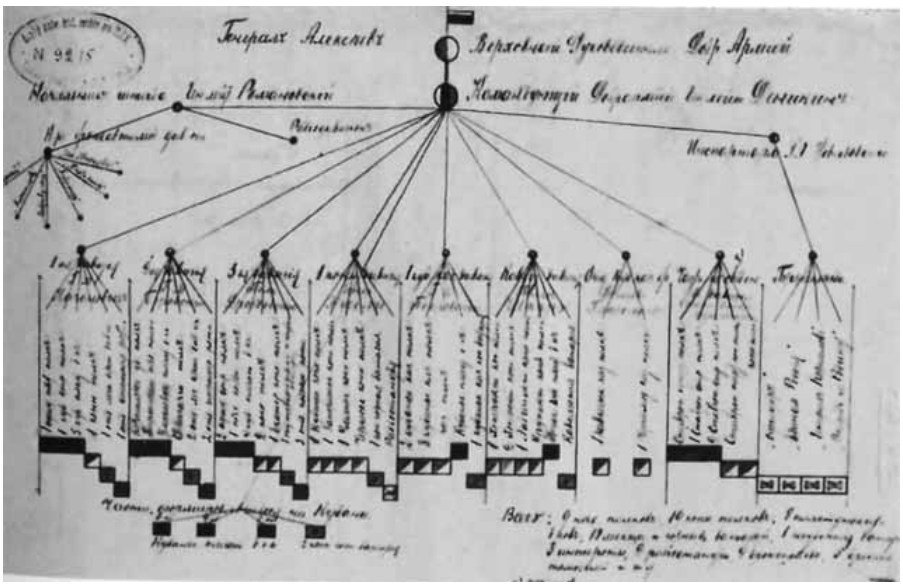


Схема организации Добровольческой армии. *10 июля 1918 г.*

Генерал А. И. Деникин принимает парад Корниловского полка в г. Екатеринодаре. *1918 г.*

С. Л. Марков, генерал-лейтенант Генерального штаба, начальник штаба 4-й Железной дивизии, участвовал в создании Добровольческой армии, командир 1-го офицерского полка.

И. П. Романовский, генерал-лейтенант Генерального штаба, участвовал в формировании Добровольческой армии, начальник штаба Добровольческой армии, затем ВСЮР.

В. З. Май-Маевский, генерал-майор Генеральною штаба. В Добровольческом армии командовал 3-и пехотной дивизией, затем Добровольческой армией в составе ВСЮР.

А. С. Лукомский, генерал-лейтенант, участвовал в создании Добровольческой армии, председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, председатель Правительства при Главнокомандующем ВСЮР.

П. Н. Врангель, генерал-лейтенант Генерального штаба, командующий Кавказской Добровольческой армией.

Донской атаман П. Н. Краснов перед смотром войск в г. Новочеркасске. *1918 г.*

Донской атаман генерал А. П. Богаевский после принятия присяги, *г. Новочеркасск. 1918 г.*

К. К. Мамонтов, генерал-лейтенант, участник Степного похода, командир 4-го Донского корпуса.

А. М. Драгомиров, генерал от кавалерии, помощник главнокомандующего Добровольческой армией, председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР.

Генерал А. П. Кутепов на смотре частей терских казаков, *г. Харьков. 1919 г.*

«Волчья сотня» генерала А. Г. Шкуро в Ростове-на-Дону. *1919 г.*

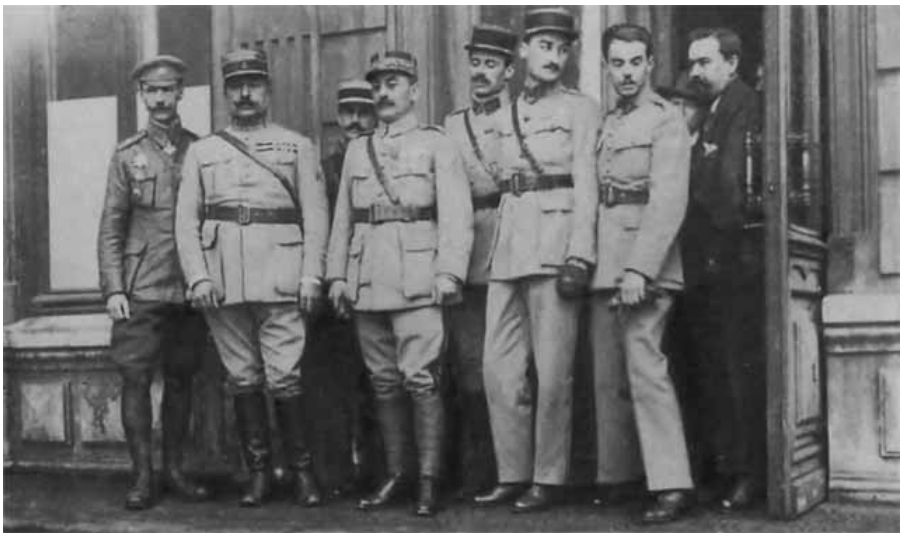
Кубанские и донские казаки в походе.

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А. И. Деникин. *1919 г.*

Бронепоезд «Единая Россия» на пути на фронт. *1919.*

Освящение поезда им. генерала М. В. Алексеева. Создан Комитетом скорой помощи чинам Добровольческой армии.

Генералы А. И. Деникин, И. П. Романовский и Ю. Н. Плющик-Плющевский в г. Харькове. *22 июня 1919 г.*



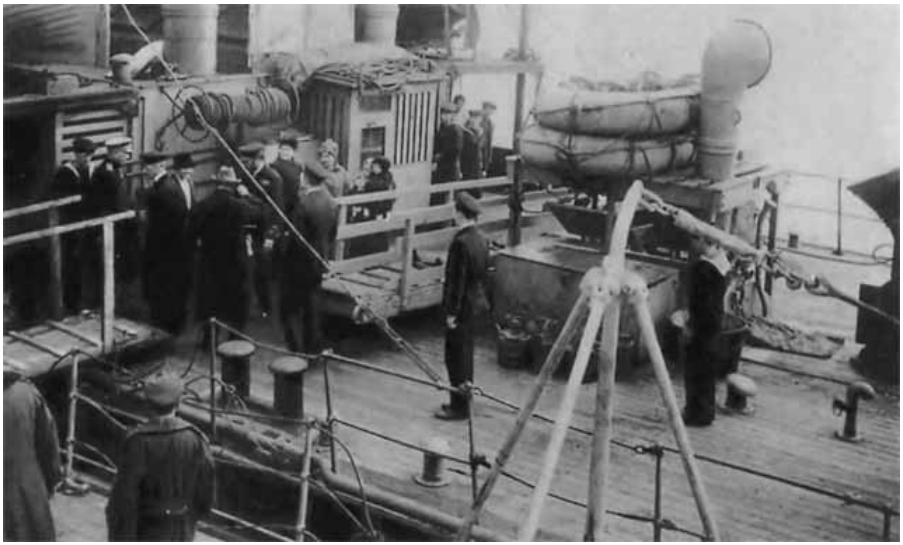
Приезд французской миссии во главе с генералом Жаненом. *Ростов-на-Дону.*

Группа английских и французских офицеров с главнокомандующим всеми союзными войсками в России генералом Пулем. *1918 г.*

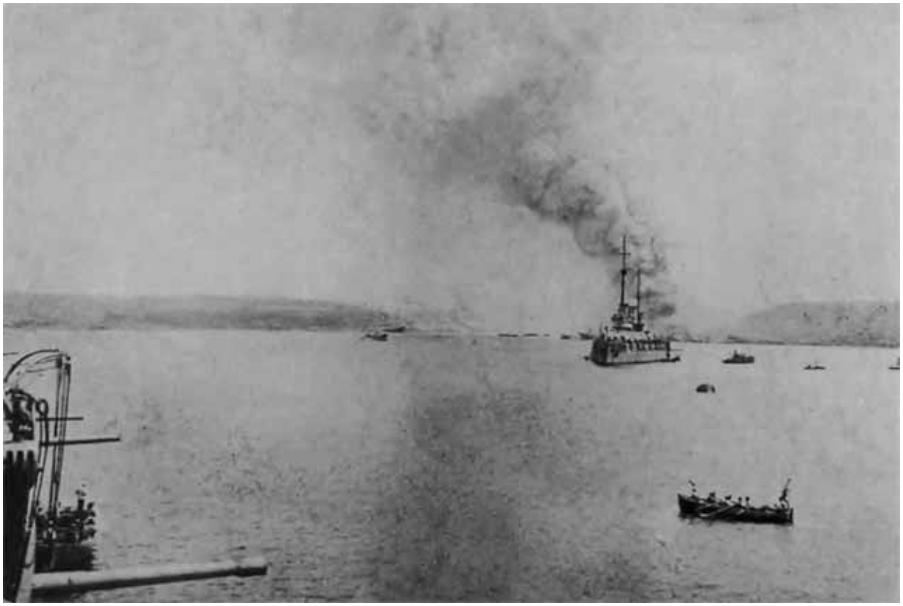
Генерал А. И. Деникин на параде войск в г. Харькове. *1919.*

Генерал А. И. Деникин во время посещения корабля английских королевских ВМС. *1919 г.*

Члены Особой комиссии при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. *1919 г. Во втором ряду четвертый слева* — председатель комиссии Г. Мейнгард.



Генерал А. И. Деникин на английском миноносце, *г. Новороссийск. 1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*



Эвакуация, г. Новороссийск. *Март 1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин и К. В. Чиж накануне свадьбы, г. *Новочеркасск. Декабрь 1917 г.* (А. И. Деникин изменил внешность после побега из Быховской тюрьмы.) *Из семейного архива А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

К. В. Деникина с дочерью Мариной, *г. Кисловодск, 20 шюля 1919 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Ксения Васильевна и Антон Иванович Деникины в Англии. *1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин. *1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин. *1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин с дочерью Мариной. *1920 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Деникин с группой русских эмигрантов. *Англия. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

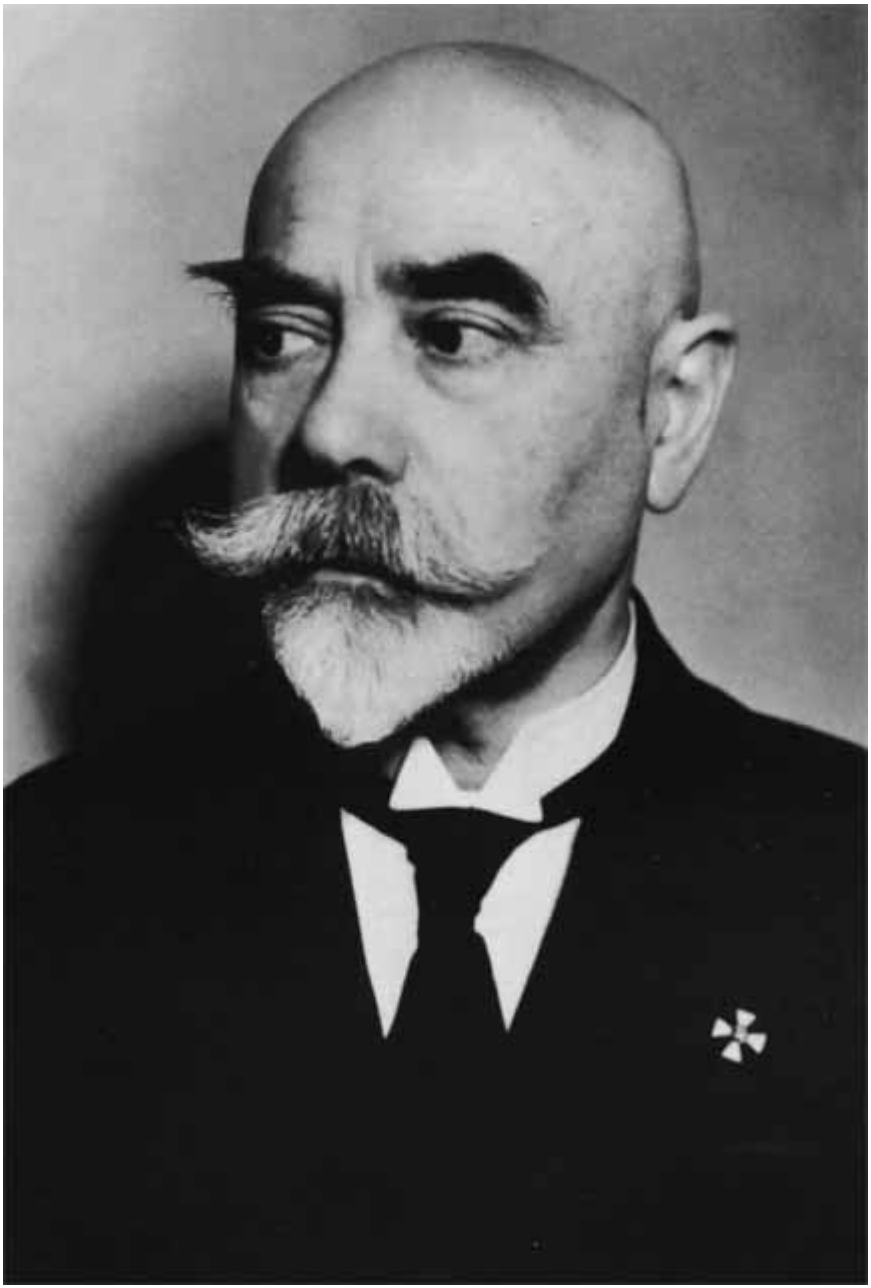
Праздник Корниловского полка. Брюссель. *1924 г. Сидят за столом: в центре* А. И. Деникин, *слева* Н. Л. Корнилова, *справа* муж Н. Л. Корниловой генерал А. Г. Шапрон-дю-Ларре. *Стоят: третий слева* Юрий Корнилов. *Сидят на полу: в центре* Марина Деникина. *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин с группой русских эмигрантов. *Франция. (1930 г.) Из семейного архива М. А.Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин в г. Белграде, куда он ездил по приглашению короля Югославии. *(1930-е гг.)*

А. И. Деникин с группой приглашенных королем Румынии участников Первой мировой войны при выходе из дворца. *1937 г. Из семейного архива М. А.Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

А. И. Деникин с дочерью Мариной в Бухаресте. *1937 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*



А. И. Деникин. *Прага. 31 декабря 1934 г.*

А. И. Деникин с группой бывших сослуживцев по Добровольческой армии. *1927 г.* На обороте фотографии надпись: «Верховному Главнокомандующему Добровольческой Армией от бывших Ея чинов в воспоминаниях о незабываемом дне, проведенном в Capbreton». *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Деникины на горном озере у подножия ледников на высоте 2000 метров. *1930 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Деникины после сбора грибов. *Аллемонт. 1935 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Деникины в Альпах на отдыхе. *1936 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Деникины на прогулке в лесу под Парижем. *1935 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

А. И. Деникин, К. Д. Бальмонт и И. С. Шмелев в Капретоне. *(Юг Франции. 1926 г.) Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Деникины и Шмелевы. *1926 г.* А. И. Деникин, дети — Ив Жантийом-Кутырин и Марина Деникина, И. С. Шмелев, О. А. Шмелева, К. В. Деникина. *Из семейного архива М. Л. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Ксения Васильевна и Антон Иванович Деникины в Мимизане. *1942 г. Из семейного архива М. А. Деникиной- Грей, переданного в ГАРФ.*

Антон Иванович и Ксения Васильевна с власовцами. *Мимизан. 1944 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Деникины в Мимизане. *1943 г.* На обороте надпись, сделанная рукой Ксении Васильевны: «Какие мы оба стали худые с голоду». *Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Семья Деникиных в США. Последние дни. *1947 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ. Публикуется впервые.*

Похороны генерала А. И. Деникина. *Джексон. 11 августа 1947 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Отец Василий служит молебен на могиле генерала А. И. Деникина после возложения венка представителями Общества галлиполийцев. *Джексон. 20 января 1963 г. Из семейного архива М. А. Деникиной-Грей, переданного в ГАРФ.*

Марина Антоновна Деникина с автором книги Георгием Михайловичем Ипполитовым.

notes

Примечания

1

Эпистолярные размышления Марины Антоновны, адресованные мне в приватном порядке, публикуются с ее письменного разрешения. Стилистику и орфографию ее писем, как правило, не менял (за редким исключением). — *Прим. авт.*

2

Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

3

Литературный псевдоним Марины Антоновны Деникиной. — *Прим. авт.*

Grey M. Mon pere le general Denikine. Paris, 1985; *Грей Марина.* Мой отец генерал Деникин. М., 2003.

Kenez P. Civil War in South Russia. 1918. The First Year of Volunteer Army. Berkley, 1971. *Kenez P.* Civil War in South Russia 1917–1920. The defeat of the whites Berkley, 1972. *Kenez P.* The ideology of White Movement // Soviet tadies. 1980. Vol. № 32 (статья опубликована в русском переводе: Гражданская война: перекресток мнений. М., 1994).

Рыбников В. В., Слободин В. П. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993.

Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. М., 1996.

8

Федюк В. П., Ушаков А. И. Белый Юг, ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М., 1999.

9

Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж; Берлин, 1921–1926. Из переизданий следует отметить наиболее полное, увидевшее свет в 2002 в Минске. — *Г. И.*

10

Т. I. — «Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917»; Т. II. — «Борьба и смерть генерала Корнилова. Август 1917 —апрель 1918»; Т. III. — «Белое движение и борьба Добровольческой армии»; Т. IV. — «Вооруженные силы юга России»; Т. V. — «Вооруженные силы юга России».

11

Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. В 1990-х гг. в нашей стране неоднократно переиздавалась.

12

Земля неизвестная *(лат.)*.

13

Здесь и далее до 1918 г. даты указываются по старому стилю. Если указаны две даты, то в скобках дается дата по старому стилю. Даты после 1918 г. будут указываться, как правило, по новому стилю.

14

Обер-офицеры — младшие офицеры в России (до 1917 г.). Согласно Табели о рангах 1722 г. к обер-офицерам относились офицеры в чинах от прапорщика до капитана, на флоте — от мичмана до старшего лейтенанта включительно. Чины и должности обер-офицеров назывались обер-офицерскими *Штаб-офицеры* — старшие офицеры в России (до 1917 г.). Согласно Табели о рангах 1722 г. к штаб-офицерам относились офицеры в чинах от майора до полковника (на флоте от капитан-лейтенанта до капитана 1-го ранга), обычно составляющие штаб (отсюда и название). В отличие от обер-офицеров штаб-офицеры носили эполеты с бахромой. Чины и должности штаб-офицеров назывались штаб-офицерскими.

15

Корнет — первичное офицерское звание в кавалерии. *Уланы* — вид легкой кавалерии.

16

Промежуточные чины между обер-офицерами и унтер-офицерами.

17

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171957.

18

РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1331. Л. 26.

19

РГВИА. Ф. 1. Оп. 72. 4-й отд. 3-й стол. Д. 75. Л. 33.

20

РГВИА. Ф. 1. Оп. 72. 4-й отд. 3-й стол. Д. 75. Л. 33.

21

К разночинцам относились дети личных дворян, почетных и личных граждан, чиновников, обер- и штаб-офицеров, купцов и некоторых других слоев населения. — *Г. И.*

22

В своих воспоминаниях А. И. Деникин часто не пишет фамилии, ограничиваясь лишь инициалами. Особенно когда речь идет об отрицательных аспектах деятельности того, кто скрывается за инициалами. Думается, что подобное можно объяснить следующими обстоятельствами: во-первых, генерал ничего не знал о дальнейшей судьбе этих людей, боялся, например, что они могут проживать в СССР (следовательно, знакомство с врагом советской власти (даже косвенное) могло иметь самые тяжкие последствия); во-вторых, автор проявил элементарную тактичность; в-третьих. Антон Иванович не надеялся на память, боялся допустить искажения в фамилиях. Не могу не вспомнить в данной связи, что в одной критической статье в «Книжном обозрении» по поводу первого издания биографии Деникина (не будем детализировать) меня критиковали за то, что я не напряг исследовательских усилий и не нашел в архивах фамилий тех, кого Антон Иванович спрятал под инициалами. Критик, разумеется, имеет право на такую точку зрения. Но я не отреагировал на критику, по-прежнему привожу только инициалы действующих лиц в воспоминаниях боевого русского генерала. Думаю, что на качество изложения биографии Деникина во втором ее издании моя недоработка особо пагубно не отразится. А усилия в архивных поисках я потратил на то, чтобы ввести в научный оборот новые данные.

23

Сражение у селения Ваграм (16 км. сев-вост. Вены, Австрия), в котором 5–6 июля 1809 г., во время австро-французской войны, французская армия Наполеона I (170 тысяч человек и 584 орудия) нанесла поражение австрийской армии эрцгерцога Карла (110 тысяч человек и 452 орудия), что вынудило Австрию заключить Шенбруннский мирный договор 1809 г.

24

Антон Иванович получил чин поручика в июле 1896 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171957. Л. 2.). Следовательно, в его воспоминания вкралась ошибка. — *Г. И.*

25

Если хочешь мира — готовься к войне…

ТВД — театр военных действий.

27

«По-моему, мама зря так ревновала папу, — закурив очередную сигарету, сказала мне Марина Антоновна в нашей беседе летом 2004 года. — Ведь у него были до мамы женщины. Все же на 20 лет старше… Но я выводы сделала и больше никогда папе не задавала вопросов, где был хотя бы какой-нибудь намек на чужих женщин…»

28

Будущим Верховным главнокомандующим Николай считался до самого объявления Первой мировой войны. Только 14 августа 1914 г. он распорядился назначить на этот пост великого князя Николая Николаевича.

29

Генерал-квартирмейстер — одна из высших штабных должностей, введенная в России в 1701 г. Ведал вопросами изучения местности, организацией расположения и передвижения войск, подготовкой карт, строительством укреплений и пр.

30

Дежурный генерал — штатное должностное лицо в органах военного управления стратегического и оперативно-тактического звеньев ряда государств. Основные обязанности: контроль за своевременным доведением и выполнением приказов и распоряжений высшего командования, сбор сведений о состоянии боеготовности войск (сил) и доклад их командованию; наблюдение за готовностью средств связи и др. В России данная должность введена в 1812 г. в Главном штабе и полевых штабах армий, с образованием военных округов (1862–1867) — в их штабах. В мирное время дежурный генерал выполнял административные функции.

Главковерх — верховный главнокомандующий.

Необходимо подчеркнуть, что военное духовенство было составной частью государственного аппарата: протопресвитерское звание приравнивалось к чину генерал-лейтенанта; главный священник, отправлявший службу в гвардии и Петербургском военном округе, состоял в чине, равном полковнику, а полковой священник по званию приравнивался к капитану. К началу XX в. Ведомство военного и морского духовенства состояло из 730 священников, 134 диаконов, 99 псаломщиков и обслуживало не только строевые части, но и учебные заведения и госпитали (См.: Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 589).

Командарм — командующий армией.

96 таких писем, аккуратно пронумерованных, начиная с 15 (по. ст. стилю) октября 1915 до конца августа 1917 г. (от есть до момента ареста генерала Деникина Временным правительством и заключения его в Бердичевскую тюрьму по обвинению в участии в мятеже генерала Корнилова) сохранились в семейных бумагах Ксении Васильевны. Впервые отрывки из писем генерала с разрешения его вдовы опубликовал Д. Лехович в своей книге о Деникине «Белые против красных». Многие письма ввела в научный оборот Марина Антоновна в книге «Мой отец генерал Деникин». Вся переписка сегодня хранится в ГАРФ (ее передала туда Марина Антоновна со многими документами отца в течение 1993–1994 гг.).

35

РГВИА. Ф. 2062. Оп. 3. Д. 2065. Л. 418.

36

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 3040. Л. 207, 233–234.

37

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1351. Л. 41.

38

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1280. Л. 84.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. *Он же.* Дело Корнилова М., 1918.

40

Лемке Михаил Константинович (1872–1923). Из дворян Новгородской губернии; сын разорившегося помещика, штабс-капитана в отставке. Получил образование в военном училище, сразу по производству в офицеры вышел в отставку. Автор множества работ по истории литературы, журналистики, цензуры, крупнейший знаток литературного наследия А. И. Герцена. В Первую мировую войну 250 дней служил в могилевской императорской ставке в качестве военного цензора, призванного наладить сотрудничество ставки с прессой. Получив доступ к секретным документам, М. К. Лемке неустанно копировал их «для истории», осознавая степень риска и тяжесть «грозившей мне кары» *(Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920. С. XV). Незадолго до смерти вступил в ВКП(б)… Активно сотрудничал с Советской властью. Входил в группу «красных профессоров», признавших «революционный марксизм» методологической базой науки. В сентябре 1922 г. вступил в РКП(б).

41

Алексеев Николай Михайлович (1891–1960), единственный сын генерала М. В. Алексеева. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана, затем в эскадроне своего полка. В ноябре 1919 г. ротмистр, командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. 14–15 августа и с 8 сентября 1920 г. исполнял обязанности командира гвардейского Кавалерийского полка. Полковник. В эмиграции в Югославии окончил курсы Генерального штаба, затем преподавал на них. Умер в Буэнос-Айресе.

Главкосев — главнокомандующий армиями Северного фронта; *главкозап* — главнокомандующий армиями Западного фронта.

43

«*Декларация прав солдата*» была утверждена А. Ф. Керенским 9 мая 1917 г. Все 18 пунктов ее были направлены на дальнейшую демократизацию армии. Небезынтересно отметить: Деникин посвящает целую главу (XXII) «Очерков русской смуты» истории создания «Декларации прав солдата». Вывод, который делает мемуарист от себя лично и от других начальников его ранга, однозначен: декларация — последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии. Первым гвоздем, по всей вероятности, А. И. Деникин считал Приказ № 1 Петросовета. Через полтора месяца эту же декларацию обсуждали на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП (б), состоявшейся в Петрограде 16–23 июня 1917 г. Конференция пришла к выводу, что на деле декларация закрепляет бесправное положение солдат. В частности, п. 3. декларации разрешает солдату пользоваться правами только во внеслужебное время, п. 14. — предоставляет начальникам право применять оружие, п. 18. — отрицает выбор командиров. В связи с этим декларация была отвергнута конференцией, как «противоречащая основным принципам демократизации армии» (*Муратов Х. И.* Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1958. С. 37). Данные взаимоисключающие точки зрения показывают наглядно острую борьбу за армию в 1917 г.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 233. Л. 125.

РГВИА. Л. 126.

РГВИА. Л. 167.

47

Наштаверх — начальник штаба ставки верховного главнокомандующего.

Полагаю, что данная тема относительно объективно освещена в неординарной работе крупного питерского ученого В. И. Старцева (см.: *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001).

49

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 18.

50

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.

51

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 20.

52

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 19.

53

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 20.

54

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.

55

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 22.

56

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 247, 266.

Один из архивных вариантов. — *Прим. авт.*

58

Офицерское звание в казацких войсках царской России, аналогичное пехотному подпоручику.

59

Главкоюз — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

60

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 1780. Л. 60.

61

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 155. Л. 182–184.

62

ГАРФ. Ф. 1780. On. 1. Д. 94. Л. 3. Письмо неизвестного лица генералу Л. Г. Корнилову было отправлено из г. Казани 30 августа 1917 г. На конверте указан адресат: «В Петроград. Генералу Корнилову. Если его там нет, то по месту нахождения, в Действующую армию». Письмо получено в Петрограде 4 сентября.

63

Небезынтересно, что в «Международной энциклопедии социальных наук» гражданские войны разделяются на: 1) стихийные и 2) планируемые. Причем вторые кратко характеризуются как «патология в политике» *(Zawodny J. K.* Civil war // The International encyclopedia of the social science. N. Y. 1968. Vol. 7. P. 499.).

Родина. 1996. № 10. С. 64–65. Правда, последнее решение главкома не было подтверждено письменными документами.

65

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 16а. Л. 10.

Чуть позднее в русской армии ее главком — генерал Врангель ввел орден Николая Чудотворца. На ордене имелась надпись: «Верой спасется Россия» (см.: О николаевских адмиральских флагах и вымпелах // Московский журнал. 1994. № 8. С. 45; Символика Белого движения. Из истории российских наград // Советский музей. 1991. № 5. С. 74–75).

67

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

68

Гуль Роман Борисович (1896–1986). Из дворян Пензенской губ. Окончил 1-ю Пензенскую мужскую гимназию, студент Московского университета, командир роты, затем адъютант 417-го пехотного Кинбурнского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Осенью 1918 г. во 2-м подотделе 2-го отдела дружины генерала Кирпичева в Киеве. В эмиграции в Германии, с 1933 г. во Франции, с 1950 г. в США. Журналист и писатель, 1959–1986 гг. редактор «Нового журнала» (Нью-Йорк).

69

Беляев И. Т. Прошлое русского изгнанника. Воспоминания. Ч. 1–8 // ОР РГБ. Ф. 587. Картон 30. С. 201.

Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 129. При этом необходимо подчеркнуть, что позднее А. И. Деникину это поставили в вину, посчитав его решение ошибкой, возведя ее в ранг одной из существенных причин поражения на фронте, так как учащихся в армии было много.

Dictionary of the Russian Revolution. N. Y. 1989. P. 190.

Ханигсон Я. С., Нойман А. Я. Евреи Украины: критический очерк истории. Ч. I. Киев, 1992. С. 128.

73

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 122. Л. 369.

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Там же. Д. 69. Л. 36.

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Там же. Д. 69. Л. 24.

ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.

77

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 45. Л. 207, 260.

78

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939). Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), Академию Генерального штаба (1897). Генерал-лейтенант. Начальник штаба верховного главнокомандующего. Участник выступления генерала Л. Г. Корнилова в 1917 г., «быховец». В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого войска Донского. С февраля 1918 г. в командировке Царицын — Харьков — Севастополь — Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. заместитель председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник военного управления. С 12 октября 1919 г. до февраля 1920 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. В марте выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель русской армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции в Белграде, США, во Франции помощник великого князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС.

Романовский Иван Павлович (1877–1920). Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), Академию Генерального штаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба армии, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919— 24 марта 1920 гг. начальник штаба главкома ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марте эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

Трухачев Сергей Михайлович (1879 —?). Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899), Академию Генерального штаба (1906). Генерал-майор, и. д. инспектора отдела управления дежурного генерала при ставке верховного главнокомандующего. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с января 1918 г. командир штабной роты штаба армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с

марта 1918 г. начальник строевого отдела штаба армии, с июля 1918 г. дежурный генерал штаба Добровольческой армии, с января 1919 г. дежурный генерал штаба главкома ВСЮР. С ноября 1920 г. в эмиграции в Болгарии.

Эльснер Евгений Феликсович (1870–1930). Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1898), Академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Л. Г. Корнилова, «быховец». Участник боев в Киеве в октябре 1917 г., с декабря 1917 г. в Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник снабжения армии. Участник 1 — го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза, с лета 1918 по март 1919 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого войска Донского, в начале 1920 г. выехал в Югославию. 23 ноября 1921 г. — 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса. Умер в Югославии.

80

Гришин Алексей Николаевич (Гришин-Алмазов) (1880–1919). Родился в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М. В. Алексеева организовывал подпольную работу в Сибири. 27 мая сверг советскую власть в Новониколаевске. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 нюня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1919 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы (до 15 января 1919 г.) и командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врио командующего войсками Юго-Западного края. Генерал-майор. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу А. В. Колчаку. Застрелился под угрозой красного плена 22 апреля 1919 г. в Каспийском море.

81

ГАРФ. Ф 5827. Оп. 1. Д. 92. Л. 16–17.

Ростовская речь. 1918. 3 янв., 6 янв.

83

Марина Антоновна, скорее всего, ошиблась. В научно-справочной литературе не значится, что А. П. Кутепов командовал Преображенским полком. К такой должности непременно предполагалось генеральское звание и придворный чин.

84

РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 2а. Л. 3.

85

ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.

86

Неженцев Митрофан Осипович (1886–1918). Сын коллежского асессора. Окончил Николаевскую гимназию, Александровское военное училище (1908), Академию Генерального штаба (1914). Подполковник, командир 1-го ударного (Корниловского) полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во главе Корниловского полка. Полковник. Убит при штурме Екатеринодара.

87

Филимонов Александр Петрович (1866–1948). Уроженец ст. Григорополисской Кубанской обл. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище, военно-юридическую академию, Московский историко-археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 г. председатель Кубанского правительства, с 12 октября 1917 г. атаман Кубанского казачьего войска (до 10 ноября 1919 г.). Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. Умер в Югославии.

88

ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–48.

89

Об этом мне сообщила в частном письме Марина Антоновна Деникина. — Прим. авт.

90

Бариевич Владимир Петрович (?—1922). Из потомственных почетных граждан. Окончил Академию Генерального штаба. Подполковник, в Добровольческой армии с 19 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела формирований штаба армии; в декабре 1919 г. полковник, начальник штаба 4-й конной дивизии Донской армии; в русской армии до эвакуации Крыма. В эмиграции входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. Убит в 1922 г.

91

Лисовой Яков Маркович (1882–1965). Из дворян. Генштаба полковник. В Добровольческой армии: в январе 1918 г. представитель армии при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С мая 1918 г. начальник военно-политического отдела при генерале М. В. Алексееве. В ноябре 1919 г. начальник политического отдела штаба армии. Эвакуирован весной 1920 г. из Новороссийска. В эмиграции в 1926–1928 гг. редактор журнала «Белый архив», Умер в Чикаго.

92

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

93

Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) был нелегально создан эсерами в Самаре весной 1918 г. и 8 июня, после занятия города частями мятежного чехословацкого корпуса, объявил себя «временной властью» впредь до созыва Учредительного собрания. К концу лета законодательная и исполнительная власть Комуча распространялась на Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губерний. В конце сентября, после создания в Уфе Временного Всероссийского правительства, переименовался в Съезд членов Учредительного собрания, в декабре был упразднен. В сентябре в его состав входил Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) — один из организаторов, теоретик и член ЦК партии эсеров.

94

Казанович Борис Ильич (1871–1943). Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), Академию Генерального штаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае — июне 1918 г. командирован в Москву в Национальный центр. Участник 2-го Кубанского похода. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919 г. до начала 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов русской армии, в августе 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчеве (Югославия).

95

Тимановский Николай Степанович (1889–1919). Полковник, командир Георгиевского батальона ставки главковерха. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января начальник Отдельной бригады Добровольческой армии в Одессе (с 27 января — 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

Сорокин Иван Лукич (1884–1918). Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной Армией Северного Кавказа, но находился в напряженном отношении с политическим руководством возникших там «советских республик». 30 октября 1918 г. был арестован в Ставрополе и на следующий день в тюрьме расстрелян.

97

ГАРФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

99

РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

100

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 42. Л. 75.

101

РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 67. Л. 11.

Подчеркнем, что со второй половины 1918 г. дезертирство в Красной Армии прогрессировало. В некоторых местностях насчитывалось до 100000 дезертиров (*Оликов С.* Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 26–27).

103

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1886–1947) — деятель Белого движения. Из дворян, сын полковника, казак станицы Пашковской Кубанской области. Закончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской отдельной партизанской бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса. 29 января — март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в СССР англичанами в 1945 г. и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

104

ГАРФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

105

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 64. Л. 6–7.

106

Paquet A. Im Kommunisticshen Russland. Briefe aus Moskau. Jens, 1919. S. 54; Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. 1918. Wien und München, 1966. S. 238.

107

РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

Впоследствии, в феврале 1919 года ОСВАГ был переименован в Отдел пропаганды Особого совещания. Однако термин ОСВАГ имел весьма широкое употребление, вплоть до ликвидации отдела в марте 1920 г. При Врангеле основные функции бывшего ОСВАГ осуществлял Отдел печати правительства юга России.

109

Кубанский национальный флаг в 1918–1920 гг. был разделен на три продольные полосы: узкую синюю (иногородние), двойную широкую малиновую (казаки), узкую зеленую (горцы).

110

РГВА. Ф. 40307. «Varia». On. 1. Д. 22. Л. 1–5 на обеих сторонах листа.

111

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932). Окончил Орловскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1876), Академию Генерального штаба (1884). Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Румынского фронта. С апреля 1918 г. представитель Добровольческой армии, с 1919 г. — адмирала А. В. Колчака в Париже. Умер в Ницце.

112

Во многих документах Белого движения фигурирует также название «Вооруженные Силы на Юге России».

113

Ганчар Г. М. Кто такой барон Врангель. Учебное пособие. Вольск, 1997.

114

Презрительное название Советской России, употреблявшееся как в официальных документах Белого движения, так и в повседневном обиходе.

115

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 40. Л. 217.

116

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 79. Л. 65.

117

В личной беседе со мной в июле 2004 года Марина Антоновна высказала другую версию протеста Ксении Васильевны против имени Мария: «Наверное, у мамы появилась снова чувство ревности (а она была очень ревнивой) к той далекой Марии с русско-японской войны, что запечатлена на фотографии рядом с папой. Помните, я писала в своей книге о том, как задала неудачный вопрос папе о том, что это за дама на фотографии рядом с ним…» — *Прим. авт.*

118

К 1 декабря 1919 г. в военно-лечебных заведениях ВСЮР состояло 42723 больных и раненых.

119

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

120

ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 86–92.

121

ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 1–5, 8-15, 19–24, 35–37; Оп. 2. Д. 1–8, 10, 12–19, 20–29, 44, 55–77, 93, 103, 115.

122

Проект закона хранится в ГАРФ (Ф. 5827. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–2). — *Прим. авт.*

123

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.

124

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 121. Л. 122.

125

РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1304. Л. 40.

126

ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 86. Л. 328.

127

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 7. Л. 101.

128

РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 695. Л. 263.

129

ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 87. Л. 242.

Там же. Ф. 446. Оп. 2. Д. 21. Л. 208.

131

РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 812. Л. 56; Ф. 40309. Оп. 1. Д. 163. Л. 20–24.

132

РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 12. Л. 353.

133

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 3. Л. 39.

134

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 3. Л. 65.

135

ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 58. Л. 125.

Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. Кн. 2. С. 226.

137

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 90.

138

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 7503. Л. 11.

139

Так иногда называли период нахождения частей П. Н. Врангеля в лагерях (см., например: *Федоров Г.* Путешествие без сантиметров (Крым, Галлиполи, Стамбул). Воспоминания беженцев. М.: Л., 1926; Русские в Галлиполи. Сб. статей. Берлин, 1923; *Лученков И. И.* За чужие грехи (казаки в эмиграции) М.: Л., 1925. и др.).

140

Терещук А. В., Александров К. М. О малоизвестных страницах истории Русского зарубежья. Отклик на статью Г. М. Ипполитова «Исторический феномен белой эмиграции». Клио. 2000. № 2 (11)// Журнал для ученых. СПб., 2001. № 2(14). С. 261–267.

141

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 509. Л. 11, 17.

142

РГВА. Ф. 39987. Оп. 2. Д. 682. Л. 57–59.

143

Так «самокритично» охарактеризовала себя Марина Антоновна в своих воспоминаниях (см.: *Грей М.* Мой отец генерал Деникин. М., 2003. С. 247).

144

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–5.

145

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 503. Л. 16.

146

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 261. Л. 10–27.

147

ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–5.

148

ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 375.

149

РГВА. Ф. 39987. Оп. 3. Д. 964. Л. 408–409.

150

Небезынтересно, что один из крупнейших советских разведчиков Второй мировой войны Леопольд Треппер в своей книге «Большая игра» (М., 1990) утверждает, что именно Скоблин подсказал гитлеровским спецслужбам идею о компрометации Тухачевского.

151

Ипполитов Г. М. Антон Иванович Деникин: в поисках исторической правды // Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 1999. № 2.

152

Деникин А. И. — Г. Трумэну. Сделайте ставку на антикоммунистов!//Военно-исторический журнал. 1998. № 4. С. 92–96. Этот документ представляет собой полный текст письма А. И. Деникина президенту США Г. Трумэну. Документ переведен на русский язык специально для «Военно-исторического журнала» постоянным его автором сотрудником Института США и Канады канд. ист. наук В. И. Батюком с разрешения Национального архива США, где письмо хранится в фонде адмирала У. Д. Лихи, который являлся начальником штаба верховного главнокомандующего армией и флотом США в 1942–1949 гг. (см.: Военно-исторический журнал. 1998. № 4. С. 92–93.). Как показывает компаративный анализ, частично данный источник использовал в своем труде биограф А. И. Деникина Д. Лехович (см. *Лехович Д.* Указ. соч. С. 345–347). Примечательно, что А. И. Деникин подписал свой меморандум не как частное лицо, а как генерал, главнокомандующий русской армией (1917–1920) (см.: Военно-исторический журнал. 1998. № 4. С. 93.).

153

В личном письме Марина Антоновна сообщила мне, что она хоронила не сыновей, а дочерей. — *Прим. авт.*

Так проходит земная слава *(лат.)*.

155

Марина Антоновна ознакомила меня в данной связи с официальной перепиской с правительственными учреждениями РФ. — *Прим. авт.*

156

Марина Антоновна ознакомила меня с некоторыми документами, связанными с так называемыми родственниками генерала Деникина, но письменно запретила их вводить в оборот, посчитав, что у нее нет достаточной доказательной базы. Следовательно, не исключены судебные разбирательства. — *Прим. авт.*

157

Пиаф Эдит (наст, имя Эдит Джованна Гассион) (1915–1963), знаменитая французская певица (шансонье).

158

Филип Жерар (1922–1959), знаменитый французский актер театра и кино.

159

Саган Фрасуаза (1935), знаменитая французская писательница.

160

Шагал Марк (1887–1985), знаменитый французский живописец. Выходец из России. Ирреальные произведения, часто на фольклорные и библейские темы.

161

Пикассо Пабло (1881–1973), знаменитый французский живописец, по происхождению испанец. Основоположник кубизма, работал также в стиле классицизма.

162

Дали Сальвадор (1904–1989), испанский живописец, крупнейший представитель сюрреализма.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 202.

164

Составлена по: РГВИА. Ф. 409. Д. 171957. Послужной список старшего адъютанта штаба 2-й пехотной дивизии Генерального штаба капитана Деникина 1903 г. № 140000; РГВИА. Ф. 409. Д. 185203. Послужной список генерал-квартирмейстера 8-й штаба армии генерал-майора Деникина. 1915 г. № 249–508; Список генералов по старшинству. Пг., 1916. С. 57; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. М., 1991. С. 6, 33; 67–85; 164, 206. Даты приводятся по старому стилю. — *Г. И.*

165

В некоторых местах справки составитель придерживался канцелярского стиля послужных списков офицеров армии царской России. — *Прим. авт.*

ВОСО — служба военных сообщений. Название осталось и в Вооруженных Силах РФ. — *Г. И.*

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. С. 202.

168

Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 г.: Сб. документов. М., 1968. С. 20–21.

169

Жилин П. А. Последнее наступление (июнь 1917). М., 1983. С. 29.

170

Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 г. М., 1968. С. 26–27.

171

Столыпин А. А. Записки драгунского офицера. 1917–1920 // Русское прошлое. Кн. 3. 1992. С. 12–13.

172

В русской армии существовал порядок, согласно которому если офицер, назначенный на должность, имел чин, соответствующий штатному расписанию (например, командир полка — полковник), то он считался командиром. Если офицер, назначенный на должность, имел звание ниже предусмотренного штатным расписанием, то он считался командующим. — *Прим. авт.*

173

Заимствовано из: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., С. 13–14.

174

РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8280. Л. 18–18 об.

175

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.

176

ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 об. Письмо было отправлено из г. Казани 30 августа 1917 г. На конверте указан адресат: «В Петроград. Генералу Корнилову. Если его там нет, то по месту нахождения, в Действующую армию». Письмо получено в Петрограде 4 сентября.

177

Составлена по: Первые начавшие. Нью-Йорк, 1958. С. 44; Ледяной поход. 1918–1953. Сборник. Нью-Йорк, 1953. С. 5–6; *Kenez P.* Op. cit. P. 100. Опубликовано; *Ипполитов Г. М., Казаков В. Г., Рыбников В. В.* Белые волонтеры. С. 268–269.

178

Составлено по: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. II. С. 274–276.

179

Составлено по: РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13.

180

Дата указана по ст. стилю. Схема перечерчена без изменений со схемы, выполненной карандашом лично А. И. Деникиным (ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 56. Л. 1).

181

Собрание Узаконений. Отдел первый. Особый выпуск. 1919. № 10. С. 10–13.

182

Составлено по: Положение об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии. (Утверждено генералом от инфантерии Алексеевым 18 августа (по ст. стилю) 1918 г.)//Архив русской революции. Т. 4. С. 242–244.

183

Составлено по: Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых Особым совещанием при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России 1919 г. Отдел первый. Екатеринодар. Отдел законов. Особый выпуск. 1919. С. 47–48.

Составлено по: ГАРФ. Ф. 5827. Д. 315. Л. 1—22.

185

Составлено по: Положение об Особом совещании при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. (Утверждено генерал-лейтенантом А. И. Деникиным 2 февраля (по ст. стилю) 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых Особым совещанием при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России 1919 г. Отдел первый. Екатеринодар. Отдел законов. 1919. № 6, апрель. С. 1–2.

186

Составлено по: Архив русской революции. Т. V. С. 249–251.

187

Суммарный подсчет по: ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; оп. 3, д. 8, л. 36, 43, д. 22, л. 161; д. 23, л. 10; д. 25, л. 11; д. 87, л. 78, оп. 4, д. 62, л. 151; РГВА. Ф. 109. Д. 812. Л. 109, 156.

188

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

189

Составлена по: ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

Литературный псевдоним А. И. Деникина. — *Прим. авт.*